

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (32)

Апрель—Май—Июнь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК
2011

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, член-корр. РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаиров*, д.п.н. *О. В. Гневэк*,
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков*, д.п.н. *З. М. Уметбаев*, д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*,
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board:

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

Древний Рим

© 2011

Р. М. Фролов

ВИДЫ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ РИМСКИХ НАРОДНЫХ СХОДОК (CONTIONES) В ЭПОХУ РЕСПУБЛИКИ*

В статье предлагается типологизация римских *contiones* (народных сходов). Автор выделяет по составу участников — воинские и гражданские конции, по статусу организаторов — официальные и несанкционированные, по характеру связи гражданских *contiones* с комициями — предкомициальные и самостоятельные, по характеру вопросов, обсуждаемых на предкомициальных конциях, — легислативные, электоральные и судебные. Отмечаются функции, которые выполнял институт народных сходов, приводятся примеры реализации этих функций каждым из видов *contiones*.

Ключевые слова: Римская республика, публично-правовая система, народные собрания, *contiones*, типологизация.

Римские народные сходы (чаще всего обозначавшиеся термином *contio*) представляли собой политические собрания¹, где не проводилось голосования, и где перед собравшимися выступал с речью оратор (Gell. N.A. XVIII. 7)². Одной из важнейших особенностей этих собраний являлось большое разнообразие задач, которые они решали. Сходы отличались и по составу аудитории, и по тому, как были связаны с другими политическими институтами римской *civitas*. Наконец, нужно отметить, что значительное число известных случаев проведения *contiones* затрудняет их изучение. Даже по подсчетам Ф. Пина Поло, не учитывающего не только не санкционированные магистратами собрания (в том числе непосредственно обозначенные как *contiones*), но и целый ряд бесспорных случаев официальных конций, в источниках зафиксировано 640 случаев народных сходов в эпоху Республики³.

Указанные особенности *contiones* обуславливают необходимость их типологизации, с тем чтобы в дальнейшем можно было более подробно рассмотреть

Фролов Роман Михайлович — аспирант кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. E-mail: FrolovRM@yandex.ru

* Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы (ЗН-1009), а также РФФИ, грант № 10-06-00140-а.

¹ Т. е. затрагивавшие проблемы, считавшиеся значимыми для всей *civitas*.

² Подробнее о содержании термина *contio* см.: Фролов 2011б.

³ Pina Polo 1989, 244–361.

каждый вид народной сходки, определить то, что объединяет выделенные группы *contiones*, и что отличает их друг от друга. Это позволит более последовательно и системно исследовать каждый из многочисленных случаев проведения этих собраний. Наконец, станет возможным проследить основные изменения, тенденции развития института, путем сопоставления, например, динамики соотношения числа различных видов *contiones*.

В историографии серьезную попытку типологизации всего многообразия *contiones* предпринял пока только Ф. Пина Поло, — в его основной монографии этой проблеме уделяется много внимания⁴. Другие исследователи, изучавшие конции, не задавались подобной целью, вследствие чего в их трудах можно найти только самые общие, отрывочные упоминания различных видов изучаемых собраний, не составляющие единой системы. Например, Т. Моммзен подчеркивал возможность не только подготовительных (к выборам и т.п.), но и не ведущих к комициям конций⁵. Дж. У. Ботсфорд отмечал гражданские, самостоятельные (*isolated*) и подготовительные к комициям *contiones*⁶. Л. Р. Тейлор писала о сходках подготовительных (вообще предкомициальных, перед выборами, перед принятием законов) и финальных (непосредственно перед голосованием)⁷. К. Лёвенштайн упоминает конции для обсуждения законопроектов, для целей избирательной компании и перед голосованием по судебному делу⁸. Г. Моритсен выделяет сходки «чисто информационные», легислативные и не предшествовавшие комициям⁹. Р. Морстейн-Маркс говорит о конциях городских и непосредственно предшествовавших голосованию закона или народному суду¹⁰. К.-Й. Хёлькескамп не называет виды, но приводит примеры существенно различающихся между собой сходок¹¹. Перечисление можно продолжить, но уже очевидна потребность упорядочить и дополнить имеющиеся в историографии предложения по типологизации *contiones*.

Скорее всего, невозможно создать такую картину видов конций, где любой конкретный случай проведения *contio* мог бы быть однозначно отнесен лишь к одному выделенному виду сходок (т.е. провести классификацию). Однако возможно осуществить их типологизацию. Дело в том, что сходки, конечно, регулировались обычаями и традициями, но они не были регламентированы во всех деталях. Хотя *contiones* и отличались друг от друга во многих отношениях, эти отличия формально не фиксировались. Часто сложно судить, где кончается одно собрание и начинается другое, не всегда ясно, кто созвал собрание и даже какой вопрос обсуждался. Известно, что не всегда были четко разграничены функции различных видов даже таких собраний, как комиции, представлявших собой, в отличие от конций, официальное собрание римского народа (или собрания плебса), выносившее решение, которое имело силу закона. Наконец, схематизация, в том

⁴ Pina Polo 1989, 92–170; 206–218; 223–228. В целом типологизация Ф. Пина Поло кажется нам удачной, но есть и некоторые расхождения (см. ниже).

⁵ Mommsen 1887, 191–202.

⁶ Botsford 1909, 141, 143.

⁷ Taylor 1966, 2, 7, 15 ff.

⁸ Loewenstein 1973, 114. Сходным образом, например: Vanderbroeck 1987, 18; 144.

⁹ Mouritsen 2001, 38.

¹⁰ Morstein-Marx 2004, 34; 39.

¹¹ Hölkeskamp 2004, 235 f.

числе, и выделение видов, анализ того или иного политического института, всегда будет носить условный характер. Поэтому любая типологизация contiones, тем более когда активное исследование этих собраний только началось, несомненно, в дальнейшем может быть пересмотрена.

Представим типологизацию римских народных сходов в виде схемы (рис. 1), где к элементам низшего порядка (на схеме без заливки) отнесем ряд характерных для них функций и примеры их реализации. В основу типологизации положим несколько критериев, различающихся от уровня к уровню.

По критерию наличия или отсутствия официального голосования выделяются собрания электорально-законодательные и судебные (comitia, concilium plebis) и, условно говоря, «совещательные» (contiones). Все эти собрания в совокупности составляют аналитическую категорию «народные собрания». У римлян существовали специальные обозначения различных видов собраний¹², но единого термина для всех народных собраний не было. Цицерон (Flacc. 15–16) подчеркивает преимущество устройства римских собраний (по сравнению с греческими), когда на самой сходке (contio) голосования не проводится, — для этого по прошествии определенного времени, необходимого для промюльгации и ознакомления с вопросом, организовывается отдельное собрание. Достаточно четко указываются основные отличия contio и comitia и, при этом, проводятся параллели между ними Авлом Геллием (N.A. XIII. 16. 3; XVIII. 7. 5–8), что позволяет нам объединить contiones и comitia в рамках категории «народные собрания». Основное различие этих видов собраний заключается, как мы отметили, в невозможности проведения голосования на сходке, в отличие от комиций. Однако на каком-то этапе развития римской гражданской общины конции и комиции могли еще не разделяться между собой¹³. Не ясно до конца, имело ли место голосование на одном из древнейших видов комиций — comitia calata, которые созывались, например, для утверждения завещаний в присутствии народа¹⁴. Авл Геллий (N.A. XV. 27. 3) свидетельствует о том, что такие калатные комиции проходили в contiones (calatis comitiis in populi contione), т. е. термин contio здесь — шире, а comitia calata является его уточнением. Следы первоначального единства комиций и конций можно усмотреть не только в информации о дореспубликанском периоде¹⁵, но даже и о более позднем времени¹⁶. Только в период Республики, постепенно, такое

¹² Comitia centuriata, contio, coetus, conventus и т.д.

¹³ Дж. У. Ботсфорд (Botsford 1909, 126; 139–140) демонстрирует этот факт на примере пассажа из сочинения Макробия (Sat. I. 16. 29), который, цитируя авгура Луция Юлия Цезаря, свидетельствует о том, что contio не могла быть созвана в рыночные дни, поэтому comitia (употреблено теперь вместо contio) и не могли проводиться в рыночные дни (ср.: Cic. Att. IV. 3. 4). Американский антиковед объяснял пассаж тем, что Луций Юлий Цезарь принадлежал к жречеству, в «профессиональном» языке которого contiones все еще могли пониматься как «включавшие» в себя и комиции. Необходимо говорить, — полагал Дж. У. Ботсфорд, — о двух разных значениях термина contio: о «формальных комициях с голосованием» (более раннее значение) и «неформальных» сходках (значение более позднее).

¹⁴ Botsford 1909, 157–160.

¹⁵ Например, в рассказе Ливия (I. 6. 1–2) еще Нумитор созывал сходку (concilio, contionem), которая не только выслушала его речь, но и единодушным откликом закрепила за ним «имя и власть царя».

¹⁶ Нередки случаи, когда сходка прерывалась переходом к голосованию, а затем продолжалась вновь (Dionys. IV. 76. 3 — 85. 1; Liv. III. 64. 6–8; 9–11; V. 18. 2–5; XXVII. 6. 2–11).

разделение стало более отчетливым. Отделение обсуждения от голосования необходимо признать одной из важнейших особенностей (реализовывавшейся и на практике) римской системы народных собраний.

Дальнейший уровень нашей реконструкции предполагает выделение видов сходки, в первую очередь, по статусу рядовых участников собрания: воины, присягнувшие носителю империя, или граждане, не находившиеся в составе действующего войска. *Contio* воинская (*militaris*) и гражданская (*civilis*) существенно отличаются друг от друга и кругом наиболее часто рассматриваемых вопросов. Так, по данным Ливия, из трех сотен гражданских сходов порядка 70 (23 %) обсуждали законопроекты, столько же имели характер политических митингов, 38 (13 %) — судебных разбирательств. Из воинских же сходов (95) большая часть касались совсем других вопросов, — использовались полководцами для обращения к воинам с целью повысить их боевой дух (33; 35 %) или, например, для награждения и восхваления отличившихся в сражении (16; 17 %). Как видно, гражданские и воинские конции решали по большей части совершенно различные задачи. Тем не менее, для примерно десятка воинских сходов (из числа упомянутых Ливием) характерна, например, потестарная функция, т. е. они оказывали воздействие и на дела управления, подобно гражданским конциям.

В римском государственном праве на уровне законодательных норм и процедурных обычаев было закреплено четкое разделение сфер *domi* и *militiae*. Например, комиции было запрещено проводить вне города Рима (кроме как на Марсовом поле). Как отмечает В. Н. Токмаков, единственный случай проведения трибунного собрания в 357 г. до н.э. в лагере под Сутрием (Liv. VII. 16. 7–8) привел к принятию *lex sacrata* о запрете подобных действий на основании того, что «воины, присягнувшие консулу, могут проголосовать за что угодно, даже и гибельное для народа»¹⁷. Конции же, поскольку на них не проводилось голосования, а значит, не было и опасности оказания давления на решение голосующих граждан, могли проводиться вдалеке от Рима¹⁸. Но можно ли считать все сходы, проводившиеся в Риме, гражданскими? Воинские собрания, хотя редко и в кризисных ситуациях, могли иметь место в самом городе (на Капитолии во время вторжения галлов в 390 г. до н.э.: Liv. V. 47. 7). Хотя границы померия (или ближайших окрестностей города), как видно, не всегда могут служить «разделительной чертой» между гражданскими и воинскими сходами, фактор места или условий проведения остается одним из важнейших при определении этих видов сходов: воинская, например, почти всегда проходила в военном лагере, а иногда даже непосредственно перед битвой¹⁹.

¹⁷ Токмаков 1994, 137–138.

¹⁸ Всегда необходимо учитывать то, что отсутствие юридических последствий и обязательной силы решений, принятых на сходке (если даже иногда возникает впечатление принятия народной сходкой какого-то решения) максимально ослабляет возможные ограничения при организации и проведении собрания.

¹⁹ И все же переоценивать степень отличий воинского и гражданского собрания по этому признаку не следует. Например, из 95 воинских сходов, информацию о которых можно найти в труде Ливия, 78 (порядка 80 %) имели место в лагере, условия которого не настолько сильно отличались от условий города, как может показаться на первый взгляд. Так, пространство перед палаткой полководца можно рассматривать как близкий аналог городского форума, а трибунал, с которого обращались к войску, — роstr. Подробнее об условиях, в которых могла проводиться *contio civilis*, см., например: Фролов 2008. Об организации *contio militaris* см.: Махлаюк 1997; 2006; 2011.

Все же наиболее четко воинские и гражданские конции можно отличить по составу участников. Воин имел особый, как его называет В. Н. Токмаков, «негражданский» статус²⁰. Конечно, имеются случаи, когда трудно определить характер сходки, поскольку в ней участвовали и воины, и те, кто явно не был включен в состав действующего войска (Liv. III. 50. 4–11; 52. 1–2; возможно тж.: XXXIX. 5. 17; ср.: XXIV. 27. 1–3), но такие эпизоды представляют собой редкие исключения.

Различия между воинскими и гражданскими contiones не были зафиксированы юридически, а все запреты вытекали не из формальных ограничений самих конций, а из формальных ограничений, вытекающих из специфики других институтов²¹. Несмотря на отсутствие конституционно закрепленных отличий между воинскими и гражданскими сходками как таковыми, в большинстве случаев они легко различаются по фактическому составу аудитории²², по характеру обсуждаемых вопросов, по месту проведения. Разница в составе участников во многом определяла и особенности порядка проведения собраний²³.

Основная линия дальнейшей типологизации определяется характером организации и воинской, и гражданской сходки: «несанкционированная» и «официальная». Критерием является участие или неучастие в созыве и проведении contio носителя публичной власти. (Вопрос о возможности рассмотрения в некоторых случаях не санкционированных магистратами собраний как вида конций требует отдельного внимания²⁴.) Обратимся к дальнейшей типологизации воинских собраний. Для воинской официальной сходки необходимо было наличие полководца, облеченного potestas contionandi, созывавшего собрание, организовывавшего его и председательствовавшего на нем (Tac. Ann. I. 34)²⁵. Возможно и далее выделять различные виды официальной воинской contio, как это делает Ф. Пина Поло. Он отмечает следующие типы сходок: для восхваления и награждения отличившихся воинов (laudationes; dona militaria); для порицаний и наказаний воинов; сходки при открытии и закрытии военной кампании или при объединении войск; конции для информирования и доведения приказов до войска или политические; собрания перед сражением²⁶. На наш взгляд, такая типологизация не очень удачна:

²⁰ Токмаков 1994, 137–138.

²¹ Прежде всего, из отличий статусов воина и не принесшего присягу гражданина. Также, например, невозможность для проконсула проводить сходки в Риме вытекала, на наш взгляд, не из того, что он не имел права созывать «гражданские сходки» (такого в источниках мы не находим), а из того, что промагистрат при пересечении померия автоматически терял свои полномочия (Дементьева 2004, 119), следовательно, не мог выступать перед сходкой именно в качестве промагистрата.

²² Источники иногда прямо противопоставляют эти собрания, исходя из разницы в составе участников, см., например: Liv. III. 50. 4–11: *inmixti turbae militum togati*; V. 2. 2–7. 1: *apud milites agant*. Еще в одном пассаже Ливия (XLV. 36. 1–39. 20) противопоставляется contio, состоявшее *unam militum Macedonicorum*, и сходка, представлявшая *universi populi Romani*, когда оратор выступал *apud contionem togatam*. Отличались интересы участников этих собраний, нужно было по-разному их убеждать.

²³ См.: Махлаюк 2011.

²⁴ См. об этом: Дементьева, Фролов 2009. Ф. Пина Поло не рассматривает несанкционированные сходки как contiones, поэтому они не включены им и в типологизацию.

²⁵ Это весьма показательный, хотя и относящийся к эпохе Империи пример. Тем не менее, организационные формы contio militaris Республики в более позднее время практически не изменились: Махлаюк 1997, 132.

²⁶ Pina Polo 1989, 206–218.

здесь просто перечисляются и группируются все возможные конкретные задачи, которые выполняли собрания. В результате Ф. Пина Поло вынужден весьма часто отмечать ту или иную сходку как относящуюся сразу к нескольким видам на этом уровне типологизации (Liv. VII. 7. 3; XXIV. 14. 5–11; XXVI. 43. 2–9; Caes. B.C. I. 76 и др. примеры). Между тем, желательна типологизация, при которой число таких случаев минимизируется (хотя их и невозможно полностью избежать). Исследователь также вынужден иногда вводить дополнительные виды этих собраний, не отмечаемые первоначально (например, сходки для высказывания воинами «протестов»: Liv. VII. 12. 12 — 13. 11). Представляется более эффективным для дальнейшего исследования не выделять далее виды воинских официальных собраний по выполняемым задачам, а сразу отметить, как это делает А. В. Махлаюк²⁷, сами функции, которые могло выполнять любое такое собрание. Отметим вначале, какие в целом функции конций мы выделяем²⁸ и что понимаем под каждой из них. Для удобства их можно объединить, например, в три большие группы (табл. 1).

Таблица 1

ФУНКЦИИ CONTIONES В ЦЕЛОМ

Сходка выступает как	Функция	Пояснение функции
средство обмена информацией	информационная	когда оратор информирует аудиторию
	коммуникационная	когда сходка служит местом обмена информацией между участниками аудитории
	индикативная	когда сама аудитория служит источником информации, в первую очередь о своих настроениях
	организационная	когда сходка используется оратором для организации усилий большого числа людей либо участники собрания организовываются самостоятельно, собираясь на сходку, договариваются о своих последующих действиях; сходка служит инструментом управления, организации
властный институт	потестарная	термин используется нами для обозначения ситуации, когда сходка подготавливает последующее голосование или сама служит источником легитимации власти ²⁹
	судебная	отдельно выделяем, таким образом, случаи, когда сходка подготавливает последующее принятие народом решения именно по судебному делу
	контролирующая	когда сходка санкционирует или оказывает влияние на принятие решения должностными лицами или сенатом, хотя сама аудитория сходки не голосует затем на комициях

²⁷ Махлаюк 2006, 216 слл.

²⁸ Помимо самой общей, *посреднической* функции, характерной для всех сходок. Фактически любая *contio* обеспечивала возможность коммуникации оратора и аудитории и нередко служила еще и связующим звеном между различными политическими институтами (сенатом, магистратами, комициями).

²⁹ А. В. Махлаюк использует термин «потестарная» для обозначения функций воинской сходки эпохи Империи наряду с понятиями «информационно-агитационная» и «церемониальная» (Махлаюк 2006, 216–217).

Окончание табл. 1

Сходка выступает как	Функция	Пояснение функции
властный институт	аттестационная	когда аудитория помимо получения информации еще и свидетельствует, например, эдикт или другой акт, требующий публичного представления, чтобы вступить в силу; сходка выступает коллективным свидетелем; в таких случаях проведение сходки необходимо, но аудитория собрания остается пассивным наблюдателем
открытое публичное пространство	агитационная	когда contio выступает как то место, где оратор может попытаться в чем-либо убедить гражданский коллектив
	демонстрационная	когда сходка служит ареной разыгрывания политических демонстраций, применения манипулятивных стратегий, сценой «политического театра» ³⁰ ; отдельно выделим эту функцию, поскольку использование различных демонстраций, заранее подготовленных сцен, групп клакеров не всегда наблюдается при агитации
	делиберативная	когда имеют место дебаты ораторов в присутствии и, иногда, с участием аудитории; отдельно выделим эту функцию, поскольку агитация не всегда сопряжена со спором
	церемониальная	когда сходка служит местом проведения либо является частью церемонии, религиозного ритуала

Теперь рассмотрим функции воинских официальных сходок (табл. 2).

Таблица 2

ФУНКЦИИ ВОИНСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций ³¹	Источники
информационная	оглашение приказа	Liv. XXVIII. 26. 4
	предоставление войску стратегической и тактической информации; информации о политических решениях	Liv. X. 39. 11–40. 1; Dionys. IV. 85. 3
	сообщение полководца о себе	Liv. XXXVIII. 12. 2–5
коммуникационная	обсуждение персоны полководца	Liv. XXII. 12. 12
индикативная	одобрение оратора криками; пением военной песни; бряцанием оружия	Liv. VII. 40. 4–41. 2; App. XVI. 3; Plut. Mar. 22
	ропот недовольства	Liv. IV. 50. 1–5
	просьбы к полководцу	App. XVII. 47
	общее собрание при объединении войск	Liv. VII. 7. 3; XXII. 30. 1–6
организационная	присяга и получение воинами жалованья	Liv. XXVIII. 26. 12–29. 12
	восстановление управляемости войска	Dionys. IX. 9–10

³⁰ В одном из пассажей Ливий пишет: «Но трибуны объявили войну с вольсками разыгранной на форуме комедией...» (III. 10. 10; Пер. Г. Ч. Гусейнова).

³¹ Здесь и далее отмечаются только некоторые показательные случаи.

Окончание табл. 2

Функции	Примеры реализации функций	Источники
потестарная	отказ воинов повиноваться	Liv. IV. 50. 1–5
	сходка решает вопрос о том, как консулы должны вести военные действия	Liv. X. 19. 4–13
	утверждение решения полководцев	Dionys. III. 13. 1; 16. 24 ³²
	решение воинов о дополнительном награждении отличившегося товарища	Liv. V. 47. 7–8
контролирующая	сходка влияет на действия полководцев	Liv. X. 19. 4–13
	воины высказывают свои претензии, которые затем учитываются командованием	Liv. XXVIII. 25. 5–7; 29. 12
	настроения воинской сходки заставляют полководцев начать сражение	Liv. III. 62
	войско на сходке обеспечивает превосходство своим командирам над вновь прибывшим полководцем	Liv. XLI. 10. 6–10
аттестационная	сходка свидетельствует совершение казни	Liv. XXVIII. 26. 12–27
	провозглашение царя	Liv. XXX. 15. 11
	передачу городов союзникам	Liv. 44. 12–13
	речи послов	Dionys. VI. 16
агитационная	одобрение и увещание	Caes. B.G. V. 52
	ободряющая речь полководца перед битвой	Liv. IX. 13. 1–2
	просьба к войску о защите	Liv. VIII. 31. 1–32. 1
	обещание добычи; наград	Liv. VII. 16. 4–5; App. XVII. 128
демонстрационная	полководец объявляет своим патроном и спасителем другого военачальника	Liv. XXII. 30. 1–6
	полководцы в присутствии сходки обсуждают желание войска сражаться	Liv. II. 45. 11–15
делиберативная	споры военачальников на сходке	Liv. XLI. 10. 6–10
церемониальная	мольбы и молитвы к богам	Liv. VI. 23; XXIX. 27. 1–5
	принесение благодарности богам	Liv. XXVI. 48. 3–14
	принесение жертвы	Plut. Mar. 22
	клятва	Liv. II. 45. 11–15
	награждение отличившихся воинов	Liv. VII. 10. 14
	награждение воинами своего полководца	App. XIV. 82
	публичное восхваление отличившихся воинов	Liv. XXX. 15. 11–14

Обратимся к функциям сходок воинов по их собственной инициативе (несанкционированные воинские собрания, проводившиеся без участия магистратов; табл. 3)³³.

³² Эпизод относится к эпохе царей, но весьма показателен.

³³ А. В. Махлаюк, когда перечисляет организационные особенности воинских contiones, пишет именно об «официальных» собраниях (Махлаюк 2006, 210 слл.). А далее (Махлаюк 2006, 210, прим. 9; 214; 221–222) уделяет внимание неофициальным сходкам, хотя и не выделяет их отдельно в качестве несанкционированных.

Таблица 3

ФУНКЦИИ ВОИНСКИХ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций	Источники
информационная	сообщение о нарушении законности	Liv. III. 50. 4–11
	оратор предоставляет политическую информацию	Liv. III. 52. 1–2
коммуникационная	обсуждение участниками возможностей дальнейших действий	Liv. XXII. 50. 5–10
индикативная	крики в поддержку выступавшего	Liv. III. 50. 4–11
организационная	планирование совместного выступления	Dionys. XV. 3
	отправка послов	Liv. VII. 39. 9–11
потестарная	смещение командира	Caes. B.C. I. 20
	избрание военачальников	Val. Max. II. 7. 15
	провозглашение императором	Liv. VII. 39. 14–15
	вручение империя	Liv. XXVIII. 24. 13
контролирующая	сходка заставляет дать приказание	Liv. VII. 12. 12–14. 1
	инициирует примирение полководцев	App. XVII. 64
	влияет на настроения офицеров, которые, в свою очередь, убеждают полководца изменить план действий	App. XVI. 123–124
агитационная	убеждение в необходимости совместного действия	Liv. III. 52. 1–2
церемониальная	клятва	App. VI. 34

Гражданскими официальными мы обозначаем те народные сходы, которые организовывались и возглавлялись носителями *potestas contionandi* — должностными лицами и общественными жрецами³⁴. Такие собрания можно разделить исходя из того, как они были связаны с комициями. Рассмотрим предкомициальные конции, подготавливавшие голосование в комициях³⁵. Их можно разделить по тому, какого рода вопросы (в дальнейшем выставляемые на голосование) они затрагивали: легислативные (обсуждение законопроектов), электоральные (обсуждение кандидатур) и судебные (этап судебного разбирательства при проведении народного суда)³⁶. Рассмотрим функции этих видов *contiones* (табл. 4–6).

³⁴ Подробнее об этом см.: Фролов 2011а.

³⁵ Здесь можно отдельно выделить «заключительные» предкомициальные *contiones*, т. е. те, которые по времени непосредственно предшествовали комициям. Если процедура не нарушалась, то при завершении этих *contiones* оратор обращался с призывом к присутствующим гражданам разойтись по куриям, трибам или центуриям для проведения голосования (Liv. II. 56. 10–12; III. 11. 4; Asc. 71C). В этом случае за сходом сразу следовали комиции. Другие предкомициальные *contiones*, хотя в тот же день после них комиции не проводились, оставались логически связаны с процедурой голосования, см.: Mommsen 1899, 394–396.

³⁶ Совокупность *contio* и *comitia* образует «логически цельный» институт *iudicia populi* («народный суд»); ср.: Токмаков 2007, 189.

Таблица 4

ФУНКЦИИ ЛЕГИСЛАТИВНЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций	Источники
информационная	сообщение о содержании законопроекта	Liv. IV. 48. 1–2; 16
	сообщение информации, важной в связи с рассмотрением законопроекта	Dionys. IV. 85. 3
коммуникационная	обмен мнениями по поводу закона	Liv. III. 34. 1–5
индикативная	отвод rogatio при ее слабой поддержке	Dio Cass. XXXVI. 39. 4
	недовольство законопроектом	Dionys. X. 57
	полная поддержка законопроекта	Liv. II. 56. 10–57. 2
потестарная	участники сходки затем выступают как участники голосования законопроекта	Liv. III. 71. 2–72. 5
контролирующая	внесение поправок в законопроект на основе замечаний участников	Dionys. X. 57
	предложение оратора удалить пункт из законопроекта; добавить пункт к законопроекту	Dionys. VIII. 72; Liv. XXXVIII. 54. 2–12
аттестационная	собравшиеся свидетельствуют установление дня голосования законопроекта	Liv. XLIII. 16. 6–9
агитационная	выступления за или против (suasio/dissuasio) законопроекта	Liv. XLI. 6; Perioch. 59
	влияние агитации на настроения народа	Liv. II. 41. 4–7
демонстрационная	закон вносится для того, чтобы спровоцировать политического противника выступить против него и, тем самым, навлечь на себя гнев собравшихся	Liv. III. 11. 10; 12–13
делиберативная	поочередные речи переходят в дебаты	Liv. IV. 6. 1–4
	ответы оратора на вопросы, комментарии председателя	Liv. IV. 49. 11–16
церемониальная	клятва при adrogatio	Gell. N.A. V. 19. 1–14

Таблица 5

ФУНКЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций	Источники
информационная	сообщение кандидата об отказе от участия в выборах и предложение другой кандидатуры	Liv. V. 18. 2–5
	сообщение информации, важной в связи с предстоящими выборами	Liv. XXII. 34. 1–35. 1
индикативная	признаки поддержки выступающего на сходке кандидата	Liv. V. 12. 12
организационная	частное лицо выдвигает свою кандидатуру на сходке	Liv. XXVI. 18. 5–8
потестарная	участники сходки затем выступают как избиратели	Liv. X. 21. 13–22. 8
контролирующая	сходка оказывает влияние на исход борьбы по поводу сословного состава избираемых высших магистратов	Liv. V. 12. 12
аттестационная	собравшиеся свидетельствуют выдвижение кандидата	Liv. XXVI. 18. 5–8
агитационная	агитация магистратов за одного из кандидатов и против другого	Sall. Iug. 73. 5–6

Окончание табл. 5

Функции	Примеры реализации функций	Источники
агитационная	агитация кандидата за другого кандидата	Liv. V. 18. 2–5
	агитация кандидата за самого себя	Plut. Mar. 8
демонстрационная	общего характера политическая речь кандидата, давшая ему преимущество при соискании	Liv. V. 12. 12
делиберативная	дебаты о возможности претендовать на должность	Liv. XXXII. 7. 11
	споры по поводу поддержки кандидата	Liv. XXXIX. 32. 10–11

Таблица 6

ФУНКЦИИ СУДЕБНЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций	Источники
информационная	сообщение дня и предмета судебного разбирательства	Dionys. IX. 54
	сообщение об отмене судебного разбирательства	Dionys. X. 35. 5
коммуникационная	участники собрания обсуждают дело между собой	Liv. III. 56. 2–57. 6
индикативная	видны различия в настроениях собравшихся	Dionys. VII. 59–67
судебная	участники сходки затем выступают как участники голосования по делу	Dionys. X. 49
контролирующая	участники сходки оставляют суд по призыву обвиняемого, вследствие чего суд отложен	Liv. XXXVIII. 51. 7–12
аттестационная	сходка свидетельствует установление дня судебного разбирательства	Dionys. VII. 38
агитационная	речь в защиту обвиняемого	Dionys. VII. 59–67
	выступления свидетелей	Liv. III. 12
демонстрационная	мольбы свидетелей, предъявление показательных вещественных доказательств	Dionys. VII. 59–67
	толпа, сопровождающая обвиняемого	Liv. XXXVIII. 50. 10
делиберативная	спор относительно меры пресечения	Liv. III. 13
	спор обвинителя и обвиняемого	Liv. VI. 15–17

Официальные гражданские сходки, которые не подготавливали последующее голосование³⁷, а выполняли свои функции «независимо» от комиций, можно обозначить как самостоятельные. Как и в случае с официальными воинскими собраниями, Ф. Пина Поло делит contiones, «не подготавливающие комиции», по основным задачам на политические, информационные, сходки для объявления эдикта, в связи с триумфом, в связи с цензом, при проведении казни, при вступлении в должность или уходе с должности, для произнесения клятвы, для проведения consecratio bonorum, «по религиозному вопросу», для произнесения laudatio funebris, при проведении frumentatio³⁸. Такая типологизация, конечно, возможна (например, этот критерий удобно применить в случае предкомициальных сходок), но имеет свои недостатки. Так, в данном случае она оказывается излишне дробной,

³⁷ На них также могли обсуждаться возможные законодательные меры, кандидатуры или варианты судебных решений, но перед этими сходками (или на них) официальной промугации законопроекта, назначения выборов или вызова в суд не происходило.

³⁸ Pina Polo 1989, 119–170.

и нередко ситуации, когда одну и ту же сходку приходится относить сразу к нескольким из обозначенных видов (например: Dionys. XI. 61. 1; Liv. III. 19. 4–12). Есть некоторые важные возражения и по отдельным пунктам этой типологизации. Так, кажется не самым удачным выделение «политических» сходок и противопоставление их, например, собраниям, на которых магистрат произносил речь по вступлении в должность, сходкам, где объявлялись эдикты, и информационным. Иными словами, «политическое содержание» было характерно для всех сходок³⁹. Выделить информационную сходку отдельно, конечно, можно. Но «чисто-информационных» собраний совсем немного: как мы видели, информационная функция была характерна для очень многих сходок (в том числе, в ряду других самостоятельных: для объявления эдикта, при проведении ценза и т.д.). Наконец, если использовать логику Ф. Пина Поло, то следовало бы отдельно выделить, например, сходки при фиксации завещания или по поводу *transitio ad plebem* в *comitia calata*, проводившиеся еще в начале Республики. Однако испанский антиковед их отдельно не выделяет⁴⁰. Таким образом, нам кажется предпочтительным не делить самостоятельные сходки на подвиды по конкретным темам, а отметить выполняемые ими функции, более подробно осветив особенности реализации каждой из них (табл. 7).

Таблица 7

ФУНКЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций	Источники
информационная	предоставление информации о политической ситуации	Caes. B.C. II. 18
	объявление постановлений сената	Liv. XXXIX. 17
	сообщение цензоров о дополнении общегражданского опроса	Liv. XLIII. 14. 5
	рассказ магистрата о своих свершениях, в связи с получением триумфа, отчет о совершенном	[Aurel. Vict.] De vir ill. XXXIII. 2; Dionys. VIII. 70
	сообщение о заслугах умершего в <i>laudatio funebris</i>	Dionys. VI. 96
	объявление особым порядком нон предстоящего месяца	Macr. Sat. I. 15. 10–12
индикативная	недовольство аудитории	Liv. II. 27. 12
	изменение настроения аудитории под влиянием агитации	Liv. V. 2. 2–7. 1
	мольбы и угрозы собравшихся	Liv. VIII. 32. 2–33. 2
	одобрение оратора аудиторией	Liv. XXIII. 23. 1–7
организационная	подготовка политической акции	Dionys. IV. 70. 3–76. 3
	агитационное собрание позволяет собрать вооруженный отряд	Liv. III. 18. 5–7
	распоряжения по управлению городом	Liv. III. 27. 1–4
потестарная	сходка санкционирует выбор консулом коллеги	Liv. X. 26. 1–4
контролирующая	аудитория вынуждает принять новый эдикт	Liv. XXVI. 35. 7–8
	препятствует реализации решения магистрата	Liv. VIII. 32. 2–3. 2

³⁹ Что признает и сам Ф. Пина Поло: Pina Polo 1989, 120.

⁴⁰ Относящимися к чисто религиозным собраниям их можно считать только с некоторыми оговорками; ср.: Pina Polo 1989, 163–164.

Окончание табл. 7

Функции	Примеры реализации функций	Источники
контролирующая	настаивает на разрешении родственнику умершего произнести <i>laudatio funebris</i>	Liv. II. 61. 9
аттестационная	аудитория свидетельствует наложение штрафа	Liv. XLIII. 16. 5
	кооптацию членов жреческих коллегий	[Cic.] Herenn. I. 11. 20
	совершение казни	Liv. IX. 24. 15
	сложение полномочий должностным лицом	Liv. IX. 26. 13–19
агитационная	убеждение аудитории в необходимости предпринимаемых мер	Liv. II. 24
	обвинения оратором сената; патрициев	Dionys. IX. 17; 25. 3
	речи в защиту общественных нравов; установленных ограничений при занятии магистратур	Gell. N. A. I. 6; Val. Max. IV. 1. 3
	выступления магистрата против коллеги	Cic. Orat. II. 227
демонстрационная	зачитывание уже действующего закона	Liv. II. 2. 4–10
	использование оратором в речи указаний на окружающие собрание монументы	Cic. Orat. II. 242
	демонстрация тела покойного во время <i>laudatio funebris</i>	App. XIV. 144
	сжигание непризнанных священных книг	Lact. Inst. I. 22. 6
делиберативная	спор	Cic. Orat. II. 230
	совещание должностных лиц в присутствии народа	Dionys. X. 35
церемониальная	<i>detestatio sacrorum, testamentum</i>	Gell. N. A. XV. 27. 3
	молитва; публичная клятва магистрата	Liv. XXXIX. 15. 1–2; Cic. De rep. I. 7
	<i>laudatio funebris</i>	Cic. De leg. II. 62

В заключение необходимо рассмотреть функции гражданских несанкционированных конций (табл. 8).

Таблица 8

ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКИХ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ CONTIONES

Функции	Примеры реализации функций гражданских несанкционированных contiones	Источники
информационная	требования предоставления информации	Liv. XXII. 7. 6–8 ⁴¹
коммуникационная	обмен опасениями	Liv. II. 2. 3–4
	обсуждение необходимости действовать	Liv. II. 55. 2–4
индикативная	возмущения и опасения	Liv. VIII. 28. 5–7
	демонстрирование невозможности выполнить распоряжение магистратов	Liv. XXVI. 35. 7–8
организационная	распределение обязанностей между участниками	Liv. IV. 13. 8–9
потестарная	одобрение решения сенаторов	Liv. V. 55. 2
контролирующая	требование созвать сенат	Liv. II. 39. 9–12
	требование внести законопроект	Dionys. VIII. 21

⁴¹ Пример демонстрирует и индикативную функцию, а также ситуацию, когда спонтанно возникшая сходка требует от магистрата выступить с речью, если последний выходит к собранию, то сходку можно считать уже официальной (хотя началась она не по инициативе магистрата).

Окончание табл. 8

аттестационная	свидетельствование сложения магистратами полномочий	Liv. III. 54. 6
	собрание выступает коллективным свидетелем	Liv. VIII. 28. 5–7
агитационная	просьба к собравшимся о содействии	Liv. III. 47. 4–49. 5
	выступления против законопроекта	Dionys. VIII. 91
	агитация народа сенаторами перед самым голосованием	Liv. V. 30. 4–8
демонстрационная	оратор обращает внимание на пострадавших людей как на доказательство верности своих слов	Liv. VI. 14. 3–8
делиберативная	дебаты и споры	Liv. V. 24. 7–25. 6

Рис. 1. Схема основных видов римских *contiones* (эпоха Республики).

Такова основная схема, но возможны и другие пути типологизации конций. Например, официальных сходов — по тому, кто из должностных лиц созвал собрание; гражданских официальных (когда это возможно) — по «сословному составу» аудитории (сходка плебеев или общенародная) или по «степени открытости» (общественная или частная)⁴². Все сходы можно разделить и по месту проведения. Однако по результатам изучения известных случаев проведения *contiones* кажется предпочтительным использовать предложенную основную схему, поскольку она опирается на целый ряд существенных критериев. Такая схема, при всех ее недостатках, дает все же единое представление о многообразии видов конций, иллюстрирует многообразие их функций (их практического воплощения), в большин-

⁴² Ливий (VI. 35. 6) противопоставляет частные и общественные совещания (ср.: II. 28. 3). Дионисий (XI. 53) пишет: *ἐν ἰδίῳς τε συλλόγοις* («на частных сходках») и *κατὰ τὰς κοινὰς συνόδους* («на общественных сходках»). Можно привести и другие примеры (Dionys. X. 9; XI. 55–56; Liv. II. 54. 7; IV. 25. 9–13; VI. 18–19).

стве случаев позволяет четко определить место любого конкретного известного нам собрания, предоставляет удобный исследовательский терминологический аппарат, обеспечивает возможность дальнейшего, более детального, исследования выделенных видов сходки, их сравнения, выявления общего и различного между ними, позволяет определить основные закономерности развития института народной сходки в эпоху Республики. Представленная обобщенная картина одного из возможных вариантов упорядочивания всего многообразия видов сходки и их функций иллюстрирует также тезис о важности института в таких сферах жизни римского государства и жизни его граждан, как законодательная, военная, судебная, религиозная и ряд других.

ЛИТЕРАТУРА

- Дементьева В. В. 2004: Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль.
- Дементьева В. В., Фролов Р. М. 2009: Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской Республики // ВДИ. 271, 63–88.
- Махлаюк А. В. 1997: Военная сходка в жизни римской армии и политическом механизме римской империи // Власть, человек и общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. / Е. С. Голубцова (отв. ред.). М., 131–141.
- Махлаюк А. В. 2006: Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.
- Махлаюк А. В. 2011: Военная сходка, «римская демократия» и акцептация императора // Народ и демократия в древности. Доклады российско-германской научной конференции / В. В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль (в печати).
- Токмаков В. Н. 1994: Военная присяга и «Священные Законы» в военной организации Раннеримской Республики // Религия и община в Древнем Риме / Л. Л. Кофанов, Н. А. Чашыгина (ред.). М., 125–147.
- Токмаков В. Н. 2007: Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн. М., 2007.
- Фролов Р. М. 2008: Форум и Комиций: организация пространства римских официальных contiones (исследования Р. Морстейн-Маркса) // Экономика. Политика. Культура: сб. науч. тр. / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 14–20.
- Фролов Р. М. 2011a: Potestas contionandi в публично-правовой системе Римской Республики: созыв официальной народной сходки // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 24 (в печати).
- Фролов Р. М. 2011б: Античные дефиниции contiones как основа выработки их научного определения // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории. Сб. науч. трудов / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль (в печати).
- Botsford G. W. 1909: The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. New York.
- Hölkeskamp K.-J. 2004: Senatus Populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik — Dimensionen und Deutungen. Stuttgart.
- Loewenstein K. 1973: The Governance Of Rome. La Haya.
- Mommsen Th. 1887: Römisches Staatsrecht. Bd. I. Lpz.
- Mommsen Th. 1899: Römisches Strafrecht. Lpz.
- Morstein-Marx R. 2004: Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge.
- Mouritsen H. 2001: Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge.

- Pina Polo F.* 1989: Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza.
Taylor R. L. 1966: Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor.
Vanderbroeck P. J. J. 1987: Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic (ca. 80–50 B.C.). Amsterdam.

TYPES AND FUNCTIONS OF CONTIONES AT THE TIME OF ROMAN REPUBLIC

R. M. Frolov

The article proposes a typology of Roman contiones based on the following factors: participants — military and civil; organizers' status — official and unauthorized; connection of civil contiones with comitia — precomitia and independent; issues discussed at precomitia contiones — legislative, electoral, and judicial. The author points out contiones functions, gives examples of the functions realization at each type of contiones.

Key words: Roman Republic, public law system, contiones, typology.

© 2011

Ю. А. Федина

ВОСТОЧНЫЕ СОЮЗНИКИ И amici ОКТАВИАНА В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ 40-30-Х. ГГ. ДО Н.Э.

В период гражданских войн после смерти Юлия Цезаря особый интерес представляют отношения триумвиров с правителями, городами, общинами, храмовыми объединениями и отдельными жителями Востока, в частности Малой Азии. В отличие от Антония, который после победы над республиканцами отправился на Восток и создал широкую коалицию из различных правителей племен Балкан и Малой Азии, Октавиан не мог похвастаться столь обширными патронно-клиентскими связями, но к началу гражданской войны с Антонием за будущим принципсом стояли определенные круги провинциального населения.

Ключевые слова: Рим, гражданские войны, клиента.

Взаимоотношения лидеров Поздней республики с государствами, общинами, влиятельными жителями Востока в период гражданских войн 40–30-х. гг. до н.э. являются одним из малоизученных аспектов истории Древнего Рима. Особый интерес в контексте данной проблематики представляет вопрос о патронно-клиентских связях, созданных Октавианом в Малой Азии в период противостояния с Антонием и после поражения последнего при Акции.

Федина Юлия Александровна — аспирантка кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: lalunya2009@inbox.ru

После победы в битве при Филиппах триумвиры разделили между собой все римское государство, установив границей иллирийский город Скодру: восточные территории вплоть до Евфрата были отданы Антонию, западные провинции — Октавиану, а Египет — Лепиду (App. B.C. V. 65, Eutr. VII. 3). В соответствии с разделением сфер влияния между триумвирами Антоний отправился на Восток. Предоставление Антонию Востока было вполне естественно: в сравнении со своим коллегой по триумvirату он был более опытным полководцем, а на перешедших под его управление территориях ожидалось военные действия против парфян¹. Антоний на Востоке создал широкую коалицию из различных правителей племен Балкан и Малой Азии, Октавиан же не мог похвастаться столь обширными патронно-клиентскими связями, но к началу гражданской войны за будущим принципсом стояли определенные круги провинциального населения.

Стоит отметить, что в источниках до начала битвы при Акции сведения о восточных клиентах Октавиана либо достаточно скудны, либо отсутствуют вовсе, и говорить о решающей роли малоазийских *amici* Цезаря в победе над Антонием не приходится. В основном клиентами Октавиана становились бывшие союзники Антония, которые после поражения своего патрона перешли на сторону сильнейшего.

Август старался сохранить созданную первоначально Помпеем, а затем Антонием систему патронно-клиентских связей. Принципс не стал наказывать всех сторонников Антония — наиболее значимые и могущественные цари, бывшие опорой триумвира, но вовремя перешедшие на сторону Октавиана, были оставлены в своих владениях — Ирод, Аминта, Архелай, Полемон². Октавиан считал возможным простить их и превратить в своих клиентов. Все эти цари отличались талантами государственных деятелей и были лояльны к Риму — практически все исследователи признают исключительно удачный выбор Антония в их назначении. Кроме того, выгоднее было сохранить крупные царства, чем аннексировать их. Октавиан приспособил систему клиентских княжеств к интересам Рима, практически полностью сохранив ее³.

В восточной части Киликии Трахеи была восстановлена династия Тевкридов (Dio Cass. XIV. 9. 2). Тевкриды контролировали большую часть восточной Трахеи⁴; большая часть западной Киликии была передана Аминте Галатскому⁵, а другая — Архелаю I Каппадокийскому (App. B.C. V. 75, Vell. Pat. II. 84. 2). В обязанности Аминты как римского вассала входили контроль, подчинение и управление горной зоной Киликии. Аминта достиг успехов в борьбе с пиратами, он убил одного из самых опасных атаманов Антипатра, властителя Дебры и Ларанды⁶.

Полемон, царь Понта и Боспора, после поражения Антония перешел на сторону Октавиана, причем сделал это весьма дипломатично, за ним сохранились все прежние владения. Р. Салливан считает, что Полемон еще накануне битвы при Акции начал сомневаться, оказывать ли поддержку Антонию, поэтому прислал

¹ Смыков 2002, 82.

² Моммзен 5, 2001, 330.

³ Шифман 1990, 92.

⁴ Абрамзон 2005, 179.

⁵ Mitchell I, 1993, 40.

⁶ Моммзен 5, 2001, 330.

лишь военный контингент, но сам участия в битве не принимал⁷. Октавиан понимал, что данный регион представляет определенные трудности в управлении, и в короткий срок невозможно будет создать в регионе римскую административную систему. Для решения данной проблемы он признал Полемона царем (Strabo 12.8.16). Последнему был официально дарован титул «друга и союзника римского народа» (Dio Cass LIII. 25. 1). Полемон начал чеканить собственную монету с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΟΝΟΣ ΕΥΣΕΒΟΥΣ⁸.

Одним из наиболее значимых клиентов Октавиана после битвы при Акции становится иудейский царь Ирод, союзник и верный клиент Антония, лично обязанный ему своим царским титулом (Tac. Hist. V. 9; Ios. B. Iud. 1. 14. 4). Однако дарованные Антонием привилегии не помешали ему после поражения своего патрона перейти на сторону Октавиана (Plut. Ant. 71). Последний счел возможным поощрить его, отдав ему все побережье Палестины от границ Египта до Тиры, а также Самарию и северные области Палестины, ему была передана личная охрана Клеопатры — 400 солдат-галлов (Ios. B. Iud. 1. 20. 3). В честь своего нового патрона Ирод выстроил храмы в Кесарии и Себасте (Ios. B. Iud. 1. 21. 3). Путем дипломатической игры Ирод не только сумел сохранить все свои владения, но и приумножил их. По мнению Ю. Вилькер, Ирод отличался от многих зависимых от Рима правителей: он взошел на иудейский трон именно благодаря поддержке Рима, так как не имел возможности опереться на династическую легитимность⁹.

В одном пассаже Дион Кассий сообщает, что Октавиан отдал Аман Таркондимоу II, сыну Таркондимоу I; последний, как известно, являлся клиентом Помпея, оказал ему помощь при Фарсале и вслед за поражением патрона был прощен Юлием Цезарем. В 42 г. до н.э. Гай Кассий Лонгин заставил Таркондимоу I стать его союзником против воли последнего. Позже Таркондимоу I превратился в клиента Марка Антония и, возможно, оказал ему неоценимую помощь во время операции римлян против парфян, за что и получил титул царя. Во время гражданской войны Октавиана и Антония данный киликийский царь сохранил верность своему патрону и пал в морском сражении накануне Актийской битвы, сражаясь за него (Dio Cass. X LI. 63. 1, Ann. Flor. IV. 2. 5). Резонно предположить, что сын Таркондимоу I стал клиентом Августа, хотя и не сразу. Дион Кассий сообщает, что Таркондимоу II был отстранен от власти Октавианом сразу после битвы при Акции. Только в 20 г. до н.э., доказав свою преданность, Таркондимоу Филопатор получил царство своего отца¹⁰.

Послов с предложением дружбы, после поражения Антония отправил Августу и король Иберии (Dio Cass XLIX. 24. 1).

Царь Набатеи Арета IV, напротив, принял власть, минуя Октавиана. Август задумал отнять царство у Ареты и присоединить Набатею к Иудее, но передумал, поскольку не хотел чрезмерно усиливать Иудею, и в 7 г. Арета был утвержден царем¹¹.

⁷ Sullivan 1980, 918.

⁸ Ibid.

⁹ Кантор, Макаров 2007, 223.

¹⁰ Абрамзон 2000, 85.

¹¹ Шифман 1990, 124.

Но к некоторым союзникам Антония Октавиан был беспощаден. Так, в Геракле Понтийской местный правитель Адиаторикс, устроивший перед битвой при Акции массовое истребление римлян (якобы по приказу Антония), был схвачен и отправлен в Рим для участия в триумфе, где был убит вместе с сыном¹².

По сообщениям Светония, Август был «хозяином и патроном <...> столь же строгим, сколько милостивым и мягким», «дружбу он завязывал нелегко, но верность соблюдал неуклонно <...> он требовал от друзей такой же ответной привязанности как при жизни, так и после смерти» (Suet. Div. Aug. 66. 67).

Октавиан «союзных царей связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивал и поощрял их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним и слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал или обучал вместе со своими» (Suet. Div. Aug. 48). «<...> Цари, его друзья и союзники основывали каждый в своем царстве города, под названием Цезария <...> и не раз они покидали свои царства, чтобы повседневно сопровождать его не только в Риме, но и в провинциях, без царских отличий, одетые в тоги, прислуживая ему как клиенты» (Suet. Div. Aug. 60, Eutr. VII. 9).

Свою власть они получали от императора и титуловали себя друзьями императора и друзьями римского народа, но эта дружба фактически оформляла подчинение Риму.

Август искал дружбы и с малоазийскими городами, общинами и их влиятельными жителями. Римляне всегда стремились привлечь на свою сторону богатые греческие полисы. Достигалось это двумя путями: либо поощрением торговли в больших городах и дарованием привилегий им за различные заслуги перед Римом; либо основанием новых городов, являвшихся форпостами римского владычества на Востоке¹³. Осознавая всю важность городов не только как хранителей эллинистической культуры, но и как сильных союзников в борьбе против враждебно настроенных племен, Октавиан старался заручиться их поддержкой. Принципс поддерживал города в их долгах, отстраивал после землетрясения, награждал латинским или римским гражданством за заслуги перед римским народом (Suet. Div. Aug. 47).

Город Амис, после Актийской битвы был снова освобожден Августом от власти царей и тиранов (Stab. XII. 3. 14), которые были посажены там на царство Антонием. Октавиан стал патроном илионцев из-за родства их с Александром. Он отдал им землю, сохранив свободу и освобождение от государственных повинностей (Stab. XIII. 1. 27). Городу Кос принципс снизил подати на 100 талантов, так как они создали картину родоначальницы Цезаря Афродиты (Stab. XIV. 2. 19).

Во многих малоазийских городах был установлен культ Августа, в честь него не только воздвигали храмы и алтари, но и учреждали пятилетние игры, как, например, в Тарсе, Миласе, Нисе, Митилене¹⁴. Август стремился заручиться поддержкой наиболее важных храмовых объединений в Малой Азии путем назначением первосвященниками своих ставленников. Например, должность жреца Команы занял Дитевт, сын Адиаторига, который получил ее от Августа за до-

¹² Там же, 94.

¹³ Голубцова 1951, 34.

¹⁴ Magie I, 1950, 473.

блесть (Stab. XII. 3. 14). Цезарь вернул ретийцам статую Эанта, которую похитил и отвез в Египет Антоний (Stab. XIII. 1. 30). В храме Посейдона на Самосе Август восстановил статуи Афины и Геракла (Stab. XIV. 1. 14). В благодарность за щедрость и внимание жрецы и первосвященники способствовали распространению культа Августа среди простого населения.

Август даровал права города поселениям, не имевшим его ранее либо потерявшим его, в том числе Гордикуму (Юлиополь), Вифиниуму (Клавдиополь), Кратеи (Флавиополь)¹⁵. Урбанизация района способствовала укреплению созданной Помпеем системы управления провинциями.

Тем не менее в отличие от своих предшественников, Август менее охотно раздавал привилегии городам и греческим общинам. Известны случаи, когда Октавиан отказывал городам, присылавшим посольства, например Афинам. А некоторые союзные города (Кизик, Тир, Сидон) он вовсе лишил свободы (Suet. Div. Aug. 47). Октавиан также поддерживал дружеские отношения с влиятельными жителями Востока.

Одним из возможных клиентов Октавиана был некий Клеон. Страбон называет его предводителем разбойничьих шайк (он действовал на Западе Малой Азии) (Stab. XII. 8. 9). Клеон оказал значительные услуги Антонию, совершив нападение на сборщика денег Лабиена, когда последний «завладел Азией», и помешал его военным приготовлениям (Stab. XII. 8. 9). Однако в битве при Акции он перешел на сторону Октавиана. В результате измены Клеон оказался властителем крупных территорий: стал жрецом миссийского божества, завладел частью Морены, а затем получил должность верховного жреца в понтийской Коммане (Stab. XII. 8. 9). Клеон не только сумел воспользоваться союзническими отношениями с Антонием, но и вовремя, сменив политическую ориентацию, сохранил и приумножил свои владения при Октавиане¹⁶.

Союзником Августа, несомненно, являлся и киликийский пират Мена, командующий флотилиями сына Помпея, Секста. Он, преследуя личную выгоду, два раза предавал своего патрона, за что получил римское гражданство (Vell. II. 73. 3; 77, 2; Ann. Flor. II. 18. 2) и был удостоен чести присутствовать на обедах у Октавиана (Suet. Div. Aug. 74).

В источниках упоминается и спартанский тиран Эврикл, который со своей эскадрой раньше всех настиг корабли Антония. За это Октавиан даровал Эвриклу права римского гражданства и присоединил к его имени прономен Julius (Plut. Ant. 67).

Август так же не оставлял без поддержки философов и ученых-историков. Например, в 19 г. до н.э. император остановился в Тарсе (Педиада), где сложилась школа философов-стоиков, представителями которой были Антипатр, Архедем, Нестор, Афинадор Кордилион и Афинадор Кананит. Август пригласил ряд киликийских философов ко двору в Рим в качестве учителей в свою семью. Афинадор Кананит был учителем принцепса и пользовался большим уважением. В старости он вернулся в Киликию и, обладая полномочиями, данными ему Августом, устранил правительство Бозфа в Тарсе. Август особо отметил этот город, предоставив

¹⁵ Маcro 1980, 670.

¹⁶ Шифман 1990, 94.

ему большие свободы (Dio Chrys. XXXIV. 8). Из Селевкии на Каликадне (Трахея) были родом хорошие знакомые императора — философы Афиней и Ксенарх, также перебравшиеся из Киликии в Рим. Афиней занимался в родном городе государственными делами и был некоторое время вождем народа. Затем он вступил в дружеские отношения с Муреной, а после раскрытия заговора против Августа был схвачен вместе с Муреной во время бегства. Когда обнаружилось, что Афиней не виновен, Цезарь отпустил его на свободу, и он жил в почете до старости. Страбон упоминает Аполлондора из Пергама, автора руководства «Риторики»: «Аполлондор возвысился благодаря дружеским отношениям с Цезарем Августом, которому он преподавал искусство красноречия» (Strab. XIII. 4. 3).

Таким образом, в правление Августа система патронно-клиентских отношений на Востоке претерпевает значительные изменения, поскольку принципс становится универсальным патроном, в чьих руках сосредотачиваются основные ресурсы влияния¹⁷. В Малой Азии лидеры Поздней римской республики в I в. до н. э. создали целую сеть клиентских государств, большинство из которых во время правления Августа утратили свой суверенитет и превратились в римские провинции¹⁸. Но персональный патронат не утратил своего значения с установлением принципата. После окончания гражданских войн Октавиан отказался от завоевательной политики на востоке и сосредоточил силы на упрочении действующих границ. Главной чертой созданной им имперской системы была идея экономии сил, широкие военные действия велись на западе, на востоке Август все делал для поддержания мира и стабильности¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 2005: Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II до н.э. — 74 г.н.э.). СПб.
- Голубцова Е. С. 1951: Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.
- Голубцова Е. С. (ред.) 1988: История Европы. Т1. М.
- Кантор Г. М., Макаров И. А. 2007: Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / Hrsg. von A. Coşkun in Zusammenarbeit mit H. Heinen, M. Tröster // ВДИ. 3, 217–225.
- Максимова М. И. 1956: Античные города юго-восточного Причерноморья: Синопа, Амис, Трапезунт. М.; Л.
- Махлаюк А. В. 2005: Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 3, 36–57.
- Машкин Н. А. 1949: Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М.; Л.
- Моммзен Т. 2001: История Рима. Т. 5. Кн. 8. М.
- Парфенов В. Н. 1994: Принципат Августа: армия и внешняя политика. Саратов.
- Проблема патроната и клиентелы в политической жизни римской республики в новом издании «Кембриджской древней истории» // ВДИ, 4. 240–248.
- Смыков Е. В. 1990: Марк Антоний и политика *clementia Caesaris* // Античный мир и археология. Вып. 8, 56–65.
- Хлевов А. А. 2005: Морские войны Рима. СПб.

¹⁷ Coşkun 2005, 17.

¹⁸ Braund 1988, 70.

¹⁹ Махлаюк 2005, 37.

- Шифман* 1990: Цезарь Август. Л.
Cook S. A., Adcock F. E. 1934: The Cambridge Ancient History. Vol. X. Cambridge.
Mitchell S. 1993: Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. 1. Oxford.
Coşkun A. 2005: Freundschaft und Klientelbindung in Roms auswärtigen Beziehungen. Wege und Perspektiven der Forschung // Roms auswärtige Freunde in der späten Republik und im frühen Prinzipat / H. Heinen, M. Tröster (eds.). Cöttingen, 2–30.
Magie D. 1950: Roman Rule in Asia Minor. Vol. I. Princeton; New Jersey.
Macro A. D. 1980: The cities of Asia Minor under the Roman Imperium // ANRW. II, 658–698.
Sullivan R. D. 1980: Dynasts in Pontus // ANRW. II, 913–934.

EASTERN ALLIES AND amici OF OCTAVIAN IN CIVIL WARS OF THE 40-30-S BC.

Yu. A. Fedina

The period of civil wars that followed Julius Caesar's death presents a special interest from the viewpoint of triumvir relations with rulers, towns, communities, temple unions, and some inhabitants of the Orient, namely of Asia Minor. Unlike Antony, who after his victory over republicans went to the East and created a broad coalition of Asia Minor and Balkan tribe heads, Octavian could not display patron-to-client wide connections. But before the civil war with Antony the would-be princeps had some provincial public at his side.

Key words: Rome, civil wars, client ship.

© 2011

Е. С. Данилов

РЕЙНСКИЙ ПОХОД ГАЯ КАЛИГУЛЫ*

Статья посвящена внешней политике третьего императора из династии Юлиев-Клавдиев. Рассмотрены вероятные причины рейнской экспедиции Гая Калигулы. Дана оценка основных точек зрения по указанной проблеме.

Ключевые слова: Римская империя, принципат, Гай Калигула, Рейн.

Внешнеполитическая деятельность и военные мероприятия Калигулы в античных источниках выглядят чистым фарсом. Посещение императором берегов Рейна в октябре 39 г. не является исключением. Дион Кассий лаконичен насчет этого события: «Прибыв на место, он никому из врагов не принес никакого ущерба, ибо, продвинувшись за Рейн на некоторое расстояние, он вернулся назад» (Dio

Данилов Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ. E-mail: soгах@76.ru

*Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ: Госконтракт № 16.740.11.0104, Аналитическая ведомственная программа развития научного потенциала высшей школы (ЗН-1009), а также РФФИ, грант № 10-06-00140-а.

Cass. LIX. 21. 3. Пер. А.В. Махлаюка). Попытаемся разобраться в причинах подобного поведения принцепса и ответить на вопрос: что стояло за рейнской экспедицией?

Многие исследователи, беспрекословно доверяя древним авторам, единодушны во мнении относительно пребывания Калигулы на северной границе в конце 39 — начале 40 гг. Т. Моммзен называл экспедицию в Галлию не иначе как «комедией»¹. С. И. Ковалев считал, что «декоративный поход» в Германию и в Северную Галлию не имел результатов². Подобные мнения могли подкрепляться допущением факта безумия императора³, в соответствии с предположением о том, что античные понятия о безумии соответствовали современным. Своеобразным отходом от этого предположения представляется гипотеза Р. Катца, согласно которой Калигула был относительно нормален в плане психики, но страдал от болезни щитовидной железы, которой объясняется раздражительность и гиперактивность императора⁴.

Некоторые ученые не столь категоричны в оценках, как Моммзен или Ковалев, и ими было высказано ряд оригинальных версий.

Версия первая — военные учения.

Принципат Калигулы сопровождался серией неудачных заговоров. Одним из заговорщиков являлся наместник Верхней Германии Гней Корнелий Лентул Гетулик (Suet. Galb. 6. 2). Гетулик состоял в заговоре 39 г. с целью возвести к власти мужа Друзилы — Эмилия Лепида (Suet. Cal. 24. 3; Dio Cass. LIX. 23. 1). Недовольство Калигулы вызывала популярность Гетулика в рейнских легионах (Tас. Ann. VI. 30; Dio Cass. LIX. 22. 5), в воинской среде которых император вырос⁵ и к расположению которых сам стремился (Tас. Ann. I. 69). Однако два десятилетия мира на Рейне ослабили боевой дух в дислоцированных там войсках, что проявлялось в неудачах, которые терпели римляне в мелких стычках с германцами. Поэтому германский поход Калигулы Дж. Балсдон оценивает как маневры с форсированием Рейна, призванные восстановить дисциплину легионов после устранения Гетулика⁶. Р. Дэвис увязывал эту демонстрацию силы с подготовкой похожих маневров у берегов Британии⁷.

Версия вторая — разведывательная операция.

Вылазка Гая Калигулы через Рейн, хотя и носила несколько спонтанный характер, указывает, видимо, на некоторое изменение стратегических планов, скорректированных после разгрома Арминием легионов Вара в 9 г.⁸ По мысли историков Н. Остина и Б. Ранкова, этот набег мог быть подготовительным актом в серии успешных кампаний Сервия Сульпиция Гальбы⁹. Кроме того, Светоний пишет, что император учредил новую боевую награду — *corona exploratoria*. Разведочный

¹ Моммзен 2002а, 169.

² Ковалев 2006, 609.

³ Ferill 1991, 111.

⁴ Katz 1972, 223–225.

⁵ Hurley 1989, 319.

⁶ Balsdon 1934, 79.

⁷ Davies 1966, 125.

⁸ Luttwak 1976, 37.

⁹ Austin, Rankov 1995, 31.

венок выдавался за успешную разведку и был украшен стилизованными солнцем, луной и звездами (Suet. Calig. 45. 1).

Версия третья — полномасштабная военная кампания.

Данной точки зрения придерживается, к примеру, Э. Баррет. В своей логике он исходит в первую очередь из масштабов подготовки к военным действиям (Tas. Germ. 37; Oros. VII. 5. 5)¹⁰. Очевидно, что для сына Германика вопросом престижа и актом уважения к семейным традициям являлось новое наступление на германцев (Eutrop. VII. 12. 2) и, как когда-то для Цезаря, вторжение в Британию (Tas. Agr. 13.). Видимо, решив продолжить дело отца, Калигула организовал германский поход. Его войско, по несколько преувеличенному свидетельству Диона, достигало 250000 человек (Dio Cass. LIX. 22. 1). Накануне, в 39 г., для подкрепления был создан новый легион XV Primigenia¹¹, заготовлено большое количество припасов (Suet. Cal. 43), и уже осенью Калигула пересёк Альпы и достиг Среднего Рейна, где начались военные действия. Зимой 39–40 гг. был построен форт, получивший название Преторий Агриппины. Предположительно в это время Калигула использовал неофициальные титулы Castorum Filius («Сын лагеря») и Pater Exercituum («Отец войска»)¹². На Нижнем Рейне был построен новый форт, Лауриум, который Калигула использовал для похода против племени хавков, разгромленного уже при Клавдии военачальником Публием Габинием Секундом (Suet. Claud. 24. 3). В 40 г. в Нижней Германии была начата постройка длинной цепи лимеса, продолженная в 47 г. Гнем Домицием Корбулоном.

Все эти версии подкрепляются сведениями источников о желании Калигулы уподобиться великим завоевателям (Dio Cass. LIX. 17. 3). Следующие предполагаемые цели имели чисто политическую направленность и сопутствовали военным планам.

Версия четвертая — пополнение казны.

Дион Кассий говорит, что Калигула провел много времени, играя на деньги и казня богатых галлов, чтобы получить их имущество (LIX. 22. 3–4). Большое число жертв объясняется ужасающим финансовым положением. Гай вводил новые, зачастую нелепые налоги (Suet. Cal. 40). В срочном порядке были необходимы деньги, и богатые люди обвинялись на основе *lex maiestatis* (Dio Cass. LIX. 16. 8). Италия вскоре была финансово истощена, поэтому Гай предпринял экспедицию в Галлию (Dio Cass. LIX. 21. 1–2). В. Вегнер и Ф. Любкер, следуя за распространенной традицией, не сомневались, что император появился на Рейне в ходе путешествия по провинциям. Это был лишь эпизод грабительского похода, сопровождавшегося вымогательствами и конфискациями¹³. Ж.-М. Анжель видит исток «фискальной войны» Гая в том, что к концу 38 г. казна Тиберия истощилась¹⁴. По мысли А. Кэвени и Дж. Мэддена, Калигула восстановил в 39 г. действие закона

¹⁰ Barret 1989, 125–126.

¹¹ Kerpie 1998, 213; Shotter 2003, 244. По другим данным Legio XV Primigenia (Перворожденный) был создан Клавдием на замену рейнским легионам, из которых сформировалась оккупационная армия, удерживавшая новозавоеванную Британию (Parker 1928, 129).

¹² Alston 1998, 63.

¹³ Вегнер 2002, 226; Любкер 2007, 4267.

¹⁴ Анжель 2004, 64.

об оскорблении величия, угрожая тем самым сенатской оппозиции¹⁵. Хронологически это совпадает с развертыванием событий на границах.

Версия пятая — борьба с сенатской оппозицией.

Калигула был императором, знающим о том, что только на армию можно опереться в противоборстве с сенатом. Тиберий, по сообщению Диона Кассия, на одиннадцатом году правления собрал сенаторов и представил им преторианцев во время тренировок. Его цель состояла в том, чтобы показать, какой силой он располагает против всевозможных заговоров (Dio Cass. LVII. 24). Перед самой смертью Тиберий, чтобы скрыть свое нездоровье, не только присутствовал на лагерных играх, но даже участвовал в них (Suet. Tib. 72. 2). Калигула, по примеру предшественника, наблюдал за учениями преторианцев и одаривал их деньгами, завещанными Тиберием (Dio Cass. LIX. 2. 1). Та неожиданная для всех внезапность, отмеченная Светонием, с которой Гай начал заниматься военными делами, наводит на мысль о своеобразном бегстве от заговорщиков (Suet. Calig. 43). Заговор Гетулика и несколько заговоров, последовавших в 40 г., заставили молодого принцепса искать себе союзников (Suet. Calig. 56. 1). По мнению Марка Клейвегта, «ложная экспедиция» и «ложный триумф» должны были способствовать установлению самых близких контактов с вооруженными силами¹⁶.

Версия шестая — создание репутации деятельного правителя.

Император Тиберий в последние годы жизни не был склонен к крупным военным предприятиям. В связи с этим хавки, соседи фризов, тревожили римские рубежи¹⁷. Калигула иногда организовывал полевые учения (Suet. Calig. 44. 1; Galb. 6. 3). Но, чтобы приобрести авторитет победоносного полководца в глазах сограждан, этого было недостаточно. Дж. Адамс считает, что военные авантюры императора нужно рассматривать в ракурсе его политических амбиций, подавляющего здравый смысл желания добиться успеха и бессмертия¹⁸. Ему нужна была цель для агрессии или даже несколько целей. Одной из таких целей стали хавки. Кроме того, посещение рейнских легионов, как справедливо заметил Т. Видеманн, предоставляло Гаю возможность повысить свой авторитет и приобрести военную славу¹⁹. Дав ход кампании на Рейне и перепоручив ее своим военачальникам, Калигула обратил свой взор на Запад. При организации вторжения римлян в Британию принцепс, по утверждению Э. Филлипса, проявил себя ловким стратегом²⁰. Столкнувшись с нежеланием воинов переправляться на остров, он решил ободрить их своим примером и, взойдя на борт триремы, отдалился от суши на некоторое расстояние. Когда все попытки императора потерпели неудачу, он решил унижить солдат, заставив их собирать морские раковины (Suet. Cal. 46; Dio Cass. LIX. 25. 2; Aurel. Vict. De caes. III. 10). Однако эта версия оспаривается, так как слово «*conchae*», которое Калигула использовал в приказе собирать

¹⁵ Keaveney, Madden 1998, 320.

¹⁶ Kleijwegt 1994, 669. Калигулой выпускались сестерции типа «*Adlocutio*», где изображался император, обращающийся с речью к войску. Подобные монеты являлись пропагандой единства принцепса с преторианской гвардией (Абрамзон 1995, 250).

¹⁷ Моммзен 2002б, 126.

¹⁸ Adams 2007, 241.

¹⁹ Wiedemann 1996, 227.

²⁰ Phillips 1970, 374.

ракушки, обозначало также небольшие лёгкие суда²¹, из чего предполагается, что, во-первых, войска должны были подготовиться к переправе (из чего, в свою очередь, выводится, что осадные и метательные машины, расставленные вдоль берега, были на самом деле корабельными); во-вторых, надо было сражаться с судами бриттов. Косвенно версию подкрепляют утверждением Светония (Cal. 47). Как бы то ни было, кампания не была продолжена. А. Винтерлинг высказал идею о том, что внезапное прекращение экспедиции в Британию могло быть вызвано не только мятежом легионеров, но и беспокойством Калигулы по поводу обстановки в Риме, где его власти могли угрожать интриги сената²². По возвращении в Рим император устроил для себя в августе 40 г. грандиозный триумф, стоивший немалых средств (Dio Cass. LIX. 25. 5).

Мы не можем согласиться с утверждением, согласно которому рейнский поход императора Гая не имел результатов. В плане далеко идущих последствий он в полной мере состоялся как военные маневры, заставившие активизироваться приграничные легионы, как разведывательная операция, наметившая пути дальнейшего проникновения в Германию (Suet. Calig. 51. 2), и как военная кампания, продолженная политикой Клавдия, Веспасиана, Домициана²³. Как подчеркнул С. Уилкинсон, «Гай сделал приготовления к более поздним успехам на Рейне»²⁴.

Мы поддерживаем мнение Д. Адамса и других исследователей о политической подоплеке решений и планов Калигулы. С другой стороны, незначительные на первый взгляд демарши принцепса оказали исключительное влияние на судьбу империи. Калигула был первым, кто сам взял себе титул, напоминающий о триумфе: он стал Германским (Dio Cass. LIX. 25. 5). Пусть этот символический жест не прибавил ему популярности, и сами походы Калигулы в Германию и Британию потерпели фиаско, однако стратегические планы вторжения за Рейн и пролив Ла-Манш приобрели более четкие контуры и основание для реализации. Армия не поддержала императора в борьбе с сенатской оппозицией. Трибуны преторианцев, свидетели военных демаршей Калигулы, организовали заговор (Dio Cass. LIX. 29. 1), в результате которого Гай был убит в январе 41 г. Его принципат выявил важнейшую опору императорской власти — римскую армию.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г. 1995: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М.
Анжель Ж.-М. 2004: Римская империя / Пер. Н. Н. Зубкова. М.
Вегнер В. 2002: Рим: Начало, распространение и падение всемирной империи римлян. Т. 2. Мн.
Ковалев С. И. 2006: История Рима. М; СПб.
Любкер Ф. 2007: Реальный словарь классических древностей. М.
Моммзен Т. 2002а: История римских императоров / Пер. Т. А. Орестовой. СПб.
Моммзен Т. 2002б: История Рима. Т. 5. Кн. 8. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. М.

²¹ Woods 2000, 85.

²² Winterling 2003, 103–115.

²³ Schönberger 1969, 157–158; Jahn 2001, 272–275.

²⁴ Wilkinson 2005, 46.

- Adams G. W.* 2007: The Roman Emperor Gaius 'Caligula' and His Hellenistic Aspirations. Boca Raton.
- Alston R.* 1998: Aspects of Roman History, AD 14–117. London; New York.
- Austin N. J. E., Rankov N. B.* 1995: Exploratio. Military and political Intelligence in The Roman World from the Second Punic War to the Battle of Adrianople. London.
- Balsdon J. P. V. D.* 1934: The Emperor Caius. Oxford.
- Barret A.* 1989: Caligula: the corruption of power. London.
- Davies R. W.* 1966: The Abortive Invasion of Britain by Gaius // *Historia*. 15, 124–128.
- Ferill A.* 1991: Caligula: the emperor of Rome. London.
- Hurley D. W.* 1989: Gaius Caligula in the Germanicus Tradition // *AJPh*. 110, 316–338.
- Jahn R. G.* 2001: Der Römisch-Germanische Krieg (9–16 n. Chr.). Bonn.
- Katz R. S.* 1972: The Illness of Caligula // *CW*. 65, 223–225.
- Keaveney A., Madden J. A.* 1998: The Crimen Maiestatis under Caligula: The Evidence of Dio Cassius // *CQ*. 48, 316–320.
- Keppie L. J. F.* 1998: The making of the Roman Army: from Republic to Empire. London.
- Kleijwegt M.* 1994: Caligulas Triumph at Baiae // *Mnemosyne*. 47, 652–671.
- Luttwak E. N.* 1976: The grand strategy of the Roman Empire from the first century A. D. to the third. Baltimore; London.
- Parker H. M. D.* 1928: The Roman Legions. New York.
- Phillips E. J.* 1970: The Emperor Gaius Abortive Invasion of Britain // *Historia*. 19, 369–374.
- Schönberger H.* 1969: The Roman Frontier in Germany: An Archaeological Survey // *JRS*. 59, 149–170.
- Shotter D.* 2003: Rome and Her Empire. London; New York.
- Wiedemann T. E. J.* 1996: Tiberius to Nero // *CAH*. Vol. X / A.R. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.). Cambridge, 198–255.
- Wilkinson S.* 2005: Caligula. London; New York.
- Winterling A.* 2003: Caligula. Eine Biographie. München.
- Woods D.* 2000: Caligulas Seashells // *G&R*. 47, 80–87.

THE RHINE CAMPAIGN OF GAIUS CALIGULA

Ye. S. Danilov

The article deals with the foreign policy of the third emperor from Julio-Claudian dynasty. It considers possible causes of the Rhine campaign waged by Gaius Caligula. It presents an assessment of principal opinions on the issue.

Key words: Roman Empire, principate, Gaius Caligula, the Rhine.

Северное Причерноморье

© 2011

В. Г. Зубарев, М. С. Шапцев

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»*

Статья продолжает серию публикаций материалов, найденных в период раскопок Белинского городища и его некрополя с 1996 по 2010 год, и посвящена находкам краснолаковой керамики с городища. За период раскопок Белинского городища было найдено 445 фрагментов профилированных частей краснолаковых кувшинов, тарелок, мисок, блюд, чашек, кубков, канфаров и других сосудов. Их анализ в целом подтвердил предложенную ранее историческую реконструкцию его развития, позволив уточнить отдельные ключевые моменты. Полученные результаты представляют определённый интерес и для более полного понимания истории Боспорского царства в целом, особенно в период поздней античности.

Ключевые слова: Боспорское царство, Белинское городище, краснолаковая керамика, римский и позднеантичный периоды.

Предлагаемая вниманию статья продолжает серию публикаций материалов, найденных в период раскопок Белинского городища и его некрополя с 1996 по 2010 год¹. На сельских поселениях Европейского Боспора краснолаковая керамика редко встречается в археологически целом виде, в отличие от некрополей, где целые формы присутствуют достаточно часто. Однако в погребальный инвентарь попадали далеко не все бытовавшие в обыденной жизни сосуды. Поэтому, на наш взгляд, анализ фрагментированных остатков краснолаковой керамики в контексте стратиграфических особенностей конкретного памятника и с учётом иных хронологических реперов поможет расширить датирующие возможности этой категории археологического материала.

Городище «Белинское» расположено в Восточном Крыму в 4 км от побережья Азовского моря в непосредственной близости от северного участка Узунларского

Зубарев Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. E-mail: parosta@mail.ru

Шапцев Михаил Сергеевич — младший научный сотрудник Института археологии Национальной академии наук Украины. E-mail: sharcevm@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (№ 10–01–00161а; «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале»).

¹ Зубарев, Крайнева 2004, 199–216; Зубарев, Крайнева 2005, 197–221; Зубарев, Ланцов 2006, 316–339; Зубарев 2007, 185–194; Зубарев 2008, 237–249.

вала. Площадь городища внутри периметра оборонительных стен чуть больше 8 га. Мощность культурного слоя более 2 м. В истории городища выделяются три больших периода, рубежами между которыми являются события «готских» походов середины III в. н. э. и события конца первой четверти IV в. н. э., упомянутые у Зосима.

Строительство городища и его первый период расцвета приходятся на время от первой четверти II в. н. э. до начала 50-х гг. III в. н. э. Затем следует гибель большей части городища в пожаре и его запустение как минимум до конца 70-х гг. III в. н. э. Второй период расцвета городища продолжался от 80-х гг. III в. н. э. до конца первой четверти IV в. н. э., когда оно вновь было разрушено. Третий и последний период в жизни поселения длился от конца первой четверти IV в. н. э. до первой четверти V в. н. э.²

В материалах раскопок городища «Белинское» археологически целых форм краснолаковой керамики нет. Общее количество фрагментов отдельных профилированных частей сосудов за 15 лет работы Белинской археологической экспедиции составило 445 экземпляров. Подавляющее большинство из них происходит с территории хорошо стратифицированных участков городища, что имеет значение для установления, по крайней мере, относительной хронологии. Краснолаковая керамика представлена фрагментами различных типов кувшинов, тарелок, мисок, чашек, кубков, канфаров и некоторых других сосудов. При выделении отдельных типов учитывались морфологические признаки. Сравнение по центрам производства и качеству лака не проводилось, т. к. эта работа выходит за рамки предварительной публикации материалов.

Поиск аналогий при условии фрагментарности имеющегося в нашем распоряжении материала возможен только на основании сравнения отдельных частей сосудов. К числу последних относятся:

- фрагменты верхних частей (222);
- фрагменты ручек (70);
- фрагменты нижних частей (дна) (153).

Для поиска внешних аналогий наиболее приемлемыми являются фрагменты верхних частей сосудов. При этом отметим, что в отношении кувшинов, возможно, прав О. В. Шаров, предположивший, что для выделения типов и их последующего датирования важна и профилировка ручек. Последние могли быть одинаковыми на разных кувшинах, выступая в качестве своеобразного клейма мастера³. Однако подобный анализ при отсутствии целых форм практически невозможен, и поиск любых аналогий будет некорректен. Точно так же нельзя использовать для этой цели и фрагменты дна сосудов. И в том и в другом случае мы ограничились выделением типов внутри имеющихся в наличии фрагментов на основе морфологических признаков.

Как уже отмечалось выше, анализ фрагментов краснолаковой керамики из раскопок городища осуществлялся в контексте стратиграфических особенностей памятника. В связи с этим мы отказались от составления общего каталога найденных фрагментов. Описание даётся внутри отдельных групп сосудов в рамках типов и подтипов по периодам, выделенным нами в истории городища на основе

² Зубарев 2000, 63–77.

³ Шаров 2007, 54.

стратиграфии памятника и иных хронологических реперов (амфорного и монетного материала). В описании указаны подробные морфологические признаки анализируемого материала, количество найденных экземпляров и даётся ссылка на графический рисунок. В тех случаях, когда это возможно, приводятся аналогии. Анализ фрагментов ручек и доньев сосудов дан отдельно.

Краснолаковые кувшины.

Краснолаковые кувшины из раскопок городища «Белинское» представлены 59 фрагментами верхней части. По форме горла они могут быть разделены на три типа:

I тип — кувшины с воронковидным горлом;

II тип — кувшины с цилиндрическим горлом;

III тип — кувшины с биконическим горлом.

Наибольшее количество фрагментов принадлежит **первому типу** (50). По характерным морфологическим признакам венчика внутри этого типа можно выделить по крайней мере 9 подтипов, причём в отдельных случаях объединение в подтип достаточно условно, т. к. наряду с общими признаками имеются и различия.

Подтип 1. Кувшины с воронковидным горлом и двучастным венчиком (20 фр.) (рис. 1.1).

Кувшины этого типа встречаются в I–III вв. н. э.⁴

На городище «Белинское» 6 фрагментов этого типа кувшинов найдено в стратиграфическом горизонте первого периода (первая четверть II в. н. э. — начало 50-х гг. III в. н. э.), 11 фрагментов — второго периода (80-е гг. III в. н. э. — конец первой четверти IV в. н. э.), 3 фрагмента — третьего периода (конец первой четверти IV в. н. э. — первая четверть V в. н. э.). В слой последнего периода фрагменты попали, скорее всего, случайно при проведении строительных работ и засыпке хозяйственных ям. Большинство фрагментов, связанных со вторым периодом, обнаружены сразу над слоем пожара середины III в. н. э., в засыпи ям или в заполнении помещений, функционировавших как в первом периоде, так и во втором. Следует иметь в виду, что после разгрома середины III в. н. э. жизнь на городище полностью не прекращалась и какое-то население здесь было и в период упадка до начала 80-х гг.

Таким образом, наиболее интенсивное использование кувшинов этого типа на городище приходится на II–III вв. н. э., что вполне согласуется с датировкой выявленных аналогий.

Подтип 2. Кувшины с воронковидным горлом и отогнутым венчиком (3 фр.). Два фрагмента этого подтипа полностью идентичны (рис. 1.2), а один отличается большей массивностью (рис. 1.3).

Точных аналогий этому типу найти не удалось. Близкие по форме венчика и горла кувшины встречены в комплексах II–III вв. н. э.⁵

Это вполне согласуется с обстоятельствами находки фрагментов кувшинов этого подтипа на городище. Два из них связаны с первым периодом и один со вторым.

⁴ Высотская 1994, 78, табл. 12–18; Зайцев 1997, 108, рис. 61; Зубар, Рыжов, Шевченко 1986, 60; Нессель 2000, 153; Сымонович 1983, табл. 5, рис. 10.

⁵ Клёнина 2004, рис. 23.14; Нессель 2000, 153.

Подтип 3. Кувшины с воронковидным горлом и вертикальным венчиком, основанием которого является чётко выраженное ребро (14фр.) (рис.1.4).

Кувшины с подобным горлом известны в варварских могильниках: Алмалык, Килен-Балка, Озёрное III, Чёрная речка⁶. Известны они также в Херсонесе, где происходят из раскопок цистерны, датированной А. В. Сазановым последней четвертью V в. н. э.⁷

Девять фрагментов этого подтипа идентичны, пять имеют морфологические особенности.

У одного фрагмента венчик профилирован желобком, а переход от горла к венчику оформлен в виде ступени (рис.1.5)

Сосуды с близким по форме горлом обнаружены в Усть-Альминском некрополе и могильнике у с. Заветное. В Заветнинском могильнике подобные кувшины датируются I–II вв. н. э.⁸ Более широко датирует сосуды этого типа Т. Н. Высотская — I–III вв. н. э.⁹ Более поздним временем — III–IV вв. н. э., — можно датировать кувшин с похожим горлом из раскопок могильника Килен-Балка.¹⁰

У другого — более высокий венчик (рис. 1.6). Аналогий не найдено.

У трёх фрагментов отсутствует ребро в основании (рис. 1.7, 1.8, 1.9)

Кувшины с близким по форме венчиком встречаются в Херсонесе¹¹ и на его ближней хоре¹². Встречены они также в могильниках Дружное¹³ и Лучистое¹⁴.

Датировать этот тип в целом можно второй пол. II — нач. V вв. н. э.

На городище «Белинское» только 2 фрагмента кувшинов были найдены в слое третьего периода. Большинство стратиграфически связано с горизонтом второго периода (12). Вероятно, к этому периоду и следует отнести наиболее широкое их бытование на поселении.

Подтип 4. В этот подтип мы объединили лишь два фрагмента. Общим признаком у них является горизонтально отогнутый венчик.

У первого фрагмента венчик слегка приподнят, а у основания имеется ребро (рис. 1.10). Аналогий не найдено.

Второй фрагмент дополнительных морфологических особенностей не имеет (рис. 1.11). Аналогий также не найдено.

Оба фрагмента обнаружены в стратиграфическом горизонте второго периода: один в заполнении помещения 16, другой непосредственно в слое.

Подтип 5. В этот подтип объединены четыре фрагмента краснолаковых кувшинов, общим признаком у которых является подтреугольный в сечении венчик. Два наиболее ранних из них, найденные в слое первого периода, имеют в дополнении орнаментальный валик под венчиком (рис. 1.12). Остальные отличаются только пропорциями (рис. 1.13; 2.1). Найдены они в слое третьего периода. Воз-

⁶ Иванова 2009, 50–51, рис.14, 78 — 80; Нессель 2003, 118, рис. 8, 3–6; 9, 1–3, 5–6; Айбабин 1984, 115, рис. 6,6; Айбабин 1990, 15, рис. 4,5; Лобода 1977, 245–246, 251, рис. 6,2.

⁷ Сазанов 1999, 237–249.

⁸ Богданова 1989, 28, табл. III, 17.

⁹ Высотская 1994, 98.

¹⁰ Нессель 2003, рис. 9,7.

¹¹ Зубарь, Ивлева, Чепак 1990, 5, рис. 4.1; Рыжов 1986, 132, рис. 3,2.

¹² Клёнина 2004, 58, рис. 21, 23.

¹³ Храпунов 2002, 59, рис. 59, 5,6.

¹⁴ Айбабин, Хайрединова 1998, рис. 18,6.

можно, наличие орнаментального валика под венчиком является признаком более ранней формы этого подтипа. Аналогий ему мы пока не нашли.

Подтип 6. В этот подтип мы включили три фрагмента краснолаковых кувшинов, объединённых общим признаком венчика в виде валика. Два из них отличаются только пропорциями (рис. 2.2; 2.3). Один имеет профилировку по венчику (рис. 2.4). Аналогий данному подтипу найти не удалось. Фрагмент профилированного венчика был обнаружен в слое позднего перекопа. Два других фрагмента связаны со слоем первого периода. Этим временем и следует датировать найденные фрагменты.

Подтип 7. К этому подтипу нами отнесён только один фрагмент кувшина с венчиком в виде воротничка (рис. 2.5). Аналогий ему найти не удалось. Место находки — слой первого периода.

Подтип 8. В этот подтип мы включили два фрагмента с расширяющимся к краю венчиком. Они не идентичны и отличаются пропорциями (рис. 2.6; 2.7). Первый найден в слое первого периода, второй — в слое третьего периода. Аналогий не выявлено.

Подтип 9. Единственный фрагмент, отнесённый к этому подтипу, отличается широким устьем и двучастным венчиком (рис. 2.8). Он найден в зольнике, хронологически связанном с первым периодом. Аналогий выявить не удалось.

Краснолаковые кувшины **второго типа** представлены 7 фрагментами. На основании различий морфологических признаков венчика мы разделили их на четыре подгруппы.

Подтип 1. Кувшины с цилиндрическим горлом, отогнутым венчиком, с выступом на внутренней части гола (для крышки?) и орнаментальным валиком под венчиком (3 фр.). (рис. 2.9).

Аналогий среди краснолаковой керамики, данному типу найти не удалось.

Довольно близко нашему фрагменту, горло гончарного кувшина из раскопок поселения в Барабановской балке, датировать которое можно II–III вв. н. э.¹⁵

На городище «Белинское» один фрагмент был найден в слое первого периода, один — в слое второго периода, один — в зольнике, хронологически связанном с третьим периодом.

Подтип 2. Кувшин с цилиндрическим горлом и с перегибом под загнутым венчиком (1 фр.) (рис. 2.10).

Близкий по форме венчика кувшин происходит из Ольвии, где датируется довольно широко — I–III вв. н. э.¹⁶

Наш фрагмент найден в слое первого периода.

Подтип 3. Кувшин с подтреугольным венчиком в сечении (1 фр.) (рис. 2.11). Аналогий не найдено. Наш фрагмент происходит из слоя третьего периода.

Подтип 4. Два фрагмента, отнесённых к этому подтипу, объединяет венчик в виде валика. Разница в пропорциях (рис. 2.12; 2.13). Первый фрагмент найден в слое первого периода. Второй — в слое третьего периода.

Краснолаковые кувшины **третьего типа** представлены двумя фрагментами. Это кувшины с биконическим горлом и венчиком в виде валика (рис. 2.14).

¹⁵ Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009, 25, рис. 57.3.

¹⁶ Крапивина 1993, 118, рис. 62.

Аналогичная форма горла известна у краснолаковых кувшинов, которые датируются II–III вв. н. э.¹⁷

Из наших фрагментов один найден в заполнении хозяйственной ямы первого периода, второй в слое второго периода. Датировать их можно этим же временем.

Краснолаковые тарелки.

Краснолаковые тарелки из раскопок городища «Белинское» представлены 43 фрагментами. По форме тулова все они относятся к одному типу тарелок с усеченно коническим туловом. На основе различий морфологических признаков бортика тарелки мы разделили их на шесть подтипов.

Подтип 1. Тарелки с туловом усеченно конической формы, оканчивающимся ребром, являющимся основанием вертикального слегка отогнутого бортика (37 фр.) (рис. 3.1).

Фрагменты тарелки этого варианта из нашей коллекции принадлежат к форме 4 по Д. В. Журавлёву и типу 3 по А. А. Труфанову. Д. В. Журавлёв датирует такие тарелки II — пер. пол. III вв. н. э.¹⁸ Так же датирует подобные сосуды и А. А. Труфанов¹⁹.

Из 37 фрагментов тарелок этого типа 17 найдено в заполнении помещений (2), засыпи хозяйственных ям (4) и в слое первого периода. 14 — в заполнении помещений (5), засыпи хозяйственных ям (2) и в слое второго периода. Оставшиеся 6 фрагментов происходят из слоя третьего периода, куда они, вероятнее всего, попали со строительным мусором во время восстановительных работ на городище. Аналогичное происхождение имеют и фрагменты, стратиграфически связанные со вторым периодом. Хотя в данном случае использование населением в быту подобных тарелок какое-то время и после разрушений середины III в. н. э. исключать нельзя.

Подтип 2. Тарелки с туловом усеченно-конической формы и слегка вогнутым массивным, вертикальным бортиком (2 фр.) (рис. 3.2).

В целом однотипны с тарелками первого типа, но вероятнее это местное производство, датироваться они могут 2-й пол. III в. н. э.

Эта датировка вполне согласуется с обстоятельствами находки фрагментов на городище. Оба они происходят из слоя второго периода.

Подтип 3. Тарелки с туловом усеченно-конической формы и вертикальным бортиком, переход от тулова к бортику украшен орнаментальным желобком (1 фр.) (рис. 3.3).

Аналогий найти не удалось.

Обнаружен этот фрагмент в засыпи хозяйственной ямы первого периода.

Подтип 4. Тарелки с отогнутым вертикальным бортиком (1 фр.) (рис. 3.4).

Аналогий найти не удалось.

Фрагмент обнаружен в грунте заполнения помещения 7 второго периода, однако, учитывая, что это помещение функционировало и в первый период, датировать его возможно более ранним временем.

Подтип 5. Тарелки с загнутым вертикальным бортиком, украшенным валиком (1 фр.) (рис. 3.5).

¹⁷ Каменецкий 1993, 111, тип XXI; Пуздровский 2007, 25, рис. 57,3.

¹⁸ Журавлёв 2005, 146; там же подробная подборка аналогий.

¹⁹ Труфанов 1997, 188–190.

Фрагмент близок по форме к первому типу. Прямых аналогий найти не удалось.

Происходит из слоя третьего периода.

Подтип 6. Тарелки на кольцевом поддоне с туловом усечено конической формы и двучастным венчиком (1 фр.) (рис. 3.6).

Аналогий не найдено.

Фрагмент обнаружен в засыпи хозяйственной ямы первого периода.

Краснолаковые миски.

За 15 лет работы Белинской археологической экспедиции был найден 51 фрагмент краснолаковых мисок. По форме тулова их можно отнести к трём типам:

первый тип — с усеченно коническим туловом (45);

второй тип — с округлым туловом (4);

третий тип — с полусферическим туловом (2 фр.).

Первый тип представлен десятью вариантами.

Подтип 1. Миски на низком кольцевом поддоне (4 фр.) (рис. 3.7).

Сосуды этого типа часто встречаются при раскопках варварских могильников Крыма²⁰. Встречены они и при раскопках Ольвии²¹ и Фанагории²².

Определённой датировки данный тип не имеет. Так, А. И. Романчук и А. В. Сазанов датируют подобные изделия по херсонесским материалам концом IV — третьей четвертью VI вв. н. э.²³ Более раннюю датировку этой формы предлагает А. И. Айбабин — пер. пол. IV — пер. пол. VI вв. н. э.²⁴ На Боспоре, по мнению А. В. Сазанова, подобные блюда были распространены в сер. IV — третьей четв. VI вв. н. э.²⁵ Более узкую датировку для данных сосудов предлагает А. Опайт — V в. н. э.²⁶

Данный тип относится к группе Pontic Red Slip Ware²⁷.

Один фрагмент этого подтипа найден в засыпи хозяйственной ямы 7 второго периода, один в слое того же времени, один в слое третьего периода и ещё один в слое позднего перекопа. Особый интерес в плане уточнения хронологии бытования этого подтипа представляет фрагмент, найденный в хозяйственной яме 7. В этой яме, помимо обломков керамической посуды, было найдено несколько позднебоспорских монет первой четверти IV в., наиболее поздняя из которых, по уточнённым после реставрации данным, датируется 318 годом. Засыпка ямы производилась единовременно в период, когда помещение, внутри которого располагалась яма, ещё функционировало. Слой пожара, перекрывающий яму, датируется самым концом первой четверти IV в. н. э., а в слое, перекрывающем остатки строений второго периода, найдены статеры Рескупорида VI 322 и 323 гг. Таким образом, засыпка ямы 7 осуществлялась в интервале от 318 г. до 322 г. Именно это обстоятельство позволило сделать вывод о том, что начальным этапом бытования

²⁰ Айбабин 1990, 16; Высотская 1998, рис. 2.1; Зайцев 1997, рис. 64; Лобода 1977, 214, рис. 3.3; Храпунов 2002, 58, рис. 69, 7–8; 86,5; 120,1; 140,17; 147,3; 151, 1–2; 179,1; 211,11.

²¹ Крапивина 1993, 110, рис. 48,21.

²² Атавин 1993, 151, рис. 1.4.

²³ Романчук, Сазанов 1991, 35–40.

²⁴ Айбабин 1990, 16.

²⁵ Сазанов 1989, 51.

²⁶ Opait 1985, 155. abb. 1.10.

²⁷ Domzalski 1997, 106–107, fig. 4, 85.

всех типов сосудов, найденных в яме 7 городища «Белинское», является рубеж первой и второй четверти IV в. н. э.²⁸

Подтип 2. Миски с утолщённым верхним краем (14 фр.) (рис. 3.8).

Данный тип относится к вариантам 3–4 по И. С. Каменецкому и датируются II–III вв. н. э.²⁹ Этим же временем датированы аналогичные сосуды из святилища на Сакской пересыпи³⁰. Л. Ф. Силантьева относит фрагменты подобных сосудов к I — нач. II вв. н. э.³¹ Подобный сосуд встречен в могильнике Бельбек IV, в погребении 3, которое датируется концом II — первой пол. III вв. н. э.³² Этим же временем датирует керамический комплекс, содержащий аналогичные миски из усадьбы «Близнецы» Е. Ю. Клёнина³³.

Фрагменты таких мисок на городище «Белинское» были найдены в стратиграфическом горизонте первого периода (6 фр.), причём три из них в заполнении хозяйственных ям, перекрытых слоем пожара середины III в. н. э.; стратиграфическом горизонте второго периода (5 фр.) и слое третьего периода (3 фр.). В последнем случае, скорее всего, фрагменты попали во время земляных работ при строительстве.

Подтип 3. Миски с вертикальным бортиком (4 фр.) (рис. 3.9).

Сосуды этого типа встречаются в слоях II–III вв. н. э. в Херсонесе³⁴ и на его хоре³⁵. Известны они также и в Мирмекии и Тиритакке, в слоях первых веков н. э.³⁶

Лишь один из найденных на городище фрагментов мисок этого подтипа обнаружен в засыпи хозяйственной ямы второго периода. Три других фрагмента стратиграфически связаны с третьим периодом. Вполне вероятно, что подобные миски могли использоваться в этом случае и в первой четверти IV в. н. э.

Подтип 4. Миски с вертикальным венчиком (2 фр.) (рис. 3.10).

Данный тип мисок встречается в комплексах III вв. н. э. в Северном Причерноморье³⁷.

Находка наших фрагментов в заполнении хозяйственной ямы 4 и помещения 7, стратиграфически связанных с первым и вторым периодами, вполне соответствует такой датировке.

Подтип 5. Миски с вертикальным, слегка загнутым краем (8 фр.) (рис. 3.11).

Такие миски были найдены на Козырском городище, где датируются II в. н. э.³⁸

Только один фрагмент миски этого подтипа найден в слое первого периода и, следовательно, может быть датирован II в. н. э. Ещё три фрагмента стратиграфически связаны со вторым периодом и пять с третьим. Таким образом, нельзя исключить возможность бытования мисок этого подтипа, по крайней мере, и в III в. н. э.

²⁸ Юрочкин, Зубарев 2001, 464–465.

²⁹ Каменецкий 1993, 45.

³⁰ Ланцов 2003, 16.

³¹ Силантьева 1958, типы 9 и 23 (И).

³² Журавлёв 2007, 407, кат. № 32.

³³ Клёнина 2004, 39–42.

³⁴ Золотарёв, Коробков, Ушаков 1997, 19.

³⁵ Клёнина 2004, 47–48, рис. 14–15.

³⁶ Книпович 1952, 302.

³⁷ Арсеньева 1981, рис. 3.8; Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 82, табл. XV, 9–11; 85.

³⁸ Бураков 1976, табл. VIII, 4,5.

Подтип 6. Миски с отогнутым наружу и слегка вниз венчиком подтреугольной формы (2 фр.) (рис. 3.12).

Подобные сосуды известны в Херсонесе³⁹, в Пантикапее⁴⁰, в Ольвии⁴¹, в некрополе Кыз-Аул⁴², и в Нимфее⁴³.

Датируются эти сосуды довольно широко — от первой половины I в. н. э.⁴⁴ до середины III в. н. э.⁴⁵

Фрагменты мисок с городища «Белинское» найдены в слое третьего периода и в заполнении помещения 15, стратиграфически связанном с этим слоем. Можно предположить (учитывая, что фрагментов всего два) случайность этой находки, попавшей сюда из более раннего слоя. Однако и исключать бытование таких мисок позднее середины III в. н. э. не стоит.

Подтип 7. Миски с плавно загнутым краем (6 фр.) (рис. 4.1)

Миски такой формы И.С. Каменецкий относит к вариантам 1–2 I типа своей классификации и датирует концом I в. до н. э. — началом II в. н. э.⁴⁶ Этим же времен датированы аналогичные сосуды из святилища на Сакской пересыпи⁴⁷. Силантьева относит фрагменты подобных сосудов к I — нач. II вв. н. э.⁴⁸

Наши фрагменты происходят частично из стратиграфических горизонтов первого периода (3), а частично второго периода (3). Во второй период эти фрагменты попали, скорее всего, при строительных работах из более раннего слоя. Они найдены в засыпи хозяйственных ям и в грунте заполнении помещения. Два фрагмента из горизонта первого периода обнаружены при зачистке пола помещений 39 и 40. Следует отметить, что это наиболее ранний вариант краснолаковой керамики из найденных на городище фрагментов, и датировать его можно началом — первой четвертью II в. н. э., т. е. временем постройки городища.

Подтип 8. Миски с горизонтально отогнутым венчиком (2 фр.) (рис. 4.2).

Бликие по форме сосуды обнаружены в могильниках Нейзац и Дружное — IV в. н. э., в могильнике Алмалык, где найдены в могиле втор. пол. IV — начала V вв. н. э., а также в некрополе Херсонеса, где происходят из погребения II–IV вв. н. э.⁴⁹

Наши фрагменты найдены в слое третьего периода и в засыпи хозяйственной ямы, стратиграфически с ним связанной. Этим временем их и следует датировать.

Подтип 9. Миска с туловом усечено конической формы и венчиком с утолщением (1 фр.) (рис. 4.3).

Данный тип относится к Late Roman C form 2 по Дж. Хейсу, датируется данный тип 370–450 гг. н. э.⁵⁰

³⁹ Кадеев, Сорочан 1989, рис. 22.3.

⁴⁰ Кунина, Сорокина 1973, рис.3.24; Журавлёв, Ломтадзе 1999, рис. 3.29.

⁴¹ Козуб 2002, табл. III,3.

⁴² Гайдукевич 1959, рис. 79,1.

⁴³ Domzalski 1997, fig. 2,43.

⁴⁴ Meyer-Schlichtmann 1988, 140; Кунина, Сорокина 1973, 150.

⁴⁵ Шелов 1965, 88; Арсеньева, Науменко 1992, 17; Robinson 1959, 59.

⁴⁶ Каменецкий 1993, 40–52.

⁴⁷ Ланцов 2003, 16.

⁴⁸ Силантьева 1958, типы 9 и 23 (И).

⁴⁹ Храпунов 2002, 59, рис.69,2; 158,5; 175, 1,2; 194,5; 195,4; Храпунов 2008, 379, рис. 11,4; Иванова 2009, 48–49, рис. 13, 72–75; Зубарь, Ивлёв, Чепак 1990, 9, рис.6, 5.

⁵⁰ Hayes 1972, 327–329.

Наш фрагмент найден в слое третьего периода. Этим временем и исследует его датировать.

Подтип 10. Миска с плавно загнутым заострённым краем (1 фр.) (рис. 4.4).

Данный тип соответствует форме 1А группы «Late roman C», датируется концом IV — нач. V вв. н. э.⁵¹ Близкие по форме миски происходят из могильников Нейзац⁵², Дружное⁵³, Совхоз 10⁵⁴.

Наш фрагмент следует датировать этим же временем, т.к. найден он в слое третьего периода.

Подтип 11. Миска с вертикальным массивным бортиком (1 фр.) (рис. 4.5).

Такие миски встречены в могильнике Дружное, где датированы III — пер. пол. V вв. н. э.⁵⁵ в могильниках Скалистое III⁵⁶, Килен-Балка, где их датировка близка к дате сосудов из Дружного — втор. четв. III — нач. V вв. н. э.⁵⁷, в некрополе «Совхоз 10» такие миски датируются IV–V вв. н. э.⁵⁸ Известны похожие сосуды и во втор. пол. V в. н. э.⁵⁹

Наш фрагмент был найден в засыпи хозяйственной ямы 8, стратиграфически связанной с третьим периодом, что вполне соответствует известной датировке подобных мисок.

Анализ морфологических признаков верхнего края мисок **второго типа** позволил выделить среди них четыре подтипа.

Подтип 1. Миска с округлым туловом и горизонтально отогнутым, слегка приподнятым краем (1 фр.) (рис. 4.6).

Миски этого типа встречены на Козырском городище, где датируются III в. н. э.⁶⁰, в погребении № 28 Чатыр-Дагского некрополя, которое датируется III в. н. э.⁶¹

Наш фрагмент был найден в грунте заполнения помещения 16, стратиграфически связанным с третьим периодом.

Подтип 2. Миска с округлым туловом и отогнутым венчиком (1 фр.) (рис. 4.7).

Близкие по форме сосуды известны в могильнике Совхоз 10, где датируются концом III в. н. э.⁶² Подобные сосуды, происходящие из раскопок некрополя Херсонеса, датируются V в. н. э.⁶³

Наш фрагмент был найден в грунте заполнения помещения 16, стратиграфически связанном с третьим периодом.

Подтип 3. Миска на низком кольцевом поддоне с округлым туловом и горизонтально отогнутым венчиком (1 фр.) (рис. 4.8).

⁵¹ Ibid., 327, fig. 65.2.

⁵² Высотская, Махнёва 1983, рис. 6.3.

⁵³ Храпунов 2002, 59, рис. 151, 4; 158, 2.

⁵⁴ Высотская 1998, 260, рис. 2, 9; Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, табл. XV, 6.

⁵⁵ Храпунов 2002, 58–59.

⁵⁶ Богданова, Гушина, Лобода 1976, 135, рис. 4, 59.

⁵⁷ Nessel 2001, fig. 2.6; Нессель 2003, 114, рис. 4, 2–5, 11.

⁵⁸ Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 84–85, табл. XV, 7–11.

⁵⁹ Сазанов 1999, рис. 14.9.

⁶⁰ Бураков 1976, 98, табл. VIII, 20–21, тип 15.

⁶¹ Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 163, рис. 4.11.

⁶² Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 85, табл. XIV, 33–37.

⁶³ Зубарь 1982, рис. 41.

Подобные сосуды встречаются довольно часто в Северном Причерноморье и датируются серединой IV–V вв. н. э.⁶⁴

Не противоречат такой датировке и обстоятельства находки нашего фрагмента: в слое третьего периода.

Подтип 4. Миска с округлым туловом и вертикальным венчиком, профилированным желобком (1 фр.) (рис. 4.9).

Близкие по форме сосуды происходят из Ольвии, где датируются II–III вв. н. э.⁶⁵

Наш фрагмент найден в слое первого периода.

Третий тип представлен на городище «Белинское» двумя подтипами.

Подтип 1. Миска с полусферическим туловом и отогнутым и слегка приподнятым венчиком (1 фр.) (рис. 4.10).

Аналогий не найдено.

Наш фрагмент найден в грунте заполнения помещения 39, которое стратиграфически связано с первым периодом.

Подтип 2. Миска с туловом полусферической формы и заострённым вертикальным венчиком (1 фр.) (рис. 4.11).

Аналогий не найдено.

Фрагмент обнаружен в переотложенном грунте позднего перекопа.

Краснолаковые чашки.

За время работы Белинской археологической экспедиции было найдено 42 фрагмента верхней части краснолаковых чашек. По форме тулова их можно разделить на четыре типа:

первый тип — с туловом усеченно конической формы;

второй тип — с туловом полусферической формы;

третий тип — с туловом биконической формы;

четвёртый тип — с туловом округлой формы.

К **первому типу** нами отнесено 34 фрагмента. Анализ морфологических признаков венчиков чашек позволяет выделить внутри этого типа три подтипа.

Подтип 1. Чашки с туловом усеченно конической формы, оканчивающимся ступенью, образующей слегка загнутый бортик (25 фр.) (рис. 5.1).

Подобные чашки известны в комплексе II–III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы», расположенной на хоре Херсонеса⁶⁶, в некрополях Совхоз 10⁶⁷ и Четыр-Даг⁶⁸.

Все вышеприведённые аналогии датируются II–III вв. н. э.

Большинство наших фрагментов стратиграфически связаны с первым периодом (14), причём 5 фрагментов извлечено из засыпи хозяйственных ям, перекрытых слоем пожара середины III в. н. э., а один с раннего пола помещения 7, также перекрытого слоем пожара. Шесть фрагментов найдены в стратиграфическом горизонте второго периода. Из них четыре обнаружены в помещениях, восстановленных после пожара. Остальные (5) относятся к третьему периоду, однако обстоятельства их находки (в засыпи ямы и в бутовом заполнении кладки стены)

⁶⁴ Айбабин 1990, 16–17, рис. 5,8; Нессель 2003, 109–110, рис. 3, 6–10; Arsen'eva, Domzalski 2002, 426.

⁶⁵ Крапивина 1993, 117, рис. 59,13.

⁶⁶ Клёнина 2004, 52–54.

⁶⁷ Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 82, табл. XIII, 1,5.

⁶⁸ Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров 2006, 113, рис. 4,6.

позволяют исключить этот период из времени бытования чашек данного подтипа. Наиболее же массовым их использование было, по-видимому, до середины III в. н. э.

Подтип 2. Чашки на кольцевом поддоне с туловом усечённо конической формы, оканчивающимся ступенью, образующей загнутый бортик, профилированный двумя желобками (8 фр.) (рис. 5.2).

Такие сосуды обнаружены во многих комплексах IV–V вв. н. э.⁶⁹ Они рассматриваются как более позднее развитие подтипа 1 и отличаются от последнего вытянутостью и стройностью формы. Однако обстоятельства обнаружения наших фрагментов заставляют усомниться в правильности такого подхода.

Только один фрагмент стратиграфически связан с третьим периодом. Четыре обнаружены в слое первого периода, причём один в засыпи хозяйственной ямы, перекрытой слоем пожара середины III в. н. э. Ещё три фрагмента чашек этого подтипа найдены в слое второго периода. Таким образом, следует признать, что чашки второго подтипа появляются в Северном Причерноморье как минимум в III в. н. э. и какое-то время обращаются в быту вместе с чашками подтипа 1.

Подтип 3. Чаши с туловом усечённо конической формы и вертикальным бортиком, основой которого является острое ребро (1 фр.) (рис. 5.3).

Аналогий не найдено.

Наш фрагмент обнаружен в слое третьего периода.

Второй тип чашек представлен шестью фрагментами, разделёнными нами на четыре подтипа.

Подтип 1. Чаши полусферической формы, с закруглённым венчиком и выступом на тулове в виде ребра (2 фр.) (рис. 5.4).

Данный тип довольно часто встречается в Северном Причерноморье⁷⁰. Он относится к Eastern Sigillata C⁷¹, которая датируется, концом I–II вв. н. э. Эта форма является одной из самых популярных в ESC.

Наши фрагменты найдены в засыпи хозяйственных ям первого периода, перекрытым слоем пожара середины III в. н. э. Они синхронны краснолаковым мискам 1 типа 7 подтипа и также датируются начальным этапом в жизни городища — началом — первой четвертью II в. н. э.

Подтип 2. Чашки с полусферическим туловом и слегка загнутым двучастным венчиком (2 фр.) (рис. 5.5).

Аналогичная чашка найдена в склепе № 155 могильника Алмалык, который датируется 360/70–400/10 гг. н. э.⁷² Также такая чашка обнаружена в могильнике Нейзац, в склепе IV в. н. э. и на близлежащем поселении в Барабановской балке⁷³.

Оба наших фрагмента стратиграфически связаны со вторым периодом, причём один из них происходит из грунта заполнения помещения, а второй из засыпи

⁶⁹ Айбабин 1990, 17, рис. 5.3; Иванова 2009, 49–50, рис. 13,77; Книпович 1952, 301, рис. 3,3; Масленников 1997, 16–17, рис. 34,3; Сазанов 1999, рис. 14, 4–8; Храпунов 2002, 61, рис. 88, 2–3; 139, 13.

⁷⁰ Каменецкий 1993, 116–118, рис. 30, 220, 222; Книпович 1952, 303; Крапивина 1993, 114, рис. 55, 6–9; Domzalski 1997, 106, fig. 4, 81–82.

⁷¹ Hayes 1985, form., L19.

⁷² Иванова 2009, 47, рис. 13, 68.

⁷³ Храпунов 2008, 379, рис. 14,4; Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009, 24, рис. 54, 6; 55,6.

хозяйственной ямы. Скорее всего, датировать фрагменты следует временем рубежа первой и второй четверти III в. н. э., когда на городище велись восстановительные работы.

Подтип 3. Чаши полусферической формы с прямым заострённым краем. Под краем с внутренней стороны имеется утолщение (1 фр.) (рис. 5.6).

Аналогий не найдено.

Наш фрагмент происходит из слоя первого периода.

Подтип 4. Чашки с туловом полусферической формы и венчиком в виде валика (1 фр.) (рис. 5.7).

Аналогий не найдено.

Наш фрагмент происходит из грунта заполнения помещения, которое стратиграфически связано со вторым периодом.

Третий тип представлен лишь одним фрагментом. Это чаши с биконическим туловом (?) и венчиком в виде валика (рис. 5.8).

Данной форме близка чаша из могильника Нейзац, где подобная чашка обнаружена в склепе IV в. н. э.⁷⁴ Также близкие по форме чаши обнаружены при исследовании поселения в Барабановской балке⁷⁵, где датируются тем же временем.

Наш фрагмент найден в засыпи хозяйственной ямы, стратиграфически связанной с третьим периодом.

Четвёртый тип также представлен одним фрагментом. Это чаши с округлым туловом, горизонтально отогнутым и слегка приподнятым венчиком (рис. 5.9).

Аналогов данному типу найти не удалось.

Наш фрагмент обнаружен в слое второго периода.

Краснолаковые блюда.

Эта группа краснолаковой керамики представлена тремя однотипными фрагментами блюд с округлым по форме туловом с отогнутым горизонтально и слегка приподнятым краем (рис. 4.12).

Данный тип часто встречается в комплексах конца IV — 3-й четв. VI вв. н. э.⁷⁶

Обстоятельства находок наших фрагментов позволяют несколько скорректировать нижнюю дату краснолаковых блюд. Все три фрагмента стратиграфически связаны со вторым периодом. Один был найден в засыпи хозяйственной ямы, второй — в грунте заполнения помещения, третий — в слое вне строительных остатков.

Вопрос о коррекции хронологии отдельных категорий находок уже поднимался в связи с публикацией комплекса с монетами IV века из раскопок городища «Белинское»⁷⁷. Среди прочего материала в засыпи хозяйственной ямы 7 был найден фрагмент краснолакового блюда, отличающийся от нашего формой верхнего края⁷⁸. Начальным этапом его бытования определяется рубеж первой — второй четвертей IV века⁷⁹. Стратиграфическая картина строительных остатков, в заполнении которых обнаружены наши фрагменты, полностью идентична яме 7.

⁷⁴ Храпунов 2008, 379, рис. 12.4.

⁷⁵ Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009, 24, рис. 54, 5; 55, 6.

⁷⁶ Арсеньева 1981, 45, рис. 1, 9; Беляев 1968, 32, рис. 1, 2; 4; Крапивина, Домжалский 2008, 79, рис. 1, 5; Сазанов 1989, 55; 1994, 411.

⁷⁷ Юрочкин, Зубарев 2001, 454–473.

⁷⁸ Там же, 472, рис. 1.19.

⁷⁹ Там же, 465.

Их перекрывает слой пожара конца первой четверти IV века. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что и наш вариант краснолакового блюда следует датировать этим временем.

Краснолаковые кубки.

Из раскопок городища «Белинское» происходят 9 фрагментов верхних частей краснолаковых кубков. По форме тулова они делятся на два типа:

первый тип — с туловом округлой формы (8 фр.);

второй тип — с туловом биконической формы (1 фр.).

Внутри **первого типа** имеются две разновидности.

Подтип 1. Кубки с округлым туловом, слегка отогнутым венчиком и петле-видной ручкой, крепящейся к венчику и плечу сосуда (6 фр.) (рис. 5.10).

Сосуды этого типа известны в могильнике Перевальное, где датируются второй-третьей четвертью III в. н. э.⁸⁰

Обстоятельства находки наших фрагментов вполне соответствуют этой датировке. Четыре фрагмента стратиграфически связаны со слоем первого периода, два — со слоем второго.

Подтип 2. Кубки с округлым (?) туловом и вертикальным слегка загнутым венчиком, отделённым от тулова перегибом (2 фр.) (рис. 5.11).

Подобные кубки известны в Ольвии в слоях втор. пол. I–III вв. н. э.⁸¹

Наши фрагменты были найдены в слое второго периода и, скорее всего, датируются последней четвертью III в. н. э.

Второй тип краснолаковых кубков представлен лишь одним фрагментом. Это кубок с туловом биконической формы и отогнутым венчиком (рис. 5.12). Найден наш фрагмент в засыпи хозяйственной ямы третьего периода. Аналогий выявить не удалось.

Краснолаковые канфары.

Эта группа краснолаковой керамики в материалах из раскопок городища «Белинское» насчитывает три фрагмента. Все они имеют цилиндрическую форму, но отличаются пропорциями и формой венчика.

Подтип 1. Канфары с туловом вытянутой цилиндрической формы, слегка расширяющимся книзу (2 фр.) (рис. 5.13).

Данный тип был подробно рассмотрен Д. В. Журавлёвым⁸². Сосуды подобные нашему датируются сер. II — пер. пол. III вв. н. э.⁸³

Следует отметить, что находки сосудов этого типа редки на варварских памятниках: в двух варварских могильниках — Скалистое III и Бельбек IV⁸⁴, а также на поселении в Барабановской балке⁸⁵.

Оба наших фрагмента найдены в слое второго периода. Можно допустить, что какое-то время они сохранялись в быту и во второй половине III в. н. э.

Подтип 2. Канфары с туловом цилиндрической формы и горизонтально отогнутым венчиком (1 фр.) (рис. 5.14).

⁸⁰ Пуздровский 2007, 195, рис. 183, 7, 9.

⁸¹ Kņipowitsch 1929, 41, taf. III, 35, 36, 38; Крапивина 1993, 116, рис. 67, 1–16.

⁸² Журавлёв 2007, форма 34, там же см. аналогии.

⁸³ Там же, 392.

⁸⁴ Богданова, Гушина, Лобода 1976, рис. 13–14.

⁸⁵ Храпунов, Власов, Смокотина, Шапцев 2009, 23, рис. 54, 2, 4, 5; 55, 1.

Подобные сосуды известны в Неаполе Скифском⁸⁶ и в Херсонесе⁸⁷. Очень похожие сосуды происходят из Том⁸⁸. Близкий по форме сосуд, но с более широким вместилищем, был обнаружен и в мастерской Павликены⁸⁹.

В Херсонесе подобный сосуд обнаружен в склепе II–IV вв. н. э.⁹⁰ На Неаполе Скифском подобный сосуд был обнаружен в «горизонте А», датируется который последней четвертью II — пер. пол. III вв. н. э.⁹¹ Наш фрагмент вероятнее всего следует датировать, как и аналогичный сосуд из раскопок Неаполя Скифского — последней четвертью II — пер. пол. III вв. н. э., однако найден он был в грунте заполнения помещения, стратиграфически связанном с третьим периодом.

Краснолаковые горшки.

Эта группа краснолаковой керамики представлена двумя фрагментами сосудов, имеющих округлое по форме тулово.

Подтип 1. Горшки с отогнутым венчиком и широким, округлым туловом (1 фр.) (рис. 5.15).

Аналогичные сосуды известны в Херсонесе⁹² и в материалах раскопок святилища на пересыпи Сакского озера⁹³. Встречен подобный сосуд и в могильнике Бельбек IV⁹⁴, в Кыз-Аульском некрополе⁹⁵. На Нижнем Дону сосуд этого типа происходит из сарматского погребения⁹⁶. Есть они и в могильнике «Совхоз 10»⁹⁷. Близкие по форме сосуды происходят из раскопок могильника Кольчугино⁹⁸. Датируются сосуды подобной формы в целом I–III вв. н. э.

Не противоречит этому и обстоятельства находки нашего фрагмента в слое второго периода.

Подтип 2. Горшки с округлым туловом и вертикальным заострённым венчиком (1 фр.) (рис. 5.16).

Подобные сосуды известны в Херсонесе⁹⁹ и в Неаполе Скифском (Т.Н. Высотская назвала подобный сосуд кубком)¹⁰⁰.

В Северном Причерноморье широко представлены сосуды, отличающиеся от нашего экземпляра лишь наличием ручек¹⁰¹.

В целом данный тип можно датировать I–III вв. н. э.

Наш фрагмент найден в слое первого периода, что вполне соответствует этим рамкам.

⁸⁶ Зайцев 2003, рис. 131,9.

⁸⁷ Зубарь, Сорочан 1986, 107–108, рис. 4, 3.

⁸⁸ Scogran 1977, fig. 33, 1; 34, 1.

⁸⁹ Kabakcieva 1991, abb. 5a.

⁹⁰ Зубарь, Сорочан 1986, 108.

⁹¹ Зайцев 2003, 16.

⁹² Кадеев 1970, рис. 12,1; Дьячков 1998, рис. 4.

⁹³ Ланцов 2003, рис. 13, 4–6.

⁹⁴ Ахмедов, Гущина, Журавлёв 2001, рис. 2,3.

⁹⁵ Гайдукевич 1959, рис. 69,2.

⁹⁶ Косяненко, Максименко 1989, рис. 1,3; Скрипкин 1990, рис. 16, 22, 26.

⁹⁷ Стрежелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, табл. XIX, 22.

⁹⁸ Храпунов, Масыкин, Мульд 1997, рис. 18,11.

⁹⁹ Кадеев 1970, рис. 12,5.

¹⁰⁰ Высотская 1979, 143, рис. 66,14.

¹⁰¹ Бураков 1976, табл. X, 2–3; Золотарёв, Коробков, Ушаков 1997, рис. 9, 1–4; Каменецкий 1993, рис. 28, 215; Крапивина 1993, рис. 46, 1–7.

Среди фрагментов верхних частей краснолаковой керамики есть такие, которые мы не смогли отнести к какой-то определённой группе. Таких сосудов семь. Ни по одному из них аналогий подобрать не удалось.

Фрагмент 1. Сосуд с цилиндрическим туловом и венчиком, профилированным орнаментальным желобком (рис. 5.17). Найден в слое третьего периода.

Фрагмент 2. Сосуд с горизонтально отогнутым венчиком и округлым туловом (рис. 5.18). Найден в слое первого периода.

Фрагмент 3. Сосуд с цилиндрическим туловом и горизонтально отогнутым и слегка приподнятым венчиком (рис. 5.19). Найден в слое первого периода.

Фрагмент 4. Сосуд с цилиндрическим туловом и горизонтально отогнутым и слегка приподнятым венчиком (рис. 5.20). Найден в слое третьего периода.

Фрагмент 5. Сосуд с воронковидным горлом и отогнутым подтреугольным в сечении венчиком (рис. 5.21). Найден в слое третьего периода.

Фрагмент 6. Сосуд с плавно отогнутым и слегка приподнятым венчиком (рис. 5.22). Найден в грунте заполнения помещения 40 первого периода.

Фрагмент 7. Сосуд с цилиндрической верхней частью и усечённо конической нижней, горизонтально отогнутым и слегка приподнятым венчиком, профилированным желобком (рис. 5.23). Найден в засыпи ямы 88 первого периода.

Ручки краснолаковых сосудов.

Общее количество фрагментов ручек краснолаковых сосудов, найденных на городище «Белинское» — 70. Они чрезвычайно многообразны по своим морфологическим признакам, однако есть некоторые особенности, которые позволяют объединить их (пусть и весьма условно) в несколько групп. В первую очередь это касается формы ручек в сечении, по которой их можно разделить на пять типов:

первый тип — овальные и подовальные в сечении (50 фр.);

второй тип — округлые в сечении (5 фр.);

третий тип — подпрямоугольные в сечении (12 фр.);

четвёртый тип — подквадратные в сечении (2 фр.);

пятый тип — подтреугольные в сечении (1 фр.).

Внутри каждого типа ручки объединены в группы по характеру профилировки.

В рамках **первого типа** можно выделить семь групп.

Первая группа. Непрофилированные ручки (6 фр.) (рис. 6.1). Три фрагмента найдены в слое первого периода, три стратиграфически связаны со вторым периодом, один с третьим периодом.

Вторая группа. Ручки, профилированные одним желобком (5 фр.) (рис. 6.2). Четыре фрагмента найдены в слое первого периода, один — второго.

Третья группа. Ручки, профилированные двумя желобками (8 фр.) (рис. 6.3). Четыре фрагмента найдены в слое первого периода, два — второго, два — третьего.

Четвёртая группа. Ручки, профилированные тремя желобками (24 фр.) (рис. 6.4). Десять фрагментов стратиграфически связаны с первым периодом, девять — со вторым и пять — с третьим.

Пятая группа. Ручки, профилированные четырьмя желобками (4 фр.) (рис. 6.5). Два фрагмента относятся к первому периоду, один — ко второму, один — к третьему.

Шестая группа. Ручки, профилированные пятью желобками (2 фр.) (рис. 6.6) Один фрагмент найден в слое второго периода, второй — третьего.

Седьмая группа. Ручки, профилированные шестью желобками (1 фр.) (рис. 6.7). Фрагмент найден в засыпи хозяйственной ямы первого периода.

В рамках **второго типа** можно выделить две группы.

Первая группа. Непрофилированные ручки (3 фр.) (рис. 6.8). Один фрагмент найден в засыпи ямы первого периода, два — в слое второго периода.

Вторая группа. Ручки, профилированные семью желобками (2 фр.) (рис. 6.9). Один фрагмент найден в засыпи ямы первого периода, один — в слое второго периода.

В рамках **третьего типа** можно выделить четыре группы.

Первая группа. Непрофилированные ручки (3 фр.) (рис. 6.10). Один фрагмент происходит из слоя первого периода, один — из засыпи ямы второго периода, один — из засыпи ямы третьего периода.

Вторая группа. Ручки, профилированные двумя желобками (4 фр.) (рис. 6.11). Один фрагмент найден в слое первого периода, один — в грунте заполнения помещения второго периода, два — в слое третьего периода.

Третья группа. Ручки, профилированные тремя желобками (3 фр.) (рис. 6.12). Все фрагменты происходят из слоя второго периода.

Четвёртая группа. Ручки, профилированные четырьмя желобками (2 фр.) (рис. 6.13). Оба фрагмента стратиграфически связаны с третьим периодом.

В рамках **четвёртого типа** можно выделить две группы.

Первая группа. Непрофилированные ручки (1 фр.) (рис. 6.14) Фрагмент найден в засыпи хозяйственной ямы первого периода.

Вторая группа. Ручки, профилированные одним желобком (1 фр.) (рис. 6.15). Фрагмент происходит из слоя третьего периода.

Пятый тип представлен только одним фрагментом ручки, профилированной тремя желобками (1 фр.) (рис. 6.16). Фрагмент найден в слое первого периода.

Донца краснолаковых сосудов.

Общее количество фрагментов дна краснолаковых сосудов из раскопок городища «Белинское» — 153. Лишь несколько из них достаточно полные, чтобы говорить о конкретном типе сосуда, частью которого они когда-то являлись. В отношении остальных мы можем лишь выделить четыре достаточно условные группы.

Первая группа — дно сосудов на кольцевом поддоне (128 фр.) (рис. 6.17). 55 фрагментов стратиграфически связаны со слоем первого периода, 47 — со слоем второго периода, 20 — со слоем третьего периода, 6 — со слоем позднего перекопа. Один фрагмент из этой группы, найденный в слое третьего периода, определяется как фрагмент чашки на кольцевом поддоне с цилиндрическим туловом (рис. 6.18).

Вторая группа — дно сосудов на псевдокольцевом поддоне (10 фр.) (рис. 6.19). Пять фрагментов происходят из слоя первого периода. Один из этих фрагментов (рис. 6.20), возможно, относится к краснолаковым мискам первого типа (подтип 1). Три фрагмента стратиграфически связаны со слоем второго периода, два — со слоем третьего периода.

Третья группа — дно сосудов на низком кольцевом поддоне (3 фр.) (рис. 6.21). Все фрагменты найдены в слое первого периода.

Четвёртая группа — плоское дно (12 фр.) (рис. 6.22). Семь фрагментов стратиграфически связаны со слоем первого периода. Пять фрагментов относятся ко второму периоду. Два из них принадлежат чашкам на плоском дне с усечённо коническим туловом (рис. 6.23; 6.24).

Проведённый анализ находок краснолаковой керамики из раскопок городища «Белинское» позволяет сделать следующие выводы:

— временем застройки городища следует считать начало — первую четверть II в. н.э. Наиболее ранние фрагменты, время бытования которых включает и I в. н.э., крайне малочисленны. Основную группу составляют типы керамики, нижняя дата которой приходится на II в. н.э. Это подтверждается и другим датировочным материалом (монетными находками и амфорами);

— пик интенсивной жизни на городище относится к первому и второму периодам. В совокупности на II — первую четверть IV вв. н.э. приходится около 78 % найденных фрагментов;

— третий период в истории городища, с одной стороны, характеризуется резким сокращением доли краснолаковой керамики (на этот период приходится чуть больше 20 %, причём в этот процент входит довольно много керамики, попавшей сюда из более ранних слоёв). С другой стороны, существенно возрастает доля лепной керамики, в том числе подражающей известным краснолаковым типам¹⁰². Наиболее вероятным объяснением этим процессам может быть резкое снижение интенсивности внутренней торговли в Боспорском царстве и натурализация хозяйства в целом на всём пространстве античной цивилизации. По-видимому, события конца первой четверти IV в. н.э. оказались более катастрофическими для нашего городища (а возможно, и для всей Европейской части Боспора), чем варварские походы середины III в. н.э. Такая ситуация в конечном итоге стала и одной из главных причин прекращения чеканки монет на Боспоре во второй четверти IV в. н.э.

— прекращение жизни на городище «Белинское» следует отнести к первой четверти V в. н.э. Среди фрагментов краснолаковой керамики крайне мало форм, интенсивное использование которых приходится на более позднее время. Это подтверждается и отсутствием среди амфорного материала амфор типа «carottes», которые появляются не позднее середины V в. н.э.¹⁰³

¹⁰² Зубарев, Крайнева 2005, 197–221.

¹⁰³ Юрочкин, Зубарев 2001, 462.

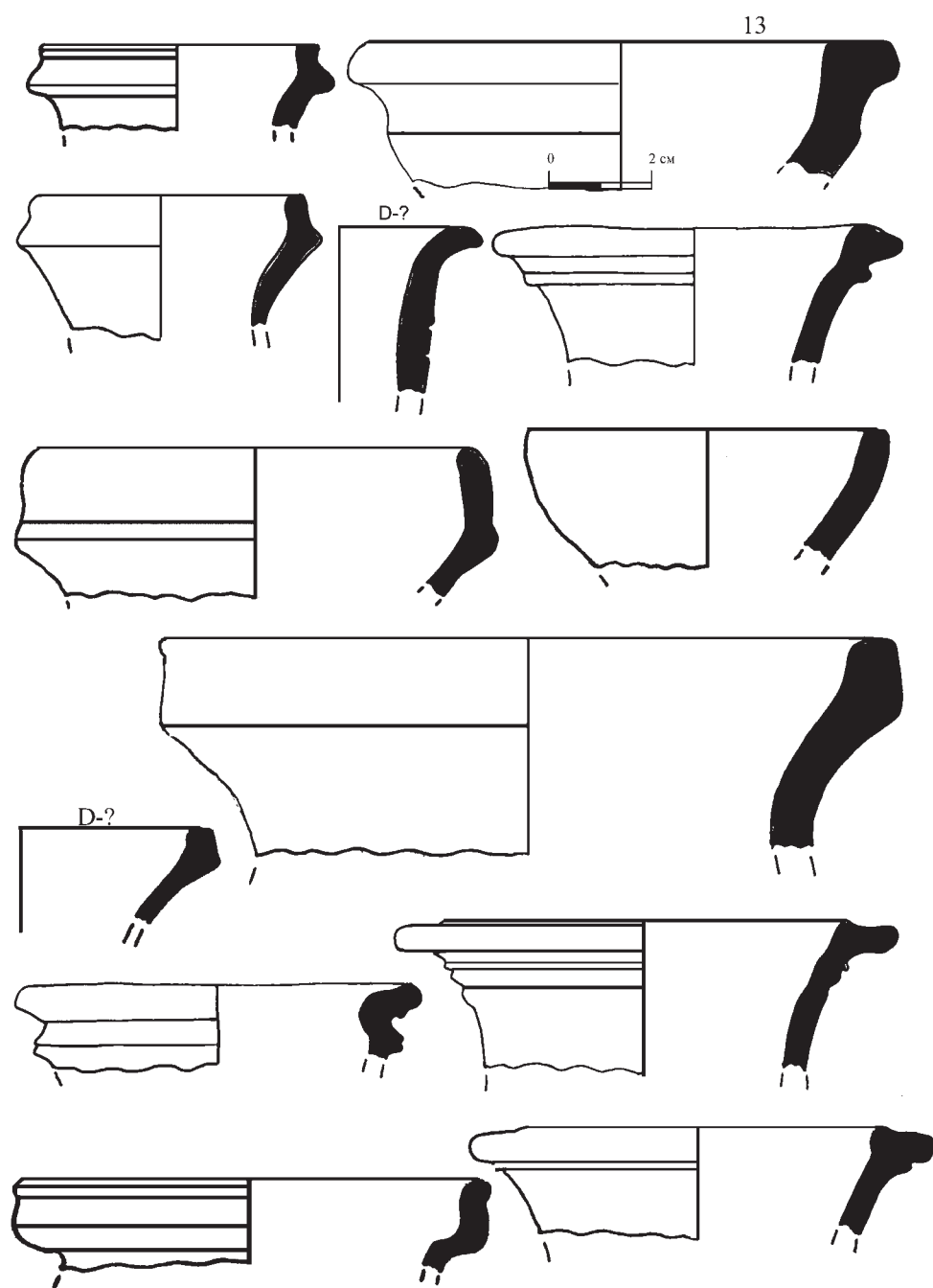

Рис. 1

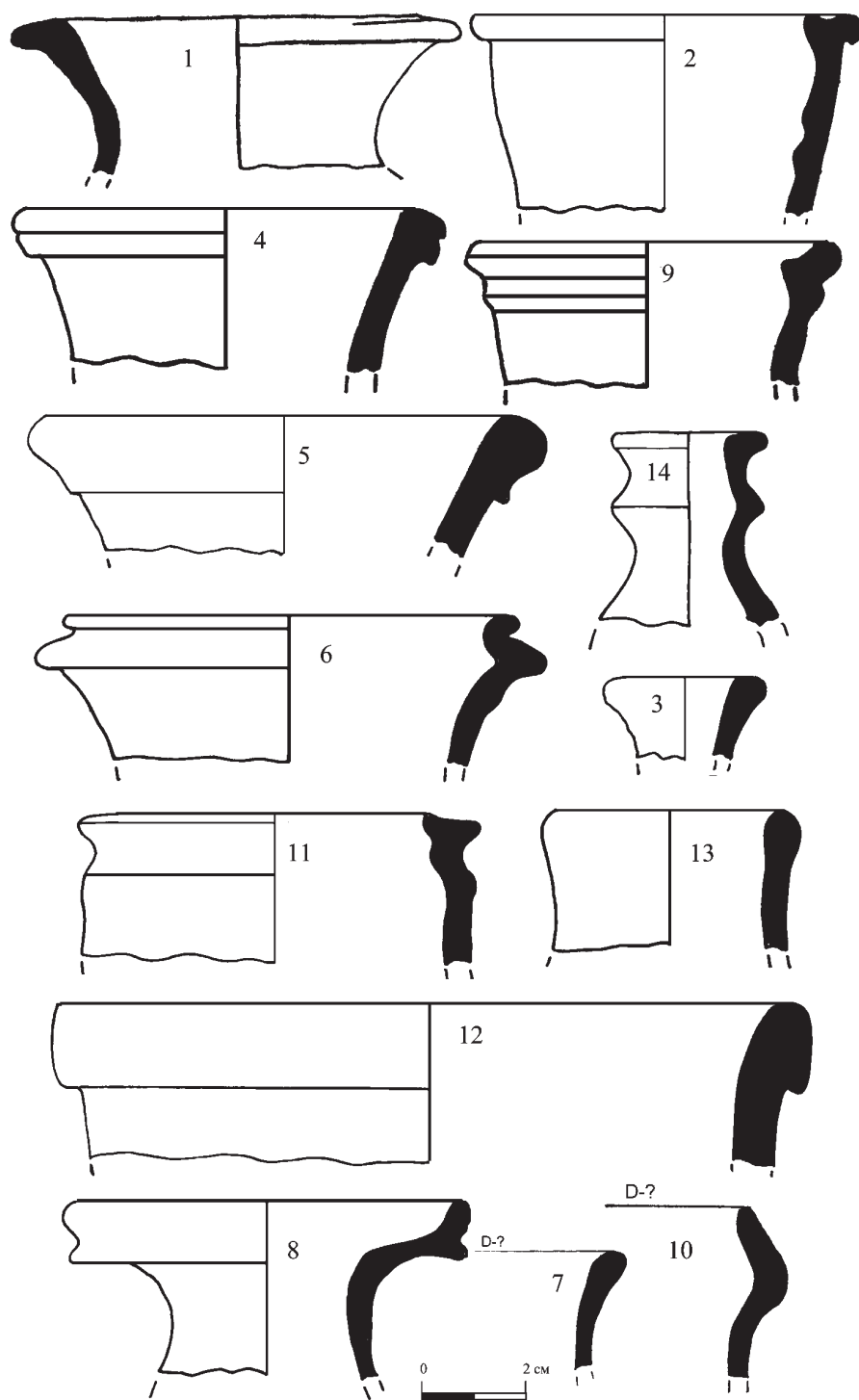

Рис. 2

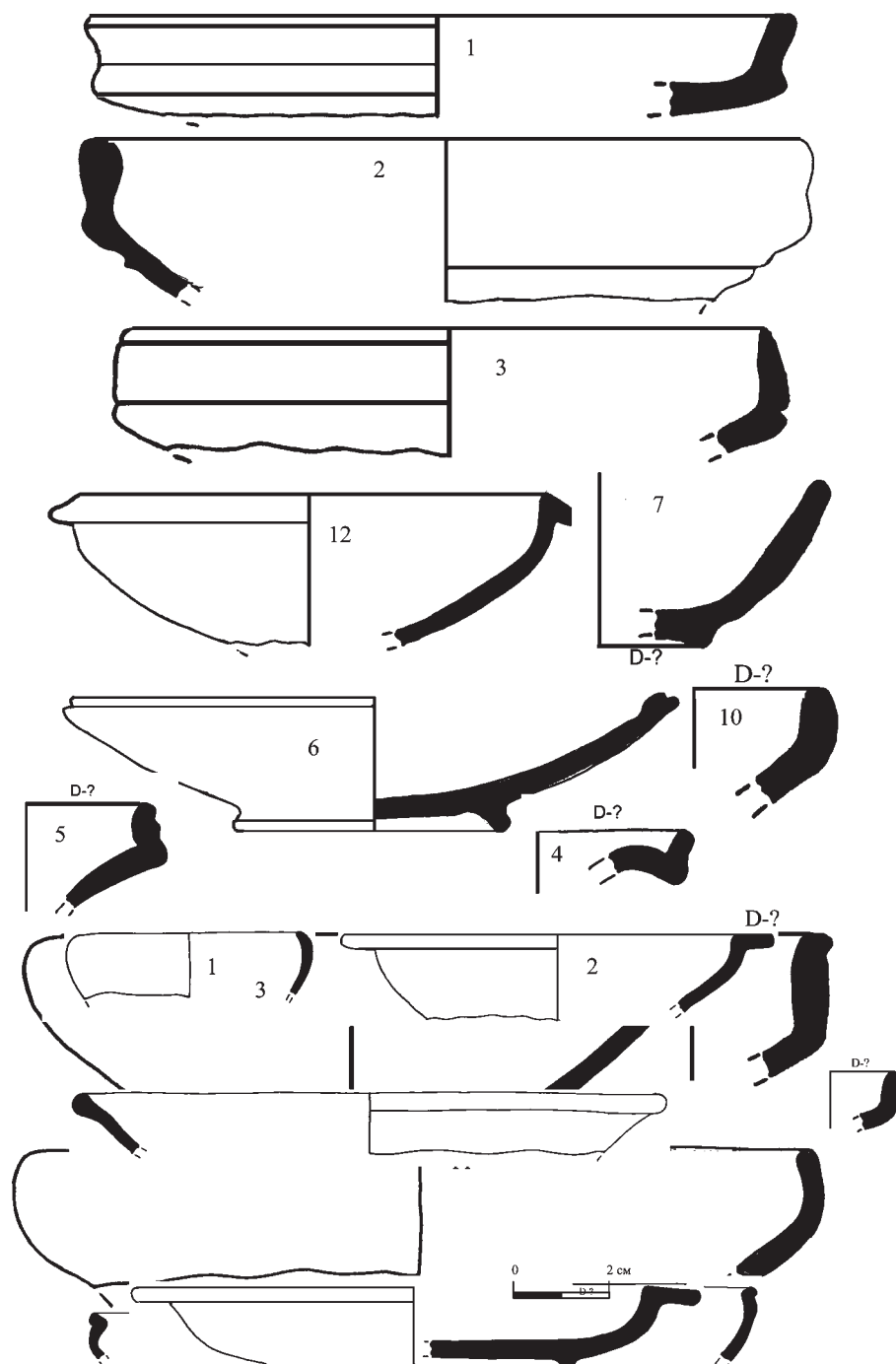

Рис. 3

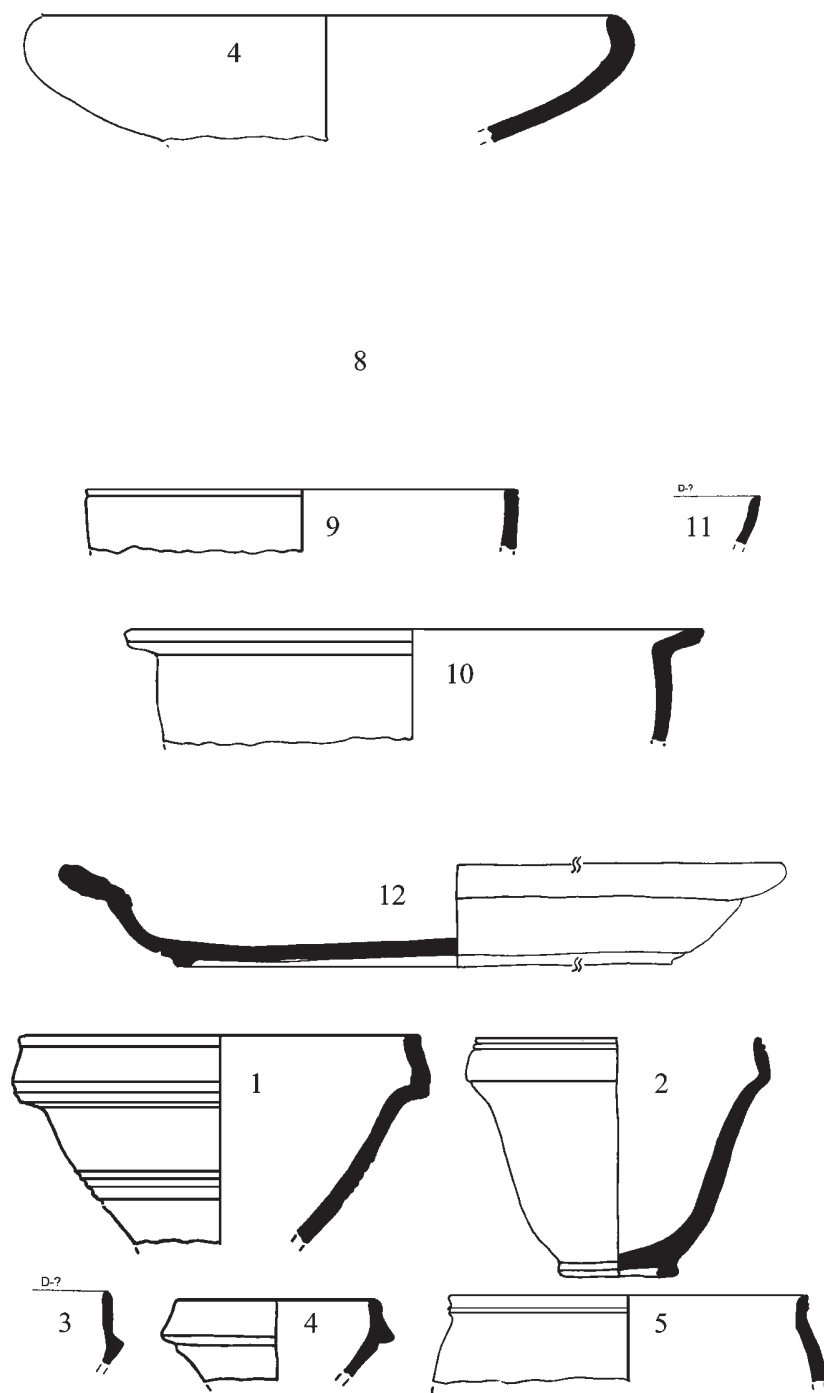

Рис. 4

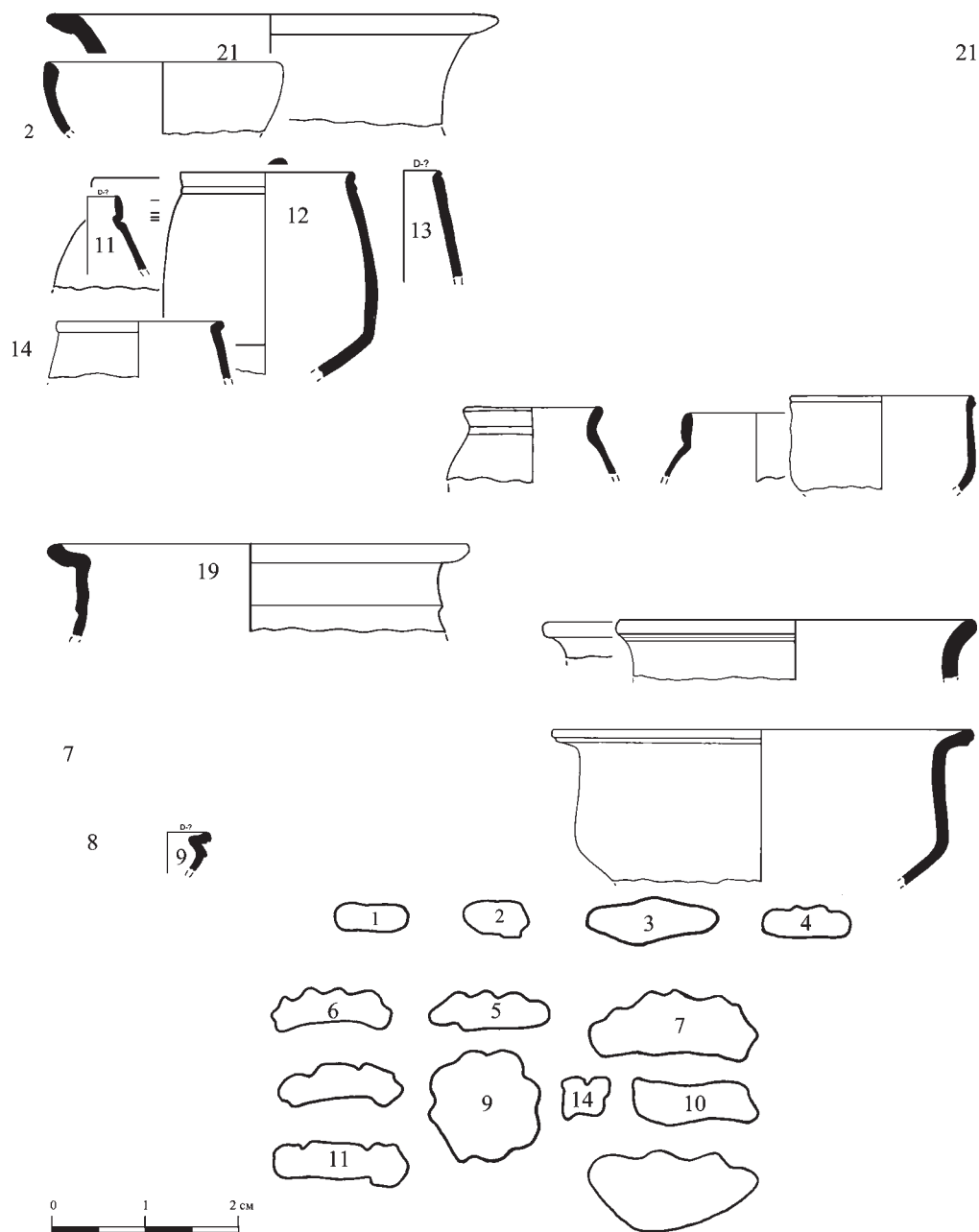

Рис. 5

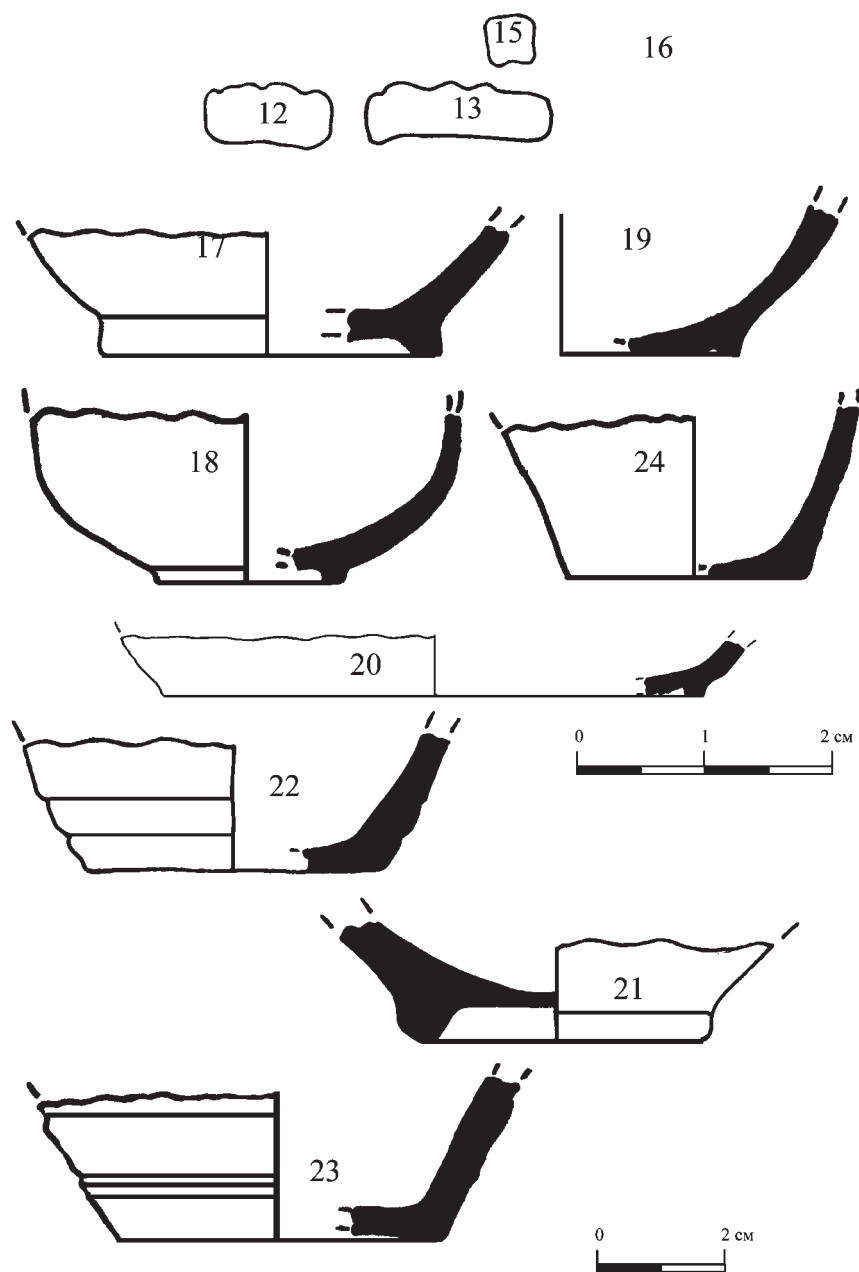

Рис. 6

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т.М.* 1981: Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н.э. // КСИА. 168, 42–47.
- Арсеньева Т.М.* 1985: Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 182, 77–84.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* 1992: Усадьбы Танаиса. М.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* 2001: Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 4, 56–124.
- Атавин А.Г.* 1993: Краснолаковая керамика IV–VI вв. н. э. из Фанагории // БС. 2, 149–171.
- Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлёв Д.В.* 2001: Богатое погребение из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. ТГИМ. 118, 175–186.
- Айбабин А.И.* 1984: Проблемы хронологии могильников позднеермского времени // СА. 1, 104–122.
- Айбабин А.И.* 1990: Хронология могильников Крыма позднеермского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I, 4–87.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* 1998: Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. VI, 274–311.
- Беляев С.А.* 1968: Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 31–38.
- Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И.* 1976: Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I — III вв.) // СА. 4, 121–151.
- Богданова Н.О.* 1989: Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. ТГИМ. 70, 17–70.
- Бураков А.В.* 1976: Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев.
- Высотская Т.Н.* 1979: Неаполь столица государства поздних скифов. Киев.
- Высотская Т.Н., Махнёва О.А.* 1983: Новые позднеермские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. / Т.Н. Высотская (ред.). Киев, 66–81.
- Высотская Т.Н.* 1994: Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
- Высотская Т.Н.* 1998: Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. VI, 256–273.
- Гайдукевич В.Ф.* 1959: Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // МИА. 69, 154–238.
- Дьячков С.В.* 1998: Клейма на краснолаковой керамике из раскопок херсонесской «казармы» // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Журавлёв Д.В. (ред.). М., 88–93.
- Журавлёв Д.В.* 1998: Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Журавлёв Д.В. (ред.). М., 31–51.
- Журавлёв Д.В.* 2005: Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХС. XIV, 141–168.
- Журавлёв Д.В.* 2007: Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. XVI, 366–448.
- Журавлёв Д.В., Ломтадзе Г.А.* 1999: Керамический комплекс II в. н.э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 2, 98–113.
- Зайцев Ю.П.* 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь, 102–116.

- Зайцев Ю. П. 2003: Неаполь скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь.
- Золотарёв М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. 1997: О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса). Севастополь.
- Зубарев В. Г. 2000: Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // ДБ. 3, 63–77.
- Зубарев В. Г. 2007: Терракотовые и лепные статуэтки городища «Белинское» и его некрополя // ДБ. 11, 185–194.
- Зубарев В. Г. 2008: Изделия из кости с городища «Белинское» // ДБ. 12. I, 237–249.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А. 2004: Светильники городища «Белинское» // ДБ. 7, 199–216.
- Зубарев В. Г., Крайнева А. А. 2005: Лепная керамика с городища у села Белинское // ДБ. 8, 197–221.
- Зубарев В. Г., Ланцов С. Б. 2006: Некрополь городища «Белинское» (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. 10, 316–339.
- Зубарь В. М. 1982: Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев.
- Зубар В. М., Рыжов С. Г., Шевченко А. В. 1985: Дослідження склепів пізньоантичного часу із Херсонеса в 1981 р. // Археологія. 54, 58–70.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. 1986: Новый погребальный комплекс II–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. / С. Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 101–129.
- Зубарь В. М., Ивлев С. М., Чепак В. Н. 1990: Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.) Препринт. Киев.
- Иванова О. С. 2009: Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. XV, 26–88.
- Кадеев В. И. 1970: Очерки истории экономики Херсонеса I–IV вв. н. э. Харьков.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. 1989: Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков.
- Камеицкий И. С. 1993: Городища донских меот. Вопросы датировки. М.
- Клёнина Е. Ю. 2004: Керамические сосуды II–III в. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). Познань.
- Книпович Т. Н. 1952: Краснолаковая керамика из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 // МИА. 25, 289–326.
- Козуб Ю. И. 2002: Скляний фігурний келих з некрополя Ольвії // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С. Д. Крыжицкого / В. В. Крапивина (ред.). Київ, 67–75.
- Косяненко В. М., Максименко В. Е. 1989: Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону // СА. 1, 264–266.
- Крапивина В. В. 1993: Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев.
- Крапивина В. В., Домжальский К. 2008: Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 73–81.
- Кунина Н. З., Сорокина Н. П. 1973: Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЭ. XIII, 146–177.
- Ланцов С. Б. 2003: Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.
- Лобода И. И. 1977: Раскопки могильника Озёрное III в 1963–1965 гг. // СА. 4, 236–252.
- Масленников А. А. 1997: Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В. 2006: Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.

- Нессель В. А.* 2000: Столовая керамика // БАЛАКЛАВА. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. / О. Савель, Л. Ковалевская (ред.). Варшава, 140–154.
- Нессель В. А.* 2003: Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // ХС. XII, 107–123.
- Пуздровский А. Е.* 2007: Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь.
- Романчук А. И., Сазанов А. В.* 1991: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Средневековый Херсон: История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Свердловск.
- Рыжов С. Г.* 1986: Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. / С. Д. Крыжицкий (ред.). Киев, 130–139.
- Сазанов А. В.* 1989: О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 4, 41–60.
- Сазанов А. В.* 1994: Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV, 406–433.
- Сазанов А. В.* 1999: Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. VII, 224–293.
- Скрипкин А. С.* 1990: Азиатская сарматия. Саратов.
- Стрежелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* 2005: Население округи Херсонса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10» // *Stratum* +. 4, 203–204.
- Силантьева Л. Ф.* 1958: Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85, 283–311.
- Сымонович Э. А.* 1983: Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). Киев.
- Труфанов А. А.* 1997 Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // БИАС. 1, 181–193.
- Храпунов И. Н.* 2002: Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin.
- Храпунов И. Н.* 2008: Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. XXI, 356–391.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В., Шапцев М. С.* 2009: Поселение в Барбановской балке (по результатам раскопок 2007 и 2008 гг.). Симферополь.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А.* 1997: Позднескифский могильник у с. Кольчугино // БИАС. 1, 76–155.
- Шаров О. В.* 2007: Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.
- Шелов Д. Б.* 1965: Раскопки северо-восточного участка Танаиса // Древности Нижнего Дона. М.
- Юрочкин В. Ю., Зубарев В. Г.* 2001: Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4, 454–470.
- Arsen'eva T. M., Domzalski K.* 2002 Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia antiqua*. 8, 415–491.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D.* 1998: Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum-Moscow, in: *Studia archaeologica*, 96. Rome.
- Domzalski K.* 1997: Terra sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // *Arheologia. Rocznik Instytutu archeologii i etnologii Polskiej Akademii Nauk*. XLVII. 1996, 95–109.
- Hayes J. W.* 1972: Late Roman Pottery. London.
- Hayes J. W.* 1985: Sigillate Orientali // *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Attante delle forme ceramiche II, *Enciclopedia dell'arte antika*. Classika e orientale. Roma, 1–96.

Kabackieva G. 1991: Besonderheiten bei der Herstellung von Gefäßkeramik in der Römischen Provinz UntermöSien // RCRF. XXIX/ XXX, 207–222.

Meyer-Schlichtmann C. 1988: Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2. Jh. v. Chr. — Mitte 2. Jh. n. Chr., Pergamenische forschungen. Bd. 6. B.; New York.

Knipowitsch T. 1929: Untersuchungen zur keramik romischer Zeit den aus den Griechenstaden an der Nordkustedes Schwarren Meeres; I. Die keramik romischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Eremitage // Materialien zur romisch-germanischen Keramik, IV. F.a.M.

Matiasvili N. 2004: The red-gloss pottery from Vani in Colchis // Colloguia Pontica 9. Pontus and the Outside World. Oxford, 121–130.

Nessel V. 2001: Red slip pottery from the Kilen-balka necropolis (South Crimea) // Swiatowit. Rocznik Institutu Arheologii Uniwersytetu Warszawskiego. Tom III (XLIV). Warszawa, 175–182.

Opait A. 1985: Enge Betrachtungen zur Spätromischen Keramik mit roten Überzug // Dacia. XXIX, 63–185.

Robinson H.S. 1959: The Athenian Agora. Pottery of the roman period. Chrononology. Volume V. Princitone; New Jersey.

Scorpan C. 1977: Contribution à la connaissance de certains types céramigues Romano-Byzantins (IVe — VIIe siècles) dans l'espace Istro-Pontique // Dacia. XXI. Bucarest, 269–297.

RED-LACQUER CERAMICS FROM THE EXCAVATION OF THE ANCIENT TOWN SITE OF BELINSKOYE

V.G. Zubarev, M.S. Shaptsev

The article, a new one in a series of publications of the material obtained from the excavation of Belinskoye settlement and its necropolis during 1996-2010, deals with red-lacquer ceramics found there. Over the excavation period they found 445 profiled fragments of red-lacquer jugs, plates, bowls, dishes, cups, kantharoses, and other vessels whose analysis confirmed a previously proposed historical reconstruction of the ancient town site development and allowed to make clear some key issues. The research results may be of some interest for a more thorough understanding of the history of the Bosporan Kingdom in general, and Late Antique period in particular.

Key words: the Bosporan Kingdom, Belinskoye settlement, red-lacquer ceramics, Roman and Late Antique period.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

В статье рассматривается состав земледельческого населения в контексте демографической и экономической ситуации на Боспоре в первые века нашей эры. Автор исследует демографию, влияние системного кризиса рубежа нашей эры на различные категории жителей сельской территории, экономический эффект от изменения состава занятого в сельском хозяйстве населения. Данные процессы и явления изучаются во взаимодействии, что позволило прийти к интересному предположению о росте эффективности боспорской экономики вследствие неизбежного стремления людей приспособиться к тяжелым условиям и выработать более рациональные и практичные формы ведения хозяйства. Особое внимание в статье уделено демографическому аспекту практики создания варварских военных поселений на территории Боспора. Увеличение количества варварских поселений представлено как процесс, направленный на исправление тяжелой демографической ситуации, имеющий своим логичным результатом варваризацию боспорского общества. Однако с точки зрения экономики влияние варваров было ограничено тем, что основные экономические центры оставались преимущественно греческими.

Ключевые слова: Боспорское царство, демографический кризис, военные поселенцы, манумиссии, рабский труд, арендаторы.

Основой государства аграрного типа является сельское население. Нет никаких оснований утверждать, что Боспорское царство было исключением. Важно отметить, что именно сельское население первым ощущало влияние сразу многих факторов: природно-климатического, внешнеполитического, межэтнического взаимодействия. Изменения климата сказывались на жизни этой категории населения, хоть и не настолько, но острее, так как эти люди не имели доступа к торговле, морю и внешним связям и именно они являлись основными производителями продуктов сельского хозяйства. Боевые действия также ведутся на открытых пространствах, нанося урон посевам, и более слабо укрепленным, по сравнению с городами, сельским поселениям. Сельская территория также более открыта для межэтнического взаимодействия.

Ухудшение климатической, внешне- и внутривнутриполитической ситуации привело к значительному сокращению числа сельских поселений к началу I в. н.э.¹ Очевидно, что на количестве населения сказалось и разрушительное землетрясение 63 года до н.э.², так как демографические последствия подобных событий растянуты во времени.

Целый ряд фактов позволяет предполагать, что на Боспоре во второй половине I в. до н.э. — начале I в. н.э. разразился демографический кризис³. Также

Евдокимов Денис Олегович — аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета МПГУ. E-mail: enednis@mail.ru

¹ Кругликова 1975, 103.

² Винокуров 2008, 67–77; Блаватский 1977; Никонов 1996.

³ Молева 2005, 215–218.

необходимо отметить, что боевые действия, которыми был насыщен уже обозначенный период кризиса⁴, должны были привести к более значительному сокращению мужского населения в государстве, но эпидемии, ухудшение условий жизни могли нивелировать эту особенность и даже привести к обратной диспропорции в сторону более высокой смертности среди женщин⁵.

Так или иначе, демографических кризис на рубеже эр значительно сократил сельское население Боспорского царства, а значит, так называемая демографическая яма должна была проявлять себя с определенной периодичностью, примерно в 18–25 лет⁶, на протяжении всего последующего периода. Особенно тяжелым должен был быть первый век н.э., когда недостаток населения сказывался острее всего.

Общество, в данном случае боспорское, представляет собой сложную систему с тремя уровнями взаимосвязей: микроуровнем (индивиды), мезоуровнем (социальные группы), макроуровнем (государство как часть цивилизации)⁷. Сокращение числа индивидов автоматически влечет за собой сокращение числа социальных групп, а также изменение характеристик этих групп, что в итоге отражается на состоянии государства в целом. Существует и обратное взаимодействие. Поэтому демографическая ситуация влияет на состав сельского населения, на его структуру и положение различных категорий людей его составляющих и ее можно считать фоном, который невозможно не учитывать, анализируя состав сельского населения Боспорского царства в данный период. Однако необходимо учитывать влияние и других факторов, так как кризис рубежа нашей эры сказался на всех сферах жизни общества. Так, отчасти, изменения в составе сельского населения Боспорского царства вызваны процессом восстановления и перестройки хозяйственной базы.

Но специфика государств аграрного типа заключается в том, что человек непосредственно занят трудовой деятельностью с минимальным привлечением технических средств⁸. Поэтому демографических фактор выступает на первый план, так как именно он оказывает непосредственное влияние на основную производящую силу — человека.

Интересно, что в данный период категории сельского населения остались теми же: мелкие и средние землевладельцы, занятые непосредственно сельскохозяйственным трудом, варварские поселенцы на царских землях, арендаторы, лично зависимые категории, — но изменилось их количественное соотношение между собой.

Для этого времени необходимо отметить увеличение доли лично свободного населения, занятого в сельском хозяйстве. Об этом можно судить по увеличению числа манумиссий в это время⁹. Увеличение числа обнаруженных манумиссий, возможно, говорит о том, что по крайней мере на Боспоре наблюдается процесс перевода рабов в положение свободных арендаторов. Это, скорее всего, связано

⁴ Блаватский 1961, 22–23.

⁵ Молева 2005, 215–218.

⁶ Turchin 2009, 1–17.

⁷ Вайдлих 2005, 111.

⁸ Блаватский 1953, 3 и сл.

⁹ Блаватская 1958, 91–96; Блаватский 1953, 50.

с большей рентабельностью труда свободного арендатора по сравнению с трудом раба, что особенно важно в условиях недостатка эффективных трудовых ресурсов. Падение числа работников, таким образом, компенсируется за счет повышения производительности их труда.

Важно отметить, что в условиях сложных жизненных условий, роста смертности содержать рабов с низкой производительностью труда становится не просто невыгодно, но и опасно. Любой кризис, а тем более такой масштабный, как во второй половине I в. до нашей эры — начала I в. нашей эры на Боспоре, характеризуется нестабильностью, потерей контроля и обострением конфликтов. Более того, когда существует прямая угроза жизни, психология человека реагирует соответствующим образом, то, что было невозможно в спокойной жизни, становится возможным в критических условиях.

Перевод рабов в положение арендаторов при этом не означает, что их бывших хозяин утрачивает над ними контроль. Владелец раба предоставляет ему большую свободу, снимая напряженность и повышая шансы подконтрольного ему работника на выживание.

Косвенным подтверждением процесса увеличения доли лично свободных арендаторов в сельском хозяйстве Северного Причерноморья служит и то, что в это время значение вообще средних слоёв — свободных земледельцев-воинов — выросло. Для сельской территории характерно усреднение и нивелировка инвентаря погребений первых веков н.э., что, возможно, указывает на социальное и имущественное положение значительной массы городских и сельских землевладельцев¹⁰.

Сложная экономическая, политическая, социальная обстановка в условиях системного кризиса не способствует (хотя полностью и не исключает самой возможности) накоплению богатств в руках отдельных категорий населения и, наоборот, способствует выдвиганию на первых план тех, кто производит все необходимое для выживания самостоятельно. Этот процесс сопровождается резким сокращением числа земельных наделов, то есть происходит концентрация земли в руках наиболее богатых собственников¹¹. При этом, как уже отмечалось, возрастает роль свободных земледельцев. Объясняется это тем, что в сложных условиях выживает тот, кто лучше всего подготовлен.

Слабые в экономическом отношении землевладельцы обречены на разорение и переход в категорию арендаторов. Однако данные процессы протекали в условиях сложной демографической ситуации, которая сопровождалась опустением многих районов государства. Поэтому отчасти концентрацию земли можно объяснить тем, что часть участков пустовала, потеряла владельцев. Но такой подход к объяснению концентрации земли все равно предполагает эффективность и успешность тех, в чьих руках она концентрировалась. Чтобы обрабатывать большой объем земли, необходимы были и рабочие руки, и хорошая организация работ.

Процесс концентрации земли вместе с уменьшением доли рабского труда, скорее всего, привел к тому, что в I–II веках н.э. на хоре античных городов Боспора увеличилось число лично свободных арендаторов (за счет разорившихся

¹⁰ Масленников 1990, 41.

¹¹ Кругликова 1975, 127.

мелких и средних собственников и за счет рабов, переведенных в свободное состояние). При этом сокращается число непосредственных землевладельцев.

Первые века н.э. принято считать расцветом Боспорского царства¹². При этом восстановление и подъем экономики проходили в условиях сначала демографического кризиса, а затем повторяющихся демографических ям. Для объяснения этого можно предположить, что, благодаря концентрации земли в руках не просто наиболее богатых, а наиболее успешных землевладельцев, увеличения доли свободных работников, экономика Боспора стала более эффективной. Что логично, если понимать «кризис» (рубежа нашей эры) не как крах и катастрофу, а период дестабилизации и перестройки, складывания новой системы взаимоотношений в государстве.

Также, характеризуя состав занятого в сельском хозяйстве населения в античных государствах Северного Причерноморья в I–II вв. н.э., нужно отметить возрастающую роль варварских поселенцев. При Асандре–Аспурге разворачивается строительство системы обороны Боспора и создается сеть военных поселений, сторожевых пунктов и крепостей. Их жителями становились получившие землю и несшие военную службу представители варварских племен¹³. Варвары размещались на царских землях, им выделялись участки — клеры, размежеванные, возможно, как и участки граждан городов, для удобства контроля и сбора налогов¹⁴.

В условиях сократившегося населения перед Боспором по-прежнему стояли те же задачи: выжить среди многочисленных варварских племен, находясь на значительном удалении от основных центров римской и греческой цивилизации. Боспорские цари должны были предпринимать меры по восстановлению численности населения. Эффективных механизмов влияния на демографическую ситуацию, повышения рождаемости и снижения смертности на том уровне развития цивилизации еще не было. Уже упоминавшийся рост эффективности экономики за счет увеличения доли свободных работников и концентрации земель в руках успешных землевладельцев объясняется не тем, что боспорские цари предпринимали какие-то меры в этой области, а реакцией людей на сложные жизненные условия, необходимость выжить.

В свете вышесказанного практически единственной мерой по восстановлению численности работников, воинов в государстве, доступной правителям Боспора, являлось продолжение политики Митридата Евпатора по развитию системы военных варварских поселений, приглашение представителей соседних племен на службу в обмен на земельные наделы¹⁵.

Обороноспособность государства требовала строительства сети новых укреплений, которые необходимо было обеспечить воинами и жителями. Такая система крепостей возводится при Асандре, Аспурге, Котисе I, то есть в I веке до н.э. — I веке н.э., то есть во время демографического кризиса. Именно на варваров опирались боспорские цари, восстанавливая свое государство. Одновременно снижалась роль греческих полисов, хора которых была, возможно, уменьшена¹⁶.

¹² Масленников 2007, 210.

¹³ Масленников 1990, 97.

¹⁴ Блаватский 1953, 163.

¹⁵ Сапрыкин 2006а, 93.

¹⁶ Сапрыкин 2006б, 224.

В этой связи крайне важными представляются данные, полученные в результате раскопок некрополей Европейской и Азиатской частей Боспора. Во-первых, наибольшее число погребений относится к периоду I–II веков н.э.¹⁷ Сам факт увеличения количества захоронений в условиях экономического подъема говорит о росте населения. Важно понимать составляющие этого роста. Ключом к пониманию демографических и этнических процессов являются захоронения, имеющие явные варварские черты. В этой связи можно выделить два периода: I век н.э., когда процент варварских захоронений был незначительным, в пределах 5,5–6,6%, на Европейском Боспоре этот процент еще ниже; и II–III в. н.э., когда процент вырастает до 12,5–17,2%, резко возрастает количество варварских захоронений на Европейском Боспоре. Отличаются эти периоды и тем, что характер варварских захоронений меняется.

В первый период облик некрополей городов не меняется, в то время как в конце II–III веке н.э. часть варваров оседает в городах, нарастает варваризация некрополей¹⁸.

Важно понимать, что демографические процессы, так же как и изменения этнического состава — это явления, растянутые во времени на десятилетия, поэтому границы указанных выше периодов размыты. Но с достаточной долей уверенности можно сказать, что в конце I в. н.э. — первой половине II в. н.э. усиливается приток варваров на Боспор, причем меняется их положение в государстве, они начинают оказывать более сильное воздействие на все сферы общества.

Расселение варваров на территории царства началось еще во второй половине I в. до н.э., ставку на варваров, как уже отмечалось, сделал еще Митридат Евпатор. Его преемники продолжили политику по развитию сети варварских военных поселений. Поэтому, с точки зрения внутренней динамики процесса, достаточно резкое увеличение количества варваров и изменение характера их включенности в боспорское общество на рубеже I–II в. н.э. должно иметь причину внешнюю по отношению к этому процессу.

В свете того, что в этот период Боспор ведет успешные войны с варварами и надежно защищает свои границы¹⁹, речь не может идти о стихийном переселении на его территорию варваров. Приглашение же большего числа варваров для развития сети военных поселений должно иметь под собой достаточно весомую причину. В условия постоянного нарастания давления варваров во II веке н.э.²⁰ такая причина появляется — необходимость усиления армии и гарнизонов крепостей. К тому же, как уже отмечалось, демографический рост не может быть плавным, особенно если недавно был масштабный кризис.

Возможно, на начало II в. пришлась очередная демографическая яма, что в условиях внешнеполитической напряженности должно было подтолкнуть царей Боспора к резкому увеличению числа варварских военных поселенцев.

Практика развития системы варварских военных поселений в условиях периодических демографических спадов у греческого населения в итоге должна была завершиться варваризацией государства, что и наблюдается на Боспоре

¹⁷ Масленников 1985, 61; 1986, 40 и сл.; 1993; 1992, 69–84; 1995, 78–93.

¹⁸ Масленников 1985, 72; 1986, 40 и сл.

¹⁹ Сапрыкин 2005, 45–81.

²⁰ Горончаровский 2005, 25–34.

в III в. н.э.²¹ Боспорское царство было окружено варварскими племенами, и взаимодействие с ними носило постоянный характер, в то время как рост греческого населения был нестабильным. В таких условиях никаких мер способствующих росту и развитию греческого населения предпринято не было, наоборот, создавались благоприятные условия для варваров.

Поэтому в течение первых веков н.э. происходил постепенный рост числа варваров среди сельского населения Боспора, но в силу повышения эффективности греческого сектора экономики их влияние до конца II в. н.э. — начала III в. н.э. оставалось ограниченным. Необходимо отметить, что все основные центры торговли и обмена располагались в греческих полисах²², что также ограничивало влияние варваров на экономику.

Таким образом, в I–II веках н.э. в Боспорском царстве структура населения, занятого в сельском хозяйстве, изменилась следующим образом: увеличилась доля свободных арендаторов, сократилось использование рабского труда, сократилось число непосредственных землевладельцев.

Также в этот период происходит постепенное увеличение количества варварских поселенцев, влияние которых на экономику государства нивелировалось повышением эффективности греческого сектора экономики, поэтому о значительной роли варваров в сельском хозяйстве и экономике можно говорить только с III в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- Блаватская Т. В.* 1958: Манумиссия из Горгиппии // СА. 27, 91–96.
- Блаватский В. Д.* 1953: Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д.* 1961: Античная археология Северного Причерноморья. М.
- Блаватский В. Д.* 1977: Землетрясение 63 года до н.э. на Керченском полуострове // Природа. 8.
- Вайдлих В.* 2005: Социодинамика: системный подход к математическому моделированию в социальных науках. М.
- Винокуров Н. И.* 2008: Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в крымском Приазовье // Боспорские чтения. IX, 67–77.
- Никонов А. А.* 1996: Следы сейсмических воздействий на древние погребальные сооружения г. Керчь // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь.
- Горончаровский В. А.* 2005: Военное дело и военно-политическая история Боспора в середине I в. до н.э. — середине III в. н.э.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.
- Кругликова И. Т.* 1975: Сельское хозяйство Боспора М.
- Масленников А. А.* 1985: Некрополи городов Азиатского Боспора в первые в. н.э. // СА. 1, 61–72.
- Масленников А. А.* 1986: Некоторые особенности некрополей городов Европейского Боспора первых веков н.э. // СА. 4, 38–41.
- Масленников А. А.* 1990: Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.
- Масленников О. О.* 1992: Еволюція організації сільської території європейського Боспору // Археологія. 2, 69–84.

²¹ Сапрыкин 2003, 254.

²² Блаватский 1961, 64–69.

Масленников А. А. 1993: Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. М.

Масленников А. А. 1995: Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. 2, 78–93.

Масленников А. А. 2007: Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье.

Молева Н. В. 2005: О возможности демографического кризиса на Боспоре второй половины I в. до н.э. — начале I в. н.э. (по данным эпиграфики) // Боспорские чтения. VI, 215–218.

Сапрыкин С. Ю. 2003: Международный симпозиум «Греческие города, местные сообщества и мировые империи в северопонтийском регионе: происхождение и развитие политического, экономического и культурного койне (VII век до н.э. — III век н.э.)» Бордо, 14–16 ноября 2002 года // ВДИ. 2, 251–254.

Сапрыкин С. Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.

Сапрыкин С. Ю. 2006а: Новая Митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2, 79–96.

Сапрыкин С. Ю. 2006б: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М.

Turchin P. 2009: Long-term population cycles in human societies // The Year in Ecology and Conservation Biology. Ann. New York.

CHANGE OF BOSPORAN KINGDOM RURAL POPULATION IN THE EARLY CENTURIES OF A.D.

D. O. Yevdokimov

The article aims at considering agricultural population composition in the context of demographic and economic situation in Bosphorus in the early centuries of A.D. The author dwells upon the following aspects: demographic situation of the period under study, turn-of-the-epoch system crisis impact on different rural population groups, economic return of agricultural population change. These processes and phenomena are considered in the context of interaction between them, which made it possible to assume that Bosphorus economy-growth effectiveness was due to people trying to adapt to harsh conditions and to develop more efficient economic management. Particular emphasis has been placed on demographic aspect of establishing barbarian military settlements on Bosphorus. Barbarian settlements expansion is presented as the process whose aim is to improve critical demographic situation, which inevitably entailed barbarization of Bosporan population. But if regarded in the context of economy, barbarian impact was limited as the key economic centers were basically Greek.

Key words: Bosporan Kingdom, demographic crisis, military settlers, manumission, slave labor, tenants.

Древний Восток

© 2011

В. А. Гаилов, Г. А. Кошеленко, Г. В. Требелева

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДОВ МАРГИАНЫ ПАРФЯНСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье предпринимается попытка согласовать данные о девяти городах парфянского времени, зафиксированных в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, с результатами работ по составлению «Археологической карты Мервского оазиса», полученными в ходе разведочных исследований Среднеазиатской экспедиции ИА РАН в 80–90-е гг. прошлого столетия.

На основе методики, предложенной ранее (Гаилов, Требелева, 2006. С. 157–164), в статье предложена следующая идентификация городов Маргианы: Александрия Маргианская = Эрк-кала/Гяур-кала; Сена = Новый Кишман; Аратха = Старый Кишман; Гуриане = Чильбурдж; Аргадина = Гебеклы-депе; Ясонион = Гечигран; Ариака = Безымянный памятник № 212; Рея = Джин-депе; Нисайя = Меручак или Бала-Мургаб.

Ключевые слова: Клавдий Птолемей, Маргиана, Мервский оазис, археологическая карта, парфянский период, локализация городов.

В центре внимания данной статьи, посвященной проблеме локализации городов парфянской Маргианы, находится весьма важный и непростой вопрос — сопоставление данных, содержащихся в письменных источниках, и археологических материалов.

Являясь одной из важных историко-культурных областей Центральноазиатского региона, Маргиана пережила яркую и бурную историю, начиная с эпохи бронзы, когда она впервые была заселена. В это время здесь существует самобытная и яркая цивилизация (обычно обозначаемая не вполне удачным термином БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), но этот период не входит в сферу нашего исследования. Видимо, в середине II тыс. до н.э. на смену этой цивилизации приходят много более примитивные культуры Яз I–III. Заключительный период существования этих культур в какой-то степени освещает-

Гаилов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: gaibov@mail.ru

Требелева Галина Викторовна — научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: gaibov@mail.ru

ся уже письменными текстами. Примерно в середине I тыс. до н.э. Маргиану (под именем страны Моуру) упоминает Авеста среди первых областей, принявших зороастризм¹. В середине VI в. до н.э. Маргиана входит в состав Ахеменидского государства, и несколько позднее (в начале царствования Дария I) здесь происходит массовое восстание населения. Об этом восстании и о его жестоком подавлении говорится в Бехистунской надписи как о событиях, имевших место в стране Маргуш². Затем Курций Руф сообщает о походе Александра Македонского в Маргиану и основании здесь города и шести крепостей³. В начале эллинистической эпохи Маргиана, вероятно, входит в состав государства Селевкидов, а затем – Греко-Бактрийского царства⁴. Крушение власти греко-бактрийских царей в северных областях их державы приводит к коренным изменениям и в политическом статусе Маргианы, которая оказывается под властью парфян, по меньшей мере, с начала царствования Фраата II (138–127 гг. до н.э.)⁵. Маргиана оставалась частью Парфянского царства до самого конца его существования, войдя вместе с остальными его областями в состав Сасанидской державы (III в. н.э.).

Начиная с эллинистического времени, Маргиана уже гораздо чаще появляется на страницах трудов античных авторов (Исидор Харакский, Страбон, Плиний Старший, Птолемей, Плутарх, Аммиан Марцеллин, Солин, Марциан Капелла), хотя, конечно, трудно ожидать, чтобы эта область, расположенная на самом краю ойкумены, привлекала бы к себе повышенное внимание. Был только один исторический эпизод, который заставил обратить на нее особое внимание: после поражения римской армии Красса при Каррах именно в Маргиану были отправлены пленные римские legionеры.

Для исследуемой нами проблемы наибольшее значение имеет текст (и построенная на его основе карта) соответствующего раздела «Географического руководства» Клавдия Птолемея⁶. В нем упоминается девять городов Маргианы: 1) Антиохия в Маргиане (Ἀντιόχεια Μαργιανή); 2) Аратха (Ἀράθα); 3) Сена (Σήνα); 4) Гуриане (Γουριανή); 5) Аргади́на (Ἀργαδίνα); 6) Рея (Ῥῆα); 7) Ясонион (Ἰασόνιον); 8) Ариа́ка (Ἀριάκα); 9) Ниса́йя (Νισαία). В различных рукописях «Географии» название последнего населенного пункта пишется по-разному: Νείσαα, Νισαα, Νήσαα, Νίγαα. Некоторые из городов упоминаются также и в других источниках. Из этих городов только об Антиохии Маргианской имеется фактическая (хотя и не очень обильная) информация. Все остальные города только упоминаются. У ряда авторов присутствуют дополнительные сведения относительно природных условий Маргианы.

Важнейшей особенностью труда Клавдия Птолемея является наличие в тексте вычисленных им (или его предшественниками) географических координат населенных пунктов (и некоторых других объектов), что показывает взаимное расположение городов (рис. 1). К сожалению, напрямую использовать эти координаты невозможно⁷.

¹ Кошеленко, Гаилов, Бадер 1996, 134–147.

² Кошеленко, Бадер, Гаилов 1995, 137–150.

³ Кошеленко, Гаилов, Бадер 2000, 3–15.

⁴ Массон 1970.

⁵ Loginov, Nikitin 1996, 40.

⁶ Humbach, Ziegler 1998; Ptolemaios Geographie 1971.

⁷ Гаилов, Требелева 2006, 157–158.

Проблема определения местоположения этих городов в Маргиане в настоящее время несколько облегчается тем, что сейчас закончены полевые исследования по составлению археологической карты Мервского оазиса (который территориально более или менее совпадает с античной Маргианой). В результате этих исследований учтено более 1000 памятников, относящихся к различным эпохам: от эпохи бронзы до позднего средневековья. Из числа этих памятников 88 относятся к парфянскому времени (рис. 2). Важнейшей особенностью этой карты является то, что все памятники на ней размещены в соответствии с их точной позицией, полученной при помощи системы GPS⁸.

Некоторое время тому назад двое из авторов данной статьи предприняли попытку выработать методы сопоставления данных Птолемея о городах и материалов археологической карты Мервского оазиса⁹. Не повторяя здесь всех результатов этой работы, отметим только самое основное. Было выявлено наличие в тексте Птолемея нескольких слоев информации, из которых особое значение для нашего исследования имеет той слой, который базировался на итинерариях и отображал взаимное расположение городов. Он, по всей видимости, основывался на данных Марина Тирского, который, в свою очередь, последние уточнения получил от караванщиков Маеса Титиана, лично побывавших в Антиохии Маргианской примерно в 100 г. н.э.¹⁰

Отправной точкой в исследовании был, естественно, основной политический, экономический и культурный центр этой области — Антиохия Маргианская. О начале его истории в эллинистическую эпоху сообщает Курций Руф (Curt. Ruf. VII. 10). Он рассказывает, что Александр Македонский прибыл к городу Маргианы (*urbs Margianae*) (не приводя его названия). Здесь македонский царь построил шесть крепостей. Более детальная информация представлена у Плиния Старшего (Plin. Nat. Hist. VI. 46–47): Александр основал Александрию Маргианскую — город, который позднее был разрушен варварами и восстановлен Антиохом (явно имеется в виду Антиох I, когда он был соправителем отца на Востоке). Антиох переименовал город в Антиохию. Несколько отличается от Плиния информация Юлия Солина. Согласно ему, Александр основал в Маргиане Александрию, которая была разрушена варварами, Антиох восстановил город, но дал ему имя Селевкия (Solin. 48. 3). Ту же самую информацию повторяет и Марциан Капелла (Martianus Capella. VI. 691). Страбон же говорит об основании города Антиохии, не упоминая предшествующую ей Александрию (Strab. XI. 10. 2). Ограничиваются только упоминанием Антиохии в Маргиане Исидор Харакский (Isid. Charax. 14), Птолемей (Ptol. Geog. I. 12. 7; VI. 10. 2) и Аммиан Марцеллин (Amm. Marcel. XXIII. 6. 54).

Археологические исследования памятника показали, как кажется, достаточно полное соответствие картины, которую дают письменные источники, и архе-

⁸ Первые попытки отождествления некоторых из городов, отмеченных на карте Птолемея, с городищами, обследованными ЮТАКЭ в 1950–1952 гг., предприняла Г.А. Пугаченкова. Опираясь исключительно на географические координаты карты, она сопоставила Ясонион с Чичанлык-депе, Аратху — с Акча-депе, Сену — с Дурнали, Ариаку — с Кишман-депе, и Антиохию, естественно, — с Гяур-кала. См. Пугаченкова 1958, 28, 46. При этом никаких других аргументов в пользу такого отождествления приведено не было.

⁹ Гаилов, Требелева 2006, 157–164.

¹⁰ Bernard 2005, 949–950.

ологических материалов: город Маргианы, о котором говорит Курций Руф, отвечает городищу Эрк-кала (по археологической карте памятник № 602), Антиохия Маргианская — городищу Гяур-кала (по археологической карте памятник № 603). Эрк-кала стала служить для нового города цитаделью. Достаточно адекватную картину города дает его описание в соответствующем разделе тома, посвященного археологии Средней Азии и Кавказа в известной серии «Археология СССР»¹¹. С того момента археологические материалы для интересующей нас эпохи пополнились тремя важными дополнениями. Было установлено, что стена, окружавшая городскую округу (о которой писал Страбон), действительно существовала, но она располагалась не там, где ее помещали ранее, а гораздо ближе к городу. Ее остатки были хорошо видны еще в середине 40-ых годов прошлого века¹². Кроме того, была детально исследована оборонительная система Гяур-калы, ранняя фаза которой предстает перед нами как образцовый пример раннеэллинистической городской фортификации¹³. Наконец, была специально изучена раннеэллинистическая керамика города¹⁴.

Опираясь на это твердо установленное соответствие между данными письменной традиции и археологии, мы попытались продолжить искать соответствия. Суть метода, использованного нами, состоит в следующем. Главной составляющей любого пространственного анализа взаиморасположения любых объектов является анализ расстояний. Кратчайшим расстоянием между памятниками является расстояние по прямой. Если мы нарисуем на карте (условно) эти прямые между тремя любыми городами, то получим треугольники, вершинами которых будут города, а сторонами — расстояния между ними. На карте Птолемея мы построили треугольник, вершинами которого являлись Антиохия, Сена и Аратха. После этого мы построили подобный треугольник и на «Археологической карте», где тремя вершинами стали городище Гяур-кала (с Эрк-калой), то есть памятник № 602/603; Новый Кишман (Улы Кишман, Тязе Кишман), то есть памятник № 544, и, наконец, Старый Кишман (Кишман-депе, Дингли Кишман, Койне Кишман), то есть памятник № 586¹⁵. После линейных измерений и анализа соотношения сторон мы получили (при округлении до целого числа) единый коэффициент подобия, равный в нашем случае шести, т.е. 1 см на карте Птолемея соответствует 6 см на Археологической карте (рис. 3). Соответственно, со значительной долей вероятности можно говорить о том, что из равенства Гяур-кала = Антиохия Маргианская автоматически следует два других равенства: Сена = Новый Кишман, а Аратха = Старый Кишман.

Сена, упоминаемая только Птолемеем (Ptol. Geogr. VI. 10. 3), исследовалась в ходе маршрутных поездок сотрудниками ЮТАКЭ, посещался памятник также и сотрудниками Среднеазиатской экспедиции ИА РАН (рис. 4). Было выяснено, что этот населенный пункт возник еще в парфянское время¹⁶. Он представлял собой двухчастную структуру, ориентированную почти строго по сторонам света,

¹¹ Кошеленко, Усманова, Филанович 1985, 226–242.

¹² Bader, Gaibov, Koşelenko 1995, 39–50.

¹³ Zavyalov 2007, 313–329.

¹⁴ Гаилов 2004, 600–608; Puschnigg 2008, 109–127.

¹⁵ Гаилов, Требелева 2006, 157–164.

¹⁶ Массон 1961, 14–28; 1966, 36–56.

состоящую из «цитадели» размерами 80x100 м¹⁷ и расположенного к югу от него укрепленного поселения размерами 160x170 м. На глазомерном плане, снятом М. Е. Массоном¹⁸, это поселение обозначено как «шахристан». Город продолжал жить и развиваться и в последующее время, в средневековье он носил название Хурмузфарра, даже после монгольского нашествия он существовал еще некоторое время.

Аратха, подобно Сене, упоминается среди городов Маргианы только у Птолемея (Ptol. Geogr. VI. 10. 3). Этот древний населенный пункт неоднократно посещался и обследовался сотрудниками ЮТАКЭ, сотрудниками Среднеазиатской экспедиции ИА РАН, а кроме того здесь проводились раскопки экспедицией под руководством Д. Дурдыева¹⁹.

На этом месте существовало поселение ахеменидского времени, которое было покинуто в начале эллинистической эпохи. В парфянское время здесь возникает новый населенный пункт с достаточно мощными укреплениями (рис. 5). Он представлял собой несколько неправильный прямоугольник со сторонами 180x150 м, ориентированный почти строго по сторонам света²⁰. Д. Дурдыев датировал это укрепленное поселение сасанидским временем, что, как показали дальнейшие исследования, неправильно. Дата его возникновения — парфянская эпоха. Несколько позднее вокруг этого укрепленного населенного пункта создается пригород, который в свою очередь обносится валом, следы которого были хорошо видны еще в начале 80-ых годов прошлого века²¹. Населенный пункт продолжал существовать в сасанидское время и позднее, вплоть до монгольского завоевания. В эпоху развитого средневековья известен город был известен под названием Кушмейхан²².

Дальнейшие исследования проводились с использованием описанного выше метода, но благодаря тому, что локализованных городов стало больше, точность наших расчетов повысилась: мы взяли новый город и образовали треугольник между ним и двумя другими (ранее идентифицированными) городами. Таким образом, получили для сравнения уже не один треугольник, а три (используя различные комбинации между четырьмя городами) для каждого нового города. Совпадение результатов математических вычислений в целом подтвердили сделанный ранее нами вывод: все полученные в ходе различных комбинаций треугольники подобны и имеют один коэффициент подобия, равный шести. При этом следует учитывать тот факт, что на карте Птолемея отсутствует масштаб отображения. Поэтому, допуская, что имеющееся у нас изображение данной карты сделано без искажений, мы измеряем расстояние в сантиметрах, исходя из того, что нам важны не абсолютные числа, а относительные. Т.е. если при изменении масштаба отображения карты абсолютное число, отображающее расстояние между объектами, может измениться, то отношение между полученными цифрами все равно останется прежним.

¹⁷ Здесь и далее размеры памятников приводятся по карте Google Earth. Замеры производились при помощи инструмента «Линейка» по гребню стен.

¹⁸ Массон 1966, рис. 12.

¹⁹ Дурдыев 1959, 136–169.

²⁰ Массон 1966, 86–111; Пугаченкова 1958, 54–55; Bader, Gaibov, Košelenko 1993, 225–250.

²¹ Bader, Gaibov, Košelenko 1993/1994, 51–70.

²² Массон 1966, 90.

Продолжая данное исследование, мы аналогичным образом пришли к выводу, что городу Гуриане в наибольшей степени отвечает городище Чильбурдж (памятник по карте № 528; рис. 6)²³. Гуриане упоминается только Птолемеем (Ptol. Geogr. VI. 10. 4).

При определении этой локализации мы имеем следующую картину: условные треугольники AFB, BFC и AFC, где точка А — памятник № 544, В — № 586, С — № 603, F — № 528, и треугольники A₁F₁B₁, B₁F₁C₁ и A₁F₁C₁, где точка А₁ — Сена, В₁ — Аратха, С₁ — Антиохия Маргианская, F₁ — Гуриане (рис. 7).

Для первой пары треугольников AFB и A₁F₁B₁ мы получаем следующие соотношения сторон:

$$\frac{AF}{A_1F_1} = \frac{25,6}{4,15} = 6,2 \quad \frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8,44}{1,3} = 6,4 \quad \frac{BF}{B_1F_1} = \frac{27,4}{4,3} = 6,4$$

Таким образом, коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6, как и в случае с предыдущими треугольниками.

Возьмем следующую пару треугольников: BFC и B₁F₁C₁ — и рассмотрим соотношение сторон в этой паре:

$$\frac{FC}{F_1C_1} = \frac{16,2}{2,5} = 6,4 \quad \frac{BF}{B_1F_1} = \frac{27,4}{4,3} = 6,4 \quad \frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29,18}{4,5} = 6,4$$

Мы получаем тот же коэффициент подобия — 6 (при округлении до целого числа).

Рассмотрим третью пару треугольников — AFC и A₁F₁C₁.

$$\frac{AF}{A_1F_1} = \frac{25,6}{4,15} = 6,2 \quad \frac{FC}{F_1C_1} = \frac{16,2}{2,5} = 6,4 \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31,36}{5,5} = 5,6$$

Коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

В итоге при анализе всех возможных комбинаций взаиморасположения четырех городов мы получаем единый коэффициент подобия, что подтверждает правильность нашего метода.

Городище Чильбурдж уже достаточно давно известно археологам²⁴. Раскопки на нем проводились в 1980 г.²⁵ Эти раскопки показали, что населенный пункт возник в парфянское время. Он имел почти правильную прямоугольную форму: две длинные стены имели размеры 260 и 230 м, короткие — по 200 м. С самого начала он был обнесен мощной стеной. Однако те стены, которые ранее считались парфянскими, в действительности были возведены в сасанидское время, при этом парфянская фортификация оказалась как бы «в футляре» более поздних укреплений. В сасанидское время к западу от городища возник неукрепленный

²³ Следует учитывать, что согласно описанному выше методу городу Гуриане может соответствовать не только Чильбурдж, но и городище Кырк-депе, расположенное в непосредственной близости от него. Чильбурдж выбран нами как памятник, значительно превосходящий размерами Кырк-депе и в большей степени соответствующий статусу города. В то же время особенностью Кырк-депе является поразительное сходство его планировки со столичным городищем Гяур-кала/Антиохией. О Кырк-депе см., например: Дурдыев 1959, 123–135; Массон 1951, 92; Пугаченкова 1958, 41; Усманова, Филанович, Кошеленко 1985, 220, 227.

²⁴ Пугаченкова 1958, 51–54.

²⁵ Gaibov, Koshelenko, Novikov 1990, 21–40.

пригород. Продолжал памятник существовать и в эпоху средневековья — вплоть до монгольского нашествия.

Следующим этапом нашего исследования стала локализация города Аргади-на. Город упоминается только Птолемеем (Ptol. Geogr. VI. 10. 3). Мы пришли к выводу, что городу Аргадины может соответствовать городище Гебеклы-депе (памятник на карте № 583; рис. 8)²⁶.

Для определения местоположения этого города мы строим треугольники AGB, BGC и AGC, где точка А — памятник № 544, В — № 586, С — № 603, G — № 583, и треугольники $A_1G_1B_1$, $B_1G_1C_1$ и $A_1G_1C_1$, где точка A_1 — Сена, B_1 — Арат-ха, C_1 — Антиохия Маргианская, G_1 — Аргадины (рис. 9).

Для первой пары треугольников — AGB и $A_1G_1B_1$ мы получаем следующие соотношения сторон:

$$\frac{AG}{A_1G_1} = \frac{11}{1,7} = 6,4 \quad \frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8,44}{1,3} = 6,4 \quad \frac{BG}{B_1G_1} = \frac{17,8}{2,9} = 6,1$$

Таким образом, коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

Возьмем следующую пару треугольников: BGC и $B_1G_1C_1$ — и рассмотрим соотношение сторон в этой паре:

$$\frac{GC}{G_1C_1} = \frac{34,1}{5,8} = 5,8 \quad \frac{BG}{B_1G_1} = \frac{17,8}{2,9} = 6,1 \quad \frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29,18}{4,5} = 6,4$$

Мы получаем тот же коэффициент подобия — 6.

Рассмотрим третью пару треугольников: AGC и $A_1G_1C_1$.

$$\frac{AG}{A_1G_1} = \frac{11}{1,7} = 6,4 \quad \frac{GC}{G_1C_1} = \frac{34,1}{5,8} = 5,8 \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31,36}{5,5} = 5,6$$

Коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

Таким образом, при анализе всех возможных комбинаций взаиморасположения четырех городов мы получаем единый коэффициент подобия.

Данный археологический памятник — Гебеклы-депе — достаточно хорошо известен, на протяжении многих лет он был объектом раскопок Среднеазиатской экспедиции ИА РАН²⁷. В основе его квадратная в плане крепость (100x100 м), ориентированная почти строго по сторонам света, возведенная на руинах поселения эпохи Яз-III. Вокруг крепости зафиксированы следы неукрепленного поселения, размеры которого определить не удалось вследствие большой мощности наносов, с одной стороны, и глубокой перестройки ландшафта — с другой. Крепость продолжала существовать и в раннесасанидское время, вплоть до конца IV в. н.э.²⁸ При раскопках памятника кроме обычных материалов была обнаружена огромная коллекция глиняных булл, свидетельствующая о значительном экономическом значении этого пункта²⁹.

²⁶ Как и в предыдущем случае, помимо Гебеклы-депе в предложенную систему расчетов вписывается и соседнее с ним городище Яз-депе, однако ко времени создания Птолемеем его карты данный памятник уже прекратил свое существование.

²⁷ Кошеленко, Гаиров 2006, 7-21; Гаиров, Кошеленко 2007, 360-374 с предшествующей литературой.

²⁸ Koshelenko 2007, 269-283.

²⁹ Gaibov 2007, 285-294.

Ясонион упоминается Птолемеем и Аммианом Марцеллином (Ptol. Geogr. VI. 10. 3; Amm. Marcel. XXIII. 6. 54). Исходя из расчетов, он может быть соотнесен с городищем Гечигран (памятник № 555 рис. 10)³⁰. Основанием тому служат треугольники АЕВ, ВЕС и АЕС, где точка А — памятник № 544, В — № 586, С — № 603, Е — № 555, и треугольники А₁Е₁В₁, В₁Е₁С₁ и А₁Е₁С₁, где точка А₁ — Сена, В₁ — Аратха, С₁ — Антиохия Маргианская, Е₁ — Ясонион (рис. 11).

Для первой пары треугольников АЕВ и А₁Е₁В₁ мы получаем следующие соотношения сторон:

$$\frac{BE}{B_1E_1} = \frac{10,3}{1,7} = 6 \qquad \frac{AE}{A_1E_1} = \frac{11,8}{1,8} = 6,5 \qquad \frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8,44}{1,3} = 6,4$$

Таким образом, коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

Возьмем следующую пару треугольников: ВЕС и В₁Е₁С₁ — и рассмотрим соотношение сторон в этой паре:

$$\frac{CE}{C_1E_1} = \frac{20}{3,7} = 6,4 \qquad \frac{BE}{B_1E_1} = \frac{10,3}{1,7} = 6 \qquad \frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29,18}{4,5} = 6,4$$

При округлении до целого числа мы получаем тот же коэффициент подобия — 6.

Рассмотрим третью пару треугольников: АЕС и А₁Е₁С₁.

$$\frac{AE}{A_1E_1} = \frac{11,8}{1,8} = 6,5 \qquad \frac{CE}{C_1E_1} = \frac{20}{3,7} = 6,4 \qquad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31,36}{5,5} = 5,6$$

Коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

В итоге при анализе всех возможных комбинаций взаиморасположения четырех городов мы получаем единый коэффициент подобия. Данный памятник неоднократно посещался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции ИА РАН в 80-е гг. прошлого столетия. Он представляет собой достаточно высокое депе, расположенное углами по сторонам света, квадратное в плане, размерами примерно 90х90 м — остатки крепости парфянского времени, перестроенной в сасанидское время в замок. Вокруг депе — остатки неукрепленного поселения. Памятник продолжал существовать и в средневековое время, кажется, вплоть до монгольского завоевания.

Ариака упоминается только у Птолемея (Ptol. Geogr. VI. 10. 3). Этому городу из числа зафиксированных в Археологической карте наиболее соответствует безымянный памятник № 212 (рис. 12), обследованный итальянской группой совместной российско-туркменско-итальянской экспедиции³¹. Для определения ме-

³⁰ Альтернативным вариантом локализации Ясониона могло бы стать городище Акча-депе 1, расположенное примерно в трех км к северо-востоку от Гечиграна. Однако предпочтение было отдано последнему в силу несколько лучших цифровых показателей, а также ввиду его физических размеров, более соответствующих статусу города.

³¹ В рамках совместного проекта сложилось определенное «разделение труда»: итальянские археологи направили свои усилия на обследование северной части оазиса, где были в основном сосредоточены интересовавшие их памятники эпохи бронзы и раннего железа, тогда как российские и туркменские специалисты исследовали главным образом южную часть оазиса, где преобладали памятники эпохи античности и средневековья.

стоположения города Ариака были построены треугольники ANB, BNC и ANC, где точка А — памятник № 544, В — № 586, С — № 603, N — № 212, и треугольники $A_1N_1B_1$, $B_1N_1C_1$ и $A_1N_1C_1$, где точка A_1 — Сена, B_1 — Аратха, C_1 — Антиохия Маргианская, N_1 — Ариака (рис. 13).

Для первой пары треугольников: ANB и $A_1N_1B_1$ мы получаем следующие соотношения сторон:

$$\frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8,44}{1,3} = 6,4 \quad \frac{BN}{B_1N_1} = \frac{8,61}{1,4} = 6,15 \quad \frac{AN}{A_1N_1} = \frac{11,05}{1,8} = 6,14$$

Таким образом, коэффициент подобия при округлении до целого числа равен 6.

Возьмем следующую пару треугольников: BNC и $B_1N_1C_1$ — и рассмотрим соотношение сторон в этой паре:

$$\frac{CN}{C_1N_1} = \frac{37,91}{6,5} = 5,83 \quad \frac{BN}{B_1N_1} = \frac{8,61}{1,4} = 6,15 \quad \frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29,18}{4,5} = 6,4$$

При округлении до целого числа мы получаем тот же коэффициент подобия — 6.

Рассмотрим третью пару треугольников: ANC и $A_1N_1C_1$.

$$\frac{AN}{A_1N_1} = \frac{11,05}{1,8} = 6,14 \quad \frac{CN}{C_1N_1} = \frac{37,91}{6,5} = 5,83 \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31,36}{5,5} = 5,6$$

Коэффициент подобия при округлении до целого числа и в данном случае равен 6.

В итоге, при анализе всех возможных комбинаций взаиморасположения четырех городов мы получаем единый коэффициент подобия. Таким образом, есть все основания считать, что городу Ариака соответствует памятник № 212. Памятник находится в крайней северо-восточной части оазиса, за пределами современной освоенной зоны и представляет собой группу небольших возвышений, разделенных или перекрытых барханами. Выделить остатки сооружений довольно трудно, хотя на поверхности имеется большое количество подъемного материала: фрагменты керамики, бронзовых и каменных изделий, а также керамический и железный шлак³². На основе анализа подъемного материала памятник был датирован широким временным диапазоном — от эпохи бронзы (Яз-I — Яз-III) до парфянского и сасанидского времени.

Следующим из упоминаемых Птолемеем (Ptol. Geogr. VI. 10. 4) маргианских городов является город Рея. В результате наших исследований мы пришли к выводу, что городу Рея более всего отвечает городище Джин-депе (памятник № 305; рис. 14). Следует отметить, что это единственный памятник, который выбивается из общей схемы. Треугольники ADB, BDC и ADC, где точка А — памятник № 544, В — № 586, С — № 603, D — № 305, и треугольники $A_1D_1B_1$, $B_1D_1C_1$ и $A_1D_1C_1$, где точка A_1 — Сена, B_1 — Аратха, C_1 — Антиохия Маргианская, D_1 — Рея нельзя определить как подобные (рис. 15).

³² The Archaeological Map 1998, 222.

Для первой пары треугольников ADB и $A_1D_1B_1$ мы получаем следующие соотношения сторон:

$$\frac{AD}{A_1D_1} = \frac{30,07}{3,8} = 7,9 \quad \frac{AB}{A_1B_1} = \frac{8,44}{1,3} = 6,4 \quad \frac{BD}{B_1D_1} = \frac{25,68}{4,6} = 7,9$$

Для второй пары — BDC и $B_1D_1C_1$:

$$\frac{DC}{D_1C_1} = \frac{30,9}{5,4} = 5,72 \quad \frac{BD}{B_1D_1} = \frac{25,68}{4,6} = 7,9 \quad \frac{BC}{B_1C_1} = \frac{29,18}{4,5} = 6,4$$

И для третьей — ADC и $A_1D_1C_1$:

$$\frac{AD}{A_1D_1} = \frac{30,07}{3,8} = 7,9 \quad \frac{DC}{D_1C_1} = \frac{30,9}{5,4} = 5,72 \quad \frac{AC}{A_1C_1} = \frac{31,36}{5,5} = 5,6$$

Таким образом, мы видим, что единого коэффициента не получается. Но прослеживается закономерность: удлинение расстояния (с коэффициента 6 на 8) по линиям AD и BD , т.е. наблюдается смещение реального памятника на юг по сравнению с картой Птолемея. Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с ошибкой Птолемея в указании расстояния или ошибкой переписчика.

В окрестностях Джин-депе (на расстоянии ок. 11 км к СВВ от него)³³ в ходе работ по составлению Археологической карты был зафиксирован безымянный памятник № 444. Сопоставление расстояний этого памятника по линиям AD и BD дает коэффициент меньше 6 (примерно 5,3–5,4), но все-таки более близкий искомому. Правда, сам памятник в ходе разведок был отнесен к раннему железному веку, к тому же на поверхности не заметно каких-либо следов сооружений, что, впрочем, не исключает полностью идентификацию Реи с данным памятником. Возможен и другой вариант: искомый памятник до сих пор не зафиксирован и может располагаться где-то между Джин-депе и № 444. Однако в данных условиях единственным приемлемым вариантом остается локализация города Рея на месте Джин-депе.

Общая площадь городища Джин-депе составляет ок. 2х1,5 км, оно состоит из 12 отдельных бугров, каждый из которых представляет собой остатки отдельного квартала. Квартал состоял из 2 или 3 отдельных домохозяйств с большим общим двором³⁴. Самый северный из бугров, видимо, представляет собой остатки небольшой цитадели. Город был крупным ремесленным центром. На нем зафиксировано 11 керамических печей, из них было вскрыто 5³⁵. Памятник надежно датируется в пределах парфянского времени (I в. до н.э. — I в. н.э.).

Последний из городов Маргианы, упоминаемый в античных источниках — Нисайя. Он фиксируется в тексте Птолемея (Ptol. Geogr. VI. 10. 4) и Аммиана Марцеллина (Amm. Marcel. XXIII. 6. 54); последним, правда в форме Нигея, что, видимо, является результатом использования испорченного текста Птолемея.

На карте Птолемея этот город расположен у самой кромки гор, следовательно — в районе современной границы между Туркменистаном и Афганистаном. Будучи приграничным, этот район всегда был закрытым, и использовать там GPS-

³³ The Archaeological Map 1998, 237–238.

³⁴ Кошеленко 1963.

³⁵ Мережин 1962, 12–29.

приемник было невозможно. В силу этих обстоятельств в нашем распоряжении нет никаких координат для памятников южнее Тахта-Базара. Однако, несмотря на эти сложности, есть некоторые возможности для локализации и этого города.

На упомянутой карте Птолемея город отмечен в том месте, где река Мургаб покидает горы и выходит на равнину. Характерно, что на том же сегменте карты, но уже к югу от горной цепи, служащей естественной границей между Маргианой и Ареей, отмечена область обитания «нисейцев», местоположение которой указано достаточно точно (κατέχουσι δὲ τῆς Ἀρείας τὰ μὲν ἄρκτικὰ μέρη Νισαῖοι — «северная часть Ареи населена нисейцами») (Ptol. VI.17.3).

Это обстоятельство (расположение рядом города Нисайя и области обитания нисейцев) заставляет нас думать о естественной связи этих двух фактов. Наиболее реальным выводом является предположение о том, что город Нисайя является центром одноименной области. При этом город располагается на границе гор и равнины, а собственно страна — несколько к югу — в данном случае за первой горной цепью. Необходимо также указать, что топоним Нисайя был широко распространен в иранском мире³⁶; Нисайя входила в состав Мидии (Her. III. 106; IV. 40; IX. 20; Diod. XVII. 10; Strab. XI. 13. 7; XI. 14. 9; Arr. VII. 13. 1), еще одна Нисайя была частью Парфии (Plin. Nat. Hist. VI. 29. 113; Strab. XI. 7. 2).

Достаточно точная локализация области обитания нисейцев становится возможной благодаря помощи несколько неожиданного источника. В одном из зороастрийских сочинений — «Вендидате» (или «Видевдате»), в его знаменитом первом фаргарде содержится список стран, поклоняющихся Ахурамазде. На пятом месте в этом списке находится Нисайя, которая определяется следующим образом — «[расположенная] между Маргианой и Бактрией»³⁷.

Как известно, из Мерва в Бактры существовало два пути. Один из них — более короткий, но более трудный — вел через пески юго-восточных Каракумов к берегам Амударьи (примерно к району современного города Керки), а затем — вдоль берега этой реки к Балху. Второй — более длинный, но более комфортный — вдоль реки Мургаб: сначала строго на юг, затем — в горах — следуя по долине, идущей с востока на запад, далее — невысокий перевал — и дорога выходит на Бактрийскую равнину достаточно близко от Бактры³⁸. Как мы отмечали выше, именно этим путем прошли караванщики Маеса Титиана³⁹. В эпоху средневековья он отмечался рядом авторов: ибн-Хордадбехом⁴⁰, Кудамою⁴¹, ал-Макдиси⁴² и др.

Таким образом, можно с достаточно высокой степенью надежности предполагать, что данная Нисайя представляла собой долину реки Мургаб от ее истоков вплоть до выхода на равнину. К сожалению, источники не дают точных сведений о центре этой области. При этом необходимо указать, что планомерным археологическим исследованиям этот район никогда не подвергался, памятники фикси-

³⁶ Дьяконов 1956, 203.

³⁷ Gnoli 1980, 63; Кошеленко, Гаиров, Бадер 1996, 139.

³⁸ Frye 2001, 247–249.

³⁹ Bernard 2005, 948–953.

⁴⁰ Волина, Ромаскевич, Якобовский 1938, 149.

⁴¹ Там же 1938, 165.

⁴² Там же, 206–207.

ровались путешественниками, археологи же здесь бывали очень редко и только очень непродолжительное время. Всего отмечено здесь совсем небольшое количество памятников, не более десятка: Меручак (Маручак), Бала-Мургаб, Каравал Хана, Тепе Абдулла, Кала-и Исмаил, Дарбанд-и Даукар и ряд др.⁴³ Значительными размерами обладают только два из них: Меручак и Бала-Мургаб. Средневековые арабские авторы отмечают наличие в этом районе города Мерверуд (Мерверруд), который (вместе со своей округой) иногда входил в состав области Мерва, иногда же представлял отдельную административную единицу. Среди исследователей, занимавшихся этим вопросом, имеются как сторонники отождествления Мерверуда с Меручаком, так и сторонники отождествления его с Бала-Мургабом. Таким образом, можно предполагать, что городу Нисайя древности должен был соответствовать средневековый Мерверуд, но вопрос о том, какое из городищ является руинами этого города, по-прежнему не ясен. К сожалению, нам не удалось посетить Меручак, чтобы определить его точное местоположение с помощью GPS⁴⁴. Однако, кажется, нет сомнений в том, что искомый нами город находился в этом районе. Собственно долина реки Мургаб (там, где она течет с востока на запад) посещалась сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции, которые зафиксировали здесь несколько памятников⁴⁵. По всей видимости, события, происходившие в этой области, нашли свое отражение и в монетном чекане парфянских царей. Среди монет, выпускавшихся «неизвестным царем», который по расчетам Д. Селлвуда царствовал приблизительно в период от 80 по 75 гг. до н.э.⁴⁶, присутствует уникальная группа, характерной особенностью которой является указание на место чеканки: «в походе» (ΚΑΤΑΣΤΡΑΤΕΙΑ), «в Рагах» (ΕΝ ΡΑΓΑΙΣ), «Маргиана» (ΜΑΡΓΙΑΝΗ), «Траксиана» (ΤΡΑΞΙΑΝΗ), «Нисайя» (ΝΙΣΑΙΑ), «Арея» (ΑΡΕΙΑ). Соседство с Маргианой и Ареей заставляет думать, что упоминается именно интересующая нас Нисайя.

Таким образом, с определенной степенью уверенности нам удалось локализовать города Маргианы парфянского времени, упоминаемые в античных источниках (рис. 16). Эта локализация открывает определенные перспективы для новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Гаилов В. А. 2004: Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. XIV, 600–608.

Гаилов В. А., Кошеленко Г. А. 2006: Новое о парфянской культуре: раскопки в Мервском оазисе // Вестник истории, литературы, искусства. Т. II. М., 7–21.

⁴³ Ball 1982, карта 93, №№ 98, 235, 714, 850, 914, 1159; Ходжаниязов 1968, 28–29.

⁴⁴ Поскольку в советское время пограничная зона начиналась уже у Тахта-Базара и получение пропуска в эту зону было сопряжено с огромными трудностями, которые мы так и не сумели преодолеть. После обретения Туркменистаном независимости доступ иностранцам в эту зону стал практически невозможен. Впрочем, учитывая значительные расстояния от наших базовых точек, можно полагать, что величина погрешности была бы слишком велика, чтобы провести точную идентификацию.

⁴⁵ Кругликова 2005, 316–317, №№ 99–123.

⁴⁶ Sellwood 1980. тип 30.14 — 30.30, 97–99.

- Гаибов В. А., Требелева Г. В. 2006: О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий) // РА. 3, 157–164.
- Дурдыев Д. 1959: Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–57 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад, 136–169.
- Дурдыев Д. 1959: Отчет о раскопках в 1955–1957 гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. V. Ашхабад, 123–135.
- Дьяконов И. М. 1956: История Мидии. М.; Л.
- Кошеленко Г. А. 1963: Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 г. // КСИА АН СССР. Вып. 95. М.
- Кошеленко Г. А. 2002: Антиохия в Маргиане по информации Стефана Византийского // ПИФК. XII, 414–418.
- Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н. 1996: Авестийские данные о Маргиане // ПИФК. 3/1, 134–147.
- Кошеленко Г. А., Бадер А. Н., Гаибов В. А. 1995: Маргиана в ахеменидской официальной письменной традиции // ПИФК. 2, 137–150.
- Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. 2006: В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. XVI/1. 2006, 18–23.
- Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. 2007: Крепость на границе Мервского оазиса: Гебеклы-депе // *Antiquitas Aeterna*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 2. Война, армия и военное дело в античном мире. Саратов, 360–374.
- Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н. 2000: Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 1, 3–15.
- Кошеленко Г. А., Усманова З. И., Филинович М. Ф. 1985: Маргиана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Кругликова И. Т. 2005: Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. // ПИФК. XV, 309–437.
- Массон М. Е. 1961: Городище средневекового Хурмузфарре Тязе-Кишман // Изв. АН ТССР. Серия обществ. наук. 2, 14–28.
- Массон М. Е. 1970: К вопросу о Маргиане в составе Греко-Бактрийского царства // Изв. АН ТССР. Серия обществ. наук. 5, 12–23.
- Массон М. Е. 1966: Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) (Труды ЮТАКЭ, Т. XIII). Ашхабад.
- Мережин Л. Н. 1962: К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе // Труды ЮТАКЭ. XI (Керамика античного и средневекового Мерва). Ашхабад, 12–25, 30–36.
- Пугаченкова Г. А. 1958: Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.
- Хлопин И. Н. 1972: Александр Македонский в Маргиане // Античность и современность. М., 187–190.
- Хлопин И. Н. 1983: Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад.
- Ходжаниязов Т. 1968: Клад в Меручаке // Памятники Туркменистана. 1 (5), 28–29.
- The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–1995 / A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), 1998. Rome.
- Bader A., Gaibov V., Košelenko G. 1993: Materials for Archaeological Map of the Merv oasis: Kōne Kishman // *Mesopotamia*. XXVII. Firenze, 225–250.
- Bader A., Gaibov V., Košelenko G. 1993/1994: The Northern Periphery of the Merv oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest // *Silk Road Art and Archaeology*. 3. Kamakura, 51–70.

- Bader A. N., Gaibov V. A., Košelenko G. A.* 1995: Walls of Margiana // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / A. Invernizzi (ed.). Torino.
- Ball W.* (avec la collaboration de J.-C. Gardin) 1982: Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologique d'Afghanistan. T. I–II. Paris.
- Bernard P.* 2005: De l'Euphrate à la Chine avec la caravane de Maës Titianus (c. 100 ap. N.É.) // CRAI, 929–969.
- Frye R.* 2001: A note on the ancient history of Bactria // La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Termez et les villes de Bactriane-Tokharistan. Actes du colloque de Termez. Paris, 247–250.
- Gaibov V.* 2007: The Bullae of at Gobekly-depe // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford.
- Gaibov V., Košelenko G., Novikov S.* 1990: Chilburj // Bulletin of the Asia Institute. IV. 1, 21–36.
- Gnoli G.* 1980: Zoroaster's time and homeland. A Study on the origins of Mazdeism and related problems. Napoli.
- Grenet F., Rapin C.* 2001: Alexander, Ai Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // Bulletin of the Asia Institute. New Series. XII, 79–89.
- Humbach H., Ziegler S.* 1998: Ptolemy Geography, Book 6. Middle East, Central and Northern Asia, China. Part I. Text and English / German Translation. Wiesbaden.
- Košelenko G. A.* 2007: The fortifications at Gobekly-depe // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford.
- Loginov S. D., Nikitin A. B.* 1996: Parthian Coins from Margiana: Numismatics and History // Bulletin of the Asia Institute. New Series. X, 39–51.
- Puschnigg G.* 2008: Hellenistic Echoes in Parthian Merv: transformation and adaptation in the ceramic Repertoire // Parthica. 10, 109–128.
- Ptolemaios* Geographie 6,9–21. Ostiran und Zentralasien. Teil I. Griechische Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von I. Ronca. 1971. Rome.
- Sellwood D.* 1980: An Introduction to the Coinage of Parthia. 2nd edition. London.
- Zavyalov V. A.* 2007: The fortifications of the city of Gyaaur Kala, Merv // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford.

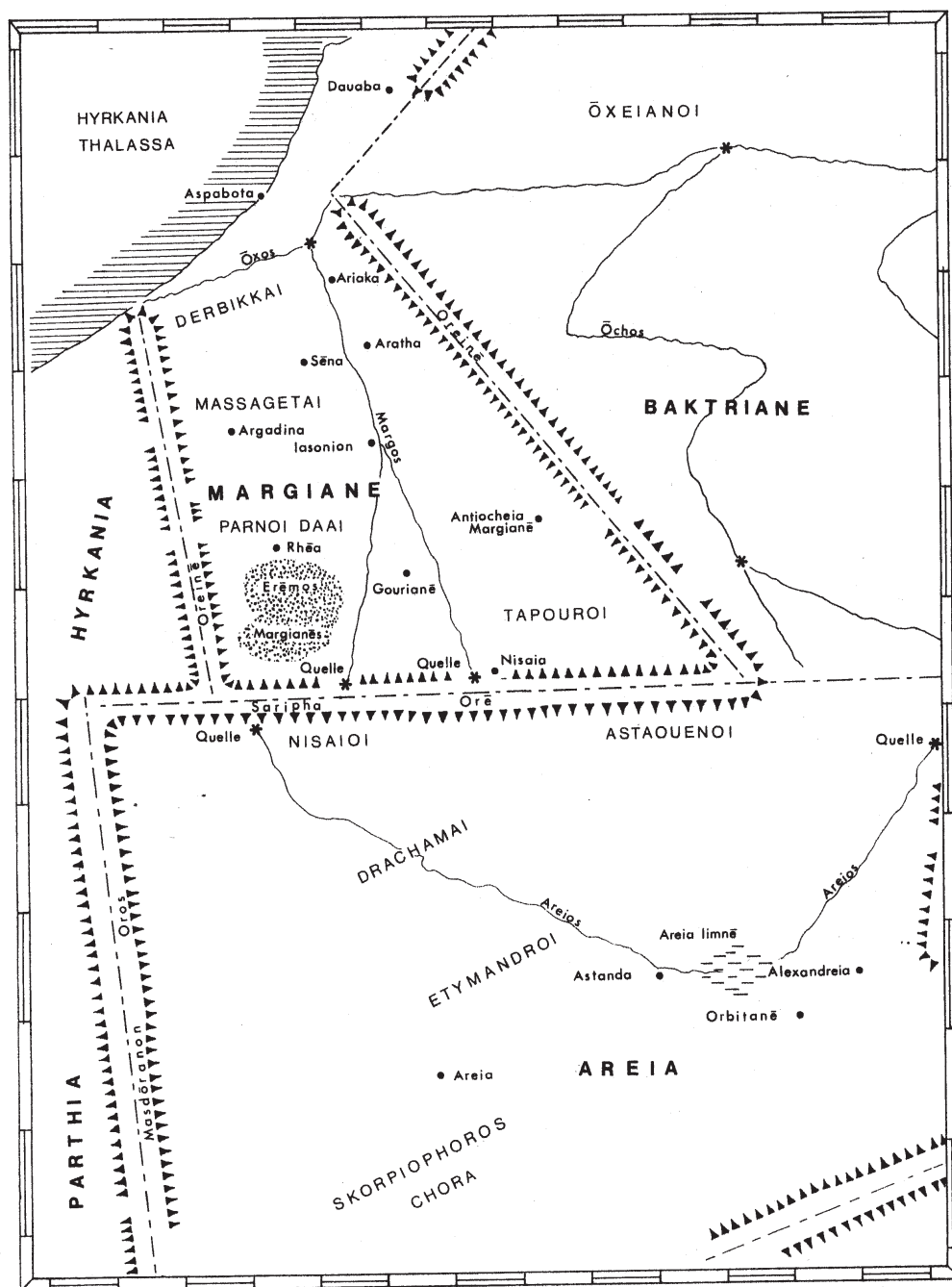

Рис. 1. Карта Маргианы и прилежащих территорий на карте Птолемея (по И. Ронка).

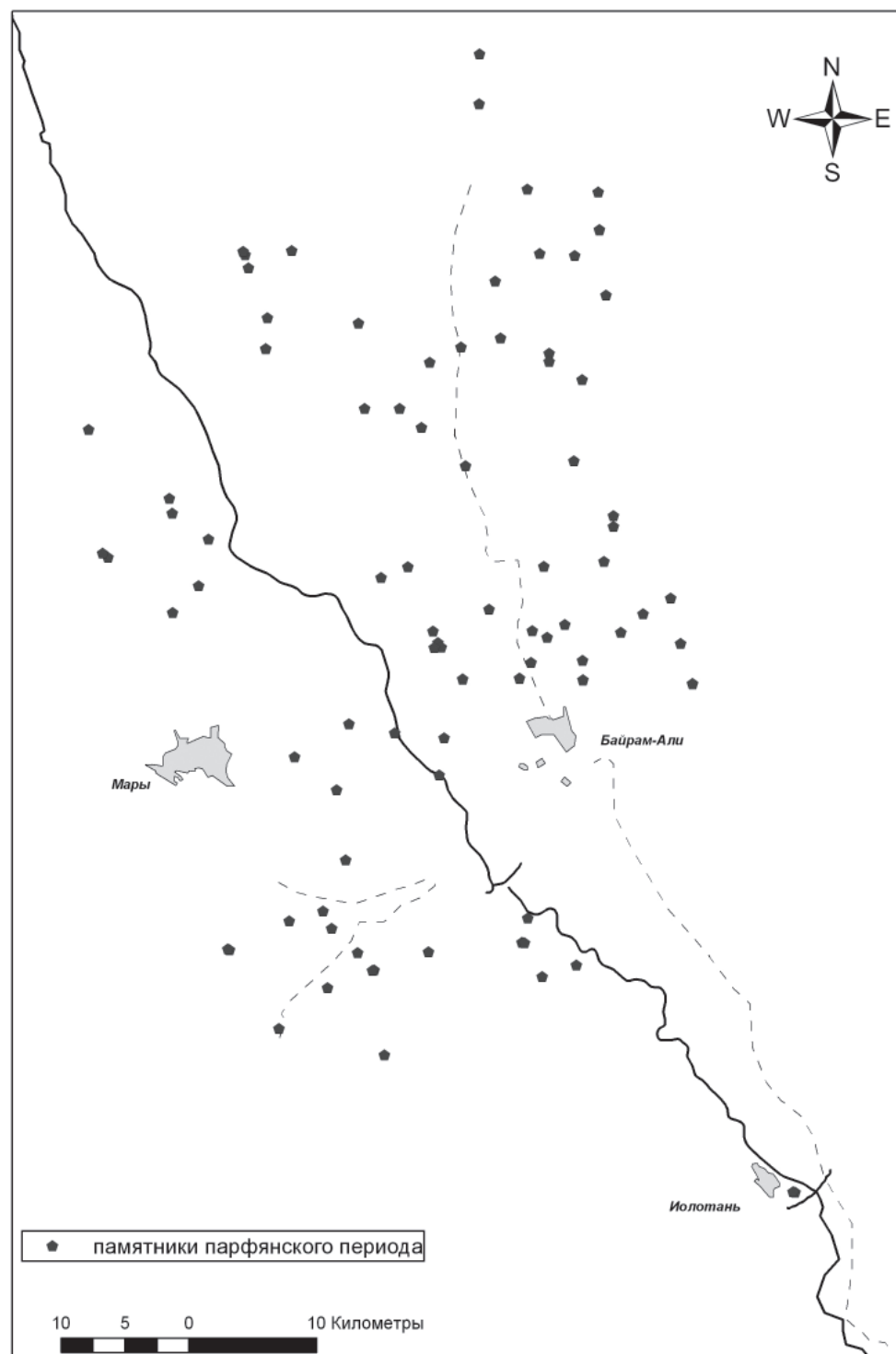

Рис. 2. Археологические памятники Маргианы парфянского времени.

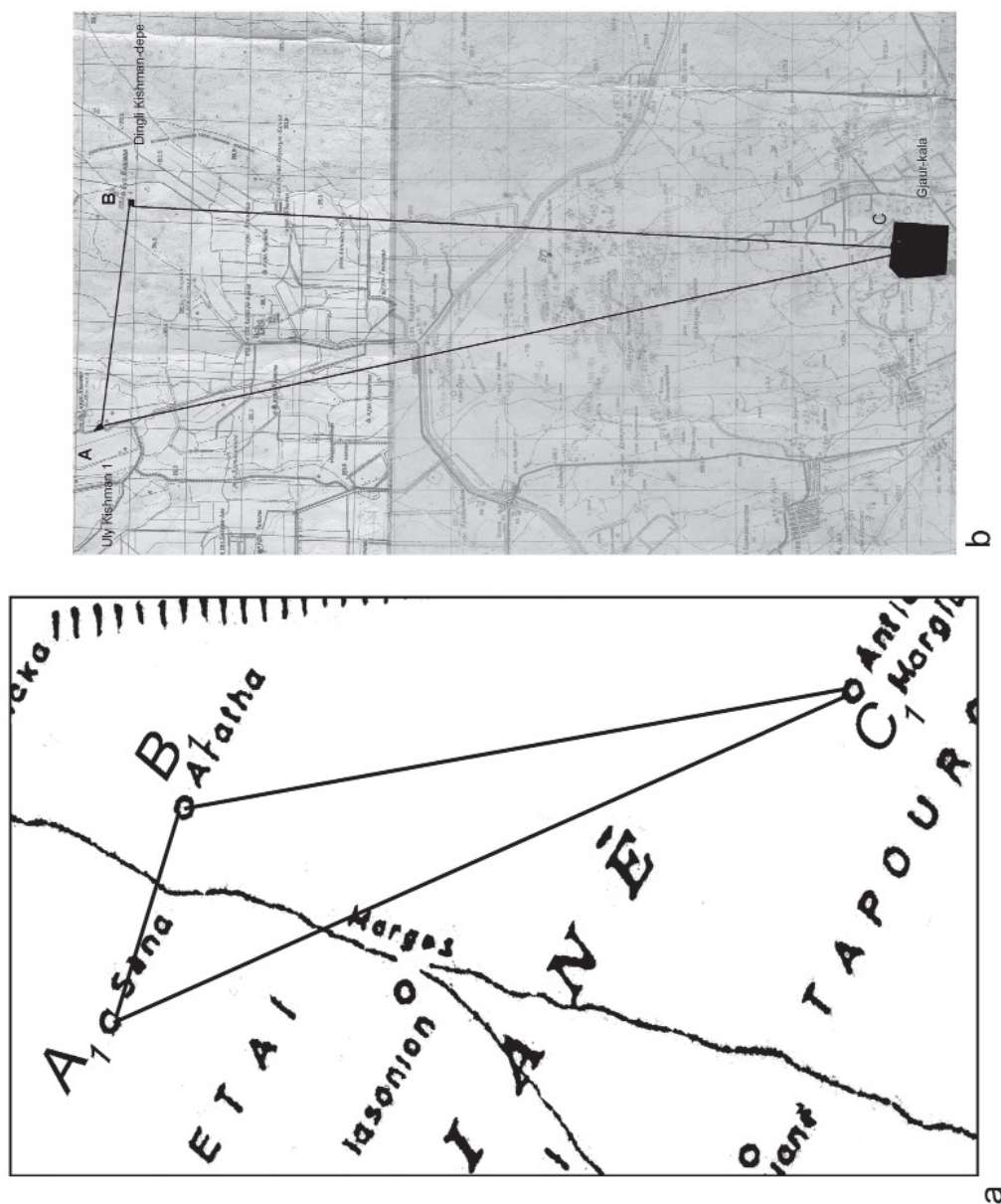
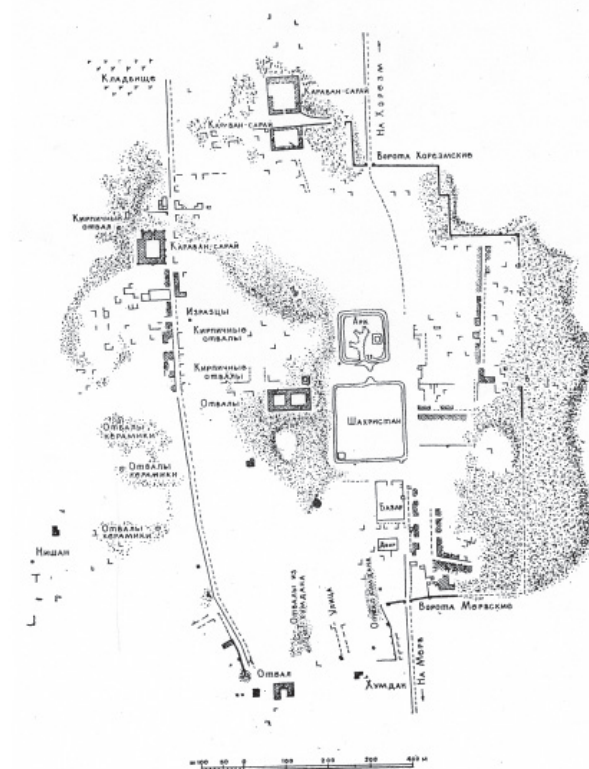

Рис. 3. Соотношение городов Сена и Аратха на карте Птолемея (а) и городищ Улы Кишман и Дингли Кишман на Археологической карте Мервского оазиса (б).

Городище Хурмузфарра. Снимок М. Е. Массон.

Рис. 4. Сена (Новый Кишман, Улы Кишман, Тязе Кишман).

Рис. 5. Аратха (Кишман-депе, Дингли Кишман, Койне Кишман).

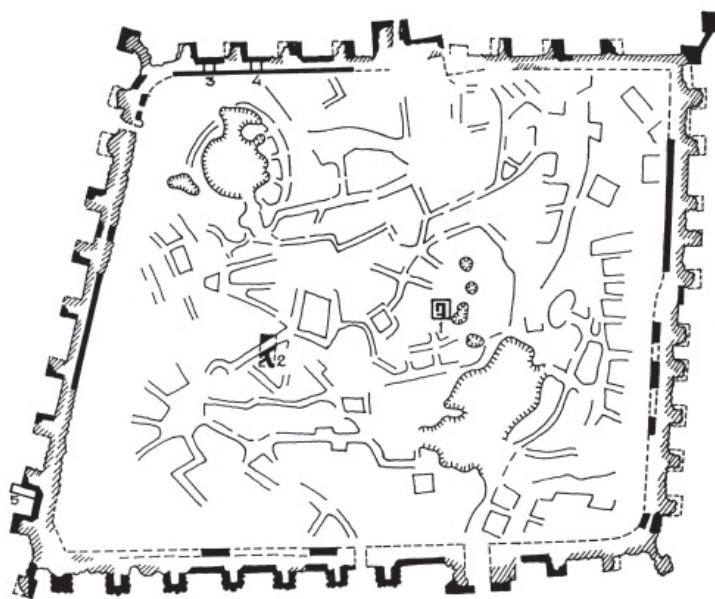
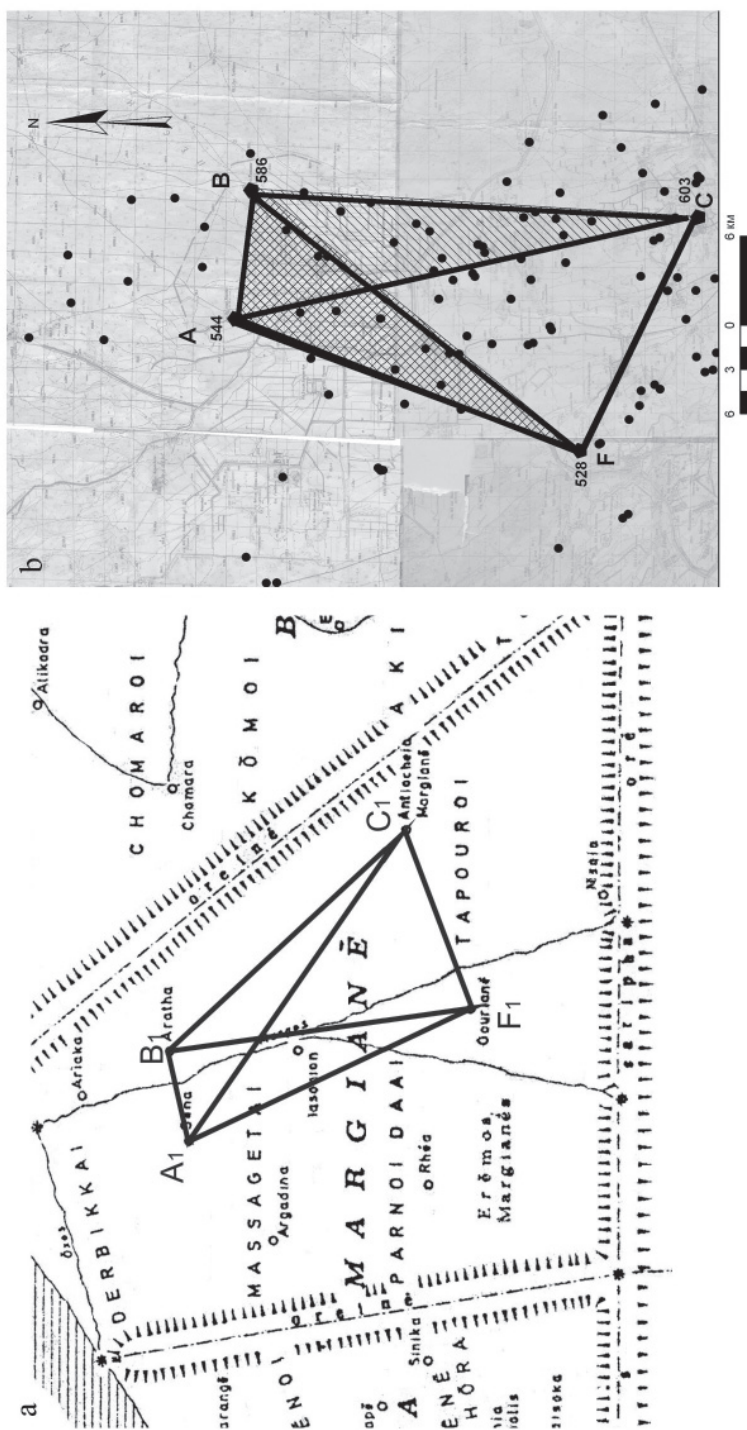

Рис. 6. Гуриане (Чильбурдж, памятник № 528).

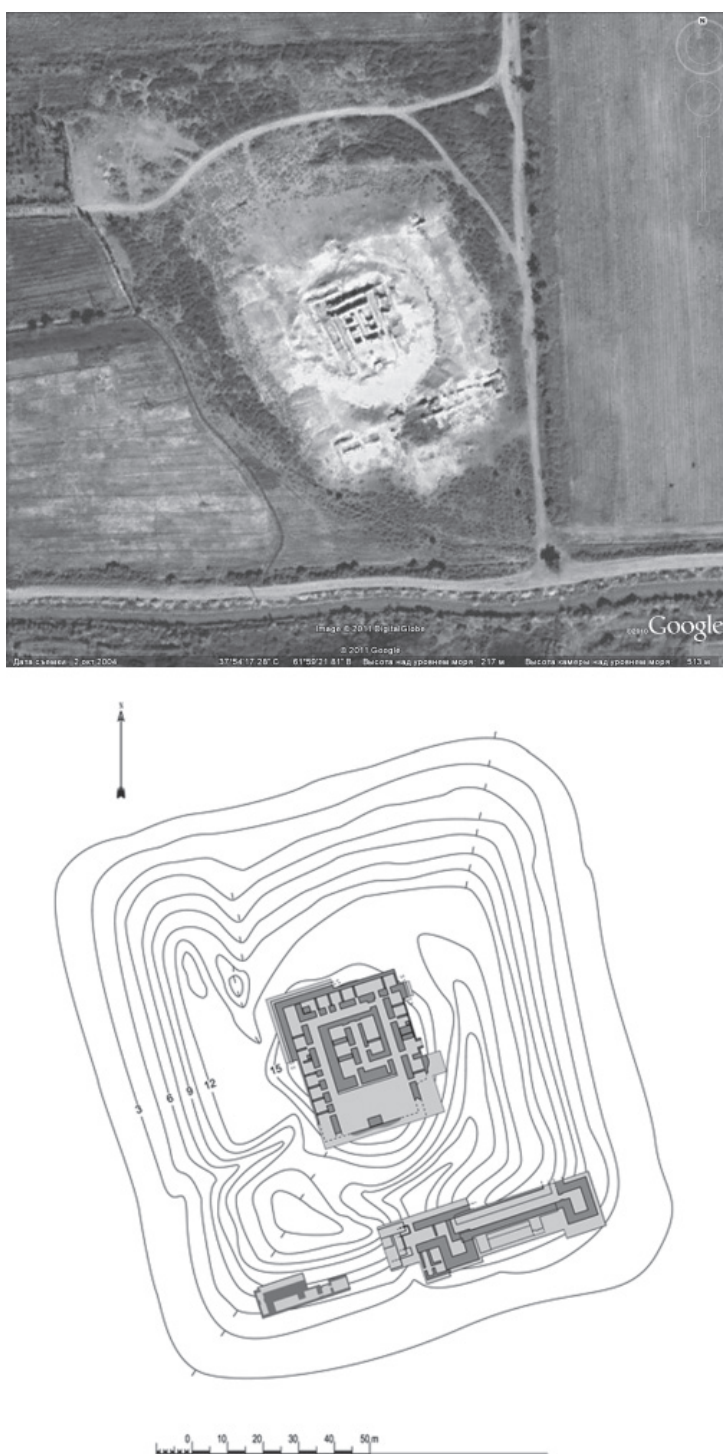

Рис. 8. Аргадина (Гебеклы-депе, №583).

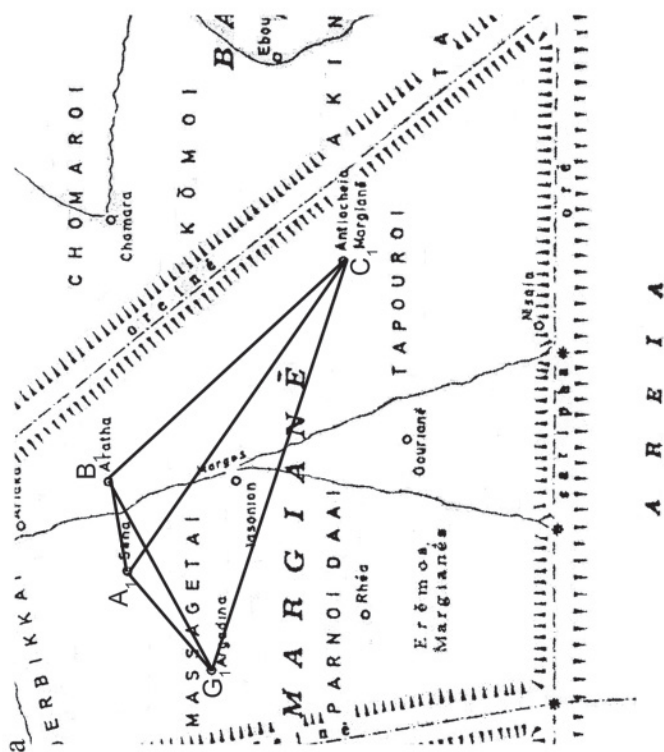
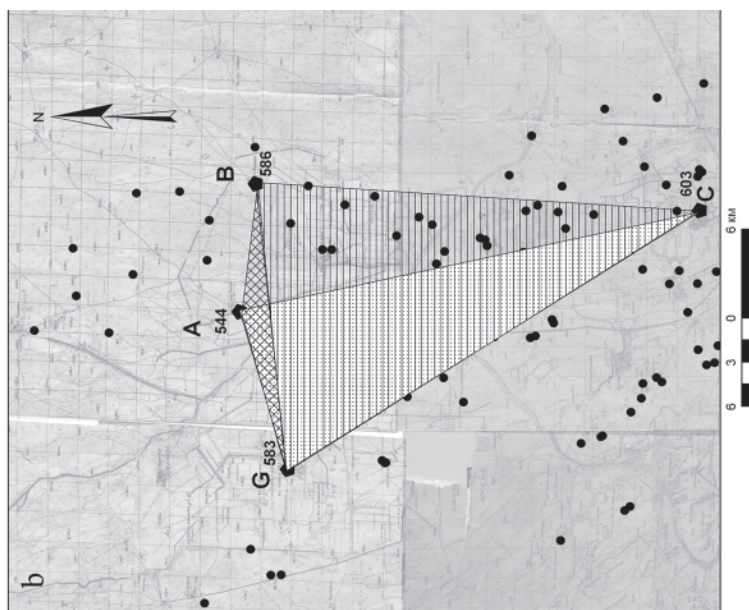

Рис. 9. Соотношение городов на карте Птолемея (а) и памятников на Археологической карте Мервского оазиса (b).

Гичигран

0 200 400 м

Рис. 10. Ясонион (Гечигран, памятник № 555).

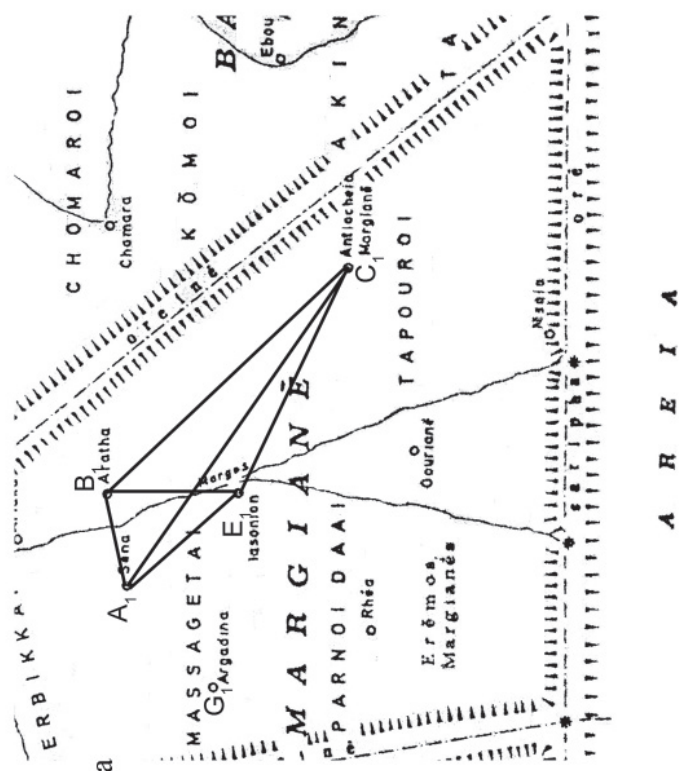
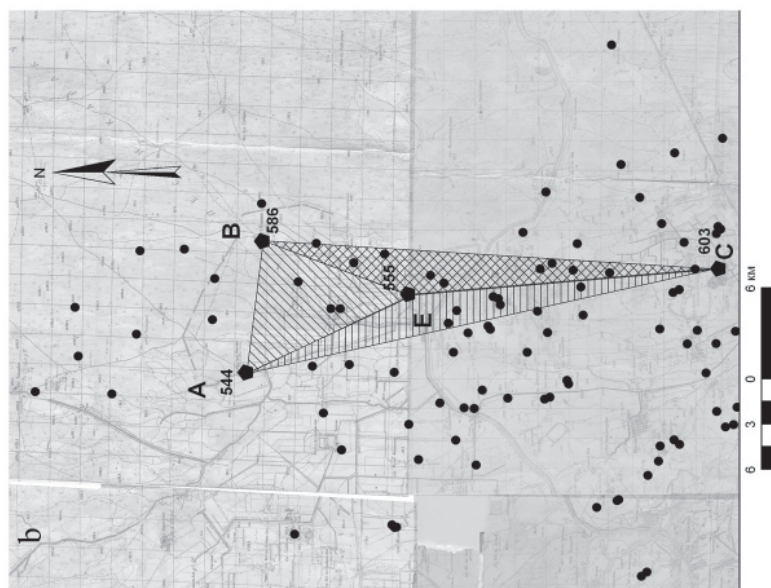

Рис. 11. Соотношение городов на карте Птолемея (а) и памятников на Археологической карте Мервского оазиса (b).

Рис. 12. Ариака (Безымянный памятник, № 212).

Рис. 14. Рея (Джин-депе, памятник № 305).

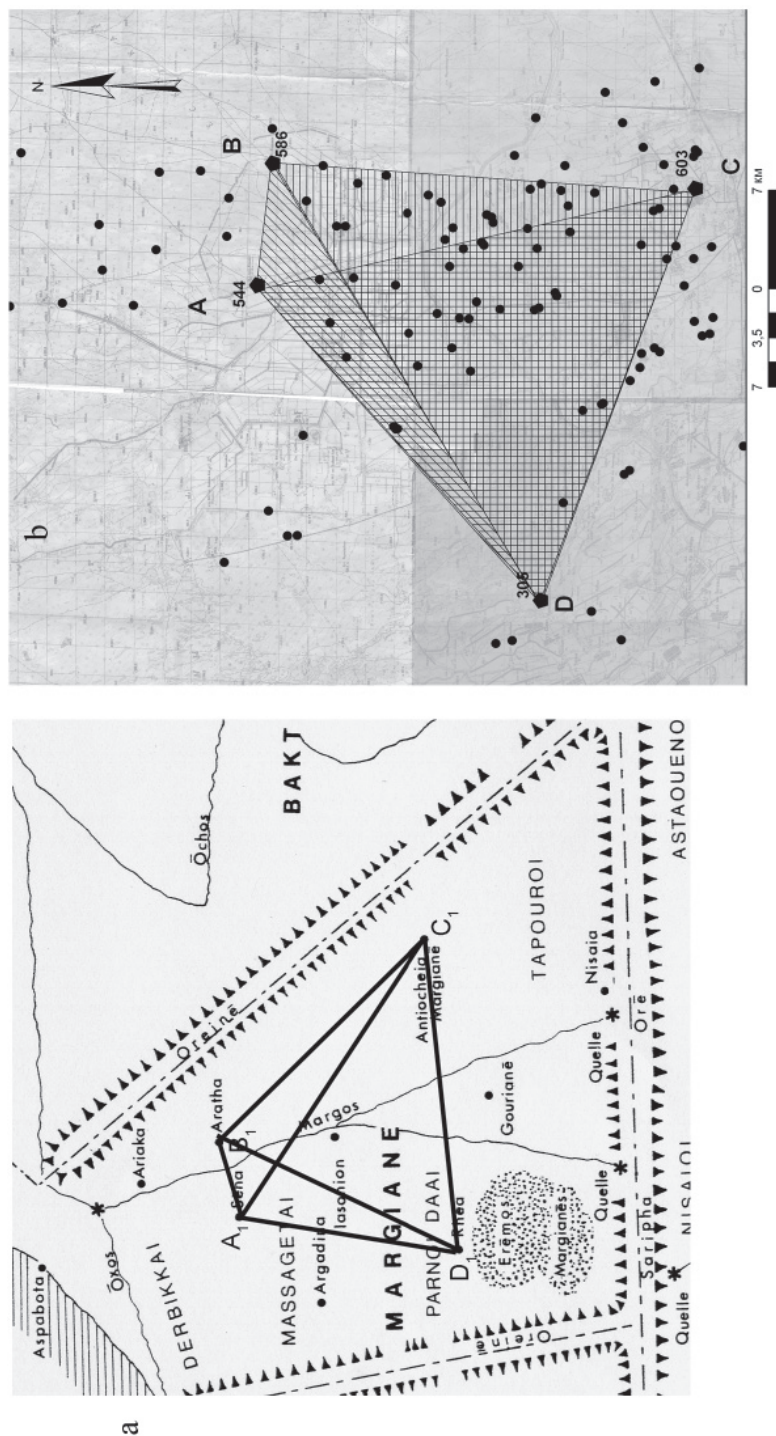

Рис. 15. Соотношение городов на карте Птолемея (а) и памятников на Археологической карте Мервского оазиса (б).

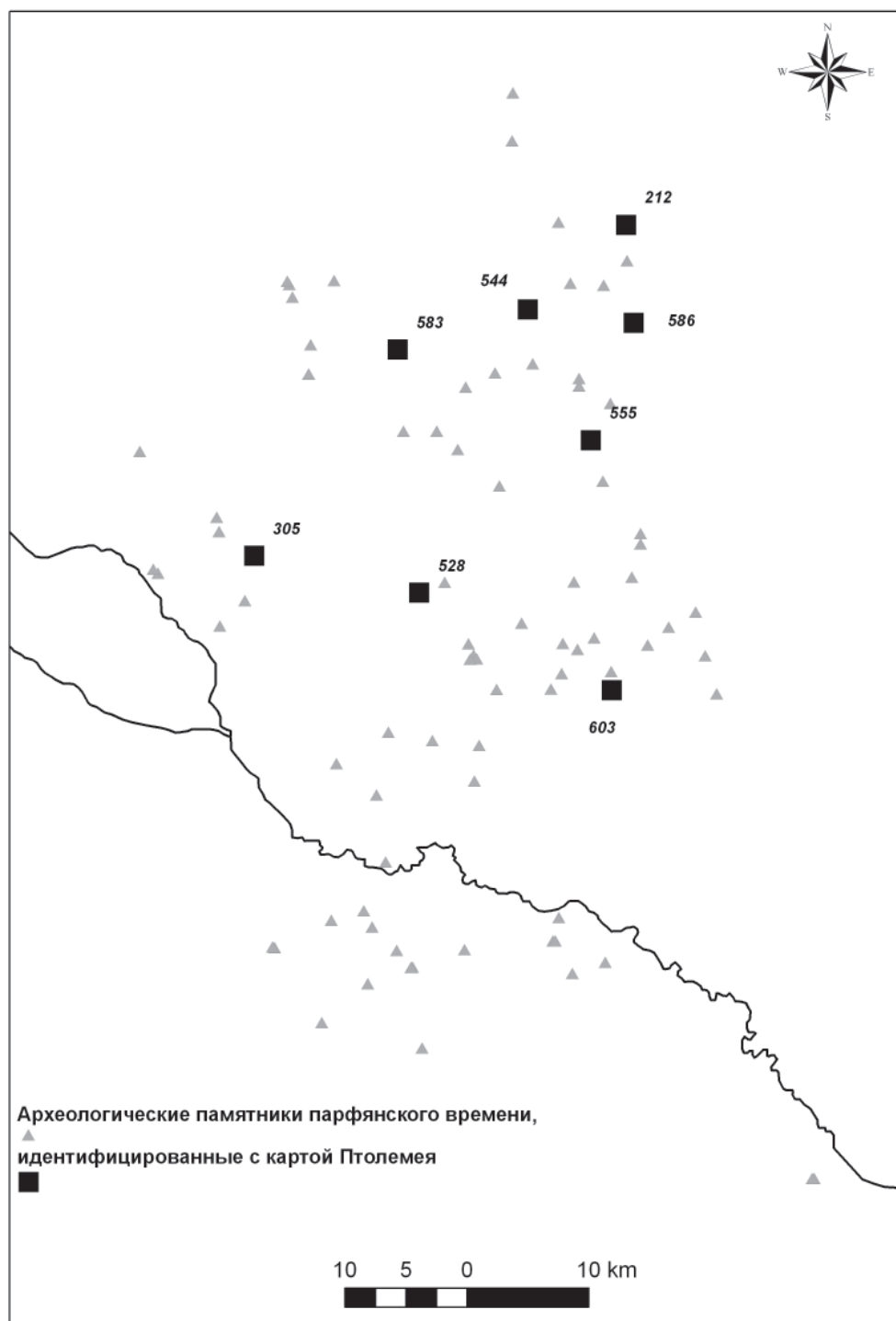

Рис. 16. Города Маргианы парфянского времени.

LOCALIZATION OF MARGIANA TOWNS OF PARTHIAN PERIOD

V. A. Gaibov, G. A. Koshelenko, G. V. Trebelyeva

The article is an attempt to dovetail data about nine towns of the Parthian period given in Claudius Ptolemy's "Geographic Guide" with the results of the work on making an archeological map of Merv oasis that were obtained during archeological exploration carried out by Central Asia expedition of the Academy of Sciences of the USSR in the 80–90-s of the 20th c. Using previously proposed procedure (Gaibov, Trebelyeva, 2006. p.p. 157-164) the authors put forward the following identification of Margiana towns: Alexandria of Margiana = Erk-kala/Gyaur-kala; Sena = Novy Kishman; Aratkha = Stary Kishman; Guriane = Chilburdge; Argadina = Gebekly-depe; Yasonion = Gechigran; Ariaka = unnamed monument # 212; Rayah = Djin-depe; Nissayah = Meruchak or Bala-Murgab.

Key words: Claudius Ptolemy, Margiana, Merv oasis, archeological map, Parthian period, localization of towns.

© 2011

Р. В. Тихонов

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КЕРАМИКИ БАКТРИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В керамике эллинистической Бактрии отчетливо прослеживаются две основные тенденции развития. Первая, связанная с греческим влиянием, характеризуется наличием исконно эллинских форм, которые в местных условиях претерпевают ряд изменений, приемов их отделки (штамповый орнамент, частичное ангобирование), а также распространение граффити на сосудах.

Кроме иноземного заимствования, продолжают свое развитие и местные традиции. Они выражены в бытовании «баночных» сосудов, некоторых типов столовой и в большинстве своем кухонной и хозяйственной посуде. Кроме того, исконно восточными остаются способы формовки и приемы декоративного оформления (простой орнамент, ангобирование).

Ключевые слова: керамика, эллинизм, Бактрия, греческие новации, местные традиции.

Эллинистический период в истории Бактрии ознаменован значительными изменениями в области культуры и искусства. Это было обусловлено, с одной стороны, распространением греческих новаций, а с другой — сохранением местных традиций. В результате их взаимодействий был выработан совершенно новый стиль культуры, оказавший воздействие на дальнейшее развитие страны.

Тихонов Роман Владимирович — ассистент кафедры всеобщей истории ЕГУ им. И. А. Бунина.
E-mail: 478042316789@mail.ru

Гончарное дело не осталось в стороне от данного процесса. К греческому влиянию следует отнести появление таких исконно эллинских сосудов, как фиалы, чаши мегарского круга, рыбные блюда, кувшины типа ойнохой, кратеры, амфоры, арибаллы, аски и некоторые другие¹. Однако в условиях восточного государства морфология многих из них претерпевает ряд изменений. Яркий тому пример дает амфора. Для удобства перевозки и хранения гончары перестали формировать острое дно, а вместо него появилось плоское дно, а иногда и небольшой поддон. Это объясняется, видимо, тем, что транспортировка вина и масла осуществлялась по сухопутным торговым путям².

С другой стороны, некоторые типы греческой посуды стали настолько популярными, что, появившись в эллинистический период, просуществовали вплоть до наших дней. Так, например, у современных народов, населяющих Среднюю Азию, одним из наиболее популярных типов столовой посуды является так называемая пиала, которая не только созвучна с фиалой, но по форме и функциональному назначению напоминает древнегреческий сосуд для питья.

Под воздействием греческих новаций бактрийские гончары применяют некоторые способы отделки сосудов — штамповый орнамент, частичное ангобирование. Существует несколько точек зрения относительно времени появления штампового орнамента. По мнению Г. А. Пугаченковой, «лишь в кушанское время по всей Бактрии применяется на некоторых сосудах оформление штампами, а также нанесенная палочкой-пунсоном несложная орнаментация в виде круговых или прямых линий и точечных вдавлений»³. Согласно Н. С. Сычевой, штамповый орнамент в Бактрии появился несколько ранее, а именно во II—I вв. до н. э. Именно к этому времени относится блюдо из Тулхарского могильника⁴. Ш. Р. Пидаев связывает появление данного типа декорирования посуды с влиянием юечжей⁵.

Однако результаты археологических исследований позволяют говорить о появлении и распространении штампового орнамента в эллинистическое время. Он отмечен для керамического ассортимента не только греческого полиса на эллинистическом Востоке, которым, несомненно, является Ай-Ханум, но и других типов поселений⁶.

Одним из первых штамповых орнаментов, появившихся в Бактрии эллинистической эпохи, являются пальметтообразные, отмеченные в комплексе посуды Ай-Ханум⁷. Большинство исследователей интерпретируют его как символ древа жизни. Принцип четырехкратности как обозначения четырех сторон света восходит еще к энеолитическому искусству и продолжает свое развитие в кушанское время⁸.

Среди керамического ассортимента Тепаи Денистон имеется чаша мегарского типа небольших размеров, покрытая штамповым орнаментом с внешней сторо-

¹ Абдуллаев 2010, 48–52, 56–57.

² Тихонов 2010, 98.

³ Пугаченкова 1979, 90.

⁴ Сычева 1978, 25.

⁵ Пидаев 1975, 70.

⁶ Gardin 1973, fig. 3–4; Денисов 1980, рис. 1; Абдуллаев 2005, рис. 1; Drijinina, Boroffka 2006, fig. 3.

⁷ Gardin 1973, fig. 14.

⁸ Цепова 2000, 112.

ны сосуда. Сохранилась лишь половина чаши, а ее дно, судя по незначительным остаткам нижнего фрагмента, было оформлено в виде розетты. Сохранившуюся поверхность сосуда украшает растительный орнамент. На верхней полосе был помещен стебель растительного побега, от которого отходят дугообразные листочки. Такие же, но вертикальные побеги подразделяют чашу на четыре сегмента. Посередине между побегами схематические изображения крупных листьев с заостряющимися концами⁹.

Следует отметить, что во время археологических исследований пока не найдены сами штампы. Только лишь по устному сообщению Ш. Р. Пидаева О. Цеповой, «в шурфе на цитадели Старого Термеза был найден штамп в виде четырехгранной призмы с четырьмя видами мотивов на вершинах»¹⁰.

Частичное покрытие сосудов ангобом наиболее ярко представлено в комплексе Кобадияна¹¹. В Греции частичное ангобирование появляется уже в V в. до н. э. и постепенно заменяет высокохудожественную роспись на вазах. Видимо, прав был В. Д. Блаватский, считавший, что изготовление данного дешевого товара в значительных количествах требовало от гончаров упрощения техники производства, которая привела к появлению и развитию такого приёма, как частичное покрытие сосуда лаком¹².

Однако данное утверждение, на наш взгляд, неприемлемо для Бактрии. Здесь в эллинистический период не отмечено высокохудожественной росписи на сосудах, а рельефная керамика представлена в незначительном количестве, да и по композиции уступает греческим образцам. Поэтому не было необходимости в упрощении техники производства посуды. Не исключено, что местные гончары под влиянием греческой продукции восприняли данный приём, но он в новых условиях Бактрии не прижился. Это можно объяснить и тем, что ангобирование было несколько дешевле лакового покрытия, а посуду, покрытую ангобом, могло себе позволить подавляющее большинство населения страны.

В эпоху эллинизма цветовая гамма ангобного покрытия несколько расширяется. Получает достаточно широкое распространение черный ангоб, который, видимо, имитировал лак на античных вазах¹³. Кубкообразные горшки Джигатепы характеризует красный, реже черный ангоб, нанесенный до середины сосуда¹⁴.

С греческим влиянием также, видимо, следует связать распространение граффити на сосудах. Этот прием известен для керамического комплекса ряда памятников. На некоторых из них упоминаются греческие денежные единицы и меры жидкостей, что представляет собой важное значение для характеристики экономических отношений в Бактрии¹⁵.

Несколько иной характер носят надписи на керамике еще одного центра эллинизма в Средней Азии — Афрасиаба. Здесь был найден фрагмент цилиндрического кубка с процарапанной надписью, которая, по мнению Г. В. Шишкиной,

⁹ Денисов 1980, 104.

¹⁰ Цепова 2001, 102.

¹¹ Сычева 1978, 251.

¹² Блаватский 1947, 56.

¹³ Rapin, Baud, Grenet, Rakhmanov 2006, 102.

¹⁴ Пидаев 1984, 112.

¹⁵ Rapin 1983, 322; Ртвеладзе 2002, 101–102.

означает женское имя в родительном падеже и является примером votивных надписей, распространенных в греческом мире¹⁶.

Бактрия являлась типичным восточным государством со своими многовековыми традициями, которые не могли быть мгновенно подавлены. Все это привело к сосуществованию наряду с исконно греческой посудой, таких форм как кубки, цилиндроконические сосуды с подкосом в придонной части, хумы, хумчи и многие другие. Следует отметить, что не только греки оказали влияние на местное население, но и бактрийцы привносили свои устои в эллинский уклад жизни. Наиболее ярким примером подобного взаимодействия может служить наличие в керамическом комплексе эллинистического полиса Ай-Ханум сосудов для хранения — хумов и хумчей. Дело в том, что для греков традиционными тарными сосудами являлись пифосы, которые в Бактрии, судя по всему, были заменены хумами, обладающими подобными морфологическими и функциональными характеристиками.

Характерной бактрийской особенностью комплексов керамики эллинистического периода является наличие цилиндроконических сосудов с подкосом в придонной части, которые повсеместно встречаются при раскопках ряда памятников¹⁷. Также к местным формам можно отнести некоторые типы столовой (кубки), а также в большинстве своем хозяйственную и кухонную посуду, которая демонстрирует дальнейшее развитие бактрийской гончарной школы.

Следует также отметить, что бытование цилиндроконических форм с подкосом в придонной части на протяжении раннеэллинистического периода характерно не только для Бактрии. Так, например, в Маргиане на городище Эрк-кала в стратиграфическом шурфе (XXIII–XXX горизонты) наряду с керамикой типа Яз-III имеется значительное количество фрагментов раннеэллинистических типов. В. А. Гаиров констатирует, что «на протяжении всего IV в. до н. э. для Мервского оазиса оставалась характерной только керамика типа Яз III, для большей части III в. до н. э. (может быть, начиная примерно с 280 гг. до н. э.) — керамический комплекс, сочетавший в себе черты Яз III и раннеэллинистической керамики»¹⁸.

Способы формовки керамических сосудов Бактрии были традиционными. Как правило, столовая посуда изготавливалась на гончарном круге, а хозяйственная в свою очередь лепной формовкой. Все типы столовой посуды обжигались в печах, которые обнаружены на территории Бактрии. Особенно интересными в данном отношении выглядят полученные результаты археологических исследований крепости Кампыртепа, где было открыто два типа гончарного производства. Здесь, видимо, для изготовления парадной столовой керамики был приглашен специалист-керамист, работавший непостоянно. Его мастерская и некоторые формы столовой посуды вскрыты в пригородной зоне памятника¹⁹. В свою очередь, процесс изготовления хозяйственной, более грубой посуды был налажен местными жителями в домашних условиях. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные обжигательные горны на территории собственно крепости.

¹⁶ Шишкина 1975, 69.

¹⁷ Дьяконов 1953, 280; Зеймаль 1971, 84–93; Абдуллаев 1976, 44–45.

¹⁸ Гаиров 2004, 606.

¹⁹ Болелов 2001, 15–17.

Хозяйственная посуда, сформованная от руки, также отличается своим качеством. Так, например, на Душанбинском городище имеются сосуды, изготовленные из двух кусков глины, а по мере готовности соединены в одну форму, причем место соединения заглажено менее тщательно, что привело к различной ширине стенок одного сосуда²⁰.

В эллинистическую эпоху применялись керамические формы для изготовления будущих сосудов. Одну из подобных форм нашли археологи Л. М. Сверчков и А. А. Восковский в слоях греко-бактрийского времени на цитадели Кампыртепа²¹. Следует отметить, что данный технологический прием был известен на территории Средней Азии предшествующего времени. На Болдайтепа, в стратиграфических слоях, относящихся к периоду «Нижний Болдай-II», большая часть посуды изготовлена с помощью гончарного круга. Обращают на себя внимание цилиндроконические сосуды. Их цилиндрическое тулово и коническая донная часть формовались отдельно, причем коническая часть тарной посуды имеет остатки песчаной подсыпки. Т. И. Зеймаль считает, что «профиль донной части имеет сложный контур, а на внутренней поверхности горизонтальные бороздки, характерные для сосудов, сформованных на круге. Можно предположить, что формовка конической части осуществлялась в чаше-форме, внутренняя поверхность которой была посыпана песком»²².

Наиболее простым орнаментом являлось нанесение концентрических и волнистых линий острым инструментом по сырой глине. На крупных тарных сосудах, в частности хумах отмечены пальцевые вмятины и вдавления, которые, судя по всему, продолжают традицию декоративного оформления крупных сосудов предыдущих эпох.

Все-таки следует отметить, что орнамент в Бактрии не получил столь широкого распространения, как в некоторых историко-культурных областях Средней Азии. Так, например, для керамики Хорезма IV–II вв. до н. э. характерной особенностью является достаточное количество орнаментированных сосудов²³. На поселении Калалы-гыр 2 встречается орнаментальная композиция, состоящая из нескольких поясков, покрывающих верхние две трети профиля сосуда²⁴.

В заключение следует отметить, что в керамическом ремесле Бактрии отчетливо прослеживаются две тенденции. Первая, связанная с влиянием греков (эллинистические формы и отделка сосудов), и вторая — местная (некоторые типы столовой, а также в большинстве своем хозяйственная и кухонная посуда, способы формовки, ангобное покрытие и простой орнамент).

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев А. А. 1976: Отчёт о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. // АРТ. 12, 38–47.

Абдуллаев А. А. 2005: Душанбинское городище в античный период // АРТ. 30, 152–172.

²⁰ Абдуллаев 2005, 155.

²¹ Сверчков, Восковский 2006, 25.

²² Зеймаль 1971, 86.

²³ Болелов 2000, 26–29.

²⁴ Там же, 140.

- Абдуллаев К.* 2010: Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. 1, 46–61.
- Блаватский В.Д.* 1947: О технике росписи арибаллических лекифов // КСИИМК. 15, 51–57.
- Болелов С.Б.* 2000: К вопросу о соотношении типов и орнаментов в керамике (по материалам Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме) // Средняя Азия. История. Археология. Культура / Т.Г. Алпаткина (отв. ред.). М., 26–32.
- Болелов С.Б.* 2001: Гончарная мастерская III–II вв до н. э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2. / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 15–30.
- Болелов С.Б.* 2010: Расписная хозяйственная посуда древнего Хорезма (по материалам Калалы-гыр 2) // ПИФК. 1, 122–142.
- Гаибов В.Г.* 2004: Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. 14, 600–608.
- Денисов Е.П.* 1980: Отчет о работах Дангаринского отряда // АРТ. 15, 96–109.
- Дьяконов М.М.* 1950: Работы Кафирниганского отряда // МИА. 15, 147–186.
- Зеймаль Т.И.* 1971: Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // МКТ. Вып. 2. / Б.А. Литвинский (ред.). Душанбе, 81–101.
- Пидаев Ш.Р.* 1975: О генезисе штамповых орнаментов на керамике античной Бактрианы // ОНУ. 1, 69–73.
- Пидаев Ш.Р.* 1984: Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. / И.Т. Кругликова (ред.). М., 112–124.
- Пугаченкова Г.А.* 1979: Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.
- Ртвеладзе Э.В.* 2002: Надписи и знаки Кампыртепа // МТЭ. Вып. 3 / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–108.
- Сверчков Л.М., Восковский А.А.* 2006: Стратиграфия, периодизация и хронология нижних слоёв Кампыртепа // МТЭ. Вып. 5. / Д.Я. Ильясов (ред.). Ташкент, 21–46.
- Сычёва Н.С.* 1978: Античные элементы в керамике Северной Бактрии — Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 250–257.
- Тихонов Р.В.* 2010: Эллинистическая керамика Северной Бактрии в свете новых археологических исследований // ПИФК. 3, 90–101.
- Цепова О.* 2000: Декорированная керамика Кампыртепа // МТЭ. Вып. 1. / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 90–101.
- Цепова О.* 2001: Керамика со штамповым орнаментом из Кампыртепа // МТЭ. Вып. 2. / Э.В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 101–112.
- Шишкина Г.В.* 1975: Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб II) // СА. 2, 28–51.
- Drujinina A. P., Boroffka N. R.* 2006: First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // BMM. 3, 57–69.
- Gardin J.-C.* 1973: Les ceramiques. Fouilles d'Ai Khanoum // MDAFA. T. XXI. / P. Bernard (eds.). Paris, 121–188.
- Rapin C., Grenet F.* 1983: Inscription economiques de latresorerie hellenistique d'Ai Khanoum. L'onomastique iranienne a Ai Khanoum // BCH. 1, 315–381.
- Rapin C.A., Baud A., Grenet F., Rakhmanov Sh.A.* 2006: Les recherches sur la region des Portes de Fer de Sogdiane: bref etat des questions en 2005 // ИМКУ. 35, 102–112.

PRINCIPAL TRENDS IN BACTRIAN CERAMICS OF THE HELLENISTIC PERIOD*R. V. Tikhonov*

Ceramics of Hellenistic Bactria display evidence of two principal development trends. The first one, connected with Greek influence, is characterized by original Greek forms that suffered a number of changes, by finish techniques (stamped ornament, partial engobe), and frequent graffiti on vessels. Alongside foreign borrowing there exist local traditions. These are represented by 'jar' vessels, some table and, for the most part, kitchen and household utensils. Besides, modeling and ornamentation retain original oriental forms (simple ornament, engobe).

Key words: Hellenism, Bactria, Greek innovations, ceramics, local traditions.

Средневековье

© 2011

А. О. Захаров

ДИНАСТИЯ ШАЙЛЕНДРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье исследуется роль династии Шайлендров (Śailendras) в истории Явы, Суматры и Малаккского полуострова в древности. Статья содержит русские переводы основных источников, которые упоминают эту династию. В ней освещаются современные дискуссии о числе династий, правивших на Центральной Яве в VIII–IX в., и об отношениях между царством Шривиджайя (Śrīvijaya) и династией Шайлендров. Рассматриваются три основных вопроса: какую роль Шайлендры играли на Центральной Яве, какими были их отношения с Шривиджайей, каково было происхождение этой династии. Автор доказывает, что династия Шайлендров была яванского происхождения, а первым правителем, провозгласившим себя членом этой династии, был Пананкарана (Panankarana). Фактически не существовало различий между так называемой династией Санджайи (Saṅjaya) и Шайлендрами. Во время правления Пананкараны центрально-яванская полития подчинила Шривиджайю на юго-востоке Суматры, но мы не знаем, как это произошло. Завоевания Пананкараны достигли Малаккского полуострова, где он оставил знаменитую надпись из Чхайи (Chaiya), известную также как Лигорская (Ligor) стела. Потомки Шайлендров правили районом Кедаха в Малайзии в конце X — начале XI вв.

Ключевые слова: Шайлендры, Ява, Шривиджайя, Суматра, Санджайя.

Прошлое Малайзии и Индонезии давно привлекает внимание исследователей, но их политическая и династическая история ясна далеко не полностью. На Яве между 778–824 гг. появляются надписи царей из рода Шайлендров (дословно «владыки гор»)¹, исповедовавших буддизм, как и известный по надписям правитель Шривиджайи VII в. Джаянаша. Такие источники, как санскритские надпись царя Девапаладевы из монастыря Наланда в Бенгалии (IX в.) и надпись из Чхайи («Лигорская стела», 775 г.²) на Малаккском полуострове, упоминают и Шривиджайю и Шайлендров одновременно (если верно, что Шривиджайя —

Захаров Антон Олегович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: Zakharov_anton@mail.ru.

¹ De Casparis 1950; 1956; Sarkar 1971.

² Строго говоря, происхождение этой надписи до сих пор точно не установлено. Местом её находки считаются разные точки Малаккского полуострова: Виенг Сра, Ват Семамуанг, Ват Хуа Виенг (Чхайя) или Накхон Си Тхаммарат (Лигор). Ведутся споры о том, представляет ли надпись единое целое или две её стороны, А и Б, образуют отдельные тексты. См.: Jacq-Hergoualc'h 2002, 241–247. Авторы новейшей работы Р. Йордан и Б. Коллес исходят из идеи единой надписи и её происхождения из Чхайи. См.: Jordaan & Colless 2009, 43–48, 55–57.

это *Суварнадвина* «Золотой остров»). Древнемалайская полития Шривиджайя, существовавшая в VII–XIII вв. на Суматре и в разное время подчинявшая своему влиянию многие сопредельные страны, была и остается одним из наиболее загадочных обществ в мировой истории. От неё дошли немногочисленные надписи VII–VIII вв.³; другие этапы её истории реконструируются по данным иноземных источников, не всегда поддающихся убедительной интерпретации. Это обстоятельство вынудило историков искать ответ на вопрос о природе связей между царством Шривиджайя и династией Шайлендров. В данной работе хотелось бы осветить проблему династии Шайлендров в историографии, включая их взаимоотношения со Шривиджайей.

Шайлендры в источниках. Яванские царства VIII–X вв. оставили несравненно больше надписей, чем современные им общества Суматры⁴. На Яве Шайлендры упоминаются в четырёх надписях. Первая из них найдена была найдена в Каласане на равнине знаменитого храмового комплекса Прамбанан к востоку от Джокьякарты⁵. Текст выгравирован на камне шрифтом «раннее нагари», состоит из четырнадцати строк на санскрите и датируется 778 г. Поскольку историки предлагают различные толкования этой надписи, приведу её полностью:

«Хвала божественной Арьятаре⁶! (1) Пусть она, видя мир, погружённый в океан существования / мирского бытия и неисчислимые тяготы, должным образом избавляет его посредством трёх средств; пусть она, Тара, единственная путеводная звезда мира (?), подарит вам [ваши] желания, [состоящие из] лучшей части богатства / сути развёртывания / развития / проявления небесного и земного миров. (2) Уговорив великого царя (*mahārāja*) *дьях* Паньячапану Пананкарану, наставники царя Шайлендров (*śailendrarājaguru*) приказали построить (буквально: сделать) великолепный храм Тары. (3) Знатоки, по приказу наставников сделали [образ] богини Тары и этот храм, а также жилище благородных монахов, знающих «великую колесницу учения». (4) Исполнителями приказов (*ādeśaśastrin*) царя (*rājan*), зовущимися *пангкур*, *таван* и *тирип*, этот храм Тары было приказано построить, также как (жилище) благородных монахов. (5) В то время, когда царство (*rājya*) царя-украшения династии Шайлендров процветало, искусными наставниками царя Шайлендров этот храм Тары был построен. (6) Когда семь сотен лет эры царя Шаков (*śakanṛpa*) прошли, великий царь (*mahārāja*) Пананкарана построил храм Тары ради почитания наставников / почтенных лиц. (7) Деревня по имени Каласа была дана *сангхе*/общине, призвав в свидетели больших людей (*mahāpuruṣāḥ*): *пангкура*, *тавана*, *тирипа* и глав страны / местности (*deśādhyakṣāḥ*). (8–9) Львом среди царей (*rājasinḥa*) *сангхе* был дан этот несравненный богатый дар, который должны защищать цари династии Шайлендров, благородные / знать (*āryasaṁtati*), *санг* *пангкур* и другие, *санг* *таван* и другие, *тирип* и другие, господа (*pati*) и мудрецы. (10) Лев среди царей снова и снова просит всех будущих царей, / первых среди обитателей земли: «Этот мост дхармы, который [является] общим имуществом

³ Coedès & Damais 1992.

⁴ Sarkar 1971–1972; Brandes 1913.

⁵ Sarkar 1971, 34.

⁶ Тара (Арьятара) — бодхисатва, воплощение беспредельного сострадания; её культ занимает второстепенное место в махаяне, но играет большую роль в ваджраяне и особенно в народном буддизме. См.: МНМ, Т. 2, 2000, 494.

всех людей, пусть будет защищаться вами во все времена». (11) Этим известным добрым делом — сооружением *вихары* / монастыря пусть все люди, существующие в трёх мирах и сведущие в учении победителей (*jina*), узнают о различиях [вещей] ради благого рождения. (12) Великолепный *карийяна* Пананкарана снова и снова просит будущих царей хранить вихару в таком же состоянии (буквально: так)»⁷.

Это первое упоминание династии Шайлендров на Яве. Основная дискуссия развернулась вокруг вопроса о числе правителей, упомянутых в надписи, или, точнее, о том, принадлежал ли Пананкарана к Шайлендрам или нет. Такие исследователи, как Н. Кром и К. А. Нилаканта Шастри, считали его представителем этого рода⁸. Напротив, Ж.-Ф. Фогель и Ф. Х. Ван Нурсен предполагали, что в надписи из Каласана упоминаются два царя и царь из династии Шайлендров был сеньором, а Пананкарана — его вассалом; эту идею разделяли Ж. Сёдес и Р. Йордан⁹. Это построение, ранее казавшееся автору этих строк убедительным¹⁰, ныне представляется необоснованным: почему сюзерен носит скромный титул царя, а вассал — махараджи (великого царя), почему, если гипотеза Ван Нурсена верна, имя сеньора табуировано (не упоминается), а род вассала — не называется? Я ещё вернусь к вопросу о Пананкаране.

Второе упоминание Шайлендров на Яве встречается в санскритской надписи из Келурака 782 г., найденной к северу от Чанди Лоро Джонггранг (Прамбанан)¹¹. Содержание текста таково: наставник царя (*rājaguru*) по имени *Кумарагхоша* воздвигает статую бодхисатвы *Манджушри*, воплощающего одновременно Будду, Дхарму, Сангху (буддийское учение и общину), Брахму, Вишну и Шиву (под именем Махешвары)¹². В пятой строфе надписи царь называется «украшением рода Шайлендров» (*śailendravanśatilakena*, творительный падеж), а в двадцатой приводится его имя — *Шри Сангграмадхананджайя*¹³. Один из эпитетов правителя — «уничтожающий лучших героев-врагов» (*vairivaravīramardana*). В каталоге Х. Б. Саркара, впрочем, вслед за Ф. Д. К. Босом говорится о том, что царя из династии Шайлендров звали Индрой или даже Дхараниндраварманом¹⁴. Эта реконструкция основана на обороте из той же пятой строфы, стоящем в творительном падеже — *dharaṇīndranāmnā*. Это можно перевести «по имени Дхараниндра» или, связывая термин *dharaṇī* «земля» с предшествующими словами *rājñā dhrtā* — «земля держалась / держится царём по имени Индра». Однако в отношении *dharaṇīndranāmnā* Ж. Сёдес заметил, что «по сообщению Де Каспариса, это результат неверного чтения: вместо *dharaṇīndranāmnā* надпись из Келурака должна читаться *dharaṇīdhareṇa*, что означает просто “царём”»¹⁵. Не имея возможности проверить надпись *de visu*, я не могу судить о степени обоснованности версии Й. Г. де Каспариса–Ж. Сёдеса. Однако чтение и перевод Ф. Д. К. Боса–Х. Б. Сар-

⁷ Захаров 2006, 116–117; 2008, 35–36; ср.: Sarkar 1971, 35–38.

⁸ Krom 1931, 144; Nilakanta Sastri 1949, 55–56.

⁹ Vogel 1919, 634; Van Naerssen 1947, 249–253; Coedès 1968, 89; Jordaan 1999, 40–41.

¹⁰ Захаров 2006, 120; 2008, 40–41.

¹¹ Sarkar 1971, 41.

¹² Sarkar 1971, 43–45; о Манджушри см.: МНМ. Т. 2, 2000, 102.

¹³ Sarkar 1971, 43–44.

¹⁴ Sarkar 1971, 41, 45, 46, fn. 9; Bosch 1928, 24–25.

¹⁵ Coedès 1959, 48; Coedès & Damais 1992, 110.

кара столь же проблематичны. Дело в том, что оборот *dharaṇīndranāmnā* может означать «названный царём/лучшим на земле», таково значение слова *indra* в санскрите¹⁶.

Третий раз термин Шайлендра встречается в санскритской надписи с плато Рату Боко, датирующейся 792–793 г. и дошедшей в шести фрагментах¹⁷. К сожалению, полноценного исследования надписи до сих пор нет. Х.Б. Саркар в своём каталоге не использовал шестой обнаруженный фрагмент, а издавший его после своей первоначальной работы Й.Г. де Каспарис ограничился обсуждением двух строф, пронумерованных им как XV и XII. В XV даётся дата, в XII — название монастыря — *Абхайягиривихара*, которую построили выходцы с Цейлона (*abhayaḡirivihārah kāritaḡ siṅhalānām*)¹⁸. Некоторые исследователи ссылаются на текст из Рату Боко как на надпись Абхайягиривихары¹⁹. Надпись из Рату Боко имеет буддийский характер, поскольку используется типичное обозначение буддийского монастыря — *вихара* и встречается понятие «состояния Будды» (*vuddhatvaṃ*)²⁰.

Имя царя представляет собой загадку. В ранней работе Й.Г. де Каспариса и каталоге Х.Б. Саркара речь идёт о *Дхарматунггадеве* из рода Шайлендров²¹. Позднее Й.Г. де Каспарис стал писать о *Самаратунгге* (*samaratuṅga*), не объяснив отказа от первоначального чтения и указав на основание монастыря в «процветающем царстве» (*rājye pravarddhamāne*)²². Дж.Р. Сандберг «на основе личных наблюдений склонен поддерживать исправленное чтение де Каспариса»²³. Исследователь также обещал опубликовать «полное исследование» (complete study) надписи Абхайягиривихары²⁴. Увы, серьёзных аргументов он, как и де Каспарис, не приводит. Это особенно печально в свете того обстоятельства, что чтение имени правителя далеко не безразлично для реконструкции истории Явы в этот период, ибо если надпись упоминает Самаратунггу, то этот правитель встречается в двух источниках (см. ниже), если же нет — лишь в одном.

Четвёртое упоминание Шайлендров на Яве менее информативно. Надпись Кайюмвунган получена из деревни Карангтенгах в округе Теманггунг резиденства Кеду²⁵. Она разбита на пять фрагментов. Это билингва, первая часть кото-

¹⁶ Monier-Williams 1899, 166. В начале шестой строфы встречается оборот *tenendra*, за которым следует пропуск восьми слогов. Х.Б. Саркар переводит его «им, Индрой». См.: Sarkar 1971, 43, 45. Это вызывает определённое сомнение, ибо правильная санскритская форма имени Индра в творительном падеже была бы *indrena*. Видимо, термин *indra* входил в утраченный компаунд.

¹⁷ De Casparis 1950, 11–24; 1961, 241–248; 1981, 73–74; Sarkar 1971, 48(i–vii).

¹⁸ De Casparis 1961, 242; ср.: Sarkar 1971, 48(iv).

¹⁹ Sundberg 2006, 35.

²⁰ Sarkar 1971, 48(iii–iv). Переход санскритского *b* в древнеяванское и древнемалайское *v* в эпиграфике Явы и Суматры довольно распространён. Примеров, помимо этого, много: Skt. *bāla* > OJ. *wāla* «молодой»; Skt. *bāhya* > OJ. *wāhya* «находится вне»; Skt. *badva* «множество» > OJ. *wadwā* «вассал, последователь; войска» (См.: Monier-Williams 1899, 728, 730, 720; Zoetmulder 1982, Part 2, 2176, 2172, 2166) (см. ниже термин *wālaputra*); Skt. *bala* «сила, мощь, могущество; армия, войско» > OM. *wala* «армия, войско» (См.: Monier-Williams 1899, 722; Coedès & Damais 1992, 80). О филологических проблемах перехода см. Дорофеева 2001, 46–47.

²¹ De Casparis 1950, 19; Sarkar 1971, 48(iv) — *dharmatunḡgadeva*.

²² De Casparis 1961, 245.

²³ Sundberg 2006b, 20, n. 29.

²⁴ Sundberg 2003, 175, n. 20.

²⁵ Sarkar 1971, 64; De Casparis 1950, 38–41.

рой написана на санскрите, вторая — на древнеяванском языке. Дата указывается в одиннадцатой строфе санскритского текста — 824 г. В конце 9-й строки санскритской части (пятая строфа) встречается слог *śai*, который исследователи единодушно дополняют слогами *-lendravanśatilaka*, чтобы получить «украшение рода Шайлендров». В восьмой строфе упоминается *Самаратунга*, носящий, по видимому, титул царя (*kṣitīndrah*), а в десятой — его дочь *Прамодавардхани*²⁶. Упоминается воздвижение в храме (*mandira*) статуи *Шригхананатхи*. Это мог быть Будда или, что менее вероятно, Индра²⁷. В одиннадцатой строфе говорится о сооружении храма Джины («Победителя», т. е. Будды²⁸). Существенно осложняет дело то обстоятельство, что древнеяванский текст не упоминает ни Самаратунгу, ни его дочь, ни род Шайлендров. Главными действующими лицами там выступают *ракарайян* («князь, правитель области»²⁹) области *Патапан* по имени *Пу Пулар*, выделивший орошаемое поле в свободное владение, и свидетели этого акта³⁰. Едва ли можно безоговорочно утверждать, что Самаратунга и Пу Пулар — одно и то же лицо. Во всяком случае, это требует доказательств.

Собственно, это все указания на Шайлендров в текстах Явы. Следует обратить внимание на то, что Шайлендры упоминаются лишь в санскритских текстах и что надписи имеют буддийский характер. Более того, бесспорные указания на них относятся к очень узкому историческому периоду — 778–792 гг. (свидетельство надписи Кайюмвунган, как мы видели, реконструировано исследователями и не может считаться полностью надёжным).

Хронологически близкое яванским упоминание Шайлендров встречается в надписи из Чхайи («Лигорской стеле»). Выше уже говорилось о неопределённости её местонахождения. Она выгравирована на камне из песчаника размером 1,04 м в высоту, тогда как ширина, имеющая у основания 0,40 м, расширяется кверху до 0,50 м. Надпись помещается на обеих сторонах. Сторона А содержит 29, а Б — 4 строки санскритского текста³¹. На стороне А даётся дата — 697 г. эры шака, т. е. 775 г. н. э.³²

В 1933 г. Р. Ш. Маджумдар выдвинул гипотезу о том, что на камне представлены две независимые друг от друга надписи, каждая на своей стороне³³. Ф. Д. К. Бос предложил читать надпись со стороны Б, а не А³⁴. Ж. Сёдес, поначалу считавший надпись из Чхайи единым текстом³⁵, принял гипотезу Р. Ч. Маджумдара³⁶. Основной аргумент Ж. Сёдеса — различие в титулах: на стороне А,

²⁶ Sarkar 1971, 66–67.

²⁷ *Śrīghana* — Будда или один из Будд. *Nātha* — «покровитель, владелец, собственник, владыка (часто в конце компаундов, особенно в именах богов и людей, например Говинданатха и Джанганнатха)». *Ghana* — «множество, набор, масса, количество; облако...». См.: [Monier-Williams 1899, 1099, 534, 376. Х. Б. Саркар переводит термин *śrīghananātha* буквально: «великолепный Гхананатха (владыка облаков, т. е. Индра)». См.: Sarkar 1971, 70.

²⁸ Конечно, основателя джайнизма Махавиру Вардхаману тоже называли Джинной, но едва ли можно говорить о джайнизме на Яве.

²⁹ Кулланда 1992, 90–92, 150.

³⁰ Sarkar 1971, 67–69, 71.

³¹ Coedès 1929/1961, 20; цит. по: Jacq-Hergoualc'h 2002, 243.

³² Coedès 1918, 29–30, pl. 1–2.

³³ Majumdar 1933, 122.

³⁴ Bosch 1941, 26–38.

³⁵ Coedès 1918, 2–3.

³⁶ Coedès 1959, 42–48; Coedès & Damais 1992, 103–111.

упоминающей Шривиджайю, правитель называется царём (*nṛpa*, *nṛpati*, *bhūpati*) и «лучшим царём» (*indrarāja*), в то время как на стороне Б правитель из династии Шайлендров провозглашается «великим царём» и «царём царей» (*mahārāja* и *rājādhirāja*). В пользу теории Ф. Д. К. Боса говорит традиционный вступительный призыв санскритской эпиграфики — термин *svasti* («успех, удача, благополучие, привет!»)³⁷ на стороне Б, которого нет на стороне А. Эта сторона надписи начинается с термина *visāriṇyā* «распространяя, простирая что-либо» от корня *visārin*³⁸, что выглядит довольно странно, поскольку выпадает из санскритской эпиграфической традиции Юго-Восточной Азии. Интересно, что Ж. Сёдес вообще оставляет без внимания вступительный оборот стороны Б в своей статье о надписи из Чхайи³⁹. Исходя из наличия оборота *svasti* и палеографического сходства сторон А и Б, можно, видимо, считать надпись из Чхайи единым текстом⁴⁰.

Имя правителя в надписи из Чхайи не упоминается. Единственное место, которое может быть истолковано в значении имени правителя — *viṣṇvākhyo* — в третьей строке стороны Б⁴¹. Ж. Сёдес сначала переводил его как «имеющий облик Вишну» (*ayant l'aspect de Viṣṇu*), потом — «по имени Вишну»⁴². Термин *ākhyā* допускает оба толкования⁴³. Настаивать на версии личного имени затруднительно, потому что в четвёртой строке говорится *śrīmahārājapāṇmā* «именуемый великолепным махараджей / по имени Шримахараджа».

Сторона А надписи из Чхайи говорит о сооружении трёх кирпичных святилищ в честь Будды и бодхисатв Падмапани и Ваджрапани (они носят имена «Победителя Мары (бога смерти)», Каджакары⁴⁴ и Ваджрина соответственно)⁴⁵. Таким образом, принимая надпись из Чхайи за единый текст, можно сделать вывод о появлении Шайлендров в буддийском контексте.

Важнейшим источником по истории Индонезии оказывается уже упоминавшаяся надпись царя Девапаладевы из Наланды⁴⁶. В ней говорится о том, что правитель *Суварнадвины* (отождествляемой со Шривиджайей) по имени *Балапутра* основал буддийский монастырь (*вихара*) в Наланде. Балапутра назван внуком правителя *Явабхуми* (отождествляемой с Явой) из династии Шайлендров, сын которого *Самарагравира*⁴⁷ женился на принцессе по имени *Тара*, дочери царя *Дхармасету* из «Лунной династии»⁴⁸. Существующие хронологии династии Палов, к которой принадлежал Девапаладева, разработанные Д. Ч. Сиркаром, К. Кхан-

³⁷ Monier-Williams 1899, 1283.

³⁸ Ibid., 1001.

³⁹ Coedès 1959, 42–48.

⁴⁰ Jordaan & Colless 2009, 46–47.

⁴¹ Coedès 1918, 30.

⁴² Coedès 1918, 32; 1959, 47; Coedès & Damais 1992, 110.

⁴³ Monier-Williams 1899, 129.

⁴⁴ *Kaja* — «лотос»; *kara* — «рука», следовательно, *kajakara* — «державший лотос в руке», а Падмапани (*padmapāṇi*) — «державший лотос в руке; имя Вишну; имя бодхисатвы Авалокитешвары». См.: Monier-Williams 1899, 240, 583.

⁴⁵ Coedès 1918, 29, 31.

⁴⁶ Shastri 1924, 310–327.

⁴⁷ Х. Шастри не считал термин *samarāgrāvīra* личным именем и писал о возможном чтении *samarāgradhaira*. См.: Shastri 1924, 323, п. 4. Тезис о личном имени принадлежит Н. Крому и в целом принят в историографии.

⁴⁸ Shastri 1924, 322–324; Nilakanta Sastri 1949, 126–127; Krom 1926, 139; Damais 1968, 364; Jordaan & Colless 2009, 42.

далавалой и С. Горакшкар, С. и Дж. Хантингтонами, относят конец правления Девапалы либо к 850, либо к 843 г.⁴⁹, таким образом, надпись из Наланды относится к первой половине IX в. Принципиально важно, что Шайлендры упоминаются только в генеалогии Балапутры — сам он не провозглашается «украшением рода Шайлендров». Это может свидетельствовать о том, что понятие Шайлендров относилось в первую очередь к его деду по отцовской линии.

Термин *wālaputra* (Балапутра) встречается в древнеяванской надписи царя Локапалы 856 г. из знаменитого яванского храмового комплекса Прамбанана, опубликованной Й. Г. де Каспарисом⁵⁰. В ней повествуется о сооружении храмового комплекса, посвящённого Шиве и отождествляемого ныне с Прамбананом⁵¹. Говорится о приходе к власти *дьях Локапалы*, унаследовавшего «царство и кратон» в Меданге (*rājya karatwan, maḍang kaḍatwan*) от царя по имени *Джатининграт* (*sang prabhu jāti ning rat*)⁵². Судя по данным найденной в 1983 г. надписи Вануа Тенгах III, которая датируется 908 г. и принадлежит царю Балитунгу (898–910), Локапала наследовал князю (*рака*) области Пикатана⁵³. Локапала известен как князь области Кайюванги с личным именем Саджджанотсаватунгга, упоминаемым в надписи из Рамви 882 г.⁵⁴ В шестой строфе сказано: «...молодой принц (*yuwanātha*)... защищал страну Джава (*mangrakṣa bhūmi ri jawa*)». Один из эпитетов принца, названного великим царём (махараджей), — «победоносный/победитель» (*jetā*)⁵⁵. Й. Г. де Каспарис предположил, что речь идёт о военном столкновении, в ходе которого был побеждён Балапутра. Следует отметить, что контекст упоминания термина *wālaputra* крайне тёмен: из двух стоящих перед ним слогов один потерян, другой — *hi* — едва ли может быть однозначно истолкован. Необходимо доказать, что в данном случае термин *wālaputra* употреблён в значении личного имени, а не в значении «молодой человек, ребёнок; имеющий детей»⁵⁶.

Прежде чем переходить к рассмотрению проблемы Шайлендров, следует остановиться на тех данных, которые содержатся в упоминающих их текстах. Один из эпитетов правителя в надписи из Келурака 782 г. — «уничтожающий лучших героев-врагов» (*vairivaravīravīrmardana*)⁵⁷ — был сопоставлен с терминами «уничтожающий гордость всех врагов» (*sarvvārimadavimathana*)⁵⁸ со стороны Б надписи из Чхайи⁵⁹ и «великолепным победителем храбрых врагов» (*śrīvīravairimathana*) в надписи Девапаладевы из Наланды⁶⁰. Это позволило исследователям приписать эти надписи одному правителю. К. А. Нилаканта Шастри

⁴⁹ Цит. по: Jorjaan & Colless 2009, 32–33.

⁵⁰ De Casparis 1956, 280–330, esp. 312.

⁵¹ Jorjaan (ed.) 1996.

⁵² De Caparis 1956, 312, 318.

⁵³ Wisseman Christie 2001, 30, 52.

⁵⁴ Sarkar 1971, 278–287.

⁵⁵ De Casparis 1956, 311–312.

⁵⁶ Zoetmulder 1982, Part II, 2179; Monier-Williams 1899, 729.

⁵⁷ Sarkar 1971, 44.

⁵⁸ Корень *śeṣa*, стоящий перед термином, может быть дополнен слогом *ā-*, выпавшим по закону сандхи (соединения) после слога *-ās* предшествующего термина *viṣṇvākhya*. См.: Зализняк 1996, 857, § 44. В этом случае перевод будет таким: «уничтожающий гордость всех врагов полностью/без остатка».

⁵⁹ Coedès & Damais 1992, 108; ср.: Coedès 1918, 29.

⁶⁰ Nilakanta Sastri 1949, 126.

утверждает, что имя этого правителя Шайлендров — Пананкарана Дхараниндраварман⁶¹, хотя, как было сказано выше, реконструкция имени Дхараниндраварман едва ли достоверна. Р. Йордан и Б. Коллес считают, что правителя звали Шри Сангграмадхананджайя⁶². Дж.Р. Сандберг полагает, что «убийцей заносчивых врагов» (killer of haughty enemies) был Пананкарана⁶³.

Поздние упоминания Шайлендров встречаются далеко за пределами Явы. В санскритской части Большой Лейденской дарственной надписи, датируемой временем правления одного из государей Чолов Раджараджи I (985–1016), встречается стоящее в творительном падеже выражение «рождённым в роде Шайлендров царём *Шривишайи* (процветающей страны), простирающим свою власть на Катаху» (*Sailendra-vamśa-sambhūtena Śrīviṣayādhipatinā Kaṭah-ādhipatyam-ātanvatā*)⁶⁴. Тамильская часть надписи упоминает имя государя страны *Кадāрам* (Катаха–Кедах, один из штатов Малайзии) — *Чуламаниварман*. Традиционно в этом тексте *Шривишайя* исправляется на Шривиджайю, однако можно допустить, что речь идёт о другой стране. По имени Чуламанивармана был назван основанный им около 1005–1006 г. в Негапатаме буддийский монастырь (*вихара*), строительство которого заканчивал его сын Маравиджайоттунгаварман. Раджараджа I Чола подарил монастырю деревню. Царь Кулоттунга (1070–1122) из династии Чолов подтвердил пожалование монастырю, сохранявшему название *Sailendra-Cūlāmaṇivarmavihāra*, в Малой Лейденской дарственной надписи 1089–1090 г.⁶⁵ В любом случае перед нами прямое указание на представителей рода Шайлендров, владевших Кедахом (Кадāрам, Катаха) на рубеже X–XI вв.

Генеалогическая связь Балапутры с Шайлендрами, его правление на Суматре и появление этой династии на Малаккском полуострове в районе Кедах и Чхайи превратили историю Шайлендров в один из самых запутанных сюжетов мировой историографии⁶⁶.

В проблеме Шайлендров можно выделить несколько ключевых вопросов. Во-первых, какова роль этой династии в истории Центральной Явы, откуда происходит большинство упоминающих её (династию) текстов; во-вторых, какими были отношения между Шайлендрами и Шривиджайей на протяжении VIII–XI вв., когда их существование может считаться установленным (хотя и с оговорками, о которых речь пойдёт ниже); в-третьих, откуда происходят Шайлендры. Рассмотрим их в этом порядке.

Шайлендры на Центральной Яве. Как уже говорилось, Шайлендры на Яве упоминаются исключительно в буддийских надписях. Однако до них, в 732 г., в центральной части острова появляется первая датированная надпись — из Чанггала, принадлежащая царю Санджайе⁶⁷. В ней сообщается о возведении *линги* (фаллического символа) Шивы, что позволяет говорить о культе этого бога при Санджайе. В эпиграфике на древнеяванском языке Санджайя называется по克罗-

⁶¹ Ibid., 55–56.

⁶² Jordaаn & Colless 2009, 43.

⁶³ Sundberg 2003, 176.

⁶⁴ Nilakanta Sastri 1949, 128, 75; Aiyer 1933(1), 213–266; Karashima & Subbarayalu 2009, 272.

⁶⁵ Majumdar 1933, 124; Aiyer 1933(2), 267–281; Karashima & Subbarayalu 2009, 281.

⁶⁶ Подробнее см.: Jordaаn 1999; Jordaаn & Colless 2009.

⁶⁷ Захаров 2010, 34–45.

водителем царства *Матарам*, поэтому многие авторы пишут о династии Санджайи на Яве⁶⁸. Примером упоминания имени этого правителя в качестве обожествлённого предка-покровителя может служить широко известная надпись Мантьясих I (В, 7–8; 907 г.), принадлежащая Балитунгу: «О вы, божественные былых времён Медана, Пох Питу, князья (государства) Матарам: *санг рату* Санджайя, шри Махараджа князь Панангкарана...» (*kamung rahyang ta rumuhun ri mḍang ri poḥ pitu rakai matarām sang ratu sañjaya śrī mahārāja rakai Panangkaran...*; пер. С. В. Кулланды–А. В. Завадской)⁶⁹. В сунданской хронике XVI в. «Чарита Парихьянган» утверждается, что Санджайя совершил значительные завоевания на островах Бали и Суматра, дошёл до кхмеров (Камбоджа) и чуть ли не до Китая⁷⁰. Большинство исследователей считают эту информацию недостоверной, но недавно Варуно Махди попытался это оспорить⁷¹. Роль Санджайи подчёркивается существованием особой «эры Санджайи», введённой царём Дакшей (913–919)⁷².

На основании буддийского характера надписей Шайлендров и шиваитских предпочтений Санджайи, Локапалы (выше называлась одна из его надписей — из Прамбанана, повествующая о возведении храма в честь Шивы) и других правителей Явы IX–X вв.⁷³ была выдвинута теория соперничества двух династий: Шайлендров и Санджайи. Й. Г. де Каспарис на основании надписи из Прамбанана 856 г. утверждал, что в результате военного столкновения Локапалы и Балапутры Шайлендрам пришлось оставить Центральную Яву, чем можно объяснить отсутствие их надписей на острове после 824 г.⁷⁴

Однако не все исследователи согласны с теорией двух династий. В частности, Дж. Виссеман Кристи полагает, что те правители, которые провозглашаются членами династии Шайлендров в источниках, могли принадлежать в то же время к династии Санджайи⁷⁵. Чтобы уяснить ход её рассуждений, необходимо привести список правителей из надписей Мантьясих I (907) и Вануа Тенгах III (908):

Мантьясих I (907)	Вануа Тенгах III (908)
Rakai Mātaram sang Ratu Sañjaya	Rahyangta ri Mḍang и Rahyangta i Hāra
Śrī Mahārāja Rakai Panangkaran	Rake Panangkaran (746–784)
Śrī Mahārāja Rakai Panunggalan	Rake Panaraban (784–803)
Śrī Mahārāja Rakai Warak	Rake Warak Dyah Manara (803–827)
	Dyah Gula (827–829)
Śrī Mahārāja Rakai Garung	Rake Garung (829–847)

⁶⁸ Sarkar 1971, 48(xv); Van Naerssen 1977, 46; Бандиленко 1984, 57; Тюрин 2004, 31–32.

⁶⁹ Кулланда 1992, 79; Завадская 2004; Sarkar 1972, 68, 75.

⁷⁰ Poerbatjaraka 1920, 403–416; Majumdar 1937, 230; Chatterji 1967, 9.

⁷¹ Krom 1931, 126; Coedès 1968, 88; Chatterji 1967, 9; cf.: Van der Meulen 1979, 27; Mahdi 2008, 111–143.

⁷² Подробнее см.: Damais 1951, 42–63. Л.-Ш. Дамэ реконструировал эру Санджайи на основании надписей Таджи Гунунг и Тимбанан Вунгал из района Прамбанана. См.: Sarkar 1972, 123–134, 138–142. Дж. Виссеман Кристи сообщает, что в надписи Тиханг даётся датировка и по эре Шака, и по эре Санджайи (со ссылкой на индонезийского эпиграфиста Бухари). См.: Wisseman Christie 2001, 32.

⁷³ Источники см.: Sarkar 1971–1972.

⁷⁴ De Casparis 1956, 293–297.

⁷⁵ Wisseman Christie 2001, 34–35.

Мантьясих I (907)	Вануа Тенгах III (908)
Śrī Mahārāja Rakai Pikatan	Rake Pikatan Dyah Salaḍū (847–855)
Śrī Mahārāja Rakai Kayuwangi	Rake Kayuwangi Dyah Lokapāla (855–885)
	Dyah Tagwas (885)
	Rake Panumwangan Dyah Dewendra (885–887)
	Rake Gurungwangi Dyah Bhadra (887)
Śrī Mahārāja Rakai Watuhumalang	Rake Wungkal Humalang Dyah Jēbang (894–898)
Śrī Mahārāja Rakai Watukura Dyah Balitung	Rake Watukura Dyah Balitung (898–)

Источник: Jordaan & Colless 2009, 37.

Дж. Виссеман Кристи указывает на то, что правители древней Явы носили пышные титулы и имена. К титулам относятся термины *шри махараджа* (великий царь), *рака* (князь), *рату* (царь)⁷⁶. К титулу добавляется название удела (*watak/watēk*): рака Кайюванги, рака Ватукура и т. п. (термин *rake* состоит из корня *raka* и местного предлога *i*). Используются почётные частицы: древнеяванские *dyah*, *(m)pu*, *sang* и санскритская *śrī*. Личные имена могли быть санскритскими (Санджайя, Локапала) или древнеяванскими (Балитунг). Вступая на престол, во время коронации монарх получал тронное имя (*abhiṣeka*), как правило, длинное и пышное. Таких имён могло быть несколько. В частности, у царя Балитунга в надписи Мантьясих I это *Śrī Dharmmodāya Mahāśambhu*, а в надписи Вануа Тенгах III — *Śrī Iswarakeśawotsawatungga*⁷⁷. После смерти правитель получал культовое имя, указывавшее на место его погребения. Например, шри махараджа князь области Варак по имени *дьях Манара* после смерти стал именоваться «шри махараджей, почтенным погребённым в Келāсе» (*sang lumāḥ i Kelāsa*)⁷⁸.

Дж. Виссеман Кристи отмечает, что буддийский монастырь в области Пикатан построил «божественный былых времён, (погребённый) в (области) Хара» (*Rahyangta i Hāra*), которого надпись Вануа Тенгах III называет младшим братом «божественного былых времён из Меданга» (*Rahyangta ri mḍang*). Учитывая шиваитские предпочтения Санджайи, она полагает, что этот *Rahyangta i Hāra* был скорее названным братом Санджайи. Термин Меданг упоминается в надписи Мантьясих перед именем Санджайи (В, 7–8) (см. выше). Различая области Меданг и Хара, исследовательница видит здесь отражение борьбы двух политий, Матарамы и Хэлина (известного по китайским сообщениям буддийского царства на Центральной Яве), закончившейся победой первой из них. Так как Хэлин был буддийским, а эпиграфика Шайлендров свидетельствует о предпочтении этой религии, она заключает, что Шайлендры правили в Хэлине. Виссеман Кристи относит подчинение Хэлина Матараме ко времени Санджайи, т. е. к первой половине VIII в., после чего могло начаться смешение династий (она пишет о женитьбе Санджайи на представительнице царского дома Хэлина)⁷⁹. Помня о возможности обладания правителем нескольких имён, она отождествляет представителей династий Шайлендров и Санджайи:

⁷⁶ Подробнее см.: Кулланда 1992, 150, 79.

⁷⁷ Sarkar 1972, 65; Wisseman Christie 2001, 52.

⁷⁸ Wisseman Christie 2001, 28, 30, 51. Виссеман Кристи переводит: «чья останки погребены/похоронены в Келāсе». Значение глагола *lah* в форме *lumah* (*lumāḥ*) — «лежать (ровно, на спине); лежать (мёртвым), умереть». См.: Zoetmulder 1982, Part 1, 955.

⁷⁹ Wisseman Christie 2001, 34.

Династия Санджайи		Династия Шайлендров
Рака Панангкаран (дьях Панчапана) (746–784)	=?	Индра Сангграмадхананджайя (782)
Рака Панунггалан/Панарабан (narendra Sāraṇa ⁸⁰) (784–803)	=?	Дхарммоттунгадева (792–793) =(? Вишну из Лигорской стелы, после 775 г.)
Рака Варак дьях Манара (803–827)	=?	Самараттунгга (824)
Дьях Гула (827–828)	=?	? (нет тронного имени) (Балапутра — возможно, сын изгнанного дьях Гулы?) (около 860)

Источник: Wisseman Christie 2001, 35.

Дж. Р. Сандберг подверг построения Дж. Виссеман Кристи серьёзной критике. Бездоказателен постулат о подчинении Хэлина Санджайе: почему имя Хэлина сохраняется в китайских хрониках с 640 до 818 гг. в качестве самостоятельной политической силы, почему имя побеждённой династии возрождается наследниками Санджайи, как соотносятся китайское понятие Хэлин и страна Валаинг, известная по надписям Явы (ибо Л.-Ш. Дамэ показал, что с филологической точки зрения Валаинг — это Хэлин)⁸¹. Дж. Р. Сандберг отмечает, что если имя правителя в надписи Рату Боко / Абхайягиривихары — Самаратунгга (поздняя версия Й. Г. де Каспариса, см. выше), то тогда правление Самаратунгги охватывает и царствование Панунггалана/Панарабана, и царствование Варака (даты надписей — 792 и 824 гг. вписываются в даты правления Панарабана 784–803 и Варака 803–827)⁸². Другие замечания Дж. Р. Сандберга основываются на приведённых выше сомнениях в существовании имени Индры, отсутствии доказательства того, что Sāraṇa — личное имя, и неверии в возможность использования князем Панангкарана его «удельного» имени в тексте из Каласана и тронного имени в надписи из Келурака. В любом случае, построения Дж. Виссеман Кристи оказываются довольно спорными.

Сам Дж. Р. Сандберг тоже придерживается теории одной династии Санджайи, ранние представители которой назывались Шайлендрами в надписях⁸³. Он исходит из того, что перечисленные в надписи Вануа Тенгах III правители включали и Шайлендров. Это подтверждается фактом упоминания махараджи Панангкарана в этом тексте и в надписи Мантъясих I (см. выше). Цитированная выше надпись из Каласана принадлежит махарадже Паньчапане Пананкаране, который почти бесспорно был махараджей Панангкарана⁸⁴. Дело в том, что яванские правители в надписях часто называются не своим личным именем, а по своему домену, подобно французским обозначениям «граф Блуа» или «герцог Анжуйский». Пананкарана — санскритизированное обозначение княжества Панангкаран, а не личное имя правителя.

⁸⁰ По-видимому, оборот narendra Sāraṇa встречается в надписи Манджушригриха из храмового комплекса Чанди Севу 792 г. Она была расшифрована независимо друг от друга индонезийскими эпиграфистами Кузеном и Бухари; первый из них перевёл её на индонезийский язык, с которого был сделан английский перевод Дж. Миксика и его коллег. См.: Miksic et al. 2001, 319–332; Miksic 2003, 19–42. Дж. Р. Сандберг сообщил, что подготовил монографию о надписи Манджушригриха, но до сих пор она остаётся неопубликованной. См.: Sundberg 2006, 22, n. 33.

⁸¹ Sundberg 2006b, 18; Damais 1964, 93–141.

⁸² Sundberg 2006b, 22.

⁸³ Sundberg 2003, 116; 2006a, 113.

⁸⁴ Sundberg 2003, 174.

Важную роль в построениях Дж. Р. Сандберга играет исследованная им буддийская мантра с плато Рату Боко, выгравированная на золотом листе и содержащая имя *Panarabwan*⁸⁵. Сама мантра читается как *om takī hūm jaḥ svāhā*. К этому добавляется загадочный термин *khanīra*. Для исторической реконструкции важен вывод Сандберга о тантрическом буддизме на Яве уже во второй половине VIII в.⁸⁶ Князь области Панарабан упоминается в Вануа Тенгах III⁸⁷. По мнению Сандберга, Панарабан тождествен Панарабвану⁸⁸. Исследователь идёт дальше и утверждает, что Самаратунга из надписи Рату Боко (согласно поздней версии Й. Г. де Каспариса) — это тронное имя князя Панарабана⁸⁹. Соответственно, поскольку Панарабан умер в 803 г., согласно Вануа Тенгах III, надпись Кайюмвунган 824 г. Сандберг трактует в том смысле, что основание храмов в ней приписывается не самому Самаратунге, задолго до этого скончавшемуся, а его дочери Прамодавардхани⁹⁰.

Дж. Р. Сандберг связывает постройку Боробудура с деятельностью ещё одного правителя из надписи Вануа Тенгах III — князем области Варак по имени Дьях Манара (803–827)⁹¹. Сандберг помещает эту область в район Боробудура на основании ориентации памятника на северо-восток, согласно трактату «*Sang Hyang Kamahāyānikān*», гидронима Кали Варак (река, протекающая в трёх милях к северо-востоку от современного Магеланга), термина *varagvarak* из надписи Камалаги 821 г.⁹², палеографического сходства недатированных надписей Боробудура и текста из Кайюмвунган 824 г. и отражения в местных топонимах личного имени князя — Манара⁹³. Исследователь ссылается на современные холмы Меноре (Menoreh Hills) вокруг Боробудура, в названии которых сохранилось имя Манара⁹⁴. Он указывает на позднюю хронику «Чарита Парахьянган», в которой упоминаются и Панарабан, и его преемник, только под именем Санг Манара (*Sang Manarah*)⁹⁵.

Дж. Р. Сандберг выдвигает гипотезу о разделе державы Шайлендров между князем Варака и его предполагаемым братом Балапутрой из надписи Наланды (см. выше): первому досталась Ява, второму — Суматра; доводом служит сообщение «Чариты Парахьянган» о войнах князя Варака с его братом по имени Рахьянг Банга⁹⁶.

⁸⁵ Sundberg 2003, 163–188, особенно 164–165 и fig. 1.

⁸⁶ Sundberg 2003, 170–173, 180–183.

⁸⁷ Wisseman Christie, 2001, 30, 51.

⁸⁸ Sundberg 2003, 174.

⁸⁹ Ibid., 175.

⁹⁰ Sundberg 2006b, 27.

⁹¹ Sundberg 2006, 95–136, особенно 120–124.

⁹² Sarkar 1971, 57. Возможно, это топоним, как думает Дж. Р. Сандберг, но судить с уверенностью трудно. В предложении идёт оборот *ri sang mapatih ri sukun si vangun umilu ri varagvarak gusti si nanggara rama nintar*, что может означать и «(каланг) почтенного мапатиха (района) Сукун (по имени) Си Вангун вместе с *варагварак густы* (по имени) Си Нанггап, отцом Нинтап», где *варагварак густы* — некий титул, и «(каланг) почтенного мапатиха (района) Сукун Си Вангун, также и (района) Варагварак, и густы Си Нанггап, отец Нинтап». Каланг, возможно, плотник или строитель, но точное значение неизвестно. См.: Zoetmulder 1982, Part 1, 772. Сандберг предполагает, что термин Варагварак может означать «деревня Варак в области Варак». См.: Sundberg 2006a, 121.

⁹³ Sundberg 2006a, 116, 121–123.

⁹⁴ Ibid., 123.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ Ibid., 124, n. 50.

В построениях Дж. Р. Сандберга проблематичным выглядит утверждение о том, что в надписи Рату Боко упоминается Самаратунгга — это чтение предлагается принять на веру, руководствуясь авторитетом Й. Г. де Каспариса и самого Сандберга. Если же верно раннее чтение де Каспариса, то в надписи упоминается Дхарматунгга, а это означает, что Самаратунгга едва ли был князем Панарабана. Более спорно предположение Сандберга о том, что упомянутый в надписи Кайюмвунган 824 г. Самаратунгга уже умер к моменту её издания: в санскритской части текста прямых указаний на это нет⁹⁷. Если же допустить, что Самаратунгга был жив и что Шайлендры включены в перечень надписи Вануа Тенгах III, то Самаратунгга — это тот самый князь Варака Дьях Манара, которому Сандберг приписывает основание Боробудура.

Гипотеза Сандберга о разделе державы Шайлендров между князем Варака и его родстве с Балапутрой вообще не обоснована. Следовало бы доказать, что Шайлендры вообще правили (юго-восточной) Суматрой в начале IX в. Родство Балапутры с Шайлендрами вовсе не доказывает, во-первых, что его отец Самарагравира — это и отец князя Варака; во-вторых, что его отец правил на Яве — этот титул есть только у деда Балапутры.

Главным сторонником существования нескольких династий на Центральной Яве в современной историографии выступает Рой Йордан. По его мнению, на острове одновременно существовали потомки Санджайи (возможно, самопровозглашённые, а не настоящие), Шайлендры и род князя области Патапан (Patarān), придерживавшегося шиваизма⁹⁸. Князя области Патапан, упоминающегося в надписи Кайюмвунган с личным именем Пу Пулар (см. выше), Р. Йордан отождествляет с правителем, носящим титул *ḍang karayān Part(t)apān* в древнемалайской надписи из Гондосули II (по названию святилища Шивы — Санг Хьянг Винтанг «Священная звезда»)⁹⁹. Й. Г. де Каспарис датировал надпись из Гондосули II 832 г., что вызвало критику Л.-Ш. Дамэ, предложившего помещать надпись около 800 г.¹⁰⁰ В последней работе Р. Йордана вообще приводится странная дата 847 г.¹⁰¹ Ранее исследователь принимал датировку де Каспариса¹⁰².

В пользу гипотезы о существовании особой династии Шайлендров, отличной от потомков Санджайи (будем называть так царей, упомянутых надписями Мантьясих I и Вануа Тенгах III), Р. Йордан приводит несколько доводов. Первый из них — надпись из Каласана, которую можно приписать двум правителям — великому царю Пананкаране и царю из рода Шайлендров (см. выше). Второй — неубедительность предлагаемых отождествлений известных по надписям царей из династии Шайлендров (Шри Сангграмадхананджайя из надписи Келурак, Дхарматунгга из надписи Рату Боко и Самаратунгга из надписи Кайюмвунган, хотя возможно упоминание только Самаратунгги в двух последних текстах (см. выше)) с перечнем царей в надписи Вануа Тенгах III. Этот перечень интерпретируется

⁹⁷ Sarkar 1971, 65–66.

⁹⁸ Jordaen & Colless 2009, 36; Jordaen 2006, 3–22; 1999, 44.

⁹⁹ Jordaen 1999, 44; Jordaen & Colless 2009, 196; текст надписи см.: De Casparis 1950, 61–62; см. также: Дорофеева 2001, 61–62; о титуле *karayān* см.: Mahdi 2010, 14; ср.: Vogel 1919, 634, n. 2.

¹⁰⁰ De Casparis 1950, 55–57; Damais 1970, 44; цит. по: Дорофеева 2001, 62.

¹⁰¹ Jordaen & Colless, 2009, 194.

¹⁰² Jordaen 1999, 44.

как перечисление верховных яванских царей-шиваитов¹⁰³. Шайлендры были исключены из него, по Йордану, из-за их иноземного происхождения¹⁰⁴. На это указывает, по его мнению, то обстоятельство, что ни один из членов династии Шайлендров в надписях не носит древнеяванских титулов *ratu*, *raka* или *rakarayān*¹⁰⁵.

Следующий довод Р. Йордана — иноземные веяния на Яве, заметные именно с эпохи Шайлендров, в частности появление письменности *раннее нагари* (*siddhamāṭṛka*), первые выпуски серебряных монет с изображением цветка сандалового дерева, носящие легенду, выполненную той же письменностью; введение титула махараджи, свидетельство китайских текстов о переносе столицы царства Хэлин («буддийская Ява?») на восток между 742–755 гг.¹⁰⁶ и внезапный расцвет буддийского храмового зодчества¹⁰⁷. Исследователь связывает упадок буддийского культового строительства на Яве, переход к древнеяванскому языку и золотому монетному чекану с вытеснением/уходом Шайлендров с Центральной Явы¹⁰⁸.

К сожалению, многое в построениях Р. Йордана необоснованно (впрочем, это касается всех исследований проблемы Шайлендров). В первую очередь, крайне сомнительно утверждение о том, что ни один правитель из династии Шайлендров не носил древнеяванского титула: та же надпись из Каласана 778 г. провозглашает великого царя (махараджу) Пананкарану *дьях Паньчапаной и карийяной* (см. выше); в последнем титуле можно видеть отражение термина *karayān*. Дьях — типичный для древних яванцев почётный титул, часто встречающийся в надписи Вануа Тенгах III (см. выше). Важно подчеркнуть, что в тексте источника Пананкарана называется именно махараджей (*mahārājāṃ dyāḥ pañcapaṇaṃ karayān*, строки 2–3; *mahārājāḥ... pañamkaraṇaḥ*, строка 7). Поскольку Йордан связывает этот титул с Шайлендрами, нужно либо признать Пананкарану одним из них (к чему склоняет надпись из Каласана 778 г.), либо допустить существование одновременно двух махараджей на Центральной Яве (против этого будет надпись из Келурака 782 г., где титул махараджи не встречается¹⁰⁹). В последнем случае придётся допустить, что сначала титул махараджи приняли как раз яванские правители, у которых его позаимствовали Шайлендры (и вновь подчеркну, что в надписи из Каласана термин Шайлендра встречается не с титулом махараджи, а только раджи). Чтобы избежать этих гипотез, проще допустить, что авторы надписи из Каласана называют украшением рода Шайлендров именно Пананкарану.

Другой слабостью теории Р. Йордана оказывается неверное истолкование им надписи Вануа Тенгах III. Нет никаких оснований для утверждения, будто в ней перечислены цари-шиваиты. Этот источник излагает историю пожалования орошаемого рисового поля (*sawaḥ*) буддийскому монастырю в местности Пикатан (*bihāra i pikatan*). Поле подарил не кто иной, как князь Панангкарана¹¹⁰. Если считать его убеждённым шиваитом и настаивать на религиозном противостоянии ди-

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Jordaаn & Colless 2009, 38.

¹⁰⁵ Jordaаn 2006, 9.

¹⁰⁶ Coedès 1968, 90.

¹⁰⁷ Jordaаn 2006, 6.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Sarkar 1971, 42–44.

¹¹⁰ Wisseman Christie 2001, 29–30, 51.

настий, то примирить эти тезисы с его деяниями не представляется возможным. Напротив, если вспомнить, что надпись из Каласана свидетельствует о почитании буддийской богини Тары, символа сострадания, и существовании ещё одного буддийского монастыря, которому была дана деревня по имени Каласа (см. выше), то выяснится, что Пананкарана источников скорее симпатизировал буддизму (хотя сам он мог и не быть буддистом).

Появление надписей на древнеяванском языке происходит раньше, чем встречается последнее упоминание Шайлендров (при традиционной датировке *двуязычной* надписи Кайюмвунган 824 г.). Древнейшей аутентичной надписью считается текст на камне с плато Диенг 809 г. н. э.¹¹¹ Впрочем, недавно Дж. Сандберг предложил новую датировку надписи из Мундуана (Muṇḍuan) 807 г. н. э. и высказал сомнения в дате для надписи Диенг: по его мнению, она относится к 854 г.¹¹² Внимательное чтение каталога Х. Б. Саркара и Л.-Ш. Дамэ убеждает, однако, в том, что существуют две надписи (а если принять замечание самого Дж. Сандберга, то даже три) с плато Диенг. Х. Б. Саркар отмечает, что в надписи 809 г. некий *памагат* (правитель области) Си Дама основал свободное от налогов владение (*manīma*, от *sīma*)¹¹³. Х. Б. Саркар отдельно приводит надпись из Вайюку (Диенг), относящуюся к 854 г., в которой князь (*raka*) области Сисайра по имени Пу Виладжа освобождает от налогов орошаемые поля (*savaḥ*) в Вайюку для буддийской общины Абхайянанда¹¹⁴. Л.-Ш. Дамэ подробно обсуждал дату надписи из Вайюку, но не упомянул надпись с плато Диенг 809 г. в своём перечне датированных надписей Индонезии¹¹⁵. Почему Л.-Ш. Дамэ пропустил надпись с плато Диенг, которая идёт под номером 2 в каталоге Й. Брандеса¹¹⁶, остаётся загадкой. Если Дж. Сандберг прав в своей датировке надписи из Мундуана, то именно она окажется древнейшим памятником на древнеяванском языке.

Таким образом, ни одна из версий истории Шайлендров на Центральной Яве не может считаться убедительной. Тезис об одной династии неверен в силу упоминания *ḍang karayān Part(t)apān*/князя области Патапан Пу Пулара в надписях из Гондосули и Кайюмвунган — помимо Шайлендров и условно «династии Санджайи», существовали иные правители. Список царей из надписи Вануа Тенгах III в сопоставлении с надписью из Каласана заставляет предполагать, что Пананкарана был провозглашён царём из рода Шайлендров, но как это интерпретировать, остаётся загадкой. Существовала ли сама династия Шайлендров где-либо, кроме как в санскритских панегириках буддийских надписей на Яве? Это была бы очень заманчивая гипотеза, тем более что в надписи Девапаладевы из Наланды к Шайлендрам относят только деда Балапутры. Хронологически это скорее относится к последней четверти VIII — началу IX в. Впрочем, не будем изобретать гипотез *ad hoc*.

Шайлендры и Шривиджайя в VIII–IX вв. Взаимоотношения династии Шайлендров и буддийского царства Шривиджайи столь же сильно запутаны усилиями нескольких поколений историков.

¹¹¹ Sarkar 1971, 49–52.

¹¹² Sundberg 2006a, 116, n. 35; 111, n. 9, со ссылкой на Damais 1952.

¹¹³ Sarkar 1971, 49–50.

¹¹⁴ Ibid., 127.

¹¹⁵ Damais 1951, 29–31; 1952, 30–31.

¹¹⁶ Brandes 1913.

Необходимо отметить, что само существование Шривиджайи было установлено лишь в 1918 г. Ж. Сёдесом¹¹⁷. Сопоставив эпиграфические и письменные сведения на древнемалайском, китайском, арабском и санскритском языках, французский историк создал образ величественной империи, господствовавшей в западной части Индонезийского архипелага с VII до XIII в. Сёдес помещал её столицу в район Палембанга на юго-востоке Суматры. Некоторые исследователи возражали против этой локализации. Р. Ч. Маджумдар предложил Кедах на западе, а Х. Г. Куорич Уолз — Чхайю на северо-востоке Малаккского полуострова¹¹⁸. Основанием для скептического отношения к локализации Шривиджайи в Палембанге служило, как правило, отсутствие находок там монументального зодчества.

Археологическое изучение района Палембанга в 1970-е гг., не давшее материалов I тыс., привело Б. Бронсона к неутешительному выводу о том, что величественная империя Шривиджайи может оказаться лишь мифом современной историографии¹¹⁹. Б. Бронсону возразил П.-И. Мангэн, под руководством которого совместная франко-индонезийская экспедиция обнаружила свидетельства заселения долин рек Муси и Батангхари, где, по традиционному убеждению историков, располагались Палембанг-Шривиджайя и Джамби-Малайю¹²⁰. Найдены были кирпичные основания зданий, скорее всего храмов, керамика и в ряде случаев скульптура. В настоящее время локализация Шривиджайи в Палембанге может считаться надёжно установленным фактом.

Однако внутривосточная история Шривиджайи остаётся совершенно неизвестной. Древнемалайские надписи дают имя лишь одного правителя этой политики — Джаянаша, который правил в VII в.¹²¹ Источники не сообщают, к какой династии он принадлежал.

Задолго до публикации надписи Локапалы из Прамбанана Ж.-Ф. Фогель и Н. Кром считали, что в Шривиджайе с самого начала (VII в.) правила династия Шайлендров и что в середине VIII в. столица Шривиджайи переместилась на Яву¹²². Аргументами в пользу такой интерпретации служили данные санскритских надписей из Каласана 778 г. и Келурака 782 г., упоминающие сооружение буддийских храмов царями из династии Шайлендров, отождествление «махараджей Забаджа» арабских текстов с правителями Шривиджайи, данные о буддийском характере страны *Шилифоши* (китайское обозначение Шривиджайи) в записках паломника И-Цзина, информация древнемалайской надписи Кота Капур 686 г. о карательной экспедиции против «земли Джава» (*bhūmi Java*), считающейся названием Явы¹²³.

Напротив, В. Ф. Стюттерхейм полагал, что Шайлендры, будучи яванской по происхождению династией, в середине VIII в. завоевали Шривиджайю¹²⁴. В поль-

¹¹⁷ Coedès 1918, 1–36.

¹¹⁸ Majumdar 1933, 131; 1937, 212–213; Quaritch Wales 1935, 29; 1976; 1978, 5–12.

¹¹⁹ Bronson 1979, 395–405.

¹²⁰ Manguin 2009, 434–484.

¹²¹ Coedès & Damais 1992, 48–52.

¹²² Vogel 1919, 626–637; Krom 1919; 1926. Судя по контексту, к этой версии склонялся отечественный историк Г. Г. Бандиленко. См.: Бандиленко 1984, 72.

¹²³ Источники см.: Sarkar 1971, 34–48; Ferrand 1922, 52–104, 161–163; Chavannes 1894; Takakusu 1896; Coedès 1930, 45–50; Coedès & Damais 1992, 52–56; Кулланда 2001, 250–256; Захаров 2006, 116–122.

¹²⁴ Stutterheim 1929; критику этого взгляда см.: Jordaan 1999; 2006, 3–22.

зу этого предположения можно привести следующее соображение: посольства из Шилифоши (Шривиджайи) в Китай внезапно прекращаются в 742 г. Зато в 742–759 гг. зафиксированы посольства из *Гэло* (Кедаха), в 768–818 гг. — из *Хэлина* («буддийской Явы»), а с 820 до 873 — из *Шэпо* («индуистской Явы»). *Чжаньбэй* (Джамби на Суматре) отправлял посольства в 852 и 871.

Подробный анализ отношений Шривиджайи и Шайлендров дали Р. Йордан и Б. Коллес¹²⁵. По их мнению, со второй половины VIII в. дотоле независимая Шривиджайя стала союзным царством династии Шайлендров, «великих царей» Малайско-Индонезийского архипелага. Именно Шайлендры были «владыками островов», упоминаемыми в средневековых арабских текстах, а не цари Шривиджайи. Отношения между Центральной Явой, где находились Шайлендры в так называемое «междущарствие» (*Sailendra Interregnum*, около 775–855 гг.), и Шривиджайей Йордан и Коллес называют «симбиозом»¹²⁶. Территориально держава Шайлендров объединяла Центральную Яву, Юго-Восточную Суматру и ряд областей на Малаккском полуострове, в первую очередь Кедах. Все её части взаимно дополняли друг друга.

Первый довод в пользу союза между Шайлендрами и Шривиджайей — титулы *Śrīvijayendrārāja* и *Śrīvijayeśvarabhūpati* в надписи из Чхайи (Лигорской стеле), которые, согласно В. Ф. Стюттерхейму, нужно переводить «царь над владыками Шривиджайи», а не «верховный царь Шривиджайи», как делает Ж. Сёдес. Р. Йордан и Б. Коллес видят в этих титулах указание на подчинённое положение правителя Шривиджайи в империи Шайлендров (титул «царь Шривиджайи» *Śrīvijayanpātī* той же надписи они считают сокращением титула «царь над владыками Шривиджайи»)¹²⁷.

Второй аргумент в поддержку теории Р. Йордана и Р. Коллеса — описание страны Забадж в арабских текстах Ибн Хордадбега (середина IX в.) и Абу Зайда (около 916 г.). По их мнению, до 850 г. Забадж означает Яву¹²⁸. Это вытекает из описания Забаджа — крайне плодородного острова: «Власть махараджи простирается на все эти острова. Остров, на котором он живёт, отличается необычайным плодородием, и населённые пункты следуют один за другим без перерыва. Некто, достойный доверия, сообщил: “Когда в этой стране петухи начинают кукарекать на заре... они перекликаются друг с другом на расстоянии 100 парсангов (около 500 км) — так деревни близки одна к другой”»¹²⁹. Авторы считают, что едва ли эту информацию можно распространить на район Палембанга. Знаменитая история о карательном набеге махараджи Забаджа на царя кхмеров сопоставляется Йорданом и Коллесом с рассказом о пребывании на Яве будущего создателя Ангкорской империи Джайявармана II в молодости, согласно надписи Сдок Как Тхом 1052 г.¹³⁰ Описываемый Ибн Хордадбехом и Абу Зайдом обычай махараджи Забаджа бросать утром золотой слиток в водоём не согласуется с сообщением шривиджайской надписи Сабокингкинг (Телага Бату–2) о том, что правитель

¹²⁵ Jordaаn & Colless 2009.

¹²⁶ Ibid., X.

¹²⁷ Ibid., 55–57.

¹²⁸ Jordaаn & Colless 2009, 57–65.

¹²⁹ Ferrand 1922, 56–57; Тюрин 2004, 34; Tibbetts 1979, 33; Берзин 1995, 298.

¹³⁰ Jordaаn & Colless 2009, 61.

Шривиджайи хранил свой золотой запас «внутри дома» (*tengah rumah*)¹³¹. Это, по мнению Йордана и Коллеса, легко объясняется, если допустить, что Забадж обозначает империю Шайлендров, а вовсе не Шривиджайю.

После ухода Шайлендров с Явы в середине IX в. термин Забадж сохранился за ними, и этим объясняются противоречия в описании их владений, в частности упоминание высоких камфорных деревьев в рассказе Ибн Хордадбега. Важным доводом против отождествления Забаджа со Шривиджайей служит то обстоятельство, что Шрибуза (её арабское название) ни разу не называется местом жительства махараджи Забаджа¹³².

Очередной довод в пользу теории подчинения Шривиджайи Шайлендрам — данные о посольствах в Китай. Прочитируем их вновь. Посольства из Шилифоши (Шривиджайи) прекращаются в 742 г. В 742–759 гг. зафиксированы посольства из *Гэло* (Кедаха), в 768–818 гг. — из *Хэлина* («буддийской Явы»), а с 820 до 873 — из *Шэпо* («индуистской Явы»). *Чжаньбэй* (Джамби на Суматре) отправлял посольства в 852 и 871. Посольства Хэлина частично совпадают с «Междоцарствием Шайлендров» 775–855 гг. Прекращение посольств Хэлина в 818 г. Р. Йордан и Б. Коллес объясняют ослаблением власти Шайлендров и усилением одной из местных яванских династий. Но исчезновение миссий Шилифоши лучше всего, по их мнению, согласуется с идеей верховенства Шайлендров над Шривиджайей¹³³.

Другие аргументы Йордана и Коллеса таковы: гипотеза о том, что название Палембанга в китайских текстах эпохи Мин *Цзюган* («Старый порт») восходит к его яванскому обозначению (его авторы монографии не приводят, ссылаясь на В.П. Грунфелдта, Г. Феррана, Н. Крома и С. Сулеймана¹³⁴); архитектурные параллели между буддийскими храмами Ват Кео в Чхайе и Чанди Каласан на Центральной Яве; отсутствие монументального зодчества на Юго-Восточной Суматре, следовательно, невозможность доказать существование там столицы великой империи; взаимовыгодные экономические отношения между Явой и Суматрой в рамках единой империи Шайлендров. Для строительства Боробудура и других храмовых комплексов Явы VIII–IX в. требовались как значительные людские ресурсы, так и значительные денежные средства на оплату высококвалифицированных ремесленников. Так как на Яве нет золотых рудников, Р. Йордан и Б. Коллес допускают, что золото поступало к махараджам Шайлендрам из их владений на Суматре, богатых золотыми копиями¹³⁵.

В целом доводы Р. Йордана и Б. Коллеса довольно убедительны. Однако в них есть ряд недоговорённостей и спорных утверждений. Во-первых, нужно объяснить, почему в надписи из Чхайи название царства Шривиджайи используется для характеристики победителя — великого царя из династии Шайлендров, причём существенно чаще, нежели собственно титул махараджи. Возможны как минимум два объяснения: или теория двух правителей в надписи — царя Шривиджайи и царя из династии Шайлендров¹³⁶, или включение титула «царь Шри-

¹³¹ De Casparis 1956, 39.

¹³² Tibbetts 1979, 113; Jordaen & Colless 2009, 66.

¹³³ Jordaen & Colless 2009, 67–69.

¹³⁴ Ibid., 69–70.

¹³⁵ Jordaen & Colless 2009, 76–77.

¹³⁶ Majumdar 1933, 122; Coedès 1959, 47; Mahdi 2008, 128.

виджайи» в титул великого царя из династии Шайлендров. Примерами такого соединения титулов могут служить титулы императоров Российской империи¹³⁷ и Священной Римской империи. Первый вариант очень спорен, так как идею двух царей можно подтвердить исключительно сведениями стороны В, где встречаются числительные ека «один» и dvitīya «второй», при этом ека нужно трактовать в значении «первый» (prathama) и ещё объяснить, почему название Шривиджайи не встречается в связи с ним вообще — оно есть только на стороне А. Со второй версией тоже много затруднений: почему название Шривиджайи появляется только на стороне А, а на стороне В её нет, почему правитель из династии Шайлендров провозглашается просто махараджей или «по имени Махараджа»; в каком отношении он находится к Вишну, упомянутому в надписи, если все данные о яванских Шайлендрах свидетельствуют об их буддийских предпочтениях (или почему царь-буддист носит имя Вишну, если, конечно, термин viṣṇu здесь означает личное имя); существовал ли хотя бы теоретически полный титул правителя, оставившего надпись из Чхайи, или это именование *ad hoc*.

Все эти вопросы осложняются необходимостью согласовать данные надписи из Чхайи с яванской родословной Шайлендров. Если мы признаём, что Пананкарана был членом династии Шайлендров и его же упоминают поздние надписи Балитунга (Вануа Тенгах III и Мантъясих I), то его правление датируется 746–784 гг. и он носил имя Шри Сангграмадхананджайя в надписи из Келурака 782 г. В 778 г. он называется махараджей в надписи из Каласана. Если не допускать существования ещё одного махараджи в 775–778 гг., то именно Пананкарана оставил надпись из Чхайи и/или упоминается в ней. В надписи из Келурака бодхисатва Манджушри воплощает одновременно Будду, Дхарму, Сангху, Брахму, Вишну и Махешвару (см. выше). Это может объяснить упоминание Вишну в надписи из Чхайи. Надпись из Каласана посвящена бодхисатве Арьяtare (см. выше), и поэтому можно предположить, что Пананкарана отличался терпимостью.

Несравненно сложнее ответить на вопрос о том, когда и как Пананкарана подчинил Шривиджайю (или Шривиджайя подчинилась ему). В 742 г. в Китай прибыло последнее посольство Шилифоши/Шривиджайи. Между 742–755 гг. царь Чжиень (Chi-yen) перенёс столицу находившегося на острове Ява царства *Хэлин* из *Шэпо* (транскрипция Java/Yaba) в расположенный восточнее загадочный город *Получжасу* (P'o-lu-chia-ssu)¹³⁸. По сведениям вьетнамских хроник, Шэпо (Ява)

¹³⁷ Полный титул императора в начале XX в. был таким (ст. 59 Т. I Свода законов Российской империи): «Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Касардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая».

¹³⁸ Pelliot 1904, 225; Coedès 1968, 90, 302, n. 97; Majumdar 1937, 249; Krom 1931, 147–148.

и Куньлунь (малайцы?) совершили в 767 г. набег на северный Вьетнам¹³⁹. Эти сведения сопоставимы с данными о вторжении с моря неких варваров на землю Чампы в 774 г., сжёгших храм Шивы, в надписи из святилища Понагар в Нячанге (дата самой надписи — 784 г.), провинция Кханьхоа; их флот был разбит царём Сатьяварманом, но утонула похищенная варварами *мукхалинга* — фаллический символ Шивы с изображением его лица¹⁴⁰. Чамская надпись Янгтикух (Yang Tikuh), датирующаяся 721 г. эры Шака или 799–800 гг. н.э. и происходящая из провинции Ниньтхуан, сообщает, что в 709 г. эры Шака (787–788 гг. н.э.) «большая армия с Явы, приплывшая на кораблях» (*nāvāgatair jjavavalasamghair*) сожгла храм Бхадрадхипатишвары, т.е. Шивы¹⁴¹. Таким образом, подчинение Шривиджайи состоялось между 742 и 775 гг., при сравнительно достоверной информации об экспансии Явы в сторону Вьетнама не позднее чем с 767 г. Однако нужно подчеркнуть, что сам тезис о яванской экспансии во Вьетнам может быть принят лишь при допущении уравнивания Шеро=Ява. В противном случае следует вести речь о том, что набеги на Малаккский полуостров, где найдена надпись из Чхайи, и на Вьетнам совершали разные народы и/или государства.

Но можно ли предположить, что в Шривиджайе с самого начала правила династия Шайлендров и Шривиджайя завоевала Яву в середине VIII в., куда переместилась и её столица? Такая гипотеза как будто объясняет сохранение титула царя Шривиджайи в надписи из Чхайи. Тем не менее, она не объясняет гораздо большего числа фактов. Во-первых, нет никаких оснований считать Пананкарану узурпатором трона: по надписи Вануа Тенгах III он наследовал Санджайе безо всяких проволочек, а ведь именно он первым использует родословную Шайлендров. Во-вторых, надписи Шривиджайи написаны на древнемалайском языке. Почему же тогда надписи Шайлендров, включая текст из Чхайи, составлены на санскрите (Кайюмвунган, как мы видели, билингва с древнеяванским)? Чем объяснить отказ от древнемалайского языка? Почему известный по имени царь Шривиджайи Джайянаша не называл себя членом династии Шайлендров? Разрешить эти затруднения могло бы допущение, что династия Шайлендров появилась на Суматре после Джайянаши, однако тому нет никаких свидетельств. Поэтому идея подчинения Явой суматранского царства Шривиджайи выглядит более убедительно (хотя механизм этого подчинения: завоевание, династический брак, добровольное признание вассалитета или иной способ — остаётся совершенно неизвестными).

Происхождение династии Шайлендров. В современной науке нет единства в вопросе о происхождении династии Шайлендров. Наиболее обстоятельный историографический обзор этой проблемы принадлежит Р. Йордану¹⁴². Существуют четыре основных концепции происхождения династии: с Суматры, Явы, из Камбоджи (точнее, из царства Фунань), из Индии¹⁴³. Гипотеза о суматранском происхождении была распространена в первой трети XX в.; её придерживались Ж. Сёдес, Н. Кром и Ж. Ф. Фогель. В настоящее время она разделяется лишь теми исследователями, которые специально не занимаются вопросами политической

¹³⁹ Coedès 1968, 91; Берзин 1995, 192.

¹⁴⁰ Bergaigne 1893, 242–260; Majumdar 1927, 41–44.

¹⁴¹ Bergaigne 1893, 207–218; Majumdar 1927, 46, 50 – В.6, строфа VI.

¹⁴² Jordaаn 1999.

¹⁴³ Библиографическую таблицу см.: Jordaаn & Colless 2009, 128.

истории Явы (Д. Снеллгров, М.-Л. Тоттон)¹⁴⁴. Причины отказа от неё заключаются в приведённых выше аргументах против гипотезы о завоевании Шривиджайей Явы и невозможности найти Шайлендров на Суматре раньше их появления в надписи из Чхайи на Малаккском полуострове и в тексте из Каласана на Центральной Яве.

Особое место в доказательстве индонезийского (яванского или суматранского) происхождения Шайлендров занимает древнемалайская надпись из Соджомерто на Центральной Яве, упоминающая некоего *дапунту Селендру* (*dapūnta Selendra*), в котором издатель, крупный индонезийский эпиграфист Бухари, видел представителя рода Шайлендров, считая форму *Selendra* малайским вариантом *Śailendra*¹⁴⁵. Он датировал надпись началом VII в. Против столь ранней датировки выступил французский эпиграфист Л.-Ш. Дамэ, предложивший относить надпись ко времени до 800 г.¹⁴⁶ В надписи воздаётся хвала Шиве (*namaḥ śśīva* в 3-й строке), но основании чего Бухари и его последователи говорят о Шайлендрахшиваитах (как мы помним, надписи Центральной Явы, упоминающие Шайлендров, все буддийские по характеру). Однако уравнение *Selendra*=*Śailendra* весьма спорно. Дело в том, что малайские тексты Шривиджайи, бесспорно относящиеся к 680-м гг., содержат заимствованные из санскрита шипящие без изменений: сам термин *Śrīvijaya* в надписях из Кедукан Букит, Кота Капур и Палас Пасемах, *śakavarṣa* в надписях Кедукан Букит, Кота Капур и Таланг Туво, *śuklapakṣa* КБ, *śrīkṣetra* и *śrījayanāśa* Таланг Туво, *śānti* в надписи Кота Капур¹⁴⁷. Во вводной формуле на неизвестном языке встречается даже дифтонг *ai* — *paihumpa an hakai-ru*, хотя это уже не может свидетельствовать в пользу существования дифтонга в древнемалайском. Но сама надпись из Соджомерто содержит термин *daiva* (из санскритского *deva* «бог» или *daiva* «божественный»). Поэтому едва ли можно полагать, что термин *Śailendra* должен был непременно измениться до *Selendra* в древнемалайском языке.

Ж. Сёдес в 1934 г. предложил выводить Шайлендров из Фунани (южной Камбоджи) на основании сходства титулов: санскритских *śailendra*, *parvatabhūpāla* или *śailagāja* «владыка горы» и кхмерского *kuṛung bnam* «id.» от Funan из *b'iu-nām (современное *phnom*, древнее *vnam*) «гора»¹⁴⁸. Но Кл. Жак показал, что такого титула в Фунани просто не существовало: не известна ни одна надпись или какое-либо иное письменное подтверждение этому вымыслу Л. Фино, принятому Ж. Сёдесом за установленный факт¹⁴⁹.

В начале 1930-х гг. Р.Ч. Маджумдар предложил индийскую гипотезу, которую позднее поддержали Х.Б. Саркар, Л. Чандра и Р. Йордан¹⁵⁰. Основной довод этого направления заключается в распространении иноземного влияния, в первую очередь буддизма в эпоху Шайлендров. Но если первым царём из династии Шайлендров был Пананкарана, то придётся принять теорию яванского происхождения

¹⁴⁴ цит. по: Jordaan 2006, 4.

¹⁴⁵ Boechari 1966, 243.

¹⁴⁶ Damais 1970, 44.

¹⁴⁷ Coedès 1930, 34, 39, 48.

¹⁴⁸ Coedès 1934, 67–70; 1968, 36, 88–89.

¹⁴⁹ Jacques 1979, 375; Vickery 1998, 36.

¹⁵⁰ Majumdar 1933, 121–141; Sarkar 1985, 323–339; Chandra 1994, 64–102; Jordaan 1999b, 210–243.

династии, ведь говорить о его индийской родословной нет никаких оснований. Появление буддизма на Яве произошло не столь внезапно, как представляется Р. Йордану — на Западной Яве раскопан буддийский комплекс Батуджайя V–VII вв.; на острове найдены буддийские посвятительные таблички, а на востоке, в Кота Блатере, статуя Будды в стиле Амаравати VII–VIII вв.¹⁵¹

О яванском происхождении династии Шайлендров писали В. Ф. Стюттерхейм, Пурбочароко, Бухари, Дж. Виссеман Кристи¹⁵². В целом эта идея лучше согласуется с известными фактами, нежели другие концепции. Сложнее ответить на вопрос, почему Пананкарана (или его присные) стал использовать эту родословную и почему от неё в итоге отказались его преемники (следует отметить, что мы в редчайших случаях можем считать известными родственные связи яванских царей VIII–X вв.). Однако любопытным выглядит сопоставление яванского случая с известным в русской истории мифическим предком Рюриковичей Пруссом, легендарным братом Августа, в конце XV — начале XVI в. Вполне возможно, что желание укрепить свою власть заставило Пананкарану, помимо военных и религиозных действий, избрать ещё легендарную родословную, учитывая роль культа гор в древнеяванской культуре. Отказ же от легендарной генеалогии произошёл вследствие укрепления власти, уже не нуждавшейся в дополнительной легитимации. Впрочем, это, безусловно, гипотеза *ad hoc*.

Её принятию препятствуют более поздние сведения из Лейденских надписей о царях Чуламанивармане и его сыне Маравиджайоттунгавармане, бесспорно правивших районом Кедах на рубеже X–XI вв. (см. выше). Это может означать, что какие-то потомки Пананкараны (прямые или нет) сохранили чувство принадлежности к определённому роду. Реконструировать родословные, не имея данных, занятие совершенно бессмысленное. Лучше констатировать, что нам известны некоторые члены рода Шайлендров, но мы не знаем их взаимоотношений. Способ, каким Шайлендры попали в Кедах, тоже едва ли очевиден. Впрочем, чтобы указать на вполне возможное сохранение в этой стране наследников Пананкараны, я приведу два соображения.

Во-первых, присутствие Шайлендров на Малаккском полуострове подтверждается надписью из Чхайи, оставленной, скорее всего, тем же Пананкараной. Во-вторых, мы имеем любопытное свидетельство арабского географа Абу Зайда (916 г.): «Описание города Забадж. Мы начнём с истории города Забадж, поскольку он расположен лицом к Китаю. Между ними месяц пути по морю и даже меньше при попутном ветре. Царь этого города носит титул махараджи... Этот царь в то же время является правителем великого множества островов, которые вытянулись в длину на 1 тысячу *парсангов*, а то и больше. Среди его владений есть остров Шрибуза¹⁵³ площадью в 400 (квадратных) парсангов и остров Рами площадью в 800 (квадратных) парсангов. На этом острове можно найти плантации бразильского дерева, камфорного дерева и разные благовония. Тоже часть

¹⁵¹ Manguin 2010, 172–174; Manguin & Indrajaya 2006, 245–57; 2011, 113–136.

¹⁵² Stutterheim 1929; Poerbatjaraka 1958, 254–264; Boechari 1966, 241; Wisseman Christie 1995, 273.

¹⁵³ Шрибуза — это арабское название Шривиджайи. Она ни разу не называется местом жительства махараджи Забаджа, что может служить доводом для отождествления последнего с Центральной Явой. См.: Tibbetts 1979, 113.

владений махараджи, морская страна Калах находится на полпути между Китаем и Аравией...»¹⁵⁴.

Если Р. Йордан и Б. Коллес правы в том, что Забадж в тексте Абу Зайда — это Ява (а это наиболее вероятно), то, принимая известное отождествление Калаха с Кедахом¹⁵⁵, мы получим указание на подчинение царю из династии Шайлендров. Но из этого не следует делать более рискованное заключение о том, что Чуламаниварман был прямым потомком Пананкараны — для этого данных, как уже отмечалось, нет. Ведь возможен и такой вариант развития событий: в Кедахе сохранялась память о могучей яванской державе и политики конца X в. решили в своих интересах использовать вымышленное родство с легендарными царями. Это получает косвенное подтверждение в позднейших малайских генеалогиях, часто возводящих современные династии к Александру Македонскому (Искандеру Зул-Карнайну)¹⁵⁶.

Последнее, что было бы желательно осветить — связь Балапутры с Шайлендрами. Как говорилось выше, он был внуком царя из этой династии, сын которого женился на дочери царя Дхармасету из «Лунной династии». Балапутра назван в надписи из Наланды царём Суварнадвипы, которую скорее всего можно отождествить с Суматрой.

П.-М. Мюно предлагает такую реконструкцию: упомянутый в надписи Девапалы Дхармасету (дед Балапутры) правил Шривиджайей и был одновременно представителем династии Шайлендров, возглавляя федерацию мандал, простиравшихся от севера Малаккского полуострова до Центральной Явы. Его трон унаследовал Санграмадхананджайя¹⁵⁷. Между тем, правитель Явы (Yavabhūmi) из династии Шайлендров в надписи Девапалы явно отличается от Дхармасету, о котором говорится лишь то, что он был отцом Тары (матери Балапутры) и принадлежал к «лунной династии» (*rājñah somakulānvayasya mahataḥ śrīdharmasetoḥ sūtā ... Tārāhvayā*)¹⁵⁸.

От кого Балапутра унаследовал престол в Суварнадвипы, остаётся неясным. Он мог получить его от отца или матери. Явное усиление Явы во второй половине VIII в. привело к подчинению Суматры, но имел ли место вообще раздел царства Пананкараны или его наследников или оно просто распалось из-за сложностей контроля и/или дорогостоящего храмового строительства на Центральной Яве, мы не знаем. Надпись из Прамбанана 856 г. предполагает некий военный конфликт, в ходе которого Локапала Кайюванги защитил «страну Джава». Вполне возможно, хотя и проблематично, столкновение с Балапутрой (если в источнике упоминается именно он). Однако едва ли здесь было «вытеснение Шайлендров» с яванской земли. Последнее (и небесспорное) упоминание о них датируется 824 г. За тридцать два года их род мог пресечься на Яве (мы не знаем родовых связей между Пананкараной, князьями Панарабана и Варака, Дьях Гулой, князьями Гарунга, Пикатана и Кайюванги). Если же, как однажды заметили Р. Йордан и Б. Коллес¹⁵⁹, на Яве существовал матрилинейный принцип наследования, то

¹⁵⁴ Ferrand 1922, 56; Берзин 1995, 298.

¹⁵⁵ Jordaān & Colless 2009, 213–220.

¹⁵⁶ Ревуненкова 2008, 105–109, 115–116.

¹⁵⁷ Munoz 2006, 133–135.

¹⁵⁸ Nilakanta Sastri 1949, 126–127.

¹⁵⁹ Jordaān & Colless 2009, 40.

исчезновение рода Шайлендров едва ли составляет проблему — встречающееся в санскритских текстах с индийской поэтикой понятие с высокой степенью вероятности было встроено в патрилинейную концепцию царственности (Солнечная и Лунная династии были именно патрилинейными)¹⁶⁰.

Подведём итоги. В современной историографии в отношении династии Шайлендров больше гипотез, чем фактов. На Яве в VIII–IX вв. существовали разные династии, число и связи которых остаются проблематичными. Достоверным фактом можно считать лишь то, что князь Пананкарана первым в известных источниках провозгласил себя махараджей и членом династии Шайлендров. Довольно правдоподобна гипотеза о том, что именно ему принадлежит надпись из Чхайи на Малаккском полуострове и при нём Центральная Ява установила некоторую форму контроля над дотоле независимой Шривиджайей. Весьма вероятно, что Шайлендры были именно яванской по происхождению династией. Однако дальнейшая история Шайлендров покрыта мраком неизвестности. Надёжных отождествлений других царей из рода Шайлендров с яванскими монархами пока не предлагалось. Память о Шайлендрах оставалась в Кедахе на рубеже X–XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Бандиленко Г. Г. 1984: Культура и идеология средневековых государств Явы. Очерк истории VIII–XV вв. М.
- Берзин Э. О. 1995: Юго-Восточная Азия с древнейших времён до XIII века. М.
- Дорофеева Т. В. 2001: История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М.
- Завадская А. В. 2004: Автохтонные верования и индуизм на средневековой Яве (по данным эпиграфики): дисс.... канд. ист. наук. М.
- Зализняк А. А. 1996: Грамматический очерк санскрита // Кочергина В. А. (ред.). Санскритско-русский словарь. М., 834–943.
- Захаров А. О. 2006: Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): Конструктивистский вариант. М.
- Захаров А. О. 2008: Две надписи с острова Ява VIII в. // Вопросы эпиграфики. 2, 24–43.
- Захаров А. О. 2010: Надпись из Чанггала 732 г. и некоторые вопросы древнеяванской истории // Восток (Oriens). 2, 34–45.
- Кулланда С. В. 1992: История древней Явы. М.
- Кулланда С. В. 2001: Надпись Кота Капур (608 г. эры шака — 686 г. н. э.) // Дорофеева Т. В. История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М., 250–256.
- Ревуненкова Е. В. 2008: Сулалат-ус-Салатин: малайская рукопись Крузенштерна и её культурно-историческое значение. СПб.
- Тюрин В. А. 2004: История Индонезии. М.
- Aiyer K. V. Subrahmanya. 1933(1): The Larger Leiden Plates (of Rājārāja I) // Epigraphia Indica. XXII, 213–266.
- Aiyer K. V. Subrahmanya. 1933(2): The Smaller Leiden Plates (of Kulottunga) // Epigraphia Indica. XXII, 267–281.
- Bergaigne A. 1893: Inscriptions sanskrites de Campā et du Cambodge. Paris.
- Boechari. 1966: Preliminary Report on the Discovery of an Old-Malay Inscription at Sodomerto // Madjalah Ilmu-ilmu Sastra Indonesia. 3/2–3, 241–251.
- Bosch F. D. K. 1928: De inscriptie van Kēloerak // TBG. LXVIII/1–2, 1–56.

¹⁶⁰ МНМ, т. 2, 2000, 81, 459–460.

- Bosch F. D. K.* 1941: De inscriptie van Ligor // TBG. D. LXXXI, 26–38.
- Bosch F. D. K.* 1952: Çrīvijaya, de Çailendra- en de Sañjayavaṃça // BKI. 108, 113–123.
- Brandes J. L. A.* 1913: Oud-Javaansche Oorkonden. Nagelaten Transcripties van wijlen Dr. J. L. A. Brandes. Uitgegeven door Dr. N. J. Krom. The Hague: Bataviaasch Genootschap (Verhandelingen van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen, D. LX).
- Bronson B.* 1979: The Archaeology of Sumatra and the Problem of Śrīvijaya // Early South East Asia. Essays in Archaeology, History and Historical Geography / R. B. Smith & W. Watson (eds.). Oxford; New York; Kuala Lumpur, 395–405.
- Casparis J. G. de.* 1950: Incrypties uit de Çailendra-tijd [Prasasti Indonesia I]. Bandung.
- Casparis J. G. de.* 1956: Selected Inscriptions from the 7th to the 9th Centuries AD. [Prasasti Indonesia II]. Bandung.
- Casparis J. G. de.* 1961: New Evidence on Cultural Relations between Java and Ceylon in Ancient Times // Artibus Asiae. XXIV/3–4, 241–248.
- Casparis J. G. de.* 1981: The Dual Nature of Barabudur // Barabudur: History and Significance of a Buddhist Monument / L. O. Gomez & H. W. Woodward (eds.). Berkeley, 47–83.
- Chandra L.* 1994: The Śailendras of Java // Journal of the Asiatic Society of Bombay. Vol. 67–68 for 1992–1993, 64–102.
- Chatterji B. R.* 1967: History of Indonesia: Early and Medieval. 3rd ed. Meerut.
- Chavannes É.* 1894: Mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui aller chercher la Loi dans les pays d'Occident, par I-tsing. Paris.
- Coedès G.* 1918: Le Royaume de Çrīvijaya // Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme Orient. 18/6, 1–36.
- Coedès G.* 1929/1961: Recueil des inscriptions du Siam. 2ème partie: inscriptions de Dvāravatī, de Çrīvijaya et de Lavo. Bangkok.
- Coedès G.* 1930: Les inscriptions malaises de Çrīvijaya // Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme Orient. 30, 29–80.
- Coedès G.* 1959: L'inscription de la stèle de Ligor. État présent de son interprétation // Oriens Extremus. 6, 42–48.
- Coedès G.* 1968: The Indianized States of Southeast Asia. Honolulu.
- Coedès G., Damais L.-Ch.* 1992: Sriwijaya: History, Religion & Language of an Early Malay Polity. / P.-Y. Manguin (ed.). Kuala Lumpur.
- Damais L.-Ch.* 1951: Études d'épigraphie indonésienne // BEFEO. 45, 1–63.
- Damais L.-Ch.* 1952: Liste des principales inscriptions datées de l'Indonésie // BEFEO. 46, 1–105.
- Damais L.-Ch.* 1968: Bibliographie indonésienne: XI. Les publications épigraphiques du service archéologique de l'Indonésie // BEFEO. 54, 295–521.
- Damais L.-Ch.* 1970: Répertoire onomastique de l'épigraphie javanaise. Paris. *Ferrand G.* 1922: L'empire sumatranais de Çrīvijaya // Journal Asiatique. 262, 1–104, 161–244.
- Jacq-Hergoualc'h M.* 2002: The Malay Peninsula: Crossroads of the Maritime Silk Road (100 BC – 1300 AD). Leiden; Boston; Köln.
- Jacques C.* 1979: “Funan”, “Zhenla”: The Reality Concealed by These Chinese Views on Indonesia // Early South East Asia: Essays in Archaeology, History and Historical Geography. / R. B. Smith & W. Watson (eds.). Oxford; New York; Kuala Lumpur, 371–379.
- Jordaan R. E.* (ed.) 1996: In Praise of Prambanan: Dutch Essays on the Loro Jonggrang Complex. Leiden.
- Jordaan R. E.* 1999: The Śailendras in Central Javanese History: A Survey of Research from 1950 to 1999. Yogyakarta.
- Jordaan R. E.* 1999b: The Śailendras, the Status of the Kṣatriya Theory, and the Development of Hindu-Javanese Temple Architecture // BKI. 155/2, 210–243.

- Jordaan R. E.* 2006: Why the Śailendras were not a Javanese dynasty // Indonesia and the Malay World. 34, No. 98, 3–22.
- Jordaan R. E., Colless B. E.* 2009: The Mahārājas of the Isles: The Śailendras and the Problem of Śrīvijaya. Leiden.
- Karashima N., Subbarayalu Y.* 2009: Ancient and Medieval Tamil and Sanskrit Inscriptions Relating to Southeast Asia and China // Nagapattinam to Suvarnadwipa: Reflections on the Chola Naval Expeditions to Southeast Asia. / H. Kulke, K. Kesavapany, V. Sakhuja (eds.). Singapore, 271–291.
- Krom N. J.* 1919: De Sumatraanse periode der Javaansche geschiedenis. Leiden.
- Krom N. J.* 1926: Hindoe-Javaansche geschiedenis. 1st ed. s'Gravengage.
- Krom H. J.* 1931: Hindoe-Javaansche geschiedenis. 2nd ed. 's-Gravenhage.
- Mahdi W.* 2008: Yavadvīpa and the Merapi Volcano in West Sumatra // Archipel. 75, 111–143.
- Mahdi W.* 2010: "The Protohistorical Linguistic, Ethnic, and Political Situation around the Gulf of Thailand in the Light of Borrowing between Malayo-Chamic and Eastern Austroasiatic Languages." // Paper Presented to the 13th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists "Crossing Borders in Southeast Asian Archaeology", Berlin, 27th September – 1st October 2010.
- Majumdar R. C.* 1927: Ancient Indian Colonies in the Far East: Vol. I. Champa. Book III: The Inscriptions of Champa. Lahore.
- Majumdar R. C.* 1933: Les rois Śailendra de Suvarṇadvīpa // BEFEO. 33, 121–141.
- Majumdar R. C.* 1937: Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol. II. Suvarṇadvīpa. Part I. Political History. Dacca.
- Manguin P.-Y.* 2009: Southeast Sumatra in Protohistoric and Srivijaya Times: Upstream-Downstream Relations and the Settlement of the Peneplain // From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra / D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel & M.L. Tjoa-Bonatz (eds.). Newcastle upon Tyne, 434–484.
- Manguin P.-Y.* 2010: Pan-Regional Responses to South Asian Inputs in Early Southeast Asia // 50 Years of Archaeology in Southeast Asia: Essays in Honour of Ian Glover. / B. Bellina, E.A. Bacus, T.O. Pryce & J. Wisseman Christie (eds.). Bangkok, 171–181.
- Manguin P.-Y., Indradjaya A.* 2006: The Archaeology of Batujaya (West Java, Indonesia): An Interim Report // Uncovering Southeast Asia's Past: Selected Papers from the 10th International Conference of the European Association of Southeast Asian Archaeologists, The British Museum, 14th – 17th September 2004 / E.A. Bacus, I.C. Glover & V.C. Pigott (eds.). Singapore: National University of Singapore Press, 245–57.
- Manguin P.-Y., Indradjaya A.* 2011: The Batujaya Site: New Evidence of Early Indian Influence in West Java // Early Interactions between South and Southeast Asia. / P.-Y. Manguin & A. Mani (eds.). Singapore, 113–136.
- Meulen W. J. van der.* 1979: King Sañjaya and his Successors // Indonesia. 28, 17–54.
- Miksic J. N.* 2003: The Mañjuśrīgṛha Inscription of Candi Sewu, Śaka 714/A.D. 792 // Texts and Contexts in Southeast Asia: Proceedings of the Texts and Contexts in Southeast Asia Conference, Yangon, 12–14 December 2001. Yangon, 19–42.
- Miksic J. N., Widya Nayati, & Tjahjono.* 2001: Recent Archaeological Research at Candi Plaosan // Fruits of Inspiration. Studies in Honour of Prof. J.G. de Casparis, retired Professor of the Early History and Archaeology of South and Southeast Asia at the University of Leiden, the Netherlands, on the occasion of his 85th birthday / M.J. Klokke & K.R. van Kooij (eds.). Groningen, 319–332.
- Monier-Williams M.* 1899: A Sanskrit-English Dictionary. Oxford.
- Munoz P. M.* 2006: Early Kingdoms of the Indonesian Archipelago and the Malay Peninsula. Singapore.

- Naerssen F. H. van.* 1947: The Çailendra Interregnum // *India Antiqua: A Volume of Oriental Studies Presented by his Friends and Pupils to Jean Philippe Vogel, C.I.E., on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of his Doctorate* / F.D.K. Bosch, Th. Van Erp, A.J. Bernet Kampers, R.A. Kern, F.B. Kuiper & P.H. Pott (eds.). Leiden, 249–253.
- Nilakanta Sastri K. A.* 1949: History of Śrī Vijaya (Sir William Meyer Lectures, 1946–1947). Madras.
- Pelliot P.* 1904: Deux itinéraires de Chine en Inde à la fin du VIIIe siècle // *BEFEO.* 4, 131–413.
- Poerbatjaraka R. Ng.* 1920: De Tjarita Parahijangan // *TBG.* LIX, 403–416.
- Poerbatjaraka R. Ng.* 1958: Çrīvijaya, de Çailendra- en de Sañjayavaṃça // *BKI.* 114/3, 254–264.
- Quaritch Wales H. G.* 1935: A Newly-Explored Route of Ancient Indian Expansion // *Indian Arts and Letters.* 9/1, 1–33.
- Quaritch Wales H. G.* 1976: The Malay Peninsula in Hindu Times. London.
- Quaritch Wales H. G.* 1978: The Extent of Śrīvijaya's Influence Abroad // *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society.* 51/1, 5–12.
- Sarkar H. B.* 1971–1972: Corpus of the Inscriptions of Java (Corpus Inscriptionum Javanicarum) (Up to 928 A.D.). Vol. I–II. Calcutta.
- Sarkar H. B.* 1985: The Kings of Śrī Śailam and the Foundation of the Śailendra Dynasty in Indonesia // *BKI.* 141/2–3, 323–339.
- Shastri H.* 1924: The Nālandā copper-plate of Devapāladeva // *Epigraphia Indica.* XVII, 310–327.
- Stutterheim W. F.* 1929: A Javanese Period on Sumatran History. Surakarta.
- Sundberg J. R.* 2003: A Buddhist Mantra Recovered from the Ratu Baka Plateau: A Preliminary Study of Its Implications for Śailendra-Era Java // *BKI.* D. 159. Afl. 1, 163–188.
- Sundberg J. R.* 2006a: Considerations of the Dating of the Barabudur Stūpa // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde (BKI).* D. 162. Afl. 1, 95–132.
- Sundberg J. R.* 2006b: The State of Matarām: A Review of Recent Efforts to Clarify its History. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.borobudur.tv/State_of_Old_Mataram.pdf
- Takakusu J.* 1896: A Record of the Buddhist Religion as practiced in India and the Malay Archipelago (A.D. 671–695) by I-Tsing. Oxford.
- Tibbetts G. R.* 1979: A Study of the Arabic Texts Containing Material on South-East Asia. Leiden.
- Vickery M.* 1998: Society, Economics, and Politics in Pre-Angkor Cambodia: The 7th–8th Centuries. Tokyo.
- Vogel J. Ph.* 1919: Het koninkrijk Çrīvijaya // *BKI.* 75, 626–637.
- Wisseman Christie J.* 1995: State Formation in Early Maritime Southeast Asia: A Consideration of the Theories and the Data // *BKI.* 151/2, 235–288.
- Wisseman Christie J.* 2001: Revisiting Early Mataram // *Fruits of Inspiration: Studies in Honour of Prof. J.G. de Casparis, retired Professor of the Early History and Archaeology of South and Southeast Asia at the University of Leiden, the Netherlands, on the occasion of his 85th birthday* / M.J. Klokke & K.R. van Kooij (eds.). Groningen, 25–55.
- Zoetmulder P. J.* (with the collaboration of S. O. Robson) 1982: Old Javanese-English Dictionary. Parts 1–2. 'S-Gravenhage.

ŚAILENDRAS DYNASTY IN CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

A. O. Zakharov

This is a study of the Śailendras role in the history of Java, Sumatra, and Malay Peninsula in ancient times. The article contains Russian translations of principal sources mentioning the dynasty. It covers present-day debates concerning the number of dynasties reigning on central Java in the 8th — 9th c.c. and the relations between the kingdom of Srivijaya and Śailendras dynasty. It also considers three principal issues concerning the role of Śailendras in central Java, their relations with Srivijaya, and the origin of the dynasty. The author proves that Śailendras dynasty was of Java origin, and Panankarana was the first ruler who proclaimed himself as a member of the dynasty. In fact, there was no difference between the so called Sañjaya dynasty and that of Śailendras. During the reign of Panankarana the polity of central Java subdued Srivijaya in the south-east of Sumatra, but we do not know how it happened. Panankarana's conquests reached as far as Malay Peninsula where he left a famous inscription from Chaiya, also known as Ligor stele. Śailendras descendants ruled over Kedakha in Malaysia in the late 10th early 11th centuries.

Key words: Śailendras, Java, Srivijaya, Sumatra, Sañjaya.

© 2011

Э. Д. Зиливинская

МЕДРЕСЕ И ХАНАКА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ (ПО ПИСЬМЕННЫМ
ИСТОЧНИКАМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Статья посвящена высшим учебным заведениям в мусульманских странах – медресе и общежитиям для дервишей и паломников – ханака (текке). Данные письменных источников свидетельствуют, что эти учреждения были довольно многочисленны в Золотой Орде. Тем не менее археологически они почти не выявлены. Единственное здание, которое однозначно может быть атрибутировано как медресе, находится в Солхате, в Крыму. Оно построено в малоазийских строительных традициях. Там же, в Солхате, сохранилось здание «свинцовой мечети», которое изначально было построено как текке. В столице Золотой Орды Сарае исследована постройка, которая, несомненно, связана с мусульманской религией и является ханака или медресе, однако планировка ее полностью не выявлена. Возможно, комплекс построек при мавзолее XIII в. в Нижнем Поволжье также является ханака или завией.

Ключевые слова: Золотая Орда, мусульманство, медресе, ханака, текке, завия, аулия, Крым, Нижнее Поволжье, Малая Азия, Средний Восток.

С религиозным культом в мусульманских странах связаны не только мечети, но и некоторые другие учреждения. Прежде всего, это медресе — высшие учебные заведения, в которых преподавали богословие (*Коран и хадисы*) и право (*фикх*). Часто наряду с этими науками велось преподавание математики, ритори-

Зиливинская Эмма Давидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: eziliv@mail.ru

ки, языкознания, медицины. Медресе представляли собой опору религии, так как оттуда выходили теологи, правоведы, дипломаты, духовные наставники. В то же время многие медресе были центрами развития других наук: часто в них находились крупные библиотеки и работали известные ученые. Студенты и преподаватели жили в здании медресе постоянно, здесь имелись жилые помещения (*худжры*), аудитории, мечеть. Л. Ю. Маньковская приводит данные вакуфного документа самаркандского медресе Ибрагим-Тамгач-хана (1165–1166 г.). Среди помещений в нем упоминаются мечеть, аудитории (*дастархана*) различного назначения — для громкого чтения Корана, для изучения литературы, для занятий наукой, жилые худжры вокруг двора и сад. В штате были предусмотрены управляющий, преподаватели Корана, фикха и литературы, чтец Корана, кассир, два дворника и библиотекарь. Медресе было рассчитано на обучение 50 человек¹. Медресе существовали за счет вакфа, то есть приписанных к ним доходных заведений — рынков, бань и других.

С. Г. Хмельницкий пишет, что медресе как общественный институт и архитектурное сооружение не имеет параллелей за пределами мусульманского мира, так как первые средневековые университеты Европы не имели специально построенных зданий и общежития для студентов. Высшие школы при христианских монастырях также не были архитектурно выделены². Первые здания медресе возникают в Восточном Иране и в Бухаре в конце IX — начале X в.³. До этого времени богословие изучалось непосредственно в мечетях или в доме наставника. Здания медресе часто пристраивались к дому основателя, или его дом был включен в постройку. Известны многочисленные примеры, когда основатель или руководитель учебного заведения похоронен в одном из помещений медресе. Строительство медресе и его материальное обеспечение считалось богоугодным делом и свидетельствовало о благочестии основателя. Поэтому эти учреждения часто основывались правителями, высшими чиновниками, представителями знати. Массовое распространение медресе обычно связывают с сельджуцким временем. Именно при Сельджуках медресе из частных школ превращаются в государственные учреждения. По письменным источникам, в середине XI в. в Нишапуре их было уже тридцать⁴.

Исследователи отмечают отличие медресе от других типов зданий мусульманского мира, таких как мечети, минареты и мавзолеи, в архитектуре которых нашли отражение вековые культурные традиции классической и восточной архитектуры, наиболее ярко представленные Византией и Сасанидским Ираном. Медресе возникли уже в развитом мусульманском обществе и отвечали его специфическим нуждам. Это были сооружения, специально построенные для учреждений, не имеющих аналогий в современном им мире. Пространственная структура средневековых медресе единообразна, что делает их легко узнаваемыми. Это монументальные прямоугольные в плане здания, в центре которых находится обширный внутренний двор, в который выходят все помещения. На осях постройки находятся два или четыре айвана, которые также открываются во двор. Вход,

¹ Маньковская 1980, 84.

² Хмельницкий 1992, 205; 1996, 260.

³ Хмельницкий 1992, 206; Hillenbrand 1994, 173.

⁴ Hillenbrand 1994, 173.

расположенный на фасаде, выделен порталом. Большинство медресе имеют одно или несколько купольных помещений, в которых находятся мечеть и аудитории. Этот тип зданий с небольшими вариациями распространился на всем пространстве, населенном приверженцами ислама. Существует несколько точек зрения на истоки планировки медресе. История изучения этого вопроса подробно рассмотрена С. Г. Хмельницким⁵. В. В. Бартольд, а вслед за ним Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль выводят планировку медресе из буддийских монастырей. Другая точка зрения — это соотнесение всех зданий четырехайванной планировки, таких как мечети, медресе и караван-сарай с гражданской архитектурой, а именно с дворцовыми зданиями и жилыми домами. Сторонниками этой теории являются А. Годар, Г. А. Пугаченкова, С. Г. Хмельницкий⁶.

Четырехайванную планировку имели ранние медресе Хорасана: один из айванов служил входом, другой, расположенный напротив входа, являлся мечетью. В боковых айванах находились аудитории, а остальное пространство вокруг двора занимали худжры студентов и преподавателей. Таковы, например, медресе XI в. в Рее (рис. 1.1) и Харгираде⁷. Хорасанские медресе Ходжа Машад XI в. в Таджикистане и Шахи Машад XII в. в Афганистане при всем сходстве плана имеют некоторые отличия (рис. 2). В Ходжа Машаде по сторонам южного портала расположены два больших купольных помещения, одно из которых является более ранним мавзолеем, а другое — мечетью. Здание имеет другой, северный портал, также обрамленный комнатами с купольными перекрытиями меньших размеров. В них, вероятно, находились аудитории. В медресе Шахи Машад четыре помещения с куполами расположены по углам здания, а еще два — по сторонам главного вестибюля⁸.

В Сирии медресе строятся с начала XII в. Здесь господствует местный тип, представленный такими памятниками, как медресе Нур ал-Дин и Адиллия (рис. 3). Ось здания с прямоугольным двором в них подчеркнута двумя небольшими, но глубоким айванами, в то время как боковые стороны ассиметричны: с южной стороны расположен вытянутый зал мечети, а напротив нее большой айван с плоским перекрытием⁹. Египетские медресе Калауна (XII в.) и Насирия (нач. XIV) в. также имеют одну ось симметрии. Напротив входного айвана в них расположена мечеть базиличного плана, а по бока двора — худжры. Знаменитая мечеть-медресе Хасана XIV в. возведена под явным влиянием иранского зодчества (рис. 1.2). Это классическая четырехайванная постройка. Самый большой айван служит мечетью, а по углам здания расположены медресе четырех толков ислама, каждое с собственным двором и кельями в четыре этажа¹⁰.

В Малой Азии известны различные типы планировки подобных заведений. Так, медресе Сырчалы в Конье, Гёк-медресе в Токате и медресе мечети Хунад Хатун в Кайсери XIII в. имеют два айвана, один из которых является входным, а другой исполняет функции мечети. В некоторых постройках внутренний двор пере-

⁵ Хмельницкий 1992, 205–206.

⁶ Пугаченкова 1958, 341; Хмельницкий 1992 205–206; Hillenbrand 1994, 175.

⁷ Hillenbrand 1994, 180–181, 508.

⁸ Хмельницкий 1996, 261–273.

⁹ Ettinghausen, Grabar 1994, 304–306.

¹⁰ Hillenbrand 1994, 192–194, 512–513.

крыт куполом. К ним относятся медресе Бююк Каратай и Индже Минаре в Конье XIII в (рис. 4.1). В областях, связанных с Ираном, господствует четырехайванная планировка: ряд худжр, опоясывающих внутренний двор, прерывается в середине айванами, которые имеют обычно сводчатое перекрытие. Перед худжрами расположены аркады на прямоугольных пилонах или колоннах круглого сечения, а в центре двора — фонтан (рис. 4.2–4). Такова в общих чертах планировка Чифте Минаре в Эрзеруме, Гёк-медресе и медресе Музаффара Бюрюджийе в Сивасе XIII в.¹¹

Еще одна категория зданий, связанных с мусульманской религией, — это *ханака* (*рибаты*) и *текия* (*завия*). Все эти учреждения служили нуждам многочисленных дервишских орденов, которые получили в средние века огромное распространение. Возникновение *ханака* (*рибатов*), общежитий для дервишей, связано с распространением суфизма — мистического течения в исламе. Суфизм, возникший уже в VII в., сначала считался еретическим отклонением от ислама, но уже в XI в. был официально признан. Дервишские ордена суфиев имели строгую иерархическую организацию, во главе которой стоял шейх (*пир*), обладающий неограниченной властью. Члены общины суфиев жили в специально отведенных зданиях и совершали совместные обряды и мистические радения. Поэтому в состав помещений большинства ханака, наряду с худжрами членов общины, обязательно входил большой зал для коллективных ритуалов. В отличие от ортодоксального ислама для суфизма характерен культ святых могил, поэтому ханака часто строятся при гробницах, в которых похоронен основатель общины или просто почитаемый член суфийского ордена. Кроме зданий, где дервиши проживали постоянно, существовали странноприимные дома для странствующих дервишей и паломников, совершающих хадж — *текия* или *завия*. В текия паломники могли получить бесплатный кров и пропитание. Часто они выполняли роль гостиниц для путешественников. Арабский путешественник Ибн Батута подробно описывает завии разных стран, в которых он останавливался во время своих многолетних путешествий¹². В частности он упоминает две завии в Хорезме, которые были построены при гробницах праведников — имамов и шейхов¹³. Функции этих учреждений не были четко разграничены, поэтому все три названия могут применяться к одним и тем же зданиям. Термины *ханака* и *рибат* применялись на всем Востоке, *текия* или *текке* — в Малой Азии, а *завия* — в Магрибе. Существовали и другие местные названия¹⁴.

Строительство текия и ханака считалось богоугодным делом, поэтому многие из этих заведений, наряду с мечетями и медресе, были построены по повелению верховных правителей или их наместников. Например, после землетрясения 1167 г. в Халебе Нураддин восстановил городскую стену и цитадель, заново выстроил соборную мечеть и соорудил возле цитадели несколько ханака, причем одно из этих заведений предназначалось для женщин¹⁵. Здания ханака и текия часто внешне напоминали богато украшенные дворцы с множеством помещений

¹¹ Hillenbrand 1994, 206–215; 515–517; Ettinghausen, Grabar 1994, 314–323; Stierlin 1998, 32–51.

¹² Кобищанов 2002, 246–249.

¹³ Тизенгаузен 1884, 309.

¹⁴ Hillenbrand 1994, 219.

¹⁵ Большаков 1984, 126.

для постоянных и временных жильцов¹⁶. Они строились не только в городах, но и вдоль пустынных дорог во всех мусульманских странах. По сведениям Истахри, в Средней Азии в домонгольское время насчитывалось 10000 таких заведений¹⁷. Тем не менее, они почти не сохранились до нашего времени. Немногие постройки Ирана, Сирии и Египта, приведенные в книге Р. Хилленбранта, представляют собой постройки дворового плана, напоминающие медресе. Вокруг двора расположены жилые помещения, а к стене, обращенной на Мекку, пристроено большое помещение для совместных ритуалов и молитв. В здании также может находиться гробница, дополнительная мечеть, баня-хаммам и кухня¹⁸. Ханака Анатолии не имеют открытого двора, они асимметричны: с одной стороны здания расположены жилые комнаты, с другой — большой зал, который имеет сводчатое перекрытие¹⁹.

Ханака Средней Азии домонгольского периода — это компактные постройки квадратной или прямоугольной формы с центральным купольным залом и хужрами в углах здания (рис. 6.1–2). С. Г. Хмельницкий считает, что в Средней Азии ни в домонгольское время, ни позднее ханака дворового плана не было²⁰. Л. Ю. Маньковская придерживается противоположной точки зрения, правда, в качестве примера приводит здания XVIII–XIX вв.²¹ Известным памятником азербайджанского зодчества является ханега на р. Пирсагат, построенная в XIII–XIV вв. (рис. 7). Комплекс сооружений, сгруппированных вокруг открытого двора, окружают крепостные стены с круглыми башнями, расположенными по углам и по периметру. Вдоль одной из стен расположена мечеть со стрельчатым сводом. К ней пристроен минарет и усыпальница Пир-Хусейна Реванан. К остальным трем стенам пристроены помещения различного назначения, одно из которых считается караван-сараям. По свидетельству Вассафа, в 1318 г. ханегу посещал хан Узбек²².

В Золотой Орде, как и любом другом мусульманском государстве, должны были существовать и медресе, и ханака. К сожалению, письменных сведений о них почти не сохранилось. Известно, что хан Берке принял ислам от среднеазиатских суфиев, а Туда-Менгу так увлекся суфизмом, что подданные сочли его безумным²³. Шейхи и суфии упоминаются в ярлыках золотоордынских ханов²⁴. Ибн Баттута описывает рибат «благочестивого, религиозного, престарелого шейха Мухаммеда Эль-батахи, [родом] из Батаиха Иракского» в Маджаре, в котором проживали “70 факыров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых”²⁵. Тем не менее, археологически духовные школы и странноприимные дома в Золотой Орде почти не выявлены.

Единственное здание, которое однозначно может быть атрибутировано, — это медресе Узбека в Солхате. По мнению М. Г. Крамаровского, именно об этой по-

¹⁶ Hillenbrand 1994, 220.

¹⁷ Маньковская 1980, 126.

¹⁸ Hillenbrand 1994, 220–221, 510, 512.

¹⁹ Ibid., 518.

²⁰ Хмельницкий 1996, 277–278.

²¹ Маньковская 1980, 131–134.

²² Бретаницкий 1966, 92–96.

²³ Тизенгаузен 1884, 280, 360, 369, 371.

²⁴ Федоров-Давыдов 1973, 126.

²⁵ Тизенгаузен 1884, 287.

стройке упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби как о медресе, основанном женой правителя Солхата Инджибек-хатун²⁶. На утраченной в настоящее время надписи имелась дата основания духовной школы — 1332–1333 гг.

Прекрасно сохранившийся памятник давно поражал воображение путешественников и привлекал внимание любителей древностей и исследователей. В 20-е гг. XX в. была создана экспедиция, целью которой было изучение татарских древностей в Крыму. В нее вошли И. Н. Бороздин, П. И. Голландский, А. С. Башкиров, Б. Н. Засыпкин, У. А. Боданинский, О. Акчокраклы. Одним из объектов, исследованию которого были посвящены работы экспедиции, была «мечеть-медресе Узбека». Результаты раскопок этого памятника были опубликованы в серии статей в журналах «Крым» и «Новый Восток»²⁷. Краткое описание «мечети-медресе Узбека» приводит А. Л. Якобсон²⁸. В 1978–83 гг. исследования мечети и медресе в Солхате проводила экспедиция Отдела Востока Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского. Раскопки охватили всю площадь постройки, что позволило уточнить планировку несохранившихся помещений и уточнить многие детали. Основные результаты раскопок в настоящее время опубликованы²⁹. Как уже упоминалось, М. Г. Крамаровский доказал, что сначала, в первой трети XIV в., было построено медресе, а уже потом, в конце XV в., к нему было пристроено здание мечети.

Медресе представляет собой почти квадратное здание (со стороной около 28 м), ориентированное по сторонам света (рис. 7). Стены сложены панцирной кладкой: лицевая часть из хорошо отесанных квадров, а толща из подтесанных камней и гальки на известковом растворе. Со стороны помещений стены были оштукатурены. Восточная стена являлась порталной. В нижней части она была оформлена резным фризом, от которого сохранилась горизонтальная профилировка. В центре стены располагался портал. В настоящее время от него сохранились только основания платформ под пилоны, а в 20-е годы XX в. была раскопана нижняя часть самих пилонов. Ширина портала — 7, 0 м, длина — 7, 6 м. Внешний облик портала восстанавливается по рисунку М. М. Иванова (рис. 8), сделанному в XVIII в.³⁰ Монументальные пилоны портала поддерживали остроугольную, сильно вытянутую многолепестковую стрельчатую арку, образованную срезом сталактитового конха. Сами пилоны расчленены с боков и лицевой стороны перекрещивающимися тягами. Полосы между тягами украшены рельефными умбонами. Внутренние углы порталной ниши оформлены полуколонками с высокими капителями типа коринфских. Одна такая капитель была найдена экспедицией И. Н. Бороздина³¹. В боковых стенах порталного углубления были сделаны небольшие ниши такой же формы со сталактитовыми полукуполом. Над ними находились панели с арабскими надписями. В целом портал медресе похож на портал, пристроенной к нему мечети, но больше и богаче по оформлению.

Площадь перед порталом была вымощена плоскими плитами из песчаника. Внутри медресе вели три ступени, сложенные из хорошо отесанных квадров.

²⁶ Крамаровский 2005, 113.

²⁷ Башкиров 1926, 1927; Бороздин 1926, 1927.

²⁸ Якобсон 1964, 106–108.

²⁹ Крамаровский 2005, 113–116.

³⁰ Якобсон 1964, табл. XXVI.

³¹ Бороздин 1926, 301.

За дверным проемом находился восточный айван и далее закрытый внутренний двор, окруженный со всех сторон помещениями различного назначения. Площадь двора — 240 кв. м. Двор был вымощен хорошо обработанными плитами прямоугольной формы. В центре его находился фонтан, к которому был подведен водопровод. По периметру двора была сделана колоннада. От нее сохранились базы колонн двух видов: кубической формы и в виде куба, переходящего в восьмигранник. Причем скосы углов у таких баз орнаментированы резными пальметками. Колонны соединялись между собой и с пилонами помещений арочными пролетами, образуя галерею. Ее колонны с массивными двухъярусными капителями изображены на рисунке М. М. Иванова³².

Напротив входа находился западный айван (пом. 15), размеры которого составляли 7,0 x 5,0 м. Северная и южная стены выступают к востоку относительно восточных стен соседних с ним помещений 14 и 16, образуя пилоны, как бы повторяющие оформление портала. С юга и севера к западному айвану примыкали квадратные в плане комнаты, размеры которых составляли 5,0 x 5,0 м. Эти значительные по площади помещения были предназначены для занятий учащихся в зимнее время³³.

С юга и севера эти помещения отделены от других комнат узкими коридорами. Вдоль северной и южной сторон двора, начиная с запада, располагается по пять небольших помещений — худжр (пом. 8–12 и 18–22). Площадь их колебалась от 5,5 до 8, 1 м. В две западные комнаты в северном и южном блоках (пом. 18, 19 и 11, 12) можно попасть через узкие коридоры (пом. 17, 13), а в остальные — прямо со двора. Пол в худжрах приподнят над уровнем двора, а перед дверьми сделаны ступени. Некоторые комнаты имели в стенах ниши для книг и письменных принадлежностей. Южный и северный ряды худжр прерываются обширными айванами (пом. 7 и 23), расположенными друг против друга и открытыми во двор. Размеры этих помещений 6,0 x 6,0 м. Айваны имели высоту до 7,0 м и были перекрыты сводами. В потолках этих помещений сохранились железные кольца, на которые на цепях привешивались стеклянные лампы. По мнению М. Г. Крамаровского, эти помещения предназначались для проведения занятий в летнее время³⁴. Южный айван, который имеет в стене большую нишу, мог использоваться в качестве мечети.

Северный и южный айваны также отделены от комнат, примыкающих к восточной стене коридорами (пом. 24 и 6). В юго-восточном секторе расположены четыре небольшие комнаты (пом. 2–4), аналогичные остальным худжрам. Помещения, расположенные в северо-восточной части (пом. 24, 25), имели несколько большие размеры и предназначались, вероятно, для проживания преподавателей.

Медресе Солхата представляет редкий по своей сохранности комплекс, который дает возможность судить не только о планиметрии здания, но и обо всем его объеме, так как перекрытия части помещений сохранились здесь до наших дней. Все четыре айвана были перекрыты монументальными полуциркульными арками из каменных плит. Сводчатое покрытие имели и худжры. Квадратные помещения

³² Башкиров 1927, 127.

³³ Крамаровский 2005, 113.

³⁴ Крамаровский 2005, 113.

в западной части здания, по мнению А. С. Башкирова, были увенчаны полусферическими куполами из кирпича³⁵.

Экспедицией И. Н. Бороздина было установлено, что помещение 16 было перестроено в *дюрбе* — мавзолее со склепом в подземной части и двумя мраморными надгробиями — в наземной. Одно из них принадлежит Инджибек-хатун, основательнице медресе, и датируется 1371 г. Дата другого — 1428 г. Пол помещения был выложен бирюзовыми поливными плитками, а в северной части комнаты была сооружена суфа, облицованная кирпичами и изразцами. По описанию И. Н. Бороздина, мраморное надгробие 1371 г. стояло «на пьедестале из дерева и поливных плиток» бирюзового цвета с золотым орнаментом в виде звезд и лилий³⁶. В склепе и у входа в мавзолее было обнаружено еще десять погребений в деревянных гробах.

Медресе перестает функционировать в начале XV в. Об этом свидетельствует состав клада серебряных монет, найденных в одной из худжр, превращенных в сторожку при гробнице³⁷.

Там же, в Солхате, в бывшем имении художника Айвазовского находятся развалины мечети, носившей название Куршун-Джами, то есть «Свинцовая»³⁸. Свое название она, вероятно, получила из-за материала, покрывавшего ее купол. Прямоугольное здание (12,5 x 17,7 м) построено из рваного камня на известковом растворе (рис. 9). Вход в мечеть обрамляют пилоны портала. Западная и восточная стены усилены парными контрфорсами. Южная стена имеет один контрфорс, который расположен позади михрабной ниши сильно выдающейся в толщу стены. Михрабная ниша первоначально имела подпрямоугольные очертания, а впоследствии была облицована заново и стала многоугольной³⁹. В северо-восточном углу сохранились остатки основания минарета. Все здание разделено на две неравные части. Квадратное помещение (10,5 x 10,6 м) с михрабом в южной стене было увенчано куполом на парусах в виде парных треугольных выпусков. Прямоугольная (10,5 x 4,5 м) северная комната имела перекрытие в виде трех полукруглых в сечении сводов⁴⁰. По сведениям Эвлии Челеби, Куршун-Джами первоначально являлась дервишской обителью (текие). Она была сооружена в 1396 г. по повелению Бай Буглы Хатун, внучки Кутлуг Тимура. В 1398 году здание текие было обращено в квартальную мечеть⁴¹. Здание Куршун-Джами по своей планировке отличается от других мечетей Золотой Орды, представляющих собой квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад (Зиливинская 1998, 16–38; 2009, 343–385). Вероятно, это объясняется тем, что первоначально она была построена как текие, для которых характерно наличие большого помещения, перекрытого куполом и используемого для совместных молений.

³⁵ Башкиров 1927, 125.

³⁶ Бороздин 1926, 299.

³⁷ Крамаровский 2005, 132–133.

³⁸ Башкиров 1927, 125; Крамаровский 2005, 116.

³⁹ Крамаровский 2005, 116.

⁴⁰ Башкиров 1927, 132.

⁴¹ Крамаровский 2005, 116.

На Селитренном городище (Сарай, столица Золотой Орды) раскопано здание, местоположение и особенности планировки которого позволяют предположить, что в нем также находилось учреждение, связанное с мусульманской религией. Эта постройка была расположена через улицу от большой мечети в Сарае, в 5,5 м от ее юго-восточной стены⁴². Она возникла несколько позже, чем мечеть, но какое-то время сосуществовала с ней.

Северная часть здания была разрушена, поэтому точную форму его и размеры установить невозможно. Исследованная часть имела Г-образную форму (рис. 10). Помещения располагались по двум перпендикулярным осям. По оси СВ-ЮЗ длина его составляла около 20 м, по оси СЗ-ЮВ — 9,7 м. Ширина постройки — 5,25 м. Стены здания были сложены из большеформатного (40 x 20 x 5 см) кирпича на глиняном растворе. Западная южная и восточная стены имели толщину 105 см. Кладка в три слоя — два ложком и между ними один — тычком или наоборот, два тычка и один ложок. Стены, обращенные во двор, и внутренние были уже, 80 см толщиной. Каждый слой их кладки состоял из ряда кирпичей, положенных в тычок, и двух рядов — в ложок. Положение рядов в слоях менялось. Юго-западный угол здания укреплен круглой в плане башней-контрфорсом. Она сложена из обожженных кирпичей, целых и обломков и имела радиус 2,4 м.

В северо-западном крыле здания исследовано пять помещений. Четыре из них (пом. 1, 2, 3, 5) представляли собой обычные жилые комнаты одинаковой площади и стандартной планировки. Размеры их составляют 3,3 x 3,4–3,6 м. В помещения 1 и 2 можно было попасть прямо с улицы через скользящие проходы вдоль юго-западных стен. Помещения 3 и 5 соединялись при помощи скользящих проходов с распределительным тамбуром (пом.4), и через него — с улицей. Помещения 1, 2 и 3 имели абсолютно одинаковый интерьер, состоящий из суфы, занимавшей северо-западную часть комнаты и кана, сложенного вдоль северо-восточной стены, с очагом в восточном углу комнаты. В помещении 5 П-образная суфа занимала юго-западную часть комнаты, а кан был проложен вдоль северо-западной стены. Во всех комнатах в земляном полу были сооружены тошнау (умывальники), а пол вокруг них был довольно небрежно вымощен обломками обожженных кирпичей. В этих комнатах почти не было бытовых предметов, отсутствовали следы активной жизнедеятельности. Также в них нет никаких перепланировок и перестроек, столь характерных для жилых домов в Золотой Орде. Этот факт наводит на мысль о казенном характере здания, в комнатах которого жили временные постояльцы, не занимавшиеся хозяйством.

В юго-западном крыле здания располагались два помещения. Помещение 6 имело несколько большие размеры (4,15 x 3,4 м). Вход в него располагался посредине северо-восточной стены, в то время как во всех остальных комнатах проходы были скользящими. Точно напротив входного проема в юго-западной стене была сделана прямоугольная ниша шириной 65 см и глубиной 20 см. Она имеет точно такое же направление, как михрабная ниша соседней мечети. Внутри помещение было абсолютно пустым. Нежилой характер помещения и наличие ниши в стене, ориентированной по кыбле, позволяет предположить, что оно использовалось в качестве мечети.

⁴² Федоров-Давыдов, Булатов, Егоров 1985.

Восточнее находилась еще одна жилая комната, квадратное в плане помещение 7 (3,65 x 3,65 м). Оно является как бы зеркальным отражением помещения 5. Скользящий проход в него сделан вдоль северо-западной стены, кан пристроен к юго-восточной стене, а большая П-образная суфа занимает юго-западную часть комнаты. Жизнь здесь была гораздо более интенсивной: в комнате сделаны некоторые перестройки, которые должны были способствовать большему комфорту. Небольшой по площади пол вымощен целыми жжеными кирпичами, на северо-восточном выступе суфы сооружен дополнительно открытый очаг. А для того, чтобы сквозняк из двери не задувал в нем огонь, на полу перед очагом была сложена стенка-экран, поднимавшаяся выше уровня суфы. Помещение 7 отличалось еще и тем, что оно соединялось с небольшой (3,5 x 1,4 м) комнаткой (пом. 8), которая была пристроена позднее. Проход ведет с суфы помещения 7 на суфу помещения 8, что придает последнему несколько интимный характер. Убранство этой комнаты предельно просто: кроме суфы была сделана яма-погребок в полу, а в северо-восточной стене — очаг в виде открытой ниши.

Вдоль северо-восточной стены здания, перед помещениями 5 и 6 находился навес-айван шириной 1,7 м. Айван был сделан из дерева, поэтому от его конструкций сохранился лишь желоб горизонтального бревна. В некоторых местах желоба лежали кирпичи, которые служили опорой для столбов, поддерживавших крышу.

Представляется вероятным, что в этом здании находилось учреждение, связанное с мусульманской религией. Об этом свидетельствует его близость с соборной мечетью, а также состав помещений, который включает стандартные худжры и небольшую мечеть. Это могло быть медресе. В таком случае помещения 1, 2, 3, 5 предназначались для учащихся, помещение 6 могло служить как мечеть, так и аудиторий. В помещениях 7 и 8 находилось жилище духовного наставника. Правда, Г-образная планировка здания отличается от общепринятой в мусульманском мире, но, скорее всего, это здание не исследовано полностью. Раскопки, проведенные к северу от вскрытой части, показали, что культурный слой там сильно нарушен поздними перекопами, территория к востоку не копалась. На аэрофотосъемке городища в этом месте прослеживается явный прямоугольник, так что, возможно, постройка имела характерную форму здания с внутренним двором. В этом случае въезд во двор осуществлялся через проход, идущий вдоль юго-восточной стены помещений 7 и 8, а само помещение 8, выступая из плоскости стены, образовывало своеобразный пилон портала.

Г. А. Федоров-Давыдов предположил, что в этом здании находился странно-приимный дом — ханака⁴³. Такое предположение вполне правомерно, так как рядом находилась не только пятничная мечеть, но и погребения в мавзолеях и без них, которые тоже могли стать предметами поклонения⁴⁴. Тогда помещения, расположенные в северо-западном крыле здания, являлись худжрами паломников, а в двухкомнатных апартаментах мог жить смотритель или содержатель этого заведения.

В Астраханской области при раскопках крупного городища возле пос. Комсомольский Красноярского района был раскопан интересный архитектурный ком-

⁴³ Федоров-Давыдов 1994, 69.

⁴⁴ Федоров-Давыдов, Егоров 1986.

плекс⁴⁵. Центром его являлся большой кирпичный мавзолей, состоящий из двух помещений. В мавзолее было два погребения с богатым погребальным инвентарем, то есть совершенные с нарушением мусульманского обряда. По монетному материалу погребения датируются второй половиной XIII в. Вокруг мавзолея сооружена сырцовая ограда, возле которой находилось здание небольшой мечети с михрабной нишей. К северо-востоку располагались однокомнатные жилые дома. По мнению исследователей здесь находилась суфийская обитель — завия⁴⁶.

Таким образом, постройки, которые могут считаться медресе и ханака, на территории Золотой Орды представлены единичными зданиями. Столь малый объем материала не позволяет сделать какие-либо серьезные выводы. Пока можно говорить о том, что, как и в других мусульманских странах, они строились рядом с мечетями. Ханака (завия) могли быть при мавзолеях. Что же касается планировки и строительных традиций, то здесь достоверно можно судить только о медресе Узбека в Солхате. Мнение исследователей о нем единодушно: этот памятник является характерным образцом малоазийского зодчества. Об этом свидетельствуют техника каменного строительства, планировка, архитектурные формы и архитектурный декор. Открытые айваны с полуциркульными сводами, опоясанные галереями с аркадами на колоннах, фонтан в центре двора — все это напоминает памятники четырехайванной планировки в Малой Азии, такие как Гёк-медресе в Сивасе XIII в., Чифте Минарелли в Эрзеруме XIII в. и Таш-медресе в Акшехире⁴⁷. Наиболее близки ему по планировке медресе Бюрюджийе в Сивасе XIII в. и Ибрагим-бея в Аксерае (Sarre 1986, 84; Stierlin, 1998, 46). Отличительной чертой медресе Узбека является смещение северного и южного айвана относительно центральной оси здания при сохранении общего принципа четырехайванной планировки.

Судя по рисункам, малоазийский облик имел и главный портал медресе. Его резные панели, сталактитовые конхи, полуколонки с высокими капителями схожи с деталями оформления порталов Илдиз-хатун медресе в Амасье, Гёк-медресе в Сивасе, Чифте Минарелли в Эрзеруме, караван-сарая Султан-хан в Аксерае⁴⁸.

Здание в Сарае, которое предположительно можно считать медресе или ханака, не дает материала для столь же определенных выводов. Прежде всего, трудно судить о его планировке, пока не будет установлено, исследовано оно полностью или частично. Если считать, что оно и в древности имело Г-образную планировку, то это явно какая-то местная модификация. Представляется более вероятным, что помещения в этой постройке были сгруппированы вокруг двора, так как в большинстве монументальных зданий Золотой Орды выдерживается принцип симметрии. Это здание построено капитально, из хорошего кирпича, регулярной кладкой, система которой четко выдерживается. Структура и интерьеры отдельных помещений его либо повторяют друг друга, либо зеркально симметричны. Все это позволяет предположить здесь наличие четко разработанного плана, имеющего общую ось симметрии. По технике кладки стен, строительным материалам, размерам и формату сырцов и кирпичей сооружение относится к среднеазиатской

⁴⁵ Плахов 1989.

⁴⁶ Павленко 2001, 76.

⁴⁷ Ünsal 1973, 33, 35; Hillenbrand 1994, 515; Stierlin 1998, 46.

⁴⁸ Sarre 1986, Taf. XXXI–XXXIII; Ünsal 1973, 80–81; Stierlin, 1998, 43, 45, 64–68.

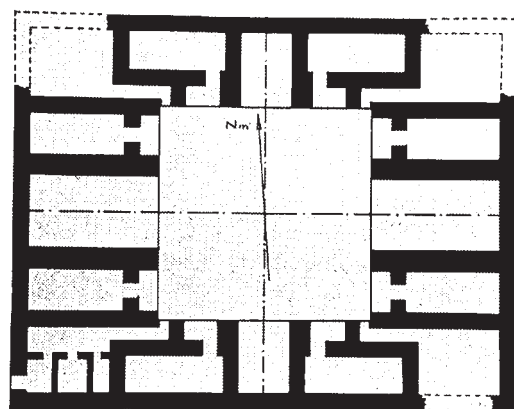
строительной традиции⁴⁹. Укрепление углов круглой башней типично для всех стран Востока. В Средней Азии в зданиях подобного типа этот прием известен в медресе Ходжа Машад, и Шахи Машад, ханака Таш-рабат (XI в.)⁵⁰. Но в них угловые башни гораздо миниатюрнее. Точно неизвестен и состав помещений здания в Сарае. Если оно являлось медресе, в нем должны быть помещения для занятий. Ханака в сопредельных с Золотой Ордой странах представляли собой компактные постройки с большим залом в центре и худжрами, расположенными в углах. Такое здание (рис. 11) было исследовано в Казахстане, на городище Антоновка, которое отождествляется с джагатайским городом Каялыком⁵¹. Ханака в Каялыке была построена при мавзолее. Материалы этого памятника особенно показательны, так как остальные монументальные сооружения на нем — мечеть, баня, мавзолеи по планировке очень близки соответствующим постройкам в Золотой Орде. Небольшое купольное здание Куршун-Джами в Солхате, которое первоначально было построено как текие, также имеет вполне типичный для дервишских обителей облик. Поиски аналогий ханака дворового плана уводят либо в отдаленные страны, такие как Иран, Сирия, Египет, Магриб, либо в отдаленные времена, например, в XVIII–XIX вв. в Средней Азии. В XIV в. дворовая планировка присутствует в ханеке на р. Пирсагат в Азербайджане, но там нет единого здания: вокруг двора сгруппированы постройки различного назначения и, кстати говоря, разновременные. Поэтому если предположить, что здание в Сарае имело дворовую планировку, то оно, скорее, являлось медресе.

Что касается ханака или завии при мавзолее у пос. Комсомольский, то здесь явно отсутствует общий архитектурный замысел: отдельные помещения просто пристроены друг к другу. Это один из самых примитивных способов возведения многокомнатных зданий не только в Золотой Орде, но и у многих других народов.

⁴⁹ Воронина 1950, 3–36.

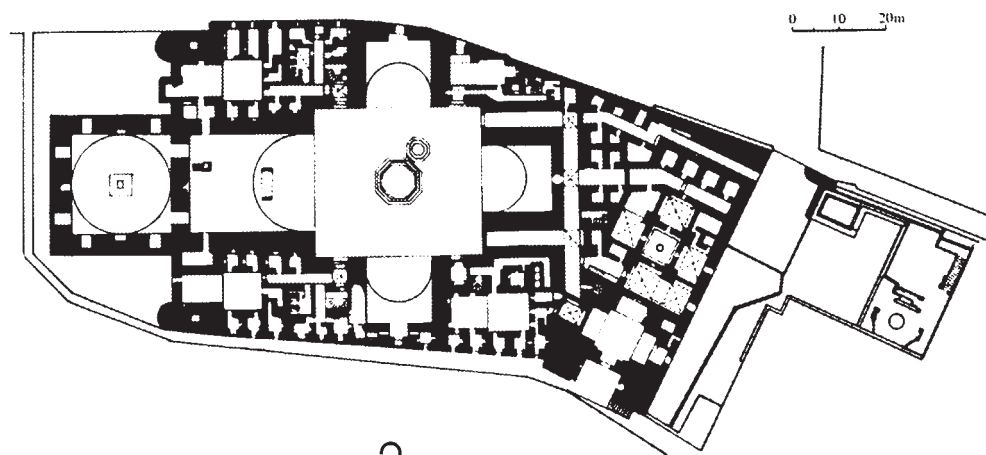
⁵⁰ Хмельницкий 1996, 294, 297.

⁵¹ Байпаков, Воякин 2007, 85–86, 164–165.

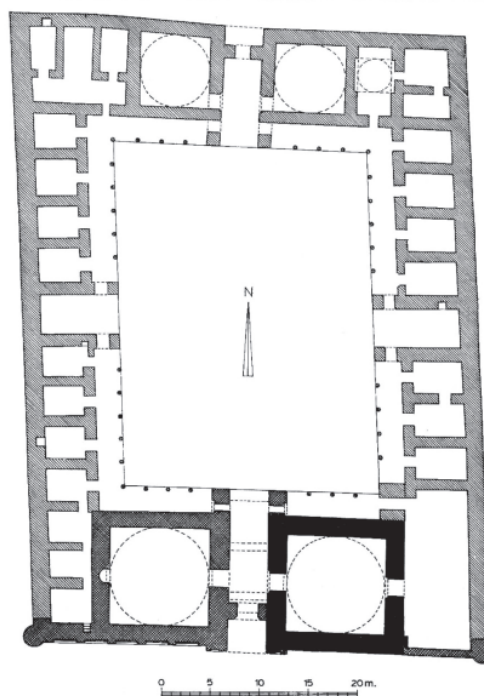
0 10м

1

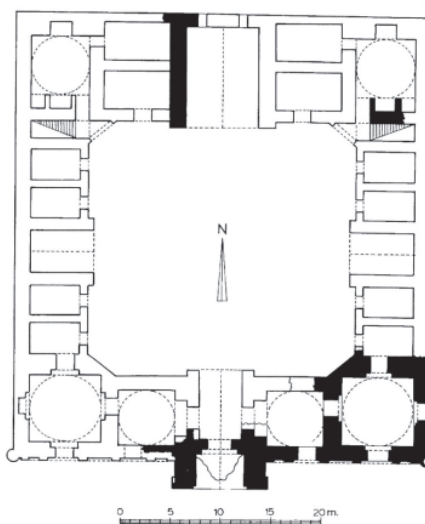

2

Рис. 1. Медресе Хорасана и Египта: 1 — в Рее; 2 — медресе султана Хасана в Каире (по Р. Хилленбрандту).

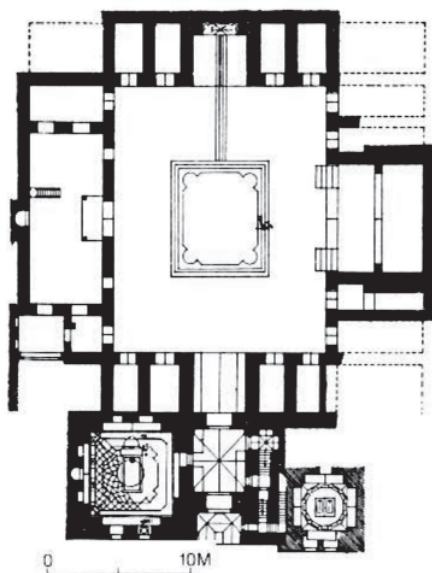

1

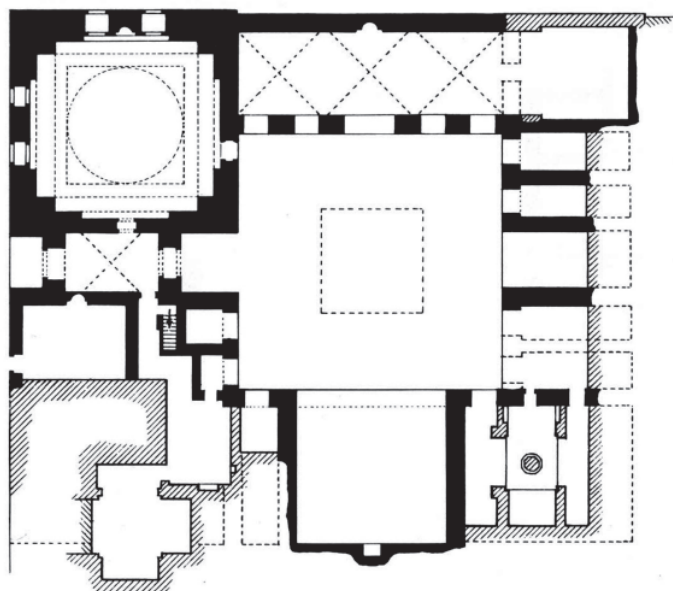

2

Рис. 2. Медресе Хорасана: 1 — Ходжа-Машад; 2 — Шахи-Машад (по С. Г. Хмельницкому).

1

2

Рис. 3. Медресе Сирии: 1 — Нур ад-Дина; 2 — Адиллия (по Р. Эттингхаузену и О. Грабару).

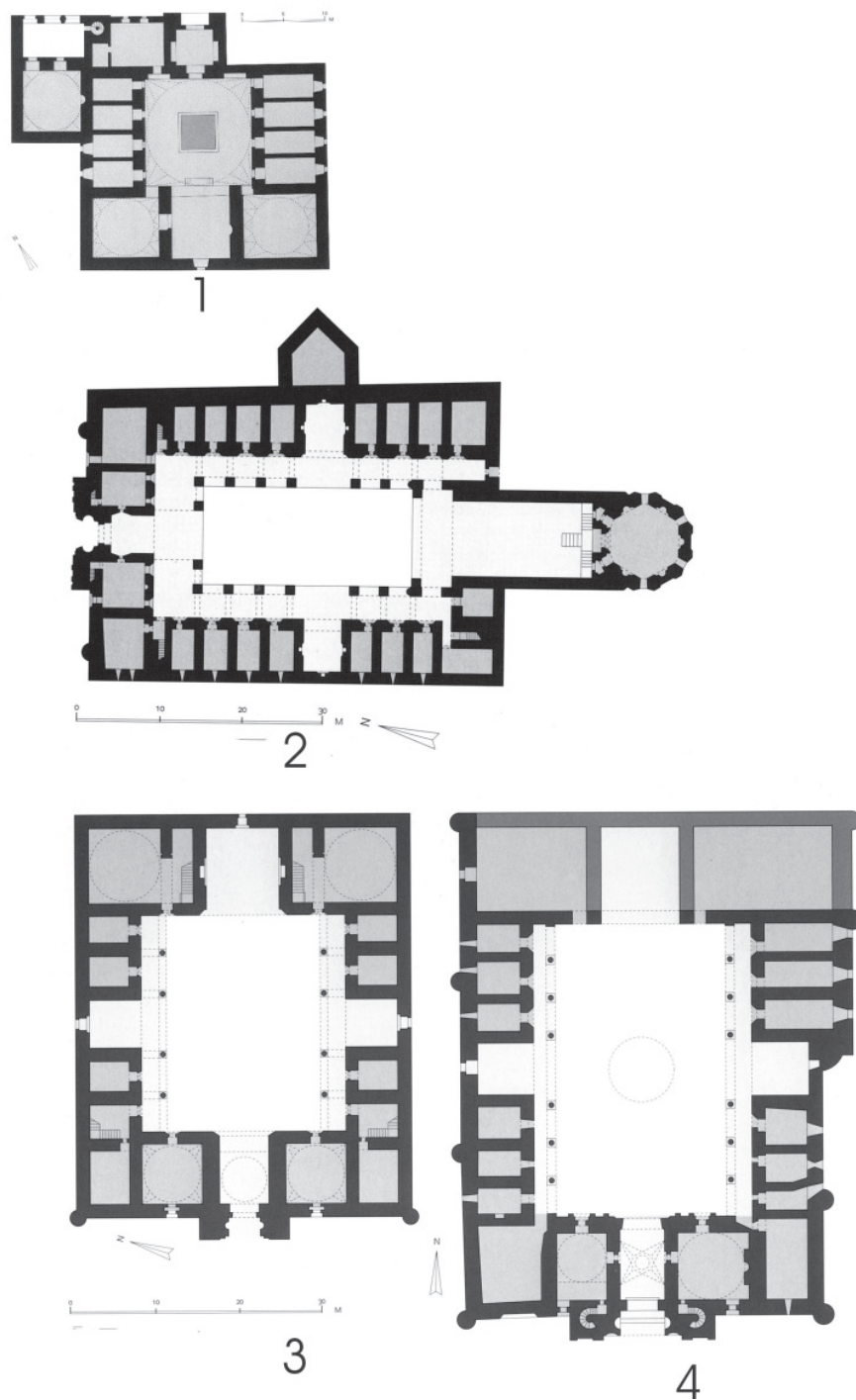

Рис. 4. Медресе Малой Азии: 1 — Индже Минаре в Конье; 2 — Чифте Минаре в Эрзеруме; 3 — Гёк-медресе в Сивасе; 4 — медресе Музаффара Борсийе в Сивасе (по Г. Стирлину).

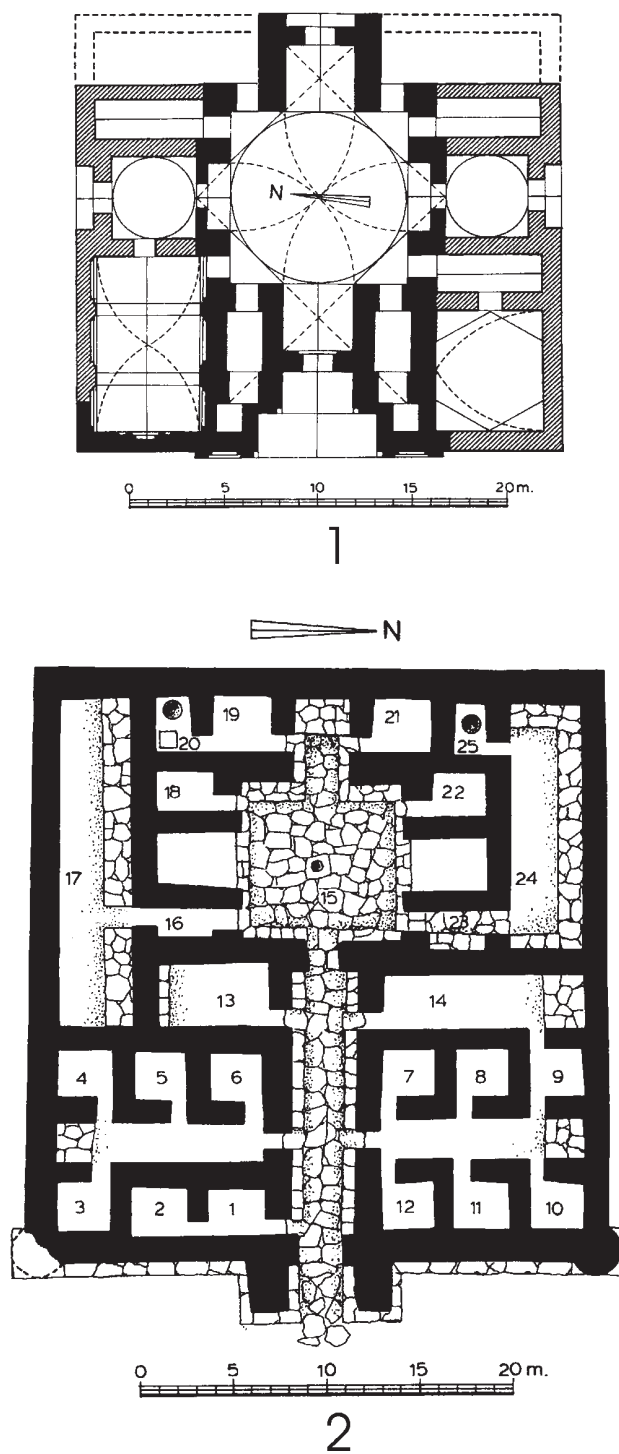

Рис. 5. Ханака Средней Азии: 1 — Султан-саадат; 2 — Таш-рабат (по С. Г. Хмельницкому).

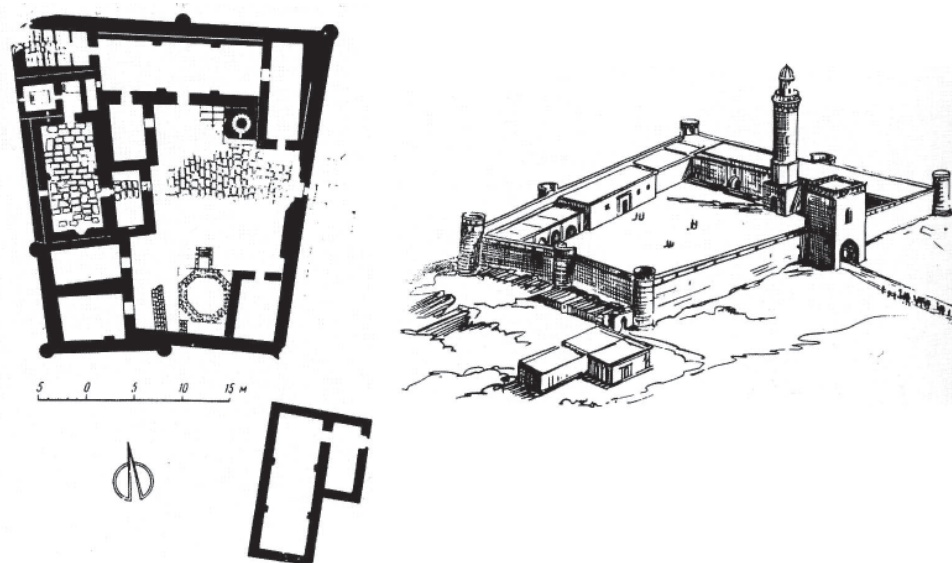

Рис. 6. Ханега на р. Пирсагат (по Л. С. Бретаницкому).

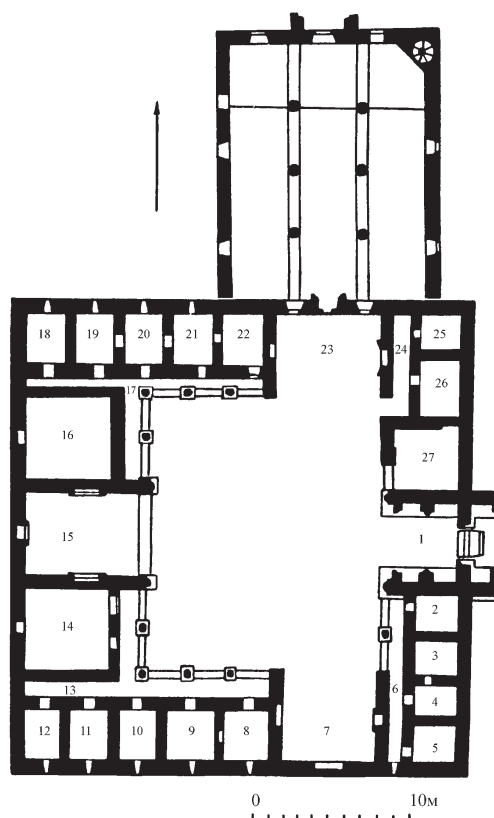

Рис. 7. Медресе Узбека в Солхате (по М. Г. Крамаровскому).

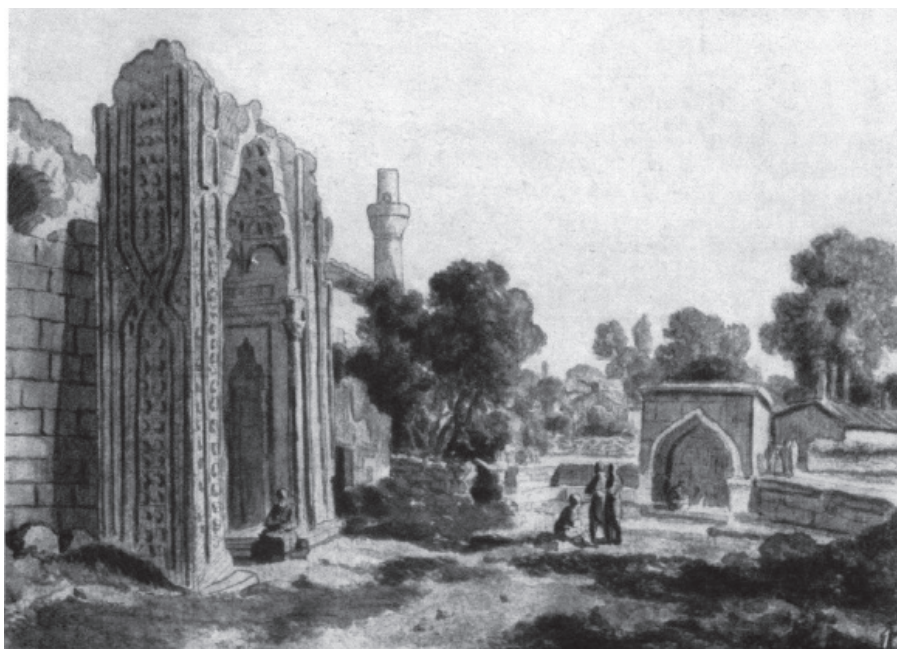

Рис. 8. Портал медресе Узбека (рис. М. М. Иванова).

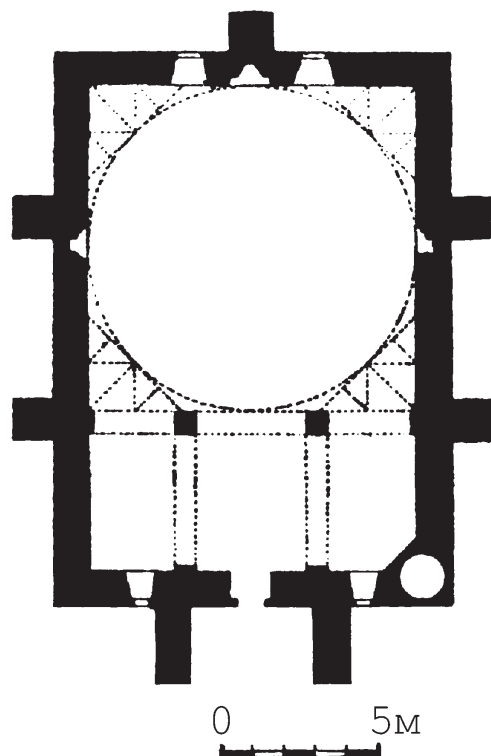

Рис. 9. Куршун-Джами (по А. С. Башкирову)

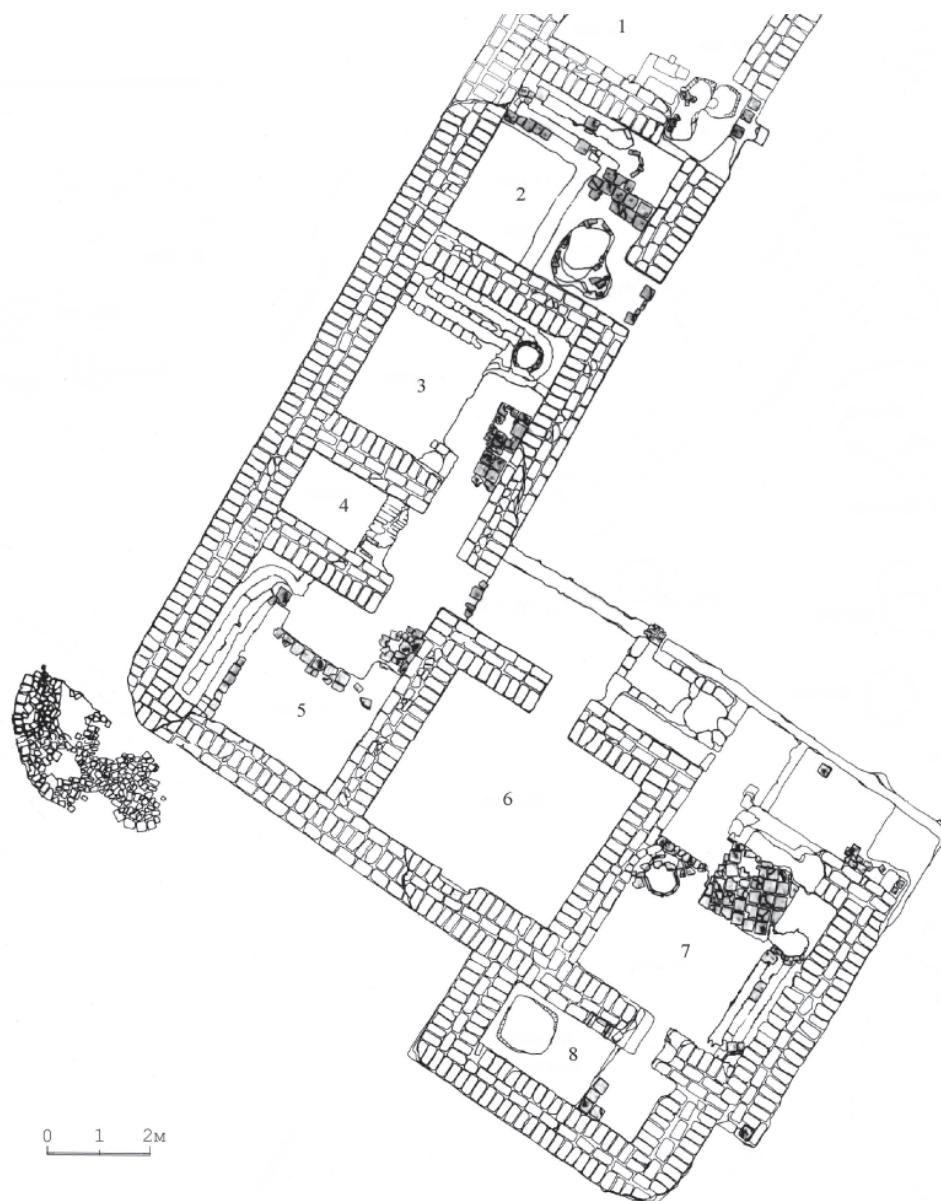

Рис. 10. Ханака или медресе Сарая.

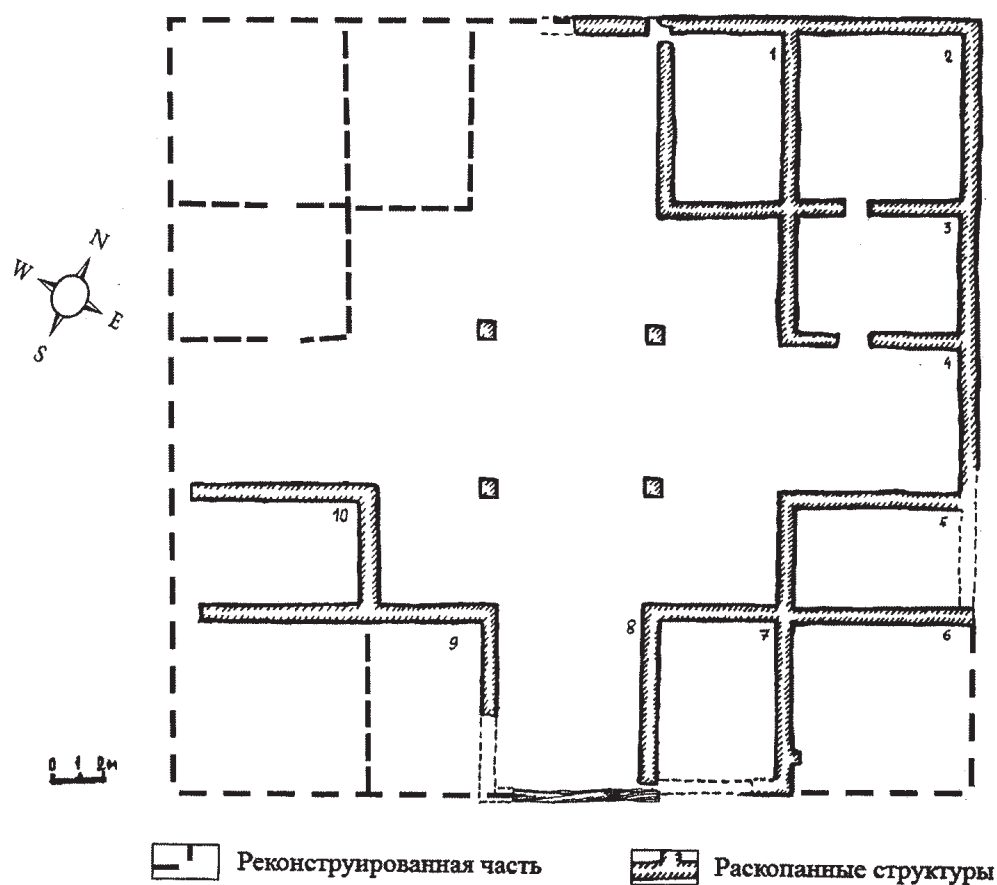

Рис. 11. Ханака Каялыка (по К. М. Байпакову и Д. А. Воякину).

ЛИТЕРАТУРА

- Ettinghausen R., Grabar O.* 1994: The Art and Architecture of Islam: 650–1250. N. Haven; L.
- Hillenbrand R.* 1994: Islamic Architecture. New York.
- Sarre Tr.* 1986: Rheise in Kleinasien. Berlin.
- Stierlin H.* 1998: Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln.
- Ünsal Benset* 1973: Turkish Islamik Architecture. Seldjuk to Ottoman. New York.
- Байпаков К. М., Воякин Д. А.* 2007: Средневековый город Каялык. Алматы.
- Башкиров А. С.* 1926: Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 2, 108–126.
- Башкиров А. С.* 1927: Художественные памятники Солхата // Крым. 1, 123–143.
- Большаков О. Г.* 1984: Средневековый город Ближнего Востока. М.
- Бороздин И. Н.* 1926: Солхат // Новый восток. 13–14, 271–301.
- Бороздин И. Н.* 1927: Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму // Новый восток. 16–17, 16–46.

- Бретаницкий Л. С.* 1966: Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М.
- Воронина В. Л.* 1950: Древняя строительная техника Средней Азии // АН. 3, 3–36.
- Зиливинская Э. Д.* 1998: Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья / Ю. А. Зеленеев, Г. А. Федоров-Давыдов (ред.). Йошкар-Ола, 16–37.
- Зиливинская Э. Д.* 2009: Золотая Орда как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archaeologia Abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Л. А. Беляев (ред.). М., 349–385.
- Кобищанов Ю. М. (ред.)* 2002: Очерки истории распространения исламской цивилизации Т. 1. От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания М.
- Крамаровский М. Г.* 2005: Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура / М. Б. Пиотровский (ред.). СПб., 13–173.
- Маньковская Л. Ю.* 1980: Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент.
- Павленко Ю. А.* 2001: К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 74–77.
- Плахов В. В.* 1989: Отчет о раскопках культового комплекса XIII века у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14194, 14195.
- Пугаченкова Г. А.* 1958: Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (Труды ЮТАКЭ). М.
- Тизенгаузен В.* 1884: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1973: Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г. А.* 1994: Золотоордынские города Поволжья. М.
- Федоров-Давыдов Г. А., Булатов Н. М., Егоров В. Л.* 1985: Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10766.
- Федоров-Давыдов Г. А., Егоров В. Л.* 1986: Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11755.
- Хмельницкий С.* 1992: Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига.
- Хмельницкий С.* 1996: Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–начала XIII вв. Часть I. Берлин; Рига.
- Якобсон А. Л.* 1964: Средневековый Крым. М.; Л.

MADRASAH AND KHANQAH IN THE GOLDEN HORDE (BASED ON WRITTEN SOURCES AND ARCHEOLOGICAL DATA)

E. D. Zilivinskaya

The article deals with higher educational institutions in Moslem countries, namely, madrasah and hostels for dervishes and pilgrims – khanqah (tekke). Written sources data testify that the Golden Horde had many institutions of the kind. But there is hardly any archeological evidence concerning the issue. The only building that can be positively assigned to madrasah is in Solkhat, the Crimea. It is built in Asia Minor construction traditions. A building of a ‘lead mosque’ that

was initially built as a tekke also survived in Solkhat. In Saraj, the Golden Horde capital, they studied the building that is undoubtedly connected with Islam and is either a khanqah or a madrasah. But its layout is not fully revealed yet. The complex of buildings by the mausoleum of the 13th c. in Nizhneye Povolzhye might also be a khanqah or zawiyah.

Key words: the Golden Horde, Islam, madrasah, khanqah, tekke, zawiyah, aulia, the Crimea, Nizhneye Povolzhye, Asia Minor, Middle East.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2011

Е. П. Вьюнник

ОПЕКУНЫ И ПОПЕЧИТЕЛИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВОВОГО ФУНКЦИОНАЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В КОНЦЕ XIX В.

(по материалам Центрального Черноземья)*

В статье рассматривается проблема призрения детей сирот в России в конце XIX в., когда закладывались традиции современной российской системы опеки. Опекунны и попечители являлись законными представителями несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, на них были возложены определенные права и обязанности. Опекунские обязанности заключались в защите личных и имущественных интересов сирот. Принципы, которыми руководствовались при назначении опекунов дворянского и крестьянского сословия, были различны. Причина кроется в имущественном положении представителей каждого сословия, в способах получения доходов и размерах расходов семей, разном уровне контроля над деятельностью крестьянских и дворянских опекунов со стороны опекунских органов. В связи с этим от личности опекуна-сельского обывателя в большей степени зависело благополучие сирот, чем от опекуна-дворянина.

Ключевые слова: опекуны и попечители, дети-сироты, сиротское имущество, попечение о личности и имуществе сирот.

Социально-экономические реформы, проводимые в России последние несколько десятилетий, отразились на общем положении семьи и эволюции мира детства. В законодательстве Российской Федерации определены правовые формы защиты личных и имущественных прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Одной из форм такой государственной защиты является система опеки и попечительства. Основные задачи, стоящие перед органами опеки и попечительства, заключаются в назначении опекунов к личности и имуществу сирот, выборе достойной кандидатуры, контроль за исполнением обязанностей опекунами. Тем не менее, законодатели и правоисполнители не всегда знакомы с богатым опытом института опеки и попечительства Российской империи, когда и закладывались традиции российской опеки над детьми-сиротами. В результате сложившейся к началу XX века законодательной базы обязанности опекуна охватывали несколько важнейших направлений деятельности: попе-

Вьюнник Елизавета Петровна — аспирантка исторического факультета БелГУ. E-mail: vjunnik@bsu.edu.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Государственный контракт № 14.740.11.0654 от 12 октября 2010 года.

чение о личности несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, и управление имуществом, состоящим под опекой.

Попечение над личностью оставшихся без родителей в конце XIX — начале XX вв. выражалось по российскому законодательству в перенесении на опекуна большинства прав и обязанностей, лежащих по закону на родителях. Опека имела своей целью восполнение недостатка в естественной семье. Организуемая наподобие семьи, она примыкала к семейному праву, поэтому опека над несовершеннолетним в Российской империи называлась опекою в порядке семейственном¹. Обязанности, приобретаемые опекунами, как и личные отношения, которые складывались в семье между родителями и детьми, регулировались скорее нравственными нормами, чем юридическими законами. Однако в отличие от опекунских права родителей были шире: родители обязаны были полностью содержать детей, в то время как деятельность опекуна охватывала охрану и увеличение уже принадлежащего сиротам имущества.

Опека и попечительство были тесно связаны друг с другом: в обоих случаях речь шла о лицах недееспособных или ограниченно дееспособных. Нормы, регулировавшие опеку и попечительство, излагались в одних и тех же законодательных актах, решением проблем сирот занимались одни и те же опекунские учреждения. Однако между опекой и попечительством существовали определенные различия: в связи с тем, что опеку назначали над дееспособными гражданами, опекуны осуществляли от их имени все юридические действия, попечитель же призван был лишь помогать своему подопечному. Попечительство дополняло опеку, по закону попечительство касалось только охраны имущества, а не самого человека. С четырнадцатилетнего возраста несовершеннолетний, оставшийся без попечения родителей, мог просить назначения себе попечителя. Опека переходила в попечительство по достижении несовершеннолетним семнадцатилетнего возраста, с этого момента он вступал в управление своим имуществом. Однако давать письменные обязательства, совершать сделки и распоряжаться капиталами несовершеннолетний мог только с согласия своих попечителей. Попечительство прекращалось при достижении сиротой совершеннолетнего возраста, которое по закону наступало с 21 года².

В конце XIX в. термин *сирота* употреблялся по отношению к несовершеннолетнему, оставшемуся без попечения одного или обоих родителей³. Таким образом, при одном живом родителе дети именовались малолетними или несовершеннолетними сиротами, отсюда говорили «живут при родной матери-опекунше». Анализируя опекунские дела Рылской дворянской опеки, можно сделать вывод, что опекунами в первую очередь становились матери сирот, в то время как в крестьянских семьях Центрального Черноземья опекуном становился человек, который, по мнению членов сельского общества, был наиболее подходящим кандидатом и мог добросовестно заботиться об имуществе сироты, или выбираемый опекун вместе с сиротой владел неразделенным имуществом. Можно привести несколько примеров неразделенного пользования имуществом: большая неразде-

¹ Шершеневич 1995, 354.

² Гончаров 2002, 70.

³ Даль 2008.

ленная семья, когда опекуном был выбран дед сирот⁴, ведение совместного хозяйства двух братьев, после смерти одного из них управляющим всем имуществом становился второй брат, который и был назначен опекуном к имуществу сирот⁵. Как правило, женщина, претендовавшая на должность опекуни к личности и имуществу сирот, становилась опекуней только в том случае, если хозяйство было раздельное, а для этого семья должна была быть разделенной — т. е. малой семьей, состоявшей из двух родителей и их детей⁶.

Несмотря на сословный характер института опеки и попечительства, процесс установления опеки для разных сословий был одинаков: в первую очередь назначался опекун, затем происходило описание сиротского имущества. Для попечения над сиротами сельского сословия опекун выбирался на сельском сходе в присутствии более двух третей членов сельского общества. Процедура назначения опеки в сельских обществах занимала определенное время от 9 до 40 дней со дня смерти родителя и состояла из нескольких этапов. Первый этап учреждения опеки состоял из назначения опекуна, которое происходило на сельском сходе; кандидатура опекуна предлагалась старостой. Исполнение опекунских обязанностей могло занимать у опекуна достаточно большое количество времени и сил, поэтому желающих стать опекунами было немного. В сельских обществах Курской губернии выборы также не были альтернативными, и однообщественники назначали опекуном предложенную сельским старостой кандидатуру. Бланк выписки из приговора о назначении опекуна и попечителя, подшивавшийся в опекунское дело, представляет собой унифицированную форму документа, напечатанную на типографском бланке Курского губернского правления № 29. Вверху бланка «выписки из книги приговоров о назначении опекуна» писарю необходимо было указать порядковый номер приговора, который был ему присвоен по книге «на записку приговоров». Часть информации, а именно формулировка приговора, была стационарной, уже напечатанной. Сельским писарем вносилась информация о дате приговора, названии сельского общества и его месторасположении (название губернии, волости, уезда и села), количестве сельских обывателей, присутствовавших на сходе, фамилии старосты. Далее в приговоре указывались фамилия и дата смерти крестьянина, имена и возраст сирот, после чего записывалось решение сельского схода, где указывались фамилия назначенного опекуна, в обязанности которого входило «попечение о личности и имуществе сироты». В конце приговора обязательно подписывались все присутствовавшие на сходе, отдельно после подписей содержалась дополнительная запись, с помощью которой староста подтверждал данную выписку: «действительно настоящий приговор на сельском сходе состоялся и в книгу на записку сельских приговоров под № 2 записан. В том и удостоверяю своей подписью»⁷. Уже в конце 80-х гг. XIX в., подтверждая приговор, староста не подписывался, а выписку закреплял собственной печатью.

Установления опеки над имуществом и личностью сирот дворянского сословия складывалось из нескольких этапов. В обязанности опека входило назначение опекуна, решение принималось постановлением на заседании и не требовало

⁴ ГАВО. Ф. 26. Оп. 29. Д. 54. Л. 67.

⁵ ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

⁶ ГАВО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁷ ГАВО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

согласия назначенного, последний мог просить разрешения отказаться от исполнения обязанностей опекуна. Дворянская опека снимала полномочия только после предоставления отчета о деятельности, отчет предоставлялся, даже если срок исполнения обязанностей был очень коротким. Вторым этапом была опись имущества, которая производилась одним из заседателей опеки. При составлении описи над имуществом покойного Африкана Сергеевича Ващинина присутствовали губернский секретарь П. М. Самойлов, отставной унтер-офицер Емельян Федорович Соев и крестьянин Дмитрий Макурин. Бланк описи представлял собой рукописный документ, содержащий наименования имущества, оценку этого имущества в денежном эквиваленте и роспись опекуны в принятии имущества. После составления описи имущества оценщики во главе с заседателем дворянской опеки обязаны были указать сумму чистого дохода, который может ежегодно приносить имущество сирот, это закреплялось отдельным документом, подшивавшимся в опекунское дело⁸. Расходы за выезд к месту и за составление описи имущества заседателем опеки возлагались на назначенного опекуна, поэтому назначенная опекунша Александра Александровна Вощинина уплатила губернскому секретарю П. М. Самойлову 3 руб. 80 коп. Опекунское дело содержит рапорт опекуны об оплате и расписка Самойлова о получении денег⁹.

Таким образом, при назначении опекунов в крестьянском и дворянском условиях Центрального Черноземья руководствовались совершенно разными принципами. Типичной являлась в рассматриваемом аспекте дворянская семья Курской губернии, состоявшая из двух родителей и их детей, которая не имела какого-либо коммерческого дела, основной ее доход состоял из жалованья, получаемого главой семейства за государственную службу, и небольшого дохода с поместья. Большинство рыльских дворян жили в городе, поэтому имели возможность сдавать наследственное имение и землю в аренду. Все вышеуказанные условия способствовали тому, что в среде рыльских дворян после смерти отца опекуншей над детьми становилась вдова — их родная мать, которая исполняла обязанности опекуны до тех пор, пока она не выходила вторично замуж. Отличная от дворянского сословия ситуация сложилась в среде сельских обывателей. Опекун должен был продолжать вести хозяйство, доставшееся сиротам после смерти отца, обрабатывать сиротский земельный надел, собирать и реализовывать урожай, поэтому опекуном на сельском сходе выбирали человека, который сможет добросовестно выполнять возложенные на него обязательства.

Опекун, стараясь как можно более полно восполнить недостаток сироты в семье, обязан был дать несовершеннолетним подобающее воспитание, отдать для получения образования в общественное училище. Опекун также мог отдать опекаемого на воспитание и получение необходимых знаний к людям «доброго и непорочного поведения» или избрать учителей. Для удовлетворения потребностей сироты опекун нанимал необходимых людей. Таким образом, по смыслу, заложенному в законодательстве, опекун обязан был приготовить малолетнего к жизни, сообразной его состоянию, «но всегда трудолюбивой, умеренной и безмятежной»¹⁰. Следует отметить, что в Рыльском уезде Курской губернии си-

⁸ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 6.

⁹ Там же. 7.

¹⁰ СЗРИ X, 1994, Ст. 263.

роты дворянского сословия получали образование соответствующее их статусу и потребностям. Опекунские дела служат свидетельством о местах обучения сирот, высшее образование несовершеннолетние, находящиеся под опекой, получали в столичных городах Санкт-Петербурге и Москве — в Гатчинском сиротском институте императора Николая I, Николаевском сиротском институте, располагавшемся в Москве, в Павловском институте в Санкт-Петербурге¹¹.

В процессе воспитания опекун был вправе требовать от малолетнего почтения и послушания. В случае непослушания опекун принимал домашние исправительные меры, в том числе мог наказывать подопечного. Для вступления в брак также требовалось согласие опекуна, наниматься на работы или в услужение несовершеннолетние могли только с разрешения опекуна. По уложению о земских учреждениях, опекуны участвовали за малолетних в выборах по земским учреждениям, — по 115 ст. IX т., опекун-отец был вправе участвовать вместо малолетнего в дворянских выборах. За принуждение к браку и за вовлечение детей в преступление опекуны подлежали такому же наказанию, как и родители¹².

Обязанности опекунов по управлению имуществом изложены в статьях 266–294 в Порядке семейственном Свода законов Российской империи¹³. Исполняя обязанности попечения об имуществе сирот, опекун являлся представителем интересов малолетнего. Руководствуясь в своей деятельности как требованиями закона, так и предписаниями и указаниями опекунских установлений, в предусмотренных законом случаях опекун обязан был не только сохранять имущество в целостности, но и по возможности увеличивать его. Опекун обязан был заботиться о том, чтобы имущество приносило доход, а расходы учитывали основные потребности сирот «без излишеств». Особое внимание опекун должен был уделять недвижимому имуществу сирот, которое необходимо было поддерживать в хорошем состоянии, для чего опекун вовремя производил ремонт. Опекун обязан был своевременно вносить повинности, лежащие на имуществе опекуна. Назначение управляющих и своевременная проверка их отчетов тоже входила в обязанности опекунов. В случае обнаружения злоупотреблений опекун имел право уволить со службы управляющего, даже если в завещании родителей было оговорено, что он должен исполнять свои обязанности бессменно¹⁴. Таким образом, основная задача, которая стояла перед опекуном при защите имущественных интересов сирот и была заложена в законодательстве Российской империи, заключалась в том, чтобы опекун использовал имущество малолетнего так, как использовал бы его настоящий хозяин.

После смерти отца — главы семейства осиротевшим детям по наследству передавалась часть имущества, ранее принадлежавшее семье и обеспечивавшее ее существование. Сиротское имущество сельских обывателей Курской губернии по стоимости могло быть разным, но в большем количестве случаев оно состояло из недвижимого имущества: усадебной и полевой земли, дома, хозяйственных построек, — и движимого имущества: домашнего скота и предметов, используемых в повседневной жизни. Существование сирот сельских обывателей напрямую за-

¹¹ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Дд. 987, 989, 991.

¹² Невзоров 1892, 185.

¹³ СЗРИ X, 1994, Ст. 266–294.

¹⁴ Невзоров 1892, 191.

висело от количества имущества, оставшегося после смерти одного или обоих родителей. Если семья, оставшаяся без кормильца, была зажиточной, то и количество сиротского имущества было значительным; общая стоимость сиротского имущества в нескольких из рассмотренных случаев равнялась 1000 руб. Ярким примером такой семьи является семья Горбачевых, к малолетним сиротам Григорию, Ксении и Евдокии опекуницей была назначена родная мать Анна Ивановна. Имущество по наследству перешло в пользование сына умершего Никандра Петрова Горбачева 21 года и трем малолетним внукам. Следует отметить, что опись была составлена всему имуществу умершего сельского обывателя, и оно не было разделено между наследниками, хотя сын уже был совершеннолетний. Опекуницей к имуществу стала мать сирот, в то время как опекуницей к их личности она уже была, став ею после смерти мужа и отца детей — Павла Никандровича. Стоимость, в которую было оценено недвижимое имущество, представленное земельным наделом, крестьянскою усадьбою и хозяйственными постройками, равнялась 220 руб. Это значительная сумма для крестьянских хозяйств Курской губернии. Высокая денежная сумма, в которую была оценена стоимость недвижимого имущества, определялась большим количеством строений и их хорошей сохранностью. Средства передвижения семьи Горбачевых тоже были многочисленны: 3 повозки, тарантас, сани-козыри, были оценены в 70 руб., а это стоимость хорошего жилого крестьянского дома. Наличие такого количества повозок говорит в первую очередь об активном пользовании земельным наделом, т. е. о необходимости перевозки с поля большого количества собранного урожая, а во-вторых, о необходимости передвижения членов семьи. Сельскохозяйственные орудия составляли две пахотные сохи и две жестяные бороны. Уровень жизни крестьянской семьи зависел также от количества домашнего скота в хозяйстве. Особую ценность представляли лошади, без которых невозможно было полноценно обрабатывать землю. В зажиточной семье Горбачевых было 5 лошадей общей стоимостью на 240 рублей. Поголовье скота, передаваемого в опеку, было значительным, т. к. кроме лошадей к имуществу сирот принадлежали 3 коровы — 75 руб., теленок — 5 руб., 22 овцы — 66 руб., поросенок — 2 руб. и 35 курей — 3 руб. 50 коп. Количество собранного урожая ржи, пшена и конопли, передаваемого в управление опекуна, было оценено в 52 руб. 50 коп.¹⁵ Таким образом, доход в семье Горбачевых складывался не только из землепользования, но и из использования домашнего скота, свидетельством чему является большое его количество в хозяйстве.

Такое количество имущества, передаваемое в опекунское управление, не было характерным для сельских обывателей Курской губернии; обычно его размер был меньшим и, как правило, не превышал 400 руб. Имущество сирот сельских обывателей состояло из самого необходимого для существования: недвижимого имущества, домашнего скота, предметов повседневного обихода, сельскохозяйственных инструментов, а в некоторых случаях верхней зимней одежды. В имущество, передаваемое в опекунское управление, могли также входить верстак для плотничества и точильный станок общей стоимостью. Размер стоимости имущества сирот сельских обывателей колебался от количества самого имущества и от его сохранности. Так, деревянная изба с садом, внесенная в опись имущества сироты

¹⁵ ГАБО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

Марии Кривошеевой, была оценена всего в 40 руб., т. е. ее стоимость была в два раза меньше стоимости избы зажиточной семьи Горбачевых¹⁶.

В фондах Курского и Воронежского архивов сохранилось крайне мало опекунских дел представителей дворянского сословия. В то же время анализ опекунской документации позволяет сделать вывод о том, что количество и размер передаваемого в опекунское управление имущества дворянских сирот были совершенно разными.

Общая денежная сумма, в которую было оценено имущество дворянских сирот Ксении и Варвары Поповкиных, равнялась 2165 руб., т. е. при разделе имущества обе сироты должны получить по 721 руб. Большую часть из этой суммы составляла стоимость земельного участка, площадь которого равнялась 2 тыс. сажень — 2 тыс. руб. Остальная сумма, в которую было оценено имущество, складывалась из стоимости дома — 100 руб., мебели — 15 руб., коровы — 15 руб. Качество дома и его сохранность были не очень хорошими, в описи дана краткая характеристика постройки — «дом старый деревянный, крытый соломой». Годовой доход с имения сирот, который был установлен поверенными присутствовавшими при описи, равнялся 66 руб. Таким образом, основная стоимость имущества складывалась из стоимости земли, основной годовой доход сирот зависел также от сдачи земли в аренду¹⁷.

Примером, когда в опекунское управление передавалось крайне малое количество сиротского имущества, является дворянская семья Бырдиных, опекуншей к сиротам и их имуществу была назначена родная мать сирот — Татьяна Федоровна. Имущество, передаваемое в опекунское управление, заключалось в усадебном месте и хозяйственных постройках на улице Дублянской в первой части г. Рыльска Курской губернии. Общая стоимость, в которую было оценено имущество сирот Бырдиных, составляла 100 руб., а сумма годового дохода равнялась 12 руб. Стоимость дома была крайне низкой — 30 руб., хотя дом был пригоден для проживания, о чем свидетельствует информация: «дом был с полами и потолками, окнами и дверьми». Низкая цена дома, которая была в несколько раз меньше, чем стоимость крестьянских усадеб, передаваемых в опеку, сложилась в результате того, что сам дом был крайне непритязательный: построенный из дерева и крытый деревом, он состоял из трех комнат и сенец. Следует отметить, что к этому имуществу выступало семь наследников: вдова, один совершеннолетний сын умершего Бырдина и пять малолетних сирот, денежная доля каждого составляла 14 руб. От умершего Бырдина наследники получили 4 долговых обязательства: первый займ был сделан в 1893 г., два следующих — в 1898 г. — и последний в 1900. Сумма долговых обязательств оставляла 295 р., из которых 125 р. были уже уплачены, т. е. превышала стоимость, в которую было оценено сиротское имущество, более чем в 1,5 раза¹⁸.

Если имущество сирот состояло из денежных капиталов, опекун вносил их в кредитные учреждения для получения ежегодной прибыли в виде процентов. Капиталы сирот также можно было давать в займы частным лицам под залоги или векселя или обращать их в процентные бумаги. По действующего законодатель-

¹⁶ ГАБО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 296. Л. 3.

¹⁷ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 991. Л. 6.

¹⁸ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 989. Л. 3.

ству опекун не мог брать деньги малолетних в заем, так же как и не мог совершать сделки с малолетним, потому что это бы ставило малолетнего в безвыходное положение, подвергая его риску быть ограбленным со стороны опекуна, бросало бы тень подозрения даже на добросовестного опекуна. Изымать капиталы малолетнего из кредитных учреждений для того, чтобы вложить их в какое-либо дело или предприятие, опекун мог при соблюдении порядка, установленного в 268 статье 1 части X тома,, т. е. после того как в Государственный банк поступали требования дворянских опеков или сиротских судов, признанные уважительными и утвержденные губернатором. Опекун должен был получать с кредиторов долги, принимать необходимые к неплательщикам меры. Он также должен был заботиться о своевременном внесении долгов малолетнего, не допуская продажи имущества с торгов. Получив разрешение опекунского учреждения, опекун имел право давать сиротские деньги в долг, брать же деньги в долг под залог сиротского имения опекун может только с разрешения Сената¹⁹.

По вопросу о праве опекуна получать проценты с капиталов, хранящихся в кредитных учреждениях, в решениях Сената отмечалось колебание. Так, в 1857 г. по второму департаменту Сенат находил, что опекуны могут получать проценты на пристойное содержание малолетних, а в 1856 г., рассматривая ситуацию, возникшую в деревне Ракова, четвертый департамент Сената полагал, что опекуны могут получить проценты лишь в случае разрешения опекунского учреждения, что это необходимо для воспитания и содержания подопечного или для платежа казенных и частных долгов, на покрытие которых не хватает других доходов²⁰.

Раздел наследства, который должен был производиться при необходимости, производился опекунами под наблюдением опекунских установлений и после утверждения Соединенной Палаты или Окружного Суда. Согласие или несогласие на принятие наследства обязаны были за малолетних извлекать опекуны²¹. В практике опекунских учреждений Курской губернии процедуры раздела имущества между наследниками встречено не было. Анализ опекунских дел как дворянского сословия, так и сельских обывателей Центрального Черноземья показывает, что раздела имущества между наследниками до наступления совершеннолетия всех сирот не производилось.

Сделки с имуществом подопечного, заключаемые опекуном, имели законную силу и носили обязательный характер для сироты. В Своде законов Российской империи не встречаются положительные и прямые указания о сдаче в арендное пользование имущества подопечного. Между тем в судебной практике не раз возбуждался вопрос о праве опекуна отдавать в наем опекаемое имение, и Сенат каждый раз решал вопрос утвердительно²². Из рассмотренных опекунских дел Курской губернии видно, что в имущество сирот входило недвижимое имущество — земля, дом и хозяйственные постройки, а также предметы быта и редко — домашний скот. Таким образом, годовой доход сирот должен бы складываться из использования этого имущества. В рассмотренных опекунских делах, где в сирот-

¹⁹ СЗРИ X, 1994, Ст. 267–268.

²⁰ Невзоров 1892, 197.

²¹ СЗРИ X, 1994, Ст. 1257.

²² Невзоров 1892, 197–198.

ское имущество входил земельный участок, опекунами практиковалась его сдача в аренду, а арендаторами становились зажиточные крестьяне. Семья дворян Вошнинных располагала земельным участком, находившимся возле дер. Гниловки Рыльского уезда Курской губернии, его размер составлял 24,5 десятин удобной земли. Договор об аренде, заключенный между опекуном и арендаторами, был внесен в опекунское дело, из него мы можем проследить условия сдачи земли в аренду. Арендаторами выступали два сельских обывателя, срок аренды устанавливался на 3 года. Сделку с имуществом несовершеннолетних сирот совершал их опекун — дядя по отцовской линии, статский советник Михаил Сергеевич Вошнин. В договоре обязательно указывались имена сирот, которым принадлежало имущество, месторасположение сдаваемой в аренду земли. Земля сирот Вошнинных располагалась в Рыльском уезде Курской губернии в Пегиевой даче и состояла из 7 частей, в договоре содержалось описание частей и расположение каждой. Стоимость аренды каждой десятины составляло 5 руб. 30 коп., т. е. общая стоимость арендной платы в год равнялась 185 руб. 40 коп. В договоре было указание «по примеру предыдущих 6 лет», что свидетельствует, во-первых, о том, что земля уже на протяжении нескольких лет сдавалась в аренду, и первый арендный договор заключал еще глава семейства Африкан Сергеевич Вошнин, во-вторых, что арендная стоимость не менялась в течение шести лет и не должна была измениться еще в течение трех. В договоре также устанавливался процесс внесения арендной платы. Установленная сумма ежегодной арендной платы разбивалась на две половины, каждая из которых вносилась раз в полгода как аванс за следующие полгода. Срок уплаты был установлен 20 апреля и 20 октября. Штраф в случае неуплаты в назначенный срок равнялся сумме арендной платы, увеличенной вдвое. Крайним случаем, который мог возникнуть при несоблюдении арендного договора сельскими обывателями, было одностороннее со стороны опекуна расторжение договора — «принять в свое заведывание поименованную землю». После определения стоимости и сроков уплаты в договоре устанавливались условия землепользования. Сельские обыватели обязаны были не истощать арендованную землю и не изменять трехпольный севооборот. Важным являлось условие возвращения земельного участка в том виде, в котором он был нанят в аренду. Перед первым трехгодичным арендным контрактом 20 апреля 1896 г. озимый клин был наполовину засеян рожью, то есть в конце 1905 г. озимый клин также должен быть засеян, а собранный урожай арендаторы были обязаны разделить на 2 половины и доставить на собственных подводах, «куда укажет опекун». Штраф за несоблюдение условий землепользования составлял удвоенную сумму ежегодного платежа, также опекун по условиям договора имел право забрать собранный урожай в собственное пользование «без суда». Договор подписывался опекуном и крестьянами-арендаторами, волостным старшиной и писарем, скреплялся гербовой печатью, на нем содержались гербовые марки на сумму 2 руб. 40 коп.²³

Опекун, обладая достаточной свободой в праве пользования имуществом малолетнего в интересах последнего, был значительно стеснен в праве распоряжения имуществом. Для того чтобы продать имущество, опекуну необходимо было получить разрешение от опекунского учреждения. О необходимости про-

²³ ГАКО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 987. Л. 195.

даже опекун сообщал тому опекунскому учреждению, которым он был назначен к исполнению обязанностей. После сообщения дворянской опеке или сиротскому суду через губернатора вместе с рапортом последнего ходатайство поступало в Сенат²⁴. Причины, по которым опекун мог ходатайствовать о продаже имущества, могли быть следующими: строения пришли в ветхость и непригодность для проживания; в случае, если расход на содержание имения значительно превышал получаемый от него доход; если нужно было произвести раздел имущества с сонаследниками; в случае, когда было необходимо заплатить долги, доставшиеся малолетнему по наследству, а других источников к их исполнению не было²⁵.

Продажа ценного имущества, не подверженного тлению, движимых вещей допускалась для уплаты наследственных долгов, для покрытия расходов на содержание малолетнего и в случае, если благородные металлы и драгоценные камни были товаром наследодателя. Разрешение Сената на продажу имущества требовалось только в том случае, когда продажа совершалась добровольно, за исключением тех случаев, когда в самом завещании сделано распоряжение о необходимости продать имение, а деньги разделить между наследниками. В случае же публичной продажи с торгов в исполнении судебных решений или вследствие просрочки платежей по залогу в кредитное учреждение разрешение Сената не требовалось²⁶.

Опекунские учреждения не имели права лично представлять интересы малолетнего на суде, представлять интересы опекаемого на суде мог только опекун. Опекун мог выступать на суде как в качестве ответчика, так и в качестве самостоятельного истца, то есть на праве тяжущейся стороны. К таким опекунам, на основании 9 и 10 статей Уст. Гр. Суд., применялись в случае отсутствия специальных правил, постановления об опеке в порядке семейственном²⁷.

Опекуны и попечители как субъекты правового функционализма в отношении детей-сирот в Российской империи имели установленные законодательством права и обязанности. На опекуна возлагалось достаточно большое количество обязанностей, т. к. он должен был восполнить недостаток сироты в естественной семье, распоряжаться имуществом малолетнего как рачительный хозяин, оберегая его и по возможности увеличивая. Опекунские органы при производстве назначения опекунов для несовершеннолетних сирот обязаны были опираться на те требования, которые были выдвинуты законодательством в Порядке Семейственном к личности опекуна. Однако принципы, которыми руководствовались при назначении опекунов в крестьянском и дворянском сословиях, были различны. В дворянской семье опекунами в первую очередь становились вдовы — матери сирот. Они принимали по описи сиротское имущество, продолжая жить вместе с детьми в том же доме. Основной доход семьи не зависел от деятельности опекуна и складывался из нескольких доходных статей — платы за отдачу недвижимого имущества, оставшегося после смерти главы семейства, в аренду и пенсию за государственную службу умершего дворянина, получаемую его вдовой. Благополучие сирот сельских обывателей напрямую зависело от количества оставшегося имущества и личности опекуна, т. к. теперь именно он должен был стать во главе

²⁴ Невзоров 1892, 192.

²⁵ СЗРИ X, 1994, Ст. 277.

²⁶ Невзоров 1892, 193.

²⁷ Герман 1915, 8.

хозяйства, если не лично обрабатывая землю, то помогая сиротам в других хозяйственных вопросах.

ЛИТЕРАТУРА

- Гончаров Ю. М.* 2002: Городская семья второй половины XIX — начала XX вв. М.
Даль В. И. 2008: Толковый словарь живого великорусского языка. М.
Невзоров М. И. 1891: Опекa над несовершеннолетними. Ревель.
Герман И. Я. (сост.) 1915: К вопросу об имуществе, составленное в опекуном управлении, с Сенатскими разъяснениями. М.
Шершеневич Г. Ф. 1995: Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.
СЗРП. Т. X. 1994. М.

GUARDIANS AND TRUSTEES AS LEGAL FUNCTIONALISM SUBJECTS IN REGARD TO ORPHAN CHILDREN IN THE LATE 19th CENTURY (BASED ON CENTRAL BLACK EARTH REGION DATA)

Ye. P. V'unik

The article deals with public assistance to orphan children in Russia in the late 19th c. when a foundation for the contemporary trusteeship was laid. Guardians and trustees, who had certain rights and duties, were legal representatives of underage children left without parental care. Guardian duties consisted in safeguarding personal interests and property rights of orphans. There were different principles behind appointing guardians from nobility and peasantry because of their different property status, different sources of income, different expenses, and different control of noble and peasant guardians by trustee boards. Consequently, the orphans depended more on countryman guardian than on nobleman guardian for their well-being.

Key words: Russian history, guardians and trustees, orphan children, orphan's property, safeguarding orphans and their property.

© 2011

О. Ю. Стародубова

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ): ОБРАЗ ВНЕШНЕГО ВРАГА

В 1940-е годы внешнеполитические обстоятельства потребовали от власти пересмотра истории Первой мировой войны в рамках патриотической тенденции. Примером героизма русской армии стал Брусиловский прорыв, который удачно вписался в пропагандистский канон как яркая иллюстрация солдатского героизма. В этой связи произошли значительные изменения в изображении врага. Он был представлен германскими и австро-венгерскими армиями и трактовался писателями как могущественный и опасный противник. При создании образа внешнего врага писатели использовали историческую документацию и личные воспоминания от встречи в врагом.

Ключевые слова: Брусиловский прорыв, художественная литература, советская пропаганда.

В довоенное время тема Первой мировой войны была востребована советскими писателями. Содержание произведений во многом зависело от международной конъюнктуры. Быстро меняющаяся внешнеполитическая ситуация расставляла свои акценты в изображение темы. Международная ситуация, сложившаяся с началом Великой Отечественной войны, потребовала от власти в короткие сроки найти средства и механизмы внедрения идеологических установок, способных объединить и мобилизовать советское общество для борьбы с внешней опасностью. Возникла острая необходимость напомнить советскому народу о прошлых победах над германской армией, вследствие чего по-новому зазвучала и приобрела актуальность тема Первой мировой войны как последнего русско-германского противостояния.

С началом Великой Отечественной войны произошли значительные изменения в изображении врага. Они были вызваны резкой сменой акцентов, вызванных современными реалиями. Созданный «коминтерновский» образ противника, который был актуален в довоенной литературе, в первые дни Великой Отечественной войны не выдержал испытания на достоверность. Его несостоятельность обернулась разочарованием и шоком, что потребовало изменить пропагандистские каноны в сторону воспитания и поощрения ненависти к фашистским захватчикам, вследствие чего власть посчитала необходимым напомнить советскому народу о прошлых победах над германской армией. Особую актуальность приобрела тема Брусиловского прорыва, который подавался пропагандой как событие мирового значения, сорвавшее планы центральных империалистических держав. Данная военная операция удачно вписалась в рамки внешнеполитического курса: с одной стороны, она демонстрировала героизм русской армии, а с другой — раскрывала личность «автора» прорыва генерала А. А. Брусилова. Однако осуществление

Стародубова Олеся Юрьевна — старший преподаватель кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: starodubova_olesya@mail.ru.

данной военной операции было невозможно без наличия внешнего врага. Угроза порабощения иначе окрашивала давнишнего противника. Произошел перенос образа фашиста на союзнические армии так называемого Германского блока.

Первыми к теме Брусиловского прорыва приступили драматурги И. Л. Сельвинский, И. В. Бахтерев и А. В. Разумовский. В рамках государственного заказа И. Сельвинский создал свое первое произведение в прозе — пьесу «Генерал Брусилов». Драма была окончена в конце 1942 года. В этом же году работу над пьесой «Русский генерал» начали драматурги И. Бахтерев и А. Разумовский. Параллельно с драматургами работу начали писатели-прозаики. Результатом проработки темы стал роман С. Н. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв», который на всем протяжении войны пользовался популярностью на фронте и в тылу. Успех романа подтолкнул писателя к созданию пьесы об А. Брусилове. Осенью 1942 года в редакцию журнала «Знамя» была прислана рукопись романа А. Н. Степанова «Бои под Луцком». В 1943 г. к личности Брусилова обратился писатель Ю. Л. Слезкин.

С началом Великой Отечественной войны в качестве ориентира трактовки образа врага Отделом пропаганды и агитации был санкционирован выпуск брошюр о героическом противостоянии русского народа немецким завоевателям¹. Данные издания печатались во всех функционировавших в стране издательствах. В брошюрах была представлена историческая ретроспектива борьбы с германскими агрессорами, начиная с Древней Руси и заканчивая Первой мировой войной. Ключевым событием империалистического конфликта был избран Брусиловский прорыв. При раскрытии данной темы в угоду современным реалиям основной акцент был сделан на изображении немцев. Армию, противостоящую Юго-Западному фронту, называли не иначе как австро-германская. Основанием для этого стало утверждение, что по военным характеристикам австро-венгерская армия была слаба и неспособна к ведению серьезных боевых действий, поэтому доминирующее положение в войсках союзника занимали германские соединения, которые были внедрены в австро-венгерскую армию для её прочности. Австро-германский противник был жесток и коварен. Данное положение было растиражировано в пропагандистских брошюрах и статьях, посвященных этому событию. Складывающуюся концепцию изображения врага органично дополняли опубликованные воспоминания главнокомандующего Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова. Работая над воспоминаниями в середине 1920-х годов, он не переставал видеть в Германии потенциального врага и говорил о неизбежности скорого военного столкновения с ней. Гогенцоллернов и немецкое правительство Брусилов считал непримиримыми врагами своей Родины и своего народа, не отступающих от идеи во что бы то ни стало подчинить себе Россию. Антигерманские пассажи Брусилова были взяты на вооружения советской пропагандой².

¹ Когда и как русский народ бил германских захватчиков (В помощь пропагандисту и агитатору). 1941. Текст данной брошюры был опубликован в Вологодском, Красноярском, Мордовском, Омском, Свердловском и Калмыцком издательствах.

² Предсказывая очередное военное столкновение с германской армией, Брусилов все же в воспоминаниях подчеркивал свое уважение к немецкому народу и его армии: «Но я всегда говорил, — писал он в своих мемуарах, — и заявляю это печатно: немецкий народ и его армия показали такой пример поразительной энергии, стойкости, силы патриотизма, храбрости, выдержки, дисциплины и умения умирать за свое отечество, что не приклониться перед ними я, как воин, не могу. Они дрались как львы против всего мира, и сила духа их поразительна. Немецкий солдат,

Героические усилия русской армии в Брусиловском прорыве очерчиваются качественными характеристиками побежденного противника. Диапазон врагов в произведениях, посвященных данному событию, был многолик. Во-первых, армии Юго-Западного фронта противостояли внешнему врагу, который был представлен германской и австро-венгерской армиями, возглавляемыми немецкими и австрийскими военачальниками, а также генералитетом и пленными австрийскими офицерами. Во-вторых, приходилось сдерживать удар «внешнего врага» — предателей и заговорщиков, притаившихся в военных штабах и в тылу русской армии.

В драме Сельвинского «Генерал Брусилов» противником русских войск была германская армия. Данный факт противоречил историческим реалиям, но усиливал эффект восприятия и аналогии с современным врагом. Противник был знаком Сельвинскому задолго до событий 1941–1945 годов. Еще в Гражданскую войну, во время боев за Перекоп, автор драмы имел опыт общения с немецкими армиями. Исходя из показа полководческого таланта Брусилова и учитывая специфику пьесы как литературного произведения, Сельвинский показал образ внешнего врага через противостояние двух военных доктрин — русской и немецкой. Представителем последней был начальник штаба Восточного фронта германской армии Людендорф. Данный персонаж выписан автором с особой выразительностью. Посредством его мыслей и поступков драматург дает возможность читателю представить силу, мощь, жестокость и беспощадность противника. В пьесе германский генерал получился одиозным и хищным. Он хитер, жесток и коварен, с легкостью расправляется не только с противниками, но и с неугодными подчиненными. Исполнителями военных планов начальника штаба Восточного фронта были немецкие генералы Линзинген и Лихновский, которые послушно и своевременно выполняли его приказы. Для расчетливого и предусмотрительного Людендорфа успех наступления русских армий стал полной неожиданностью. Уверенный в нежелании командующих фронтами вести наступательные действия против неприятельских войск во время Брусиловского прорыва, он утратил бдительность и недооценил противника. Неуязвимый Людендорф потерял уравновешенность, натолкнувшись на упорное сопротивление русских войск. *«Идут, идут! О, фанатики наступления!»*³ — восклицал взбешенный Людендорф. В разгар наступления армий Юго-Западного фронта в слова начальника немецкого генерала драматург вложил специфику побед, своеобразное ноу-хау русского народа. Героические действия русской армии показали прославленному немецкому генералу, что русская душа способна преподнести еще немало сюрпризов. Данное обстоятельство способствовало тому, что противостояние русской и немецкой доктрин закончилось провалом последней.

Поскольку практически единственными фигурантами в пьесе является русский генералитет как носитель русской военной мысли, то именно его Сельвинский наделил оценочными характеристиками противника. Из уст персонажей русского высшего командования читателю становится известно, что Юго-Западному фронту противостояла многочисленная, хорошо оснащенная германская армия.

следовательно народ, достоин всеобщего уважения» (Брусилов 2002, 94.). Данный фрагмент был изъят из изданий 1941 и 1943 гг. и восстановлен только в публикации 2002 года.

³ Сельвинский 1943, 110.

Тем не менее, несмотря на численное превосходство противника, русские войска, руководимые талантливым полководцем *Брусиловым*, громили ненавистного врага.

После выхода в свет пьесы Сельвинского драматургам Бахтереву и Разумовскому в свою очередь пришлось дорабатывать пьесу, избегая сюжетных повторов с произведением коллеги. Результатом стала скупость в изображении военного противника. Внешний враг в пьесе был представлен достаточно однородно и невыразительно. Драматурги не нашли ничего нового и оригинального в усилении вражеских персонажей. Единственным фигурантом в пьесе «Русский генерал» был немецкий авиатор, которого поймали разведчики Юго-Западного фронта. На устроенном допросе пленный держался вызывающе и пребывал в полной уверенности в непобедимости германской армии: «*Вам, руссен, будет капут*»⁴. Как и Сельвинский, драматурги нарушили историческую достоверность и зачислили русской армии в противники немцев, а не австро-венгров. В отличие от пьесы Сельвинского в работе драматургов со слов русского армейского командования сообщалось о хитрости врага. «*Они заманивают нас в ловушку, — предупреждал командующий 8-й армией Юго-Западного фронта генерал Бравко-Самошников*»⁵. Во время столкновений с русской армией противник проявлял стойкость и с неохотой отступал с занимаемых позиций: «*А на флангах немцы умирают, а не отходят, — констатировал Бравко-Самошников*»⁶. Выносливый противник во время боев с русской армией оказывал отчаянное сопротивление и был повержен благодаря бесстрашию и отваге русского солдата.

В более выгодном положении, нежели драматурги, оказались писатели прозаики. Масштабность произведений позволила им более ярко и детально выписать образ внешнего врага. Однако следует отметить, что при работе над образом не все писатели были в равном положении. Эмоциональность восприятия текущего момента, удаленность от исторических источников, дефицит периодической печати сказались и на изображении внешнего противника периода брусилковского наступления.

Первым к работе над прозаическим произведением о Брусиловском прорыве приступил писатель Степанов. Будучи участником боев за Ковель летом 1916 года, он не понаслышке знал о силе и оснащении врага. Писатель, осведомленный о превосходстве германской армии над союзниками, воспринимал врага сильным и жестоким противником.

Поскольку пропаганда новой концепции брусилковского наступления только набирала обороты, то при работе над образом врага Степанов не стал рисковать и, рисуя немцев, придерживался довоенной традиции⁷. Кстати, автор, пусть отчасти,

⁴ Бахтерев, Разумовский 1944, 49.

⁵ Там же, 51.

⁶ Там же.

⁷ До Великой Отечественной войны образ врага формировался при помощи коминтерновского мифа о полной непопулярности и неприятии фашистского режима большинством населения Германии. Перед советской пропагандой стояла задача сформировать образ героя-антифашиста. Официальной печатью тиражировались факты жестокого обращения нацистов с рабочими и коммунистами, приводились примеры тупости и аморальности гитлеровской клики. Предвоенное общественное сознание отличало строгое разделение немцев на эксплуататоров-фашистов и угнетенный пролетариат, бесконечно сочувствующий Советскому государству рабочих и крестьян. Массовым

но отразил историческую справедливость, и в его повести русские войска противостояли уже многонациональной армии врага, главенствующее положение в которой занимали немцы, превосходство которых было очевидным. Так, в повести «Бои под Луцком» недовольные своим рабским положением в германских войсках западные славяне и австрийцы при столкновении с русской 102 дивизией целыми батареями спешили сдать в плен, к тому же прихватив с собой немцев. Бывшие противники любезно выдавали дивизионному командованию военные тайны и собственноручно, по-товарищески вручали всевозможные трофеи и припасы. Иначе вели себя немцы. Они стойко защищали свои позиции и совсем не желали оказаться в плену⁸. Однако писатель решил отказаться от изображения батальных сцен борьбы с врагом и лишь информационно, со слов русского солдата и офицера, в своем произведении сообщил о хитрости и коварстве немцев: *«За этой толсторожей немецкой сволочью надо глядеть в оба глаза, — кивнул капитан (Хоменко — О.С.) на хмурых, угрюмых немцев, — они в любую минуту готовы вцепиться в глотку»*⁹.

Трактовка образа врага в произведении Степанова не нашла поддержки у литературных и партийных критиков, вероятно, во многом по причине открытого пренебрежения автором историческими фактами в изображении внешнего противника. Редактор журнала «Знамя» Е. Михайлова в 1942 году отказалась печатать повесть Степанова. После Великой Отечественной войны мнение Михайловой поддержал литературный критик К. Мацкин, обвинив писателя в открытом пренебрежении историческими фактами. По его мнению, писатель поскупился на яркие краски при изображении внешнего врага. Излишне героизировав действия русской армии, Степанов изобразил противника слабым и никчемным, что, согласно суждению критика, значительно снижало ценность героизма, проявленного русской армией¹⁰.

Практически одновременно со Степановым работу над романом «Брусиловский прорыв» начал Сергеев-Ценский. Опытный писатель при изображении внешнего врага был более достоверен. Имеющий опыт в освещении исторических сюжетов, лауреат Сталинской премии¹¹ быстро впитал установленный пропагандой вектор в изображении врага периода Брусиловского наступления. К тому же специфика романа позволила писателю более ярко представить образ противника, введя в произведение полноценные эпизоды борьбы русской армии с неприятелем.

Работу над романом Сергеев-Ценский начал после окончания Московской битвы в апреле 1942 года. При работе над образом внешнего врага целью писа-

тельством стала уверенность в классовом характере будущей войны. Антифашистская пропаганда пресеклась вместе с заключением советско-германского договора о ненападении в 1939 г. Тем не менее, многолетнее пропагандистское воздействие закрепило в общественном сознании образ врага в виде германского нацизма и образ потенциального союзника в лице немецких трудящихся, насильно согнанных в гитлеровскую армию.

⁸ В дневнике Степанова за 15 июля 1916 года значится следующая запись: «Австрияки шли без конвоя, покорно сами, разыскивая место, где берут в плен. Немцев же вели под конвоем и, кажется, не особенно много доводили до места» (РГАЛИ. Ф. 2828. Оп. 1. Д. 65. Л. 115 об.)

⁹ РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 89.

¹⁰ Мацкин 1946, 2.

¹¹ В 1941 году писатель Сергеев-Ценский за исторический роман «Севастопольская страда» получил Сталинскую премию 1-й степени.

теля стало разоблачение мифа о непобедимости немцев, а также напоминание, что «русские прусских всегда бивали». Литератор попытался показать широкую панораму военного поражения немцев, пусть не окончательного во время Брусиловского прорыва: *«Важно было разоблачить миф о непобедимости немцев, напомнив о том, что русская армия их била, как был в весьма короткое время разгромлен русскими войсками Юго-Западного фронта весьма укрепившийся противник»*¹². При изображении Сергеевым-Ценским германской армии не последнюю роль сыграла ненависть писателя к немцам. Еще в годы Первой мировой войны, неся службу в ополченческой дружине Севастополя, автор прочитывал письма с фронта и общался с ранеными¹³. Неприятные вести содержали и сводки с Юго-Западного фронта летом 1915, когда русская армия терпела поражения от врага. В результате полученной информации у Сергеева-Ценского сложилось свое представление о военном противнике. Писатель считал немецкую армию самой сильной в мире, отличающуюся высоким боевым духом и мужеством. Очевидное превосходство противника все чаще вызывало у автора панические настроения. *«Хватит нас на какой-нибудь час современного боя (что такое по нынешним боям 6-тысячный отрядик?), а до линии боев мы можем добежать за три дня! — жаловался писатель издателю Н.С. Клецову-Ангарскому*¹⁴ *летом 1915 года перед отправкой на фронт. — Так мы и выполним в одно прекрасное время свое предназначение! Пополнять полки приходится ежедневно, и в иных частях переменялись все начиная с командира и кончая кашеваром. Только одно название части осталось да знамя!»*¹⁵. Однако на фронт писатель не попал, но в нем навсегда засело всепоглощающее чувство ненависти к могущественному врагу.

В годы Великой Отечественной войны, работая над образом внешнего врага, писатель решил не ограничиваться собственными воспоминаниями и привлечь большое количество разнообразных документов и историческую литературу. К тому же писатель каждодневно просматривал газеты и журналы, выписывая материал на интересующую его тематику¹⁶, стараясь соответствовать пропагандистским канонам изображения тогдашнего врага. Работая над произведением, Сергеев-Ценский принципиально старался показать немцев сильным и умным противником, а не *«оглуленным, как иногда рисуют иные литераторы вражескую сторону»*¹⁷.

¹² Плукиш 1975, 96.

¹³ С августа 1914 г. по август 1915 г. Сергеев-Ценский служил в ополченческой дружине Севастополя. В своих письмах к издателю Н.С. Клецову-Ангарскому литератор говорил о том, что прочитывал письма с фронта и на фронт.

¹⁴ Клецов-Ангарский Николай Семенович — литературный критик, редактор, владелец «Книгоиздательства писателей в Москве». Издатель находился в дружеских отношениях с Сергеевым-Ценским. Их переписка продолжалась с 1912 до конца 1920-х годов.

¹⁵ Письма Сергеева-Ценского к Н.С. Клецову-Ангарскому 1975, 233.

¹⁶ В РГАЛИ в фонде С.Н. Сергеева-Ценского имеются листы с перечнем проработанных книг и статей, использованных при написании романа «Брусиловский прорыв» и произведений, посвященных событиям Первой мировой войны. Всего около 40 наименований. (РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 15–20.).

¹⁷ Макаренко 1963, 33. В годы Великой Отечественной войны ненависть писателя к немцам достигла своего апогея. В середине 1944 года после возвращения из эвакуации в родную Алушту до Сергеева-Ценского дошло неприятное известие. Во время оккупации фашисты разграбили и сожгли его библиотеку, а архив писателя, содержащий 196 толстых тетрадей — рукописи произведений,

Залогом успешных мероприятий армии являются продуманные стратегические и оперативные действия военного командования. Сергеев-Ценский оказался единственным писателем, кто показал галерею германских и австрийских военачальников. Особое внимание автор уделил изображению германских командующих, дабы показать их доминирующее положение в военном союзе. Для тщеславного «с лихо подкрученными кверху желтыми усами»¹⁸ Верховного Главнокомандующего сухопутными и морскими силами Германии императора *Вильгельма II*, уверенного в непобедимости своих армий, наступление Юго-Западного фронта стало полной неожиданностью. Единственной фразой, характеризующей его полководческий статус, был приказ «*Заделать брешь!*»¹⁹. Не меньше успешным прорывом австро-венгерской обороны брусиловскими армиями был поражен командующий Восточным фронтом генерал *Гинденбург*, считавший после «Великого отступления» Россию «трупом». Убежденный в неспособности союзников противостоять натиску армий Юго-Западного фронта, он в стратегических целях намеревался передать командование фронтом противостоящему русским войскам германскому генералу *Макензену*. Из австро-венгерского командования в романе внимания удостоилась фигура «*талантливейшего из австрийских генералов*»²⁰ начальника Полевого Генштаба при Верховном главнокомандующем эрцгерцоге Фридрихе *Конрада фон Гётцендорфа*. Недовольный решением *Гинденбурга* и не желавший уступать руководство боевыми действиями *Макензену*, он снимает с итальянского фронта войска, дабы усилить ими свои разгромленные корпуса. Однако «заделать брешь», прорванную русскими войсками, Главнокомандующему австро-венгерской армии самостоятельно не удалось. Остальные германские и австро-венгерские военачальники удостоились лишь скупой констатации их участия в военно-оперативных действиях. Так, начальник штаба Восточного фронта *Людendorф* снимал батальоны, противостоящие «*неподвижному*» Западному фронту под командованием *Эверта*, в результате чего командующий ударной группировкой войск германский генерал *Линзинген* стягивал резервы к Ковелю, чтобы отбить атаки 8-й армии Юго-Западного фронта. Главнокомандующий австро-венгерской группой армий генерал *Бём-Ермоли* восстанавливал силы после столкновения с русскими войсками.

Согласно исторической действительности Сергеев-Ценский в романе осуществил четкое разделение врага по национальному признаку. В состав союзнических армий Центральных держав входили: германцы, австрийцы, мадьяры (венгры), босняки, чехи, хорваты и словаки. В отличие от Степанова, в произведении Сергеева-Ценского отсутствовали какие бы то ни были интернациональные идеи. Враг, разный по национальному составу, имел единую цель — захват и порабощение России. Тем не менее, в «Брусиловском прорыве» главными фигурантами выступали германская и австро-венгерская армии, причем венгров писатель име-

дневники, личную переписку, «тщательно по листку описали и отправили в Германию». Данный факт возмутил Сергеева-Ценского куда сильнее, нежели разрушенный захватчиками дом и уничтоженный сад. (Сложенкина 1975, 224). После войны из Берлина была возвращена 31 тетрадь. В 1946 году киевский журналист Огнев вернул писателю 9 спасенных им тетрадей. Судьба остальных неизвестна.

¹⁸ Сергеев-Ценский 1944, 310.

¹⁹ Там же, 216.

²⁰ Сергеев-Ценский 1944, 218.

нует так, как их называли русские во время Первой мировой войны — «мадьяры». В романе четко прослеживается доминирующее положение германцев, причем писатель часто называет их немцами. По сравнению с Австро-Венгрской армией германские войска были прекрасно оснащены, высокоорганизованны и вымуштрованы. В случае возникновения опасных моментов на фронте именно германское командование устанавливало контроль над ситуацией и принимало важные решения, игнорируя мнение союзников. Писателю мастерски удалось, используя исторические отступления и справки, сформировать образ немецкой армии. Солдат и офицеров отличала дисциплинированность, упорство в достижении поставленных целей, воинственность и постоянное стремление атаковать.

Чтобы изобразить данную тенденцию, свое повествование писатель начал с показа ненависти одного из героев произведения выдуманного персонажа прапорщика Николая Ливенцева к противнику. Он воспринимал германцев враждебно, с полным неприятием присущих им качеств. В произведении германцы были представлены непредсказуемым, проворным и хитрым противником. Помимо этого, враг был жесток и беспощаден: «— *Бросили бомбу с аэроплана прямо в госпиталь, хотя ведь красный крест на белом флаге видели, конечно, — недоумевал полковой врач, — но это у них так принято — швырять бомбы в лазареты*»²¹. Согласно исторической действительности, Сергеев-Ценский не ввел в произведение конкретные эпизоды батальных столкновений русской армии с немецкой. В тексте наличествовали лишь отдельные воспоминания персонажей о встречах с германским противником на отдельных участках фронта или в плену.

В отличие от немцев, ярких батальных сцен в романе удостоились истинные противники русской армии на Юго-Западном фронте — австро-венгерские войска. Причем, чтобы показать многочисленность врага и героические усилия русской армии в борьбе с ним, писатель разделил данный вражеский стан по национальной принадлежности на австрийцев и мадьяр. При характеристике австрийской армии писатель имел в виду господствующее в российском общественном сознании времен Первой мировой войны представление об австрийской армии как о слабой по сравнению с германской, неспособной к серьезным боевым действиям, «дрянной в Европе армией»²². Однако в условиях Великой Отечественной войны, дабы не лишать русскую армию её героических усилий, согласно пропагандистским канонам указал в романе на факт присутствия в австрийских войсках германцев, «которые были вкраплены в их ряды для крепости духа»²³. Поэтому в романе Сергеев-Ценский именует их австро-германцами. Наличие немцев позволило австрийцам в романе отчаянно сопротивляться и проявлять чудеса стойкости и упорства. К тому же австрийские войска имели явное превосходство в вооружении. Впрочем, благодаря мужеству и настойчивости русских воинов австрийцы оказались неспособны к длительному сопротивлению.

²¹ Сергеев-Ценский 1944, 347.

²² Показательным примером данного восприятия противника служит запись, сделанная русским философом Л. Тихомировым в своем дневнике в июне 1916 года: «Победы над австрийцами не возбуждают и сознания нашей мощи. Если бы мы разбили немецкие армии, хотя бы с половинным успехом, — это, конечно, возбудило бы восторг, т.е. сознание нашей воскресшей мощи. Но бить австрийцев, бить турок — это ничего не значит». (Дневник Л. А. Тихомирова 2008, 231).

²³ Сергеев-Ценский 1944, 342.

Чтобы как то исправить положение, австрийцы пошли на подлость и использовали отравляющие газы. Проявленная австрийцами во время боев несвойственная им воинственность в глазах русских солдат уравнивала их с немцами. В конечном итоге под мощным напором русских войск австрийцы бежали с поля боя и были захвачены русскими солдатами в плен.

Особой характеристики в романе удостоилась венгерская армия. Во время текущей войны её изображение было весьма актуальным и к тому же сопровождалась личной ненавистью писателя. В июле-августе 1941 года венгерская Карпатская группа, прикрепленная к 17-й германской армии, в сражении под Уманью (Западная Украина) разгромила 6-ю и 12-ю советские армии. Гибель советских войск открыла врагу путь на Днепропетровск и Перекоп, в результате чего семья Сергеева-Ценского эвакуировалась в Москву, а затем в Куйбышев. В разгаре работы над романом летом 1942 года венгерская армия в составе немецкой участвовала в Сталинградской битве, в результате которой была разгромлена советскими войсками. Данное обстоятельство позволило автору отчасти переложить современные реалии на фронтовые события лета 1916 года. Роль победителя мадьяр была отведена автором 101-й пехотной дивизии под командованием К. Л. Гильчевского²⁴. На создание сцен борьбы русской армии с мадьярскими войсками писателя вдохновили статьи корреспондента М. Лембича, опубликованные в газете «Русское слово» за 1916 г. Журналист с неподдельным интересом следил за боевыми успехами дивизии. Немаловажным историческим документом при описании действий 101-й пехотной дивизии стал военный труд самого руководителя победоносных войск — Гильчевского²⁵. Конечно же, в сравнении с немцами и австрийцами мадьяры были довольно слабым противником: данное обстоятельство во многом и объясняет успешные действия и быстрое продвижение 101-й дивизии. При всем том, чтобы, с одной стороны, соблюсти историчность повествования, с другой — не снижать значимости заслуг русских воинов в условиях современной войны, Сергеев-Ценский представил мадьярские войска сильным и опасным противником, фактически уравнивая их по боевым характеристикам с германской армией. В произведении инициативные и непредсказуемые венгерские войска были прекрасно подготовлены и оснащены необходимой военной техникой. В схватках с русскими солдатами они проявляли мужество и стойкость: не уступали окопов без боя и отчаянно защищались. Однако, если явный перевес сил оказывался на стороне русских, то недавно, казалось бы, храбрые войска стремительно отступали, чем вызывали недоумение дивизионного командования. В конечном итоге армии Юго-Западного фронта переломили сопротивление мадьяр.

Внешний враг, изображенный писателем, был по достоинству оценен партийной критикой²⁶. Однако последующие внешнеполитические события повлекли за собой некоторые изменения в изображение противника.

²⁴ Во время Брусиловского прорыва командуя 101-й пехотной дивизией в июне 1916 года успешно форсировал реки Стырь и Стоход. За полтора месяца боев взял 22000 пленных и большое количество военных трофеев. Необходимо отметить, что в действительности во время Брусиловского прорыва ополченческая дивизия стала ударной, вследствие чего командование Юго-Западного фронта возлагало на нее особо ответственные задачи при прорыве вражеской линии обороны. (РГА-СПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 284. Л. 3 об.).

²⁵ Гильчевский 1928.

²⁶ Заславский 1944, 57.

При работе над романом «Брусилов» Слезкин был уже знаком с работами своих коллег и требованиями текущего момента. Начало 1943 года, ознаменовавшееся переходом к наступлению и захвату советской армией стратегической инициативы, внесло свои коррективы в изображение внешнего врага. Наступательные действия советской армии актуализировали Брусиловский прорыв, который ассоциировался уже с победами советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. В сложившихся условиях отпала необходимость в изображении героических эпизодов борьбы с сильным противником. Чтобы акцентировать внимание исключительно на героизме русских войск, внешний враг был показан писателем достаточно лаконично и бесцветно. Из реальных персонажей можно выделить лишь попавших в плен немецкого и австрийского офицеров. Последний был польского происхождения и оказался несамостоятельной фигурой. Однако внедрение данного персонажа было необходимым для органичного переложения реалий Великой Отечественной войны на события Брусиловского прорыва. Освобождение Польши советскими войсками обратило внимание автора на проведение исторических параллелей взаимоотношений братских славянских народов. Рассуждения Брусилова в романе и мысли Игоря Смолича (один из вымышленных героев) убеждали читателя в необходимости сплочения двух народов в борьбе против германских захватчиков. Таким образом, Слезкин затронул проблему перехода на сторону советских войск солдат и офицеров из армий оккупированных гитлеровцами территорий. Данное обстоятельство в условиях современной войны было особо нужным, так как советская армия с переменным успехом, тяжело продвигаясь вперед, освобождала Польшу от фашистской оккупации.

В целом, писатель, работая над произведением во время освобождения Европы советской армией, как видно, не нашел свежих красок и оригинальных идей, чтобы разнообразить вражеский стан. Все образы сливаются в два аморфных понятия: «немец» и «австриец». Противник, за исключением одного эпизода, когда немцы, лицемерно подняв белый флаг и вызвав переговоры, расстреляли русских парламентариев, информационно изображался безжалостным и беспощадным. Ключевыми фразами, характеризующими боевые таланты немцев, были *«германцы попрятались в норы»*²⁷, *«Немец перед ним себя дураком показал»*²⁸, *«До чего тупы эти немцы!»*²⁹. Грозной силы в произведении Слезкина враг уже не представлял. Что же касается высшего командования Германии и Австро-Венгрии, то оно в романе Слезкина не удостоилось ярких и выразительных зарисовок. Писатель отказался от показа его представителей, справедливо полагая, что в условиях Великой Отечественной войны их имена мало что могут сказать советскому читателю.

Представленный Слезкиным образ внешнего врага партийная цензура восприняла положительно, без каких-либо выпадов и комментариев. Свидетельством этому служит отсутствие в критических статьях и рецензиях замечаний, касающихся изображения военного противника³⁰.

²⁷ Слезкин 1947, 387.

²⁸ Там же, 396.

²⁹ Там же, 421.

³⁰ Ленобль 1947, 195–199.

Таким образом, в произведениях о Брусиловском прорыве драматурги в угоду современным реалиям частично отступили от исторической действительности. В их произведениях противник был представлен германской армией, которая при столкновении с русскими войсками демонстрировала выносливость и постоянное стремление атаковать. Более достоверны при изображении внешнего врага были прозаики. В их произведениях фигурировала австро-венгерская армия, которая по боевым характеристикам практически не уступала своим союзникам по Центральному блоку. Однако превосходство врага зависело от обстановки на советско-германском фронте. Так, продвижение советских войск в Европу снизило значимость военного противника, он изображался слабым и никчемным.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангарская М.* 1975: Письма Сергеева-Ценского к Н. С. Клестову-Ангарскому (К 100-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского) // Новый мир. 9, 233.
- Бахтерев И. В., Разумовский А. В.* 1944: Русский генерал. М.
- Брусилов А. А.* 2002: Мои воспоминания. Минск.
- Гильчевский К. Л.* 1928. Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.
- Заславский Д. И.* 1944: Брусиловский прорыв // Большевик. 1, 55–64.
- Ленобль Г.* 1947: Ю Слезкин «Брусилов» // Знамя. 10, 194–198.
- Леонидов Н.* 1941: Когда и как русский народ бил германских захватчиков (В помощь пропагандисту и агитатору). М.
- Мацкин К.* 1946: Полуправда очевидца // Литературная газета. 46, 2.
- Плуки П. И.* 1975: Сергеев-Ценский — писатель, человек. М.
- Репников А. В.* 2008: Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М.
- Сергеев-Ценский С. Н.* 1944: Брусиловский прорыв. М.
- Слезкин Ю. Л.* 1947: Брусилов. М.
- Соложенкина С. С.* 1975: Достояние народа. К 100-летию со дня рождения С. Сергеева-Ценского // Знамя. 9, 224–227.

BRUSILOV BREAKTHROUGH IN THE SOVIET PROPAGANDA OF THE GREAT PATRIOTIC WAR PERIOD: THE IMAGE OF AN EXTERNAL ENEMY (BASED ON FICTION)

O. Yu. Starodubova

Foreign policy circumstances of the 1940-s forced the power to challenge World War I history within the context of patriotic tendencies. Brusilov breakthrough exemplified the heroism of Russian army. It successfully fitted propaganda standard as a vivid example of soldier heroism and brought forth a radical change in the portrayal of an enemy who was represented by German and Austro-Hungarian armies and treated by writers as a powerful and dangerous enemy. Creating the image of an external enemy they resorted to historical documents and recollections of encounter with enemies.

Key words: Brusilov breakthrough, fiction, Soviet propaganda.

ЦЕРКОВЬ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность церкви в годы войны в российской историографии незаслуженно забыта и давно находится на периферии исторических разработок. В статье на основе новых документов рассматривается, каким образом церковь пыталось не просто помочь российскому государству выдержать испытания лихолетья, но и выработала именно в ходе этой войны мобилизационную модель своих действий, которая впоследствии сыграла свою роль и во Второй мировой войне.

Ключевые слова: церковь, Урал, Первая мировая война, мобилизационная модель.

«Великая война», в ходе которой прекратили свое существование четыре империи и было убито 12 млн. человек, а около 55 млн. ранены, стала называться Первой мировой только в 1939 г., то есть после начала Второй мировой войны. В России первоначально эту войну называли «Второй Отечественной», а на бытовом уровне «германской». После 1917 г. она именовалась как «империалистическая война». Первая мировая война в российской историографии незаслуженно забыта и давно находится на периферии исторических разработок, так как события военных лет чаще всего рассматриваются в контексте причин Великой русской революции и гражданской войны, а не как самостоятельная тема. Это же касается и вопроса, связанного с изучением деятельности церкви в годы войны. Много из того, что писали советские историки по этой проблеме¹, практически не пересматривалось в постсоветской историографии. Сложилась парадоксальная ситуация: те авторы, которые пытаются использовать данную тему с точки зрения критики церкви, и те, кто выступает с иных позиций, по сути сходятся в одном — церковный авторитет в российском обществе был подорван именно в годы войны.

С одной стороны, советский атеист И. Эльвин, который считал Первую мировую войну империалистической и несправедливой, писал: «Уже с самого первого момента мировой войны 1914–1918 гг. был мобилизован на ее службу весь гигантский аппарат церкви во всех странах, участвовавших в войне. Церковники всех стран сразу впряглись в военную колесницу, чтобы с помощью своих особых, одной церкви свойственных и присущих средств и методов “работы” помочь империалистам организовать победу и сломить всякое сопротивление войне. Церковь действовала в тылу и на фронте, среди шедших в атаку солдат и среди раненных... Она выступала в качестве утешителя трудящихся масс, в качестве распределителя подарков и всяких “благ” солдатам и в роли организатора общественного мнения внутри и вне страны. Словом, во время самой войны, как и в период подготовки к ней, в лице церкви империалисты располагали наилучшим и универсальным помощником»². Еще один его коллега также отмечает:

Нечаев Михаил Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета. E-mail: mgn4@mail.ru

¹ Кандидов 1929; 1933; Василенко 1933; Эльвин 1934; Суглобов 1969; Платонов 1975.

² Эльвин 1934, 15.

«Терпела значительный урон не только религиозная агитация (т.е. богослужения, молебны, встречи икон и т.д.), но и религиозная пропаганда, основной формой которой была поповская внебогослужебная беседа. Солдаты 698-й Пермской дружины государственного ополчения возбудили ходатайство “о замене духовных бесед с ними дружинного священника лекциями по гигиене и по вопросам текущей политической жизни”, в связи с чем поп до получения ответа вынужден был беседы прекратить вовсе. Такие жесткие уроки получали те попы, которые не сумели быстро перестроиться и продолжали долбить только про религию»³.

С другой стороны эту же мысль подчеркивает кандидат богословия, преподаватель Минской духовной академии Г. Э. Щеглов. Он пишет: «Как это всегда было в русской истории, Православная Церковь в трудную, критическую для Отечества годину занимала исключительное положение, выступая объединяющей, цементирующей русское общество духовно-нравственной силой. Однако в годы Первой мировой войны Русская Православная Церковь находилась в несколько ином положении. Дело в том, что на рубеже XX столетия происходило заметное «расцерковление» русского общества. Проникаясь революционными идеями, пропитанными ложной моралью и ложными ценностями, оно все более становилось безрелигиозным. Начавшийся поход против государства вместе с тем был направлен и против Церкви. Зачастую Церковь подвергалась необоснованным нападкам, критике, а авторитет ее умышленно принижался. Уже в годы войны многие светские газеты без разбора кричали и шумели, что духовенство мало жертвует, мало делает. И вот в таких условиях Церкви приходилось нести свой крест жертвенного христианского служения страждущему Отечеству. В годы Первой мировой войны Церковь выступила не только как институт духовный, но проявила себя и в особой патриотической деятельности церковных учреждений и организаций, принявшей небывалую в истории Русской Церкви широту»⁴.

Однако этот уникальный историографический казус лишний раз подчеркивает простую мысль о господстве оценочного, а не фактологического подхода в познании исторической реальности. Именно поэтому так необходимы региональные конкретно-исторические подходы в исследовании данной проблематики.

Сразу же после того как Австро-Венгрия приступила к военным действиям по отношению к Сербии, началось вступление России в широкомасштабную и, как оказалось впоследствии, самоубийственную войну. 30 июля 1914 г. в России был подписан указ о всеобщей мобилизации. В этот же день Св. Синод, совершив в Казанском соборе торжественное молебствие о даровании российскому воинству победы, в своем экстренном заседании принимает ряд распоряжений.

Св. Синод постановил обнародовать манифест о войне во всех церквях, при этом совершив молебствие с коленопреклонением «О ниспослании победы христолюбивому воинству». Установили особые ежедневные молитвы за богослужением: за Государя, сражающее воинство и о раненых воинах. Всех призывали забыть «взаимные несогласия, распри и обиды». В церквях организовали постоянный кружечный сбор за каждым богослужением. Монастырям, общинам всем духовным учреждениям предлагалась отвести и приготовить под лазареты для

³ Василенко 1933, 65.

⁴ Щеглов 2005.

раненых и больных воинов все свободные помещения, заготавливать «предметы лазаретного инвентаря»⁵.

Епархиальным преосвященным поручалось образовывать во всех приходах особые попечительные советы из выборных прихожан с участием духовенства и церковных старост. «На попечительные советы возложена обязанность: вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность»⁶. Для этой цели Св.Синод разрешил «оказывать пособие» не только из пожертвований, но и из церковных сумм.

В сентябре 1914 г. Св. Синод предложил епархиальным училищным советам организовать в церковных школах изготовление белья для солдат по образцу-выкройке, нарисованной в одном из номеров газеты «Церковные ведомости»⁷.

Как же выполнялись эти решения? В 1914 г. только от духовенства поступило пожертвований на сумму 137 300 рублей. В этот же год образовалось 36 118 попечительских советов, которые оказали помощь свыше 1 200 000 семьям на сумму 1 563 724 рублей, а к августу 1915 г. (за год войны) 2 146 242 семьям на сумму 6 358 570 рублей⁸.

В 1914 г. духовное ведомство открыло 374 лазарета, из них 152 монастырских и 222 при церквях и епархиальных учреждениях. Всего в монастырских, церковных и других помещениях духовного ведомства, не считая духовно-учебных заведений и церковных школ, открыли 679 лазаретов⁹.

Духовенство уральских епархий: Вятской (учреждена в 1657 г.), Пермской (учреждена в 1799 г.), Екатеринбургской (отделена от Пермской в 1885 г.), Оренбургской (учреждена в 1799 г.), Уфимской (отделена от Оренбургской в 1859 г.) с энтузиазмом восприняло патриотические инициативы Св. Синода.

В годы войны уральские епархиальные кафедры занимают чрезвычайно энергичные владыки. В 1914 г. в Вятку прибыл епископ Никандр (Феноменов)¹⁰, в Пермь — епископ Андроник (Никольский)¹¹, в Екатеринбург — епископ Се-

⁵ Действия и распоряжения Святейшего Синода 1914, 1–3; Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода 1916, 13–21.

⁶ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св.Синода 1916, 15–16.

⁷ Там же, 279.

⁸ Там же, 67–72.

⁹ Обзор деятельности... 1917, 10–11.

¹⁰ Никандр (Феноменов), в миру Феноменов Николай Григорьевич (1872–1933), окончил Орловскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия, викарный епископ Кинешемский Костромской епархии 1905–1908, викарный епископ Нарвский Санкт-Петербургской епархии 1908–1914, епископ Вятский и Слободской 1914–1919, архиепископ Вятский 1919–1921, архиепископ Астраханский 1921, архиепископ Крутицкий 1922–1925, митрополит Одесский 1925–1927, митрополит Ташкентский и Туркестанский 1927–1933. Трижды арестован, сидел в тюрьме, концлагере и дважды был в ссылке.

¹¹ Андроник, в миру Никольский Владимир Александрович (1870–1918 гг.), викарный епископ Киотский 1906–1907 гг., викарный епископ Холмский 1907 г., викарный епископ Тихвинский 1908–1913 гг., епископ Омский и Павлодарский 1913–1914 гг., епископ Пермский и Соликамский, Пермский и Кунгурский 1914–1918 гг., архиепископ Пермский и Кунгурский 1918 г. Расстрелян в 1918 г.

рафим (Голубятников)¹², в Оренбург — Мефодий (Герасимов)¹³, а в Уфу уже с 1913 г. был назначен епископ Андрей (Ухтомский)¹⁴.

Пермский епископ Андроник, приехав в Пермь 18 августа, до конца 1914 г. посетил все уездные города Пермской епархии (всего 6), осмотрел 17 церквей в губернском городе Перми (6 приходских, 17 домовых), а в уездах осмотрел 45 церквей и вместе с Белогорским подворьем 11 монастырей¹⁵. Во время этих поездок по уездным городам «все литургии оканчивались при участии всего местного духовенства молебна, положенного “по особой книжице” об одолении супостатов»¹⁶. В 1915 г. епископ Андроник выезжал «для обозрения епархии» 12 раз. Были выезды на 3–4 дня, а были и до 2-х недель. Всего в разъездах было проведено 58 дней, и епископ преодолел по проселочной дороге, по железной дороге и на пароходе свыше 4800 верст. Он посетил 5 мужских и 5 женских монастырей, 9 городских приходов, 15 заводских, 50 сельских, 7 единоверческих, церкви при учебных заведениях, тюрьмах больниц — 13, и кладбищенских церквей 3. В некоторых городских церквях совершалось архиерейское служение с проповедью до 3 раз¹⁷.

По инициативе нового пермского епископа было решено ежемесячно отчислять с причта пермских церквей с протоиереев и иереев по полтора рубля, с дьяконов по рублю, а с псаломщиков по пятьдесят копеек на военные нужды¹⁸. В 1915 г. в Епархиальный Попечительский Совет для оказания помощи солдаткам и их семьям духовенство из своих средств ежемесячно вносили: священники по 3 рубля, дьяконы по 2 рубля и псаломщики по 1 рублю¹⁹.

Все монастыри Пермской епархии (их было 15) произвели в 1914 г. сбор пожертвований на нужды военного времени, заготовляя белье, теплую одежду и т.д. Монахи подворья Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря устроили для раненных воинов лазарет на 20 кроватей с полным содержанием за счет монастыря.

В 1915 г. пермские монастыри продолжали из своих доходов отчислять на нужды войны от 2 до 4 %, а также и делали пожертвования деньгами²⁰.

Настоятель Фаворской пустыни игумен Ювеналий «с братией» представил

¹² Серафим (Голубятников), в миру Голубятников Сергей Георгиевич (1856–1921), окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, викарный епископ Можайский Московской епархии 1905–1906, викарный епископ Звенигородский Московской епархии 1906–1908, епископ Подольский и Брацлавский 1908–1914, епископ Екатеринбургский и Ирбитский 1914–1917, с 1917 г. на покое, расстрелян в 1921 г.

¹³ Мефодий (Герасимов), в миру Маврикий Львович Герасимов (1856–1931), викарный епископ Бийский Томской епархии 1894–1898, епископ Забайкальский и Нерчинский 1898–1912, епископ Томский и Алтайский 1912–1914, епископ, а с 1918 г. архиепископ Оренбургский и Тургайский 1914–1919, архиепископ, а с 1929 г. митрополит Харбинский 1920–1931.

¹⁴ Андрей (Ухтомский), в миру Александр Алексеевич, князь Ухтомский (1872–1937), викарный епископ Мамадышский Казанской епархии 1907–1911, епископ, а затем архиепископ Уфимский и Мензелинский с 1913 года. Неоднократно (около десятка раз) арестовывался и ссылался. Расстрелян в 1937 г.

¹⁵ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2658. Л.

¹⁶ Там же, 5.

¹⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.3.

¹⁸ Пермские епархиальные ведомости 23,24, 1914, 468–471.

¹⁹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.36.

²⁰ Там же, 18.

к празднику Рождества Христова на военные нужды Его императорскому величеству государю императорскому величеству государю императору пожертвования деньгами — золотом 200 руб. «с выражением верноподданнической преданности горячих молитвенных пожеланий о ниспослании свыше Державному Вождю победоносной Русской армии скорой победы и конечного сокрушения дерзкого и сильного врага»²¹. Кроме того, игумен Ювеналий пожертвовал на нужды войны игуменский золотой наперсный крест стоимостью 150 рублей²².

Епископ Андроник 4 октября 1915 г. распространил предложение (напечатано в № 29 «Пермских епархиальных ведомостей») следовать примеру новой Чердынской Иоанно-Богословской обители, учредившей у себя сельскохозяйственную школу и открывшая приют для «воинских детей и детей беженцев»²³. Епископ в этом предложении призвал всех настоятелей и настоятельниц монастырей Пермской епархии «встать на помощь Отечеству и народу чем могут и отложивши менее спешные дела готовить теплую одежду и белье для наших воинов на зиму: фуфайки или жилетки на вате, или лучше на шерсти, вязанные из шерсти перчатки и носки, портянки из холста, кисеты для табака...»²⁴.

По данному предложению (Из Циркулярного указа Пермской Духовной Консистории настоятельницам монастырей Пермской епархии, от 7 января 1915 г. за № 2) по соображениям военного времени, женским обителям епархии было назначено особое послушание: «от обителей должны быть избраны и направлены особые сборщицы — по две от обители, которые разъезжая по окрестностям отбирали среди населения пожертвования, и деньгами, и вещами, например, платьем, холстом, шерстью, и хлебом, и овсом на нужды воинов, лазаретов, на пасхальные подарки воинам; по мере накопления, хлеб и овес можно продавать на местах и вырученное присылать по назначению в Пермский Епархиальный Попечительный Совет...»²⁵.

В своем отчете за 1914 г. епископ Андроник писал: «Благодаря старанию духовенства в каждом обществе, деревне, селе, заводе, городе епархии избраны особые попечители, или учреждены попечительные советы о семьях запасных и производится сбор всевозможными пожертвованиями. Означенными попечительными советами до 1 января текущего года собрано было вещевых пожертвований (белья, одежды, обуви, холста и проч.) на сумму до 4 000 руб. и денежных 42 529 руб. 63 коп. (пожертвований частных лиц 38 526 руб. 41 коп. и пожертвований из церковных сумм 4 003 руб. 22 коп.). За весь этот период времени ими была оказана помощь 10 775 семействам, на что было израсходовано 33 880 руб. 91 коп. (из частных пожертвований 29 086 руб. 9 коп. и из церковных сумм 4 794 руб. 82 коп.)»²⁶.

В 1915 г. причт Гамовской церкви Пермского уезда на нужды обороны собрал 270 рублей и препроводил их в Комитет Его Величества²⁷. Всего поступило в 1915 г. на военные нужды вообще 42549 руб. 22 коп. деньгами и разными веща-

²¹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.18.

²² Там же, 18.

²³ Там же, 12.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, 18.

²⁶ РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2658. Л.25.

²⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.37.

ми на сумму 2940 руб. 46 коп., на содержание двух приютов для солдатских детей 1658 рублей 78 коп. Съездом духовенства из сумм Попечительского Совета отпущено на открытие приюта для детей воинов и для инвалидов воинов в г. Кунгуре 20000 рублей²⁸.

Духовенство также вносило деньги и в приходские Попечительные Советы. Например, в 1915 г. в Перми Свято-Троицкое Попечительство выдало пособие семьям призванных на войну более 1500 рублей²⁹. Нязепетровским попечительским советам Красноуфимского уезда выдано было на уборку сена до 176 рублей³⁰. Бисертским на обсеменение — 225 рублей³¹. Михайловским Красноуфимского уезда на покупку теплых вещей и подарки в армию к празднику Рождества Христова — 236 рублей, а всеми советами пожертвовано деньгами более 4000 рублей и вещами на сумму 14157 рублей 51 коп³². По сообщению Пермского Военно-промышленного комитета от 23 августа 1915 г., выполняя распоряжения епископа Андроника, пермское духовенство собирало пожертвования деньгами, вещами «на нужды государственной обороны». Было собрано «старой медной монеты и меди 200 пудов, цинка и олова и свинца 100 пудов, железа и чугуна 700 пудов, всего на сумму приблизительно около 13000 рублей»³³.

30 сентября 1915 г. вышло предложение епископа Андроника, где говорилось: «Чтобы не дать немецким агентам возможности вызвать замешательство в экономической жизни России и даже панику среди обывателей, причты и старосты церквей сами с большой осторожностью относились к просьбам разменять в церквях и монастырях кредитки на мелкую серебряную и медную монету и прихожан убеждали делать то же самое»³⁴.

В своем отчете за 1915 год пермский епископ отмечал: «В облегчение Государственного Казначейства по приобретению золотой монеты в обмен на кредитные билеты, духовенство располагало прихожан своих сдавать в Казначейства имеющаяся на руках их золото»³⁵. Таким образом, было сдано причтом с. Растеса Соликамского уезда на 5427 рублей, с. Судинском Осинского у. священник М. Буднин — 1067 рублей и одним дьяконом 1000 рублей³⁶. Помогало духовенство и в обмене на 5,5 % внутренний заем на нужды войны церковными суммами и приходскими³⁷.

По предложению пермского епископа Андроника, духовенство также должно было убеждать прихожан своих «не возвышать цен на жизненные припасы и топливо, на потеху врагам нашим»³⁸. Но с огорчением епископ отметил: «Любовь прихожан к легкой наживе по случаю такой великой беды, как война, не остано-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, 38.

³⁵ Там же, 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, 38.

³⁸ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.38.

вила их в нечестном увеличении цен на все, без крайней нужды, к великому стыду их и безчестию»³⁹.

В Вятке уже 6 августа 1914 г. состоялось собрание духовенства и старост церковей города Вятки, где единогласно постановили открыть в Вятском епархиальном доме лазарет духовного ведомства на 15 кроватей. 5 сентября 1914 г. этот лазарет был переименован в госпиталь, с устройством в нем операционной комнаты для приема тяжелораненых, а не легкораненых, как предполагалось вначале. С 1 сентября 1914 г. начался прием раненых. За ними ухаживали 6 сестер милосердия, 5 санитаров, 2 кухарки, врач и 2 фельдшера. К началу 1915 г. госпиталь был рассчитан на 100 коек. Это был крупнейший лазарет в России из епархиальных⁴⁰.

При Вятском и Куженерском женских монастырях были открыты приюты для детей воинов, содержащих на средства монастыря и местного духовенства. В Куженерском женском монастыре приют был рассчитан на 13 девочек⁴¹.

Церкви Вятской епархии жертвовали на военные нужды в 1914 г. 0,5 % и выше из своих поступлений. Начиная с сентября 1914 г., священноцерковнослужители города Вятки жертвовали ежедневно на содержание раненых воинов: протоиерей 20 коп., священник — 15 коп., дьякон — 10 коп. и псаломщик — 5 коп. Вятский Архиерейский Дом единовременно выделил в 1914 г. 1500 руб. и обязался содержать при доме 10 раненных. Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая также пожертвовало на раненых и больных воинов 1500 руб.⁴²

Вятское духовенство принимало самое активное участие в создании попечительных советов. С августа по декабрь 1914 г. попечительными советами была оказана материальная помощь 23 585 семьям, что выразилась в общей сумме 32 329 руб. 99 коп⁴³. По инициативе церкви были организованы дамские кружки по шитью белья для воинов, куда помимо остальных входили монахини, послушницы, а также члены семей священнослужителей. В декабре 1914 г. на средства духовного ведомства Вятской епархии были сделаны рождественские подарки для целого полка, стоящего на передовых позициях. Подарки вручал священник Емилиан Николаев. В один подарочный комплект входило 11 вещей: рубашки, кальсоны, теплый жилет, напульсники, набрюшник, перчатки, чулки, шлем, наушники и шарф; затем узелок с мелкими вещами: чаем, сахаром, мылом, табаком, писчей бумагой, конвертами, нитками, иголкой, карандашом, ложкой⁴⁴.

За 5 месяцев 1914 г. всех пожертвований только от духовенства страны, не считая средств, собранных попечительными советами, поступило на сумму 137 300 руб., но наиболее значительные денежные пожертвования сделали священноцерковнослужители 10 епархий. К их числу относились и две уральские: Уфимская епархия — 10 000 руб. и Оренбургская — 7 000 руб.⁴⁵.

В течении 1914–1915 гг. из Оренбургской епархии было послано в армию 13 транспортов всевозможных предметов обмундирования, питания и снаряжения.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2694. Л.14.

⁴² РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2632. Л.40.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, 38.

⁴⁵ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св.Синода 1916, 67–68.

В августе 1915 г. при Оренбургском епархиальном комитете создали особую военно-промышленную секцию, которая изыскала на военные цели до 25 000 руб. и организовало особый сбор металлов, давший до 10 000 пудов чугуна и до 100 пудов меди⁴⁶. Прав екатеринбургский епископ Серафим, который в своем отчете за 1915 год писал: «Злостная легенда о слабой отзывчивости духовенства в переживаемое тяжелое время к духовенству не приложима»⁴⁷.

Активное участие в работе комитета Красного креста приняли преподаватели и учащиеся духовно-учебных заведений. Ряд из них в 1914 г. уступили свои здания для нужд военного времени. Все здание или почти все уступили Уфимская духовная семинария, Камышловское, Челябинское, Пермское, Соликамское, Уфимское духовные училища, а также Вятское, Екатеринбургское, Пермское епархиальные женские училища. Только часть своих помещений отдали Пермская духовная семинария и Екатеринбургское духовное училище. Многие воспитанники духовно-учебных заведений записались добровольцами на фронт или поступили в военно-учебные заведения. Из учащихся духовно-учебных заведений образовывались санитарные отряды для переноски раненых с вокзалов в госпиталь. Во время летних каникул организовывали «рабочие дружины» для помощи семьям воинов действующей армии (по типу «тимуровского движения»). Воспитанницы женских епархиальных училищ шили белье для солдат. В среднем на одно женское епархиальное училище приходилось до 3 000 предметов сданного белья⁴⁸.

В результате наступления германских войск в 1915 г. русская армия вынуждена была оставить Польшу с Варшавой и часть Прибалтики, потеряв при этом около двух миллионов человек. Поэтому летом 1915 г. особенно острым стал вопрос о беженцах. Св. Синод немедленно отреагировал на требования дня рядом своих постановлений. В августе и в сентябре 1915 г. циркулярными синодальными указами на епархиальных владык была возложена обязанность озаботиться о размещении беженцев: монахов, послушников, клириков, учителей церковных школ и духовно-учебных заведений. Для оказания материальной помощи беженцам в сентябре 1915 г. за литургией и накануне за всенощным бдением, во всех церквях России произведен был специальный сбор пожертвований⁴⁹.

В Перми существовало два центра, занимающихся проблемами беженцев: духовный, церковный — «Попечительный Совет о беженцах с мест, занятых неприятелем» и светский — Пермский Городской Комитет о беженцах. Членами этих двух центров (совета и комитета) был благочинный градо-Пермских церквей Иоанн Пьянков⁵⁰. Был еще «Епархиальный Попечительный Совет о воинах и их семействах» членами его были протоиереи: Петр Черняев, Евгений Будрин и Иоанн Пьянков⁵¹. Анализируя сложившуюся ситуацию, пермский епископ Андроник в своем отчете за 1915 год писал в Св. Синод: «На призыв духовенства прихожане охотно и в большом количестве, как видно из ведомостей о пожертвованиях в епархии, и деньгами и натурою жертвуют и в попечительные приходские сове-

⁴⁶ Обзор деятельности... 1917, 13–14.

⁴⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2699. Л.20.

⁴⁸ Там же, 80–85.

⁴⁹ Там же, 6–8.

⁵⁰ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.28.

⁵¹ Там же.

ты и на красный крест (более 40 000 рублей) и на предметы обороны и на беженцев (до 15 000 рублей), на приюты-ясли для детей воинов, на нужды больных и раненых воинов Сербии и Черногории, на голодающих русин в Галиции и Буковине и в другие благотворительно-просветительные учреждения (всего более 20 000 рублей)»⁵².

В Оренбургской епархии беженцев-мирян разместили в 2 монастырских домах и в 4 зданиях церковных школ города Оренбурга. При двух монастырях (Илецком женском и Мещяриковском мужском) открылись приюты для беженцев. Когда количество беженцев достигло немыслимых масштабов, для них в доме Оренбургского Иоасафовского сестричного братства стали готовить особые обеды и развозить их по городу. В бараках для беженцев послушницы ежедневно раздавали до 40 ведер молока. Специально для беженцев открыли новую походную церковь. В Уфимской епархии церковное руководство пыталось создать благоприятные условия для обучения детей беженцев. В церковные школы они принимались вне очереди. На отпущенные Западно-Русским обществом средства (21 140 руб.) в разных местах епархии открыли 30 школ специально для беженцев⁵³.

Особое внимание церковь уделяла детям воинов. На деньги Романовского комитета были открыты приюты для детей воинов в женских монастырях: Чердынском Иоанно-Богословском (Пермской епархии) и Екатеринбургском Новотихвинском (Екатеринбургская епархия). Такой же приют, но всецело на деньги духовного ведомства, учредили в Уфе⁵⁴. Организация дела призрения детей воинов в Пермской епархии считалось образцовой. Пермский епархиальный попечительный совет о нуждах войны приступил к организации приютов в 1914 г., выработав особое «Положение». Согласно последнему, в приюты принимались солдатские дети до 10-летнего возраста, отцы которых или убиты на войне, или потеряли трудоспособность вследствие ранения, а матери больны или обременены многочисленным семейством. На содержание призреваемых епархиальный попечительский совет ассигновал по 10 руб. в месяц в городе Перми и по 8 руб. в епархии. Кроме двух открытых монастырских приютов (женские монастыри Пермский Успенский и Чердынский Иоанно-Богословский), по постановлению епархиального съезда духовенства и старост Пермской епархии около города Кунгура, на земле, пожертвованной духовному ведомству купцом Васильевым, было решено открыть приют-богадельню для призрения солдатских сирот и калек-воинов. На организацию и содержание его епархиальный попечительный совет ассигновал 20 000 руб. Кроме того, откликнувшись на призыв Св. Синода об устройстве ясель в приходах во время полевых работ, в Пермской епархии открыли 122 пункта для ясель. Помещением для них служили главным образом здания церковных школ⁵⁵.

В отчете за 1915 год пермский епископ Андроник отмечал: «По предписанию Св. Синода и моим предложением, при помощи церковно-приходских попечительств, приходских попечительских советов, сестричеств и братств, при многих церквях епархии заведены были летние ясли-приюты для детей воинов, каковых

⁵² Там же, 22.

⁵³ Там же, 28–29.

⁵⁴ Там же, 15–16.

⁵⁵ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.17, 20.

и было всего 122 с 2070 детьми (от 2 месяцев до 10 лет), на них израсходовано приблизительно до 5000 рублей денег, помимо жертв натурой, собранных при участии духовенства и их членов семьи»⁵⁶. Жены священников и учительницы принимали в уходе за детьми самое деятельное участие. На подарки к праздникам для бедных прихожан в 1915 г. было собрано 69328 руб. 94 коп⁵⁷.

В годы Первой мировой войны монашество и духовенство уходило на фронт добровольно. Так, например, основатель Серафимо-Алексеевского скита Белогорского мужского монастыря игумен Серафим (Кузнецов) не мог остаться в стороне и вместе с четырьмя иеромонахами Белогорского монастыря добровольцем отправился на фронт для ведения пастырской работы⁵⁸. На фронтах первой мировой священники не только вдохновляли бойцов, но и проявляли подлинный героизм. Так, в 1914 г. священник 102 Вятского полка Димитрий Любавский вывел из-под огня неприятельской тяжелой артиллерии 16 повозок полкового обоза, при этом его самого контузило. За этот и другие свои подвиги он был награжден в 1916 г. орденом Св. Владимира 4 степени с мечами. Только за 1914 г. на фронте было убито 27 священников и иеромонахов, ранено 67, пропало без вести 14⁵⁹. К концу 1915 г. военных священников насчитывалось 2 тыс., а всего их было в армии свыше 5 тысяч⁶⁰.

В Пермской епархии в июне 1915 г. к вершине горы Фавор, в Фаворской обители, по случаю торжественного освящения алтаря-часовни с престолом в честь Воздвижения Креста Господня и в память русских воинов, «убиенных в нынешнюю войну», собрались крестные ходы из Перми и еще 15 приходов. Эти крестные ходы возглавил ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Пимен, его сопровождал епархиальный миссионер и уездные миссионеры. Вместе с православными шли и раскольники и сектанты⁶¹. У вновь освященного алтаря-памятника прошло «всенародное богомоление об упокоении православных воинов убиенных за Веру, Царя и Отечество и о даровании христолюбивому русскому воинству полной победы над сильным и коварным врагом нашего Отечества...»⁶².

Для того чтобы вдохновить воинов, пермский епископ Андроник вручил 101-му пермскому полку как святыню одну из хоругвей (на одной стороне изображен Спас, а на другой Введение во храм Божьей Матери), написанную в первой половине XVII в. в честь Михаила Никитича Романова, дяди царя Михаила Федоровича, погубленного Борисом Годуновым в Ныробе (Чердынский уезд). Царь Николай II одобрил этот шаг. Было написано послание императору, а хоругвь-стяг препровождался в Царскую Ставку⁶³. Для организации поездки пермской делегации на аудиенцию с Николаем II был создан особый комитет по инициативе епископа Андроника в составе 18 членов — представителей Правительственных учреждений, Местного городского самоуправления, губернского и уездного земства,

⁵⁶ Там же, 38.

⁵⁷ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 38.

⁵⁸ Вяткин 2005, 161.

⁵⁹ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода 1916, 36, 49; РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 483.

Л. 71.

⁶⁰ Сенин 1990, 161.

⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2720. Л. 14.

⁶² Там же.

⁶³ Дар жителей Пермского края 1916, 1–8.

духовенства, купечества и граждан г. Перми⁶⁴. В воскресный день 3 июля 1916 г. на соборной площади произошло торжественное освещение хоругви-стяга. Перед молебном епископ Андроник обратился с речью. Состоялся парад войск, который принимал командированный из ставки Верховного Главнокомандующего генерал от инфантерии Адлерберг, присутствовали губернатор М. А. Лозина-Лозинский, председатель губернской земской управы Е. Д. Калугин и др.⁶⁵.

В епархиальных отчетах за 1914 г. архиереи отмечали повсеместный религиозный энтузиазм в русском народе. В отчете за 1914 г. екатеринбургский епископ Серафим писал: «Рознь и партийные счеты забыты, после недавних смут русский народ, как бы впервые прозрел и понял какими дорогими сокровищами он владеет в вере православной, в своем Самодержавном Царе и его державных помощников и наконец в завещанной от предков русской земле. На этих старорусских началах теперь и объединился русский народ, как один человек, и горит одним желанием сломить упорного и коварного врага и с честью выполнить великую миссию водворения в людях мира и благоволения»⁶⁶. Он же в 1915 г. с оптимизмом утверждал: «Состояние благочестия в народе возвышается»⁶⁷. В своих отчетах екатеринбургскому епископу Серафиму благочинные на конкретных примерах иллюстрировали рост благочестия⁶⁸. Только отчет благочинного градо-Екатеринбургских церквей как бы выпадал из общей массы. Он в своем отчете отмечал: «Зажиточный и интеллигентный класс населения в шуршании кредитной бумаги заглушает в себе и религию и патриотизм. <...> Организуемые сборы и пожертвования начинают сокращаться, общество менее отзывчиво относится к возникающим потребностям и нуждам военного времени. Увеселительные места наоборот начинают работать оживленнее»⁶⁹.

Тот же самый подъем религиозности в обществе в годы войны отмечает и пермский епископ Андроник, однако и у него двойственное ощущение от психологической атмосферы того времени: «На возвышении религиозности повлияла еще в большой степени война, если не исключительно; по отзывам духовенства, прихожане усерднее посещают храмы, чаще служат молебны и акафисты, щедро жертвуют на храм и покупают свечи; с другой стороны нельзя умолчать, что домашняя молитва всей семьей не совершается, родители не наблюдают, чтобы дети выученные в школе молитвы читали дома; не видно, чтобы пьянство совершенно прекратилось, так как пьют теперь вместо водки хмельную брагу, пиво; местами среди молодежи развивалась картежная игра; среди солдаток непослушание старшим в семье, склонность к щегольству, в надежде на казенное и общественное пособие, уклонение от работы, излишняя требовательность общественной помощи; в городах пристрастие к кинематографам, даже накануне праздничных дней в часы богослужения...»⁷⁰.

О том же пишет в своем отчете за 1915 г. вятский епископ Никандр: «О нарастающем влиянии пастырей церкви на население свидетельствуют все благочин-

⁶⁴ Там же, 5–6.

⁶⁵ Там же, 8–9.

⁶⁶ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2636. Л.26.

⁶⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2699. Л.27.

⁶⁸ Там же, 27–33.

⁶⁹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2699. Л.30.

⁷⁰ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.9.

ные епархии. Паства внимательно относится к проповеди в храме, — особенно если она ведется не по книге, не по тетради, а живой речью. Интерес населения к беседам увеличивается и тем, что на беседах всеми священниками сообщались сведения о ходе военных действий. Сообщения с театра войны из газет и журналов давали широкий материал освещать цель настоящей войны и боевыми эпизодами иллюстрировать величие и красоту Православия»⁷¹.

Если взять такой показатель религиозности, как церковное строительство, то за три года войны строительство новых церквей и монастырей не прекратилось. Только в 1915 г. в Вятской епархии с разрешения было открыто 27 прихода⁷². За период 1912–1916 гг. в Пермской епархии было основано 4 монастыря и построено 49 церквей. Если взять такой отдельный факт, как строительство нового соборного храма в уездном городе Оса Пермской губернии, то только за двухлетний период 1912–1914 годы пожертвований и «кружечного сбора» на строительство храма от прихожан поступило всего 4550 руб., а за один 1915 год — целых 11207 рублей⁷³.

В Пермской епархии в 1915 г. открыли 2 прихода⁷⁴. В 1915 г. строящихся церквей было каменных — 19, деревянных — 45, часовен каменных — 1, деревянных — 5⁷⁵. Окончено «построением» церквей каменных — 5 и деревянных — 13, часовен каменных — 1 и деревянных — 11, освящено 9 деревянных церквей⁷⁶.

В 1915 г. в Екатеринбургской епархии прихожане более щедро жертвовали в пользу своих храмов. По Екатеринбургскому уезду было 9 пожертвований на сумму 16698 руб. 50 коп.⁷⁷, а по Верхотурскому уезду 4 пожертвования на сумму 5235 руб.⁷⁸. По Шадринскому уезду 5 пожертвований было на сумму 8900 рублей⁷⁹. В 1915 г. в Екатеринбургской епархии открыли 2 самостоятельных прихода. Закрытий приходов не было⁸⁰. Строящихся церквей было 62, окончено постройкой 12, освящено 11⁸¹.

Патриотический энтузиазм 1914–1915 гг. сменяется разочарованием 1916 г., религиозный подъем идет на убыль, зато растут и становятся популярными в российском обществе антицерковные настроения, но было большой недооценкой игнорировать эти настроения 1914–1915 гг. в русском обществе. Кроме того, важно акцентировать внимание, каким образом церковь пыталось не просто помочь российскому государству выдержать испытания лихолетья, но и выработала именно в ходе этой войны мобилизационную модель своих действий, которая впоследствии сыграла свою роль и во Второй мировой войне.

⁷¹ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2694. Л.18.

⁷² Там же, 8.

⁷³ Кузнецова 1916.

⁷⁴ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2720. Л.2.

⁷⁵ Там же, 19.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ РГИА. Ф.796. Оп. 442. Д. 2699. Л.34–35.

⁷⁸ Там же, 5.

⁷⁹ Там же, 35–36.

⁸⁰ Там же, 2.

⁸¹ Там же, 16.

ЛИТЕРАТУРА

- Василенко В. О.* 1916: Офицеры в рясах. М.
Всепопданейший отчет обер-прокурора Св.Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. 1916. Пгр.
Вяткин В. В. 2005: История Пермской епархии в XIX–начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дис. ... канд. ист. наук. Пермь.
Дар жителей Пермского края 101-му Пермскому полку. 1916. Пермь.
Действия и распоряжения Святейшего Синода в виду объявления войны. 1914. Спб.
Кандидов Б. П. 1929: Церковный фронт в годы мировой войны. М.
Кандидов Б. П. 1933: Империалистическая война и религия. М.
Кузнецова И. А. (тип.) 1916: Отчет комитета по постройке нового соборного храма в г. Осе за 1912–1913–1914 и 1915 года. Оса.
Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. 1917. Пгр.
Платонов Н. Ф. 1975: Церковь и империалистическая война // Религия и церковь в истории России. Советские историки о православной церкви в России. М., 228–240
Сенин А. С. 1990: Армейское духовенство России в первую мировую войну // Вопросы истории. 10, 159–165.
Суглобов Г. А. 1969: Союз креста и меча. М.
Щеглов Г. Э. 2005: Церковь и Первая мировая война // Ступени. 1(17). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minds.by/stupeny/nomera/17/st17_33.html
Эльвин Ил. 1934: Церковь и война. М.

CHURCH IN THE URALS DURING WORLD WAR I

M. G. Nechayev

The Russian Orthodox Church activity during the war was plunged into undeserved oblivion by Russian historiography and has long been at the periphery of history study. The article, based on new documents, considers both the way the Church tried to help Russia to endure hard times and managed to develop a pattern to mobilize its efforts, which consequently played its role during World War II.

Key words: church, the Urals, World War I, mobilization pattern.

© 2011

Т. С. Рябова

ПАТРОНИРОВАНИЕ, ОПЕКА, УСЫНОВЛЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
(на материалах Южного Урала)

Одним из неотъемлемых элементов системы предупреждения и искоренения беспризорности в годы Великой Отечественной войны было определение детей на воспитание в семью. В статье проанализированы законодательная база, количественная и качественная характеристики патронирования, опеки и усыновления, отражены особенности этих форм общественной помощи несовершеннолетним, оставшимся без родителей.

Ключевые слова: Южный Урал, Великая Отечественная война, социальная политика, беспризорность, формы общественной помощи детям.

Советская военная действительность знала одну поистине замечательную форму заботы о детях, оставшихся без родителей, — устройство их в семью через патронат, опеку и усыновление. Являясь одним из звеньев общественной помощи в деле осуществления государственной политики охраны детства, оно, в свою очередь, было единственным вариантом распределения выявленных беспризорных детей, который позволял освоить культурно-исторический и социальный опыт семейных отношений.

В 1941–1945 гг. довоенное законодательство, регулировавшее организацию и осуществление патронирования, опеки и усыновления, было дополнено. 3 апреля 1943 г. Постановлением СНК РСФСР была утверждена новая инструкция «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей». В ней законодательно упорядочивались сложившиеся формы патроната, опеки, усыновления, определялись права и обязанности граждан, взявших детей на воспитание, а также функции государственных органов и должностных лиц, связанных с этими направлениями помощи обездоленным детям¹. 8 сентября 1943 г. был издан Указ «Об усыновлении». Он дополнял имеющиеся правовые нормы рядом правил, приближающих взятого в семью ребенка к родному ребенку усыновителя, подчеркивал важность волеизъявления несовершеннолетнего по вопросам устройства в семью².

В годы Великой Отечественной войны советские граждане принимали в свои семьи переживших множество жизненных неурядиц детей, пытаясь окружить их любовью и заботой, навсегда вырвать из уличной, зачастую преступной, среды. На 1 января 1943 г. в семьях граждан РСФСР (патронат, опека, усыновление) воспитывалось 117 938 человек³. Из них на патронате находилось 74 658 человек,

Рябова Тамара Сергеевна — старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: tamara_astra@mail.ru

¹ Александрова 1984, 16.

² Нечаева 1994, 43.

³ Черник 1984, 90.

под опекой — 29 358, усыновленных — 13 922⁴. За первый квартал 1943 г. органы народного образования усилили работу по устройству несовершеннолетних в семьи трудящихся, в результате чего только по 28 областям число детей, получивших возможность включиться в семейные отношения, увеличилось на 27 630 человек⁵. К началу 1945 г. в семьях трудящихся РСФСР (по неполным данным) воспитывалось 308 тысяч детей, оставшихся без родителей⁶.

Статистические данные свидетельствуют, что наиболее распространенным видом устройства детей в семью в 1941–1945 гг. был патронат. Передача детей на патронирование осуществлялась по специальному договору между лицом, изъявившим желание взять ребенка на воспитание, и уполномоченным государственным органом.

В городах и рабочих поселках передача детей производилась органами здравоохранения, передающими детей в возрасте от пяти месяцев до 4 лет, и органами народного образования, передающими детей в возрасте от 4 до 14 лет (договор подписывал заведующий отделом). В сельских местностях дети передавались на воспитание председателями сельских советов через кассы общественной взаимопомощи колхозов, правления которых и подписывали договор. Дети, воспитанники детских домов и домов младенца, определялись на патронат как в городах, так и в сельских местностях органами народного образования или здравоохранения. Договор, заключенный органом здравоохранения, по достижении ребенком четырех лет, перезаключался с тем же лицом на дальнейший срок органом народного образования⁷. Вся документация в обязательном порядке регистрировалась в местной администрации.

Прием детей на патронат производился исключительно на добровольных началах. Граждане, желающие взять ребенка на воспитание, подавали заявление в соответствующий орган. Нельзя не отметить, что на Южном Урале была распространена практика, когда комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, подменяли своей работой деятельность органов народного образования и здравоохранения, взяв на себя рассмотрение отдельных заявлений о патронировании⁸.

Заключению договора обязательно предшествовало тщательное обследование возможной патронатной семьи как в отношении бытовых условий, так и состояния здоровья всех членов семьи, проживающих вместе. О результатах обследования составлялся акт⁹.

К патронированию не допускались лица, чьи интересы были противоположны интересам ребенка, находящиеся с ним во враждебных отношениях, лишённые по суду избирательных или родительских прав, душевнобольные, несовершеннолетние. Если в семье имелись люди, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, острыми и заразными заболеваниями, эпилептики, если семья находилась в таких жилищных и санитарных условиях, которые угрожали нор-

⁴ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 4. Д. 2141. Л. 118.

⁵ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2977. Л. 5.

⁶ Зинич 1994, 49.

⁷ Свердлов 1943, 48.

⁸ ГАРФ. Ф. 415. Оп. 1. Д. 47. Л. 22.

⁹ РСФСР. О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей 1943.

мальному развитию ребенка, договор не мог быть заключен¹⁰. Даже отдаленность места жительства предполагаемого воспитателя от медицинского учреждения, которое могло бы осуществлять надзор за патронируемым ребенком (особенно в возрасте до 4-х лет), по указанию Народного Комиссариата здравоохранения СССР, служила серьезным основанием к отказу о передаче ребенка.

На патронат определялись только здоровые дети, лишившиеся родителей или потерявшие связь с ними в возрасте от пяти месяцев до четырнадцати лет¹¹. В отдельных случаях на воспитание могли быть переданы дети, не достигшие 5-ти месяцев, при условии обеспечения их грудным вскармливанием в семье или через пункты по сбору грудного молока.

Согласно инструкции НКП, НКЗ, НКЮ РСФСР «О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей», патронируемые, достигшие 14-ти лет, направлялись по усмотрению районного (городского) отдела народного образования в ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения или на работу наравне с воспитанниками детских домов. В этих случаях действие договора патронирования прекращалось¹². В исключительных ситуациях допускалось продолжение патронирования детей до 16-ти лет (болезнь, обучение в школе и т. д.)¹³, что было характерно для всего Южного Урала.

При передаче детей на патронат районные (городские) отделы народного образования и здравоохранения должны были одновременно выдать одежду и обувь на сумму до 200 рублей¹⁴, а также выплачивать семье из средств местного бюджета ежемесячное пособие в установленном законном размере (в годы Великой Отечественной войны оно составляло 50 рублей на одного ребенка¹⁵, но могло варьироваться от 60 до 120 рублей¹⁶), и оказывать необходимую помощь в осуществлении воспитания.

Усыновление — еще одна форма устройства детей в семью с установлением при этом между усыновителем и ребенком таких правовых отношений, которые существуют по закону между родителями и детьми. Усыновление допускалось только в отношении малолетних и несовершеннолетних, как правило, не имевших родителей, и исключительно в их интересах. Если родители или опекуны, не лишённые избирательных прав, были живы, требовалось их согласие. Дети, достигшие 10-летнего возраста, также должны были давать согласие на усыновление¹⁷. Принципиальную позицию закон занимал в отношении лиц, лишённых избирательных и родительских прав, душевнобольных, несовершеннолетних, которые не могли получить статус усыновителей¹⁸. Представители отделов народного образования, так же как и при патронировании, могли проводить обследования условий жизни усыновителей и составлять акты, которые могли воспрепятствовать этому процессу или способствовать его отмене.

¹⁰ Свердлов 1943, 49–50.

¹¹ Там же.

¹² Народное образование. Основные постановления, приказы, инструкции 1948, 334.

¹³ Политпросветработа 1, 2, 1945, 42.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5506. Л. 33.

¹⁵ Емелин 2000, 75.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 482. Оп. 47. Д. 1252. Л. 32.

¹⁷ Политпросветработа 1, 2, 1945, 43.

¹⁸ Народное образование 1948, 336.

Если усыновление не представлялось возможным в связи с теми или иными обстоятельствами, то в некоторых случаях инициировались опека или попечительство. Опекуны и попечители должны были выполнять все лежащие на родителях обязанности по воспитанию детей, защите их законных прав и интересов. Опека, как правило, устанавливалась над несовершеннолетними моложе 14-ти лет (по достижении детьми 14-летнего возраста она снималась)¹⁹. Опека распространялась на ребенка, который не находился на воспитании родителей или не содержался в стационарном детском учреждении. Опека учреждалась при условии смерти обоих родителей, а также в случаях, когда родители были лишены по суду родительских прав, длительное время не могли заниматься воспитанием детей (лишение свободы, длительная командировка, болезнь), являлись душевнобольными²⁰.

Устанавливая опеку над детьми, имеющими родителей, попечительские советы должны были иметь официальный документ, подтверждающий, что родители не могут заниматься оказанием педагогического воздействия на своих детей (решение или приговор суда, удостоверение или справка психиатрической больницы и пр.). Опекунами назначались не только близкие родственники ребенка, но и лица, не состоящие с ним в родстве. Отказаться от этой роли можно было только при наличии уважительных причин: достижении 60-летнего возраста, в случае болезни, при наличии физического недостатка или собственных детей в возрасте до 8-ми лет²¹ и т. д. Опека осуществлялась безвозмездно и подтверждалась специальным удостоверением.

Опекун был обязан заботиться о содержании подопечного, его здоровье и физическом развитии, о воспитании его в направлении, соответствующем целям и задачам коммунистической идеологии²². Попечители назначались для лиц старше 14 лет и осуществляли свои функции, вполне соотносимые с функциями опекунов, вплоть до совершеннолетия подростка.

Семьи, с трудом сводившие концы с концами, не имевшие достаточного времени и сил для воспитания родных детей из-за занятости на производстве, все-таки брали на воспитание обездоленных детей, что, несомненно, являлось нравственным подвигом. Одними из инициаторов воспитания детей-сирот в семьях трудящихся были работницы московского завода «Красный богатырь». По этому поводу в январе 1942 г. на заводе состоялся митинг. В ходе выступления передовая производственница Елена Семеновна Овчинникова восклицала: «Женщины, матери... детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого себе, приласкаю, выращу. Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!»²³ Пример работниц московского завода вызвал большой резонанс в стране. К апрелю 1942 г. трудящиеся Москвы и Московской области взяли на воспитание уже более 15 тысяч осиротевших детей²⁴.

¹⁹ Политпросветработа 1,2, 1945, 42.

²⁰ РСФСР. О патронировании... 1943, 8.

²¹ Там же, 9–10.

²² Народное образование 1948, 337.

²³ Правда 31.01. 1942.

²⁴ Беляков 1988, 54.

Полных данных, отражающих количественную составляющую патроната, опеки и усыновления по Южному Уралу в годы Великой Отечественной войны, к сожалению, нет.

Во исполнение Постановления СНК СССР от 23 января 1942 г. и решения Исполкома областного Совета депутатов трудящихся г. Чкалова от 6 февраля 1942 г. была создана городская комиссия по устройству детей, оставшихся без родителей²⁵. Благодаря деятельности этой комиссии в 1942 г. было усыновлено 142 человека, взято под опеку 117 человек, охвачено патронатом 118 человек. В целом, за 1942 и первую половину 1943 г. органами народного образования и руководителями детских учреждений было устроено в семьи трудящихся Чкаловской области 2288 детей²⁶. А с 1 января по 1 сентября 1944 г. здесь было усыновлено 1764 ребенка²⁷.

На 25 июня 1942 г. в Челябинской области было взято на воспитание 2258 человек²⁸. По отрывочным данным, предоставленным 26 районами области, на 27 июля 1943 г. на патронатном воспитании находилось 1306 человек, усыновлены — 628, взяты под опеку — 676 (всего — 2 610 человек)²⁹. В целом, за 1944 г. по 28 районам Челябинской области было усыновлено 329 детей, принято под опеку — 781, на патронат—1055 человек³⁰.

В Курганской области за первый квартал 1944 г. было выявлено 3084 детей-сирот, из них определены в стационарные учреждения и семьи трудящихся 2558 человек³¹. Тенденция наибольшего распространения патронатной формы устройства детей в семью, обозначенная в военные годы в южноуральском регионе, нашла свое отражение и в Курганской области. К 1 апреля 1945 г. на патронате в Курганской области состояло 1111 человек, под опекой — всего 209, что составляло 10% от общего количества детей-сирот, проживающих в это время в области³².

В годы военного лихолетья простые люди стремились помочь детям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, предотвратить массовую беспризорность. Архивные материалы содержат информацию, что несовершеннолетних, оставшихся без родителей, «воспитывают семьи рабочих или колхозников, бездетные женщины, красноармейки, имеющие свое хозяйство, бабушки, школьные работники»³³. Очень часто патронатными воспитателями выступали молодые девушки. В 1942 г. в г. Челябинске 19-летняя работница ЮУЖД Таня Крылова взяла на воспитание из детского приемника-распределителя мальчика полутора лет. Она выбрала больного и слабенького ребенка, объяснив это тем, что «...красивого вот каждый возьмет, а кто же такого пожалеет»³⁴.

Причины принятия детей в семью, без сомнения, были различны: отсутствие собственных детей или их потеря в годы войны, волеизъявление органов госу-

²⁵ ГАОО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1908. Л. 74.

²⁶ ЦДНИОО. Ф. 373. Оп. 2. Д. 894. Л. 72.

²⁷ ЦДНИОО. Ф. 373. Оп. 2. Д. 1963. Л. 48.

²⁸ Учительская газета 25.06.1942.

²⁹ ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 997. Л. 61–62.

³⁰ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1208. Л. 36–44.

³¹ ГАКО. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

³² ГАКО. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 20. Л. 89.

³³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5538. Л. 29.

³⁴ ОГАЧО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 912. Л. 19.

дарственной власти (например, в случае определения опекуна), корыстные соображения и ориентация на получение материальной выгоды и льгот и т. д. Тем не менее, сложно не согласиться с А. М. Нечаевой, считавшей ведущим лейтмотивом патронирования и усыновления в военное время личностную, гуманную причину — заменить обездоленному ребенку родителей³⁵.

В официальных документах периода Великой Отечественной войны неоднократно подчеркивалось, что компетентные органы не обеспечивали широкого развертывания патронирования, опеки и усыновления³⁶. Комплекс мероприятий, используемых для активизации патроната, опеки и усыновления как форм общественной помощи обездоленным детям на Южном Урале, на наш взгляд, действительно не отличался ни интенсивностью применения, ни разнообразием. В период крупных проверок работы органов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, декадников по устройству детей, оставшихся без родителей, данная деятельность заметно оживлялась. По радио были организованы выступления представителей общественности³⁷, проводились доклады и собрания среди населения с обсуждением вопроса «О роли трудящихся в воспитании детей и мерах предупреждения беспризорности и безнадзорности»³⁸.

Солидным исключением в деле привлечения граждан к устройству детей в семью была периодическая печать. Именно газеты и журналы военного времени, несмотря на жесткую партийную цензуру, порожденную чрезвычайными формами руководства страной, сказали здесь «свое веское мобилизующее слово»³⁹. В одном из номеров журнала «Работница» за 1941 г. была помещена статья «Позаботимся о детях-сиротах» следующего содержания: «Фашисты сделали сиротами сотни и тысячи детей. Кому же, как не нам, позаботиться об этих сиротах? Мы должны сделать все для того, чтобы дети, лишенные родителей и крова, не бродили беспризорными и голодными, замерзая от холода... Взять осиротевшего ребенка в дом, вырастить и воспитать его наравне со своими детьми — почетное и благородное дело каждой советской патриотки»⁴⁰. Благодаря своей оперативности и глубине воздействия периодическая печать, несомненно, являлась действенным рычагом привлечения внимания общественности к детской проблематике.

Как уже отмечалось выше, государство регламентировало прием детей в семью специальными документами, следило за осуществлением патронирования, опеки и усыновления с помощью центральных и местных органов власти и должностных лиц. Особую роль здесь играли инспектора по охране детства (инспектора по патронированию, опеке и усыновлению).

Согласно положению «Об инспекторе охраны детства Отдела Народного образования», опубликованном в марте 1944 г., это должностное лицо было обязано: осуществлять систематический учет детей и подростков, оставшихся без попечения родителей; проводить проверку условий жизни взятых на воспитание детей и принимать меры по охране их личных и имущественных интересов; оказывать

³⁵ Нечаева 1994, 43.

³⁶ ГАРФ. Ф. 415. Оп. 1. Д. 47. Л. 22.

³⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 26.

³⁸ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 5. Д. 1547. Л. 165.

³⁹ Широкопад 2001, 316.

⁴⁰ Работница 27, 1941, 15.

содействие опекунам, попечителям, патронатным воспитателям, усыновителям в выполнении ими их обязанностей; рассматривать жалобы и представлять заключения по делам несовершеннолетних в суд и многое другое⁴¹.

Решением правительства должность инспектора охраны детства предусматривалось ввести за счет существующих штатных работников отделов народного образования. Однако это было фактически невозможно, так как, например, в аппаратах районов в Челябинской области в условиях военного времени штат инспекторов народного образования был сокращен и составлял 1–2 человека. В результате имеющиеся инспектора к своим обязанностям по школьной и внешкольной работе получали в нагрузку обязанности инспектора по охране детства, что не лучшим образом сказывалось на их деятельности в целом. Ситуацию спасали только общественные внештатные инспектора в лице учителей, директоров школ, заведующих детскими садами⁴².

Если халатное отношение некоторых инспекторов по опеке и патронированию к выполнению своих обязанностей еще можно оправдать их нечеловеческой загруженностью и обширным функционалом, то факты преступных деяний не поддаются объяснению. Народный суд Багарякского района Челябинской области в начале 1945 г. рассмотрел уголовное дело по обвинению Кадниковой Ирины Сергеевны, работавшей инспектором районного отдела народного образования по патронату и опеке. Кадникова обвинялась в присвоении 15 вещей, предназначенных патронированным детям, а также подделке подписей получателей вещей. Так как обвинение было подтверждено лишь частично, подсудимая получила условный срок и штраф в 2007 рублей⁴³.

В обязанности инспекторов охраны детства отделов народного образования и внештатных инспекторов входило проведение проверки условий жизни взятых на воспитание детей. Работа в данном направлении велась с неодинаковой степенью интенсивности и периодичности в различных районах и городах Южного Урала. По результатам обследований условий жизни патронированных и опекаемых детей составлялись специальные акты, в которых фиксировались не только материально-бытовые условия содержания ребенка, но и его успеваемость в школе, поведение, психологический климат и воспитательные практики в семье. Если в ходе проверки условий жизни и воспитания детей инспекторами выявлялись лишь небольшие нарушения, то в этом случае с помощью ряда мер (проведение собраний, бесед и консультаций, оказание материальной помощи, проведение повторной проверки и т. д.) должностные лица и местные органы власти пытались скорректировать ситуацию, не допустить трагического сценария развития событий⁴⁴.

Материалы обследований дают возможность выявить целый комплекс проблем, стоявших в годы военного лихолетья перед усыновителями, патронатами и опекунами. Во-первых, катастрофически не хватало обуви, белья, одежды⁴⁵. Люди, взявшие на себя ответственность за воспитание детей, оставшихся без

⁴¹ Народное образование 1948, 339–340.

⁴² ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2977. Л. 5.

⁴³ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1208. Л. 98.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 5. Д. 1547. Л. 165.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1208. Л. 1, 5, 13, 49.

родителей, пытались выйти из сложившегося положения своими силами. Очень часто, если на патронате в семье находилось два ребенка, а верхней одежды не хватало, то шилась одна вещь на двоих. Например, Сафины Нарьям и Габдейкап, находящиеся на патронате у собственной тети в Златоусте, носили одни на двоих бурочки из старого пальто⁴⁶. Кроме того, трудящиеся могли обратиться с заявлениями об оказании материальной помощи, которые, в свою очередь, инициировали проведение обследований семей и принятие соответствующих решений⁴⁷.

У некоторых детей, передаваемых на воспитание, могло быть имущество, оставшееся после родителей. Человек, взявший на воспитание ребенка, в случае необходимости мог подать заявление об использовании имущества в соответствующий орган (даже если речь шла о банальной перешивке одежды родителей, ее реставрации и т. д.)⁴⁸. В 1944 г. в г. Магнитогорске было зафиксировано несколько случаев инициирования судебных разбирательств по причине незаконного распоряжения опекунами имуществом доверенных им детей⁴⁹.

Во-вторых, известны случаи наличия большой задолженности по оплате денег патронированным. В Бродокалмакском районе Челябинской области некоторые семьи не получали пособие по 8 месяцев, а гражданка Юдина — 12 месяцев⁵⁰. В-третьих, среди правомочий лица, взявшего ребенка на воспитание, были зафиксированы его право на первоочередную помощь от кассы взаимопомощи колхоза в приобретении мелкого скота и строительстве дома путем получения безвозвратного пособия или ссуды на льготных условиях, право на включение воспитанника в число членов семьи при исчислении налога, на получение скидки с квартирной платы по многосемейности, на получение жилищной площади для ребенка⁵¹. Но получение льгот для семей, берущих ребенка на воспитание, было связано с большой временной протяженностью и многочисленными бюрократическими формальностями, что не лучшим образом сказывалось не только на положении опекаемых и патронированных детей, но и на развитии всей системы устройства несовершеннолетних в семью.

В-четвертых, встречались случаи грубого и издевательского обращения с принятыми в семью детьми со стороны родственников патроната или опекуна. В частности, в Чкаловской области в семье Есиной, прекрасно выполнявшей свои обязанности по воспитанию обездоленного ребенка, родные дети постоянно выгоняли патронированного мальчика на улицу⁵².

Проблемы, нарастая как снежный ком, иногда приводили к добровольному отказу семьи от воспитания ребенка. Случаи возврата детей не были единичными на Южном Урале. При этом местные органы вместо принятия необходимых мер отпускали некоторых детей со справками о сиротстве и тем самым порождали беспризорность⁵³. Известны случаи, когда расторгались договоры о патронировании, опеке и усыновлении вследствие недопустимых условий содержания

⁴⁶ Там же. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 43.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 5. Д. 1547. Л. 114.

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1208. Л. 37.

⁵⁰ Там же. Л. 44.

⁵¹ Свердлов 1943, 53.

⁵² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 250. Л. 67.

⁵³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5506. Л. 33.

и воспитания детей. В Кыштыме была изъята и направлена в детский приемник-распределитель Смирнова Валя, воспитывавшаяся у родной бабушки. Бабушка не занималась воспитанием девочки, в результате чего последняя оказалась безнадзорной, побиралась у населения и воровала в огородах и квартирах соседей⁵⁴.

Итак, в годы военного лихолетья одним из значимых элементов системы предупреждения и искоренения беспризорности было определение детей на воспитание в семью. В целях упорядочения всей работы по передаче детей на патронат, опеку, усыновление довоенное законодательство было дополнено рядом нормативно-правовых актов, ряд положений которых, тем не менее, систематически не соблюдался. Осуществление семейного воспитания детей, оставшихся без родителей, на Южном Урале было сопряжено с серьезными трудностями: организационными, материальными, психологическими. Центральные и областные власти принимали меры по решению этих проблем, но присущая советской системе бюрократическая практика управления не позволяла трансформировать ситуацию к лучшему в сжатые сроки.

Г.М. Свердлов отмечал особую «атмосферу благоприятствования, которою окружает само государство <...> размещение детей в семьи трудящихся». По его мнению, она свидетельствовала о признании государством высокой социальной роли семьи⁵⁵. Не уничтожая идею о большом значении, которое государство придавало семье и семейному воспитанию, нельзя не обозначить лежащую на поверхности практическую цель — разгрузить детские учреждения, переложить часть забот о несовершеннолетних на плечи простых людей. На Южном Урале эта цель была реализована в весьма скромных масштабах, так как устройство детей в семью не стало основной мерой профилактики и борьбы с детской беспризорностью.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Г. 1984: Рабочий класс во главе всенародного патриотического движения помощи детям, оставшихся без родителей в годы Великой Отечественной войны // Ведущая роль рабочего класса в социально-экономическом развитии социалистического общества / М. А. Соколов (ред.). Иваново, 13–24.

Беляков В. 1988: Забота о детях в годы войны // Воспитание школьников. 1, 53–55.

Емелин А. С. 2000: Правовые основы превращения СССР в единый военный лагерь в годы Великой Отечественной войны. М.

Зинич М. С. 1994: Будни военного лихолетья 1941–1945. М.

Народное образование. Основные постановления, приказы, инструкции. М., 1948.

Нечаева А. М. 1994: Охрана детей-сирот в России. М.

Об устройстве детей, оставшихся без родителей, в семьи трудящихся // Политпросветработа. 1–2, 42–43, 1945.

Позаботимся о детях-сиротах! // Работница. 27, 15, 1941.

Правда. 1942.

РСФСР. О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей. М., 1943.

Свердлов Г. М. 1943: Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент.

⁵⁴ Там же. Л. 115.

⁵⁵ Свердлов 1943, 47.

Учительская газета. 1942.

Черник С. А. 1984: Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М.

Широкопад И. И. 2001: Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.

PATRONAGE, TRUSTEESHIP, ADOPTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: LEGAL NORM BASIS AND REGIONAL PRACTICE
(based on South Urals Material)

T. S. Ryabova

Fosterage was an integral part of the system aimed at preventing and eradicating child homelessness during the Great Patriotic War. The article analyzes legal basis, presents quantitative and qualitative characteristics of patronage, trusteeship and adoption, and gives peculiarities of these forms of public assistance to the parentless underage.

Key words: South Urals, the Great Patriotic War, social policy, child homelessness, forms of public assistance to children.

© 2011

И. О. Колдомасов

ОБМЕН ПЕЧАТНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В РАМКАХ
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ КАК СРЕДСТВО
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Обмен печатной продукцией внутри антигитлеровской коалиции представлял собой сложный и неоднородный процесс. Советская печать, отправляемая за границу, выполняла не столько информационную, сколько агитационную функцию, что вызывало критику англичан и американцев. Западная печатная продукция отражала идеологию капиталистических государств и подвергалась жесткой цензуре в СССР. Результаты обмена способствовали развитию отношений Советского Союза с США и Великобританией, но идеологические препоны помешали ему быть более успешным.

Ключевые слова: печатная продукция, агитация и пропаганда, обмен литературой, обмен союзников.

Сфера обмена печатной продукцией являлась важной составной частью области социокультурного взаимодействия СССР с западными союзниками по антигитлеровской коалиции. В довоенное время такие контакты СССР с США и Англией находились на достаточно низком уровне, причем советско-американские

Колдомасов Илья Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Магнитогорского государственного университета. E-mail: newhist@masu.ru

отношения стояли на более высокой ступени развития¹. Издания печати, помимо информационной, несли серьезную идейную нагрузку, которая трансформировалась в идеологическое противоборство внутри «Большого союза». Желание реализовать свои интересы и не допустить этого у партнера-конкурента коррелировалось с необходимостью создать на постоянной основе канал связи для поддержания контактов между тремя государствами.

Между тем, противоречие в достижении данных целей было заложено в самой установке, какую информацию не следовало доводить до союзников. Главное условие — ее неизбежно позитивный характер, ведь основные правила работы для Отдела иностранной цензуры, подконтрольного Главному управлению по охране государственных тайн в печати при СНК СССР (Главлиту) в отношении материалов, направляемых за границу, предписывали «тщательный контроль над материалами <...> дабы не пропустить за границу материал, могущий нанести ущерб Советскому Союзу» и «предотвращение разглашения военных и государственных тайн в изданиях, выходящих в СССР на иностранных языках и предназначенных для экспорта за границу»². Эта трактовка позволяла очень вольно определять подходящую под разряд тайной информацию с тем, чтобы «разрешать к выводу только правильное освещение жизни Советского Союза и его героической борьбы против германского фашизма»³. К сожалению, «правильное освещение» очень часто настолько сглаживало смысловую и эмоциональную нагрузку материала, что он действительно мертвел, теряя свою привлекательность.

Перечисленные правила, конечно, значительно ограничивали межкоалиционные связи в области обмена печатной продукцией. Также не менее серьезные ограничения накладывались на поступающую в СССР иностранную художественную, научно-техническую, военную литературу и печать. Среди задач, поставленных перед Отделом иностранной цензуры, на первом месте находился «тщательный просмотр иностранной литературы с тем, чтобы НЕ ПРОПУСТИТЬ материал, содержащий ВЫПАДЫ и КЛЕВЕТУ против Советского Союза, руководителей партии и правительства и Красной Армии, а также пропаганду фашизма и троцкизма»⁴. В целом выполнение этой задачи было необходимым, поскольку зарубежная информация действительно могла иметь пропагандистскую или идеологическую окраску, которая являлась бы антиподом советской пропаганде. В условиях военного времени «брожение умов» любого рода было недопустимым, поэтому цензура должна была действовать предельно четко.

Однако помимо главной задачи существовало несколько дополнительных, которые имели весьма искаженную степень реализации на практике. Первая из них трактовалась как «строгий контроль над заказами на инолитературу с тем, чтобы учреждениями выписывалась только действительно необходимая им литература и чтобы иностранная валюта расходовалась строго по назначению»; вторая — «как контроль над порядком хранения и использования учреждениями иностранной литературы, запрещенной для широкого пользования, в целях пре-

¹ Невежин 1990, 206.

² ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

³ Там же, 6 об.

⁴ Там же, 6.

дотвращения возможности ее широко распространения»⁵. Проблема контроля за исполнением этих правил заключалась в том, что определение нужного и ненужного оставалась в руках корпуса контролеров-цензоров и их непосредственных руководителей из Главлита, ВОКСа и т.д. К примеру, специализированным органом, отвечающим за реализацию культурных связей, с 1925 г. являлось Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), задачей которого было «содействовать установлению и развитию контактов и сотрудничества между учреждениями, общественными организациями и отдельными работниками культуры Советского Союза и зарубежных государств»⁶. Более того, любое запрещение могло прийти по партийной линии, что нередко шло вразрез с интересами организаций и учреждений, выписывающих нужную им литературу.

Показательным, на наш взгляд, является письмо начальника Главлита и одновременно исполняющего обязанности Уполномоченного СНК СССР по охране военных тайн в печати Н. Коробова в ответ на просьбу директора Государственной библиотеки имени В.И. Ленина В.Г. Олишева от 15 ноября 1944 г. Олишев писал, что в 1939 г. было сокращено количество обязательных экземпляров, выпускаемых издательствами РСФСР, для поступления в библиотеку с 5 до 3 единиц. До этого времени норматив в 5 экземпляров должен был способствовать обеспечению «важнейших библиотек СССР иностранной литературой путем книгообмена с заграницей»⁷. При этом 2 варианта издания должны были пополнять собственно библиотечные фонды, а три оставшихся — как раз обеспечивать книгообмен. В условиях сокращения общего количества литературы пострадал именно книгообмен, что в первые годы войны в условиях дефицита бумаги и тяжелого положения казалось не столь заметным (предпочтение отдавалось малым формам печатной продукции). Но к концу 1944 г. положение улучшилось и в военном плане, и с точки зрения заинтересованности иностранных держав в советских произведениях. Особенно, констатировал Олишев, рост интересов и заказов на книги был характерен для США и Англии, в результате чего общий книгообмен за 1944 г. увеличился в 10 раз относительно довоенного периода. Директор отметил положительную динамику в культурных взаимоотношениях и пояснил, какую значительную экономию можно было бы получить в валюте в случае обмена книгами, а не покупки их за рубежом. Суть просьбы сводилась к увеличению количества присылаемых в библиотеку экземпляров до прежнего норматива — 5 штук только для издательств РСФСР при сохранении тройного экземпляра для прочих издательств⁸.

Просьба действительно была актуальной: знакомство с литературными новинками могло способствовать популярности союзников в советском обществе и наоборот, поскольку значение печатной продукции в тот период было огромным. Тем более непонятным выглядел ответ Н. Коробова, заявившего, что библиотека получает «бесплатно в пяти экземплярах» все произведения, издаваемые в РСФСР, а значительная часть отпускаемой для книгообмена продукции все равно за границу не идет. В условиях острой потребности в литературе, а также

⁵ Там же, 6.

⁶ Мелехов 1999, 62–63.

⁷ ГАРФ. Ф. 9425. Оп.2. Д.63. Л.9.

⁸ Там же, 9.

значительной себестоимости годового комплекта одного экземпляра (примерно 200 тыс. рублей) увеличение бесплатно выпускаемой нормы было признано Главлитом нецелесообразным⁹.

Трудно объяснить столь значительные расхождения в данных, но директор библиотеки наверняка действовал, опросив своих сотрудников, которые работали с поступающей литературой, в то время как Коробов мог почерпнуть сведения из многочисленных отчетов своих подчиненных, где информация могла быть искажена. Однако в любом случае начальник Главлита ограничивал культурные связи не по собственной инициативе: его ведомство находилось под кураторством Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а за тем, в свою очередь, вел наблюдение секретарь ЦК ВКП(б) А. Щербаков. Вероятно, руководство принимало во внимание тот факт, что популярность СССР в союзных странах к концу 1944 г. была стабильно высокой, а свое общество не считали нужным снабжать дополнительной информацией с «буржуазным» уклоном.

Схожая политическая линия наблюдалась в отношении выписки советских печатных изданий за границу. Начальник Управления пропаганды и агитации Г. Ф. Александров в конце 1943 г. писал Щербакову об ограничении выписки советской печати в союзные и нейтральные страны за годы войны. Табу накладывалось на все военные издания, краевые, областные, городские, районные, а также на некоторые центральные газеты («Военное обучение», «Гудок») и 26 отраслевых журналов. Разрешены были такие газеты, как «Красная Звезда», «Красный Флот», «Вечерняя Москва», издания всех союзных республик. Исключения для военных изданий объяснялись блокировкой некоторыми иностранными государствами отправки собственных военных газет в Советский Союз без взаимозачета. Заявки зарубежных респондентов показывали их интерес к промышленным районам СССР, к разным видам транспорта, металлургии, машиностроению и другим отраслям индустрии. Так, американское посольство пыталось выписать 49 областных и краевых газет и 17 отраслевых журналов, а английское посольство просило о выписке 9 отраслевых газет и журналов¹⁰.

Советские функционеры сочли такой интерес чрезмерным и, опасаясь получения союзниками нежелательной информации об СССР, приняли решение ужесточить возможности выписки отечественной печати за границу. Александров озвучил план на 1944 г., в котором предполагалось запретить выписку всех местных газет и журналов, включая республиканские; исключить из списка разрешенных к выписке за рубеж все военные издания; запретить для иностранных подписчиков важнейшие отраслевые газеты и журналы. Под запрет по новым правилам попадали 32 издания, 11 из которых в 1943 г. были для иностранцев доступными. Что касается разрешенной к выписке печатной продукции, то ее нормы составили 20 наименований газет и 100 журналов¹¹.

Несмотря на не слишком значительное сокращение, обращает внимание на себя факт, что главным партнером СССР по выписке периодических изданий были США, чьи организации и частные лица выписывали намного больше советских газет и журналов, чем Великобритания, Франция и т.д. Если брать за основу

⁹ Там же, 10.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д.185. Л.80.

¹¹ Там же, 80–81.

данные 1943 г., то в США доставлялись 114 экземпляров «Правды» (в Англию — 35 экземпляров, Францию — 1), 52 — «Известий» (26 и 2 соответственно), 12 — «Труда» (4 и 1), 55 — «Красной Звезды» (31 и 3), 10 — «Комсомольской правды» (4 и 0), 30 — «Вечерней Москвы» (19 и 3), 5 — «Британского союзника» (2 и 0), 19 — «Литературы и искусства» (5 и 1) и т.д.¹² Преимущество американцев было заметно и по другим видам изданий, кроме «Красного Флота», «Красного спорта» и «Московских новостей». Это объяснялось большим количеством эмигрантов, проживавших в Штатах и имевших огромную потребность в приобщении к событиям и культуре своей бывшей родины. Но в Советском Союзе этот интерес не вызвал одобрения, поскольку господствовало идеологическое клише о чуждой сущности беженцев из СССР государственному строю и их классовом антагонизме по отношению к сталинскому режиму. Морально-психологические аспекты особого интереса к родине, видимо, в расчет не принимались.

Определенную неразбериху в обмен книгами и периодикой вносило отсутствие единого центра координации этой работы. Для централизованного государства с четкой иерархией подчинения это было пагубной практикой. Формально существовали несколько схожих по функциям организаций: общество «Международная книга» («Межкнига»), которое имело возможности направлять своих сотрудников за границу, где с помощью советских дипломатов организовывались встречи с владельцами и главными редакторами издательских фирм и заключались договоры; Литературное Агентство, входящее в состав ВОКС и действующее в рамках этой организации; Издательство литературы на иностранных языках, функции которого сводились к печати и корректурке зарубежных изданий. В действительности Литературное Агентство заработало только через год после сближения с западными странами (в августе 1942 г. была начата работа с США и Англией, причем последняя вскоре оформила двусторонний договор с «Межкнигой»), а «Межкнига» не сумела воспользоваться благоприятными обстоятельствами и закрепиться на английском рынке. В результате дублирования функций ни одна организация не сумела достичь максимума своих возможностей, но деятельность Литературного Агентства оказалась более продуктивной. До 1 января 1944 г. оно отправило в США 74 книги, 17 из которых были изданы и 5 — приняты к изданию; по 15 другим книгам велись переговоры; 3 были поставлены на театральной сцене. Общий тираж советской литературы в США за полтора года составил 150 тыс. экземпляров, на которые было напечатано 13 тыс. рецензий¹³.

Работа в Англии по заключении договора «Межкниги» с издательством Хатчинсона явно застопорилась: согласно условиям договора, ежегодно должно было издаваться не менее 100 советских книг (30 — по прямому указанию «Межкниги» и 70 — по выбору из предложенного советской стороной списка), а прибыль от продажи должна была делиться пополам. В реальности с июля 1943 г. по апрель 1944 г. были изданы только 19 произведений, причем 13 из них были направлены Литературным Агентством. Тираж составил от 3 до 25 тысяч экземпляров¹⁴. Очевидно, что работа «Межкниги» в соответствующих ведомствах оценивалась отрицательно, поскольку сотрудники общества не сумели создать систему связи

¹² Там же, 88–89.

¹³ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 272. Л. 40.

¹⁴ Там же, 40 об.

с английскими издательствами и частными лицами и выглядели абсолютно неконкурентоспособными. При отсутствии двустороннего договора с англичанами, велика была вероятность, что по этой линии не удалось бы издать ни одной советской книги. Поэтому в докладной записке, адресованной в Отдел международной информации ЦК ВКП(б) в апреле 1944 г., предлагалось объединить всю работу литературных организаций под эгидой ВОКСа и Литературного Агентства, а для большей концентрации власти и «усиления деятельности по изданию литературы на иностранных языках об СССР» — создать «Всесоюзное Объединение по изданию литературы на иностранных языках», подчинившее бы все остальные структуры¹⁵. О создании такой организации в оставшееся до конца войны время решение принято не было.

Немаловажным вопросом было качество направляемой за рубеж печатной продукции. Претензии, предъявляемые союзниками, касались сферы интересов английского и американского общества, не желавших читать статьи о брикетах для газогенераторных моторов, заготовках картофеля для московских архитекторов и даже об американском писателе (!) Майн Риде, который не был популярен в родной стране¹⁶. Имевшие популярность статьи на военные или медицинские темы, написанные профессиональным языком, словно в насмешку над законами рынка почти не присылались к середине 1943 г., ограничиваясь материалами очеркового характера.

Самое интересное, что в советских организациях, по крайней мере среди их руководящего состава, существовало вполне осознанное представление о низком качестве отправляемых за границу материалов. Но выводы, к которым приходили функционеры, свидетельствовали либо о недооценке обмена печатной продукцией с союзниками, либо о преднамеренном пренебрежении к этому процессу. Например, в августе 1943 г. член Совинформбюро Н. Кондаков отправил докладную записку на имя А. Щербакова, где писал о больших тратах советского государства на отправляемые за рубеж статьи. Речь шла об отправлениях по телеграфу — самом оперативном и самом дорогостоящем на тот момент способе. За 2000 посылаемых в год статей СССР расходовал 200 тыс. долларов (1 млн. рублей), хотя «ни одна из этих статей не заслуживает того, чтобы она занимала в военное время телеграфный кабель или радиостанцию и обходилась государству в сотни рублей золотом»¹⁷. Кондаков предлагал экономить средства и перейти на отправку статей обычной почтой, поскольку большинство материалов не устареют и через два месяца, ведь они ничем не отличаются от статей, посланных несколько месяцев назад. Член Совинформбюро понимал бессмысленность отправки телеграфом «такой слабой и малопригодной корреспонденции» — английские и американские редакторы прекрасно знали стоимость материалов и наверняка «удивлялись и иронизировали по поводу того, что мы тратим валюту на пересылку таких «семечек»»¹⁸. Сам Кондаков раскрыл методику получения неактуального и неинтересного для союзников материала: например, работники Английского отдела Совинформбюро, не справляющиеся с нормативной цифрой статей в июле (была

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 272. Л. 53.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 2. Д. 10. Лл. 37.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 73. Л. 94

¹⁸ Там же, 94–95.

подготовлена 191 статья вместо 500), восполнили недостаток вырезками из центральных советских газет, переводя их на английский язык в течение трех дней и посылая за границу уже известный там материал¹⁹. При этом проблема качества информации нередко подменялась недостатками в деятельности работников соответствующих ведомств, а главным методом исправления недочетов понималось ужесточение цензурского контроля.

Тем не менее, расценки советской печати доказывали, что в главных союзных странах — США и Великобритании — затраты на единицу печатной продукции (слово) были для СССР куда меньше, чем в других союзных и нейтральных государствах. Так, оплата за слово, телеграфируемое в Америку, составляла 27 копеек золотом, а на Британские острова — 45 копеек золотом, что давало среднюю стоимость статей в 194,4 и 324 рубля соответственно. В то же время каждое слово, отправляемое в Канаду, оценивалось в 61 копейку золотом, в Аргентину — в 1 рубль 23 копейки, а в Австралию — целых 2 рубля²⁰. Эти «ножницы цен» свидетельствовали о благоприятном режиме для советской печатной продукции именно в приоритетных для партнерства направлениях. Однако позиция правительства СССР не отличалась мобильностью в разделении союзников на первостепенных и второй степени важности, по крайней мере, в вопросах культурной сферы.

Нельзя не отметить и обратную сторону вопроса — получение советской стороной американской и английской печатной продукции и использование ее для расширения контактов между государствами коалиции.

Здесь также существовали определенные «подводные течения», затруднявшие результативность деятельности. Например, только в декабре 1943 г. состоялась встреча секретаря Президиума Союза советских писателей А. А. Фадеева с пресс-атташе британского посольства Лоуренсом и представителем радиовещательной компании BBC Миллером. Визит англичан, очевидно, носил ознакомительный характер: целью было установление личного контакта с Фадеевым и зондирование возможностей продвижения английской информации в советскую прессу. Ни один из обсуждаемых вопросов не был переведен в практическую плоскость: на вероятность появления английских статей на страницах газеты «Литература и искусство» Фадеев ответил, что этот факт зависит от «качества присланных статей, своевременности их поступления и наличия места в газете»; на вопрос о книгах советских писателей, способных заинтересовать британскую общественность, уже Лоуренс и Миллер ограничились дежурной фразой «будем обращаться по мере надобности» и т.д.²¹ С позиций взаимодействия государств, ведущих войну против общего врага в течение двух с половиной лет, встречу можно признать нецелесообразной.

Конечно, нельзя отрицать использование иностранных заметок и художественных произведений на страницах советской прессы и периодики. Однако, как и в противоположном случае, советские редакторы и цензоры предъявляли серьезные претензии к поступающим материалам, и далеко не все из них открыто публиковались. Между тем, англо-американская печатная продукция занимала ведущее место среди доставляемых из-за границы материалов. Например,

¹⁹ Там же, 94.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 73. Л. 94 об.

²¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 208. Лл. 1–10 об.

в 1942 г. она насчитывала 116739 наименований из 201401 общего числа единиц²². ВОКС издавал газету «Британский союзник» для советской публики, состоящую из английских материалов, существовал журнал «Интернациональная литература», где публиковались в основном произведения американских и английских писателей, готовился проект издания в СССР журналов «Америка» и «Америка в иллюстрациях», а также советского ежемесячника в США.

Информация, прибывающая из союзных стран либо публикуемая в столице на иностранном языке для отправки в США и Англию, оценивалась исключительно по советским лекалам. Например, газета «Британский союзник» была печатным органом министерства информации Великобритании и еженедельно выходила для советских читателей на русском языке с 16 августа 1942 г. Публикуемые материалы затрагивали англо-советские отношения, действия на других фронтах Второй мировой войны, жизнь и деятельность иностранцев²³. Востребованность еженедельника была огромной, в редакцию постоянно поступали заявки с просьбой о подписке от различных учреждений, организаций и частных лиц. В 1942 г. тираж издания составлял 8 тыс. экземпляров, но запросы редакции на увеличение тиража неожиданно привели к его сокращению до 6,2 тыс., причем запрет был отпущен по партийной линии.

Внешнее благополучие не подтверждалось на практике: англо-американские материалы с трудом просачивались на советский печатный рынок. Причиной этого часто была перестраховка ответственных лиц — опасение пропустить недозволенное правилами цензуры. Нередко эти опасения приобретали довольно гротескные формы, особенно в области художественной литературы, критерии содержательности которой были довольно своеобразны. Так, на выпущенный в 1942 г. роман американской писательницы К. Бойл «Азбука борьбы» была дана отрицательная рецензия. Из содержания романа, однако, довольно трудно уловить, чем это отрицание могло быть вызвано. Автор в начальный период Второй мировой войны совершила путешествие по Европе и написала произведение о судьбе Франции. Главная героиня — американка Фил — вышла замуж за француза и поселилась в этой стране. На ее пути возникает новый мужчина — австриец Вольфганг, женатый на стороннице режима Петэна. С нападением Германии Фил предстояло решить противоречие: следовать по пути любимого, согласившегося сотрудничать с нацистами, или сохранить верность новой родине. Героиня выбирает второй вариант, рассчитывая на помощь Англии. Любопытно, что о Советском Союзе в книге содержится всего одна фраза, характеризующая негативное отношение героев к пакту Молотова-Риббентропа: «Всего этого не было бы, если бы Россия нас не бросила». Несмотря на патриотические мотивы в романе и «правильный» выбор героини в конце, цензоры не рекомендовали его к печати, поскольку период, рассматриваемый в произведении, был резко ограниченным, основные линии сюжета связывались с эмигрантами, а не с коренными французами²⁴.

Обращает на себя внимание и факт отставания советских граждан в ряде современных литературных новинок при общем невысоком культурном уровне за-

²² ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 41. Л. 6 об.

²³ Поздеева 1999, 23–24.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 1074. Лл. 9–13.

падных обществ. В случае с художественной литературой иллюстративно одно письмо студентов английского отделения филологического факультета МГУ на адрес Английского клуба Кембриджского университета, где звучало признание, что классическая английская литература и проза современности известна им достаточно хорошо, а «современная английская поэзия <...> почти неизвестна»²⁵. В обратном послании студенты Кембриджа писали: «Мы читаем в переводах многих ваших дореволюционных и советских писателей. «Война и мир» Толстого — самый популярный роман сегодня в Англии. Спрос на эту книгу так велик, что даже в этом городе книжных лавок найти ее чрезвычайно трудно, да и в библиотеках получить ее не легче. Второй по известности идет знаменитая трилогия Шолохова. С жадностью читаются рассказы Зощенко; «Далекое» Александра Афиногенова с большим успехом исполнялось во многих местах страны и мы, вместе с вами оплакиваем его смерть. Чехов и Горький пользуются заслуженной популярностью и на сцене, и в чтении. У нас богатый материал для изучения вашей литературы, — и все же этого недостаточно»²⁶. Это слова молодых и грамотных людей, получающих лучшее по европейским меркам образование, но разбег от Толстого до Афиногенова скорее свидетельствует о несистемности знаний о русской литературе, чем о доступности многих литературных источников для простого обывателя на Западе. Говорило это и о неэффективности работы советских литературных органов в стремлении ознакомить союзников с произведениями своей страны. Советские же граждане, имевшие доступ и время для работы с литературой, а значит — и определенный уровень культуры, не всегда имели возможности с западной литературой ознакомиться. Особенно проблематична была ситуация с современными произведениями, где политический и идеологический аспект часто превалировал над содержательной частью в случае запрещения к изданию той или иной книги.

Немалое число подобных примеров и разнообразие сюжетных линий в данном вопросе не влияют на основной вывод статьи: осуществление литературного сотрудничества оказалось весьма трудоемким процессом для всех государств антигитлеровской коалиции. Советские организации не сумели воспользоваться подходящей ситуацией для эффективного издания книг за рубежом. Помимо сложностей объективного характера (проблемы с денежными средствами, с бумагой, с воздушным сообщением в начале войны), существовали и такие, решение которых находилось в зависимости от поведения советских функционеров (например, вопрос о конкурентоспособности). Сложности с адаптацией к условиям работы в другой стране с принципиально иными правилами поведения были серьезным препятствием для успешного налаживания нужных связей. Как уже подчеркивалось выше, представителям советских организаций было тяжело приспособиться к рыночным условиям Запада, что означало соблюдение четкого баланса между количеством и качеством печатной продукции. Непросто давался и учет конъюнктуры заказов, поскольку приходилось равняться не на массовое потребление, а на интерес определенной группы. Большие проблемы существовали с инициативой работников, так как их деятельность в Советском Союзе опреде-

²⁵ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 101. Л. 16.

²⁶ Там же, 38.

лялась прежде всего исполнительскими качествами, а организаторские функции принадлежали вышестоящим чиновникам. В заграничных условиях деятели советских структур совмещали оба вида функций и не всегда удачно, а обращение за разрешением в СССР приводило к колоссальным потерям времени и средств. Причиной, лежащей в основе всех факторов субъективного характера, было посредственное знание английской и американской жизни, часто — и языка, отсутствие должной подготовки для работы за рубежом. Многие могли приспособиться со временем, кому-то второй шанс не давался, а определенные лица просто не желали идти вразрез с официальной советской линией и не обладали деловыми качествами, сохраняя методы работы, которые было непонятны союзникам.

Помимо этого наличествовало стремление использовать печать в качестве орудия пропаганды как в СССР, так и внутри англо-американского блока. При этом тона материалов могли меняться от искренне доброжелательных до показательно враждебных. На практике это не привело к отторжению общественного мнения стран-союзниц от своих визави, но сократило реальные масштабы получаемого знания друг о друге. Советский народ наиболее пострадал от разного рода недопониманий, поскольку цензура в СССР отличалась большей жесткостью и меньшей гибкостью по отношению к материалам из-за рубежа. На протяжении всех военных лет обмен печатной продукцией был затруднен технической стороной проблемы — в виду нехватки кадров, сложностей с транспортировкой, валютой, бумагой. Но достижения в этой области не перекрывались многочисленными недостатками — художественная литература и публицистика действительно способствовали формированию многих позитивных черт западных союзников у советских людей, а обратная сторона получила возможность увидеть положительный образ «товарища из России».

ЛИТЕРАТУРА

Мелехов А. С. 1999: Роль общественности СССР и США в укреплении двустороннего сотрудничества в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: дисс.... канд. ист. наук. Воронеж.

Невежин В. А. 1990: Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Духовный потенциал советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 202–226.

Поздеева Л. В. 1999: Лондон-Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М.

PRINTED MATTER EXCHANGE WITHIN THE FRAMEWORK OF ANTI-HITLER COALITION AS A MEANS OF SOCIOCULTURAL CONTACTS

I. O. Koldomasov

Printed matter exchange within the framework of anti-Hitler coalition is a complex process. Soviet newspapers and magazines that were sent abroad imparted more propaganda than information, which caused bitter criticism from the British and Americans. Western press reflected capitalist countries ideology and was subjected to strict censorship in the USSR.

Exchange results promoted better relations of the USSR with Great Britain and the USA, but ideological barriers hampered a bigger success of the exchange.

Key words: Russian history, anti-Hitler coalition, propaganda, literature exchange, allies' image.

© 2011

Н. С. Фролова

ОБРАЗ АМЕРИКИ И АМЕРИКАНЦЕВ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-х гг. НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «ЦИРК»

Представления о внешнем мире, бытующие в обществе на разных этапах его истории, являются важной составляющей массового сознания. Как правило, личный опыт человека оказывается минимальным как раз тогда, когда речь идет о восприятии внешнего мира, иных стран, этносов, не живущих в непосредственной близости от него. Недостаток информации приводит к тому, что в этом случае действуют именно воспринятые в готовом виде стереотипы. Советский кинематограф, постепенно оформляясь как государственный орган, тиражировал исторические и политические мифы, угодные власти. В фильме Г. Александрова «Цирк» был сделан особый акцент на развенчание «загнивающего капитализма» в буржуазной Америке с ее американской демократией, где конституция лишь «красивый пергамент, хранящийся в сейфе законодательного учреждения».

Ключевые слова: образ страны и народа, американская буржуазная демократия, этнические стереотипы, политические идеологии.

Политический режим, сформировавшийся в СССР к началу 30-х гг., обладал рядом черт, позволяющих отнести его к числу тоталитарных режимов. Одной из его черт можно считать стремление к максимальному контролю над всеми сторонами жизни общества и личности. Для этого использовались различные механизмы, в частности, обязательная для всех идеология, жестко централизованная массовая партия, харизматический вождь, а также мобилизация общества или значительной его части для достижения единой общенациональной цели¹.

Соответствующие представления о внешнем мире, то есть о других странах и народах, составляли неотъемлемую часть официальной пропаганды. Постепенно в течение 1930-х гг. целостную картину мира сменял набор, иногда случайных, привычных, далеких от реальности стереотипов. Ужесточение идеологического контроля над отбором международной информации происходило параллельно с ростом напряженности в отношениях с Западом. Время от времени в советской прессе разворачивались кампании, посвященные угрозе новой войны с «капи-

Фролова Наталья Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: rushist@masu.ru

¹ Голубев 1996, 106.

талистическим окружением». Надежды на скорую победу мировой революции не оправдались. В массовом сознании был заложен краеугольный камень «образа врага» — психологический комплекс «враждебного окружения». Абсолютный приоритет классовых ценностей по сути дела означал их противопоставление, причем особо яростное и последовательное, общечеловеческим ценностям. В 1930-е годы комплекс «враждебного окружения» постепенно превратился в психологию «осажденной крепости», бережно защищенную со всех сторон сталинским тезисом об обострении классовой борьбы по мере продвижения по пути строительства социализма. Нагнетание атмосферы подозрительности, взаимного недоверия, страха и доносительства в целях поисков внешних и внутренних врагов полностью сместило систему ценностей, деформировало общественное сознание.

После, вышедшего на экраны фильма «Чапаев» И. В. Сталин стал считать кино приоритетным в деле пропагандистского воздействия на массы: «... еще раз убеждаюсь в важности кино, что и кто может с ним сравниться? Никто!» — настаивал он². В своих субъективных оценках генсек руководствовался не только сугубо личными симпатиями, но и общественными «материями»: ролью кино в укреплении государства и активном его воздействии на граждан.

Летом 1936 года на экраны страны вышел фильм Григория Александрова «Цирк», ставший самым кассовым за всю историю советского кино. Сразу же после премьеры фильм был объявлен «решительным успехом рабоче-крестьянского киноискусства на жанровом фронте».

Действия картины разворачиваются в цирке, среде, знакомой режиссеру и любимой. Если подробнее ознакомиться с биографией Г. Александрова, станет понятно, почему он взялся за эту тему. Дело в том, что в свое время будущий киноклассик работал в цирке. Однако при исполнении какого-то акробатического трюка, как рассказывают люди знающие, получил травму головы. «Вот на фоне этого и пришло решение пойти в режиссуру», — шутили в среде кинематографистов³.

Непосредственным же толчком к съемкам фильма «Цирк» оказался просмотр пьесы «Под куполом цирка» в Московском мюзик-холле, авторами которой были И. Ильф и Е. Петров. Их, вместе с В. Катаевым Г. Александров и привлек в качестве соавторов. А если учесть, что диалоги правил сам И. Бабель, то можно смело сказать: над сценарием фильма работали лучшие писательские силы страны. В окончательном варианте сценарий стал называться «Цирком», так же, как и фильм Чаплина 1928 года. С великим комиком Александров не раз встречался в Голливуде и не упустил возможности послать ему с экрана привет. В «Цирке» действует персонаж, как две капли воды похожий на Чарли и названный в титрах «Чаплиным», унылый клоун-слуга, покорно следующий за хозяином и символизирующий униженное положение художника в мире «голового чистогана». Сценарный этап один из самых важных при формировании идеологических стереотипов.

Основой сценария явилась трагическая судьба американки — актрисы цирка Марион Диксон и ее маленького сына — негретенка Джима, которые нашли в Советском Союзе своих истинных друзей и любовь. Острие комедии-мелодраммы

² Андерсон, Максименков, Кошелева 2005, 986.

³ Сенчакова 1982, 18.

было направлено против расизма. Фильм должен был воспеть свободу и равенство людей всех рас и национальностей, населяющих советскую страну.

Советская пресса в 1930-е годы на своих страницах довольно часто поднимала проблему положения негров в Америке. Образ Америки рисовался во все более мрачных тонах. При описании страны главный акцент ставился на том, что Америка — страна контрастов и что наряду с успехами американского капитализма необходимо вскрывать и его глубокие язвы.

Журналист М. Барановская замечала: «Американцы довели до совершенства издевательство над негром как над человеком»⁴. Статьи М. Барановской содержали сведения о том, что негры в США не имели никаких реальных политических и экономических прав: «На каждом шагу красуются надписи: “Негры не принимаются”, “только для белых”, “негров и собак не пускать”. Негр-рабочий беззащитен, он не член профсоюза, попытки организовать свои профсоюзы рассматриваются как бунт чернокожих <...> Убить негра то же самое, что убить животное. Ежегодно официально регистрируют несколько случаев линчевания.»⁵. Страшную картину расовой дискриминации рисовал журналист Н. Осинский: «Очевидная картина огромной бедности и очень низкого культурного уровня. “Черные” не имеют права входить в ту комнату, где сидят белые и наоборот. Вид у этой “черной” комнаты такой, точно это загон для скота. Все это производит отвратительное впечатление»⁶.

Отдавая должное высоким достижениям американской экономики и техники, советские граждане смотрели на незнакомую страну сквозь кривое зеркало советской пропаганды. Советские средства массовой информации предприняли меры направленные на формирование единственного правильного представления об американцах как об «империалистах», представителях «загнивающего» общественно-политического строя.

В. Маяковский еще в 1920-е годы провозгласил: «Все играющие, читающие, печатающие <...> меняйте содержание, делайте содержание <...> современным, сегодняшним, сиюминутным». В 1930-е годы злободневность, трактуемая властью весьма своеобразно, стала законом для советских деятелей литературы и искусства. В своих работах художники должны были отражать достижения молодой советской державы, ее победную поступь к социализму. Фильм Александра появился в год принятия сталинской конституции, утвердившей социализм как окончательно сформированную общественную систему.

По сюжету фильма в Москву приезжает зарубежная цирковая труппа во главе с немецким антрепренером Францем фон Кнейшицем. Гвоздь их цирковой программы — всемирно известный аттракцион «Полет на Луну». «Единственной исполнительницей подобного номера, — объявил импресарио, — является американская артистка Марион Диксон». Из ложи представление смотрят директор Московского цирка Мельников и демобилизованный из армии бывший артист цирка Мартынов. Пользующееся большим успехом у зрителей эффективное представление порождает у директора стремление «переплюнуть» Америку, создать более впечатляющий номер. Мельников агитирует Мартынова взяться за это дело.

⁴ Барановская 1927, 41.

⁵ Там же, 42.

⁶ Осинский 1926, 63.

Мартынов принимает предложение директора и называет свой аттракцион «Полет в стратосферу»⁷.

Идеология нуждалась в универсальной формуле, и Александров эту формулу нашел. Соревнование двух аттракционов — американского «Полета на Луну» и советского «Полета в стратосферу» — превращалось в битву двух систем. Идя навстречу злобе дня, режиссер откровенно подтасовал политический образ противника. Хотя злодей Кнейшиц прибыл из демократического Нового Света, он был немцем. Американский империализм и германский фашизм соединялись в одну темную силу, противостоящую светлому миру советских людей — таким образом, воплощалась инструктивная метафора эпохи о райском саде, расцветшем посреди океана зла. Дальше в дело шли классические оппозиции, унаследованные Александровым от своего наставника Эйзенштейна: ночь и день, луна и солнце, женское и мужское, пассивное и активное. В «буржуйском» номере вся опасность доставалась женщине, в советском полет совершал мужчина, явно зарифмованный с преодолевшим земное притяжение Икаром.

В период съемок литературной идеологеме требовалось придать живое воплощение в художественных образах. Первое место в актерском ансамбле «Цирка», несомненно, принадлежит исполнительнице главной роли Марион Диксон Л. Орловой. В исполнении Л. Орловой Марион Диксон — настоящая актриса, профессионал. М. Лучанский писал: «Мари Диксон была написана в сценарии как образ мелодраматический. Но своей продуманной игрой Орлова преодолела мелодраматический характер роли и в известной мере обнажила перед нами душу Марион, наполненную сперва страхом и страданием, затем надеждой и радостью». Через весь фильм актриса передает процесс постепенного превращения затравленной и эксплуатируемой женщины в свободного полноправного человека⁸.

«Гнусная погоня озверелого мещанства за «преступницей», свист, улюлюканье, опасность быть растерзанной — вот в каком напряженном драматическом свете мы впервые видим героиню, — писал в своей рецензии к фильму Н. Адуев. — Заслугой Александрова следует считать то, что он с первых же кадров обеспечивает реальность дальнейших переживаний Марион, показывает героиню, пришедшую из другого, дикого нам, но определяющего ее психологию мира, напоминает зрительными образами то, о чем мы знаем лишь из литературы и газет и заставляет нас верить во все дальнейшие переживания запуганной истрадавшейся женщины...»⁹.

Мелодраматический в сценарии образ шантажируемой цирковой артистки получил у Орловой полноту, глубину и теплоту человеческого характера. В редакцию газеты «Советское искусство» поступали письма читателей, просмотревших этот фильм. Практически все писавшие отмечали насколько Л. Орлова превосходно передает все оттенки эмоциональных состояний своей героини — страх, надежду, отчаяние, радость. «Орлова полноценной игрой в образе Марион рисует трагедию миллионов женщин. До мельчайших деталей продуман ею образ бесправной зарубежной женщины-актрисы. С необычайным лиризмом передано ею тайное, запрещенное буржуазной моралью, материнство. С неменьшей вы-

⁷ Фролов 1997, 93.

⁸ Там же, 98.

⁹ РГАЛИ. Ф.1847. Оп. 1. Л. 10.

разительностью показано Орловой, как безотраден подневольный труд и сколько радости и удовлетворения приносит работа в стране, где труд есть дело чести, доблести и героизма, — находим мы в письме А. Антоновской в редакцию газеты¹⁰.

Л. Орлова была для зрителя не просто актрисой, а неким символом. Она была зримым и эмоционально-идеологическим выразителем причастности к политике советской власти. В результате, вольно или невольно, актриса становилась как бы одним из советских идеологов, которые, переворачивая жизненные реалии, заставляли переживать за обездоленных негров и других «угнетаемых капитализмом» народов и противопоставлять им нашу «процветающую» Родину. Удачно сделан артистом П. Массальским образ эксплуататора Кнейшица. Массальский искусно ведет сложную роль любезного, изящного иностранца (завтрак и танец с дочерью директора цирка Раечкой) и вместе с тем жестокого хозяина, собственника, хитрого дельца, авантюриста.

По сценарию хозяин приезжего цирка, выступающий в традиционном амплуа злодея, усиленно добивается любви Марион. Но актриса выбирает молодого русского «былинного богатыря» Ивана Мартынова. Между советским циркачем и сухощавым немолодым дельцом начинается еще и своеобразная психологическая дуэль за сердце американской красавицы. Каждый из соперников действует сообразно своим морально-этическим принципам. Мартынов, пригласив Мэри в номер, помогает ей разучивать «Песню о Родине». Кнейшиц действует самоуверенно, пытаясь соблазнить женщину дорогими мехами, либо пресмыкается перед ней, либо шантажирует прошлой связью с негром, плетет сложные интриги, надеясь запутать в них соперника. «Бутафорность, закулисная сторона, цирковой блеск формы сам по себе прекрасный материал для улыбки. Они поданы в картине дважды: это легковесная гигантская гиря и могучий торс Кнейшица. Но если в первом случае мы имеем просто шутку, то во втором — образ крайне выразительный и политически оснащенный. Во фраке Кнейшиц — блестящий представитель европейской элегантности, могущества, пропорциональности. Вот каких молодцов выращивает капиталистическая культура. Но со свистом выходит воздух из надувного корсета, и худенький, никак не атлетический торс европейского красавчика, отнюдь не говорит о торжестве расы и вызывает у советского зрителя более обобщенную ассоциацию о внешнем могуществе и внутреннем бессилии», — такое мнение об антрепренере Кнейшице высказывает в рецензии к фильму Н. Адуев в 1936 году¹¹.

Легкая нажива неожиданно ускользает от него. «И сразу от апломба эксплуататора ничего не остается, — анализирует читательница В. Картвели. — Он испуган, он падает на колени, униженно умоляет Марион быть его женой, забыв, что эта женщина “не имеет права быть в приличном обществе, она была любовницей негра, у нее черный ребенок”. И только поняв, что для него окончательно все потеряно, Кнейшиц, как “джентльмен”, разоблачает Марион, рассчитывая вторично уничтожить беззащитную женщину и насладиться торжеством “белого человека”. Он не подозревает, что в СССР различают людей не по свету кожи, а по цве-

¹⁰ РГАЛИ. Ф.672. Оп. 1. Л. 7.

¹¹ РГАЛИ. Ф.1847. Оп. 1. Л. 8.

ту души. За расистские взгляды его самого с презрением изгоняют из советской страны»¹² (12, 18).

Иначе, наверное, не могло и быть. Ни о какой альтернативе советскому, коммунистическому образу жизни советским людям думать не позволялось. И именно из этого исходили Ильф и Петров, когда писали: «В основе жизни Советского Союза лежит коммунистическая идея. У нас есть точная цель, к которой страна идет. Вот почему мы, люди по сравнению с Америкой — покуда среднего достатка, уже сейчас гораздо спокойнее и счастливее, чем она — страна Моргана и Форда <...> страна холодной и горячей воды, ваннх комнат и сервиса <...> Америка не знает, что будет с ней завтра. Мы знаем и можем с известной точностью рассказать, что будет с нами через 50 лет»¹³.

Мысль о «примитивности» и «бездуховности» американцев неоднократно присутствовала в письмах советских граждан, посмотревших фильм. «Грациозность и легкость номера Диксон явно пародирует пустоту и бесценность буржуазного искусства. Бессодержательная песенка, игривые па чарльстона реальные черты буржуазного искусства», — оставил свои рассуждения Ю. К. Случковский¹⁴.

Советские читатели и зрители, рассуждая об ограниченности американского кино и репертуара театров, считали, что темы, не затрагивающие общественно-политические и социальные проблемы общества, не могли выполнять познавательные и воспитательные функции, что для молодого советского государства было особенно важно.

«Что представляет собой пресловутое “новаторство” Г. Александрова? Не что иное как жалкое американское кино. Большинство зрителей говорит, что в этой картине “нет идеи”. Это знаменательно. В этой картине мы не видим нашей суровой действительности, прекрасной в своей суровости. В “Цирке” есть идея, есть мысль, но лакировка, замазывание трудностей сводят на нет идейную ценность фильма. Как напоминает сюжетный узел Мартынов-Марион-Кнейшиц сотни буржуазных фильмов!» — записал З. Сандлер в статье «Мысли о кино» 19.06. 1936 года¹⁵.

«Мы не утверждаем, — писали И. Ильф и Е. Петров после поездки в Америку, — что это отсутствие духовности есть органическое свойство американского народа <...> Такими сделал людей капитализм, и он всемерно поддерживает в них эту духовную вялость. Страшны преступления американского капитализма, с удивительной ловкостью подсунувшего народу пошлейшее кино, радио и еженедельно журнальное пойло и оставившего для себя Толстого, Ван-Гога и Эйнштейна, но глубоко равнодушного к ним»¹⁶.

Так на локальном и событийном материале в фильме «Цирк» поднималась первостепенная для того времени проблема соревнования двух систем — капиталистической и социалистической, двух стран — Советского союза и Америки. «Литературная газета» от 30.05.1936 года писала: «В “Цирке” удачно отражена идея расового равенства и интернациональной солидарности. Этой большой теме

¹² РГАЛИ. Ф.672. Оп. 1. Л. 18.

¹³ Ильф, Петров 1961, 399–400.

¹⁴ РГАЛИ. Ф.672. Оп. 1. Л. 46.

¹⁵ Там же, 43.

¹⁶ Ильф, Петров 1961, 395.

подчинены и все детали картины, пронизанной теплотой любовью к родине, к людям, живущим в советской стране. В новой песне, которую скоро, должно быть, будут распевать во всех уголках Советского союза, замечательно передана та же мысль о нашей горячей любви к родине»¹⁷.

Наиболее интересный материал по изучению образа Америки 1930-х гг. в восприятии советских граждан представляют собой письма советских читателей, получивших информацию об этой стране из целого ряда предлагаемых их вниманию книг и фильмов. «Фильм “Цирк” не утратил ни своей художественной свежести, ни актуальности. Он утверждает высокие принципы социалистического гуманизма и интернационализма, и сейчас пробуждает ненависть ко всем тем <...> кто сеет вражду между народами и проповедует превосходство одной расы над другой», — отмечала читательница¹⁸.

«Фильм рисует советское общество, его мораль, правила социалистического общежития. Именно поэтому такой правдивой и волнующей оказалась сцена “колыбельной”, когда и артисты цирка и многонациональный зритель принимают на себя ответственность за судьбу негритянского мальчика»¹⁹.

«Не забуду первого вечера просмотра фильма (смотрел 4 раза). Буквально после каждого кадра 20000 масса зрителей аплодировала. К концу зрители встали со своих мест и продолжали несколько минут аплодировать режиссеру, присутствовавшему тут же», — вспоминал Ю. Случковский²⁰.

Представления, сложившиеся в сознании советских граждан на образ Америки и американцев, имели поразительное сходство, сливались в один, единый стандартизированный образ. Объясняется это тем, что все советские наблюдатели пользовались общей или сходной шкалой ценностей. Их оценки определялись политическими взглядами и идеологемами, возвышающими собственные идеологические, политические и культурные ценности и культивирующими чувство предубежденности по отношению к чужим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон К. М., Максименков Л. В., Кошелева Л. П. 2005: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М.

Барановская М. В. 1927: Царь — доллар. (Политико-экономический очерк Америки). М.; Л.

Голубев А. В. 1996: Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1, 104–120.

Ильф И., Петров Е. 1961: Одноэтажная Америка. М.

Осинский Н. 1926: По ту сторону океана. М.

Сенчакова Г. В. 1982: Григорий Александров. Портрет режиссера. М.

Фролов И. 1997: Любовь Орлова. В гриме и без грима. М.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2639. Оп. 1. Л. 4.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 1. Л. 45.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2912. Оп. 1. Л. 47.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 1. Л. 47.

THE IMAGE OF AMERICA AND AMERICANS IN THE SOVIET CINEMA
OF THE 1930-s (BASED OF THE FILM "THE CIRCUS")*N. S. Frolova*

An integral part of public consciousness is a notion of the outer world society has at different stages of its history. As a rule, personal experience appears minimal just when the perception of the outer world, other countries, and distant ethnic groups is at hand. Insufficient information triggers off common stereotypes. Soviet cinematography, gradually beginning a state body, circulated historical and political myths that suited the authorities. G. Alexandrov's "The Circus" lays a particular emphasis on debunking decaying capitalism in democratic America where the constitution is only a piece of beautiful parchment that is kept in the safe of a legislative body.

Key words: Russia and America, American democracy, ethnic stereotypes, political ideologemes .

© 2011

Л. П. Спасова

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ К РЕАЛИЯМ
СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ: ОПЫТ МАГНИТОСТРОЯ

В статье рассмотрены факторы, препятствующие адаптации иностранных специалистов к условиям жизни в СССР. В годы первых пятилеток Магнитогорск являлся одним из крупнейших центров привлечения иностранной технической помощи. Фактически зарубежные рабочие и специалисты, работающие в Советском Союзе, и на Магнитострое в частности, вопреки договорам столкнулись с тяжелыми условиями в быту и на производстве, что вызвало их массовый отъезд за границу.

Ключевые слова: иностранные специалисты, индустриализация, Магнитострой, иностранная техническая помощь.

Первые советские пятилетки, строительство новых индустриальных гигантов вызывали огромный интерес на Западе. Множество американских и европейских рабочих и специалистов, особенно в условиях экономического кризиса и безработицы, стремились принять участие в индустриализации СССР, получить уникальный производственный опыт на крупнейших промышленных объектах Советского Союза. Одним из таких объектов, требовавших масштабного привлечения инорабочих и специалистов, был Магнитострой.

С другой стороны, привлекая иностранных специалистов для оказания технической помощи, советское руководство стремилось решить не только экономиче-

Спасова Лариса Петровна — аспирантка кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: lariskinmonster@mail.ru

ские, но и политические задачи. Иностранцы, работающие в Советском Союзе, служили инструментом пропаганды: они должны были способствовать созданию благоприятного образа СССР в мире, а также опровергать антисоветские публикации в западной прессе. Именно поэтому руководство страны пыталось интегрировать иностранцев в советское общество, адаптировать их к советским условиям жизни. Более того, советская власть стремилась подтолкнуть иностранцев к принятию советского гражданства, поскольку это имело огромное политическое значение¹ для демонстрации преимуществ социалистического строя и укрепления позиций Советского Союза среди коммунистического движения за рубежом.

Иностранцы, приехавшие работать на социалистических стройках, руководствовались разными мотивами. В одной из докладных записок о состоянии работы среди инорабочих и специалистов на Урале в 1931 г. сообщалось, что иностранные рабочие и специалисты делятся на три группы: «Приезжающие к нам только с целью заработка; приезжающие с целью помочь нам и участвовать в соцстроительстве; самая маленькая группа — это фашистско-настроенные и состоят из представителей инофирм, главным образом специалистов, предъявляющих чрезмерные требования»². Но предполагалось, что, побывав в СССР, все они сделают выбор в пользу социалистического строя. Поэтому советское руководство вело мощнейшую пропаганду среди иностранных рабочих и специалистов и ставило задачу «перевоспитать иностранных рабочих и специалистов в борцов за наше строительство, использовать их связи с заграницей для пропаганды строительства социализма в СССР, для мобилизации рабочих всех капиталистических стран на защиту СССР»³.

Особенность категории иностранных специалистов, в отличие от иностранных рабочих, заключалась в их социальном положении: они являлись прослойкой между зарубежным пролетариатом и буржуазией. Это означало, что они предъявляли более высокие требования к уровню жизни и организации производства.

Для способствования интеграции иностранцев в советское общество и осуществления надзора за ними создавались специальные иностранные отделы и выделялись ответственные за эту работу лица в ВСНХ, НК Труда, НК РКИ, отраслевых наркоматах, трестах, партийных и профсоюзных органах, органах снабжения и торговли, а также непосредственно на самих предприятиях. Среди зарубежных рабочих и специалистов велась особая культмассовая, партийная и профсоюзная работа, создавались различные кружки и секции, проводились совместные с советскими рабочими и инженерами вечера встреч, издавались литература и газеты на иностранных языках (самые известные — «Moscow News» на английском и «Deutsche Zentral-Zeitung» на немецком языках). По радио выходили в эфир передачи на иностранных языках (в основном на английском и немецком). Так, на Урале существовала радиопередача для инорабочих и специалистов в рамках передач Уральского Облпрофсовета⁴. Значительное место уделялось иностранцам и в советской периодической печати. В центральных изданиях, таких как газеты «Правда», «За индустриализацию», «Труд» и т. д., журналы «Международное ра-

¹ Конаржевский 1991, 28.

² ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 629. Л. 143.

³ ГАСО. Ф. 265. Оп. 1. Д. 62. Л. 18.

⁴ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 479. Л. 3.

бочее движение» (журнал Профинтерна и ВЦСПС), «Интернациональный маяк» (до 1930 — «Путь МОПРа»), публиковались указания по ведению культмассовой работы и пропаганды среди иностранцев, самим иностранцам разъяснялись особенности их роли и их положения в советском обществе. Основной задачей иностранцев провозглашалась передача своего производственного опыта: «Прежде всего, нужно, чтобы приглашенный специалист оправдал свою квалификацию. Компетентность, знание своего дела, знакомство с лучшими достижениями мировой техники, широта кругозора, подготовка в экономических вопросах являются обязательными для крупного специалиста. Специалист средней руки, пусть узкий, должен иметь основательный практический опыт <...> Второе качество для иностранного специалиста, это — серьезное и искреннее намерение оправдать доверие, оказанное ему советским предприятием»⁵. При этом утверждалось, что «вследствие незнания основ советской системы некоторые приезжие иностранные рабочие на первых порах могут поддаваться влиянию антисоветских и право-оппортунистических настроений»⁶. Отсюда делался вывод, что среди них необходимо проводить широкую культурно-политическую работу, объяснить им, что «гигантский размах нашего строительства и отсутствие сковывающих традиций создает в Советском Союзе необычайные условия для творчества технической мысли»⁷.

Кроме того, провозглашалось, что «Советское государство — государство диктатуры пролетариата — не знает какого-либо существенного различия между режимом иностранца — рабочего, проживающего в СССР для трудовых занятий, и режимом рабочего — гражданина СССР. Иностранец-рабочий обладает не только полнотой гражданских прав, — он обладает и политическими правами. Он может избирать и быть избранным в советы в силу конституций СССР и республик, входящих в его состав»⁸.

Приехавшие на работу в Советский Союз иностранцы поражались размахам строительства и работы, кипевшей вокруг. Американский специалист Т. Кигель, работавший в Ленинграде и Магнитогорске, в письме в газету «Moscow News» так описывал свои впечатления от прибытия в СССР: «Приехав сюда, мы обнаружили страну, оживленную строительной деятельностью. Строились больницы, школы, клубы, заводы. Люди заняты работой, учебой, улучшением своей жизни. Как это отличалось от страны, которую мы покинули, где заводы закрывались и все беспокоилось о том, как жить дальше!»⁹. Однако иностранцам, приехавшим работать в СССР, вскоре пришлось столкнуться со всеми трудностями советской жизни.

Пола Гарб, исследовавшая жизнь североамериканских иммигрантов в СССР, по результатам их опроса называет основными факторами, препятствующими адаптации к новым условиям, существование неприязни и подозрения к иностранцам, слабое бытовое обслуживание, засилье бюрократии и дефицит продуктов¹⁰. То же самое можно отнести и к специалистам из Европы. Безусловно, на

⁵ За индустриализацию 2, 27.03.1930.

⁶ Рубовский 1930, 22.

⁷ За индустриализацию 2, 27.03.1930.

⁸ Плуткин 1934, 175.

⁹ Moscow News 7, 18.03.1932.

¹⁰ Гарб 1990, 11.

Магнитострое в полной мере проявились все сложности адаптации иностранцев к советскому образу жизни.

Действительно, одной из важнейших проблем, с которыми сталкивались иноспециалисты, прежде всего на производстве, можно назвать негативное отношение к иностранцам со стороны части советских работников. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что Советская власть, наряду с политикой интернационального воспитания, проводила политику определенного изоляционизма, которая проявилась в стремлении свести отношения с заграницей до минимума. Результатом этого стало появление в советском менталитете таких черт, как боязнь общения с иностранцами и подозрительность по отношению к ним¹¹.

С другой стороны, среди советских инженеров были и противники приглашения западных специалистов с практической точки зрения. «Эти люди едут скопить себе на чужбине состояние про черный день. Страна им безразлична, деятельность тоже»¹². Советские инженеры — сторонники этой точки зрения — настаивали на укреплении отечественных кадров и называли иностранных инженеров и техников «дорогостоящим принудительным товаром»¹³.

По мнению самих иностранных специалистов, негативные взаимоотношения с советскими работниками на производстве выражались в игнорировании их распоряжений и рационализаторских предложений. Это препятствовало не только их работе, но и причиняло огромный вред всему строительству¹⁴. Так, американский инженер Калдер, работавший на строительстве домен, жаловался: «Такого отношения к себе, как здесь, я еще нигде не встречал. Здесь не только старое инженерство считает, что, мол, “приехали учить” <...> но даже молодое инженерство находит, что у нас учиться нечему <...> Здесь еще не усвоили того положения, что лично меня советское правительство пригласило на работу, учитывая мою работу в Америке <...> Я прекрасно понимаю условия работы в СССР. Если мы домны не пустим в срок, то это нанесет ущерб стране»¹⁵.

Партийное, профсоюзное руководство, а также руководство предприятий пыталось «сгладить углы». Председатель Уралпрофсовета Финковский в беседе с немецкими рабочими и специалистами в июле 1932 г. объяснял сложившееся положение «бесхозяйственностью и безрукостью многих местных хозорганizations, все еще недостаточной культурностью наших отдельных руководителей, нечеткостью общего руководства со стороны отдельных хозяйственников, нечеткостью профсоюзной работы <...> Мы не прощупываем каждого иностранного рабочего и специалиста, чтобы точно себе уяснить, что он из себя представляет и взять от него то, что он знает, что он может дать для дела соц.строительства, чтобы его полностью использовать»¹⁶.

Помимо негативного отношения со стороны советских граждан, иноспециалистам трудно было адаптироваться к низкому уровню организации производства и советским методам работы.

¹¹ Хаустов 2008, 219.

¹² Бурдин 1925, 18.

¹³ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 595. Л. 103.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 100. Л. 7.

¹⁵ За индустриализацию 8, 17.08.1931.

¹⁶ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 595. Л. 13.

Пожалуй, самым важным примером можно назвать пуск первой магнитогорской домны, планировавшийся еще в октябре 1931 г., но перенесенный на январь 1932 г. Американцы категорически возражали против пуска домны зимой из-за возможных проблем с водоснабжением. Вице-президент «Мак-Ки» В. Хейвен в беседе с Ильдримом был убежден, что пуск домны в январе может иметь плачевные последствия: «Я усвоил — вы любите митинги, авралы, штурмы, обязательства, рекорды. Но зачем бешенный темп, к чему горячка?! Занимаетесь самообманом, зря тормозите, взвинчиваете людей. Ведь пускать доменную печь зимой нельзя»¹⁷. В официальном меморандуме фирмы «Мак-Ки» говорилось: «Риск для завода, оборудования и жизней рабочих не может быть оправдан какими-либо экономическими соображениями»¹⁸. Фирма снова была вынуждена снять с себя всякую ответственность. Не оставляя попыток предотвратить пуск домны зимой, В. Хейвен выехал в Москву и добился приема у С. Орджоникидзе, но нарком тяжелой промышленности принял решение в пользу советской стороны. Я. С. Гугель вспоминал: «Я привык уже не разделять ответственности с корпорацией “Мак-Ки”. Все же пуск первой домны Магнитостроя при резком противодействии американцев был тяжел. Выручил тов. Серго. После того, как я подробно проинформировал его по телеграфу и телефону, он дал согласие и разрешение на пуск домны»¹⁹. Домна №1 была пущена 31 января 1932 г. Однако накануне все же произошла авария: на домну прекратилась подача воды. Тем не менее, Хейвен заявил: «Я поражен смелостью и настойчивостью, с которой в столь тяжелых условиях совершен пуск печи»²⁰.

Работа иностранных специалистов оказывалась эффективной лишь в случае адаптации к советским условиям труда. У инособработников Магнитостроя можно было наблюдать и подлинно социалистическое отношение к труду. Самым ярким примером явился монтер американской фирмы «Отис» Эверет Вокер, который участвовал в монтаже оборудования для доменного цеха. «За время работы Вокер зарекомендовал себя как хорошего работника, вполне знающего свое дело и проявил в высшей степени добросовестное и внимательное отношение к работе. В предпусковой период и во время пуска домны № 1 он часто отказывался от выходных дней и работал ночами на домне над устранением неполадок <...> Мр. Вокер никогда не отказывался оказывать помощь в устранении дефектов оборудования поставляемого другими фирмами и старается всеми силами передать свой опыт и знания нашим электромонтерам <...> Не в пример многим другим инособработникам Вокер чувствует себя не чужим наемным работником, отвечающим только за свой участок, а наравне с нами заботиться о благосостоянии цеха в целом и бесперебойной работе всех механизмов. От всех, кто с ним соприкасается в работе можно слышать только лучшие отзывы <...> В моменты аварий Вокер по первому зову является на домну во всякое время дня и ночи и быстро ориентируется, устраняя неполадки с минимальной потерей времени. Характерно отметить, что, будучи больным (на работе он сильно обжег электрическим током обе руки), имея полное основание не выходить несколько дней на работу — Вокер не про-

¹⁷ Полонский 1972, 96.

¹⁸ Там же, 96.

¹⁹ Гугель 1980, 23.

²⁰ Там же, 23.

пустил ни одного дня, ссылаясь на то, что он прекрасно понимает насколько нам важно пустить как можно скорее в работу машины домны ибо из-за опоздания строительных работ — монтаж электрооборудования считался сильно отсталым участком, могущим задержать пуск домны № 2. Со стороны иноспециалистов редко можно встретить такое внимательное и заботливое отношение к нашему делу и желание всеми силами помочь, как это мы видим со стороны мр. Вокер»²¹ (орфография и стиль оригинала сохранены). «При этом мистер Вокер пожелал остаться на постоянную работу в Магнитогорске и после окончания срока договора с фирмой “Отис”»²² (орфография и стиль оригинала сохранены — Л.С.).

Общественная жизнь в Советском Союзе вызывала у иностранцев большой интерес. Большинство западных специалистов старались активно участвовать в работе различных кружков, секций и т.д. Американский инженер Бегеман советовал всем новичкам в СССР посещать все совещания, даже те, на которые иностранцев не приглашают, так как ничто лучше не отражало русский характер²³. В Магнитогорске как в одном из крупнейших центров привлечения западной технической помощи предполагалось вести активную работу среди инорабочих и специалистов. К марту 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось 7 кружков по изучению русского языка, в которых занимались 102 человека: 63 инорабочих, 16 иноспециалистов, а остальные — члены их семей²⁴; 4 кружка по изучению Программы и Устава партии, в которых обучалось более 60 человек²⁵. Жизнь иностранца-активиста в общественной работе и на производстве была вполне сопоставима с жизнью советских активистов: ударный труд на производстве, активная общественная деятельность, участие в кружках по изучению истории партии, по политинформации, присутствие на собраниях, вечерах встреч и культурных мероприятиях, изучение технической, политической и художественной литературы, образцовый непритязательный быт. Поэтому иностранцев старались вовлечь практически во все мероприятия, проводившиеся среди советских граждан.

Одним из свидетельств стремления советского руководства привить иностранцам образ жизни своих образцовых граждан является попытка популяризовать среди западных рабочих и специалистов советские праздники, такие, как 8 Марта, 1 Мая или 7 Ноября. Участие иностранцев в советских праздниках освещалось в периодической печати, в частности, в газете «Магнитогорский рабочий»²⁶. Особенно широко планировалось отметить XV годовщину победы Великой Октябрьской революции, празднование которой должно было проходить под знаком широчайшей мобилизации инорабочих и специалистов, перевыполнения планов последнего года пятилетки. Естественно, что особенно важным было перевыполнение производственных планов. Необходимо было провести большую агитационную работу. Предполагалась организация соцсоревнования, реализация рационализаторских предложений иностранных рабочих и специалистов и даже организация выставки рацпредложений²⁷.

²¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 121. Л. 26.

²² МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 121. Л. 32.

²³ Moscow News 7, 27.12.1930.

²⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Д. 696. Л. 55.

²⁵ Колотилин 1967, 22.

²⁶ См.: Магнитогорский рабочий 4, 07.11.1933; Магнитогорский рабочий 8, 29.04.1933.

²⁷ ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 480. Л. 41.

Среди иностранных рабочих и специалистов проводились кампании по подписке на займы, например, кампания по займу «4-го завершающего года пятилетки» летом 1932 г.²⁸

Проводилась среди иностранцев Магнитогорска и колдоговорная кампания в марте 1932 г. В рамках колдоговорной кампании было проведено 2 собрания иностранцев, на которых присутствовало по 250 человек. Там обсуждались вопросы международной обстановки, задачи, стоящие перед рабочим классом в завершающем году пятилетки, значение колдоговора 1932 г., роль профсоюзов в СССР и капиталистических странах и различие между договорами в этих странах. Также были проведены 3 собрания с американскими и немецкими специалистами и высококвалифицированными рабочими по вопросу улучшения перенимания их технического опыта. В ходе обсуждения условий колдоговора иностранцами были выдвинуты предложения, вполне соответствующие образу мыслей советских граждан: принятие шефства над советскими рабочими и специалистами, созыв ежедекадных производственных совещаний для обмена опытом. В механическом цехе также «обязались поголовно вступить в члены Осоавиахима в ответ на империалистические вылазки Японии»²⁹.

Кроме того, некоторые иностранцы привлекались к работе в колхозах во время посевных или уборочных кампаний, как, например, пятеро немцев из механического цеха, которые более двух недель в мае 1933 г. работали в зерносовхозе «Красная Башкирия» во время посевной кампании (за эту работу им заплатили по 187 руб. 50 коп.)³⁰.

Иностранные рабочие и специалисты должны были проявить свою классовую сознательность и в отказе от валюты. В связи с этим с иностранцами решено было проводить разъяснительные беседы, так как применявшиеся ранее административные меры не обеспечивали понимания огромного экономического и политического значения добровольного отказа от оплаты в иностранной валюте. Интересно, что одним из средств убеждения инорабочих и специалистов получать заработную плату только советскими рублями были жены самих инорабочих и специалистов³¹. Однако часть иностранных специалистов за пределами производства вела замкнутый образ жизни, не принимая участия в общественной работе.

Значительные трудности вызывали материально-бытовые условия, несмотря на то, что большинство иностранцев понимали: им дают лучшее³². Управление Магнитостроя, партийные и профсоюзные органы были завалены жалобами на плохие жилищные условия и недостаточное снабжение прод- и промтоварами.

Жилищные условия, как правило, предусматривались договорами. Речь шла о количестве комнат, изменении жилищных условий в случае приезда семьи, а также о том, за чей счет будет осуществляться оплата квартиры и коммунальных услуг. Обычно специалистам предоставляли одну комнату с необходимой мебелью, а в случае приезда семьи, в зависимости от количества ее членов, работодатель брал на себя обязательство предоставить квартиру с большим количеством

²⁸ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 480. Л. 4.

²⁹ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 705. Л. 10.

³⁰ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 158.

³¹ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 480. Л. 26.

³² Moscow News 6, 05.10.1930.

комнат (2–3 комнаты) с кухней. Во всех договорах предусматривалось наличие отопления, освещения и водопровода в квартирах. Тем не менее, советская сторона далеко не всегда имела возможность выполнить свои обязательства в части бытовых условий. Так в докладной записке о работе торгпредства в Берлине, адресованной С. Орджоникидзе, сообщалось, что «имеют место различные безответственные обещания со стороны Техбюро, а также приезжающих за границу, по вопросам квартплаты, освобождения от налогов, квартир и т. д., которые потом не выполняются, а также при заключении договора недостаточно четко оговариваются все условия по вопросам труда и быта, по которым берут на себя обязательства советские органы. Это вызывает впоследствии недоразумения, претензии и конфликты»³³ (орфография и стиль оригинала сохранены — Л.С.).

В Магнитогорске для иностранцев был построен специальный поселок — Березки, где были созданы максимально комфортные условия и жили особенно ценные специалисты. Остальных заграничных специалистов размещали в гостинице, многоквартирных домах и даже в бараках. Качество этого жилья не соответствовало европейским и американским стандартам. Монтер немецкой фирмы «Чокке-Верке» Фридрих Безгерц обращался к начальнику строительства Я. С. Гугелю, угрожая собственным отъездом и разрывом договора с фирмой: «В моей квартире уже 10 дней совсем, или по крайней мере, очень слабо отапливается. Воды уже почти нигде достать. А освещение функционирует так плохо, что я не в состоянии сделать какую-нибудь письменную работу, самую необходимую»³⁴.

Тем не менее, многие иноспециалисты понимали, что город Магнитогорск строится вместе с заводом, а «на строительстве не может быть иначе»³⁵, и воспринимали несоответствующие западным стандартам условия как временные. В 1933 г. в открытом письме к советским гражданам иностранные рабочие и специалисты Магнитогорска отмечали улучшение жилищных условий: «Год тому назад большинство рабочих и специалистов, а также мы, иностранцы, жили во временных деревянных бараках, но на сегодняшний день почти все иностранцы помещаются в каменных зданиях социалистического города и то же самое можно сказать о большей части русских рабочих и специалистов»³⁶.

Тяжело было приспособиться и к советской системе снабжения. Несмотря на то, что в Магнитогорске были открыты два магазина Инснаба³⁷ и магазин Торгсина³⁸, ассортимент товаров не удовлетворял иностранцев. Филипп Геттер, инженер американской фирмы Копперс, писал, что в магазине Инснаба в Американском поселке практически ничего нельзя купить, кроме хлеба, папирос и спирта. «Муки не было несколько недель и очень редко, когда имеются овощи. Мы все (американские специалисты — Л.С.) того мнения, что обыкновенные овощи должны иметься и иногда чтобы были сушеные и свежие фрукты <...> Также снабжение мясом было очень плохое и очень плохое по качеству. Норма, установленная для чая и мыла, настолько мала, что никто из семей не имеет достаточно для своих

³³ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 28. Д. 58. Л. 2.

³⁴ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 26. Л. 3.

³⁵ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 28. Л. 6.

³⁶ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 105. Л. 23.

³⁷ ГАСО. Ф. 272. Оп. 3. Д. 715. Л. 56.

³⁸ ГАСО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

нужд»³⁹. Некоторые иноспециалисты вынуждены были покидать Магнитострой и Советский Союз из-за невозможности соблюдать предписанную врачами диету, как, например, немецкий монтер Иоганн Гютер⁴⁰.

Зачастую в Магнитогорске с его суровым климатом невозможно было достать теплые вещи. В таких случаях иностранцы вынуждены были просить помощи у Управления строительством. Американский инженер Джозеф Габриэль обращался к заместителю начальника Магнитостроя Валериусу: «Со времени приезда в июле я тщетно пытался обзавестись верхней зимней одеждой <...> Не будучи знаком с местными климатическими условиями, я не подготовился к ним и прошу Вас поэтому сделать распоряжение о немедленном снабжении меня (если нужно, то за плату) следующими предметами: шубой — длинной с большим воротником, меховой шапкой, валенками, теплыми рукавицами»⁴¹.

Условия жизни в Советском Союзе оказались невыносимыми для многих иностранцев, что вызвало их отъезд за границу. В приказе по Народному Комиссариату тяжелой промышленности СССР от 23 мая 1933 г. сообщалось: «В результате такого положения мы имеем за последнее время резкое повышение текучести среди иноработников и отъезд их на родину, что, кроме хозяйственного ущерба производству, наносит нам и значительный политический вред, так за 3 квартала 32 года выбыло из тяжелой промышленности 392 иноработника, за IV квартал 1932 г. — 586 иноработников, и за первый квартал 1933 г. — уже свыше 700 иноработников; причем в виду указанного отношения хозяйственников к вопросам использования и материально-бытового обслуживания иноработников, количество отъезжающих за границу и в данное время продолжает увеличиваться»⁴². Чтобы пресечь отток инокадров, был предложен ряд мер: увольнять иноработников разрешалось только в «исключительных случаях» и по предварительному согласию Иностранного Сектора НКТП; предполагалось отойти от сдельной оплаты труда и установить для иностранцев гарантированные оклады; для повышения оплаты высококвалифицированных инженеров предполагалось повысить фонды заработной платы предприятий; дополнить снабжение иноработников за счет общих фондов; ответственность за использование иноработников возложить на технических директоров и начальников цехов предприятий; назначать лучших иноработников на должности мастеров, инструкторов и бригадиров; «пересмотреть и укрепить» личные составы работников иностранных отделов⁴³. Принятые меры не оказали значительного воздействия. В годы второй пятилетки отъезд иностранных рабочих и специалистов за границу был вызван не только неудовлетворительными условиями жизни и труда. После окончания строительства и пуска предприятий снизилась потребность в привлечении западной технической помощи. Однако очевидно, что советской стороне во многом не удалось создать нормальные условия труда, а также материально-бытовые условия для иностранных рабочих и специалистов, контролировать работу органов, созданных для работы с инокадрами на местах.

³⁹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 168. Л. 17.

⁴⁰ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 203. Л. 5.

⁴¹ МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 134. Л. 9.

⁴² ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 45. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 2–3.

Во многом советскому руководству удалось добиться желаемых результатов. Большинство иностранных рабочих и специалистов относились к советской власти, по крайней мере, лояльно. Многие из них вполне искренне восхищались масштабами и темпами строительства, отсутствием безработицы и публично выражали поддержку СССР. Тем не менее, всем иностранцам в той или иной степени пришлось столкнуться с реалиями советской жизни. Для них самих трудности заключались в зачастую негативном отношении к иностранным гражданам, низком уровне организации производства и своеобразии советских методов работы, а также тяжелых, по меркам западного человека, материально-бытовых условиях. Многие иностранцы понимали и принимали эти трудности и приспосабливались к ним, стремились обмениваться опытом выживания через средства массовой информации. Но некоторые, не сумев приспособиться к советским условиям в быту и на производстве, в том числе и приверженцы коммунистической идеологии, переживали разочарование в социалистическом строе и предпочитали покидать Советский Союз.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдин Е. М.* 1925: Приглашение из-за границы инженеров или полное использование нашего инженерного состава // Инженерный труд. 4, 18–19.
- Гарб П.* 1990: Иммигранты из США и Канады в СССР: опыт исследования социально-культурной и бытовой адаптации.: автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Гугель Я.* 1980: Воспоминания о Магнитке // Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник / Ю. М. Курочкин (сост.). Челябинск, 5–25.
- Колотилин А. Г.* 1967: Иностранные трудящиеся на Магнитострое // Творческая деятельность рабочего класса Магнитки. Труды Магнитогорского горно-металлургического института им. Г. И. Носова. 49, 18–26.
- Конаржевский А.* 1991: 10 лет на острие бритвы. Кишинев.
- Плоткин М.* 1934: Права иностранцев на современном этапе (Из проблем международного частного права) // Советское государство. 3, 75–78.
- Полонский Л.* 1972: Магнитка зовет. Страницы истории великой стройки и жизни Чингиза Ильдрыма. Баку.
- Робовский.* 1930: Против отчужденности иностранных рабочих // Международное рабочее движение. 27, 22.
- Хаустов В. Н.* 2008: Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения — потенциальные «агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке. 1997–2007. / А. А. Зданович, Г. Э. Кучков, Н. В. Петров, В. Н. Хаустов (ред.). М., 219–227.

FOREIGN SPECIALISTS ADAPTATION TO THE SOVIET LIFE REALITY (BASED ON MAGNITOSTROY EXPERIENCE)

L. P. Spasova

The article considers factors interfering with foreign specialists' adaptation to the living conditions in the USSR. At the time of first five-year-plan periods Magnitogorsk was one of major centers for recruiting foreign engineers. Actually foreign specialists working in the Soviet Union and at Magnitostroy in particular, notwithstanding the contract, ran into harsh working and living conditions, which caused their mass exodus abroad.

Key words: foreign specialists, industrialization, Magnitostroy, foreign technical assistance.

© 2011

А. Г. Дорожкин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ЧИСТКИ ВКП(б) В МАГНИТОГОРСКЕ (июль–сентябрь 1933 г.) на страницах «Магнитогорского рабочего»

В статье рассматривается освещение чистки парторганизации Магнитогорска на начальном этапе этого мероприятия (июль–сентябрь 1933 г.) «Магнитогорским рабочим». Анализируются основные тенденции чистки ВКП(б), выявившиеся на первом этапе ее проведения в городе и получившие развитие в дальнейшем, а также отражение результативности кампании ведущей газетой Магнитогорска.

Ключевые слова: Магнитогорск, ВКП(б), чистка, парторганизация, исключение.

Политико-идеологические кампании в СССР начала 1930-х гг. изучены существенно хуже по сравнению с экономическим развитием нашей страны в годы первых пятилеток и политической историей Советского Союза второй половины четвертого десятилетия XX в. К числу наименее изученных тем относится и чистка ВКП(б), проведенная в 1933–1934 гг. в соответствии с решением Январского пленума ЦК и ЦКК партии. Представляется, что изучение чистки 1933–34 гг. и последовавшей за ней кампании проверки и обмена партийных документов крайне важно как для всестороннего исследования политической истории Советского Союза, так и для осмысления исторического опыта самого феномена партийных чисток, их значения для борьбы не только с оппозиционными силами внутри правящей партии, но и с карьеристскими, неустойчивыми и разложившимися элементами. Крайне важным представляется изучение хода и результативности чистки на микроуровне — на уровне парторганизаций отдельных предприятий, учреждений и населенных пунктов. Особый интерес представляет проведение данного мероприятия в городах-новостройках, к числу которых, бесспорно, относился Магнитогорск.

В соответствии с решением Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 12 января 1933 г., было подвергнуто чистке 25 территориальных парторганизаций, в числе которых была и организация Уральской области. В составе последней в рассматриваемый период находился и Магнитогорск, строящийся индустриальный гигант, потенциальный центр черной металлургии Советского Союза. Его парторганизация прошла в основном чистку в июле–декабре 1933 г., а подготовка к ней началась еще в мае. Пропагандистское обеспечение подготовительных мероприятий уже рассматривалось автором предлагаемой работы¹. В рамках данной статьи предполагается осветить отражение начального этапа чистки городских парторганизаций «Магнитогорским рабочим» — ведущим печатным органом города и Магнитостроя. Этот этап приходится приблизительно на конец июля — середину сентября 1933 г. Его завершение совпадает примерно по вре-

Дорожкин Андрей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: andrew-67@mail.ru

¹ Дорожкин 2009, 225–226.

мени с кульминацией событий, обозначенных автором как «августовский кризис на Магнитке», и с публикацией в «Магнитогорском рабочем» первых результатов чистки городской партийной организации — к тому времени чистку прошло около четверти коммунистов города, так что председатель районной комиссии по чистке Г. Ян мог сделать первые, пока еще предварительные выводы относительно результативности данного мероприятия, напечатанные в газете 22 сентября 1933 г.

Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О чистке партии», опубликованное в «Правде» в конце апреля 1933 г., подробно оговаривало цели, задачи и процедуру данного мероприятия. Подчеркивалось, что чистка «не должна рассматриваться <...> как огульное недоверие партии к коммунистам данной ячейки. Борясь против бытового разложения и неблагоприятного поведения членов партии, комиссия по чистке не должна допускать мелочного и придиричьего копания в личном быту». Чистку предписывалось проводить на открытых собраниях партячеек, на которые допускались и беспартийные². К категориям лиц, исключаемым («вычищаемым») из партии, относились: 1) «классово чуждые и враждебные элементы, обманным путем пробравшиеся в партию»; 2) «двурушники, живущие обманом партии, скрывающие от нее свои действительные устремления и под прикрытием лживой «клятвы» в верности партии пытающиеся сорвать на деле ее политику»; 3) нарушители партийной дисциплины, к которым причислялись и лица, «не выполняющие решений партии и правительства, подвергающие сомнению и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их нереальности и неосуществимости»; 4) перерожденцы, не желающие бороться с враждебными элементами, к числу которых, наряду с классовыми врагами, относили «рвачей, лодырей, воров и расхитителей общественной собственности»; 5) «карьеристы, шкурники и бюрократившиеся элементы», а также партчиновники, «оторвавшиеся от масс и пренебрегающие нуждами и запросами рабочих и крестьян»; 6) морально разложившиеся личности, «роняющие своим неблагоприятным поведением достоинство партии»³.

Инструкция Центральной Комиссии по чистке партии, упоминая о слабой политической подготовке ряда членов ВКП(б), рекомендовала перевод их в кандидаты, а последних, в случае их недостаточной политической зрелости, — в сочувствующие. Эта мера в отношении членов и кандидатов в члены ВКП(б) не рассматривалась в качестве взыскания⁴ — переводимым предоставлялась возможность повысить свой идейно-политический уровень. Недовольным решениями комиссии по чистке предоставлялась возможность в течение месяца обжаловать их. В этой связи предусматривалась подача апелляции в вышестоящую комиссию по чистке, вплоть до Центральной. Партячейкам предоставлялось также право критики постановлений комиссии по чистке, что не означало отмену последних. В состав же Центральной Комиссии по чистке ВКП(б) вошли Я. Э. Рудзутак (председатель), Л. М. Каганович, С. М. Киров, Е. М. Ярославский, М. Ф. Шкирятов, Н. И. Ежов, Е. Д. Стасова, И. О. Пятницкий. Эта комиссия назначала республиканские, краевые и областные комиссии по чистке ВКП(б). Послед-

² Правда 29.04.1933.

³ Там же. См. также выступление Л. М. Кагановича на московском партактиве 22 мая 1933 г. (Правда 2.06.1933)..

⁴ Правда 21.05.1933.

ние, в свою очередь, организовывали районные комиссии, являвшиеся низшим звеном в системе инстанций, ответственных за проведение мероприятия⁵.

Следует сказать, что ход чистки на Урале неоднократно освещался центральной партийной печатью⁶. Применительно же к положению в Магнитогорске повышенное внимание последней привлекли события конца лета 1933 г., приведшие к смене партийного и советского руководства города и названные автором этих строк «августовским кризисом на Магнитке»⁷. Городская же печать и, в первую очередь, «Магнитогорский рабочий», еще в канун чистки регулярно освещала деятельность городской контрольной комиссии ВКП(б). Так, 4 июня 1933 г. в передовой статье были изложены основные решения состоявшегося двумя днями ранее собрания партактива Магнитки. Вопрос о чистке партии значился первым пунктом в повестке дня, и было доложено, что за январь-май 1933 г. партколлегия контрольной комиссии привлекла к дисциплинарной ответственности 433 человека. 291 из них был исключен из ВКП(б) (следует отметить, что магнитогорская парторганизация насчитывала к началу 1933 г. 8200 человек, по состоянию на 1 июля того же года — 6084, а на 1 августа — 5846 человек⁸). Основными причинами наложения взысканий назывались «правый и левый оппортунизм, великодержавный шовинизм, нарушения партустава, зажим самокритики, сокрытие прошлого, связь с классово-чуждыми элементами, бюрократизм, волокита, прогулы, бытовое разложение». В передовице особо подчеркивалась необходимость учитывать во время предстоящей чистки не только работу в Магнитогорске членов и кандидатов в члены ВКП(б), а также сочувствующих, но и их прошлое до прибытия на Магнитострой. Данная установка, отражавшая сохранявшийся еще в полной мере революционный настрой, послужила ориентиром при проведении кампании.

Еще 11 мая 1933 г. «Магнитогорский рабочий» поместил на одной из своих страниц первую публикацию, посвященную предстоящей чистке⁹. Здесь, в частности, говорилось об очередности проведения данного мероприятия — его предполагалось начать с парторганизаций завода, соцгорода и совхозов. После этого предстояла чистка партячеек советских, торговых и кооперативных учреждений. Для руководства чисткой к началу июля 1933 г. в город прибыли Г. Ян, назначенный председателем Магнитогорской районной комиссией по чистке ВКП(б), и член этой же комиссии Бархатов. Были опубликованы их биографии¹⁰, а уже 3 июля 1933 г. Ян выступил с речью на совещании секретарей партячеек. Отметив основательную подготовку к чистке в некоторых организациях (например, ЦЭС), председатель районной проверочной комиссии обратил основное внимание на недостатки. По его словам, комиссия посетила все участки стройки и завода и убедилась в слабом знании сути и задач чистки беспартийными рабочими, как и в преимущественно формальной подготовке к ней со стороны большинства партколлективов. Критики не избежали и парторги, считавшиеся лучшими — например, парторг

⁵ Правда 29.04.1933.

⁶ Правда, 1933, 13 июня, 16 июля, 14 августа, 21 августа.

⁷ Дорожкин 2010, 117–135.

⁸ Магнитогорский рабочий 4.06.1933, 4.06.1933 и 12.12.1933.

⁹ Магнитогорский рабочий 11.05.1933.

¹⁰ Магнитогорский рабочий 2.07.1933.

первой домны Галдин. Одновременно Ян указал на невнимание ряда руководителей организаций (например, Горы и кузницы) к нуждам рабочих, слабое распространение самокритики в низовой печати и — вполне в духе времени — на приглушение классовой бдительности, благоприятствовавшее «кулацкой агитации». В целом подготовку городской парторганизации к чистке Ян оценил как неудовлетворительную и отметил, что при проведении кампании в Магнитогорске проверяемым необходимо предъявлять три основных требования — 1) о выполнении ими производственной программы и участии в борьбе за качество, высокие темпы и снижение себестоимости (с этим увязывалось и осуществление испытываемыми «авангардной роли коммуниста»); 2) об участии в борьбе за единство партии, знании и выполнении ее программных документов; 3) о политической грамотности¹¹. Таким образом, в условиях строящегося промышленного гиганта проведение чистки преследовало как политические задачи, так и содействие решению производственных проблем, выполнению промфинплана.

Задачи чистки предполагалось довести «до каждого коммуниста, до каждого беспартийного работника»¹². Данной цели должно было служить и проведение 8 июля 1933 г. единого партдня в Магнитогорске¹³. Но еще до этой даты имела место резкая активизация работы городских общественных организаций, приуроченная к предстоящей чистке. Так, 4 июля 1933 г. состоялось совещание фракций профсоюзов, посвященное участию последних в данном мероприятии. На этом совещании также выступил Ян, отметивший неудовлетворительную в целом подготовку ГСПС к чистке и напомнивший о требованиях, предъявляемых партией к коммунистам, работающим в профсоюзах. В тот же день прошло собрание комсомольско-молодежного актива, связанное с предстоящим заключением договора о социалистическом соревновании между Магнитогорском и Сталинском. На этом собрании присутствовало три тысячи молодых рабочих, перед которыми также выступил с речью председатель районной комиссии по чистке ВКП(б). Выступил он и на состоявшемся 7 июля общегородском слете редакторов многотиражек и стенгазет, а также рабкоров, культпропов парторганизаций, ответработников партийного просвещения и пропагандистов. Это собрание также было посвящено ходу подготовки и задачам чистки партии. Обо всех этих совещаниях «Магнитогорский рабочий» оперативно (а в последнем случае — заранее) информировал своих читателей¹⁴.

На слете рабселькоров Ян особо отметил роль низовой печати в подготовке и проведении чистки. В качестве образцовой он назвал стенгазету «Паросило-

¹¹ Магнитогорский рабочий 5.07.1933. Основные положения доклада Яна были воспроизведены в постановлении бюро ГК ВКП(б) от 5 июля, опубликованном в «Магнитогорском рабочем» на следующий же день. Оно также носило критическую направленность; как «антипартийные» характеризовались и имевшие место на 3-й и 4-й домах настроения в пользу отъезда из города, а также стремление ряда работников «уйти от ответственности и обязанности постоянно бороться за улучшение работы организаций». Констатировалось также, что в деревне «задачи и цели чистки колхозникам», рабочим совхозов и «единоличникам» плохо разъяснены, подготовка не связана с проведением прополочной кампании, ростом паров и подготовкой к уборке урожая. Говорилось также о слабой организации политвоспитания в деревне. Таким образом, и вне города проведение чистки увязывалось с решением производственных задач.

¹² Магнитогорский рабочий 5.07.1933.

¹³ Там же.

¹⁴ Магнитогорский рабочий 6.07.1933 и 9.07.1933.

вик», пропагандирующую передовой опыт, критикующую бесхозяйственность, разоблачающую нарушителей трудовой дисциплины и регулярно публикующую письма о плохом бытовом положении рабочих¹⁵. Преобладал критический настрой — это в полной мере проявилось и на партсобраниях отдельных организаций, информация о которых регулярно появлялась на страницах «Магнитогорского рабочего». Недостаток самокритики газета 10 июля 1933 г. поставила на вид партячейке горсовета — это, в известной мере, предвосхитило резкую критику по его адресу уже в период «августовского кризиса». «Магнитогорский рабочий» указал, что на собрании партячейки формально высшего органа власти в городе говорилось о бюрократизме, слабости самокритики, нерегулярности выпуска стенгазеты в практике этого органа. Но, как бдительно отметило ведущее печатное издание Магнитогорска, на собрании ничего не было сказано о срыве пленума горсовета 29 июня, об отсутствии работы с депутатскими группами, о спекуляции со стороны торговой сети. Прозвучавшая на собрании самокритика не носила поименного характера. С учетом этого газета рекомендовала партячейке горсовета провести повторное собрание и не повторять допущенных ошибок¹⁶.

Вопрос о проведении собраний, посвященных предстоящей чистке, был основным и на состоявшемся 13 июля 1933 г. совещании секретарей парткомов, партколлективов и ячеек, подчиненных горкому, на котором присутствовали также председатели профсоюзных комитетов и комсорги¹⁷. Впрочем, наряду с собраниями, для более широкого оповещения коммунистов и беспартийных о предстоящей чистке использовались и иные, подчас необычные методы. Так, 16 июля 1933 г. «Магнитогорский рабочий» поместил объявление «Все на массовку», в котором уведомлялось о проведении через два дня в Агаповке массового гуляния рабочих, занятых в горячих цехах завода, и железнодорожников. Оно было посвящено 14-й годовщине освобождения Урала от колчаковцев и предстоящей «чистке рядов партии». Предусматривалось выступление на массовке не названных поименно «старых большевиков», которые должны были рассказать «о гражданской войне, чистке партии и участии в ней беспартийных рабочих».

Придавая особую важность чистке магнитогорской парторганизации, 17 июля 1933 г. в город прибыл председатель Уральской областной комиссии по чистке Б. А. Ройзенман. Он провел совещание с членами районной комиссии, проявив, как известил своих читателей «Магнитогорский рабочий», особый интерес к ведению разъяснительной работы среди партийных и беспартийных масс, а также к качеству работы городской парторганизации. Председатель Уралоблкомиссии по чистке ВКП(б) «провел беседы с товарищами, выдвинутыми в председатели и члены ячейковых проверочных комиссий, интересовался участием печати, особенно многотиражной и стенной, в подготовке к чистке» и дал инструктаж районной комиссии по организационным вопросам. На 19 июля 1933 г. назначено было собрание партактива, центральным пунктом повестки дня которого являлось выступление Б. А. Ройзенмана¹⁸.

¹⁵ Магнитогорский рабочий 9.07.1933 и 14.07.1933.

¹⁶ Магнитогорский рабочий 10.07.1933.

¹⁷ Магнитогорский рабочий 12.07.1933.

¹⁸ Магнитогорский рабочий 18.07.1933.

Прибытие в Магнитогорск председателя Уралоблкомиссии по чистке партии практически совпало с ее началом в городе. Первыми чистку проходили сами члены комиссий. Так, на 20 июля 1933 г. назначена была чистка члена Магнитогорской райкомиссии и председателя горКК-РКИ Савельева. В тот же день должна была состояться чистка Крылова, назначенного председателем Лысьвенской районной комиссии и, очевидно, долженствующего вскоре покинуть Магнитогорск¹⁹. Оповещения подобного рода в дальнейшем регулярно давались, как правило, на последней странице газеты в разделе «Календарь чистки». С 20-х чисел июля «Магнитогорский рабочий» публиковал и сообщения о ходе проверки отдельных членов городской парторганизации. Так, 24 июля 1933 г. были опубликованы материалы о чистке секретаря парткома Горы Б.К. Абросимова, члена районной комиссии Мистрюкова и руководителя парторганизации ГПУ Магнитогорска Меньшикова. С этого же времени резко увеличилось количество материалов о партийной жизни города и завода, публикуемых газетой. Практически все они были посвящены начавшейся чистке. Так, 24 июля в «Магнитогорском рабочем»²⁰ были опубликованы две статьи, одно письмо и (в упомянутом подразделе «Календарь чистки») 6 объявлений на эту тему, 28 июля было помещено 5 материалов, связанных с чисткой партии в Магнитогорске, а 2 августа ведущая городская газета опубликовала 10 материалов на данную тему. Вплоть до ноября 1933 г. редкий номер «Магнитогорского рабочего» обходился без публикации разного рода материалов (статей, очерков, заметок, репортажей объявлений и т. д.), посвященных чистке организаций ВКП(б) в городе.

Сама процедура чистки, как явствует из этих материалов, проходила по достаточно стандартной схеме. Представление о ней дает хотя бы оговоренный в «Магнитогорском рабочем» порядок чистки партколлектива треста «Нарпит». В начале следовали доклады секретарей партколлектива и партячеек, затем — выступления в прениях, после чего шла собственно процедура «индивидуальной проверки коммунистов»²¹. Она сопровождалась их персональным обсуждением и вопросами. Все это тщательно фиксировалось — особое внимание обращалось на участие в обсуждении участников собрания. При этом учитывалась их принадлежность к ВКП(б) или к ВЛКСМ. Так, в упомянутом обсуждении Абросимова во время его персональной чистки приняло участие 15 человек, в том числе 1 беспартийный и 4 комсомолец²². В ходе обсуждений обращалось внимание как на достоинства, так и на недостатки проверяемых, учитывались их личные и деловые качества, биографические данные, социальное происхождение, партийный стаж, участие в оппозиционных группировках. Не обходилось и без попыток сведения личных счетов во время проведения собраний — о фактах такого рода «Магнитогорский рабочий» также упоминал. Например, 30 июля 1933 г. газета опубликовала материал о чистке В.М. Розенберга, А.Т. Колбина и Кузьмицкой²³, представлявших

¹⁹ Там же.

²⁰ Речь идет о № 170 газеты за 1933 г. В предыдущем случае имелся в виду № 169 — 24 июля вышли два выпуска «Магнитогорского рабочего», что само по себе было неординарным явлением и объяснялось, очевидно, обилием материалов о жизни города и градообразующего предприятия.

²¹ Магнитогорский рабочий 1.08.1933.

²² Магнитогорский рабочий 24.07.1933.

²³ Так в тексте. В номере за 24 июля 1933 г. обозначена как Кузьмицкая.

соответственно ячейковые комиссии по чистке Горсбанка, строительства четвертой домны, а также ФЗУ, техникума и отдела кадров завода. При обсуждении первого из них была предпринята попытка его дискредитации: некто Сумский, ранее уволенный Розенбергом за пьянство и дезорганизацию производства, выступил с нападка на Розенберга. Как отмечала газета, Сумскому был дан отпор, и его попытка не удалась.

Начало чистки ВКП(б) в Магнитогорске отмечено было буквально шквалом публикаций о недостатках как в общественной, так и в хозяйственной жизни города и завода. Следует отметить, что в 1933 г. на страницах «Магнитогорского рабочего» превалировал критический настрой — хотя опыт передовиков производства и ударников активно пропагандировался, основное внимание обращалось именно на отрицательное в общем балансе²⁴ и настойчиво указывалось на необходимость улучшения положения. По мере приближения чистки тенденция концентрировать основное внимание на критике недостатков постоянно усиливалась. Если до мая 1933 г., до начала подготовки к чистке парторганизаций города, на страницах «Магнитогорского рабочего» еще поддерживался определенный баланс в подаче «позитивного» и «негативного» материала из жизни городских парторганизаций, то в дальнейшем явно превалируют сообщения «отрицательного» характера. Во всех случаях критика носила строго персонализированный характер. При этом преобладало предъявление партактиву претензий не политического характера. Сама же подготовка к чистке со стороны парторганизаций в большинстве случаев признавалась в мае-июле 1933 г. неудовлетворительной. Проявления этого усматривались в слабой организационной работе или в ее отсутствии, плохом ведении разъяснительной работы с коммунистами и беспартийными, в отсутствии в отдельных случаях (в доменном цехе металлургического завода, например) помещений, где должна была проходить чистка. Отмечались также значительная текучесть состава парторганизаций, частое незнание их секретарями «партийно-политического лица» членов и кандидатов в члены ВКП(б). Практиковалось также обсуждение в партгруппах и на общих партсобраниях характеристик на личный состав организаций. Это превращало подготовку к чистке в саму чистку. Первоначально данная практика приветствовалась, правда, на страницах не «Магнитогорского рабочего», а других городских газет. Так, газета «На рельсах гиганта» 29 мая 1933 г. с явным одобрением писала, что «на партгруппах даются отдельным коммунистам характеристики для предоставления в комиссию по чистке». В связи с этим положительно оценивалась партгруппа токарей ЖДТ — ее секретарь Свирский проводил собрания с персональным обсуждением личного состава группы еще до начала кампании²⁵. Вскоре, однако, эта практика была резко осуждена в открытом письме секретаря Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабакова и председателя областной комиссии по чистке партии Б. А. Ройзен-

²⁴ Не были исключением и публикации, приуроченные к праздничным дням. Так, 4 мая 1933 г., в первом же после Первомайского праздника выпуске «Магнитогорского рабочего», в передовице лишь вскользь отмечались производственные успехи, но особо подчеркивалось, что «велик позор безобразной работы завода», выразившийся в крупной аварии, имевшей место накануне в доменном цехе. В связи с этим критиковалось хозяйственное и партийное руководство цеха и металлургического предприятия в целом. Отмечалось также невыполнение плана по чугуноу.

²⁵ На рельсах гиганта 29.05.1933.

мана, опубликованном 8 июня 1933 г. В этом же письме было выдвинуто требование не допускать заочного и группового исключения из ВКП(б)²⁶.

Критический настрой магнитогорской печати, прежде всего ведущей газеты города, еще более усилился с началом чистки. 27 июля 1933 г. «Магнитогорский рабочий» раскритиковал секретаря ячейки внутризаводского транспорта Березкина «за отсутствие борьбы с расхлябанностью и митинговщину». В другой публикации в том же номере газеты подвергся критике секретарь ячейки третьей паровозной бригады Вьюк. Ему инкриминировалось невыполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК о политотделах на железнодорожном транспорте, вследствие чего партиячейка «не ухватилась... за весь комплекс» соответствующей перестройки и такие важнейшие, центральные ее вопросы, как «борьба с канцелярско-бюрократическими методами работы <...> за железную пролетарскую дисциплину, за овладение техникой». Критиковался Вьюк и за то, что им до сих пор не было проведено заседания бюро партиячейки по обсуждению конкретных мер претворения в жизнь упомянутого постановления²⁷.

В связи с начавшейся партийной чисткой резко усилилась и критика бюрократизма в практике ряда парторганизаций и их руководства, а также «зажима самокритики». В рамках первого аспекта указывалось и на нежелание администрации отдельных подразделений и служб в ряде случаев сокращать управленческий аппарат²⁸. С конца августа 1933 г. подобная позиция напрямую увязывалась с саботажем приказа Г. К. Орджоникидзе от 29 июля 1933 г., предписывавшим, в числе прочего, проведение этой меры. С начала чистки заметна также политизация обвинений, нередко по методу амальгамы. Так, в уже упомянутом номере «Магнитогорского рабочего» от 27 июля 1933 г. было опубликовано 4 материала по чистке партии под общим заголовком «Выше действенную большевистскую самокритику! Беспощадно разоблачать зажимщиков самокритики, покровителей классового врага, «шляп» с партийными билетами!». В соответствии с этим была подвергнута разному партиячейка Госзеленстроя. Ей было поставлено на вид, что она не борется с нарушениями трудовой дисциплины, а ее члены не выполняют «своей авангардной роли», сами допускают прогулы и пьянствуют, пример чему подают руководители. Напоминалось, что за последние полгода сменилось два секретаря партиячейки, и последний из них, Михалев, продержался на этой должности всего 10 дней — с 7 по 17 июля. Он был снят за пьянство и прогул — на протяжении трех дней Михалев не появлялся на работе. Бичевались также семейственность, землячество и формальное отношение к соцсоревнованию, процветавшие на Зеленстрое при попустительстве парторганизации. Последняя обвинялась и в примиренческом отношении к «засорению аппарата отделения Госзеленстроя классово чуждыми элементами». Здесь уже присутствовала несомненная политизация обвинений — так, директор отделения Бологов, член партии с 1927 г., прямо обвинялся в том, что окружил себя подобного рода элементами. В качестве таковых назывались один из служащих, виновный лишь в том, что до революции <...>

²⁶ Магнитогорский рабочий 8.06.1933. Газета «На рельсах гиганта» также опубликовала это письмо, дезавуировав тем самым прежнюю свою позицию. См.: На рельсах гиганта 10.06.1933.

²⁷ Вскоре Вьюк был снят с работы за срыв занятий политшколы и непригодность этих занятий к работе паровозной бригады в три смены. См.: На рельсах гиганта 4.08.1933.

²⁸ См., например: Магнитогорский рабочий 11.08.1933.

имел свой сад и рабочих и другой служащий, бывший при царском режиме ле-сообъездчиком. К явно надуманным претензиям политизированного характера (следует сказать, что подобного рода обвинения постоянно встречались на страницах газеты во второй половине лета — осенью 1933 г.; особенно настойчиво они муссировались в августе-сентябре, во время «дела ОРС» Магнитогорского завода) были добавлены упреки в попустительстве вредительству, спекуляции, рукоприкладству по отношению к рабочим. Менее жесткий обвинительный настрой присущ был материалу, посвященному положению в руководстве ЦМК. Последнее критиковалось за семейственность, круговую поруку, зажим самокритики и отсутствие у членов здешней парторганизации индивидуальных договоров на соцсоревнование²⁹. За подобные же недостатки была раскритикована партячейка газетно-почтовой дирекции³⁰.

Политизация обвинений, предъявляемых отдельным парторганизациям и их руководству, хорошо прослеживается по опубликованным в «Магнитогорском рабочем» материалам, посвященным проведению чистки в тресте «Нарпит». Его партколлектив прошел чистку в числе первых, практически одновременно с Горой, что, очевидно, было связано с серьезными проблемами в системе снабжения и обслуживания магнитогорцев³¹. Как на Горе, так и в «Нарпите» начало кампании сопровождалось вступительной речью председателя районной комиссии по чистке. После Яна выступил секретарь партколлектива треста Кирпищиков, причем его выступление ведущая городская газета оценила весьма критически. По ее мнению, секретарь хотя и признал недостатки (к их числу он отнес предоставление питания прогульщикам, недостаточную бдительность, наличие в организации «нэпманского, торгашеского духа»), но умолчал о борьбе с хищениями и воровством и обошел вниманием работу по предупреждению таких явлений. В прениях по докладу выступили 22 человека, среди которых, однако, оказалось мало беспартийных (существенно, что был отмечен и этот момент) и «не было низовых работников и работниц»³². В дальнейшем критический настрой в отношении Нарпита и его парторганизации усилился еще более. Так, 8 августа 1933 г. «Магнитогорский рабочий» резко осудил положение, сложившееся в столовой № 37 Соцгорода. В статье под выразительным названием «Система буржуазного перерожденчества» был подвергнут резкой критике бывший заведующий этой столовой Налобный. Он обвинялся в хищениях, семейственности, политической без-

²⁹ Магнитогорский рабочий 27.07.1933.

³⁰ Там же.

³¹ Видимо, с этим же обстоятельством было связано и то, что в числе первых объектов критики с началом чистки в городе оказались хлебозавод и его парторганизация. Секретарю партячейки Котову и парторгу завода Новикову, помимо трафаретных обвинений в бюрократизме, формализме и плохом знании парторганизации, были адресованы упреки в том, что они «не увязывают подготовку к чистке с производственными заданиями», а к самой чистке подготовились неудовлетворительно, а также в том, что бюро ячейки и парторги «не мобилизуют беспартийных рабочих на борьбу с прорывом, не повышают авангардную роль коммуниста», слабо борются с хищениями, не поднимают вопрос о предоставлении военизированной охраны заводу. Упрекались они и в вялости, нерешительности в борьбе за устранение недоделок, а также в том, что до сих пор «не взяты на буксир контрагентские организации». Подобные обвинения были предъявлены и парторганизации завода. См.: Магнитогорский рабочий 20.07.1933.

³² Магнитогорский рабочий 1.08.1933.

грамотности и карьеризме — руководствуясь последним, он и вступил в ВКП(б) в 1931 г.

Еще более резкая критика положения в Нарпите была дана в материалах, опубликованных «Магнитогорским рабочим» 12 августа 1933 г. Здесь тенденция к политизации обвинений обнаружилась вполне наглядно. Речь шла об итогах чистки партячейки первого куста треста. Уже упомянутый Кирпищиков и секретарь ячейки первого куста Нарпита Шеметов критиковались за невнимание в своих выступлениях к партийно-массовой работе при одновременном приукрашивании положения в хозяйственной сфере (в адрес Кирпищикова подобные упреки, впрочем, высказывались и в публикации от 1 августа). Наряду с этим говорилось о «канцелярско-бюрократических методах руководства» партячейкой первого куста и партколлективом в целом, осуждались отрыв виновников такого положения от масс и притупление классовой бдительности. С учетом специфики треста говорилось также об отсутствии должной борьбы с растратами и хищениями, составившими в 1932 г. вместе с переплатами по зарплате 800 тыс. рублей. Подчеркивалось, что значительное перевыполнение плана по прибылям достигнуто исключительно за счет наценок на продукты, притом, что последние не заготавливались в плановом порядке, а доставались вследствие разного рода сделок спекулятивного характера (это неудивительно, принимая во внимание крайне серьезное положение со снабжением населения в 1933 г. не только в Магнитогорске, но и по стране в целом³³). Руководители треста и лично его директор Пастухов обвинялись в нарушении единоначалия, в отсутствии у Нарпита собственной продбазы, в недовыполнении плана посева, в невнимании к нуждам рабочих, в крайне неудовлетворительной работе секторов контроля исполнения и производственного; им инкриминировались также бесхозяйственность, неэкономность, зажим самокритики, засоренность аппарата организации «чуждыми элементами». В последнем случае, вполне в духе времени, политическая окраска придавалась и случаям неудовлетворительного обслуживания рабочих; за вредительство и происки классового врага выдавались проявления бесхозяйственности, расхлябанности и простого невнимания. Так, упоминалось, что на фабрике-кухне № 1 «в пищу попадали гвозди, шурупы», имели место случаи порчи продуктов. Исходя из того, что во главе партруководства фабрики-кухни стоял бывший кулак Тебякин, делался безоговорочный вывод о сознательном вредительстве. Доказательства последнего, помимо социального происхождения Тебякина, сводились к тому, что секретарь «на производстве спал, разводил антисанитарию, беспробудно пьянствовал, кутил на продукты столовой, зажимал самокритику, увольнял работниц, потворствовал классовому врагу». Проявления вредительства усматривались даже в том, что в смену Тебякина «сгорело 50 котлет» и «у него всегда подгорала каша». Тенденция к политизации обвинений здесь налицо; косвенным образом в таком положении обвинялся и директор треста Пастухов — указывалось, что он, хоть и состоит на партучете в ячейке первого куста Нарпита, ни разу там не появился, ссылаясь на занятость. Более того, Пастухов, член партии с 1918 г., прямо назывался «буржуазным перерожденцем, дельцом, оторвавшимся от партии»³⁴.

³³ О скудных размерах пайка горожан (в т. ч. и на Магнитке) в начале 1930х гг. см.: Осокина 1998, 121–124, 256–258.

³⁴ Магнитогорский рабочий 12.08.1933.

В то же время и в материалах, опубликованных 12 августа 1933 г., и в статье «Боевую путевку активному помощнику комиссии по чистке», напечатанной четырьмя днями ранее, вразрез с обвинениями руководства Нарпита в зажиме самокритики, давалась высокая оценка ежедневной стенгазете первого куста треста — «Нарпитевец на проверке». Она начала выходить 29 июля — одновременно с началом чистки парторганизации цеха и подробно останавливалась как на позитивных, так и на негативных сторонах работы столовых треста. «Магнитогорский рабочий» вполне одобрительно принял тезис стенгазеты, что парторганизация «Нарпита» засорена бывшими кулаками и петлюровцами³⁵. В то же время с удовлетворением отмечалась, что стенгазета первого куста «показывает коммунистов, которые ведут борьбу с замаскированным кулачеством, являются передовиками на производстве». Особой похвалы от «Магнитогорского рабочего» «Нарпитевец на проверке» удостоился за активное участие в разоблачении проштрафовавшихся членов трестовского партколлектива, хотя, по словам центральной городской газеты, стенгазета не избежала при этом ошибок. Так, она разоблачила раздатчицу столовой № 28 Смирнову, члена партии, уличенную в соучастии в хищениях, а также политически пассивную. «Нарпитевец на проверке» предложил исключить ее из партии, чем, по мнению «Магнитогорского рабочего», допустил невольную политическую ошибку, подменив собой ячейковую комиссию по чистке. Задачей стенгазеты, объясняло ведущее периодическое издание города, является «злое и ядовитое разоблачение» проштрафовавшихся, а не предвосхищение оргвыводов комиссии по чистке³⁶.

Но и самому «Магнитогорскому рабочему» приходилось выступать с публичной самокритикой еще до начала «августовского кризиса на Магнитке». Так, 12 июля 1933 г. газета напечатала заявление по поводу публикации в ней еще 24 июня письма члена партии рабочего Цветкова, которое информировало о работе последнего с кандидатом в члены ВКП(б) Остапенко. Последний при этом характеризовался положительно, но, как обнаружилось вскоре (очевидно, в связи с начавшейся чисткой), в действительности был сыном кулака и служил во врангелевской армии. Как утверждалось в «Магнитогорском рабочем», Остапенко обманном путем «проник на Магнитострой и обманом пролез в партию». 30 июля ведущая городская газета снова вернулась к этой теме — очевидно, в условиях начавшейся уже чистки подобный проступок мог иметь серьезные последствия. Во избежание этого газета поспешила выступить с самокритикой, указав как на свою ответственность за публикуемые на ее страницах материалы, так и на ошибочное умолчание об этой ответственности в материале от 12 июля. 5 августа 1933 г. «Магнитогорский рабочий» снова вернулся к этому эпизоду, одновременно выступив с самокритикой по ряду вопросов. Она была изложена в резолюции открытого собрания партийной ячейки типографии газеты. Ответственность за публикацию злополучного письма Цветкова была возложена на сотрудника пар-

³⁵ Следует отметить, что при столь грозных обвинениях в адрес руководства треста, не выделявшихся, впрочем, особо сильно на общем фоне чистки, результаты последней в парторганизации первого куста не были излишне суровыми. Было оставлено в ВКП(б) 28 человек из 57 членов ячейки; 13 были исключены из партии, трое переведены в кандидаты и 13 — в сочувствующие.

³⁶ Магнитогорский рабочий 8.08.1933 и 12.08.1933.

тотдела редакции Рахмель и заведующего этим отделом Безбабичева (будущего редактора «Магнитогорского рабочего», смещенного со своего поста в начале 1935 г. с предъявлением ему ряда политических обвинений). При этом многозначительно отмечалось, что подобные факты имеют место в практике и других отделов газеты, как и редакций ряда печатных изданий, выходящих в городе и на заводе. Все это объявлялось следствием «слабо развитой большевистской самокритики внутри редакционного коллектива, неудовлетворительного положения с трудовой дисциплиной и теоретической учебой работников печати». В целях преодоления недостатков редактору «Магнитогорского рабочего» Г. Г. Принцми-тулу было указано «на необходимость более решительной борьбы за укрепление трудовой дисциплины в редакции», а также «искоренения <...> безответственности, разгильдяйства, верхоглядства, репортерства (!? — А. Д.)» и т. п.

На протяжении всех месяцев, когда в Магнитогорске особенно интенсивно проходила чистка партии, ведущая городская газета обычно публиковала репортажи, статьи, заметки, очерки о ее ходе по отдельным организациям. При этом приводимые материалы чаще всего группировались по производственному признаку. Так, 11 августа 1933 г. основное внимание было уделено чистке партийной организации Горы (2 материала) и Нарпита (4 публикации), на следующий день — исключительно Нарпиту, 16 августа — буровзрывному цеху и т. д. Регулярно помещались объявления о чистках отдельных парторганизаций, а иногда — и о персональных чистках. Текущие вопросы, связанные с кампанией, постоянно рассматривались на бюро горкома ВКП(б); по инициативе последнего проводились и инструктивные совещания, приуроченные к мероприятию. Так, на 14 августа 1933 г. назначено было инструктивное совещание информаторов парткомов и партячек — информация об этом появилась в «Магнитогорском рабочем» двумя днями ранее. Сама чистка, о чем уже говорилось, изначально увязывалась с решением производственных задач и на страницах газеты не было недостатка в напоминаниях об этом. Так, Ян в своем выступлении по поводу начавшейся 2 августа чистки парторганизации Горы особо отметил в числе недостатков, наряду с привычными «буржуазным перерождением части кадров, проникновением в руководство отдельных ячеек классово чуждых элементов, очковтирательством», зажимом критики, а также «утратой бдительности в отношении старых специалистов»³⁷, невыполнение плана по снабжению домен Магнитогорска и Сталинска рудой. Из положительного он назвал достижение мирового рекорда по бурению в буро-взрывном цехе Горы, не преминув увязать это с подготовкой к чистке партии и с полным основанием указал на необходимость пропагандировать достижения такого рода. Это действительно происходило в ходе чистки и находило отражение на страницах «Магнитогорского рабочего».

Материалы, напечатанные 12 августа 1933 г. об итогах чистки парторганизации первого куста Нарпита, положили начало регулярным публикациям в газете сведений такого же рода по отдельным партколлективам и ячейкам. 16 августа 1933 г. были обнародованы результаты чистки ячейки буро-взрывного цеха³⁸, а 27 августа — экскаваторного цеха. Оба цеха относились к горно-рудному хозяйству

³⁷ Последнее было обозначено как «объективщина».

³⁸ В буровзрывном цехе чистка проходила со 2 по 9 августа 1933 г., в экскаваторном цехе — несколько позднее. Она началась в середине месяца и продолжалась 10 дней.

ММК, и ситуация на них в канун чистки характеризовалась в одинаковых тонах. Подчеркивалось, что начало проверки персонального состава парторганизаций совпало здесь с принятием решения ЦК ВКП(б) и Совнаркома по Донбассу, в котором говорилось, в частности, о «ликвидации канцелярско-бюрократических методов руководства» в горной индустрии. Отмечались (особенно применительно к буровзрывному цеху) сдвиги к лучшему в работе парторганизации («повышение авангардной роли отдельными коммунистами», перевыполнение (опять-таки отдельными членами и кандидатами в члены партии) трудовых норм), но основное внимание уделялось отрицательным факторам, выявившимся в ходе чистки. В обоих случаях указывалось на недостаточное внимание партруководства к борьбе с браком, за повышение качества работы; отмечались простои на производстве, слабое развитие и зачастую формальный характер соцсоревнования, невыполнение плановых заданий (в буровзрывном цехе, к примеру, они выполнялись в мае 1933 г. на 76,7%, в июне — на 77,6%, в июле — на 94,8%; за первую неделю августа они были выполнены только на 64,4%³⁹. Отмечались также наличие «канцелярско-бюрократических методов» работы и очковтирательства» в практике руководства на Горе, сугубо ведомственные отношения между ее цехами, нарушение принципа единоначалия, распространение семейственности и круговой поруки⁴⁰. По буровзрывному цеху говорилось также о плохой политработе и низкой политграмотности личного состава. То же самое констатировалось и по экскаваторному цеху; кроме того, ячейковая комиссия по чистке указала на отсутствие в его парторганизации самокритики, притупление классовой бдительности, «засоренность ячейки чужаками», отсутствие заботы о культурно-бытовых нуждах рабочих⁴¹.

Вместе с тем «Магнитогорский рабочий» положительно оценивал организационную подготовку к чистке в буровзрывном цехе. С удовлетворением констатировалась неплохая посещаемость собраний, в том числе беспартийными рабочими и домохозяйками — на каждом собрании присутствовало не менее 250 человек, а на некоторых — 450–500. В течение недели чистку прошли все 40 членов парторганизации цеха, из которых оставлено было в качестве членов и кандидатов ВКП(б) 18, исключено 13, переведено из членов в кандидаты четверо и в сочувствующие двое. В качестве мотивов исключения назывались «двурушничество, оппортунизм, нарушения партийной дисциплины, отрыв от масс»⁴². Довольно

³⁹ Магнитогорский рабочий 16.08.1933.

⁴⁰ Магнитогорский рабочий 16.08.1933 и 27.08.1933.

⁴¹ Магнитогорский рабочий 27.08.1933. Культурно-бытовое обслуживание магнитогорцев было предметом пристального внимания и резкой критики на страницах газеты на протяжении всего 1933 г. Руководство коммунально-бытового управления было подвергнуто особо разгромной критике 16 августа 1933 г. В статье под характерным названием «Вырвать гнойник из аппарата КБУ» в крайне неудовлетворительном культбытообслуживании рабочих обвинялось партийное и профсоюзное руководство организации. В статье прямо говорилось, что в ячейке КБУ существует «гнойник разложения», в центре которого находятся секретарь ячейки Кириенко и его помощники. Они обвинялись в зажиме критики, замалчивании недостатков, бюрократических методах работы и бытовом разложении. В качестве примера последнего говорилось, что субботник по окучиванию картофеля и заготовке сена, состоявшийся 24 июля, Кириенко и бригадиры превратили в «пикник с пьянкой, стрельбой, охотой». Профорг КБУ Рябенков обвинялся в растрате — собрав с рабочих 1020 рублей, он выехал на эти средства на лечение. Говорилось также, что из 109 членов парторганизации КБУ на производстве заняты только 33, а ударниками являются 22 человека. См.: Каменецкий, Рахмель. Вырвать гнойник из аппарата КБУ // Магнитогорский рабочий, 1933, 16 августа.

⁴² Магнитогорский рабочий 16.08.1933.

высоким оказался процент исключенных из партии и в организации экскаваторного цеха — здесь из 44 человек оставлено в прежнем статусе («проверено», по тогдашней терминологии) было 24, исключено 13, пятеро переведены из членов ВКП(б) в кандидаты и двое — в сочувствующие. Среди исключенных, как писала газета, имелись «представители всех шести категорий, подлежащих вычистке из партии по решению ЦК и ЦКК». Показательно, что среди вычищенных в ячейке экскаваторного цеха оказался и председатель магнитогорского горсовета А. М. Румянцев — он был прикреплен именно к этой ячейке⁴³. Его исключение из ВКП(б) напрямую было связано с начавшимся уже в городе «августовским кризисом», который привел к смене партийного и советского руководства Магнитогорска.

Именно в связи с начавшимся кризисом, обусловленным отчасти настоящим, отчасти мнимым саботажем упомянутого приказа Г. К. Орджоникидзе от 29 июля 1933 г., и объяснялось внеочередное проведение чистки парторганизации горсовета. Как уже упоминалось, работа этого органа критиковалась «Магнитогорским рабочим» еще до начала чистки. 18 августа 1933 г. горсовет и его парторганизация были раскритикованы уже «за саботаж приказа наркома тяжелой промышленности об устранении просчетов в культурно-бытовом обслуживании магнитогорцев», что предопределило участь горсоветчиков. На следующий день после публикации статьи в «Магнитогорском рабочем» районная комиссия по чистке партии, поддержав обвинения горсоветского актива в саботаже приказа наркома и неприятии мер по должному обеспечению «коммунальных нужд рабочих», рекомендовала комиссии по чистке ячеек советских, кооперативных и торговых организаций провести чистку партячейки магнитогорского совета вне очереди⁴⁴. Она началась 28 августа. Сообщение об этом, опубликованное в подразделе «Дневник чистки», давало резкую оценку докладу секретаря партячейки Некрасова, оглашенному на первом же собрании по чистке. По словам газеты, доклад «проиллюстрировал обстановку, в которой был создан саботаж приказа наркома», но Некрасов обошел вниманием последние события в горсовете (к тому времени его прежнее руководство было уже смещено либо подверглось мерам дисциплинарного воздействия), сам саботаж приказа и роль в этом возглавляемой им пар-

⁴³ Магнитогорский рабочий 27.08.1933. Газета «Горняк» привела несколько иные данные по чистке парторганизаций обоих цехов. В ней говорилось, что в буровзрывном цехе проверку прошли 38 человек, из которых 13 было исключено, четверо переведены в кандидаты и трое — в сочувствующие. Уточнялось, что в числе «вычищенных» один был исключен «за систематическую пьянку и сон на производстве», один (бывший секретарь парткома Бабилов) — за потерю классовой бдительности, зажим самокритики и перерождение, еще один — «за искривление финансовой политики, перерасход средств рудкома, неоткровенность перед комиссией». Заведующего цехом Рыкова исключили «за неискренность на чистке»; в отношении девяти остальных причина не указывалась. См.: Горняк 16.08.1933. При этом положение в буро-взрывном цехе и его парторганизации «Горняк» оценивал в более резких тонах, нежели «Магнитогорский рабочий». См.: Горняк 12.08.1933 и 16.08.1933. Не менее резко оценивалось и положение в экскаваторном цехе. По данным «Горняка», из 42 членов и кандидатов в члены партии на экскаваторной базе, прошедших чистку, 11 человек (8 членов и 3 кандидата) были исключены, пятеро переведены в кандидаты, двое — в сочувствующие. При этом один коммунист был исключен за «порочное происхождение» — как сын подрядчика, двое — «за двурушничество», выразившееся в том, что, голосуя на партсобраниях за их решения, они частным образом говорили о нереальности производственного плана. Еще один исключенный из партии, а именно А. М. Румянцев, был охарактеризован как «бюрократ, оторвавшийся от масс, утративший бдительность, саботажник приказа наркома». См.: Горняк 22.08.1933.

⁴⁴ Магнитогорский рабочий 21.08.1933.

тячейки. Докладчик обвинялся также в зажиме самокритики, в абсурдном заявлении об отсутствии бюрократизма в горсовете⁴⁵ и в замалчивании этого в своем выступлении. Указывалось также, что завхоз совета Гридневский, член партии, разоблачен как бывший белогвардеец⁴⁶ (в дальнейшем такое же обвинение было предъявлено и члену горсовета Кудрявцеву, также члену ВКП(б), что дало основание говорить о засорении партячейки органа городской власти «классовыми врагами»). Чистка парторганизации магнитогорского совета прошла в итоге под аккомпанемент непрерывных обличений его опального актива. В результате из 29 прошедших чистку 7 человек были исключены из ВКП(б), трое переведены в кандидаты и пятеро — в сочувствующие⁴⁷.

Материалы, связанные с осуждением смещенного партийного, советского и городского руководства Магнитогорска, а также с обличением положения в отделе рабочего снабжения градообразующего предприятия и в его партячейке, заняли значительную часть публикаций о партийной и в целом общественной жизни Магнитки в сентябре 1933 г. Сами задачи чистки теперь тесно увязывались с борьбой против саботажа приказа наркома и лиц, виновных в этом саботаже. Вследствие этого ход чистки в отдельных организациях освещался несколько слабее. Тем не менее, продолжали регулярно публиковаться сообщения о начале кампании в тех или иных партколлективах и ячейках, об изменениях в персональном составе комиссий, отчасти — о результатах чистки по парторганизациям. Помимо таких итогов по горсовету, были обнародованы результаты проведения данного мероприятия в ячейке коксового цеха⁴⁸. Они были оглашены ячейковой комиссией 2 сентября и опубликованы в сжатом виде через два дня, а в развернутом — 14 сентября 1933 г. Во многом итоги чистки парторганизации коксового цеха излагались «Магнитогорским рабочим» стереотипно, примерно по той же схеме, что и итоги чистки партийных организаций цехов горно-рудного хозяйства в предыдущем месяце. Говорилось, что к чистке коксовый цех пришел с невыполнением плана, плохим качеством продукции, значительной себестоимостью, серией аварий. Трафаретно говорилось о притуплении классовой бдительности, очковитирательстве и бюрократизме, засоренности парторганизации чужеродными и карьеристскими элементами. Упоминалось и о распространенности лжеударничества — вместо 708 официально объявленных ударниками таковых в цехе в действительности было 380 человек. В связи с этим руководство, в т. ч. и партийное, критиковалось за утверждение ударников без проверки выполнения плана, без учета участия их в общественной жизни цеха, степени овладения техникой и т. д. Вместе с тем отмечались коммунисты — передовики производства; в этой связи поименно назывались парторги Дзюбенко (десятник по выдаче кокса) и Попов. Первый из них характеризовался как лучший парторг коксового цеха.

Основное внимание, однако, и в данной публикации обращалось на недостатки и просчеты. Отдавая должное передовикам, комиссия указывала в то же вре-

⁴⁵ Это заявление в дальнейшем неоднократно ставилось ему в вину, а он сам явился одним из основных объектов нападок в период «августовского кризиса на Магнитке».

⁴⁶ Магнитогорский рабочий 29.08.1933.

⁴⁷ Магнитогорский рабочий 8.09.1933.

⁴⁸ Речь шла об эксплуатационниках. На строительстве коксового цеха чистка парторганизации проходила позднее.

мя на «двурушников, оппортунистов, героев «двух планов»⁴⁹, дезорганизаторов производства». В числе вычищенных назывались бывший троцкист, заместитель директора завода Булатов (это было первое обвинение в принадлежности к троцкизму на страницах «Магнитогорского рабочего» за 1933 г.), бывший начальник углеподготовки Карманов, заклеянный как растратчик, сын тюремного надзирателя времен царизма и бывший белогвардеец, «растратчик, карьерист, сын торговца» Малев. Таким образом, «неправильное» социальное происхождение по-прежнему рассматривалось как повод для предъявления обвинения; тем более считалось утяжеляющим вину обстоятельством белогвардейское прошлое. То и/или другое считалось несовместимым с пребыванием в рядах ВКП(б) и во всех случаях инкриминировалось «вычищаемым».

В целом по коксовому цеху проверку прошло 118 членов парторганизации, из которых «проверено» было 72, исключено 26, переведено из членов партии в кандидаты 11 и в сочувствующие 5 человек. Кроме того, 4 человека были переведены из кандидатов в сочувствующие. Довольно значительная доля переведенных дала ячейковой комиссии основание сделать вывод о низком в целом политическом уровне парторганизации и о неудовлетворительной постановке партучебы в цехе⁵⁰. Следует отметить, что работа с политически малограмотными считалась важной частью партработы, и во время чистки «Магнитогорский рабочий» обращался к этому вопросу, неоднократно критикуя уже прошедшие проверку организации за недооценку данного направления.

И в августе-сентябре 1933 г. и позднее газета, рассматривая результаты чистки по отдельным парторганизациям, неоднократно подчеркивала оздоровляющее воздействие кампании на жизнь этих организаций и трудовых коллективов в целом. Сложно сказать, в какой мере это соответствовало действительности. С одной стороны, из ВКП(б) действительно исключались карьеристские, неустойчивые и разложившиеся элементы, с другой — сам же «Магнитогорский рабочий» признавал, как уже говорилось, попытки использовать чистку в личных целях. Поводом для исключения могло оказаться и «ущербное», с точки зрения большевиков, социальное происхождение — с учетом весьма жестких ограничений для лиц соответствующих категорий, официально существовавших в СССР до середины 1930-х гг., приходится делать ряд оговорок в отношении многих из тех, кого в тот период причисляли к карьеристам. В ряде случаев, особенно в период «августовского кризиса» и непосредственно после него, «вычищаемым» предъявляли и надуманные обвинения, например, в приверженности тактике «двух планов». Необходимо учитывать, что и состав комиссий по проведению чистки мог оставлять желать лучшего, в т. ч. и с точки зрения самой большевистской идеологии — свидетельства подобного рода появлялись и на страницах «Магнитогорского рабочего». Так, 28 августа и 1 сентября 1933 г. газета проинформировала читателей, что член бюро горкома ВКП(б) и заведующий агитмассовым отделом этого органа А. Т. Колбин в качестве председателя ячейковой комиссии по чистке партии выехавший в Магнитный зерносовхоз «принял участие в коллективной пьянке, организованной руководством совхоза под видом охоты в лесу». Сообщалось, что

⁴⁹ О практике «двух планов», приписанной экс-директору ММК Н. Г. Мышкову, см.: Дорожкин А. Г. 2010, с. 118–119.

⁵⁰ Магнитогорский рабочий 14.09.1933.

Колбина решено было снять за это с его должности, «отстранить от дальнейшей работы по чистке партии», вывести из состава горкома, а вопрос о дальнейшем пребывании в ВКП(б) решить особо. 6 сентября 1933 г. он был исключен из партии⁵¹. 23 сентября 1933 г. объявили об освобождении от обязанностей члена ячейковой комиссии по чистке заводских ячеек вспомогательных цехов (с одновременным исключением из партии) С. А. Бойченко. Ему предъявили уже политические обвинения — документально было доказано, что накануне и во время революции 1905–1907 гг. он сотрудничал с царской полицией и был в числе штрейкбрехеров.

Увязывание чистки партии с борьбой за улучшение производственных показателей нередко стимулировало штурмовщину со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это также должна была признать ведущая газета Магнитогорска. В связи с проведением чистки в парторганизациях буровзрывного, экскаваторного и коксового цехов констатировалось улучшение данных показателей⁵², но успех оказался временным. Уже 6 октября 1933 г. «Магнитогорский рабочий», отметив перевыполнение плана в августе 1933 г. на Горе в связи с проведением чистки, а также производственные успехи в коксовом цехе ММК в это же время, подчеркнул, что на Горе «сразу же после чистки вследствие самоуспокоенности партийного руководства» (очевидно, и хозяйственного) план перестал выполняться. Снижение производственных показателей после завершения чистки наблюдалось и в коксовом цехе завода⁵³. Таким образом, и на основании публиковавшихся в печати материалов можно сделать вывод, что в плане улучшения работы чистка партии давала лишь временный эффект, обусловленный преимущественно (если не исключительно) штурмовщиной.

И на начальном этапе чистки 1933 г. в Магнитогорске, и в дальнейшем городская печать уделяла незначительное внимание апелляциям на решения ячейковых комиссий. Для их рассмотрения районной комиссией были утверждены специальные дни заседаний (2, 4, 8, 10, 14, 16, 20, 22, 26 и 28 числа каждого месяца)⁵⁴. При этом, однако, исключенные из ВКП(б) либо переведенные в кандидаты и сочувствующие нередко направляли апелляции на решения нижестоящих органов непосредственно в Центральную комиссию по чистке партии. В связи с этим 22 августа 1933 г. последовало специальное извещение секретариата этой комиссии, опубликованное в «Магнитогорском рабочем» двумя днями позднее. Там говорилось, что в случае обжалования членами и кандидатами ВКП(б) решений областных и краевых комиссий апелляции должны подаваться в центр через эти комиссии «вместе со всеми делами по чистке и материалами» о данных коммунистах. Информация же о результатах рассмотрения апелляций почти не давалась ведущей газетой Магнитогорска⁵⁵.

⁵¹ Магнитогорский рабочий 8.09.1933.

⁵² Магнитогорский рабочий 29.08.1933 и 6.10.1933.

⁵³ Магнитогорский рабочий 9.10.1933.

⁵⁴ Магнитогорский рабочий 3.09.1933.

⁵⁵ Крайне редко публиковались постановления районной комиссии по апелляциям достаточно высокопоставленных в прошлом лиц, исключенным из ВКП(б), подтверждавшие решения низовых комиссий. 30 сентября 1933 г. «Магнитогорский рабочий» впервые опубликовал материал такого рода в отношении бывшего начальника планово-экономического отдела заводоуправления ММК Б. П. Булатова.

Результаты первого этапа чистки партийных организаций города и градообразующего предприятия были подведены в большой статье Г. Яна, опубликованной в «Магнитогорском рабочем» 22 сентября 1933 г. Председатель районной комиссии указывал, что до середины сентября проверку прошли 1160 членов магнитогорской парторганизации, причем исключено из партии было 213 и переведено в сочувствующие либо в кандидаты 189 человек. При этом статья Г. Яна не содержала чрезмерно резких формулировок — очевидно, сказалось наметившееся уже некоторое ослабление массовой кампании в связи с «саботажем приказа наркома». Основное внимание было уделено критике неудовлетворительной в целом организации политработы в прошедших проверке партийных ячейках; совершенно недостаточной признавалась и работа с политически неграмотными и малограмотными коммунистами. Говорилось также, что выводы ячейковых комиссий по чистке об улучшении положения полностью не реализованы и содержался призыв исправить положение.

Как видно из публикаций ведущей городской газеты, «августовский кризис на Магнитке» наложил отпечаток на первый этап проведения чистки партии в городе и предопределил некоторые отступления от первоначально запланированного порядка ее проведения. Намеченная последовательность мероприятия была несколько нарушена — чистку парторганизаций горсовета и отдела рабочего снабжения металлургического завода провели во внеочередном порядке. В целом же, подводя итоги, можно констатировать, что уже на начальном этапе чистки магнитогорской парторганизации в освещении этого мероприятия ведущей городской газетой обозначились тенденции, получившие развитие в последующие месяцы. К их числу можно отнести:

- достаточно подробное и в целом оперативное освещение хода кампании по отдельным организациям при акцентировании основного внимания на недостатки в их работе;

- указание на бюрократизм, формализм, зажим самокритики, малую политграмотность коммунистов, просчеты в организации политпросвещения либо вообще неудовлетворительную постановку партработы, а в ряде случаев — и на «засорение ячеек классовыми врагами» как на основные пороки городских парторганизаций, выявившиеся в ходе чистки;

- резкую политизацию обвинений, предъявляемых проштрафованным коммунистам, в первую очередь, партактиву, и одновременно — призыв к усилению большевистской бдительности и непримиримости в отношении «перерожденцев», «двурушников», замаскированных врагов;

- тесное увязывание чистки с решением производственных задач, сопровождение ее призывами к перевыполнению плановых заданий, повышению производительности труда и ускорению темпов работы, что на практике нередко сопровождалось штурмовщиной со всеми вызываемыми ею издержками (последнее отчетливо прослеживается из ряда последующих публикаций «Магнитогорского рабочего» при том, что активно пропагандировался и опыт передовиков);

- следование в целом призыву «вести самокритику, невзирая на лица», что особенно ярко проявилось в период «августовского кризиса». Вместе с тем это выразилось и в выступлении с самокритикой редакции «Магнитогорского рабочего». Существенно, что факты, порочащие самих членов комиссий по чистке, не

замалчивались — тем самым можно говорить о несомненной гласности в данном вопросе. При этом постоянный читатель газеты мог убедиться (независимо от намерений редакции) в надуманности части обвинений, предъявленных основным фигурантам «августовского кризиса;

— весьма небольшое внимание к вопросам, связанным с подачей апелляций на решения комиссий по чистке, при почти полном замалчивании результатов такой практики;

— периодическую публикацию материалов об итогах чистки как по отдельным организациям, так и (применительно к различным стадиям кампании) по магнитогорской организации ВКП(б) в целом. Начало практики публикации «промежуточных» результатов чистки городской парторганизации было положено статьей Г. Яна, напечатанной 22 сентября 1933 г.;

— фактическое признание газетой возможности использования кампании в целях сведения личных счетов, но отсутствие резких предостережений по этому поводу — очевидно, в целях привлечения на собрания беспартийной массы, чему придавалось важное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Дорожкин А. Г. 2009: Пропагандистское обеспечение подготовки к чистке партии в Магнитогорске в 1933 г. (по материалам газеты «Магнитогорский рабочий») // VII городские краеведческие чтения «Наследие», посвященные 80-летию Магнитогорска. Магнитогорск.

Дорожкин А. Г. 2010: «Августовский кризис» 1933 г. на Магнитке в отражении «Магнитогорского рабочего» // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск, 117–135.

Осокина Е. А. 1998. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.

“THE MAGNITOGORSKY RABOCHIY” ON PRINCIPAL TRENDS AND RESULTS OF THE INITIAL STAGE OF CPSU (BOLSHEVIK) PURGE (July-September of 1933)

A. G. Dorozhkin

The article deals with “The Magnitogorsky Rabochiy” newspaper covering the initial stage of party purge in Magnitogorsk in July-September of 1933. It presents the analysis of principal trends of the CPSU (Bolshevik) purge revealed at the initial stage of the purge in the town and their further development. It also analyzes the coverage of the results of the campaign by the main local newspaper “The Magnitogorsky Rabochiy”.

Key words: Magnitogorsk, CPSU (Bolshevik), purge, party organization, expulsion from the party.

ЖЕНСКИЙ СОЦИУМ В МАГНИТОГОРСКЕ В 1930-Е ГГ.

В статье рассматривается женский социум в новом индустриальном центре на протяжении 1930-х гг. Несмотря на то, что Магнитогорск создавался как «новый город», роль женщины кардинальным образом не изменилась. Она по-прежнему оставалась матерью и хранительницей домашнего очага. Однако уникальность советского варианта медиализации материнства заключалось в том, что, нуждаясь как никогда в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины в сфере воспроизводства.

Ключевые слова: история повседневности, женщина, новый город, Магнитогорск.

В условиях форсированной индустриализации в новых индустриальных центрах, в том числе и в Магнитогорске, ярче, чем по Советскому Союзу в целом, проявилась тенденция миграции населения. В миграционных процессах существенную роль играло женское население. Если в течение 1929 г. на Магнитострое до 90 % населения составляли мужчины, то уже в 1930 г. соотношение полов было 2:1. Преобладание женского населения в городе началось в 1932 г. и сохранялось в течение всего исследуемого периода. Доля женского населения в Магнитогорске была стабильно более высокой, хотя и на незначительный процент. Так, женское население превышало мужское в 1932 г. — на 8 %, в 1933 г. — на 2,8 %, в 1934 г. — на 2 % и т.д.¹

Мотивы, по которым люди ехали в Магнитогорск, были разнообразными: движение добровольцев, организованные наборы, спецпереселенцы, стремление улучшить свое материальное положение и пр. Женщины преимущественно прибывали на Магнитострой вслед за своими мужьями, отцами и братьями, которые вербовались на строительство крупнейшего завода. Так, магнитогорка А.С. Терехова вспоминала: «Я приехала в Магнитогорск в декабре 1930 г. к мужу, который с осени по вербовке работал на строительстве первой плотины»². Подобный рост женского населения в Магнитогорске привел к формированию социального облика населения Магнитогорска среди представительниц слабого пола, а именно значительную часть среди горожанок теперь составляли женщины малограмотные, низкоквалифицированные репродуктивного трудоспособного возраста, незнакомые или малознакомые с урбанистической культурой. Эти факторы обусловили усиленное внимание местных властей по работе среди женщин. Американский рабочий Дж. Скотт, описывая судьбу своей жены Марии, отметил, что судьба Маши была типичной для целого поколения молодых советских женщин: «Она родилась и выросла в деревне <...> Ее отец был крестьянином-бедняком <...> Иногда босиком и в обносках Маша, ее братья и сестры стали ходить в местную

Макарова Надежда Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovanadia@mail.ru.

¹ Составлено по: МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1–48.

² Терехова 1982, 12.

деревенскую школу. Маша закончила четырехклассную деревенскую школу. Она хотела учиться дальше...»³.

В Магнитогорске, где строился не только новый металлургический завод, а прежде всего новый быт, развернулась широкая культурно-воспитательная работа среди женщин. Улучшение положения жизни женщины связывались не только с предоставлением ей прав, но и изменением ее функций в семье. Женщин пытались вовлечь в производственную и общественную деятельность, создавали отряды женских масс, проводили собрания. Так, А. С. Терехова вспоминала: «В июле 1931 г. мы переехали жить в барак Доменного городка. Здесь барак был разгорожен горбылем на комнаты, в одной из которых нас поселили. Обстановку составляли топчаны на козлах, стол из грубых досок, табуретки. В углу стояла печь, которую топили сами. Воду брали из водоклонки и кипятилки <...> Но главное не в этом, а в том, что несмотря на обремененность детьми я включилась в трудовую жизнь [у А. С. Тереховой было четверо детей в возрасте от 10 лет до трех месяцев — Н. М.]»⁴.

С 1930 г. в Советском Союзе перестали существовать женотделы. Одновременно перестали выходить журналы «Коммунистка» и «Делегатка». Весь комплекс вопросов, связанных с дальнейшим повышением роли советских женщин во всех отраслях народного хозяйства страны, был поручен отделам партийного аппарата. Эффективной формой повышения политической активности магнитогорок стали делегатские собрания. Массовый характер делегатских собраний был ориентирован на популяризацию политики партии и рост общественной активности малограмотных женщин. Работу в Магнитогорске начали с выборов делегатских собраний. В 1930 г. было создано тридцать женских делегатских групп, которые занимались также учетом женщин, «не втянутых в производство». Женщины-активистки создавали в Магнитогорске специальные бригады по «вовлечению в члены союза и закреплению работниц на производстве», по соцсоревнованию, по борьбе с прогулами, по охране женского труда, по охране материнства и младенчества и т. д.⁵ Наиболее активные участницы общественной жизни занимались организацией конкурсов на чистый и уютный барак, лучшую заботу о детях, проводили субботники, организовывали уютный быт в общих бараках и т. п.⁶ В Магнитогорске вовлечение женщин в общественную деятельность широко пропагандировалось в средствах массовой информации. Это играло немаловажную роль в создании советской мифологии. Вовлеченные в общественную деятельность магнитогорки сконцентрировались в основном в сугубо женской сфере деятельности — социально-бытовой. Даже когда женщины участвовали в партийных собраниях, в своих выступлениях они акцентировали внимание на проблемах социального характера: жилищный дефицит, неблагоустроенность, нехватка продуктов питания, отсутствие дорог. Возможно, и по этой причине в 1933 г. проведение массовых делегатских собраний в городе прекратилось. Однако официальная причина свертывания работы делегатских собраний заключалась в том, что «к 30-м делегатские собрания свою задачу уже выполнили и стало на-

³ Скотт 1991, 133–135.

⁴ Терехова 1982, 12.

⁵ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 109. Л. 2–4.

⁶ Работница 1930, 5.

мечаться несоответствие этой формы организации изменившейся обстановке»⁷. Изменение обстановки заключалось главным образом в повышении грамотности среди женского населения и ликвидации их отсталости. В Магнитогорске вслед за страной делегатские собрания были ликвидированы в 1933 г., но к этому времени о массовой грамотности женщин речь не шла.

Со второй половины 1930-х гг. активное внимание уделяется вовлечению женщин в Советы, как правило, городские или областные. Деятельность партийных и профсоюзных организаций среди домохозяек до середины 1930-х гг. в основном была ориентирована именно на малограмотных женщин. Этот недостаток был ликвидирован лишь в 1935 г. в результате начинания движения жен-общественниц. В последнее были включены образованные жены инженеров и управленцев. Активистки оказывали помощь в воспитании детей рядовых рабочих, были задействованы в ликвидации неграмотности и малограмотности, организовывали культурный досуг рабочих, благоустраивали территории предприятий. В конце 1930-х гг. на базе движения жен-общественниц сформировалась кампания по военизации общества. Женщины начали освоение традиционно мужских профессий. Важное значение в процессе военизации имело вовлечение женщин в общественные организации: общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, общество Красного Креста и Красного полумесяца, спортивные общества, при которых создавали различные кружки и школы: стрелковые, санитарные, связи, парашютные, летные. Магнитогорки активно сдавали нормы «ПВХО», «Ворошиловский стрелок», «ГТО». При этом в конце 1930-х гг. в городских газетах все чаще появляются статьи и фотографии, изображающие женщин, которые активно участвуют в сдаче перечисленных нормативов. Так, в «Магнитогорском рабочем» за 1937 г. регулярно появлялись сообщения о сдаче нормативов: юные «ворошиловские стрелки» в тире — ученицы 4 класса школы № 5 Дмитриева Зина и Антоисова Клава⁸, девушки-конькобежки⁹ и т. п. Наибольшая активность в работе с женщинами была связана с кампанией в честь 8 марта. В дни празднования Международного женского дня в Магнитогорске проводились митинги, конференции, собрания.

Равноправие мужчин и женщин постепенно переопределялось для нужд экономики. Однако в Магнитогорске, как и по Советскому Союзу в целом, по отношению к идее равноправия были различные подходы. Первый из них заключался в том, что идея равного положения женщины как активной труженицы нового строя на практике скорее выполняла роль идеальной схемы желаемого будущего. Многие организации в Магнитогорске отказывались принимать женщин на работу, «а если и принимали, то создавали такие условия, чтобы женщины с работы уходили»¹⁰. В частности, на кирпичном заводе города женщин не допускали на работы, требовавшие высокой степени квалификации¹¹. Многих работниц лишали премий¹². Многие женщины писали открытые письма в местные газеты и про-

⁷ Чирков 1978, 99.

⁸ Магнитогорский рабочий 11.02.1937.

⁹ Магнитогорский рабочий 14.02.1937.

¹⁰ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 111–116.

¹¹ Работница 1930, 5.

¹² МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 29. Л. 21–22.

сили помощи. Так, работница цеха телефонной связи, мать двоих детей Ивакина не могла добиться права стать ударницей, т.к. после работы не могла оставаться на производственные собрания¹³. Неравноправное положение женщины на производстве сохранялось. С одной стороны, заявлялось, что вовлекать женщин в производство необходимо, а с другой стороны, оказывалось, что часто дальше тяжелых и неквалифицированных работ женщин не допускали.

С серьезными проблемами на работе столкнулась заведующая отделом иностранной литературы научно-технической библиотеки ММК В.Ф. Берсенева. По состоянию здоровья женщина не могла работать полную смену в библиотеке, однако процесс оформления документов по инвалидности был существенно осложнен со стороны руководства библиотеки: «Я все таки решила перейти на инвалидность и работать только до половины дня. Сил у меня что-то мало <...> На этой неделе пройду комиссию и все необходимые формальности. Риск только в том, что меня могут уволить с работы совсем. Для библиотеки это вредно, но Пушкина [директор библиотеки в 1937–1939 гг, жена заместителя начальника НКВД Магнитогорска — Н.М.] со злости может пойти на это»¹⁴.

Второй подход был связан с необходимостью быстрого промышленного роста, для чего важно было обеспечить постоянный прирост рабочей силы. Это достигалось не только отменой пособия по безработице, но и привлечением на производство женщин. В 1931 г. в тезисах Наркомтруда СССР отмечалось: «Максимальное использование женского труда на данной стадии развития социалистического строительства становится задачей огромного экономического и политического значения <...> из-за недостатка в рабочей силе»¹⁵. Для привлечения женщин на производство в Магнитогорске существовали все условия. В результате доля женщин среди трудящихся Магнитогорска существенно возросла. Однако число неработающих магнитогорок было стабильно высоким. Так, в 1930 г. только 5 310 женщин (32 %) работали, остальные 68 % занимались ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей¹⁶. В 1931 г. число неработающих женщин возросло до 23 тысяч¹⁷. Подобный рост объяснялся прежде всего общим увеличением женского населения Магнитогорска. Однако к концу 1930-х гг. процент неработающих женщин в городе сократился приблизительно до 20. В условиях низкого уровня жизни, дороговизны продуктов питания и товаров первой необходимости женщины порой были просто вынуждены устраиваться на работу, чтобы вносить определенную сумму в семейный бюджет.

Советское законодательство поощряло и делало легальным использование женщин в производстве. В 1930-х гг. вышла серия постановлений, касающихся широкого вовлечения женщин в промышленность. Кроме того, если докладная записка НКТ СССР от 1930 г. отмечала, что «физиологические и физические особенности женского организма <...> чрезвычайно затрудняли продвижение женского труда»¹⁸, то в 1932 г. Народный комиссариат труда СССР разработал новое зако-

¹³ Магнитогорский рабочий. 23.10.1934.

¹⁴ Краузе 2010, 23.

¹⁵ Чирков 1978, 112.

¹⁶ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 8. Л. 5.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 61. Л. 94.

¹⁸ Чирков 1978, 121.

нодательство по охране труда, согласно которому было сокращено число «неженских профессий». Рассуждения о связи между вовлечением женщины в производство и ухудшением ее здоровья были названы «оппортунистической теорией»¹⁹. В результате в годы первых пятилеток значительно увеличился удельный вес женщин среди рабочих крупной промышленности. В 1928 г. он составлял 28 %, в 1932 г. — 33 %, в 1937 г. — 40 %²⁰. Несмотря на развитие законодательства в области охраны труда по отношению к женщинам, в Магнитогорске широчайшее распространение получило применение женской рабочей силы на низкооплачиваемой и физически тяжелой работе. В городе на погрузке кирпича работали именно женщины. Однако были исключения. Так, магнитогорка А. П. Сидорова стала первой женщиной в Советском Союзе, которая работала оператором блюминга²¹. Дж. Скотт отмечал, что в Магнитогорске к 1937 г. во многих профессиях, «таких как оператор крана, оператор прокатного стана, где были необходимы скорее надежность в работе, ловкость и согласованность движений <...> женщины в значительной степени заменили мужчин. Их единственным недостатком с точки зрения работы было то, что <...> они слишком часто уходили в декретные отпуска и теряли профессиональные навыки»²². В остальном, как сообщает Дж. Скотт, женщины даже превосходили мужчин. Они никогда не опаздывали на работу, не тратили время на перекуры и не приходили на работу с больной головой после похмелья²³.

В Магнитогорске, как и по Советскому Союзу в целом, женщины активно были задействованы в социальной сфере. В частности, в 1930-е гг. в стране наблюдался рост учительских кадров, при этом удельный вес среди них женщин стал расти интенсивнее. Учительство в городе стало преимущественно женской профессией. В отчетах школ и городского отдела образования описаны случаи, когда в школе работали исключительно одни женщины, а директором был мужчина. Многие магнитогорки в своих воспоминаниях отмечали, что жизнь была очень активной, насыщенной различными общественными нагрузками. Учитель Е. А. Акулина писала о том, что свободного времени у учителей было очень мало, но при этом они «были делегатами женотдела, артистами, ликвидаторами неграмотности, ходили по переписи скота, распространяли заем...»²⁴. Ее коллега П. И. Ильяшенко отмечала: «Жизнь в учительской среде была ключом. Вечерами проверяли ученические тетради, готовили наглядные пособия <...> Я была активным участником всех дел: озеленяла город, ездила на лесозаготовки, занималась ликбезом, была руководителем методического объединения начальных классов, внештатным инспектором горОНО»²⁵.

Улучшение положения жизни женщины связывались не только с предоставлением ей прав, но и изменением ее функций в семье, т.е. изменением в частной жизни. Предполагалось освободить женщину от рутины домашнего труда. Воспитание детей передавалось в ведение сети образовательных учреждений, приготовление обедов — в ведение фабрики-кухни. Однако недостаточная развитость

¹⁹ Морозова 2007, 49.

²⁰ Чирков 1978, 125.

²¹ Бильшай 1959, 205.

²² Скотт 1991, 154.

²³ Там же.

²⁴ Акулина 1982, 16.

²⁵ Ильяшенко 1982, 13.

инфраструктуры привела к тому, что домашние хлопоты и забота о детях оставались приоритетными задачами в жизни женщин. Так, В. Ф. Берсенева все свое свободное время посвящала семье и домашним заботам. В своих письмах сыну она неоднократно указывала на рутину, однообразие жизни: «Я занимаюсь хозяйством, шью и жалею о том, что мой долгожданный отпуск уходит без настоящего отдыха <...> Я даже почти не рисую. Хотя мечтала об этом весь год <...> Я работаю на службе теперь полдня с 8.30 до 12.30 и получаю половинное жалованье. В начале второго приезжаю домой... и я спешно начинаю готовить завтрак, чтобы покормить ее [дочь Лену — Н. М.] <...> спешно мою посуду и немного убираю в доме. Затем три раза в неделю мы уезжаем с Карей [Оскар Краузе — семилетний сын Ф. Краузе и В. Берсеновой — Н. М.] в музыкальную школу. Туда надо поспеть к четырем часам <...> Каря кончает урок, и мы едим домой. Тут уже время бежать в столовую, чтобы застать там еще нужную еду на обед. Не снимая пальто, я собираю судки и снова ухожу из дома <...> Мы возвращаемся около половины седьмого <...> Просыпаюсь с 6-часовым гудком для нового дня, наполненного теми же заботами»²⁶.

Уникальность советского варианта медиализации материнства заключалось в том, что «нуждаясь как никогда в женщинах на производстве, государство одновременно не могло себе позволить ослабить роль женщины в сфере воспроизводства»²⁷. Чтобы восстановить семью как базовую единицу советского общества и повлиять на темпы роста рождаемости, в середине 1930-х гг. государство развернуло широкомасштабную кампанию по увеличению рождаемости. Использовались методы поощрительные (выплата пособий многодетным матерям, роженицам, строительство роддомов и женских консультаций) и запретительные (запрет аборт в вплоть до уголовного преследования, затруднение процедуры развода, ужесточение наказания за неуплату алиментов). Одновременно в средствах массовой информации велась широкая пропагандистская кампания по формированию образа женщины-матери и труженицы. В «Магнитогорском рабочем» регулярно публиковали письма-благодарности матерей, в которых сообщалось, что советская власть оказывает существенную помощь в воспитании детей. Так, 3 января 1937 г. одна из многодетных матерей Магнитогорска писала: «Получив пособие по многосемейности — две тысячи рублей, я приношу глубокую благодарность и большое спасибо творцу счастливой жизни, великому и родному товарищу Сталину. Эта помощь наполняет мое сердце большой радостью. Я горжусь моей великой и необъятной Родиной, которой я дала восемь свободных и счастливых граждан»²⁸. Несмотря на высокие показатели рождаемости, в Магнитогорске традиции многодетности ушли в прошлое²⁹. Отказ от ценностей традиционного общества, нестабильные семейные отношения, сложные жилищные условия, сменный график работы вынуждали горожан отказываться от многодетности³⁰. Это обусловило востребованность абортных операций. В силу ряда причин делопроизводственная документация города представлена неполно, но имеющиеся

²⁶ Краузе 2010, 9, 15, 17, 27, 28.

²⁷ Лебина 2007, 48.

²⁸ Магнитогорский рабочий. 03.01.1937.

²⁹ Макарова 2010, 518–530.

³⁰ Антонов 1986, 19–22.

статистические данные наглядно показывают, что изжить данное явление в Магнитогорске не удалось. Так, в январе 1932 г. в гинекологическом отделении городской больницы лечение прошли 299 пациенток, из которых 46 женщинам делали операции по искусственному прерыванию беременности, в феврале 1932 г. эти показатели возросли и составили 495 и 87 человек соответственно. Следует отметить, что были случаи летальных исходов от аборт, причем проводимых не только частным образом, но и в медицинских учреждениях³¹. В 1938 г. отпуск по беременности и родам сократился с 16 до 9 недель. Беременность и материнство трактовались как производственная деятельность наряду с другими работами. Объявляя рождение детей максимально естественным, данным женщине самой природой, власть получила возможность эксплуатировать женскую репродуктивную сферу, не предлагая компенсации и не уменьшая нагрузку на производстве³². В результате «оппортунистическая теория» об ухудшении женского здоровья в Магнитогорске становилась реальностью. Безопасность на производстве, профилактика и лечение профзаболеваний становились приоритетными вопросами лишь в конце 1930-х гг. Наиболее распространенным профзаболеванием среди женского населения Магнитогорска, занятого на физически тяжелых работах было нарушение репродуктивных органов³³. Так, в январе 1932 г. в гинекологическом отделении городской больницы более 200 женщин проходили лечение по профзаболеванию, в феврале 1932 г. этот показатель возрос почти в два раза³⁴.

Важную роль в процесс вовлечения женщин в производство и организации их труда играл вопрос ликвидации неграмотности и малограмотности работниц, повышения их квалификации, создания культурно-бытовых учреждений. Женщины — «неопытная, не обученная и недисциплинированная рабочая сила»³⁵ — участвовали в создании крупнейшего в стране металлургического завода. Советское руководство и, в частности, «командиры» Магнитостроя оказались перед необходимостью принять срочные меры по ликвидации неграмотности среди женщин и распространению профессиональных навыков среди них, привитию им «норм индустриальной субкультуры». Внимание уделялось профессиональной подготовке и социальной поддержке женщин, мигрирующих в города. Открывались новые техникумы, фабрично-заводские училища. Женщины неоднозначно относились к обучению. Часть магнитогорок принимали активное участие в ликвидации безграмотности, получали дополнительное образование. Так, дошкольная воспитательница Евдокимова вспоминала свое детство: «Я не могла учиться, ибо у меня и моей сестры, тоже школьницы, была одна пара лаптей <...> я осталась безграмотной». Но далее она уточняет, что с приездом в Магнитку ее жизнь преобразилась: «Здесь я ликвидировала неграмотность и сейчас учусь в средней комсомольской школе и в музыкальной школе для взрослых»³⁶. По мнению Марии Скотт, женщина, получившая образование, должна заниматься своим профессиональными обязанностями, а посуду мыть должна прислуга, «не обладавшая ин-

³¹ МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

³² Градскова 1999, 135.

³³ Там же.

³⁴ МУ МГА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

³⁵ Лебина 2007, 45.

³⁶ Магнитогорский рабочий. 04.03.1937.

теллектуальным потенциалом»³⁷. Американец отмечал, что подобная идеология была присуща женщинам из аристократии. Стоит отметить, что большинство жен руководителей строительства придерживались подобных взглядов. Примечательны в этом отношении письма Б. Г. Козелева жене З. И. Могилевской, где они решают вопросы трудоустройства одной из первых дам на Магнитострое³⁸. Другие магнитогорки отказывались ходить на курсы ликбеза. Магнитогорка А. И. Чеснокова вспоминала о том, что ее мать «никогда и нигде не училась. Всю жизнь была безграмотной»³⁹.

В соответствии с концепцией «культурности», представленной современным исследователем В. В. Волковым, у советского человека складывался «своего рода стандартный запас знаний, формируя общий культурный горизонт», «культурный минимум»⁴⁰. Женщинам-активисткам и передовикам производства нельзя было оставаться не только неграмотными, но в большей степени некультурными. Поэтому их организованно водили в театр и кино. При этом самостоятельные походы в культурные учреждения женщины, в большинстве случаев, себе позволить не могли. Причины этого крылись не только в бюджетном дефиците семьи, но и в фактическом отсутствии времени на культурный досуг. Так, в 1939 г. В. Ф. Берсенева писала: «Я же до сих пор не была в кино, хотя непременно хотела сделать это в отпуск»⁴¹. Лишь летом 1940 г. долгожданный поход в кино состоялся, но впечатления оказались не самыми радужными: «...мы поняли очень мало, так как не могли разобрать ни одного слова и только строили догадки о смысле происходящего на экране»⁴².

Таким образом, вовлечение женщин в общественное производство оказало большое влияние на самовосприятие женщин, изменение их социального статуса. Наибольшие перемены пережили магнитогорки, которые переехали из деревни в город и переживали переход от крестьянской доиндустриальной идентичности к рабочей, урбанистической. Реальный контраст новой жизни женщин, переселившихся в Магнитогорск, был настолько велик, что действительно порождал в некоторых случаях ощущение «раскрепощения». С другой стороны, низкая квалификация, уровень заработной платы, весома физическая нагрузка на работе и в быту порождали чувство вторичности, некой малозначимости и т. п. Товарный дефицит, низкое качество социальных услуг при сохранении традиционных гендерных ролей вели к усилению трудовой нагрузки на женское население в большей степени, чем на мужское. Государство активно использовало женщин в новой роли — роли труженика производства, но и продолжало выступать за сохранение традиционной модели семьи, отношение к материнству как к «естественной женской роли»⁴³. Таким образом, в Магнитогорске, как и по стране в целом, было расхождение между пропагандируемыми правами женского населения и их реальной реализацией. Но женщины, желающие вести активный образ жизни и заниматься общественной работой, легко могли заполнить эту нишу.

³⁷ Там же.

³⁸ МУ Магнитогорский «Краеведческий музей». Письма Б. Г. Козелева жене.

³⁹ Воспоминания А. И. Чесноковой 1924 г.р. Записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.

⁴⁰ Волков 1996, 199.

⁴¹ Краузе 2010, 15–16.

⁴² Там же, 22.

⁴³ Лебина 2007, 50.

ЛИТЕРАТУРА

- Акулина Е. А.* 1982: Воспоминания // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск.
- Антонов А. М.* 1986: Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / А. М. Антонова (ред.). М., 19–22.
- Бильшай В.* 1959: Решение женского вопроса в СССР. М.
- Волков В. В.* 1996: Концепция культурности, 1935–1938 гг. // Социологический журнал. 1–2, 194–214.
- Градскова Ю. В.* 1999: «Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М.
- Ильяшенко П. И.* 1982: Воспоминания // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск.
- Краузе О. Ф.* (ред.) 2010: Пришла война в Березки. Письма матери. Череповец.
- Лебина Н. Б., Романов П., Ярская-Смирнова Е.* 2007: Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 21–68.
- Макарова Н. Н.* 2010: Семья и воспитание детей в первой половине 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) // Проблемы российской истории. 10, 518–530.
- Морозова Ю.* 2007: «Или возьмем наконец культуру...» Просвещение женщин Ненецкой автономии как элемент социальной политики, 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 321–347.
- Скотт Дж.* 1991: За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.; Свердловск.
- Терехова А. С.* 1982: Воспоминания // Сборник воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск.
- Чирков П. М.* 1978: Решение женского вопроса в СССР (1917–1937). М.

MAGNITOGORSK FEMALE POPULATION OF THE 1930-S

N. N. Makarova

The article considers female population of a new industrial center during the 1930-s. Though Magnitogorsk was founded as a town of a new type, the role of a woman did not undergo any dramatic change. Her role of a mother and a household keeper remained unchanged. But the unique character of the Soviet version of maternal medicalization implies that even though the state had a dire need for women in industry, it could not afford to diminish the role of a woman in a human reproduction sphere.

Key words: history of everyday life, woman, new town, Magnitogorsk.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2011

Т. Г. Попова

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН СИНАЙСКИЙ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ)

Статья посвящена жизнеописанию святого покровителя лётчиков и космонавтов, византийского писателя Иоанна Лествичника. Статья содержит указания на проблемные моменты биографии святого Иоанна, ранее неизвестные сведения, почерпнутые из неизученных рукописных источников, а также вводит в научный оборот некоторые изображения святого на иконах и миниатюрах лицевых рукописей.

Ключевые слова: Святой Иоанн Лествичник, Лествица, агиография Иоанна Лествичника, иконография Иоанна Лествичника

Одной из самых любимых книг средневекового читателя была Лествица — произведение ранневизантийской литературы, написанное игуменом Синайского монастыря Иоанном. Лествица была переведена на все древние языки христианства. Она стала первой книгой, увидевшей свет на американском континенте. Особенную популярность Лествица снискала у славянских книжников — об этом свидетельствует огромное количество славянских рукописей памятника¹. Между тем об авторе книги, получившем в славянской письменной традиции атрибут «Лествичник», известно совсем немного.

Сведения о жизни Иоанна Синайского сохранились в ряде рукописных источников: в житии Лествичника, написанном Даниилом Раифским и прилагающемся к подавляющему большинству рукописей памятника, а также в сопровождающих некоторые рукописи Лествицы патериковых рассказах и кратких заметках о родителе и брате Лествичника. Судя по этим источникам, Лествичник был сыном константинопольского вельможи (сенатора) Ксенофонта и его жены Марии. Вместе с братом Аркадием он обучался философии в Вирите (Бейруте). Однажды они по пути в Вирит потерпели кораблекрушение, оба спаслись, но порознь, потом в Иерусалиме постриглись в монахи. Родители отправились искать своих детей и нашли их в Иерусалиме. Именно такая информация содержится в целом ряде русских рукописей (либо в толкованиях к житию Лествичника в тексте жития, либо в самом конце рукописей): **бытн ѿмѣ снѣ ксенефѣтовѣ · братѣ же его бытн геѡргію арселантѣ · нменованнѣ ѿ роженіа аркаднѣ · сен не прменѣ нменн іѡантѣ во нарнцаше сѧ · ксеннфѣтѣ** (Так! — *Т. П.*) **бѣ во црѣ граде велмн мѡжь богатѣ.**

Попова Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета в г. Северодвинске
E-mail: lestvic@mail.ru

¹ Попова, 2008.

дѣтн же своа послалъ оуѣнтн кннѣа в вѣрнтѣ · нхъже нзметнѣ море в разлѣнныа страны. ꙗко по смотренію бжѣю дондоша вѣ іерлѣмъ. ко єднномѣ старцѣ, ꙗко пострѣгоша оу него не познавающе себе. дондеже донде ѿць ѿ н мѣтн поклоннтѣ в іерлѣмъ. ꙗко тоѣа познаша сѣа². Житие Ксенофонта, его жены Марии и чад его Аркадия и Иоанна помещено в Прологе под 26 января.

Болгарские и восходящие к болгарским протографам русские рукописи Лествицы сохранили после Слова 30 перед Словом к пастырю краткую заметку: **Сѣн стын ꙗкоже нѣцнн рѣша, снѣ єсть стго ксенефонта ємоу же єсть. н бра, аркадне**³. Интересно, что такая информация об отце и брате Лествичника может помещаться и на полях русских сборников аскетического содержания рядом с выписками из Лествицы⁴.

Никаких других оснований для отождествления Иоанна Лествичника с сыном Ксенофонта и Марии нет.

Где родился Иоанн Синайский, неизвестно. «Путеводитель на небо пришёл как бы с неба, потому что на земле никто не указывает места происхождения его»⁵. Между тем в научной литературе в качестве места рождения Лествичника могут называться Палестина⁶, Сирия⁷, Константинополь⁸ и Греция⁹. Местом смерти Лествичника является Синай.

Совершенно неясными остаются и годы жизни Лествичника. В целом, в научной литературе называются конкретные даты, однако при этом, как правило, исследователи либо приводят данные без аргументации, основываясь, вероятно, на каких-то неизвестных нам работах, либо повторяют ранее уже встречавшиеся данные. В качестве даты рождения Лествичника называются годы в диапазоне от 483-го до 580-го, в качестве даты его преставления — от 563-го до 680-х.

Наиболее распространённой является датировка, предложенная в работе Ф. Но: Лествичник родился до 579 г. и умер около 649 года¹⁰. Расчёты Ф. Но базируются на хронологическом указании «Повествований о Синайских отцах», датированных 650 г., подписанных в Минее (под 21 апреля) именем Анастасия Синаита. В 32-й главе этого сочинения говорится, что Иоанн Синайский умер «в прошлом (т. е. в 649 — *Т. II.*) году». Вслед за Ф. Но, датировку 579–649 гг. повторяют очень многие авторы¹¹.

На основании «предания» о том, что Иоанн родился в 525 г., время жизни Лествичника во многих исследованиях может определяться как 525–605 гг.¹²

² ОР БАН. Ф. 1. (Архангельское собрание). Д. 439. Л. 1–1 об.

³ ОР ГИМ. Ф. 48987 (собрание Е. В. Барсова). №243. Л. 205.

⁴ См., например: ОР РНБ. Ф. 351 (собрание Кирилло-Белозерского монастыря). № 22/1099. Л. 263 об.)

⁵ Герман (Осецкий) 1854, 5.

⁶ Ball 1931, 11.

⁷ Clugnet 1913, 43.

⁸ Архангельский 1888, 88, прим. 5.

⁹ Дуйчев 1982, 5.

¹⁰ Nau 1902, 37.

¹¹ См., напр.: Ammann, Albert 1950, 707; Strathmann, Keseling 1950, 787; Chrysavdis 1988, 3; Kazhdan 1991, 1060; Joest 1996, 925; Верещагин 1996, 72.

¹² См., напр.: Герман (Осецкий) 1854, 36; Krumbacher 1897, 143; Clugnet 1913, 43; Ball 1931, 11; Душанин 1956, 3; Зарин 1993, 628.

Вероятно, на основании другого «предания» в отечественных исследованиях XIX — начала XX в. в качестве даты рождения Лествичника может значиться 483 г., в качестве даты смерти, соответственно, — 563 г.¹³

Кроме того, в качестве даты преставления святого могут быть названы следующие годы: «после 600»¹⁴, «после 654 г.»¹⁵, «после 654 г., но не позднее 680 г.»¹⁶, «660–680-е гг.»¹⁷.

П. Тревизан связывает с Лествичником письмо папы Григория I Великого, датированное 1 сентября 600 г., адресованное авве горы Синай Иоанну¹⁸. Однако, судя по расчётам В. Бенешевича, это должен быть какой-то другой игумен Иоанн¹⁹. Дм. Богданович также утверждает, что никакой переписки с папой Григорием I Лествичник вести не мог, поскольку был поставлен игуменом после смерти папы²⁰. Кроме того, П. Тревизан указывает на некие письма монахам, писанные Лествичником²¹, однако при этом ни на что не ссылается.

Также в науке встречаются сведения о том, что в монастырь Лествичник ушёл около 591 г., 4 года был учеником, жил в монастыре, с 603 г. жил как отшельник у подножия горы Синай, после 40 лет по просьбе монастырской братии стал игуменом²². В 580 г. он был игуменом Синайского монастыря²³. Судя по содержанию «Лествицы», Пятый Вселенский собор (553 год) состоялся при жизни преподобного Лествичника.

Кроме названных выше, нами обнаружена ещё одна датировка, не встречающаяся в исследовательской литературе. Эта датировка зафиксирована в следующей записи в русской рукописи середины XV в.: Лествичник бѣ в лѣто 50 в црѣво іустнна малаго родомъ цареградецъ <...> жнвѣ лѣтъ 95²⁴, т. е. родился он в 562 г., жил 95 лет и, значит, скончался в 657 г.

При множестве различных датировок нет полной уверенности в правильности той или иной гипотезы. При отсутствии достоверных биографических данных остаётся основываться лишь на указаниях, донесённых многочисленными рукописями памятника.

О жизни Лествичника рукописные источники донесли следующие сведения. Из патериковых рассказов, которые могут входить в состав конечных обрамляющих Лествицу статей, узнаём, что Иоанн пришёл в Синайский монастырь в возрасте 16 лет. Там он стал учеником аввы Мартирия, у которого принял постриг в возрасте 20 лет. Анастасий Синайский и Иоанн Савваит провидели в юноше будущего синайского игумена, авва Стратегий предсказывал, что тот будет «великой звездой Вселенной». В течение 19 лет, до смерти аввы Мартирия, он жил в пол-

¹³ См., напр.: Филарет 1859, 27; Леонид 1893, 141; Перетц 1926, 73; Корнеева-Петрулан 1931, 4; Феодосий (Перевалов) 1931, 96].

¹⁴ Будовниц 1969, 119.

¹⁵ Buchwald 1982, 400.

¹⁶ Богданович 1968, 13.

¹⁷ Дуйчев 1982, 6.

¹⁸ Trevisan 1941, 25.

¹⁹ Прохоров 1985, 254.

²⁰ Богданович 1968, 24.

²¹ Trevisan 1941, 25.

²² Beck 1959, 451.

²³ Ball 1931, 3.

²⁴ ОР РНБ. Олсуфьевское собрание. IV. 726.

ном послушании у своего учителя (остаётся непонятным, после какого именно срока: после начала послушничества или уже после принятия пострига). После смерти аввы Мартирия Иоанн выбрал себе в долине при подошве Синая, в двух часах ходьбы от монастыря, уединенное место Фола, где он днём молился в пещере и возделывал свой огород, вечером читал. Известно также, что он совершал краткосрочные путешествия в египетскую Скитскую пустыню и в монастырь Та-венны, в котором жил один месяц и игумена которой изобразил в 4 и 5 Словах Лествицы как образец пастыря²⁵.

В пещере Фола Лествичник принимал многих посетителей, с которыми вёл назидательные беседы. «Некоторые» называли его «многоглаголивым и празднством» — после этого Лествичник дал строгий обет молчания и не произнёс ни одного слова в течение года. Из уединения Лествичника вызвали синайские монахи, и после 40 лет отшельнической жизни он стал игуменом Синайского монастыря. Несколько лет Лествичник был игуменом, перед смертью поставил на своё место младшего брата Георгия, а сам вернулся в свою пещеру Фола, где вскоре скончался.

Судя по обнаруженному нами замечанию в русской рукописи конца XVI в., «премудрость великая» была дана Иоанну Синайскому архистратигом Михаилом (после того, как сам Христос дал «премудрость» Василию Великому): Прёмрость велнкаа прѣ всѣ дана бы Снфоу, сыноу Адамову, грамотнаа; потом же Моисею архангелъ Гаврииломъ в пѣстынн; потѣ же Соломоноу црю. А в новѣмъ законѣ хрнстанствѣмъ Василію Кесаринскомоу самѣ Хрѣтомъ на Нердане рѣцѣ, потѣ дана бы Іѡану лѣствичникѣ архистратигѣ Мнханлѣ²⁶.

Иоанн славился своей «премудростью великой» и имел не менее четырёх атрибутов: Синаит (Синайский), Ритор, Схоластик и, разумеется, Лествичник. Из этих атрибутов особых замечаний требует определение «Схоластик». Этот атрибут более связан с другим Иоанном — автором 50 титулов Номоканона. Словом «Схоластик» во времена Лествичника называли человека универсального таланта, одновременно художника и учёного. Кроме Лествичника, этот атрибут имели такие поэты и музыканты, как Амбросий и Беда²⁷. На наш взгляд, очень точно передаёт смысл определения «Схоластик» название главы книги Е. М. Верещагина: «Дефиниции и классификации в Лествице Иоанна Схоластика: радостная встреча науки и художества» (курсив наш — Т. П.)²⁸. Человеком «науки и художества» одновременно и предстаёт в своей книге Иоанн Синайский.

Лествица, несомненно, написана человеком с огромной эрудицией, хорошо знающим и Ветхий и Новый Завет, и тексты таких авторов, как Антоний Великий, Василий Великий, Григорий Богослов, Евагрий Понтик, Кассиан Римлянин. Высочайший уровень образованности, жизненного кругозора и информированности Лествичника проявляется, к примеру, в знакомстве с химией (в своей книге он пишет о свойствах таких металлов, как золото, серебро, железо, олово, ртуть), с философией Платона, с медициной, с биологией, с психологией и т.д.

²⁵ Попова 2007, 173–175.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 588 (собрание М. П. Погодина). №1287. Л. 97.

²⁷ Ball 1931, 3.

²⁸ Верещагин 1996, 71.

Лествица настолько прославила своего автора, что последний атрибут — Лествичник — вытеснил все остальные. Он стал именоваться по названию своей книги и в греческой, и в латинской, и в славянской традициях. Атрибут «Ритор» в славянской рукописной традиции, по нашим наблюдениям, не встречается. В целом ряде болгарских, сербских и русских рукописей Лествицы находим указания сразу на все остальные атрибуты автора: *іоанноу достоуважаемому нгоумену сїнанскыіе горы. нареуенаго схоластника. послѣдк же отъ спснсанїа нменованна лѣствичника*²⁹.

Иоанн Синайский и сам стал осознаваться как возводящая от земли на небо лествица. Именно эта мысль выражена в его кондаке: *Плоды присноцветущия от твояе книги, принося учения, премудре, услаждаеши сердца, сим с трезвением внемлющих, блаженне: лествица бо есть, души возводя от земли к небесней и пребывающей славе верою чтущих тя.*

Иоанн Лествичник прославился своими чудесами: совершил чудо над елеем в ските Арселейском, спас своего ученика от неминуемой гибели, исцелил бесноватого. У него был провидческий дар; к нему являлся и сам Моисей. В связи с этим заметим, что в рукописях неоднократно встречается сравнение Лествичника с Моисеем. Автор Жития Лествичника, Даниил Раифский, именует Иоанна, как и Моисея, Боговидцем. Лествичник почти всю жизнь подвизался на Синае, где некогда Бог вручил Моисею скрижали. Так же, как Моисей, он поднялся на эту священную гору и написал свои духовные скрижали. «Он был некий новоявленный Моисей»³⁰.

В послеиконоборческое время, с IX в., Иоанн Лествичник стал почитаться византийской церковью как преподобный³¹.

Сохранилось немало икон с изображением святого Иоанна, а также множество лицевых рукописей «Лествицы». Изображения Иоанна Лествичника отличаются разнообразием. Как правило, он представлен в виде сухого старца, с впалыми щеками и длинной бородой клином; у него серьёзный спокойный лик (см. илл. 1³²); одной рукой он делает «учительный» или «благословляющий» жест, в другой его руке — свиток с письменами или книга (см. илл. 2³³). Он как мудрый духовник наставник часто окружён своими учениками (см. илл. 3)³⁴. Он всегда вдохновлён свыше и охвачен небесным озарением, записывая открывающуюся ему истину или проповедуя её. На сохранившихся иконах Иоанн Лествичник может быть изображён рядом с такими святыми, как Анастасий Синайский, Мария Египетская, Георгий Никомидийский и Власий Севастийский, Иоанн Дамаскин и Арсений Великий, Парфений Лампсакский и Иоанн Кушник.

Иконографической традицией лицевых рукописей Лествицы является совмещение двух миниатюр: миниатюры с изображением святого и миниатюры «Видение Лествицы» (см. илл. 4)³⁵. В книгах часто встречаются и изображения одного

²⁹ Рукопись Хиландарского монастыря (Афон). №180. Л. 9.

³⁰ Флоровский 1990, 179.

³¹ Прохоров 1985, 256.

³² Икона хранится в афонском монастыре Дионисиат (Греция), XVII в.

³³ Икона хранится в Синайском монастыре св. Екатерины (Египет), XV в.

³⁴ Миниатюра из греческой рукописи Лествицы (Ватикан, собрание греческих рукописей). №394. Fol. 32), конец XI в.

³⁵ Миниатюра из рукописи ОР РГБ. Ф. 304/1 (Троице-Сергиевой лавры). №162. Л. 8 об. нач. XVI в.

Иоанна, сидящего в пещере и пишущего свою книгу (см. илл. 5)³⁶. В этой позе изображение Лествичника сходно с изображениями евангелистов.

Память Иоанна Лествичника совершается в четвёртое воскресенье Великого поста: «после поклонения кресту Церковь поучительно вспоминает сего святого, который изобразил лествицу добродетелей, украшающих жизнь людей, несущих крест, и сам своей жизнью показал живой пример несения креста и пощения»³⁷. Память Лествичника совершается и в день смерти святого — 30 марта (= 12 апреля).

Святой Иоанн Синайский сам «опытом великих подвигов познал труд восхождения по <...> мысленной лестнице по пути, ведущему во врата небесные»³⁸. Он спасает своими молитвами всех желающих войти во *врата небесные*.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский А. С.* 1888: К изучению древнерусской литературы: Творения отцов церкви в древнерусской письменности. СПб.
- Богдановић Д.* 1968: Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности. Београд.
- Будовниц И. У.* 1969: Словарь русской, украинской, белорусской письменности и культуры до XVIII в. М.
- Верещагин Е. М.* 1996: Христианская книжность Древней Руси. М.
- Герман (Осецкий) 1854: Преподобный Иоанн Лествичник и его Лествица постепенного нравственного усовершенствования. СПб.
- Дуйчев И.* 1982: Иоан Лествичник и неговата главна книжовна творба // Преп. Иоан Лествичник. Лествица (Стълба на духовен живот). София, 5–11.
- Душанић С.* 1956: Браничевски превод Лествице Јована Синаита. Пожаревац.
- Зарин С. М.* 1993: Иоанн Лествичник // Христианство: Энциклопедический словарь, I / С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 628–629.
- Кодратов А. В.* 1897: Лествица добродетелей. М.
- Корнеева-Петрулан М.* 1931: Лествица 1479 г. как памятник письменного языка псковской области XV в. // *Slavia. Časopis pro slovanskou Filologii*. X, 1–39, 225–241.
- Леонид* (архиепископ). 1893: Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания *графа А. С. Уварова*. М.
- Никольский К.* 1900: Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. СПб.
- Перетц В. Н.* 1926: Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв., IV. Опыт перевода Лествицы на украинский язык // Сборник Отделения русского языка и словесности. 101, 2, 73–77.
- Попова Т. Г.* 2007: Слово о послушании Иоанна Синайского (по тексту древнего славянского перевода Лествицы) // *Palaeoslavica*. 15, 160–259.
- Попова Т. Г.* 2008: К вопросу о количестве славянских рукописей Лествицы Иоанна Синайского // Археографски прилози. 29, 7–34.
- Прохоров Г. М.* 1985: «Лествица»: Словарь книжников и книжности Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. XXXIX, 253–258.

³⁶ Миниатюра из рукописи ОР ГИМ. Ф. 80370 (Чудова монастыря). №224. Л. 16. Трет. четв. XVI в.

³⁷ Никольский 1900, 599.

³⁸ Кодратов 1897, 1.

- Феодосий (Перевалов)* 1931: Церковный энциклопедический словарь: пособие при изучении Закона Божия и церковной истории. Харбин.
- Филарет 1859: Историческое учение об отцах церкви, I. СПб.
- Флоровский Г.* 1990: Восточные отцы V–VIII веков. Париж.
- Ammann S.J., Albert M.* 1950: Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte. Wien.
- Ball H.* 1931: Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben. München.
- Buchwald W.* 1982: Tusculum-Lexicon griechischer und lateinischer Autoren des Altertums und des Mittelalters. München. Zürich, 400–401.
- Beck H.-G.* 1959: Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Handbuch der Altertumswissenschaft. 12, II. München.
- Chryssavdis J.* 1989: Ascent to Heaven: the theology of the human person according to Saint John of the Ladder. Brookline.
- Clugnet L.* 1913: St. John Climacus // The Catholic Encyclopedia. 8, 43.
- Joest C.* 1996: Johannes Klimakos // Lexicon für Theologie und Kirche, 5. Freiburg; Basel; Rome; Wien, 925–926.
- Kazhdan A. P.* 1991: John Klimax // The Oxford Dictionary of Byzantium, 2. 1060–1061.
- Krumbacher K.* 1897: Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München.
- Nau F.* 1902: Note sur le date de la mort de S. Jean Climaque // Byzantinische Zeitschrift. XI, 35–37.
- Strathmann H., Keseling P.* 1950: Askeze II (christlich) // Reallexikon für Antike und Christentum. Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt. I. Stuttgart, 758–795.
- Trevisan P.* 1941: Introduzione in S. Giovanni Climaco Scala Paradisi // S. Giovanni Climaco Scala paradisi. Testo con introduzione, versione e note del Sac. Pietro Trevisan. Corona patrum Salesiana. Series graeca, VIII. Torino, 4–39.

THE REVEREND ST. JOHN OF THE LADDER (A CHARACTER SKETCH)

T. G. Popova

The article presents the life of a well-known Byzantine author John of the Ladder. The article contains both evidence of some problem issue concerning St. John's life, and some previously unknown information taken from unstudied manuscripts. It also puts into academic use icons and miniatures of the saint from obverse manuscripts.

Key words: St. John Climacus, Lestvitsa, hagiography, iconography.

ЗА ЧТО СОЖГЛИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА?

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выяснить причины смертного приговора протопопу Аввакуму в 1682 году. Статья содержит историографию проблемы. Автор приходит к выводу, что Аввакум был казнён за свои религиозные воззрения.

Ключевые слова: История церкви, смертная казнь, протопоп Аввакум.

Документы о казни протопопа Аввакума не сохранились. В одном из следственных дел 1683 года упомянуто, что *«бывшей протопоп Аввакум которой прежде служил на Москве у церкви Казанской богородицы и после де того он в ссылки в Пустозёрском остроге казнен»*¹, есть ряд поздних известий о казни. Но отсутствие документов об исполнении казни: следственного дела, приговора, донесений исполнителей — оставляет многие вопросы дискуссионными. В частности, вопрос о конкретном обвинении, по которому был казнён Аввакум.

Наиболее распространены два объяснения. Первое восходит к антистарообрядческой литературе 18 века. В 1724 году в Москве было намечено публичное сожжение старообрядческой иконы с ликом протопопа Аввакума. На аутодафе должно было быть прочитано объявление Синода старообрядцам. Основная тема — объяснение, почему Аввакум не заслужил почитания в качестве святого. *«Лжемученики, паче же и злодеи и казненные, уподобляются мученикам Христовым, бессовестно похищают себе имя святого»; «церкви Христовой укорители; государств христианских возмутители, властей от Бога учиненных ругатели, душепагубные суеверы, раздирающие ризу Христову, всееретическую тати, разбойники и все по вине своей страждущие не венчаются»* (т. е., не могут быть увенчаны венцами мучеников); *«бывший протопоп Аввакум осуждён, наказан и казнён, аки злодей, суеверец, клеветник, ругатель и еретик непокаянный»*².

Далее анонимный составитель излагает свою версию осуждения Аввакума.

6 января 1681 года в праздник Богоявления — согласно Объявлению — московские старообрядцы *«безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестныя. И в то же время, аки татие тайно вкрадучися в соборные церкви, как церковные ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальныя свечи ставили, не умаяся ничем от святокрадцов и церковных татей. Сея вся злодеяния быша в Москве от раскольников наущением того же расколуучителя и слепаго вождя своего Аввакума. Он же сам, окаянный изверг, в то же время... сидя в вышеозначенной юдоли, земляной своей тюрьме, на берестных хартиях начертывал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписаними и толкованими и блядословными укоризнами»*. *«И за сицевое всезлое беззаконие, того же времени, по правилам святых отец, по царским и гражданским законам, и по истинному суду, указом его царским... Аввакум с вышеописанными сонмища своего и злоименитыми клеветами [выше о «клевет-*

Шацкий Евгений Олегович — кандидат филологических наук, доцент. E-mail: evgole@yahoo.com

¹ Румянцева 1990, 91.

² Малышёв 1965, 341.

ретах» сказано только то, что Аввакум был заточён вместе с «анафеме преданными сообщниками, раскольниками, с Лазарем, распопом Романовым, и с Федором, изверженным диаконом, бывшим в московском Благовещенском соборе», в срубе сожжен»³.

Граф А. А. Матвеев — московский губернатор в 1724 — 1725 годах — в своих записках вкратце изложил ту же версию: «Аввакума, бывшего протопопа Казанского собора Пресвятой Богородицы, что в Китае городе в Москве, и сообщников его распопов, таких же раскольников, которые уже за тот свой раскол и ересь давно прокляты от Восточной святой Церкви, и в Пустоозерский острог в земляные тюрьмы заточены, и потом за великие на царский дом хулы сожжены были»⁴. Известно, что «А. А. Матвеев приступил к своим “Запискам” значительно позже описываемых событий, по крайней мере, после 1716 г.»⁵. А. А. Матвеев имел возможность ознакомиться с «Объявлением об Аввакуме», когда обсуждался вопрос о сожжении в Москве иконы Аввакума. Обязанностью московского губернатора было обеспечение общественного порядка во время подобного действия, предотвращение волнений старообрядцев. Возможен и иной вариант соотношения «Объявления» Синода и «Записок» московского губернатора. Они могут восходить к общему источнику.

В 1855 году митр. Макарий (Булгаков) использовал записки Матвеева при написании «Истории русского раскола». В частности, объясняя приговор Аввакуму, историк процитировал «за великие на царский дом хулы»⁶, сославшись на издание записок 1841 года. В 1861 году ту же цитату, без указания источника, использовал П. И. Мельников в биографической статье об Аввакуме⁷. В 1894 — В. А. Мякотин⁸. В 1898 году — А. К. Бороздин, сославшись на П. И. Мельникова: «статья П. И. Мельникова Аввакум; по известию о казни Аввакума она является почти первоисточником, т. к. в известных источниках нет тех подробностей, которые сообщены Мельниковым»⁹. В 1911 году А. К. Бороздин написал статью «Аввакум» для авторитетного «Нового энциклопедического словаря». Брокгауза-Ефрона. В неё также вошла цитата «за великие на царский дом хулы»¹⁰. У читателей складывалось впечатление, что автор цитирует официальный документ. Например, в 1912 году, отвечая на просьбу старообрядцев об установлении креста на месте казни Аввакума, местные власти уверенно возразили: «его превосходительство, приняв во внимание, что означенное лицо было подвергнуто казни, независимо религиозных воззрений, как государственный преступник, за великие на царский дом хулы, признал приведенное ходатайство не подлежащим удовлетворению»¹¹. Часто использовалась цитата для объяснения причины казни Аввакума и позднее. Уже в 1991 году А. Робинсон писал: «граф А. А. Матвеев (отец которого А. С. Матвеев был убит повстанцами), когда впоследствии указал на полити-

³ Малышев 1965, 340 — 342.

⁴ Матвеев 1997, 391.

⁵ Там же, 425.

⁶ Макарий (Булгаков) 1855, 219, 400 п.

⁷ Мельников 1861, 153.

⁸ Мякотин 1894, 156.

⁹ Бороздин IV, 1898, 396.

¹⁰ Бороздин 1991, 36.

¹¹ Фита (Мельников) 1913, 85.

ческую мотивировку казни Аввакума, сожженного «за великия на царский дом хулы»¹².

Однако не все историки соглашались с таким объяснением причин казни. Н. И. Костомаров в «Русской истории» (1872) писал, что «в Пустозерске сожжены были в срубе, за хулы на церковь, протопоп Аввакум, бывший поп Лазарь, дьякон Феодор и инок Епифаний»¹³. Проф. и доктор русской истории Московского университета П. В. Знаменский в «Руководстве к русской церковной истории» (пять изданий с 1870 по 1888 г.) первым связал казнь с предшествовавшим ей Собором 1681 года: «Распространение раскола усиливало против него строгие меры... Главные расколоучители Аввакум, Лазарь, Федор и Епифаний были сожжены на костре. Московский собор 1681 г. положил усилить средства к отысканию раскольников»¹⁴. В 1905 г. к той же точке зрения присоединился и Д. И. Иловайский: «За Московским собором 1681 года последовали жестокие меры против раскольников. В ту же эпоху подверглись казни и пустозерские узники. Не имеем подробных известий об их трагической судьбе. Знаем только, что в конце царствования Феодора II они были всенародно сожжены в срубе на Страстной неделе»¹⁵. Известный историк старообрядчества С. А. Зеньковский пришёл к тому же выводу: «На церковном соборе 1681–1682 годов было решено усилить борьбу с церковным расколом. Одними из первых жертв этой политики явились пустозерцы»¹⁶. В 1990 г. Л. Хьюз — профессор кафедры Русской истории Лондонского университетского колледжа — также поддержала эту версию: «Переход к жестким мерам во время правления Софьи был подготовлен церковным собором 1666–1667 гг., который отлучил старообрядцев от церкви и объявил старые обряды и тексты еретическими, а также собором 1681–1682 гг., который принял постановление о предании раскольников светскому суду. Накануне майского восстания (согласно старообрядческому преданию 14 апреля) лидер старообрядцев протопоп Аввакум и его «союзники» были заживо сожжены в каторжном поселении и Пустозерске»¹⁷. Вошла версия и в справочные издания, например, в Новую британскую энциклопедию: «A council of 1682 against the Old Believers condemned Avvakum to be burned at the stake, and the sentence was carried out»¹⁸ и в справочник «Сто великих пророков и учителей»: «Проведённый Иоакимом в 1681–1682 гг. церковный собор создал особый “отдел постановлений” против раскольников, которым запрещалось собираться на молитвы. Царская грамота того же года давала епископату новые, расширенные полномочия по борьбе с расколом. Видимо, в связи с этими постановлениями Аввакум и его пустозерские единомышленники 14 апреля 1682 г. погибли на костре»¹⁹.

Рассмотрим каждую из версий подробнее.

По-разному объясняли сторонники первой точки зрения, за какие именно «великие хулы на царский дом» мог быть казнён Аввакум. Митрополит Макарий пи-

¹² Робинсон 1991, 18.

¹³ Костомаров 1991, 570.

¹⁴ Знаменский 2005, 326.

¹⁵ Иловайский 1996, 478.

¹⁶ Зеньковский 2005, 399.

¹⁷ Хьюз 2001, 161.

¹⁸ Norton, Esposito 1994, 744.

¹⁹ Рыжов, Рыжова 2006, 464.

сал обо всех четырех казненных: «не переставали и оттуда [из заключения] поддерживать раскол своими письмами и дерзко оскорблять царское величество»²⁰, но не приводил конкретных примеров оскорблений. В. А. Мякотин и А. К. Бороздин предполагали, что речь идёт о письме, в котором Аввакум написал царю Фёдору Алексеевичу о посмертной участи его отца Алексея Михайловича: «В муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду»²¹. В. А. Мякотин считал, что казнь была вызвана как религиозными причинами, так и оскорбительным для покойного царя письмом: «Осужденный собором старик раскольник, выступавший с резким осуждением как церковной реформы, так и всякого общения с иноземцами, решавшийся поносить память покойного царя, не мог рассчитывать ни на помилование, ни на сожаление»²². А. К. Бороздин, отметив временной разрыв между посланием и казнью, не считал связь между ними доказанной: «Это послание было последним обращением к власти и, может быть, за него (хотя и не вслед за ним) протопопа постигла вместе с его союзниками окончательная кара». Вместе с тем он не отрицал и версии о религиозных причинах казни: «Патриарх Иоаким, по предположению П. И. Мельникова, стал настоятельно требовать казни расколуучителей, из дальнего Пустоозёрска поддерживавших и распространявших раскол повсюду»²³.

Очевидно, что послание Аввакума, написанное после смерти Алексея Михайловича, могло вызвать недовольство нового царя. И действительно, известно, что после 1676 года правительство приняло меры к ужесточению участи пустозерских узников. Впервые документы об этом обнаружила Л. Г. Заничева, а опубликовал В. И. Малышев. Рассматривался вопрос о переводе узников в монастырские тюрьмы. Если в 1676 г. охране предписывалось только никого не допускать к узникам, то в 1677 царь впервые приказал не позволять заключенным иметь чернила и бумагу²⁴. В. И. Малышев обоснованно полагал, что именно письмо 1676 года, написанное «в очень резком и неуважительном тоне» и «переполнившее чашу терпения», привело к «новому усилению режима»²⁵. Поскольку правительство наказало Аввакума за дерзкое письмо сразу после его написания, следовательно, казнь 1682 года была вызвана каким-то иным событием, последовавшим после 1677 года.

В. И. Малышев полагал, что истинные причины казни изложены в Синодальном объявлении 1724 года, процитированном в начале настоящей статьи.

Есть ли основания сомневаться в достоверности рассказа «Объявления»? В первую очередь, позднее происхождение — от казни Аввакума до синодального объявления прошло более 40 лет. Тенденциозность: цель «Объявления» заключалась именно в том, чтобы доказать, что Аввакум не был мучеником за веру. Следует учесть и то, что перед нами не документ внутреннего пользования, а публичное объявление, обращённое к старообрядцам. Непонятно, за что вместе с Аввакумом сожгли других старообрядцев, если причиной казни стали светские преступле-

²⁰ Макарий (Булгаков) 1855, 219.

²¹ Мякотин 1894, 155; Бороздин 1898, 346.

²² Мякотин 1894, 156.

²³ Бороздин IV, 1898.

²⁴ Малышев 1955, 328.

²⁵ Там же, 328–329.

ния одного Аввакума. Наконец, невероятно известие, что старообрядцы мазали дёгтем царские гробы. За никонианские реформы был ответственен только один покойный царь Алексей Михайлович. Все предыдущие цари почитались старообрядцами как благочестивые монархи и только в качестве таковых упоминались в старообрядческих сочинениях.

Подтверждается ли известие о старообрядческом выступлении в Москве в 1681 году документами того времени? И да, и нет. В «Памяти сысканого приказа» от 30 июля 1681 года сообщается, что в праздник Богоявления, старообрядец Герасим Шапочник бросил с Ивановской колокольни *«на смущение народа воровские письма»*²⁶. Схваченный Герасим оговорил Антона Хворого, а этот оговорил Осипа Сабельника, у которого в доме пели часы, пекли просвиры и после часов раздавали людям, которые ели и вменяли в святость. Как видим, масштабы выступления значительно меньше, чем в Синодальном объявлении. Арестован один старообрядец, через которого вышли ещё на двух. Никаких упоминаний об осквернении царских гробов. Ни слова о том, что к происшедшему имел какое-то отношение протопоп Аввакум. Логично предположить, что *«сея вся злодеяния быша в Москве от раскольников наущением того же расколуучителя и слепаго вождя своего Аввакума»* — тенденциозное предположение автора объявления, не основанное на фактах. Если и были какие-то карикатуры, то их авторство в Объявлении также могло быть только приписано Аввакуму.

В указанную эпоху был, как минимум, один пример, когда для обращения старообрядцев была изготовлена и использована подделка²⁷. В 1709 году нижегородский епископ Питирим привел раскольникам копию *«Соборного деяния»*, которое *«недавно отыскали в Киеве»*. Один его раздел был посвящен Киевскому собору 1157 г. и назывался *«Соборное деяние Киевское на армянина еретика на мниха Мартина»*, который *«велие содела в Руси смущение христианином паче же неискуснии писания»*. Собор будто бы еще тогда осудил обычаи, отмененные Никоном: ереси Мартина соответствовали взглядам старообрядцев. Собор во главе с митрополитом Константином осудил Мартина, хотя он был родственником константинопольского патриарха Луки Хризаверха. Мартин упрямылся. Тогда Киевский собор обратился к Луке. Патриарх созвал в Константинополе второй собор, на котором осудил родственника; Мартин пообещал исправиться, но потом отказался. Тогда его предали анафеме и отослали в Царьград, где патриарх Лука предал Мартина огню. Старообрядцы списку «деяний» не поверили и попросили посмотреть оригинал. В 1717 году оригинал был «найден» в одном из киевских монастырей. На поверку оригинал оказался неумелой подделкой, написанной современным почерком и языком. Вторая подделка известна под названием *«Требника митрополита Феогноста»* (якобы принадлежавшего этому митрополиту 14 в., но опять-таки исполненного современных выражений). В нем ревнители благочестия не постеснялись сочинить послание иерусалимского патриарха Софрония, которым тот якобы еще в 1327 г. заклеил учение, аналогичное старообрядческому. В 1718 году *«Соборное деяние»* было опубликовано. Старообрядцы подвергли оба подлога основательной критике. В 1722 году миссионер иеромонах Неофит вновь сослался старообрядцам на *«Деяние»* и *«Требник Феогноста»*. Старооб-

²⁶ Бодянский 1847, 71.

²⁷ Козлов 1996, 22–44.

рядцы подали солидно аргументированные ответы, камня на камне не оставившие от подделок. Тогда Синод вынужден был отнять книги, запечатать и навсегда упрятать в синодальной библиотеке. По позднему признанию митрополита Филарета: *«Святейший Синод, найдя сей документ подверженным сомнениям и спорам и зная, что раскольники, по их нерассудительности, оспаривание одного документа могут принять за оспаривание всей правоты церковной <...> рассудил устранить сей документ от продолжения споров...»*²⁸. Тем не менее, до конца 19 в. «Деяния» и «Требник» официально считались подлинными. На этом фоне вставка анонимным миссионером в описание реального старообрядческого выступления имени Аввакума в качестве организатора и карикатуриста выглядит вполне правдоподобно и даже безобидно, по сравнению с изготовлением целого подложного Соборного деяния.

С другой стороны, сомнительно, что Синод рискнул бы после провала «Соборного деяния» и «Требника митрополита Феоноста» вынести на суд старообрядцев ещё один «спорный документ». История «Соборного объявления» после 1724 года подтверждает его сомнительность. Текст объявления так и не был опубликован. Как отмечает первый публикатор «Объявления» В. И. Малышев, *«оно известно в рукописном варианте, забракованном Сенатом. А среди просмотренных нами печатных листовок, манифестов и объявлений того времени, адресованных к старообрядцам, нужного текста не обнаружено <...> На деле стоит гриф — “секретно”. Текст “Объявления” не публиковался»*²⁹. И так, «Объявление о богопротивнике и еретике, бывшем протопопе Аввакуме» постигла участь «Соборного деяния Киевского на армянина еретика на мниха Мартина» — оба были спрятаны от людских глаз и не использовались в полемике со старообрядцами. Если «Соборное деяние» было спрятано в виду своей сомнительности, то, возможно, что и «Объявление» осталось неопубликованным по той же причине.

Итак, «Объявление» представляется крайне сомнительным источником, подлинная историческая основа которого требует дополнительных исследований. Текст «Объявления» объясняет происхождение загадочных слов А. А. Матвеева: *«великие на царский дом хулы»*. Словосочетание *«царский дом»* хорошо согласуется с текстом синодального Объявления. Согласно ему, Аввакум был ответственен за хулу не на одного царя, а на многих, т. к. мазание дегтем гробов царей в Архангельском соборе, безусловно, великая хула. Но, как уже говорилось, именно это известие в «Объявлении» совершенно неправдоподобно.

Маловероятно, что «великие на царский дом хулы» из «Записок» А. А. Матвеева — цитата, взятая из подлинного приговора Аввакуму. Тогда пришлось бы допустить, что с 1682 по 1725 год в распоряжение властей был приговор Аввакуму, трактующий его как политического преступника, но всё это время текст приговора не использовался в идейной борьбе со старообрядцами, почитающими Аввакума как святого мученика.

Есть сведения, что уже в конце XVII века правительственные служащие распространяли слухи, порочащие Аввакума. В. С. Румянцева обнаружила документ, проясняющий источник одного из утверждений «Объявления» Синода. Согласно расспросным речам сына Аввакума Афанасия на допросе у мезенского воеводы

²⁸ Козлов 1996, 35.

²⁹ Малышев 1955, 336–337.

в 1692 году: «А слышел де он, Афонка, от пустоозерского стрелца, от Лодьмы, а как ево зовут, того сказать не упомнит. Как де он, Лодьма, ехал с Москвы и был на Мезени, и сказывал де он, Лодьма, ему, Афонке, что де отец Афонкин, Аввакум, велел великого государя гробницу дехтем марать, за что де отец ево, Афонкин, и сожжен. А болии де того он, Афонка, про такое дело ни от кого не слышал и не знает»³⁰. В.С. Румянцева сделала следующий вывод: «Таким образом, связь Аввакума с раскольниками в Москве, его активная роль в подготовке открытого выступления в январе 1681 года против феодальной церкви и самодержавия теперь получают документальное подтверждение, исходящее из неофициальных источников»³¹. Однако в приведённом Афанасием слухе Аввакум никак не связывался с московским выступлением старообрядцев января 1681 года. О причастности Аввакума к событиям 1681 года говорится только в «Объявлении» Синода. И только из того же источника известно, что во время этих событий произошло осквернение царских гробов. Возможно объяснение, не учтённое В.С. Румянцевой: составители «Объявления», составляя вымышленный рассказ об Аввакуме, скомпилировали несколько разновременных известий о старообрядцах.

Последнее по времени объяснение, что могло подразумеваться под «великими на царский дом» хулами, предложил А. Робинсон. Он связывает политические обвинения в адрес Аввакума с «хованщиной», восстанием стрельцов и части горожан в Москве весной 1682 года, использования его участниками сочинений Аввакума как идейной основы. Версию можно было бы признать основательной, если бы не хронологическая несогласованность. По всем известным датировкам, казнь Аввакума произошла до восстания, в правление Фёдора Алексеевича³². Восстание же последовало после смерти этого царя.

Итак, в литературе существует несколько версий причин казни протопопа Аввакума и его товарищей по заключению. Ни одну из них нельзя принять окончательной.

Мы предлагаем определить подлинную причину, исходя из способа казни, не самого обычного для Руси — сожжения на костре. Законы XVII века известны. Остаётся посмотреть, за какие преступления применялось сожжение.

Соборное Уложение 1649 года. Сожжение предусмотрено за «хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рождённую его пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на святых Его угодников»³³, за умышленный поджог города, двора или дома³⁴, за обращение русского человека в бусурманскую веру³⁵. В 1653 году был издан Указ о сожжении колдунов и тех, кто обращается к их помощи³⁶. В 1675 году Алексей Михайлович издал указ о сожжении старообрядцев: «Раскольников, которые восточной апостольской церкви не повинуютца, говорить многожды, чтобы они от того расколства престали и покаяние принесли и на истину обратились. И буде которые расколники не покорятца и в познание не придут, и тех раскольников сжечь». «о церковных рас-

³⁰ Румянцева 1970, 92.

³¹ Там же, 91.

³² Смирнов VIII, 1898.

³³ Буганов, Ирошников, Маньков, Панеях 1987, 19.

³⁴ Там же, 1987, 20.

³⁵ Там же, 131.

³⁶ Опарина 2002, 88–91; Новомбергский IX, 1906, 78–79.

кольчицах, которые объявятся в расколах, и тех людей велено расспрашивать и приводить трикратно. И буде не повинятся, и велено зжечь»³⁷. Не существовало законов о сожжении за оскорбление царского достоинства, чем также подтверждается недостоверность пропагандистских материалов петровской эпохи. Маловероятно, что Аввакум, находясь в заключении в земляном срубе, оказался замешан в умышленном поджоге дома, двора или города. Других законов о сожжениях за нерелигиозные преступления, повторим, не было. Следовательно, Аввакум был казнен за религиозное преступление.

Наконец, посмотрим на казнь Аввакума в контексте эпохи. В 1675 году Алексей Михайлович разослал в разные города указы о казнях старообрядцев. Известно о сожжении в 1675–76 годах трёх человек в Тобольске³⁸, четырнадцати человек на Вятке³⁹, неизвестного числа старообрядцев в Казани⁴⁰, монахини Иустинии в Боровске⁴¹. По мнению В. А. Мякотина, в окружении Алексея Михайловича у Аввакума были влиятельные доброжелатели, спасавшие его от казни⁴². После смерти Алексея Михайловича в 1676 году сведения о казнях временно прекращаются. Но в 1681–82 году в Москве состоялся церковный Собор, потребовавший от светской власти предавать старообрядцев светскому суду: *«Просим и молим соборно Великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, которые развратники и отступники, по многом церковном учении и наказании и по нашем архиерейском прощении их обращению истинного покаяния явятся противны, святой церкви непокорны, и таких противников бы указал Великий Государь Царь и Великий князь Федор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, отсылать ко градскому же суду»*⁴³.

Начались новые аресты. В Новгороде из арестованных в 1682 году старообрядцев около 15 были сожжены⁴⁴. В Пскове в 1682 году был арестован старообрядец И. Меркурьев, а в следующем году сожжен. Документы о сожжении Меркурьева сообщают: *«в прошлом Государь во 191 [1682] году Августа в 27 день, во Пскове в Приказную избу присланы ко мне, холопу Вашему, из Митрополичья приказу с памятью и распросными речами к градскому суду раскольники псковичи посадские люди Ивашко Меркурьев да Мартинко Кузмин во многом церковном богохульном расколе <...> расколника Ивашку Меркурьева сжечь в костре»*⁴⁵. В 1683 году группу старообрядцев сожгли в Тобольске⁴⁶. В том же году монаха Варлаама сожгли в Клину. Отписка о его казни сообщает: *«И по указу де великих государей того раскольника старца Варламка за противность и за раскол церкви божии, сказав ему вину, клинкой приказной Дмитрий Ярцов и новгородских стрелцов голова Афонасей Боранов при нем же Григорье сожгли в костре»*⁴⁷. Т. е., в 1682–1683 годах массово сжигали старообрядцев «за раскол».

³⁷ Мосин 1990, 81; Окладников, Рыбаков 1987, 211.

³⁸ Окладников, Рыбаков 1987, 211.

³⁹ Мосин 1990, 81.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Демкова 1991, 54; ср. Бычков 1852, 1528–1529.

⁴² Мякотин 1894, 154.

⁴³ Бердников 1842, 111–112.

⁴⁴ Румянцева 1986, 237.

⁴⁵ Барсов 1882, 14–15.

⁴⁶ Окладников, Рыбаков 1987, 219.

⁴⁷ Румянцева 1986, 242.

Итак, казнь духовного вождя старообрядчества происходит в одно время с казнями других староверов по религиозным обвинениям. На одном костре с Аввакумом сожгли ещё нескольких старообрядцев, которые никак не могли отвечать за гипотетическую «хулу» Аввакума на «царский дом».

Впервые на это противоречие обратил внимание Ф. Е. Мельников в 1913 году: «объявляется, что протопоп Аввакум “был подвергнут казни как государствен- ный преступник, за великие на царский дом хулы”. Не клевета ли это? <...> От- кровенно говоря, протопопа Аввакума казнили совсем не за письмо его к царю; казнили же вместе с ним и священника Лазаря, и диакона Феодора, и инока Епи- фания, а они ведь не были причастны к письму Аввакума. Как они, так и про- топоп Аввакум преданы огнесожжению только потому, что были непреклон- ными и стойкими защитниками старообрядчества и поэтому были неудобными и ненавистными для тогдашней церковной иерархии»⁴⁸. Хронологически казнь Аввакума последовала сразу после решения Собора об отсылке упорствующих старообрядцев к светскому суду. Решение Собора — ноябрь 1681 года. Казнь Ав- вакума — апрель 1682 года. По всем перечисленным соображениям Аввакум был казнён за распространение старообрядчества, возглавив список русских писате- лей, погибших за свои убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсов Е. В. 1882: Отписка Псковского воеводы боярина Бориса Шереметьева о Псковских раскольниках Ивашке Меркурьеве да Мартинке Кузьмине и пыточные их речи // ЧОИДР. 3, 14–18.
- Бердников Я. И. (ред.) 1842: Акты исторические: Собранные и изданные Археографи- ческой комиссиею. Т. 5. 1676–1700. СПб.
- Бодянский О. М. (ред.) 1847: Память Сысного приказа в Оружейный приказ об от- писке на государя в Бронной слободе двора, принадлежавшего раскольнику и церковному противнику Оське Сабельнику, 1681 года, июля 30 // ЧОИДР. 5, 71–72.
- Бороздин А. К. 1898: Протопоп Аввакум. СПб.
- Бороздин А. К. 1991: Аввакум // Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон: Био- графии. Т. 1. М.
- Буганов В. И., Ирошников М. П., Маньков А. Г., Панях В. М. (ред. 1987: Соборное Уложение 1649 года. Л.
- Бычков А. Ф. (ред.) 1852: Дворцовые разряды. СПб.
- Демкова Н. С. (сост.) 1991: Повесть о боярыне Морозовой. М.
- Зеньковский С. А. 2005: История Старообрядчества. М.
- Знаменский П. В. 2005: Руководство к русской церковной истории. М.
- Иловайский Д. И. 1996: Отец Петра Великого. М.
- Козлов В. П. 1996: Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источни- ков XVIII–XIX вв. М.
- Костомаров Н. И. 1991: Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.
- Макарий (Булгаков) 1855: История русского раскола. СПб.
- Мальшев В. И. 1965: Новые материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ / В. И. Малы- шев (ред.). 21. М., 327–345.

⁴⁸ Фита (Мельников) 1913, 86, 88.

- Матвеев А. А.* 1997: Описание возмущения московских стрельцов // Рождение империи / А. А. Либерман, С. Шокарёв (сост.). М., 360–414.
- Мельников П. И.* 1861: Аввакум Петрович // Энциклопедический словарь, составленный русскими учёными и литераторами / П. Л. Лавров (ред.). 1. СПб., 153.
- Мосин А. Г.* (ред.) 1990: Выпись Новгородского приказа из отписок вятского воеводы А. П. Нарышкина о раскольниках, пойманных в Вятском уезде, 1675 г. // Народная культура Урала в период феодализма. Свердловск, 78–82.
- Мякотин В. А.* 1894: Протопоп Аввакум: Его жизнь и деятельность. СПб.
- Новомбергский Н. Я.* 1906: Колдовство в Московской Руси XVII–го столетия. СПб.
- Окладников А. П., Рыбаков Б. А.* (ред.) 1987: ПСРЛ. Т. 36. М.
- Опарина Т. А.* 2002: Неизвестный указ 1653 года о запрещении колдовства // Древняя Русь. 3, 88–91.
- Робинсон А. Н.* 1991: Аввакум (личность и творчество) // Житие Аввакума и другие его сочинения. М.
- Румянцева В. С.* (сост.) 1990: Документы Разрядного, Посольского, Новгородского и Тайного приказов о раскольниках в городах России: 1654–1684 гг. М.
- Румянцева В. С.* 1970: Неизвестные материалы о протопопе Аввакуме // Советские архивы. 5, 90–93.
- Румянцева В. С.* 1986: Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.
- Рыжов К. В., Рыжова Е. В.* 2006: Сто великих пророков и вероучителей. М.
- Смирнов П. С.* 1898: Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб.
- Фита. (Мельников Ф. Е.).* 1913: Позорное дело XX века // Церковь. 4, 84–89.
- Хьюз Л.* 2001: Царевна Софья. СПб.
- Norton P., Esposito J. J.* 1994: The new Encyclopediya Britannica. Vol. 1. Chicago.

WHY DID THEY BURN PROTOPOPE AVAAKUM?

Ye. O. Shatsky

The deals with causes of protopope Avaakum's death sentence in 1682. The article contains historiography issues. The author comes to the conclusion that Avaakum was executed for his religious views.

Key words: church history, death penalty, protopope Avaakum.

«ФАУСТ» Ф. М. КЛИНГЕРА: ЭПИЧЕСКИЕ И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАВНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

В 1791 году Ф. М. Клингер пишет произведение, в основу которого кладет средневековую легенду о Фаусте. Известное драматическое действие автор облекает в узнаваемые повествовательные формы. Неоднозначность жанровой интерпретации произведения усиливается контрастными характеристиками главных персонажей, выражающих собой причастность как к эпосу, так и к драме.

Ключевые слова: Ф. М. Клингер, Фауст, Левиафан, эпос, драма, время, пространство.

В 1791 году Ф. М. Клингер пишет произведение, в основу которого кладет средневековую легенду о Фаусте. Известное драматическое действие автор облекает в узнаваемые повествовательные формы. Неоднозначность жанровой интерпретации произведения усиливается контрастными характеристиками главных персонажей, выражающих собой причастность как к эпосу, так и к драме.

Личность Фауста противоречива и глубоко индивидуальна. Его бунт становится тем отчаяннее, чем сильнее разрыв между естеством и духом. Двойственность натуры героя подчеркивается контрастом между его благородными чертами лица и опасными природными качествами. Темные и светлые силы борются за душу Фауста. Конфликт между ними оформляет драматический образ главного героя. Поведение Фауста, как и героя драмы, осуществляется в расчете на публичный, массовый эффект, что являет собой гиперболу обыкновенного человеческого поведения. Если повествовательно-эпические произведения «воссоздают действие в значительной мере в условно-знаковых формах, но отнюдь не настаивают на гиперболизации форм действий персонажей. В драме же — наоборот. Театрализирующие условности в изображении поведения героев здесь как бы компенсируются безусловностью, адекватностью, максимальной достоверностью запечатления речевых форм действия»¹. Преобладание выпуклости и броскости над нюансами и полутонами создает в тексте некую «торжественную дистанцию» между героем и читателем, обладает особой художественной силой. Гипербола призвана осуществлять здесь масштабные монументальные обобщения. Соответствие такой характеристике мы обнаруживаем в общей линии поведения героя Ф. М. Клингера.

Основу характера составляет психология, не боящаяся публичности, не сводящаяся к сфере интимного общения, прямо или косвенно устремленная к широким, групповым контактам. Активность, броскость, эффектность речевого и жестово-мимического поведения героя, выразительность которого не требует пояснений. Он действует на высшем пределе своего темперамента, вкладывает в свое поведение максимум того, что он способен испытать. Подобное патетическое самовыражение свойственно драматическому герою, который поднимает

Красильникова Марина Валерьевна — старший преподаватель кафедры культурологии и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: mwk_79@mail.ru

¹ Хализев 1978, 23.

себя и свою позицию на пьедестал: выступает от лица неких надличностных, всеобщих, высших сил.

Фауст, обладая эмоционально-волевой энергией, действует напрямик, напоказ. Недаром А. Афиногенов назвал драму «искусством изображения воли»². Психология поведения героя определяется его волевым началом. Фауст Клингера деятелен. Он активно проявляет свою волю: приказывает, желает, требует. Он деятелен и в речах, подвергает оценке буквально все, что наблюдает, но все его стремления направлены во вне, на достижение внешней цели. Собственное сознание в рамках цели внутренней не раскрывает представлений Фауста о том, каким он сам видит мир. Он знает чего не должно быть в нем, негодует, обличает, борется, но ничего не может противопоставить существующему мировому порядку. Выражая собой антагониста, он все же подчиняется воле Левиафана, следует по им указанному пути. Он воспринимает мир таким, каким его видит дьявол. Герой стремится подчинить себе тот ход событий, исход которых заведомо ясен. И это вновь намеренный авторский прием контраста. В мире своего восприятия Фауст не смог бы проявить всю полноту личного бунтарства.

Для драмы, скованной необходимостью сосредоточиваться на немногих и резко выраженных стремлениях человека, приемлемы далеко не все человеческие характеры. Для нее предпочтительна «однолинейность» персонажей. Действующее лицо драмы — носитель какого-то одного чувства или намерения, достигающего огромной силы и напряженности. «Человеческая страсть в ее наиболее ярких проявлениях — таков предмет драматического искусства»³. Еще Гегель отмечал, что «герои в драме большей частью проще внутри себя, нежели в произведении эпическом»⁴. Эта мысль развернуто выражена С. Балухатым: «Характер в драме — всегда односторонняя фиксация черт персонажа <...> Поэтика драмы требует единства, собранности, цельности черт характера».

Фауст Клингера при всей глубине внутренних обобщений является персонажем одной черты. Его страсть, намерения известны читателю с самого начала, он ведом единственным силой — познанием, что делает его однолинейным персонажем, не имеющим возможность быть иносказательно воспринятым.

Активное переживание Фауста неразрешенных противоречий, с беспокойством и тревогой, исполнено драматизма, как и то жизненное положение, при котором под угрозой находится осуществление значительных запросов человеческой личности. Броским и эффектным оказывается поведение драматического персонажа даже в условиях изоляции, например в сцене «порога».

Театральным, таким образом, является не только публичное в прямом смысле слова, но и могущая сделаться публичным поведение человека — поведение, готовое продемонстрировать себя всем и каждому, потенциально обращенное к эмоциональному восприятию значительного количества людей. Именно театральное поведение, по мысли В. Е. Хализева, «выступает в драме как важнейший предмет изображения».

Драма в значительно большей степени, нежели эпос, акцентирует жизненные ситуации, требующие активной, полногласной речи и крупного жеста. Поэтому

² Афиногенов 1957, 101.

³ Хализев 1978, 23.

⁴ Евреинов 2002, 534.

драматурги вынуждены возводить «нетеатральное в жизни»: сферу частных, интимных взаимоотношений людей, в ранг «театрального в искусстве». Оттого речь героев, по логике изображаемой ситуации, отнюдь не требующей яркости и эффектности, предстает, однако, в драмах как пространная, полноголосая, гиперболически выразительная.

Фауст как герой драматический часто оказывается контрастным в целом эпическому повествованию. Созданный изначально по образцу штюрмерских гениев, он вплоть до третьей книги произведения являет собой активный бунтарский идеал. Этот намеренный прием автора позволяет обнажить конфликт, выявить посредством стилистического разногласия текста противоречие образов. Патетика, динамизм речей Фауста контрастируют с эпической сдержанностью, монументальностью взглядов Сатаны. Фауст не вписывается в эту действительность так же, как не соответствует драматический герой эпическому повествованию.

Однако имеются сцены, в которых Фауст органичен окружающей обстановке. Это спектакль, где символические фигуры разных человеческих пороков и добродетелей выступают в определенной последовательности под руководством опытного режиссера Сатаны.

Показательно, что Фауст участвует в этой адской вакханалии на равных, хотя и не сразу принят в сонм злых духов. На адском пиру появляется дьявол Левиафан, который якобы устроил это представление по приказу Сатаны. Левиафан слыл среди дьяволов основателем наук, но он отличался еще тщеславием и льстивостью. Но главное — умел присваивать себе чужие успехи и достижения. По красочности и зрелищности балет в аду превосходит все описанные вакханалии. Эта сцена напоминает лучшие образцы драматических спектаклей. Чувствуется, что хозяин преисподней — владыка над силами ада, но вместе с тем каждый из присутствующих не статист, а действующее лицо. Но только одному из них было поручено стать проводником Фауста в мир человеческих пороков и загробной расплаты.

Появление Левиафана в действии оправдано необходимостью поддержать заданную образом Фауста драматургию. В пределах своей роли он является его полноценным антагонистом. Он столь же активен, свободен в речах, действует в пределах реально осязаемого мира, как и Фауст.

Дьявол умен и рассудителен, он философ и наблюдатель жизни и человеческой природы. Познать ее суть и натуру Левиафан стремится, облачившись в человеческий облик. Ни один герой более не найдет в тексте своей визуальной характеристики. Портрет уравнивает образы, и в то же время служит приемом их полного противопоставления. Если лик Фауста облагорожен стремлением, то на челе Левиафана «лежит мрачная тень». «Стремительный дух» героя оттеняется «величием, статностью» дьявола. «Выразительные, благородные черты лица» Фауста и «пламенные, властные глаза» Левиафана вновь являют собой антитезу.

Активность Фауста определена поиском счастья и славы, позиция Левиафана исходит из «горечи, ненависти, злобы, страдания и презрения» — это и определяет его отношение к Фаусту, естество смертной материи которого эфемерно. Дьявол удивлен безграничностью устремлений этого существа. Трагический парадокс здесь заключается в том, что уязвимая человеческая плоть включает неумное величие, а бессмертная субстанция Дьявола наполнена циничной, безрадостной пу-

стотой его природы. Первый — весь стремление, второй — обман и лень. Перед нами две доминанты, две стороны одной драматической интриги. Их постоянные дискуссии выражают важные мировоззренческие идеи текста, придают ему характер философского произведения.

Если в начале Фауст выступает из магического круга со словами «Я — твой повелитель», и в первой части путешествий (II–III книги) Левиафан выполняет все указания Фауста, обуяемого жадной мести во имя справедливости, то во второй — (IV книга) он всячески старается уклониться от выполнения приказаний Фауста. По мере того, как Фауст теряет веру в нравственные силы человека, инициативой все больше овладевает Левиафан. В конце путешествия он одерживает окончательную победу над физически и духовно опустошенным Фаустом.

Триумф дьявола не является неожиданным для читателя. На протяжении всего повествования Ф. М. Клингер, сочувствуя Фаусту, все же подчеркивает свою солидарность в оценке поведения и поступков главного героя с Левиафаном. В заключительном монологе Левиафана — этом своеобразном вердикте, мнение автора и дьявола полностью совпадают.

«Вина» Фауста состоит прежде всего в том, что он изменил своей природе, отказав «любви к себе» в пользу «самолюбия». Пока Фауст находится в состоянии «любви к себе», он стремится удовлетворить свои истинные потребности: забота о детях, семье, старом отце, молодой жене. Попав в круговорот жизни светского общества, отказавшись от смирения, покорности в страдании, скромности, высокого чувства познания самого себя, которые предлагает ему Гений человечества, происходит окончательное нравственное падение Фауста. От состояния «любви к себе» он переходит к состоянию «самолюбия», которое основывается на сравнении себя с другими.

Левиафан в тексте принципиально необходим. Он с одной стороны поддерживает драматизм Фауста, но с другой — является причиной произошедших в герое перемен. Под его воздействием незаметно, но неуклонно меняется взгляд Фауста на человека. Сначала на слова Левиафана: «Монашество, схоластика, дворянские распри, торговля подданными, сдирание шкуры с крестьян — вот из чего составлена вся ваша жизнь» — Фауст упрямо отвечает: «А я заставлю тебя поверить в нравственное достоинство человека⁵» (II, 5). В дальнейшем — «Узы, связывавшие его с человечеством, порвались, и он пришел к выводу, что миром правит рука деспота, который, не заботясь об отдельных людях, следит только за развитием и сохранностью целого» (IV, 14).

Фауст проникается мрачной злобой к людям. Он получил хороший урок, столкнувшись с самыми низменными пороками и несправедливостью, познав глубины человеческой низости. Смысл его жизни, заключенный в познании человеческого существа, оказывается в итоге лишенным изначально высокого посыла. Герой так и не выходит из своего индивидуалистического заточения — сначала он был в мире знаний книжных, к концу он абсолютизирует свое существование, вырывается из рамок заданной ему драматической роли.

Источник добра преобразуется в источник зла, потому что Фауст стоит вне диалектики законов жизни, вне природы. В дуэте с Левиафаном он изначально

⁵ Клингер 1961, 18.

был выведен за пределы конкретно очерченной повествовательной действительности. Их драматизм оправдывал подобную вневременность. Однако развитие идеи осознания нравственного зла подводит Фауста к примерке черт романного героя: «Герой романа не должен быть “героичным” ни в эпическом, ни в трагическом смысле этого слова: он должен объединять в себе как положительные, так и отрицательные черты, как низкие, так и высокие, как смешные, так и серьезные; герой должен быть показан не как готовый и неизменный, а как становящийся, изменяющийся, испытываемый жизнью»⁶.

В «развенчании» Фауста проявилось самобытное восприятие Ф. М. Клингера известного образа: перед нами штюрмерский персонаж, сильная личность, которая по воле автора терпит поражение, и личность, к которой автор проявляет симпатию, пытаясь частично оправдать его, «ведь нравственный мир должен иметь своих мятежников» (IV, 1). Это трезвый анализ штюрмерских идеалов самого Клингера, ставшего на новую ступень философского осмысления мира. Его Фауст трактуется не столько в рамках традиции восприятия образа, сколько соответствует изменившимся для Клингера жизненным реалиям и поэтому вписывается в «зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности». Эта характеристика, данная М. М. Бахтиным, характеризует зону построения образа в романе.

Драматизм образа Фауста исчерпывается, но героем эпического толка он также не является из-за наличия внутреннего противоречия. В то время как герой эпоса «завершен и безнадежно готов, он весь здесь, от начала до конца, он совпадает с самим собою, абсолютно равен себе самому»⁷. Фауст погибает, не выразившись до конца. Он оставляет расхождение между своей подлинной сущностью и внешним явлением. Все его потенции и все его возможности до конца не реализованы в его внешнем социальном положении. Он не стал всем, чем он мог стать. Его точка зрения на себя самого не совпадает с точкой зрения на него других героев.

Драматизм образа с присущей ему динамикой и противоречием обогащается идеологической и языковой инициативностью. На начало текста вступивший в повествование штюрмерский герой развенчивает границы заявленной роли, оказывается глубже и сложнее проблемы поиска истинной добродетели до осознания нравственности зла. Его образ разрастается, приобретая черты романного героя. Если Левиафан подыгрывает его драматической сути, то Сатана выводит его из узких границ амплуа штюрмерского гения.

Ф. М. Клингеру удалось создать собирательную картину ужаса, где каждый эпизод является штрихом к общему портрету владыки ада. Его незримое присутствие ощущается в каждой сцене. Отсутствие же описания его визуальных черт лишь усугубляет взволнованное воображение читателя. Мы узнаем о строгом иерархическом делении душ в бездне тьмы. Так, ничтожные при жизни становятся слугами (тенями) в аду, далее следуют вельможи (квартирмейстеры, телохранители, камергеры), пажы, князья и венчает этот «Олимп» пороков сам Сатана. Он есть воплощение всего, и все вокруг есть его частицы.

Зло здесь многолико и настолько распространено, что трудно определить

⁶ Бахтин 1986, 398.

⁷ Клингер 1961, 421.

причины, его вызвавшие. Но при перечислении пороков, существующих в разных европейских государствах, автор постоянно сопоставляет их с немецкими. Родина беспокоит его больше, чем другие страны. Сатана не просто персонифицированное зло, он символическое воплощение порока, восхваляющее свои деяния. Он возникает в ключевые моменты развития повествования. Безликим, стремящимся поразить своим могуществом, предстает он в первой книге романа, когда устраивает «огромный дружеский пир» в честь Фауста — изобретателя книгопечатания. Второе появление Сатаны приходится на заключительную главу последней книги романа, где он подводит итог всем описанным выше событиям.

Развернутый монолог владыки ада в первой книге «завязывает» события, культивирует фигуру Фауста и его изобретение. Более того, своими речами сатана бросает вызов Создателю. Впечатление неравной значимости двух владык усиливается предчувствием Сатаны скорого величия. Он подчеркивает временное превосходство Творца над собой и упивается будущей абсолютной властью. Сатана здесь намеренно изображается ликующим, воодушевленным человеческим изобретением.

Этим автор добивается впечатления ничтожности кажущегося величия перед человеческим отчаянием. Сатана поет гимн смертному, сумевшему восстать против привычных обстоятельств жизни. И это восхищение снижает образ владыки зла. Он принимает вызов Фауста, а значит — уподобляется человеку, наиболее презренному из всех созданий Божьих. Все его тирады, обращенные к создателю, воспринимаются лишь как угрозы побежденного победителю.

Так двадцатичетырехлетнее скитание героя легендарного сюжета обрело свое толкование в безвременном испытании персонажа конца XVIII века. Воспринятый сюжет народной книги за многими авторскими правками несет все ту же мысль о гибели человечества, живущего по законам наживы и выгоды, в угоду собственным страстям. И смельчаки, рожденные сомнением, не в силах что-либо поправить, так как действуют из личных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

- Афиногенов А.* 1957: Статьи. Дневники. Письма. М.
Бахтин М. М. 1986: Эпос и роман // Литературно-критические статьи. М.
Евреинов Н. Н. 2002: Демон театральности М.; СПб.
Клиггер Ф. М. 1961: Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.; Л.
Хализев В. Е. 1978: Драма как явление искусства. М.

EPIC AND DRAMA CHARACTERISTICS OF PROTAGONISTS OF F. M. KLINGER'S "FAUST"

M. V. Krasilnikova

In 1791 F.M. Klinger writes a literary work based on a medieval legend about Faust. A well-known work of art assumes a familiar narrative form. The ambiguity of genre interpretation is enhanced by a stark contrast between protagonists related both to epos and drama.

Key words: F.M. Klinger, Faust, Leviathan, epos, drama, time, space.

Н. А. Макаричева

ОСОБЕННОСТИ ЛЮБОВНОГО СЮЖЕТА В РОМАНАХ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматриваются трансформации традиционного любовного сюжета в романах Ф. М. Достоевского. Автор обращает внимание на любовные коллизии, в которые вовлечен герой-идеолог, и определяет влияние этого типа на характер любовного конфликта.

Ключевые слова: любовный сюжет, любовный треугольник, тип любовника, тип обманутого мужа, интеллектуальный поединок.

«Все творчество Достоевского насыщено жгучей и страстной любовью. Все происходит в атмосфере напряженной страсти <...> Любовь есть исключительно трагедия человека, раздвоение человека. Любовь есть начало в высшей степени динамическое, накаляющее всю атмосферу и вызывающее вихри...»¹. Особую динамичность любовному сюжету в романах Достоевского придают ситуации, напоминающие любовный треугольник. Традиционно «любовный треугольник» состоит из двух мужчин, добивающихся расположения одной женщины, или двух женщин, соперничающих из-за мужчины. У Достоевского представлены оба типа отношений. В ранних произведениях («Хозяйка», «Двойник», «Бедные люди», «Белые ночи» и др.) чаще описывается ситуация с двумя мужчинами, соперничающими за сердце женщины, в более поздних — с двумя женщинами-соперницами и одним мужчиной. Многие исследователи обращали внимание на эту черту. Например, Г. М. Фридлендер отмечал: «...князь Мышкин поставлен между двумя женщинами с противоположными характерами — Настасьей Филипповной и Аглаей (ситуация, которая позднее в модифицированном виде дублируется в “Подростке” и “Братьях Карамазовых”, где образы матери Аркадия Долгорукого и госпожи Ахмаковой в первом романе или Катерины Ивановны и Грушеньки во втором образуют столь же несходную пару женских персонажей...)»². Позволим не согласиться только с одним: женские характеры, вступающие в конфликт, не всегда противоположны, они скорее различны. Ведь для напряженных отношений необходимо столкновение либо контрастных характеров, либо, наоборот, двух очень близких по силе и яркости.

Достоевский использует традиционные, даже стандартные фабулы любовных сюжетов. Однако при более пристальном рассмотрении и сама ситуация, и конфликт, и роли героев редко отвечают обычным читательским ожиданиям. Например, Р. О. Мазель, обращаясь к рассказу «Вечный муж», отмечает: «...не ревность к сопернику, как считают Михайловский и Петровский, а отчаянная борьба за доверие к человеку составляет главный стержень рассказа. Это повесть о потерянном доверии “вечного мужа” Труссоцкого к обманувшему его Вельчанинову»³.

Макаричева Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин института специальной педагогики и психологии г. Санкт-Петербург. E-mail: 812nataly@mail.ru

¹ Бердяев 1994, 89.

² Фридлендер 1995, 282.

³ Мазель 2009, 84.

Достоевский как бы предлагает переосмысление старых сюжетных схем. Он меняет векторы напряженности между героями, и конфликт возникает не там, где читатель ожидает его обнаружить. Возможен и другой вариант: между героями, которые должны по всем меркам быть в конфликтных отношениях, столкновения не происходит. Или же герои испытывают не те чувства, которые ожидаются в известной ситуации (ненависть, любовь, ревность...). Соответственно меняется и мотивация поведения. Или же герои внешне остаются в рамках традиционных типов — «обманутый муж», «любовник», «любовница», «муж, изменяющий жене», «ловелас», «соблазненная девушка», — но этим типам они уже не соответствуют внутренне, что и размывает стереотипные представления об особенностях любовного сюжета.

Объяснений такой трансформации можно предложить достаточно много.

Например, своеобразие любовного конфликта и сюжета определяется типами героев, вступающих во взаимоотношения. Особый интерес представляют «любовнее треугольники», в которые «включен» герой-идеолог, поскольку именно с этим типом связано жанровое своеобразие произведений Достоевского. Проанализируем несколько вариантов любовных сюжетов, в которых важную роль играет герой-идеолог.

В романе «Братья Карамазовы» между Иваном, Катериной Ивановной и Митей отношения выстраиваются на первый взгляд линейные. Митя, выступая в роли «третьего лишнего», желает добровольно устраниваться и уступить бывшую невесту брату, так как любит другую женщину. Формально братья воспринимаются как соперники, что подчеркивают отзывы окружающих: «...от братца Мити невесту себе отбивает...», — говорит Ракитин; «если Митька на Грушке женится, так Иван его невесту богатую себе возьмет, вот у него расчет какой!», — считает Федор Павлович⁴. Но фактически острого соперничества за женщину между ними нет. Взаимное непонимание между братьями, неприятие Дмитрия Иваном имеет иную причину. Страстный Дмитрий для интеллигентного Ивана — сладострастник и безобразник, такой же, как отец. Осуждение и крайнее раздражение вызывают оба, поэтому у Ивана вырываются слова: «Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!»⁵. Отношения Ивана к Дмитрию — взгляд высшего существа на низшее. А его попытки спасти Митю после ареста обусловлены чувством вины, которую Иван, как человек рефлексирующий, чувствует и пытается загладить. Конечно, ревность тоже не чужда Ивану в такой ситуации, но не этим чувством определяется логика его поступков.

Для сравнения можно рассмотреть «треугольник» Митя — Грушенька — Федор Павлович, который во многом соответствует «классическому канону»: в него включается женщина, которая ведет любовную игру с двумя мужчинами, разжигает и поддерживает страсть в каждом из них; есть в романе примеры разнообразных проявлений внимания к Грушеньке со стороны обоих мужчин; соперники пытаются друг друга не просто оттеснить, а «устранить» (Митя отца — физически, а Федор Павлович сына — экономически). Борьба за расположение Грушеньки приводит к столкновению между мужчинами, причем в буквальном, физическом смысле. Конечно, это не дуэль, логика образов этого не допускает; Достоевский

⁴ Достоевский 14, 1976, 158.

⁵ Там же, 129.

предлагает нам сниженный вариант выяснения отношений, который можно назвать пьяной потасовкой. Однако это не отменяет трагичности ситуации, не ослабляет накал страстей. В этом конфликте можно отметить и еще одну, достаточно традиционную черту: выбор женщины происходит между более зрелым, состоятельным мужчиной и молодым, но бедным. Купец Самсонов советует Грушеньке выбирать отца (Федора Павловича), то есть заключать брак по расчету. Ситуация достаточно типичная и сюжет весьма расхожий для многих произведений искусства (например, «Дубровский» А. С. Пушкина: Маша Троекурова — князь Верейский; «Война и мир» Л. Толстого: Элен Курагина — Пьер Безухов и др.; картины с названием «Неравный брак» таких художников, как А. Дюрер (1495) Гойя (1746), В. Лейбль (1876–77), А. Г. Карнеев (1866), В. В. Пукирев; «Любовь по расчету» (1532) Лукаса Кранаха Старшего и т.д.). В романе Достоевского «Белые ночи» Настенька также выбирает не мечтателя, а «прежнего», который на год покидает ее, чтобы устроить дела и тем самым иметь возможность обеспечить их будущее; Варенька из романа «Бедные люди» идет замуж за Быкова отнюдь не по любви, а из крайней жизненной необходимости. Кроткая (из одноименной повести) также вынуждена прагматично выбирать между двумя вариантами: выйти замуж за лавочника или ростовщика. Однако в повести «Кроткая» ситуация любовного треугольника, возникающая дважды, не разворачивается в полной мере и не приобретает самостоятельного значения. Она является лишь катализатором в драматичных отношениях Кроткой с ее мужем. Но это еще один пример любовного конфликта, в который втянут герой-экспериментатор, теоретик, апробирующий свои умственные изыскания. Герой повести борется не столько за любовь Кроткой, сколько за возможность самоутверждения. Это не любовный конфликт как таковой, так как в основе трагической коллизии лежит столкновение разных жизненных позиций и ценностей героев, борьба их личностных начал.

Еще одно произведение, обращение к которому продуктивно с точки зрения поставленной проблемы, — роман «Бесы». Его сюжет насыщен любовными перипетиями, и в этом произведении Достоевский создал сразу несколько образов героев-идеологов. Главный герой романа — Ставрогин — выступает в нескольких ролях, если прочитывать его судьбу в аспекте любовных сюжетов, поэтому в первую очередь обратимся к этому образу.

Казалось бы, Ставрогин — часто встречающийся в любовных романах тип героя: женатый мужчина, допускающий адюльтеры на стороне. Например, в пьесе «Бесприданница» А. Н. Островского Лариса Огудалова тоже переживает жизненную трагедию после признания Паратова в том, что он обручен. Образуется любовный треугольник, который включает слабого героя (Карандышева) — сильного противника (почти женатого Паратова) — и женщину (Ларису). В результате конфликт разрешается гибелью героини от руки оскорбленного жениха.

Но «выстроить» конфликтный треугольник, включающий женатого Ставрогина, его сумасшедшую жену Марию Тимофеевну и еще одну женщину, практически невозможно в силу характера самого брака, во многом прихотливо-искусственного. (Хотя литература знает такие примеры — «Джейн Эйр» Ш. Бронте). Другой любовный треугольник, объединяющий Ставрогина, Лизу Тушину и Маврикия Николаевича, оказывается очень недолговечным. Маврикий Николаевич — это любящий, мягкохарактерный, жертвенный тип героя. Он готов принять Лизу

любой, простить ей все, даже увлечение Ставрогиным. Этого героя второго плана можно назвать прямым наследником князя Мышкина. Но существование Маврикия Николаевича мало что определяет в судьбе Лизы Тушиной, равно и в любовном конфликте, хотя он способен на ревность, на проявление страсти и доходит до открытых угроз Ставрогину. Однако метаться между Маврикием Николаевичем и Ставрогиным, подобно Настасье Филипповне между Мышкиным и Рогожиным, Лиза не может. Для этого необходимо постоянное чувство со стороны обоих мужчин или же со стороны женщины — к обоим мужчинам.

Ставрогин неспособен на постоянное и сильное чувство, он слишком быстро гаснет, а Лиза слишком быстро разгадывает его тайну и чувствует разочарование и отвращение. Инертность и холодность Ставрогина «гасит» необходимое для существования любовного треугольника напряжение и, по сути, «убивает» Лизу. Утреннее прозрение Лизы — это смерть мечты, которой она соблазнилась. Тот Ставрогин, в которого она была влюблена, — это только иллюзия, и она исчезла. Лиза жертва не столько мужского обмана, сколько самообмана. И если определять точнее, то не Ставрогин ее соблазнил, а она сама «оперной ладью соблазнилась».

В сознании Марьи Тимофеевны Лебядкиной Ставрогин (вернее, лишь его образ) — также результат женских иллюзий. Но ведь не ревность заставляет Марью Тимофеевну выкрикивать Николаю Всеволодовичу упреки и обличения. Любовного конфликта между ними нет, хотя внешне стиль отношений вписывается в рамки традиционного любовного сюжета. Марья Тимофеевна ждет мужа, которого не помнит или не знает (сюжет, знакомый по повести «Метель» А. Пушкина), проводит много времени перед зеркалом, использует традиционные любовные формулы и образы из фольклора («сыч» и «ясный сокол», «мой князь») и изображается на протяжении всего романа влюбленной. Но в кого она влюблена? В какой созданный ее воображением фантом? И анафема выносится Марией Тимофеевной, конечно, не мужу-изменнику, а изменнику высшим ценностям, примерно так, как это делается в церкви.

Ставрогин, имея большое количество любовных связей, мог бы претендовать на статус ловеласа. Он не только выступает в роли мужа, изменяющего своей жене, соблазнителя невинной девушки, но имеет любовные отношения и с замужними женщинами. Например, Мария Шатова в конце романа возвращается к своему формальному мужу — Шатову — и рождает ребенка от Ставрогина. Однако это событие не обостряет отношения между мужем и женой, как можно было бы ожидать, но наоборот, становится причиной душевного перелома и внутреннего преобразования Шатова, пусть последнего, но все-таки светлого события в его жизни. Достоевский не позволил этому герою умереть с хаосом и мраком в душе; Шатов прошел свое великое очищение перед смертью. Отношения же между Шатовым и Ставрогиным также не связаны с любовными перипетиями. Кризис в доверии слову учителя, жажда веры и утрата идеала — это причины переживаний Шатова, его противоречивых чувств к Ставрогину, а не чувства обманутого мужа к любовнику жены. При этом и Марья Шатова не соответствует типу замужней женщины, которая бы отдалась чувству вопреки условностям общества. Скорее, наоборот, эту героиню можно причислить к женщинам «нового типа», «эмансипе», презирающим мнения общества и потому свободно относящимся к браку. Она — одна из «соблазненных идей», а не женщиной. Русская литература знает достаточно

много таких героинь, которые слишком внимательно прислушивались к красивым словам и слишком доверчиво (или простодушно?) мечтали о возможности приносить пользу обществу, о великой деятельности рука об руку со своим избранником. И многие из них пережили потом разочарования, душевные надломы или жизненные трагедии (Наталья Ласунская, поверившая Рудину; Елена Стахова, последовавшая за Инсаровым; Ольга Ильинская, внимавшая Штольцу).

По воле Достоевского Ставрогин окружен очень разными женщинами, и они участвуют в его судьбе одновременно или почти одновременно. Их трудно противопоставить друг другу, но они очень отличаются и по натуре, и по темпераменту, и по социальному статусу, и по красоте.

Тем не менее, назвать Ставрогина ловеласом можно лишь с большой долей условности. Внешне вполне соответствуя этому типу, он не отвечает ему внутренне. Слишком быстро сгорает его чувство, даже если оно действительно загорается, слишком мало в нем искреннего внимания и любви к женщинам. Все его «адольтеры» — результат внимания к самому себе, плод постоянной рефлексии и экспериментов над собой. Сюда можно отнести и не вошедшую в опубликованный текст историю с Матрешей, и женитьбу на Хромоножке, и недолгий любовный роман с Лизой. И его последний порыв — к Даше — это не страсть, а страх. Сладострастие Ставрогина — искусственно культивированное, оно от ума, а не от природы, как, например, у Федора Павловича Карамазова. Сладострастие — одна из крайностей, которая необходима Ставрогину для самопознания и самопроверки.

Итак, в выборе наиболее удачной для себя партии герой-идеолог, выражаясь метафорически, чаще всего выбирает «партию в шахматы», то есть предпочитает интеллектуальную игру играм любовным. Этим и определяется особенность конфликта, который не соответствует обычным любовным коллизиям. Например, публичный поцелуй жены Липутина Ставрогиным ведет не к скандалу и не к выяснению отношений с использованием физической силы, а к интеллектуальному поединку между мужчинами. Ставрогина удивляет реакция Липутина, приславшего утром служанку узнать о его здоровье: «— Скажите, каким образом вы могли заранее угадать то, что я скажу о вашем уме, и снабдить Агафью ответом?

— А таким образом, что ведь и вас за умного человека почитаю, а потому и ответ ваш заранее мог предузнать»⁶. Вопреки ожиданиям, между мужем и потенциальным любовником возникает не конфликт, а обмен комплиментами, выражение взаимного уважения за ум и проницательность.

Анализ поведения героев-идеологов в любовных отношениях наводит внимание на ситуации очень сложные и неоднозначные в толковании. Например, Раскольников: с одной стороны, он трижды приходит на встречи с Соней, эти встречи происходят в комнате одинокой девушки, но «свиданиями» их можно назвать лишь с большой натяжкой. Соня для Раскольникова — не любовница; любимой женщиной в обычном понимании ее назвать трудно; в их отношениях практически отсутствуют традиционные элементы ухаживания, любование женщиной, любовные признания и т.д. С другой стороны, Раскольников ищет *свидания* со Свидригайловым, стремясь получить интеллектуальное удовлетворение от встречи с ним. Для Ивана Карамазова важные роли играют Смердяков и Черт.

⁶ Достоевский 10, 1974, 44.

Рядом со Ставрогиным вертится Петр Степанович, который ревниво устраняет всех, кто приблизился к объекту его обожания (Петр Степанович является причиной гибели Марьи Тимофеевны, Лизы Тушиной, Шатова, Кириллова). Возникают напряженные отношения между мужчинами, причем со сложным, неоднозначным психологическим рисунком. Их трудно определить одним словом: дружба? партнерство? соперничество? интерес? интеллектуальная или душевная зависимость? Возможно, последователи Фрейда предложили бы свой ответ на этот вопрос. Но и в текстах романов Достоевского можно обнаружить несколько вариантов. Ведь некоторые интеллектуальные и душевные проблемы начинают преодолеваться с физического уровня. Так, например, старец Зосима прописал монашку, страдающему от видений, сначала пост и молитву, а потом «пурганцу» порекомендовал принять. А Федор Павлович настоятельно советует сыновьям обратить внимание на женский пол. Конечно, разговор о сублимации в данном контексте далеко не нов. Но сублимация, характерная для «слишком мыслящих» героев Достоевского, — далеко не последняя причина внутренней трансформации любовного сюжета в романах русского писателя. И соответственно, в любовном треугольнике меняются вершины: «он» — «она» — и «необходимость мысль разрешить».

Несомненно, отдельного внимания заслуживают отношения, в которые включен тип «героя-мечтателя». И особого внимания, ввиду сложности соответствующих взаимоотношений, требует роман «Идиот». Но можно обозначить это как перспективы дальнейшей исследовательской работы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. 1994: Миросозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т.2. М., 7–150.
Достоевский Ф. М. 1972–1990: Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.
Мазель Р. 2009: За всех и за вся. М.
Фридлендер Г. М. 1995: Стендаль и Достоевский // Фридлендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 269–286.

PECULIARITIES OF ROMANCE SUBJECT MATTER IN F. DOSTOYEVSKY'S NOVELS

N. A. Makaricheva

The article deals with the transformation of a traditional romance subject matter in Dostoyevsky's novels. The author draws readers' attention to love collisions the hero-ideologist is involved in, and identifies the type's impact on the character of a love conflict.

Key words: Russian literature, F. Dostoyevsky, artistic world.

Ф. В. Макаричев

СТИХИЯ СУМАСБРОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ
ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию одной из интереснейших черт русского национального характера, которая проявляется в экзальтированном поведении героев, в чудачествах, алогизмах. Анализ художественных образов с данной точки зрения позволяет выявить общее в типологически далеких персонажах.

Ключевые слова: стихия, типология, национальный характер, безумие, бестолковость, страсти, пьянство, сумасбродство.

В обширной литературе о Ф. М. Достоевском предлагались различные варианты типологий героев и принципов типологизаций. Очевидно, что такая откликаемость художественного мира Достоевского на те или иные типологии свидетельствует о наличии ряда узловых тем и проблем, интересовавших писателя. Однако стремление разложить все «по полочкам» и навесить «типологические ярлыки» обнаруживает глубокую внеположность метода самому предмету исследования. Поэтому напряженный поиск адекватной художественному миру Достоевского типологии всегда будет сопровождаться «сопротивлением художественного материала», своего рода «обратным током поэтики», препятствующим какой бы то ни было систематизации. Чем жестче рамки типа, тем сильнее ощущается «сопротивление», и наоборот. Обращение к стихиям, способным проникать в тот или иной художественный образ, на наш взгляд, помогает преодолеть это сопротивление. Данная работа является попыткой обнаружить один из таких «силовых меридианов» «обратного тока» поэтики.

«Стихий» в творчестве Достоевского можно обнаружить достаточно много. Одна из наиболее интересных — стихия сумасбродства. Интересно, что в итоговом романе писателя сумасбродство с первых же страниц включается в характеристику одного из главных героев — Федора Павловича Карамазова. Оно мгновенно преображает, как бы «разуплощает» этот образ, делает его объемнее и весомее. «Федор Павлович, например, начал почти что ни с чем, помещик он был самый маленький, бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщички, а между тем в момент кончины его у него оказалось до ста тысяч рублей чистыми деньгами. И в то же время он все-таки всю жизнь свою продолжал быть одним из бестолковейших сумасбродов по всему нашему уезду. Повторю еще: тут не глупость; большинство этих сумасбродов довольно умно и хитро, — а именно бестолковость, да еще какая-то особенная, национальная»¹.

Что же такое это сумасбродство, эта «бестолковость»? Судя по составу слова, сумасбродство — некое хаотическое движение ума. Однако контекстуально су-

Макаричев Феликс Вячеславович — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета. E-mail: spbfell@mail.ru

¹ Достоевский 14, 1976, 7.

масбродство Федора Павловича претендует на статус жизненной позиции. Таким образом, сумасбродство приобретает дополнительное значение: умопомешательство по собственной воле.

В характеристике сумасбродства выделяются два важных момента: с одной стороны, утверждается его «всемство», т.е. национальный характер, с другой — подчеркивается размежевание с глупостью и безумием. О сложности самого явления можно судить еще и по тому, что оно не просто характеризует Федора Павловича, но и само конкретизируется. Федор Павлович далеко не единственный сумасброд в произведениях писателя. В творчестве Достоевского открывается целая галерея подобных натур: от наиболее ярко выраженных сумасбродов, до имеющих слабую степень, несущих на себе некий отблеск сумасбродства. Образ Федора Павловича представляет собой как бы квинтэссенцию этого явления. Возможно, именно «выбродив», как хорошее вино, это сумасбродство наиболее колоритно запечатлелось в образе отца-Карамазова.

Пристальное внимание писателя к этой пограничной с безумием области человеческой души или сознания подтверждается и в сходной характеристике сумасброда Лебядкина. Этот герой, помимо портретного сходства с Федором Павловичем, имеет и общие черты характера: «В подобных многолетних пьяницах утверждается под конец навсегда что-то нескладное, чадное, что-то как бы поврежденное и безумное, хотя, впрочем, они надувают, хитрят и плутуют почти не хуже других, если надо»². В последней характеристике проявляется часто сопутствующий сумасбродству мотив — пьянства или опьянения. Есть и другие общие черты — словотворчество, остроумие и острословие, внимание к «словечкам», социально-психологическое родство (оба героя относятся к типу «шута-приживальщика») и т.д. Можно назвать и других героев, в которых проявляются черты сумасбродства: Лебедев, Фердыщенко, Ежевикин, Фома Фомич Опискин, Лебезятников.

Вернемся к Федору Павловичу и присмотримся к его сумасбродствам. Первое яркое впечатление оставляет ситуация, связанная со смертью Аделаиды Ивановны, супруги Федора Павловича: «Бедняжка оказалась в Петербурге, куда переехала со своим семинаристом и где беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию. Федор Павлович немедленно захлопотал и стал собираться в Петербург, — для чего? — он, конечно, и сам не знал. Право, может быть, он бы тогда и поехал; но, предприняв такое решение, тотчас же почел себя в особенном праве, для бодрости, пред дорогой, пуститься вновь в самое *безбрежное пьянство* (выделено мной — Ф. М.). И вот в это-то время семейством его супруги получилось известие о смерти ее в Петербурге. Она как-то вдруг умерла, где-то на чердаке, по одним сказаниям — от тифа, а по другим — будто бы с голоду. Федор Павлович узнал о смерти своей супруги пьяный; говорят, побежал по улице и начал кричать, воздевая руки к небу: “Ныне отпускаеши”, а по другим — плакал навзрыд как маленький ребенок, и до того, что, говорят, жалко даже было смотреть на него, несмотря на все к нему отвращение. Очень может быть, что было и то и другое, то есть, что и радовался он своему освобождению, и плакал по осво-

² Достоевский 10, 1974, 208.

бодительнице — все вместе. В большинстве случаев люди, даже злодеи, гораздо наивнее и простодушнее, чем мы вообще о них заключаем. Да и мы сами тоже»³.

В этом фрагменте представлено как бы даже не одно сумасбродство, а два, причем первое (сборы Федора Павловича в Петербург с неопределенной целью, непонятно для чего) неслучайно предваряет второе (плач навзрыд и нескрываемая радость). Оно как бы психологически подготавливает, настраивает читателя на амбивалентное восприятие. Здесь все подчинено поэтике сумасбродства: «безбрежное пьянство» — его стихия, благодатная среда. Констатируется относительность всего: событий, их достоверности, мотивов поведения. И в этом «*безбрежном*» пьянстве отражается хаотическое метание души, совмещение несовместимого, но вместе с тем и сама способность отдаваться противоположным стихийным движениям души, готовность ко всякого рода «вдруг». Вывод свидетельствует о приобщенности всех и вся к этой стихии, о ее увлекающем и вовлекающем неотъемлемом свойстве.

Сумасбродство Федора Павловича — явление многомерное. Оно проявляется и в шутовстве героя: «Но действительно Федор Павлович всю жизнь свою любил представляться, вдруг проиграть пред вами какую-нибудь неожиданную роль, и, главное, безо всякой иногда надобности, даже в прямой ущерб себе...»⁴. Примечательно откровенное признание Федора Павловича, его самооткрытие: «Для того и ломаюсь, Петр Александрович, чтобы милее быть. А впрочем, и сам не знаю иногда для чего»⁵. Это безотчетная, почти животная страсть ломать шута. В ней не может разобраться и сам герой. Возможно, ее природность еще и в том, что она имеет непосредственное отношение к сладострастию.

Сумасбродство Федора Павловича — это и элемент ухаживания, как у животных, во что бы то ни стало стремящихся выделиться из группы особей, во время брачных игр. Ведь кроме «смешка рассыпчатого, звонкого, негромкого, нервного, особенного» он добивается еще и того, что в определенные минутки даже смиренная Софья ведет себя с ним как самая настоящая самка (!): «Раз Белявский — красавчик один тут был и богач, за ней волочился и ко мне наладил ездить — вдруг у меня же и дай мне пощечину, да при ней. Так она, этакая овца, — да я думал, она избьет меня за эту пощечину, ведь как напала: “Ты, говорит, теперь битый, битый, ты пощечину от него получил! Ты меня, говорит, ему продавал... Да как он смел тебя ударить при мне! И не смей ко мне приходить никогда, никогда! Сейчас беги, вызови его на дуэль...”»⁶.

Стоит отметить, что Федор Павлович небезоснователен в подобном «сумасбродном» отношении к женщинам. Думается, что повод для такого поведения дают сами женщины. Убеждает в этом пример с «романтическим увозом» Аделаиды Ивановны. Можно предположить, что и Грушенька могла давать повод Федору Павловичу рассчитывать на взаимность, ведь логика планируемого Митей увоза Грушеньки во многом повторяет сюжет с Аделаидой Ивановной. Мите приходится как бы «тягаться» с Федором Павловичем в сумасбродстве. И Дмитрий Федорович, по признанию отца, выигрывает лишь за счет возраста.

³ Достоевский 14, 1976, 9–10.

⁴ Там же, 11.

⁵ Там же, 39.

⁶ Там же, 126.

Грушенька относится к ярким сумасбродным женщинам у Достоевского. К ним можно отнести еще Катерину Ивановну («Преступление и наказание»), Настасью Филипповну и мадам Хохлакову, чье сумасбродство достигает каких-то гиперболических, гротескно-пародийных размеров. Экзальтированные женщины всегда производят сильное впечатление на мужчин. Дмитрий восхищенно называет Грушеньку «тигром». Тоцкий и Рогожин зачарованы поведением Настасьи Филипповны, поэтому возгласы: «Сумасшедшая!» не заглушают других слов: «Колоритная женщина!» (Тоцкий), «Королева!» (Рогожин). Может, потому она и колоритна, что способна на сумасшествие. Сумасбродство Грушеньки тоже, без сомнения, распаляло мужчин — отца и сына Карамазовых. Более того, Грушенька относится еще и к «пьяно-сумасбродным» натурам. Хороша у нее скверна во хмелю: «Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие».

Сумасбродство же Федора Павловича не исчерпывается брачными играми, оно простирается намного дальше. Этот герой как бы безгранично расширил сферу интимного. Показателен его рассказ о старце Зосиме. Ощущая эстетическое убожество старца, Федор Павлович старается напитать плотью образ Зосимы, привить старцу плотские вожделения, сделать его ближе, человечнее: «Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы тебя питавшие, — сосцы особенно!»⁷. Федор Павлович как будто провоцирует Зосиму на сумасбродство. Старец ему чем-то нравится, как-то привлекает. Неслучайно Федор Павлович разыгрывает перед ним целый шутовской спектакль и по окончании выдает «похвальный лист». И Зосима прощается с Федором Павловичем с «веселым лицом», заочно благословляя «рассказ про Дидерота» и прочие чудачества героя. Старец Зосима не оскорбился «живостью», не «погнушался», — и не стал ханжой в глазах Федора Павловича. Оба оказались способными оценить друг друга. Зосима — глубину шутовства Федора Павловича, Федор Павлович — остроумие старца.

Показательны и другие «художественные зарисовки» в авторстве Федора Павловича: о «монастырских женах», о порке «мокрых девок», о «несовершенствах веры» остроумного Зосимы. Последняя наиболее колоритна: «...Слушай, Алеша, я старцу твоему давеча грубость сделал. Но я был в волнении. А ведь в старце этом есть остроумие, как ты думаешь, Иван?

— Пожалуй что и есть.

— Есть, есть, il y a du Piron la-dedans. Это иезуит, русский то есть. Как у благородного существа, в нем это затаенное негодование кипит на то, что надо представляться... святыню на себя натягивать.

— Да ведь он же верует в бога.

— Ни на грош. А ты не знал? Да он всем говорит это сам, то есть не всем, а всем **умным** людям, которые приезжают. Губернатору Шульцу он прямо отрезал: credo, да не знаю во что.

— Неужто?

— Именно так. Но я его уважаю. Есть в нем что-то мефистофелевское или, лучше из «Героя нашего времени»... Арбенин али как там... то есть, видишь, он сладострастник; он до того сладострастник, что я бы и теперь за дочь мою побоялся аль за жену, если б к нему исповедоваться пошла. Знаешь, как начнет рас-

⁷ Достоевский 14, 1976, 40.

сказывать... Третьего года он нас зазвал к себе на чаек, да с ликерцем (барыни ему ликер присылают), да как пустился расписывать старину, так мы животики надорвали... Особенно как он одну расслабленную излечил. «Если бы ноги не болели, я бы вам, говорит, протанцевал один танец». А, каков? «Наафонил я, говорит, на своем веку немало». Он у Демидова-купца шестьдесят тысяч тяпнул.

— Как, украл?

— Тот ему как доброму человеку привез: «Сохрани, брат, у меня назавтра обыск». А тот и сохранил. «Ты ведь на церковь, говорит, пожертвовал». Я ему говорю: подлец ты, говорю. Нет, говорит, не подлец, а я широк... А впрочем, это не он... Это другой. Я про другого сбился... и не замечаю. Ну вот еще рюмочку, и довольно; убери бутылку, Иван. Я врал, отчего ты не остановил меня, Иван... и не сказал, что вру?»⁸.

Федор Павлович, конечно, увлекается, он не знает меры в разгуле фантазии. Но вместе с тем остается впечатление, что он как будто знает, о чем говорит. В этой «лжи» проступают «обрывки миров иных». В несколько искаженной форме здесь слышатся отголоски рассказа Зосимы о своем офицерском прошлом, которого Федор Павлович слышать не мог. И здесь уместна цитата из А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»⁹ Как Митя познает всю Грушеньку по одному лишь «изгибу», так и Федор Павлович по одной мимолетной черточке (будь то «физиономия», «смешок», улыбка или «остроумие») способен постичь и художественно завершить «другого». И его прозорливость поражает!

«Затаенное негодование» — это бунт собственного я, творческая активность жизни, утверждение права на *инакомыслие*. А может быть, проблема здесь в разных речевых жанрах? Не всем же по вкусу *житие* старца Зосимы. Вот как иначе, возможно, история Зосимы могла быть пересказана художественно... Поэзию этих пьяно-юродивых пророчеств хорошо иллюстрируют следующие строки из Верлена:

Цена слова как можно строже,
Люби в них странные черты.
Ах, песни пьяной что дороже,
Где точность с зыбкостью слиты!

Федор Павлович изо всех сил пытается «втянуть» Зосиму в художественное пространство, где почти по-рыцарски жалует его любым сумасбродством, буквально навязывает ему способность на подобные душевные проявления. И в конце концов сам же вынужден с сожалением констатировать свое художественное увлечение, признать эстетическую несостоятельность старца.

Это же сожаление окрашивает рассказ о «монастырских женах». «Поучения» Федора Павловича сыновьям касаются не только отношений к женщинам, но и — шире — эстетического развития, эстетических ориентаций. Если верить Максиму Горькому в том, что «мерило всякой цивилизации — способ отношения к женщине», то способов этих у Федора Павловича — много! Это умение в каждой женщине «отыскать такое, что только диву даешься на прочих дураков» — внимание к художественной детали, к каждой черточке, изгибу телесному и ду-

⁸ Достоевский 14, 1976, 124–125.

⁹ Ахматова 1989, 223.

шевному, прививка плотью. Это преклонение, а не страх перед воплощенностью! Вспоминается недоумение старого князя Сокольского на брезгливо-презрительное отношение к женщинам Подростка: «Да ведь от женщины яблоком пахнет!»! Вероятно, в творчестве Достоевского уже тогда начались наставления подростков на путь истинный, но потом как-то заглохли (зачахли). Вообще самое здоровое отношение к женщинам демонстрирует, как это ни странно, Разумихин — все эти хлебосольные Пашеньки, Настасьишки с их «перинным началом» в духе палеолитических Венер. Но даже и он в конце соблазняется «барышней бледной» Дуней. Какой-то «комплекс Онегина». Инфантильная фобия «обломовщины».

Самоотверженное жизнелюбие — вот что наиболее полно отражает взаимосвязь многих героев-шутков в сумасбродстве! Потому зачастую и невнимательны они к своим близким, да и к себе, порой, тоже. Ведь творцы, словно беременные женщины, — заботятся только о своем плоде, в данном случае плоде художественного воображения. Известны случаи, когда люди, самоотверженные в творчестве, в жизни оставались закоренелыми филистерами (например, Гете).

Сумасбродство Федора Павловича — явление настолько многомерное, что не исчерпывается лишь своей природной сущностью, пусть и очень глубокой. Оно имеет еще и эстетическое измерение, а быть может, и этическое. Это еще и страх окончательного воплощения, боязнь и бегство этого воплощения, т.к. оно подобно смерти. Это утверждение своей принципиальной неслиянности с собственной данностью, наличностью: «Алеша, веришь, что я не всего только шут?», — вопрошает Федор Павлович. Ему мало быть «всего только шутом». Сумасбродство Федора Павловича проявляется в шутовстве, но не исчерпывается им, стремится за пределы этой роли. Потому и так много определений у его шутовства. Для героя важно выйти за грани любого «мертвого» определения, оказаться не равным самому себе. Это напряженная борьба формы и содержания: «Знаете, благословенный отец, вы меня на натуральный-то вид не вызывайте, не рискуйте... до натурального вида я и сам не дойду. Это я, чтобы вас охранить предупреждаю. Ну-с, а прочее все еще подвержено мраку неизвестности, хотя бы некоторые и желали расписать меня»¹⁰. Это подлинно художественное отношение к собственной жизни. И, возможно, сумасбродство Федора Павловича состоит еще и в том, что герой переносит законы искусства в жизнь.

Но ведь и христианские идеалы в категориях разума и по меркам практической жизни — в какой-то степени также сумасбродство! А известная формула Достоевского «остаться с Христом вне Истины» — его экстракт. Возможно, идеологизирование, шутовство, христианское подвижничество представляют ценность (по Достоевскому) как разные формы сумасбродства? И только в форме сумасбродства и имеют ценность? Тогда по праву можно говорить о поэтике сумасбродства у Достоевского как о «предстоянии себе в смысле» (М.М. Бахтин), бунте духа, наконец, о романтическом отрицании формы. «Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, так вот «давай же я и в самом деле сыграю шута, не боюсь ваших мнений, потому что все вы до единого подлее меня!»¹¹, — декларирует Федор Павлович.

¹⁰ Достоевский 14, 1976, 40.

¹¹ Там же, 41.

Но если Федор Павлович — «экстракт» сумасбродства, то образ мужиковатого Лягавого-Горсткина, возможно, представляет «концепт» его. Так, по-чеховски емко, бред этого героя отражает карамазовское сумасбродство. « — Позвольте, видите... я... вы, вероятно, слышали от здешнего сторожа в той избе: я поручик Дмитрий Карамазов, сын старика Карамазова, у которого вы изволите рощу торговать...

— Это ты врешь! — вдруг твердо и спокойно отчеканил мужик.

— Как вру? Федора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Федора Павловича не изволю знать, — как-то грузно ворочая языком, проговорил мужик.

— Рощу, рощу вы у него торгуете; да проснитесь, опомнитесь. Отец Паисий Ильинский меня проводил сюда... Вы к Самсонову писали, и он меня к вам прислал... — задышался Митя.

— В-врешь! — отчеканил опять Лягавый.

У Мити похолодели ноги.

— Помилосердуйте, ведь это не шутка! Вы, может быть, хмельны. Вы можете же, наконец, говорить, понимать... иначе... иначе я ничего не понимаю!

— Ты красильщик!»¹².

Последняя короткая реплика Горсткина могла бы развернуться в целый карамазовский сюжет или роман. Герой как бы не удосуживает прояснить свою полную пьяного сумасбродства и в то же время глубоко символичную сентенцию о Дмитрие Карамазове. Ведь типаж Миколки-красильщика, в который он записывает Дмитрия (с его надуманно-выделанным покаянием), — это какой-то пьяно-юродивый «метастаз» из «Преступления и наказания»!

Корни сумасбродства, своего рода его наиболее подробное «теоретическое» обоснование можно обнаружить в «Записках из подполья». «Неспособность кем-то сделаться», утверждение своеволия героя — это бунт против данности, творческая активность жизни. Отголоски этой интенции различимы уже в «Преступлении и наказании». Само преступление Раскольникова — это бунт, «жизнетворческий акт», хотя сумасбродство героя, на наш взгляд, проявляется не только в этом. Точнее, сумасбродство Раскольникова может иметь разные измерения. Например, когда он отдается воле сердца — помогает оскорбленной девочке, отдает последние деньги семье Мармеладова, — он оказывается во власти стихии сумасбродства с точки зрения его идеи. Но его идея — еще одна ипостась сумасбродства, бунт против системы Лужина, неистовое требование «всего капитала разом», стремление выделиться из массы себе подобных, творческая активность жизни! Стать как все, слиться со средой, умереть в ней — немыслимо для творческого героя Достоевского.

В какой-то степени сумасбродство может быть мерилom художественности. Ведь в известном смысле подлинная художественность — это сложное, напряженное взаимодействие стихий выраженности и невыраженности в образе, их борьба и гармония. Возможно, и эстетическая проблема Ивана Карамазова кроется в том, что план выраженности его «высказывания» воплотился в поступке Смердякова, и это внесло очевидный диссонанс в художественность. Иными словами, «сказка

¹² Достоевский 14, 1976, 341–342.

стала былью» и перестала быть сказкой, а метафизический бунт обернулся пошлым бытовым поступком. Смердяков мог бы воспринять поэму о Великом Инквизиторе как инструкцию, да и как иначе способен ее понять прихотливый любитель «Истории Смарагдова» да наставлений «Исаака Сирина». Творчество — это наследственная черта Ивана, боящегося собственных воплощений, как Черта, но одновременно судорожно рефлексирующего по поводу этой боязни. Эта бесконечная саморефлексия убивает способность Ивана к сумасбродству. И хотя на суде он договаривается до «белой горячки», но его болезнь уже граничит с сумасшествием. Сумасшествие же имеет не столько эстетическое, сколько клиническое измерение.

Подобным же образом заканчивает идеологический предшественник Ивана Карамазова, Николай Ставрогин в «Бесах». Он хотя и остается в полном рассудке, однако накладывает на себя руки отчасти из-за патологической неспособности к сумасбродству. Этот «премудрый змий» со «слабыми, не могущими руководить желаниями» как бы расписывается в собственной жизненной импотенции. Любой сумасбродный поступок оппонента, алогизм ставят его в тупик, — как, например, признание Тихона в несовершенстве собственной веры или шутовство Липутина. В эстетической системе представлений Липутина Ставрогин занимает более чем скромное место: он какой-то «петушок». Липутин видит его насквозь и читает как скучную малохудожественную книгу; ему больше по душе словообразы капитана Лебядкина, за творчеством которого он пристально следит, иногда соавторствует. Предсказуемость и отсутствие сумасбродства делают Ставрогина в глазах Липутина ничемным персонажем. И когда Варвара Петровна обращается к нему как к опытному сердцеведу с вопросом об умственном здоровье Николая Всеволодовича, Липутин безжалостно констатирует его умственное здоровье (некую даже стерильность ума), что звучит как смертельный диагноз.

Не ошибается и Тихон. Слова этого старца, обращенные к Ставрогину («... не подготовлены, не закалены, не справитесь») можно интерпретировать и так: не ваш совсем жанр (напомню, Тихон внимателен, чуток к *слогу* Николая Всеволодовича — Ф.М.), не справитесь, не ваша стихия, вы в ней захлебнетесь. Надо стать шутом, чтобы чувствовать себя как рыба в воде в стихии смеха, которую он на себя навлекает. «Приличное белье» и «повадки светского человека» неизбежно потянут Ставрогина ко дну. Этот персонаж слишком романтичен, оторван «от почвы» (да и русский ли он герой?)¹³, чтобы опуститься до шутовства. Ему ведомо но едва ли в полной мере доступна лишь одна стихия — духовная. Душевной стихии этот герой как бы не ведает, он ее лишен. А потому все душевное у него вырождается в «организм». Для сравнения: у Федора Павловича все душевное «оплотнено»: даже сердце — и то «в горле трепещется», а на Алешку «утроба радуется». Ставрогин — холодный бестелесный монументальный истукан, наподобие статуи Феликса Дзержинского, и потому расстаться с телом для него так мало значит.

¹³ «Да я Ивана не признаю совсем. Откуда такой появился? Не наша совсем душа <....>. Но Иван никого не любит, Иван не наш человек, эти люди, как Иван, это, брат, не наши люди, это пыль поднявшаяся... Подует ветер и пыль пройдет...» (Т.14, с. 159), — замечает Федор Павлович обо всех этих «идеологических братьях», поднимаясь в своих сравнениях до высоких библейско-поэтических образов.

Даже Петр Степанович Верховенский в том же романе остро ощущает нехватку сумасбродства в объекте собственного обожания.

То же самое сказывается в отношениях Ставрогина с женщинами. В своей статье, посвященной анализу женско-мужских отношений в романах Достоевского, А. П. Власкин утверждал¹⁴, что Ставрогин, в отличие от Мышкина, ничьих интимных ожиданий не обманывает. Признавая ценность этого наблюдения, позволим отчасти с ним не согласиться. Пожалуй, именно женщины наиболее остро ощущают неспособность мужчины на сумасбродство. Ставрогин, конечно, ничьих «интимных ожиданий не обманывает», но в то же время он так и остается в роли какого-то фаллоимитатора (Приапа-дефлоратора). Женщины первыми безошибочно угадывают в Ставрогине «разбитую колоду», душевного импотента. Даже Марья Лебядкина, хотя и сама в полном смысле сумасшедшая, ожидает от Ставрогина каких-то сумасбродств. При этом само ее естество (женственность) восстает на каменного истукана мысли Ставрогина. Ведь женщины скорее почтят знаком внимания неспособного жениться Мышкина, несущего ахиною о католицизме и атеизме в гостиную Епанчиных, чем соблазнятся образом пресловутого «мачо», «астролома» и гиганта мысли, потому что все-таки больше «любят ушами», и ушами любят слушать сумасбродства, поверим Федору Павловичу здесь на слово¹⁵.

Разумеется, в некоторых поступках Николая Всеволодовича (укушение уха или вождение за нос) можно усмотреть признаки сумасбродства, учитывая эпатажность его поведения. Но действительно ли это сумасбродство? Оно во многом прихотливое, с уклоном в интеллектуальность. Ставрогин не может всецело отдаться стихии сумасбродства, как, впрочем, и любой иной стихии. Поэтому многие его выходки — это, скорее, художественно разыгранный скандал, чем сумасбродство.

На фоне многих героев-сумасбродов или претендующих на сумасбродство особо выделяется образ Мышкина как «положительно-прекрасного человека». В ряде сюжетных ситуаций «Идиота» он у Достоевского — не меньший сумасброд, чем Федор Павлович в последнем романе. С тою лишь разницей, что Федор Павлович будет сумасбродить как для других, так и для себя («Вдруг взял да и свез в монастырь тысячу рублей на помин души Аделаиды Ивановны»), а Мышкин сумасброден лишь в глазах окружающих. Его поведение окрашено еще и в дон-кихотовские тона. Ну разве не сумасбродно его «желание» жениться на Настасье Филипповне в глазах, например, Тоцкого? Или его диалог со швейцаром, у которого он испрашивает разрешение покурить в приемной Епанчиных?

¹⁴ Власкин 2008.

¹⁵ Хотя и не одному Федору Павловичу поверим. У Эразма Роттердамского, например, находим: «Истине самой по себе свойственна неотразимая привлекательная сила, если только не примешивается к ней ничего обидного, но лишь одним дуракам даровали боги умение говорить правду, никого не оскорбляя. Пожалуй, по тем же причинам и женщины отдают предпочтение мужчинам этого сорта, ибо они больше других склонны к забавам и всякому вздору» (Эразм Роттердамский 1983, 104). В другом месте: «В глупости женщины — высшее блаженство мужчины. Этому, конечно, не станет прекословить тот, кто вспомнит, какую чушь привыкли нести мужчины в любовных беседах и каких только дурачеств они не совершают, лишь бы заставить женщину уступить их вожделению» (Эразм Роттердамский 1983, 72).

А чем, как не сумасбродством, представляется Евгению Павловичу готовность Мышкина любить двух женщин — Настасью Филипповну и Аглаю Епанчину?

Сумасбродства Мышкина наивно-простодушны, они добавляют ему обаяния в глазах окружающих. Это сумасбродства «в высшем смысле»! Но и выступления на религиозно-политическую тему в гостиную Епанчиных нисколько не умаляют этот образ. Они делают его человеческим, а потому и подлинно художественным.

Стихия сумасбродства, таким образом, способна проникать в характеры героев очень различных, типологически отдаленных. И это влияет на формирование особой поэтики Достоевского, отражающей стихийность русского национального характера, стихийность человеческой природы вообще.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А. 1989: Лирика. М.

Власкин А. П. 2008: Мужское и женское: перспективы непонимания в художественной среде Достоевского // ПИФК. XIX, 450–458.

Достоевский Ф. М. 1972–1990: Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.

Эразм Роттердамский 1983: Похвала глупости. М.

EXTRAUVAGANT ELEMENT IN DOSTOYEVSKY'S ARTISTIC WORLD

F. V. Makarichev

The article deals with a most engaging trait of Russian character that manifests itself in exalted, freakish, and alogical behavior of the personages. The study of literary images from this viewpoint makes it possible to reveal common features of typologically distant personages.

Key words: Russian literature, F. Dostoyevsky, artistic world.

МИФОСЮЖЕТ ОБ «ОТЦЕ-ТИРАНЕ» И «СЫНЕ-ОСВОБОДИТЕЛЕ»
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 1860-Х ГГ. И РОМАН
М. Е. САЛТЫКОВА ЩЕДРИНА «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»

Автор утверждает, что семантической доминантой, определяющей щедринское прочтение текста прошлого России, является эпоха Николая I. Мифосюжеты о братьях-врагах и противостоянии Отца-Тирана Сыну-Освободителю в русской мифологии истории проецируются на взаимоотношения Александра I, Николая I и Александра II. В политической истории России это мифологическое противостояние было вписано в традицию развертывания-свертывания либеральных реформ (от либерального Александра I — через закоренелого консерватора Николая I — к великому реформатору Александру II). Но Салтыков-Щедрин исподволь подводит читателей к выводу, что «отец» и «сын», «тиран» и «освободитель», «реакционер» и «либерал» — одно и то же.

Ключевые слова: русская литература, М. Е. Салтыков-Щедрин, власть, мифология, история России,

«История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина внутренне сориентирована на историю России. Конечно, нельзя ставить знак равенства между глуповскими «обывателями» и русским народом. Но в то же время нельзя отрицать и тот очевидный факт, что важнейшие особенности мировоззрения и семантика поступков глуповцев, противопоставляющих «энергии действия» своих «начальников» собственную «энергию бездействия», «бунт на коленях»¹, обусловлены поведенческими стереотипами и табуициями, содержащимися в традиционной политической культуре русских. Все события «Истории одного города» так или иначе ориентированы, повторяют семиотически отмеченные в историческом плане, т. е. значимые для русской истории события. А действия глуповских градоначальников воспроизводят ставшие парадигматическими действиями русской власти поступки-подвиги русских царей. И совершенно не случайно число русских царей, формально правивших Россией со времен первого венчанного на царство русского царя Ивана Грозного до выхода в свет «Истории одного города», совпадает с числом глуповских Властителей («всего же числом двадцать два, следовавших непрерывно, в величественном порядке...»)².

Для понимания щедринского способа дешифровки текста прошлого России немалое значение имеет установление семантической доминанты. Сошлемся на замечательную статью Б. А. Успенского «История и семиотика», в которой дается определение понятия семантической доминанты. Отметив, что история — это прежде всего осмысление прошлого, а историческое сознание предполагает обратный ход мысли: от настоящего к прошлому, исследователь проводит парал-

Постникова Екатерина Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. E-mail: ekaterinapost@mail.ru

¹ Салтыков-Щедрин 1973, 338.

² Там же, 268.

лель между нашим восприятием исторического времени и восприятием времени в сновидениях. Парадоксальным образом оказывается, что все предшествующие события сновидения спровоцированы его финалом. Аналогично «семиотически отмеченные события заставляют увидеть историю, выстроить предшествующие события в исторический ряд». «Так образуется исторический опыт — это не те реальные знания, которые постепенно откладываются (накапливаются) во времени, по ходу событий, в поступательном движении истории, а те причинно-следственные связи, которые усматриваются с синхронной (актуальной для данного момента) точки зрения <...> Таким образом прошлое переосмысливается с точки зрения меняющегося настоящего», — утверждает исследователь³.

Под «семантической доминантой», вслед за Б. А. Успенским, мы будем понимать знаковое событие, которое сразу освещает все «предшествующие события — оставшиеся в нашей памяти, — определяя их прочтение, т.е. мгновенно соединяя их причинно-следственными связями, мгновенно сцепляя в сюжетный ряд»⁴. Для нас важно определить, что же стало такой семантической доминантой для Щедрина. Какое событие или, может быть, целая эпоха повлияли на его восприятие, отбор исторических фактов и прочтение прошлого в перспективе настоящего?

Одной из ведущих тем «Истории одного города» является тема психологического и физического рабства, «рабского сознания». Выбор темы определен общественно-политическим дискурсом эпохи Великих реформ. Считаем уместным здесь напомнить, что время расцвета творчества Щедрина совпало с эпохой обширных социальных трансформаций, инициированных правящей элитой. Александровская эпоха стала «лиминальным» периодом в истории русского общества. Традиционная русская жизнь подверглась революционной перестройке («революция сверху»), а традиционный социальный космос — «пересозданию». Социальное пространство, как и время, оказалось раздроблено, разведено по двум аксиологически полярным полюсам, между которыми пролегла настоящая пропасть. При этом непосредственное прошлое (время отцов) понималось как «порочное», «проклятое», иррациональное. Тогда как будущее, пореформенное пространство мыслилось как «светлое», блистательное, новорожденное, пересозданное. В исторически ангажированном публичном дискурсе определение недавно ушедшей эпохи Николая II как эпохи «произвола» и «насилия» стало доминантой политической риторики. Забегая вперед, мы можем предположить, что Щедрин не подпадает под обаяние «помпезной» риторики новоявленных блестящих реформаторов, иронизирует над их благоприобретенной прогрессивностью, и в событиях настоящего видит проявление вечно живого прошлого.

На наш взгляд, М. Е. Салтыков-Щедрин навсегда остался «загипнотизированным» эпохой Николая I, эпохой рабства, которое «в крови» русского человека. Именно история Николаевского царствования стала той самой семантической доминантой, которая определила особенность прочтения Щедриным текста прошлого России. Правление Николая — «палочника» (Николая — «вешателя») повлияло на отбор и интерпретацию сатириком реальных исторических событий, так или иначе отраженных в «Истории одного города», в том числе и на автор-

³ Успенский 1996, 73.

⁴ Там же, 72.

ское прочтение легенды о «призвании варягов на Русь». С этой точки зрения все прошлое России оценивается как планомерно ведущее к «рабству», «произволу» и «насилию» предыдущего царствования. В «Истории одного города» на эпоху Николаевского царствования ориентирована глава «Подтверждение покаяния. Заключение», а в образе ее главного героя — последнего из описанных Щедриным достославных градоначальников Угрюм-Бурчеева — с легкостью узнавался современниками «неудобозабываемый» Николай I. Для нашего исследования важно, что проанализированная нами глава «О корени происхождения глуповцев» была написана последней и напечатана в 1870 г. в «Отечественных записках» после главы об Угрюм-Бурчееве. Таким образом, эти главы стали началом и концом глуповской истории. Если в главе «О корени происхождения глуповцев» «начались исторические времена», то в главе «Подтверждение покаяния. Заключение» исторические времена заканчиваются («История прекратила течение свое. Конец»)⁵. Таким образом, эти главы соотносятся между собой как исток и итог, как исходная точка и заключение. Так как прошлое естественным образом влияет на настоящее и будущее, обе эти главы, как и вся «История одного города», важны для понимания оценки Щедриным современной ему эпохи и его пророчеств о будущем.

Здесь считаем необходимым указать на некоторые мифологемы, активно используемые либеральной и радикальной риторикой шестидесятых для популяризации ведущих идеологий своего времени. Для нас важно установить, какие из них и с какой целью использовал в своем творчестве М. Е. Салтыков-Щедрин. Начнем с типичного. Вот, к примеру, в речи П. В. Павлова, обращенной к собранию Литературного фонда 2 марта 1862 г читаем: «Россия прожила тысячелетие. По прошествии этого длинного периода на наших глазах совершается событие огромной важности: высочайший манифест 19-го февраля открывает свою печальную историческую процессию похорон старого, рабовладельческого порядка вещей. У ног наших разверзается великая могила, готовая принять труп отжившей страны; за плечами нашими пора рабства; перед нами неизвестное будущее»⁶. В этой цитате наглядным образом представлены основные мифологемы и архетипы, подключаемые мыслящей элитой к недавнему прошлому страны. С прошлым России связаны образы рабства (рабовладения), похорон, могилы, трупа. Основная идеологема здесь: рабовладение в России отменено навсегда. Будущее пока неизвестно. Мифологема, являющаяся обратной стороной данной идеологемы, ее чувственным инобытием, может быть описана так: рабовладельческая Россия умерла, ее хоронят в «великой могиле», скидывая туда «труп отжившей страны». Будущее таинственно.

Сам М. Е. Салтыков-Щедрин впервые использовал образ похорон старого, похоронной процессии в финале сделавших его знаменитым «Губернских очерков» в 1856 г.: «Разве вы не видите, разве не понимаете, что перед глазами вашими проходит похоронная процессия?

— Но кого же хоронят? Кого же хоронят? — спрашиваю я, томимый тоскливым предчувствием.

— *Прошлые времена хоронят*, — отвечает Буеракин ...»⁷.

⁵ Салтыков-Щедрин 1973, 277, 423.

⁶ Лемке 1908, 10.

⁷ Салтыков-Щедрин 1973, 468.

Это место из «Губернских очерков» прокомментировал Н. А. Добролюбов, выразив позицию радикального крыла демократического лагеря, пытавшегося сорвать правительственные реформы: «Дальше как в прошлом году сам господин Щедрин *похоронил прошлые времена*. Но вот опять все *покойники оказались живехоньки* и зычным голосом отозвались в третьей части Очерков и в других литературных произведениях последнего времени⁸. Мы видим, что в демократическом публичном дискурсе популярный в риторике шестидесятых образ похорон прошлого, образ Трупa трансформируется в образ ожившего покойника, или *Живого Мертвеца*.

В чуть не прервавшей журналистскую и политическую карьеру Д. И. Писарева статье «О брошюре Шедо-Ферроти» (1862 г.) читаем: «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти <...> То, что *мертво и гнило*, должно само собою *свалиться в могилу* нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью их *смердящие трупы*»⁹. Для нас важно, что «свалиться в могилу», по мнению Писарева, должно не только «отжившее прошлое», но самодержавие вообще. В статье содержится выпад против царя-освободителя, проводящего либеральные реформы Александра II: «Посмотрите на Александра II: в его личном характере нет ни подлости, ни злости, а сколько подлостей и злодеяний уже на его совести. Кровь поляков, кровь мученика Антона Петрова, загубленная жизнь Михайлова, Обручева и других, нелепое решение крестьянского вопроса, истории со студентами, — на что не погляди, везде или грубое преступление, или жалкая трусость. Слабые люди, поставленные высоко, легко делаются злодеями. Преступление, на которое никогда не решился бы Александр II как частные человек, будет непременно совершено им как самодержцем всея Руси»¹⁰. Как мы видим, демократическая журналистика не связывала образ «счастливого будущего» с эпохой Александра-освободителя, и в этом она не совпадала с общим тоном реформаторского дискурса.

А. И. Герцен, искренне радовавшийся тому, что Николай I, этот «тяжелый тиран в ботфортах», наконец-то «зачислен по химии», в 1858 г. на его сына Александра II проецировал популярный на Руси архетип Батюшки-Царя («Говорят, теперешний царь — *добр. Может быть, того свирепого гонения, которое составляет характер прошлого царствования*, нет, и мы первые душевно рады повторить это»), а на старое окружение его отца — образ «злых бояр», вредящих молодому Царю: «Но ведь этого и не захотят закоренелые в *рабстве* слуги Николая. Они погубят Александра — и как жаль. Жаль за его доброе сердце, за веру, которую мы в него имели, за слезы, которые он несколько раз проливал»¹¹. Здесь мы видим ставшее общим местом публицистического дискурса эпохи Великих реформ противопоставление прошлого царствования (рабства) царствованию будущему (свободному). В конце пятидесятых годов питающий либеральные иллюзии по отношению к Александру II Герцен в своих статьях в «Колоколе» и «Полярной звезде» частенько воскрешал древний мифосюжет о Сыне (Герое-освободителе;

⁸ Добролюбов 1962, 150.

⁹ Писарев 1955, 126.

¹⁰ Там же, 123.

¹¹ Герцен 1958, 16–17.

Царе-Избавителе), отрицающем Отца-Тирана, узурпатора власти. В цитированной уже статье «Крещеная собственность» (1858) читаем: «Есть дела, в которые честные люди не мешаются, есть союзы, которые пятнают, *которые шли Николаю и отвратительны для Александра*»¹². В статье «Сербы и черногорцы» (1860 г.), поднимая польский вопрос, Герцен в последний раз использует это мифологическое противопоставление древних образов (Отца-Тирана — Сына-Освободителя): «Мы считаем Александра II, даже после всех его ошибок, после того как он упал до пояса в Австрию, — лучшим из всех романовских Меровингов <...> *Что же сделал для Польши Александр II? Сыну шло, было прилично покрыть чем-нибудь черную память страшного отца*, устроить ему кротостью и льготами прощение, заставить забыть его»¹³. Но уже в 1861 г. Герцен приходит к страшному для себя выводу, что Сын и Отец — одно: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской ... как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем <...> не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе. Он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги»¹⁴. И в конце концов, в публицистике Герцена 1862 года образы Отца и Сына (Николая I и Александра II) окончательно сливаются, и на них начинает проецироваться фольклорный образ живого мертвеца. Оказывается, что Царь-реформатор содержит в себе Отца-тирана — вечно живого мертвеца: «Видно, николаевщина была *схоронена заживо* и теперь *встает из-под сырой земли*, в форменном саване, застегнутом на все пуговицы»¹⁵.

Пессимистический вывод русской демократии о том, что Отец и Сын (Тиран и Освободитель; реакционер и либерал) — одно, разделял, скорее всего, и Салтыков-Щедрин. Это выдается хотя бы в соотношении образов Грустилова (гл. «Поклонение мамоне и покаяние») и Угрюм-Бурчеева (гл. Подтверждение покаяния. Заключение»), на первый взгляд, совершенно не имеющих ничего общего. Установлено, что глава «Поклонение мамоне и покаяние» построена в основном на сатирическом переосмыслении Щедриным некоторых исторических материалов о царствовании Александра I (Встреча Александра и Крюднер, деятельность секты Татариновой, ссылка академика Лабзина и т. д.). Тогда как образ Угрюм-Бурчеева внутренне ориентирован на его «преемника» Николая I. Для современников не составило большого труда идентифицировать щедринского «властного идиота». Внешность героя, его манера одеваться и стремление устроить общество на военный манер по типу одной общей казармы выдает внутреннюю его связь с Николаем I. С другой стороны, в аккуратных домиках с палисадниками, в которые глуховцев загоняет новый градоначальник, узнаются военные поселения Аракчеева. Некоторые особенности портрета, такие как «холодные», властные, «стальные» глаза и развитая нижняя челюсть («бульдोजья челюсть»), застегнутый на все пуговицы мундир — стали доминантными устойчивыми признаками портрета Николая I в либерально-демократической литературе. Так, к примеру, у Герцена

¹² Герцен 1958, 16.

¹³ Там же, 356.

¹⁴ Там же, 374.

¹⁵ Там же, 536.

читаем: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; нет лица, которое так беспощадно бы обличало характер человека, как его лицо. Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая за счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное — глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза»¹⁶. У Щедрина сказано: «Это мужчина среднего роста, с каким-то деревянным лицом, очевидно никогда не освещавшимся улыбкой <...> Глаза серые, впавшие, осененные несколько припухшими веками; взгляд чистый, без колебаний; нос сухой, спускающийся от лба почти в прямом направлении книзу; губы тонкие, бледные, опущенные подстриженной щетиной усов; челюсти развитые, но без выдающегося выражения плотоядности, а с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам <...>. Одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы»¹⁷.

Конечно, Щедрина интереснее было бы выразить свое отношение к нынешнему царствованию, либеральному правлению царя-освободителя Александра II. Но скорее всего, он не мог этого сделать по цензурным соображениям. Внутреннюю преемственность, тесную связь между русским консерватизмом и русским либерализмом в их самодержавном варианте Щедрин показывает в образах «либеральнейшего» из глуповских правителей Грустилова и «реакционнейшего» Угрюм-Бурчеева. Более детальный анализ обнаруживает, что меланхолический Грустилов, при всем его сходстве с сентиментальным Александром I, выбрал в себя черты Николая I (например, любовь «кушать чай на лоне природы» в разнообразных беседках и павильонах), тогда как некоторые идеи и поступки «административного василиска» Угрюм-Бурчеева взяты из текста императорского поведения либерального Александра I. Об этих властных и исторических парадоксах современный исследователь пишет: «Но именно Николай I застроил весь Петергоф разными беседками и павильонами, в которых обожал кушать чай на природе, окруженный многочисленным семейством. И именно бесчеловечный Николай окончательно уничтожил военные поселения, придуманные его человеколюбивым братом. И именно Аракчеев на коленях умолял Александра не строить военные поселения. И именно Александр произнес фразу о том, что военные поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова»¹⁸.

Как нам кажется, здесь Щедрин пытается разрушить бинарную мифологическую систему, характерную для реформаторского дискурса. Герой-спаситель (Александр) оказывается ничем не лучше Тирана-монстра (Николая). Дело в том, что, мифологизируя образы реальных исторических деятелей (Александра I, Николая I и Александра II), общественно-публицистический дискурс действует по законам массового сознания. При этом исторические персонажи подводятся под некий эталонный образец, им буквально навязывается определенная роль, как навязана была сложной исторической личности Николаю I роль «тяжелого тирана в ботфортах», как от его сына Александра II требовали стать «Героем-избавителем» («Царем-освободителем»), так же как Александр I был вписан в архетип Ца-

¹⁶ Герцен 1958, 62.

¹⁷ Салтыков-Щедрин 1973, 399.

¹⁸ Грачева 2000, 49.

ря-Благословенного. По мнению М. Элиадэ: «Это сведение событий к категориям, а личностей — к архетипам происходит в сознании европейских народных слоев вплоть до наших дней в соответствии с архаической онтологией <...> Историческая личность уподобляется своему историческому прообразу (герою и т. п.), а событие ассимилируется с категорией мифических действий (борьба с чудовищем, братья-враги)»¹⁹.

История мифологического противостояния братьев-врагов, которая так или иначе проецировалась на взаимоотношения братьев Александра I и Николая I, затем трансформировалась в историю противостояния (на метафорическом уровне) Отца-Тирана и Сына-Освободителя (Николая I и Александра II). В политической истории России это мифологическое противостояние было вписано в традицию развертывания-свертывания либеральных реформ (от либерального Александра I — через закоренелого консерватора Николая I — к великому реформатору Александру II). На наш взгляд, замечательная особенность русского исторического сознания, обозначенная Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским как мифолого-эсхатологическая модель, под влиянием которой «психология реформы <...> включала в себя полный отказ от существующей традиции и от преемственности по отношению к непосредственным политическим предшественникам», внутренне опирается на древний мифологический закон космогонического цикла²⁰. Согласно этому закону чередование справедливого и подлого, «закона» и «произвола» характерно для смены времен: «Золотой век, правление императора мира, чередуется в биении каждого момента жизни с пустыней, с правлением тирана»²¹.

Но русский реформаторский дискурс не учитывал этой особенности, которую ясно видели Герцен и Щедрин и которую Дж. Кэмпбелл выразил так: «С этой точки зрения, тиран-изверг в не меньшей степени представляет отца, чем прежний император мира, чье место он захватил, или же тот просветленный герой (сын), который должен заменить его <...> в действительности Драконоборец и Дракон, приносящий жертву и жертва, единодушны за кулисами — там, где нет поляриности противоположностей, но смертельные враги на сцене — там, где разворачивается вечная война между Богами и Титанами <...> сын убивает отца, но сын и отец — это одно целое»²².

Мы можем утверждать, что Щедрин исподволь подводит читателей к выводу, что, какие бы дела, «великие» или «малые», ни совершала глуповская (а на метафорическом уровне и русская) власть, какие бы грандиозные реформы она ни проводила, какие бы войны («за просвещение» или «против просвещения») ни вела, суть этих действий, как и природа власти вообще, остается неизменной — произвол и насилие по отношению к собственному народу. В этом смысле «отец» и «сын», даже если они «тиран» и «освободитель», «реакционер» и «либерал», действительно, — одно.

¹⁹ Элиадэ 2000, 52.

²⁰ Успенский 1996, 414.

²¹ Кэмпбелл 1997, 338.

²² Там же, 339.

ЛИТЕРАТУРА

Герцен А. И. 1958: Собр. соч.: в 9 т. М.

Грачева Е. Н. 2000: «История одного города» М. Е. Салтыкова (Щедрина) или «Полное изображение исторического прогресса с непрерывно идущими гадами» // Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города: Роман. СПб., 5–56.

Добролюбов Н. А. 1962: Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.; Л.

Кэмпбелл Дж. 1997: Тысячеликий герой. М.

Лемке М. 1908: Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб.

Писарев Д. И. 1955: Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.

Салтыков-Щедрин М. Е. 1973: Собр. соч.: в 20 т. Т. 8. М.

Успенский Б. А. 1996: История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 9–70.

Успенский Б. А., Лотман Ю. М. 1996: Споры о языке начала XIX в. как факт русской культуры // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 2. М., 411–473.

Элиаде М. 2000: Миф о Вечном возвращении. М.

MYTHO PLOT OF TYRANT OF A FATHER AND LIBERATOR OF A SON IN
PUBLICIST DISCOURSE OF THE 1860-S AND SALTYSKOV-SHCHEDRIN'S
NOVEL "A TOWN'S STORY"

Ye. G. Postnikova

The author argues that it is the epoch of Nikolay I that is the semantic dominant governing Shchedrin understanding of the Russian past. Mythoplots about brothers-enemies, and confrontation between tyrant of a father and liberator of a son in Russian mythological history cover the relations between Alexander I, Nikolay I, and Alexander II. The mythological confrontation in the history of Russia fits in with the tradition of introducing-blocking liberal reforms: from liberal Alexander I via diehard conservative Nikolay I to a great reformer Alexander II. But Shchedrin little by little leads the reader to the conclusion that father and son, tyrant and liberator, conservative and liberal are one and the same.

Key words: Russian literature, M. Ye. Saltykov-Shchedrin, power, mythology, Russian history.

© 2011

Д. Н. Жаткин, Е. В. Крехтунова

Д. Л. МИХАЛОВСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ ТОМАСА ГУДА*

В статье впервые осуществлен сопоставительный анализ поэтических произведений Томаса Гуда «The Song of the Shirt» («Песнь о рубашке»), «The bridge of sighs» («Мост вздохов»), «The Death-Bed» («У смертного одра»), «The lee shore» («Подветренный берег»), «The Bachelor's Dream» («Сон холостяка») и их русских переводов, выполненных во второй половине XIX в. Д. Л. Михаловским. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что интерпретации Д. Л. Михаловского, характеризующиеся экспрессивностью, использованием ярких образов, умением интерпретатора ощутить трагизм мироощущения английского автора, вместе с тем не могут восприниматься как переводы в полном смысле этого слова: скорее это вольные пересказы оригиналов, обусловленные веяниями общественно-политической и литературной жизни России и напрямую соотносящиеся с российской реальностью. Авторами привлекается большой фактический материал, связанный с восприятием произведений Томаса Гуда в России в эпоху, непосредственно связанную с появлением переводов Д. Л. Михаловского, в частности, суждения и оценки М. Л. Михайлова, А. В. Дружинина, Ф. М. Достоевского, А. А. Коринфского и др.

Ключевые слова: Т. Гуд, Д. Л. Михаловский, русско-английские литературные связи, художественный перевод, поэзия, реминисценция, рецепция, компаративистика, межкультурная коммуникация.

Английский поэт Томас Гуд (1799–1845), не имевший в России прижизненной славы, стал широко известен в нашей стране только в начале 1860-х гг. благодаря литературной деятельности М. Л. Михайлова, опубликовавшего в № 1 и № 8 «Современника» за 1861 г. пространную статью «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд»¹ и выступившего в качестве первого переводчика четырех произведений английского автора на русский язык («Стансы» («Жизнь, прощай! Мутится ум...»), «У смертного одра», «Изгнание», «Песня о рубашке»).

Наиболее значительную по объему часть литературного наследия Томаса Гуда составляют юмористические рассказы, сатирические статьи, шуточные стихотворения, печатавшиеся в «London Magazine» («Лондонском журнале»), «The Comic Annual» («Комическом альманахе»), «New monthly Magazine» («Новом ежемесячном журнале») и, наконец, в собственном издании «Hood's Magazine» («Журнал Гуда»), выходившем в 1844–1845 гг. и привлечшем к сотрудничеству Э. Дж. Булвер-Литтона, Ч. Диккенса, Б. Корнуолла и др. Вместе с тем преоблада-

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, доктор филологических наук, профессор. E-mail: ivb40@yandex.ru

Крехтунова Елена Викторовна — преподаватель кафедры романо-германской филологии Пензенского государственного университета. E-mail: sva00@yandex.ru

* Статья подготовлена по проекту 2010–1.2.2–303–016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований группами под руководством кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010).

¹ Михайлов 1, 1861, 283–318; 8, 357–390.

ние юмористического и сатирического начал в произведениях писателя было обусловлено не только складом его мышления, но и банальной необходимостью постоянного журнального заработка. Прорывавшиеся из глубин подтекста трагические нотки нередко раскрывали Томаса Гуда с неожиданной стороны, представляли его филантропом, разочарованным в сложившихся устоях жизни, с печалью и обостренной болью взиравшим на несправедливости окружающего мира и при этом ощущавшим свое бессилие, невозможность изменить мир к лучшему.

Рисующая тяжелый труд швеи, пронизанная болью, скорбью и мольбой к богачам «The Song of the Shirt» («Песнь о рубашке», 1843) Томаса Гуда воспринималась представителями демократического направления в русской литературе 1860-х гг. как своеобразный гимн рабочего класса Англии. Адресуя свое произведение высшим классам, Томас Гуд стремился пробудить в них жалость к каторжному труду не только швей, но и других простых тружеников, которые, работая от зари до зари, получали за свой труд сущие гроши. В этой связи не случайно, что «Песнь о рубашке» стала необычайно популярной; в Англии не было ни одного журнала, который не поспешил бы перепечатать «горячий и справедливый протест Гуда», в котором «нашли свой голос бедствия бедных классов»²; более того, текст произведения был отпечатан даже на носовых платках.

В 1860 г. «Песнь о рубашке» была впервые переведена на русский язык М. Л. Михайловым и напечатана в № 9 «Современника»³, причем, наряду с другими сочинениями Томаса Гуда (в особенности, «Стансами», процитированными Н. Г. Чернышевским, наряду со стихами Н. А. Некрасова, в заключительной части романа «Что делать?» при размышлениях о грядущей свободе: «Черный страх бежит, как тень / От лучей, несущих день; / Свет, тепло и аромат / Быстро гонят тьму и хлад; / Запах тленья все слабей, / Запах розы все слышней...»⁴ (ст. 11–16, причем ст. 13 и ст. 14 переставлены Н. Г. Чернышевским), вызвала широкий резонанс в демократических кругах. Публикация в «Современнике» сопровождалась примечанием переводчика, свидетельствовавшим о внимательном, scrupulous отношении к оригинальному тексту: «В этом опыте перевода знаменитой песни английского поэта встречаются некоторые не совсем правильные стихи, как и в самом подлиннике. Переводчику ничего не стоило сгладить все неровности, перерифмовать всю пьесу и вообще сделать ее вполне согласно с правилами строгой версификации; но едва ли в таком виде она сохранила бы то беспорядочное и страстное движение, которое составляет ее существенный характер. Насколько можно при несходстве языков, переводчик старался сберечь не только внутренний строй, но и внешние оттенки выражения оригинала»⁵.

Об актуальности описанного Томасом Гудом для общественно-политической и литературной ситуации в России 1860-х гг. свидетельствуют новые обращения к «Песне о рубашке» Д. Л. Михаловского, опубликовавшего свой перевод в № 5 «Отечественных записок» за 1864 г. и Д. Д. Минаева, сделавшего вольный перевод, увидевший свет в № 64 журнала «Будильник» за 1865 г. При сопоставлении

² Михайлов 8, 1861, 377.

³ Михайлов 1860, 63–66.

⁴ Козьмин 1946, 19–26.

⁵ Михайлов 1860, 63–66.

перевода Д. Л. Михаловского с более ранним переводом М. Л. Михайлова сразу обращает на себя внимание точное воссоздание М. Л. Михайловым строфической структуры оригинала, совершенно утраченной у Д. Л. Михаловского, сконцентрировавшегося исключительно на пересказе сюжета английского произведения и успешно справившегося с этой задачей, учтя самые мелкие, кажущиеся незначительными художественные детали и нюансы: «With fingers weary and worn, / With eyelids heavy and red, / A woman sat in unwomanly rags, / Plying her needle and thread — / Stitch! Stitch! Stitch! / In poverty, hunger and dirt / And still with a voice of dolorous pitch / She sang the “Song of the Shirt”»⁶ [С усталыми и истертыми пальцами, / С веками тяжелыми и красными / Женщина сидела в неженских лохмотьях, / Упорно работая иголкой и ниткой. / Шей! Шей! Шей! / В бедности, голоде и грязи, / И еще голосом заунывного тона / Она поет «Песню о рубашке»] — «Затекшие пальцы болят, / И веки болят на опухших глазах. / Швея в своем жалком отрепье сидит / С шитьем и иголкой в руках. / Шьет — Шьет — Шьет, / В грязи, нищете, голодна, / И жалобно горькую песню поет — / Поет о рубашке она»⁷ — «Безобразным рубищем покрытая, / За работой женщина сидит, / Утомляет руки исхудалые / И глаза опухшие слепит. / В нищете и холоде несчастная / День и ночь все шьет, да шьет, да шьет, / И напевом сердце раздирающим, / О рубашке песнь она поет»⁸. Эмоционального эффекта Михаловский добивается, главным образом, при помощи привнесения нагнетающих экспрессивность образов («раздирающим сердце», «безобразным рубищем»), прорисовки отдельных художественных деталей, едва намеченных в английском оригинале, например: «...to be a slave / Along with the barbarous Turk»⁹ [...быть рабом / Наряду с варваром турком] — «Точно негр, работай на других, / Без конца, без отдыха, без меры, / Как злодей, которого закон / Осудил на вечные галеры!»¹⁰. Если у Гуда швея говорит, что стала похожа на смерть из-за нескончаемых постов («It seems like my own, / Because of the fasts I keep»¹¹ [Она похожа на меня / Из-за постов, которых я придерживаюсь]), то в русском переводе в речь женщины введены тропы речи (метафора, эпитеты), призванные как усилить пафос описания, так и придать ему яркое социальное звучание: «Худобой черты мне исказила / Горькой нужды жесткая рука»¹².

Строфа, раскрывающая нечеловеческие условия изнурительного труда швеи («Work — work — work! / From weary chime to chime, / Work — work — work — / As prisoners work for crime! / Band and gusset, and seam, / Seam and gusset, and band, / Till the heart is sick, and the brain benumb'd, / As well as weary hand» [Работай — работай — работай — / От утомительного боя до боя часов, / Работай — работай — работай — / Как тюремщики работают за преступление, / Лента — вставка — шов, / Шов — вставка — лента, / Пока не заболит сердце и не отупеет мозг / Так же, как и изнуренная рука]), заменена у Михаловского одним стихом: «Эти строчки, рубчики и швы...»¹³. Вместе с тем повторяющиеся монотонным

⁶ Hood 1854, 147.

⁷ Михайлов 1860, 172.

⁸ Михаловский 1896, 129.

⁹ Hood 1854, 147.

¹⁰ Михаловский 1896, 129.

¹¹ Hood 1854, 148.

¹² Михаловский 1896, 130.

¹³ Там же.

рефреном слова «Work — work — work...»¹⁴ [Работай — работай — работай...], передающие однообразие изнурительной, безостановочной работы голодной, измученной швеи, переданы Михаловским при помощи четырехкратного повтора глагола «трудись»: «Все трудись, трудись, трудись, трудись...»¹⁵.

Заключительную строфу английского оригинала переводчик также опускает, не считая оправданным то воззвание к богатым, на котором концентрировался Т. Гуд: «Stitch! Stitch! Stitch! / In poverty, hunger and dirt, / And still with a voice of dolorous pitch — / Would that its tone could reach the Rich! — / She sang this “Song of the Shirt!”»¹⁶ [Шей! Шей! Шей! / В нищете, голоде и грязи, / С голосом страдающего тона — / Сможет ли этот звук достичь богатых — // Она поет эту «Песню о рубашке»]. Подобное «сокращение» оригинального стихотворения было для переводческой деятельности Михаловского вполне традиционным; все фрагменты, которые русский интерпретатор находил или излишне растянутыми, или чересчур сентиментальными, или вредящими общему эстетическому впечатлению, он неизменно опускал, превращая собственно перевод в вариацию, близкую к оригиналу.

Следует отметить, что как в 1860-е, так и в последующие годы «Песня о рубашке» Т. Гуда была интересна не только демократической, но и либеральной критике, вкладывавшей свое восприятие во многие художественные детали и образы английского оригинала. В частности, А. В. Дружинин, не соглашаясь с восприятием Томаса Гуда писателями некрасовского круга, в своей статье, посвященной выходу в Англии «Собрания сочинений» Гуда, делал акцент на христианском смирении английского поэта, написавшего «Песню о рубашке», «без подстрекательства на вражду и насилие»¹⁷, и восхвалял содержащуюся в предсмертном письме поэта проповедь классового мира. В январе 1873 г. в статье «Литературные и журнальные заметки» Н. К. Михайловский, полемизируя с критиками, ратовавшими за преимущественное развитие литературной техники, писал: «Читали ли они <эти критики> лирическое стихотворение, более высокохудожественное, чем “Песня о рубашке” Томаса Гуда? И знают ли они вместе с тем лирическое стихотворение более тенденциозное?»¹⁸. По мнению Н. К. Михайловского, тенденция не только не препятствует художественности, но, напротив, выражаясь как служение общенародному делу (а не делу какой-то определенной группы), помогает созданию подлинных произведений искусства, таких как «Песня о рубашке». Вступивший в полемику с Н. К. Михайловским Ф. М. Достоевский также не отрицал в 1873 г. в своем «Дневнике писателя» (глава IX «По поводу выставки») значения прямой тенденции, однако совершенно по-другому характеризовал ее роль в конкретном произведении, вновь прибегая к упоминанию «Песни о рубашке» Т. Гуда как обобщенного проявления определенного литературного направления: «Поверит ли один милый критик, которого я недавно читал, но которого называть теперь не хочу, — поверит ли он, что всякое художественное произведение без предвзятого направления, исполненное единственно из художнической потребности, и даже

¹⁴ Hood 1854, 149.

¹⁵ Михаловский 1896, 130.

¹⁶ Hood 1854, 149.

¹⁷ Дружинин 1863, 1013.

¹⁸ Михайловский 1873, 149–164.

на сюжет совсем посторонний, совсем и не намекающий на что-нибудь “направительное”, — поверит ли этот критик, что такое произведение окажется гораздо полезнее для его же целей, чем, например, все песни о рубашке (не Гуда, а наших писателей), хотя бы с виду и походило на то, что называют «удовлетворением праздного любопытства»?»¹⁹. Таким образом, «Песня о рубашке» и в 1870-е гг. продолжала будоражить умы русской интеллигенции, становилась своеобразным аргументом в спорах литературных оппонентов.

Обратившись в 1864 г. к переводу стихотворения Т. Гуда «The bridge of sighs» («Мост вздохов»), Д. Л. Михаловский создал, по сути, его вольную интерпретацию под названием «Утопленница»²⁰, в которой не переданы ни размер стиха, ни строфика, в частности, количество строф увеличено с семнадцати до двадцати двух. Перевод экспрессивен, эмоционален, насыщен значимыми для Гуда филантропическими мотивами, но вместе с тем нельзя не признать, что Михаловский всего лишь пересказал оригинал: «Take her up tenderly, / Lift her with care; / Fashioned so slenderly, / Young and so fair!»²¹ [Поднимите ее нежно, / Несите ее с осторожностью, / Одета так плохо / Молодая и такая красивая] — «Окажите усопшей внимание, / Поднимите ее поскорей; / Это хрупкое было создание — / Прикасайтесь бережно к ней!»²². В переводе снято важное для понимания текста Гуда обращение к воображаемому беспутному и безучастному наблюдателю («In she plunged boldly, / No matter how coldly / The rough river ran, — / Over the brink of it, / Picture it — think of it, / Dissolute Man! / Lave in it, drink of it, / Then if you can!»²³ [Она смело прыгнула, // Не важно как холодно, // Бурная река бежит / В своих берегах, — / Представь это — подумай об этом, / Беспутный человек! / Умойся в ней, напейся из нее / Если после сможешь!]), отсутствует упоминание о холоде бурной реки, однако введены риторический вопрос и стертые метафоры: «И отважно, без слез, без раскаянья, / Она бросилась в волны реки... / Кто поймет эту бездну отчаянья, / Этот ад беспредельной тоски!»²⁴. В целом для перевода характерно снятие материальных, «вещных», чувственно воспринимаемых деталей, которые заменены эмоциональными абстракциями, не лишенными, впрочем, большой впечатляющей силы: «Where the lamps quiver / So far in the river, / With many a light / From window and casement, / From garret to basement, / She stood with amazement, / Houseless by night.»²⁵ [Где подрагивают фонари, / Так далеко в реке / Со множеством отблесков, / От окон и оконных створок, / От мансард до подвалов — / Она стояла с удивлением / Бездомная ночью] — «Там, где в черной реке отражается / Слабый свет от вечерних огней / И дрожа, в темной влаге купается / Дальний отблеск ночных фонарей, / И бушует пучина глубокая, / Ударяя о берег волной — / Там стояла она, одинокая, / Бесприютная ночью глухой»²⁶. Именно эта большая эмоциональная сила и создавала впечатление особой внутренней общности перевода и оригинала, на которую, в частности, обратил внимание А. А. Коринфский,

¹⁹ Достоевский 1999, 79.

²⁰ Михаловский 1864, 475–478.

²¹ Hood 1854, 143.

²² Михаловский 1896, 132.

²³ Hood 1854, 145.

²⁴ Михаловский 1864, 134.

²⁵ Hood 1854, 145.

²⁶ Михаловский 1864, 133–134.

писавший, что «если взять <...> “Утопленницу” Томаса Гуда <...> и сравнить подлинник с переводом, то вся разница между ними окажется почти только в том, что они написаны на разных, чуждых друг другу по строению языках»²⁷.

Наряду с получившими особую известность «Песней о рубашке» и «Мостом вздохов» («Утопленницей») внимание Михаловского привлекли и некоторые другие произведения английского автора, в частности, его раннее трагичное стихотворение «The Death-Bed» («У смертного одра»), посвященное матери, к которой Т. Гуд относился с нежностью и трепетной заботой. Смерть матери, а затем и сестры Анны была для Гуда тяжелым ударом. Под впечатлением от случившегося и было написано стихотворение «The Death-Bed», переведенное сначала М. Л. Михайловым, а затем и Д. Л. Михаловским. Перевод М. Л. Михайлова, впервые напечатанный в первой книге «Русского вестника» за 1858 г.²⁸, а затем включенный в известную статью «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд»²⁹, был, несомненно, более удачным, о чем свидетельствуют как его многочисленные переиздания в последующие годы, так и его органичное вхождение в русскую музыкальную культуру (в 1875 г. был положен на музыку А. Рамадзе). Привлеченный эмоциональной глубиной английского подлинника, выразительно передававшего боль от большой утраты, Михаловский, однако, не смог столь же полно, как Михайлов, передать особенности интерпретируемого произведения. Так, сохранив количество стихов оригинала, переводчик заменил его размер — трехстопный ямб стал четырехстопным анапестом; в содержательном плане появились многие произвольные добавления, например, литота, призванная выразить неумолимое приближение смерти: «We watch'd her breathing through the night. / Her breathing soft and low»³⁰ [Мы наблюдали за ее дыханьем всю ночь / Ее дыханьем слабым и тихим] — «Над неровным, чуть слышным дыханьем ее / Мы всю ночь наблюдали с вниманьем»³¹. Также перевод насыщен отсутствующими у Гуда эпитетами («жизни хладевшей», «глухим трепетаньем»), призванными подчеркнуть, что конец неизбежен: «As in her breast the way of life / Kept heaving to and fro»³² [Как в ее груди волна жизни / Продолжала двигаться из стороны в сторону] — «И в груди ее жизни хладевшей струя / Замирала с глухим трепетаньем»³³.

Михаловский удачно сохранял используемые в оригинале лексические повторы, создававшие впечатление растянутости событий во времени, отдалявшие неизбежное мучительное расставание: «So silently we seem'd to speak / So slowly moved about»³⁴ [Так тихо, казалось, мы говорили, / Так медленно двигались] — «Разговор наш тих и невнятен так был, / Мы так медленно, тихо ходили»³⁵. Дальнейшая замена множественного числа оригинала на единственное обусловлена лексико-смысловой нагрузкой, которую несет в себе слово «надежда» в русском языке, — если «надежды» (мн. ч.) открывают новые горизонты, дают веру в буду-

²⁷ Коринфский 1898, 599.

²⁸ Михайлов 1858, 441.

²⁹ Михайлов 1860, 305.

³⁰ Hood 1854, 206.

³¹ Михаловский 1896, 143.

³² Hood 1854, 206.

³³ Михаловский 1896, 143.

³⁴ Hood 1854, 206.

³⁵ Михаловский 1896, 143.

щее, неизменно несут в себе положительные эмоции, то «надежда» (ед. ч.) нередко оказывается тщетной, последней жизненной опорой: «Our very hopes belied our fears, / Our fears our hopes belied»³⁶ [Наши сокровенные надежды противоречили нашим страхам, / Наши страхи наши надежды опровергли] — «То надежда наш страх прогоняла, а там — / Снова страхом надежда сменялась»³⁷.

Если в финале своего произведения Т. Гуд рассуждает о том, как природа переживает утрату, и при этом соотносит холод на улице с холодом в душе лирического героя («For when the morn came dim and sad, / And chill with early showers»³⁸ [К тому времени, когда пришло утро тусклое и грустное, / И холод с ранними ливнями]), то Михаловский, очевидно, воспринимая концовку Гуда как излишне растянутую, ограничивается только описанием преддождевой хмури: «Заря утра взошла, холодна и бледна, / В небе, серым покровом одетым»³⁹.

Известно, что в возрасте пятнадцати лет Т. Гуду пришлось уехать на север, в Шотландию, к дальним родственникам, где, гуляя по отмелям и отлогим берегам залива, он испытал немало светлых эмоций; «знакомство с отважным, находчивым, испытанным морскими непогодами людом развило в Гуде почти страстную любовь к морю»⁴⁰. Гуд посвятил морю множество своих произведений, но внимание Михаловского привлекло лишь стихотворение «The lee shore» («Подветренный берег»), вызвавшее появление поэтической фантазии «Морской берег», впервые опубликованной в № 12 «Отечественных записок» за 1868 г.⁴¹ В своем переводе Михаловский увеличивает количество строк с шести до десяти, но сохраняет трехстопный хорей оригинала. Ему удается мастерски передать общую картину ужасного шторма, в который рыбак вынужден выйти, чтобы прокормить свою семью: «Sleet! and hail! and thunder! / And ye winds that rave, / Till the sands there under / Tinge the sullen wave — / Winds, that like a demon / Howl with horrid note / Round the toiling seaman, / In his tossing boat»⁴² [Ледяной дождь! и град! и гром! / И вы, ветры, которые бушуете, / Пока пески на дне / Не окрасят темные волны — / Ветры, которые похожи на демона, / Завывают с ужасным звуком / Вокруг трудящегося моряка / В его раскачивающейся лодке] — «Море возмутилось, / Буря, град и гром; / Небо омрачилось, / Тьма и мгла кругом. / Силы, всколебавшие / Моря глубину / И с песком смешавшие / Мутную волну, / Вы, что так бросаете / Брызги в облака / И так зло играете / Лодкой рыбака»⁴³.

Переводчик дополняет оригинал новыми строками, в деталях раскрывая, как сильнее и сильнее разыгрывается шторм, с которым обессиливший рыбак уже не сможет справиться. В русской интерпретации звучит сочувствие рыбаку, сопереживание его судьбе, желание вмешаться в ход событий, предоставить герою шанс на спасение: «От тревоги бледного, / Смятого борьбой, / Не толкайте бедного /

³⁶ Hood 1854, 206.

³⁷ Михаловский 1896, 143.

³⁸ Hood 1854, 206.

³⁹ Михаловский 1896, 143.

⁴⁰ Михайлов 1861, 297.

⁴¹ Михаловский 1868, 623–624.

⁴² Hood 1854, 205.

⁴³ Михаловский 1896, 136.

В яростный прибой! / В свете молний блещущих, / Унесите челн / Прочь от этих плещущих / И сердитых волн!»⁴⁴.

Соответствие перевода оригиналу становится условным в последующем тексте, где от нескольких строф подлинника интерпретатор оставляет всего несколько стихов. Вместе с тем сохранены лексические повторы, акцентирующие утрату рыбаком самого дорогого в его жизни, подчеркивающие неминуемость смерти рыбака, который уже вряд ли вернется домой: «From the humble dwelling / On the shingly shore, / Where the billows swelling / Keep such hollow roar»⁴⁵ [От его скромного жилища / На берегу, покрытом галькой, / Где волны, поднимаясь, / Постоянно издают такой глухой рев] — «От жилья знакомого, / Что к себе манит / Моряка, несомого / Бурей на гранит»⁴⁶. Рыбак в данном случае назван моряком, хотя во всех других местах переводного текста говорится именно о рыбаке; в этом обстоятельстве вряд ли можно усмотреть что-то, кроме переводческой небрежности.

Трагическая судьба семьи, остающейся без кормильца, передана Михаловским с максимальной полнотой, в особенности там, где говорится о страданиях несчастной жены, обратившейся с мольбами к небесам: «From that weeping woman, / Seeking with her cries / Succor superhuman / From the frowning skies»⁴⁷ [От той рыдающей женщины, / Ищущей своими мольбами / Помощи у всемогущего / С хмурых небес] — «От жены, рыдающей / В ужасе, и там / Руки простирающей / К мрачным небесам»⁴⁸. Михаловский говорит о нескольких детях рыбака, хотя в оригинале упомянут лишь мальчик (или оборванец, как называет его Томас Гуд, тем самым пытаясь показать, насколько беден рыбак, спешащий в ужасную ночь в море): «From the urchin pining / For his father's knee»⁴⁹ [От мальчишки, тоскующего / По колену своего отца] — «От детей, тоскующих, / Что отец нейдет, / От их ласк чарующих»⁵⁰.

Лексема «lattice» (из усеченного для сохранения ритма и рифмы оборота «window lattice») опущена в переводе, очевидно, по причине отсутствия однозначного русского эквивалента; вместе с тем при ее помощи была представлена одна из ярких реалий английской жизни начала XIX в. — окна, выложенные ромбовидной мозаикой. В итоге лодка рыбака уносится в русском переводе не от родного светящегося окна («From the lattice shining, / Drive him out to sea!»⁵¹ [От окна светящегося / Гонит его в море!]), а от некоего обобщенного «всего, что ждет»⁵².

Последняя строфа оригинала была существенно дополнена переводчиком, расширена до двух строф, в результате чего появились новые образы, рисующие картину скорого приближения рыбака к дому и показывающие, что герой с трудом верит в то, что смог выбраться из ужасной бури и добраться домой: «Let broad leagues dis sever / Him from yonder foam; — / O' God! To think man ever / Comes too

⁴⁴ Михаловский 1896, 136–137.

⁴⁵ Hood 1854, 205.

⁴⁶ Михаловский 1896, 137.

⁴⁷ Hood 1854, 205–206.

⁴⁸ Михаловский 1896, 137.

⁴⁹ Михайлов 1860, 206.

⁵⁰ Михаловский 1896, 137.

⁵¹ Hood 1854, 206.

⁵² Михаловский 1896, 137.

near his home!»⁵³ [Позволь широким лигам отдалить / Его от той пены; — / О, Господи! Мог ли человек подумать / Что так близко подойдет к своему дому!] — «Там за пеной белою... / Господи, от ней / Лодку эту смелую / Унеси скорей! / Сердце ужасается / И того порой, / Что уж приближается / К нам наш дом родной!»⁵⁴. Начиная говорить от первого лица, переводчик окончательно сближается в последних стихах со своим героем, вместе с которым ему удалось пережить страшную ночь. Михаловский в полной мере проявил свой поэтический талант, представив собственное видение событий, в существенной мере отличное от оригинального, но при этом не менее трагичное, эмоционально напряженное.

Произведения Т. Гуда, избранные Михаловским для переводов, были в основном посвящены теме социального неравенства, в связи с чем обращение к юмористическому стихотворению «The Bachelor's Dream» («Сон холостяка») представляется во многом неожиданным. В те годы преобладала социальная сатира (вспоминается, в частности, сатирический журнал Н. А. Добролюбова и Н. А. Некрасова «Свисток»), и потому, в чем-то в параллель ей, Михаловский наделял немного наивный, беззлобный юмор «The Bachelor's Dream» чертами близости русскому духу, русскому сознанию. Сохранив четырехстопный ямб оригинального произведения, русский интерпретатор трансформировал одиннадцать стрфосьмистиший в тридцать катренов, причем если у Гуда в конце каждого восьмистишья герой обращался к своим собаке и коту, что подчеркивало ритмику стиха, придавало ему ощущение отдельной главы целостного рассказа («What do you think of that, my Cat? / What do you think of that, my Dog?»⁵⁵ [Что ты думаешь об этом, мой Кот? / Что ты думаешь об этом, мой Пес?]), то Михаловский лишь три раза использовал этот прием, изменив имя собаки (Трезор вместо «Трай» («Трей»)) и опустив имя кошки («котик серый» вместо «Puss» («Пусс»)): «Ну, что ты скажешь, мой Трезор? / Что скажешь ты, мой котик серый?»⁵⁶.

Элементы русификации характерны для всего текста Михаловского: Сюзан становится Верой, загадочный «М» — мистер Могг — Сашкой («Last night I had a curious dream, / Miss Susan Bates was Mistress Mogg»⁵⁷ [Прошлой ночью у меня был любопытный сон, / Мисс Сюзан Бэйтс стала Мистрисс Могг] — «Мне нынче снился страшный вздор: / Во сне я обвенчался с Верой»⁵⁸; «No longer Deary, Ducky, and Love, / I soon came down to simple 'M'»⁵⁹ [Еще недавно Дорогой, Прелесть и Любовь, / Я вскоре снизошел до просто «М»] — «Бывало все меня зовет / Дружочком, душкой и милашкой, / А тут — бранится и орет / И называет просто Сашкой»⁶⁰). Стремясь представить английское стихотворение на русский манер, переводчик опустил упоминания некоторых моментов английской жизни, не характерных для России, и заменил их российскими реалиями: «Away we went in chase-and-four, / As fast as grinning boys could flog»⁶¹ [Мы уехали в экипаже,

⁵³ Hood 1854, 206.

⁵⁴ Михаловский 1896, 137.

⁵⁵ Hood 1854, 400.

⁵⁶ Михаловский 1896, 138.

⁵⁷ Hood 1854, 400.

⁵⁸ Михаловский 1896, 138.

⁵⁹ Hood 1854, 402.

⁶⁰ Михаловский 1896, 140.

⁶¹ Hood 1854, 401.

запряженном четверкой, / Так же быстро, как ухмыляющиеся мальчишки могут <что-то> загнать] — «Я взял карету напрокат / И двух лакеев, для парада — / И в церковь. Кончился обряд, / Я счастлив был, она так рада»⁶². Опуская игру слов, которую Гуд постоянно использовал для создания юмористического эффекта («When Susan came to live with me, / Her mother came to live with her!»⁶³ [Когда Сьюзан пришла, чтобы жить со мной, / Ее мама пришла, чтобы жить с ней]), переводчик принимал собственный прием, позволявший сделать ситуацию смешной для читателя: «Но после свадьбы с нами жить / Внушил какой-то дьявол теще»⁶⁴.

Если Гуд высмеивал в своем стихотворении (посредством рассказа героя-холостяка) английское аристократическое общество с его недостатками семейной жизни («She forced me to resign my Club, / Lay down my pipe, retrench my grog — ... / Each Sunday night we gave a rout / To fops and flirts, a pretty list; / And when I tried to steal away, / I found my study full of whist!»⁶⁵ [Она заставила меня отказаться от Клуба / Положить мою трубку, урезать мой грог... / Каждый воскресный вечер мы давали прием / Щеголям и кокеткам, милый список; / И когда я пытался скрыться, / Я находил свой кабинет заполненным игроками в вист]), то у Михаловского в его переводе остался лишь забавный сон холостяка, в котором уже нет того смысла, который вкладывал в него автор оригинального стихотворения: «И вот — табак, и пунш и клуб — / Все, наконец, мне запретили! / Но невозможно каждый час / Домашним отдавать заботам: / Как у людей, так и у нас / Сбирались гости по субботам. / Жена приветлива была / К пустоголовым шалопаям, / И угощала, как могла, / Их и закусками и чаем. / И, проклиная целый свет, / Украдкой, робкими шагами, / Я проскользнул в свой кабинет... / Увы, и он набит гостями!»⁶⁶.

В концовке стихотворения звучит не только шутка, но и поучение, благодарность родным за поддержку и понимание, особо необходимые слабому здоровьем и измученному постоянной работой человеку: «Now was not that an awful dream / For one who single is and snug — / With Pussy in the elbow-chair / And Tray reposing on the rug? — / If I must totter down the hill, / 'T is safest done without a clog — / What do you think of that, my Cat? / What do you think of that, my Dog?»⁶⁷ [Итак, не это ли ужасный сон / Для того, кто одинок и чувствует себя уютно — / С Пусси в кресле с подлокотниками / И Трем, отдыхающим на коврике? / Если я буду вынужден идти, пошатываясь, вниз по холму, / Безопаснее всего это сделать без помехи — / Что ты думаешь об этом мой Кот? / Что ты думаешь об этом, мой Пес?]. Здесь Гуд вновь прибегает к игре слов: в английском языке словосочетание «go down the hill» переводится как «резко ухудшаться, катиться по наклонной плоскости (о здоровье)», — используя его, Гуд подразумевает свое хрупкое здоровье, которое постоянно его подводило. Этого не учитывает Михаловский, поэтому «благополучная» концовка стихотворения в его интерпретации обретает совершенно другой смысл, скорее развлекательный, а не поучительный, как в оригинале: «Не дай мне Бог такие сны / Видать; и согласится всякий, что лучше жить мне без

⁶² Михаловский 1896, 138.

⁶³ Hood 1854, 401.

⁶⁴ Михаловский 1896, 139.

⁶⁵ Hood 1854, 402 — 403.

⁶⁶ Михаловский 1896, 139.

⁶⁷ Hood 1854, 403.

жены, / С моим котом, с моей собакой; / Пить пунш, покуривать, мечтать, / Перед затопленным камином, во всем себя лишь признавать / Своим полнейшим властелином. / Кто хочет жизни путь пройти / И не споткнуться слишком рано, / Тому уж лучше не нести / С собой тяжелого чурбана. / Ведь одному такой простор! / Что ж мне гоняться за химерой? / Не правда ль, верный мой Трезор? / Не правда ли, мой котик серый?»⁶⁸.

Переводы Михаловского, несомненно, производят впечатление, характеризующаяся эмоциональностью, экспрессивностью, использованием ярких образов, умением интерпретатора ощутить трагизм мироощущения юмориста и весельчака Т. Гуда и тем самым создать у русского читателя полноценное представление об английском поэте. И все же это скорее вольные пересказы оригинала, обусловленные влияниями общественно-политической и литературной жизни России, перенесенные в российскую реальность и напрямую соотнесенные с ней.

ЛИТЕРАТУРА

- Дружинин А. В.* 1863: Томас Гуд // Санкт-Петербургские ведомости. 249, 1013.
Достоевский Ф. М. 1999: Дневник писателя. 1873. СПб.
Козьмин Б. П. 1946: Чернышевский и Михайлов (к истории их взаимоотношений) // Вопросы истории. 7, 19–26.
Коринфский А. А. 1898: <О переводах Д. Л. Михаловского > // Север. 19, 599.
Левин Ю. Д. 1985: Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.
Михайлов М. Л. 1858: У смертного одра // Русский вестник. 1, 441.
Михайлов М. Л. 1860: Песня о рубашке // Современник. 9, 63–66.
Михайлов М. Л. 1861: Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд // Современник. 1, 283–318; 8, 357–390.
Михаловский Д. Л. 1864: Утопленница. Из Томаса Гуда // Современник. 2, 475–478.
Михаловский Д. Л. 1868: Морской берег // Отечественные записки. 12, 623–624.
Михаловский Д. Л. 1896: Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения: в 2 т. Т. 1. СПб.
Михайловский Н. К. 1873: Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1, 149–164.
Hood T. 1854: The complete poetical works. Boston.

D. L. MIKHALOVSKIY AS AN INTERPRETER OF THOMAS HOOD POETRY

D. N. Zhatkin, E. V. Krekhtunova

The article pioneers the comparative analysis of T. Hood's poems "The Song of the Shirt", "The Bridge of Sighs", "The Death-bed", "The Lee Shore", "The Bachelor's Dream", and their Russian translations that were made by D. L. Mikhlovsky in the second half of the 19th century. The study entails the conclusion that though D. L. Mikhlovsky's translations are expressive, rich in bright images, display the translator's ability to feel the English author's tragic worldview, they can not be regarded as true translations. They are more likely to be loose poetic interpretations of the original stemming from Russian social-political and literary life and are closely linked to Russian reality. The authors resort to extensive factual data concerning the

⁶⁸ Михаловский 1896, 142.

perception of Thomas Hood's poetry in Russia at the time of D. L. Mikhlovsky's translations. In particular it can be applied to opinions and judgments of M. L. Mikhailov, A. V. Druzhinin, F. M. Dostoevsky, A. A. Korinfsky, and others.

Key words: T. Hood, D. L. Mikhlovsky, Russian-English literary relations, literary translation, poetry, reminiscence, reception, comparative study, cross-cultural communication.

© 2011

В. Б. Петров

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОСОФИЯ В ПРОЗЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

В булгаковском творчестве середины 20-х годов проблема судеб интеллигенции в революционной действительности трансформируется в вопрос о ее месте в постреволюционном мире. Поднимая в сатирических повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» вопрос о путях общественного развития, автор отдает явное предпочтение Великой Эволюции.

Ключевые слова: революция, социальный эксперимент, Апокалипсис, сатира.

Проблема России, ее настоящего и будущего является одной из глобальных, извечно занимающих сознание российской интеллигенции. О России и русском народе размышляют и писатели, и философы. Что есть Россия? Ужели — «деревня», где «по Сеньке и шапка, по холопу и барин» (И. Бунин)?! Или же «птица-тройка» (Н. Гоголь), в которую возможно «только верить» (Ф. Тютчев)?! Пафосно-патетические интонации, доминирующие в официально признанной литературе социалистического реализма, оттеняются эсхатологическими настроениями как в философских, так и в художественных произведениях первой трети XX века. У философов они вытекали из попыток объяснить смысл современной истории, у писателей — из стремления понять происходящее.

Конец XIX — начало XX века в России воспринимался современниками как переломная эпоха, как своеобразный рубеж на пути исполнения Россией своего исторического предназначения. Революция, которая многим представлялась и неким испытанием, и точкой отсчета нового времени, породила всплеск романтических иллюзий в жанре утопии (А. Богданов, А. Чаянов). Но если в западных философских доктринах центральное место занимает категория «Я», то в России — «Мы»: стремление к единению духа, к соборности. Однако в новых социальных условиях, когда в Советской России, по замечанию Н. Бердяева, человек «перестает быть высшей ценностью»¹, идея соборности оказалась скомпро-

Петров Василий Борисович — доктор филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы. E-mail: omr@masu.ru

¹ Бердяев 1983, 293.

метированной идеологическими постулатами пролетарского интернационализма. Именно поэтому многие писатели, в том числе и М. Булгаков, предпочли противопоставить безликому «Мы» нравственно определенное «Я».

В середине 20-х годов на смену драматической и трагической тональности произведений М. Булгакова о последних защитниках «белого дела» постепенно приходит сатирическая и трагифарсовая струя авторских раздумий о настоящем и возможном будущем России. Проблема судеб интеллигенции в революционной действительности трансформируется в вопрос о ее месте в постреволюционном мире. Еще М. Горький в «Несвоевременных мыслях» во многом предугадал трагические последствия скороспелой социальной революции. В статье «Грядущие перспективы» Булгаков, размышляя о кровавом следе современной российской усовицы, предупреждает о предстоящей расплате «за безумие дней октябрьских...»² и, обращаясь к потомкам, предостерегает их публицистически («Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию!»³), а затем и художественно (в сатирических повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце»).

В основе «мифологического» сюжета повести «Роковые яйца» — трагические последствия фантастического эксперимента, однако фантастика здесь явно не самоцель. Совершенно случайно, как это часто бывает в науке, директор московского зооинститута Персиков совершает удивительное открытие — «красный луч жизни». И тут же автор начинает с читателем весьма тонкую многослойную игру, в которой каждая из деталей имеет как прямое, так и переносное значение.

Этот двойственный подход отмечается еще в процессе самого эксперимента («...в том месте, где пролегал **красный заостренный меч** (возникает ассоциативная связь с мечом из финала «Белой гвардии» — П.В.; здесь и в дальнейшем курсив мой — П.В.), происходили странные явления. В **красной** полосочке кипела жизнь. **Серенькие** амебы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в **красную** полосу и в ней (волшебным образом — П.В.) оживали»⁴). Красное и серое (вопреки семантике этих цветов) не только не противостоят друг другу, а активно взаимодействуют. Кстати, в 9-й главе появляется «труп человека в **сером** у двери, рядом с винтовкой»⁵, знакомого нам по финальной сцене «Белой гвардии». Под влиянием «**красного** луча», открытого в «**сером** неприглядном» корпусе на Тверской, вырастает до чудовищных размеров, «**серая** на блюде, влажная лягушка величиною с кошку»⁶, а змея оборачивается «**сероватым** и оливковым бревном»⁷.

То, что «луч жизни» красного цвета, имеет для персонажей, окружающих Персикова (в **серых** пиджаках и с **серыми** шляпами), первостепенное значение. Не случайным представляется и подбор цветоопределений: «сотрудник московских журналов — **Красный** огонек», «**Красный** перец», «**Красный** журнал», «**Красный** прожектор» и газеты «**Красная** вечерняя газета», «сотрудник сатирического журнала **Красный** ворон», издания ГПУ», местная газета «**Красный** боец»,

² Булгаков 1999, 6.

³ Там же, 8.

⁴ Булгаков 1997, 283.

⁵ Там же, 331.

⁶ Там же, 309.

⁷ Там же, 326.

показательный совхоз «*Красный* луч», «номера на Тверской «*Красный* Париж». Как тут не вспомнить «*красную* свадьбу» Присыпкина в «Клопе»!?

Автор обращает внимание на то, что обнаруженный фантастический «эффект» порожден *неестественным* образом: «в спектре солнца его нет... добыть его можно только от *электрического света*»⁸. Цветовое решение экспозиции действия (описание лаборатории Персикова) уже содержит конфликтную символику. Устойчивые и символические для автора образы — «лампа под зеленым абажуром», «шкапы с книгами» и «кремовые шторы» (в данном случае окраска) — сталкиваются с «чучелами», «препаратами», «гадами» и стеклянными электрическими лампами.

О противоестественности открытия Персикова свидетельствует и то обстоятельство, что сделано оно было под «стеклянным потолком» благодаря многочисленным случайным отражениям: «Один гибкий на ножке рефлектор бросал пучок острого света на *стеклянный* стол, заваленный инструментами и *стеклами*. Отвалив спинку винтящегося кресла, Персиков в изнеможении курил и сквозь полосы дыма смотрел *мертвыми* от усталости, но довольными глазами в приоткрытую дверь камеры, где, чуть подогревая и без того душный и *нечистый* воздух в кабинете, тихо лежал *красный* сноп луча»⁹. Стекло у Булгакова как бы искажает реальность, и в одном семантическом ряду оказываются *красный* луч, *нечистый* воздух и *мертвые* глаза.

Появление в булгаковской повести Александра Семеновича Рокка воспринимается, с одной стороны, как продолжение фарсово-буффонадной линии, с другой, — в мистико-сатирическом ключе; однако чем дальше продвигалась «созидательная» деятельность героя, тем больше наблюдалось в происходящем «странного», «необъяснимого», почти «колдовского». На первый взгляд, речь в повести идет, прежде всего, о недопустимости некомпетентного использования научных открытий. Действительно, «на горе республике кипучий мозг Александра Семеновича не потух: в Москве Рокк столкнулся с изобретением Персикова, и <...> родилась у Александра Семеновича идея, как при помощи луча Персикова возродить в течение месяца кур в республике»¹⁰. Одержимый великой идеей, подобно героям книги Уэллса «Пища богов», Александр Семенович Рокк мечтает накормить все население советской России. Но существующая бесхозяйственность и ограниченность советских руководителей приводят к непредсказуемым трагическим последствиям: заведующий показательным совхозом «*красный* комиссар» Рокк при помощи «*красного* луча» жизни в совхозе «*Красный* луч» вырабатывает гигантских голых гадюк, которые затем пытаются захватить огромные пространства Республики Советов.

По иронии судьбы вместо творения новой жизни едва не наступает апокалипсис, а в карнавал человеческих страстей вплетается почти библейское пророчество конца мира. Потому-то Александр Семенович и имеет «эсхатологическую фамилию», а деревня возле совхоза «Красный луч» именуется Концовкой.

Змееборческий мотив в повести травестийно ассоциируется с «Чудом Святого Георгия»: кавалеристы, вооруженные пиками, отправляются защищать столицу

⁸ Там же, 284.

⁹ Булгаков 1997, 310.

¹⁰ Там же, 321–322.

от нашествия змей. Перед читателями в фарсовом ключе разворачивается современный Армагеддон, чему в немалой степени способствует пародийное исполнение «бравой» песни всадников на мотив Интернационала: «Ни туз, ни дама, ни валет,/ Побьем мы гадов без сомненья,/ Четыре сбоку — ваших нет...». Однако Георгий Победоносец, как и в «Беге» (реплика Хлудова), отвернулся от России. Спасение приходит неожиданно — там, где оказалась бессильна регулярная армия, вмешался господин случай — мороз посреди лета.

Так обнаруживается подтекст повествования — мотив спасения земли русской, который в булгаковской повести иронически перекликается с умонастроениями российской интеллигенции накануне революции. С. Булгаков в статье «На пиру богов» описывает их таким образом: «Перед самым октябрьским переворотом мне пришлось слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богоматери на сердце вдруг совершенно яственно прозвучало: Россия спасена. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена — Богородичною силою»¹¹.

В чем смысл человеческой и исторической справедливости? Как соотносятся правда и истина? Семантическая иерархия этих понятий в булгаковской системе ценностей предполагает наличие двух уровней: на первом правда ассоциируется со СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ, правда второго уровня — с приближением к ИСТИНЕ, которая становится и смыслом, и высшей ценностью. Не случайно в «Роковых яйцах» Булгаков пародийно обыгрывает один из самых распространенных космогонических символов (яйцо), обозначающих здоровье, плодородие, богатство. В древнерусском языке слову «яйцо» соответствует «исто», которое фонетически коррелируется со словом «истина».

Гибель в финале повести кабинетного ученого Персикова во многом предопределена — это расплата за неспособность управлять социальным прогрессом. Последние строки повести звучат почти реквиемом, в котором слышится и мотив бренности всего сущего перед лицом вечности, и торжество исторической справедливости. За внешним, событийным планом повествования, выписанным то в фельетонно-карнавальном, то в лирико-трагедийном тональности, в «Роковых яйцах» встает и второй — социально-философский пласт. И дело здесь не столько в том, что *Рокк* сыграл свою *роковую* роль в судьбе эксперимента («Рок с бумагой? Редкое сочетание...»¹²), сколько в самом иносказательном «эксперименте», бессмысленно ввергшем «всех русских людей в бездну бедствий и отчаяния»¹³. Гротескный реализм Михаила Булгакова обнажает социальные последствия революционного максимализма, когда идеи всеобщего равенства и благоденствия, помноженные на красную революционную мораль и пролетарскую солидарность, должны были привести к светлому будущему. Но, как говорится, благими намерениями путь в ад вымощен.

¹¹ Булгаков 1990, 144.

¹² Булгаков 1997, 310.

¹³ Франк 1994, 494.

Повесть «Собачье сердце» (1925) не только хронологически, но и логически, по мнению Г. Струве, продолжает «Роковые яйца» (1924), поскольку представляет собой «утопическую сатиру на одну и ту же тему: о характере и целесообразности социальных переворотов в истории»¹⁴. С этой темой связан целый ряд произведений 20-х — 30-х годов, конфликт в которых основан на столкновении культурной традиции и идей Великой Эволюции с ограниченностью и экстремизмом освобожденных революцией масс.

Одним из наиболее ярких примеров того, как через призму фантастического сюжета просвечивают современные проблемы, по праву считается повесть «Собачье сердце». Сугубо медицинский эксперимент здесь превращается в эксперимент социальный, в проверку распространенной формулы «кто был ничем, тот станет всем». Подобно доктору Моро («Остров доктора Моро» Г. Уэллса), профессор Филипп Филиппович Преображенский и его помощник доктор Борменталь пытаются хирургическим путем, минуя все этапы эволюции, превратить низшее существо в венец творения — в человека («Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу!»¹⁵). Замысел сам по себе грандиозен, однако человек — не Бог; в поисках истины, самоутверждаясь, он действует зачастую по наитию. Отсутствие универсального канона рациональной истины в этическом плане означает исходную амбивалентность его поступков: стремясь к высокому, можно достичь низкого, а благие намерения обратить во зло. В результате операции из нормального пса Шарика возникает чудовищное существо, уже не является собакой, но еще не стало человеком, что воспринимается как наглядное гротескно-фантастическое воплощение «Несвоевременных мыслей» Горького.

Автор обращает внимание на то, как разительно отличается течение мыслей Шарика до, во время и после эксперимента. Не может не вызвать сочувствия голодный, искалеченный пес, который дает удивительно меткие характеристики окружающему: «Неужели я обожру совет народного хозяйства, если в помойке пороюсь? Жадная тварь! Вы гляньте когда-нибудь на его рожу: ведь он поперек себя шире. Вор с медной мордой. Ах, люди, люди <...>. Дворники из всех пролетариев — самая гнусная мразь <...> «Этим что нужно?» — неприязненно и удивленно подумал пес»¹⁶, озирая четверых представителей домоуправления, пришедших на квартиру Преображенского.

Совершенно иначе рассуждает Полиграф Полиграфович Шариков. Моментально адаптируясь в человеческой среде, он сначала усваивает всевозможные ругательства («*подлец*», «*сволочь*», «*гнида*», «*сукин сын*» и т.д.), а затем и пролетарский лексикон («*товарищ*», «*буржуй*», «*контрреволюция*», «*Энгельс*», «*Каутский*»). Шариков находит не только взаимопонимание с пролетариями, но и постоянное место службы, обнаруживая при этом явную тенденцию занимать руководящие посты. Реализуя на практике пролетарскую доктрину «экспроприации экспроприаторов», Полиграф Полиграфович при поддержке управдома Швондера претендует на жилплощадь в квартире профессора Преображенского: «...вытащил из кармана три бумаги: зеленую, желтую и белую и, тыча в них пальцами, заговорил: — Вот. Член жилищного товарищества, и площадь мне полага-

¹⁴ Струве 1969, 6.

¹⁵ Булгаков 1997, 391.

¹⁶ Там же, 347–348.

ется определенно в квартире номер пять у ответственного съемщика Преображенского в шестнадцать квадратных аршин, — Шариков подумал и добавил слово, которое Борменталь машинально отметил в мозгу как новое: “благоволите”¹⁷.

Стремясь решить пресловутый «квартирный вопрос», Шариков в духе времени пишет донос на своего благодетеля, изобилующий весьма специфическими оборотами: «А также угрожая убить председателя домкома товарища Швондера, из чего видно, что хранит огнестрельное оружие. И произносит контрреволюционные речи, даже Энгельса приказал своей социалприслужнице Зинаиде Прокофьевне Буниной спалить в печке, как явный меньшевик со своим ассистентом Борменталем Иваном Арнольдовичем, который тайно, не прописанный проживает у него в квартире»¹⁸.

Преображенский и Борменталь, пытаясь понять причину столь чудовищных последствий операции, полагают, что она кроется в исходном материале («— Исключительный прохвост. — Но кто он — Клим, Клим, — крикнул профессор, — Клим Чугункин (Борменталь открыл рот) — вот что-с: две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали (тут Филипп Филиппович вспомнил юбилейную палку и побагровел) — хам и свинья... Ну, эту палку я найду. Одним словом, гипофиз — закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное!»¹⁹. Автор во многом солидарен с героем, однако смотрит гораздо глубже; ему близка точка зрения С. Булгакова, высказанная в статье «На пиру богов»: «Признаюсь вам, что “товарищи” кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян — homo socialisticus»²⁰. Причина неудавшегося эксперимента, по М. Булгакову, кроется совсем не в Климе Чугункине, а в невозможности «хирургическим» (революционным) путем создать «из ничего» нормальную человеческую индивидуальность. ЛИЧНОСТЬ для Булгакова определяется, прежде всего, характером нравственных и эстетических запросов. Шариков не личность, это средняя величина, отражающая некое социальное явление. Шариков интересен не сам по себе, а как герой-функция, выявляющий несообразности новой общественной системы. Только в кошмарном сне можно представить появление подобных шариковых, но еще удивительнее то, что Полиграф Полиграфович мгновенно обрастает двойниками (Швондер, представители домоуправления, рабочие горочистки). И если Шариков — продукт операции профессора Преображенского, то его двойники — результат глобальной «операции» — Октябрьской революции.

Точка зрения профессора Преображенского на происходящее близка авторской: разруха в стране — следствие разброда в умах, в сознании победившего класса. В этой связи вспоминается обобщающая реплика профессора Преображенского: «Пропал дом!». Как и дом Турбиных, квартира профессора не может стать тихой гаванью «в развороченном бурей быте». Поначалу революционная новь отражается в отдельных афористически отточенных иронических высказываниях Преображенского («не читайте до обеда советских газет», «кто-нибудь из

¹⁷ Там же, 416.

¹⁸ Булгаков 1997, 430.

¹⁹ Там же, 421–422.

²⁰ Булгаков 1990, 97–98.

этих пролетариев уже ходит в моих галошах»), затем в его дом по праву «гегемона» врываются Швондер и работники домоуправления и, наконец, профессор с ужасом осознает, что он своими руками создал чудовищную пародию на человека с пролетарской психологией. Оценивая социальную опасность шариковых, доктор Борменталь восклицает: «...ежели его еще обработает этот Швондер, что ж из него получится?! Боже мой, я только теперь начинаю понимать, что может выйти из этого Шарикова!». «— Ага! Теперь поняли? — произносит в ответ профессор Преображенский. — А я понял через десять дней после операции. Ну, так вот, Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь в свою очередь натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки»²¹.

Одной из основных причин, породивших духовную нищету шариковых, Булгаков считает отсутствие нравственной опоры в обществе. Размышляя в статье «Большевизм и коммунизм как духовные явления» об особенностях русской ментальности в переломную эпоху, С. Франк писал: «Если русскому человеку присущ настоящий «страх Божий», действительная религиозная просветленность, тогда он проявляет признаки удивительного духовного величия и чистоты; или же, если он утратил веру, он становится полнейшим нигилистом, уже ни во что не верящим, полагающим, что теперь все позволено»²². По Булгакову, революция — тоже одно из проявлений нигилизма... социального (!).

Фигура Шарикова становится для Булгакова средством критического осмысления гротеска современной ему действительности, и повестью «Собачье сердце» он показывает, чем на деле может обернуться идея социального равенства. Несмотря на глубокую тревогу Булгакова за будущее России, за ее традиции, ее культуру прогноз писателя в 20-е годы был оптимистичен: в финале повести профессору Преображенскому удастся обратная операция, и все возвращается на круги своя. Поднимая вопрос о путях общественного развития, автор отдает явное предпочтение ВЕЛИКОЙ ЭВОЛЮЦИИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А. 1983: Философия свободы. Смысл творчества. М.
Булгаков М. А. 1997: Избр. соч.: в 3 т. Т. 1. М.; СПб.
Булгаков Михаил. 1999: Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы. М.
Булгаков С. Н. 1990: На пиру богов // Из глубины: Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М., 90–144.
Струве Г. 1969: Собачье сердце // Русская мысль. Париж, 22. 05. 1969.
Франк С. Л. 1996: Русское мировоззрение. СПб.
Франк С. Л. Смысл жизни // Смысл жизни: Антология / Н. К. Гаврюшин (ред.). М., 489–583.

²¹ Булгаков 1997, 422–423.

²² Франк 1996, 184.

ARTISTIC HISTORIOSOPHY IN THE PROSE OF MIKHAIL BULGAKOV

V.B. Petrov

The mid thirties of the 20th century saw Bulgakov going from the problem of intelligentsia fate in revolutionary reality to the problem of its place in a post-revolutionary world. In his satirical novellas Bulgakov raises an issue of social progress giving marked preference to Great Evolution.

Key words: Mikhail Bulgakov, satire.

© 2011

И. Ф. Герасимова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ВОЙНЫ И МИРА В ЛИРИЧЕСКОЙ
ПОЭЗИИ XX ВЕКА

В статье анализируется лирика поэтов — участников различных военных событий XX века. Делаются выводы о том, что образ возлюбленной при всех видимых различиях имеет общие черты в лирике поэтов разных стран: он отражает ментальность автора, силен, может быть рассмотрен как неотъемлемая часть образа мужества и как воплощенная жизненная ценность, ассоциирующаяся с миром и счастьем, которую необходимо защищать даже ценой жизни.

Ключевые слова: лирический герой, архетип, ментальность, национальный характер, духовная общность.

Неоднократно замечено, что в период катаклизмов обостряются человеческие чувства, в том числе и любовь. Периоды войн в истории человечества не исключение. Так, многие поэты стран, вступивших в Первую мировую, создали немало проникновенных произведений о любви.

С типологических позиций весьма интересно проследить, как воссоздается в них образ лирической героини-возлюбленной, что позволит обнаружить как сходства, так и различия в осознании различными культурными мирами ценности любви.

Например, француз Луи Жандро (Louis Gendreau) в стихотворении «Что такое война»¹ в полном соответствии с кодексом чести, которому присущ традиционный набор «мушкетерских доблестей» французского воина, старается убедить свою возлюбленную в том, что славно проводит время в мужской компании. При-

Герасимова Ирина Фёдоровна — кандидат филологических наук, докторант кафедры русской литературы Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова.
E-mail: gif221255@yandex.ru

¹ Жандро 1917, 51–52.

мечательно, что он делает это от лица всех своих товарищей, понимая, что, видимо, его объяснения станут достоянием и других женщин, проводивших своих любимых на фронт: «Война, мой милый друг, — уж мы-то лучше знаем, — // Совсем не так страшна, как принято считать...». Правда, в одном «неудобстве» лирический герой все же признается своей возлюбленной, галантно делая ей комплимент: «Одно здесь тяжело, действительно: разлука, // Уж если правду говорить».

Женский образ сопряжен в этом стихотворении с образом дома, семьи: лирический герой не скрывает, с каким волнением ждут солдаты писем и насколько они важны для поддержания боевого духа:

Все ждут желанной вести.
Кому-то суждена сегодня благодать —
С женою, с дочерьми побыть мгновенье вместе,
Всех милых сердцу повидать.

Внутренний взор солдата направлен в сторону любимых не случайно: среди ужасов войны они являют собой тот свет, который помогает сохранить в человеке человеческое.

В стихотворении «Всенощная» русского воина-поэта князя Ф. Касаткина-Ростовского выражены переживания солдат, стоящих на вечерней молитве: даже близость предстоящей битвы не способна заглушить «прошлого... воспоминанья... // В природы близости и близости Творца». И чувства эти не случайно переданы так реалистически и психологически: «Храни, Господь, оставшихся далеко! // Дай, Боже, мощь врага скорее сокрушить!»². Женщина представлена в этом произведении опосредованно — в мыслях о доме и о судьбе Родины, вступившей в войну, — но также как безусловная ценность культуры мира, которую необходимо защищать.

Руперт Брук — один из самых известных английских поэтов периода Первой мировой войны — в сонете «Safety» («Защищенность»), входящем в цикл «1914», признается возлюбленной: «Любимая!.. // Я защищен. Войне не хватит воли, // И Смерть бессильна против красоты» (пер. Noumenon)³. Чувства, высказанные в то время, когда поэт испытывал одно из глубочайших жизненных разочарований в связи с тем, что «his girlfriend, Ka (Katherine) Cox, had shown an interest in another young man» (его подруга Ка (Кэтрин) Кокс проявляла заинтересованность в другом молодом человеке)⁴, не могут не убеждать в понимании высокой значимости любви в жизни солдата.

Французский поэт Луи Мерсье (Louis Mercier) в «Молитве против соблазна воспоминаний»⁵ от имени фронтовиков просит Бога оградить его «от воспоминаний милых» «об очаге домашнем»:

А мы, мы прошлому всю нежность завещали,
К нему стремимся мы в тиши часов унылых...
Не дай нам, Господи, прельщения печали,
Прельщенья горького воспоминаний милых!..

² Касаткин-Ростовцев 1915, 59.

³ Брук, http://zhurnal.lib.ru/k/k_o_w/dead-l.shtml.

⁴ Brook, <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

⁵ Мерсье 1917, 54–55.

По мнению лирического героя этого стихотворения, «соблазн воспоминаний» способствует тому, что «изнеможет дух в угрюмом наслажденье, // Он станет забывать свой долг неумолимый». Заметим, что для русской поэзии периода Первой мировой войны подобные настроения практически не свойственны. Пожалуй, одним из немногих исключений, впрочем, только подтверждающим правило, является стихотворение Н. Агнивцева «Весна 1915 г.»⁶. В нем поэт призывает не петь «о любви под грохот канонады». По его мнению, «лирический Ромео» должен находиться в окопе, поскольку создан «не только лишь для дам», а «розы красны» не потому, «что так желательно кокетливой Весне», — «кровью, может быть, опрыснуты оне». По сути, Н. Агнивцев протестует против позиции некоторых авторов ограничивать любовную лирику «розосоловьинной» тематикой, призывает деятелей искусства в военное время занять активную позицию: «Довольно, черт возьми, вздыхать и охать вам!».

Многие другие русские поэты видят в любимой женщине источник жизненных сил и вдохновения. Так, диптих С. Городецкого «Письма с фронта» (1916)⁷ адресован жене — А. Городецкой. Лирическая героиня любовных посланий поэта — женщина одновременно и земная, и небесная: «...Смеясь и сияя, // В высоте, как спасительный сон, // Ты стоишь надо мной, дорогая». Не случайно рядом со своей любимой помещает лирический герой и звезду, соединяющую их в разлуке: «Одна звезда над нами светит...» («Прости меня, когда я грешен...»); «скорбь моя... оборвала лучи у звезды, // У вечерней звезды белокрылой» («О тебе, о тебе, о тебе...»). Лирический герой С. Городецкого не боится выказать свою слабость, поскольку женщина для него — изначально существо высшего порядка⁸.

Отметим, что и себя, и возлюбленную он признает едиными во Христе: «Одной мы скованы любовью // И под одним крестом идем». Таким образом, присутствие Бога в духовном пространстве любовной лирики — важная особенность поэзии начального периода Первой мировой войны.

Например, у Н. Гумилева в стихотворении «Война»⁹ дух (воина) в соответствии с евангельской символикой уподоблен Жениху, идущему к «Невесте в дивный час». Лирический герой не мыслит себя в отрыве от возлюбленной.

То же присутствие Бога рядом с женщиной обнаруживается и в стихотворении Л. Афанасьева «Лежал я в поле средь трупов смрадных...», написанном от лица раненого, спасенного сестрой милосердия: «Явилась жизнь под красным знаком, // Под милосердьем святым креста»¹⁰. Здесь напрямую высказывается мысль о том, что женщина является охранительницей (а в данном случае — спасительницей) мужчины-воина, что характерно для русской литературной традиции.

Так, много позднее, в 1941 году, К. Симонов — русский советский поэт, фронтовой журналист — облек чаяния тысяч мужчин в четкую формулу: «Жди меня»¹¹. Стихотворение с тем же названием по праву считается не просто од-

⁶ Агнивцев 1915, 110.

⁷ Городецкий, <http://gorodetsky.ouc.ru/pisma-s-fronta.html>.

⁸ Герасимова 2010, 599.

⁹ Гумилев 1915, 99.

¹⁰ Афанасьев 1915, 166.

¹¹ Симонов 1941, 18–19.

ним из лучших в творчестве поэта, но и является значительным вкладом в советскую литературу периода Великой Отечественной войны. Будучи сначала «личным письмом в стихах»¹², оно получило впоследствии всенародное признание. «Феномен “Жди меня”, вырезаемого, перепечатываемого и переписываемого, посылаемого с фронта домой и из тыла — на фронт, выходит за рамки поэзии. “Жди меня” — молитва атеиста, заговаривание судьбы, хрупкий мост между жизнью и смертью, и оно же — опора этого моста. В нем же предсказано, что война будет долгой и жестокой, и угадано, что человек — сильнее войны. Если любит, если верит»¹³, — так воспринимает стихотворение сын поэта Алексей Симонов, выразивший, на наш взгляд, суть стихотворения и суммарное мнение о произведении многих людей различного возраста и рода занятий за более чем шестидесятилетнюю историю его существования. К числу последних следует отнести и англичанина Майка Манфода (Mike Munford), считающего, что «for innumerable others as well as for the poet, it expressed what they wanted to believe». And as an expression of national self-confidence, it was very important»¹⁴ (для бесчисленного числа других, равно как и для поэта, оно выражало то, во что верить хотелось). На наш взгляд, это произошло и потому, что поэту удалось выразить ментальный дух народа, в данном случае — через обращение к духовно-нравственному наследию русского фольклора и древнерусской литературы: вспомним легендарный образ Ярославны — символ непобедимой женской верности и любви. Не случайно «Ярославне посвящены стихи военных лет О. Берггольц, С. Наровчатова, Н. Брауна, Л. Татьянической, Вл. Зотова, А. Малышко, П. Воронько, поэма П. Антокольского»¹⁵, — замечает литературовед Л. Сазонова.

Характерно, что в жанре стихотворной молитвы в годы Великой Отечественной войны было написано не одно произведение. Так, в 1941 году украинский поэт Микола (Николай Александрович) Упеник сочинил стихи, обращенные к любимой женщине — жене [«Р.У.» в посвящении означает «Раисе Упеник» — И. Г.] и назвал их «Кохай мене» («Люби меня»). Лирический герой (здесь совпадающий с автором) — советский солдат (с самого начала войны М. Упеник был в действующей армии) обращается к своей возлюбленной, признаваясь в необходимости ее присутствия рядом с ним, солдатом. Русский перевод стихотворения сделан Г. Юнаковым, он сохранил ритмическую схему стихотворения, однако по сравнению с оригиналом данный перевод может быть признан вольным:

Кохай мене, я твій завжди,	Люби меня. Я твой всегда,
незмінна подруго далека.	разлука — времени уступка, —
Моя зажурена лелеко,	моя печальная голубка,
прилинь сюди! (Люби меня, я твой	лети сюда! ¹⁶
навсегда, // Верная далекая подруга. //	
Мой печальный аист, // Прижмись!)	

У М. Упеника возлюбленная названа «лелека» — аист, в переводе Г. Юнакова она голубка. У М. Упеника образ возлюбленной связан с надеждами лириче-

¹² Симонов 1975, 52.

¹³ Симонов 2006, 15.

¹⁴ Munford, <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

¹⁵ Сазонова 2003, 202–203.

¹⁶ Упеник 1985, 33.

ского героя на появление ребенка, то есть на обретение им бессмертия, поскольку известно, что аист является «священной птицей древнегреческой богини Геры — покровительницы кормящих матерей. Именно эта традиция легла в основу бытующего на Западе [и не только на Западе — И. Г.] поверья, что аисты приносят младенцев... В христианской иконографии аисты символизируют чистоту, благочестие и воскрешение»¹⁷. В переводе возлюбленная метонимически названа голубкой. Как известно, голубь как символ — это «мир, чистота, любовь, безмятежность, надежда. Христианская эмблема Духа Святого... целомудрия... Пара голубей на протяжении многих лет считается символическим изображением сексуальной гармонии, может быть, поэтому голубка стала персонификацией внимательной и нежной жены»¹⁸. Таким образом, и в стихотворении М. Упеника, и в вольном переводе Г. Юнакова практически совпадают ментальные основы образа возлюбленной. Искренняя любовь лирического героя к женщине — жене — возвышает и его, солдата, сражающегося за свободу своей страны, мир и жизнь. Как и «Жди меня» К. Симонова, оно пронизано верой в мирное и счастливое будущее, завоеванное совместными его и ее усилиями.

Заметим, что эта поэтическая традиция продолжена и в лирике современных поэтов — офицеров, выполнявших свой воинский долг в Афганистане и других «горячих точках» на карте конца XX и начала XXI вв.

Так, Виктор Верстаков — боевой офицер, участвовавший в военных операциях в Афганистане и Чечне, награжденный орденом «Знак Почета» и медалью «За боевые заслуги», лауреат литературных премий имени Б. Полевого, А. Твардовского, К. Симонова, А. Платонова, М. Лермонтова, И. Бунина, «Традиция» и ряда других — в стихотворении «Война и любовь не бывают случайны...» пишет: «Смотрю на тебя как на дивную тайну: // Ты в мире одна, нет у Бога второй»¹⁹.

Тот же автор в другом стихотворении — «Разочарованным героем...» — призывает своих современников не уходить в быт «разочарованным героем», поскольку по-прежнему существуют «одна любовь. Одна присяга. // Одна великая страна. // Уже строка: “Назад ни шагу!” — // В приказ на завтра внесена»²⁰.

Верный правде жизни, В. Верстаков в стихотворении «Из пламени Афганистана» рассказывает и о смертях «сыновей Родины», и о жестоком сопротивлении душманов, и о том, что солдатская вдова, надев «на левую руку кольцо // из пламени Афганистана», не всегда остается верна памяти мужа:

Но год или два,
и ты вспомнишь едва
любви не смертельные раны.

По сути, лирический герой не только обличает войну — убийцу людей и их любви, но и противопоставляет ей собственную волю и *жертвенную любовь* солдата, должного и способного одержать победу: «Я сделаю все, чтоб ты вышла жива // из пламени Афганистана»²¹.

¹⁷ Трессидер 1999, 9.

¹⁸ Там же, 60–61.

¹⁹ Верстаков 2006, 69.

²⁰ Верстаков 1999, 17.

²¹ Верстаков 2006, 78.

Мысль об ответственности двоих за сохранение жизни на земле звучит и в стихотворении «Листва хрустела под ногами...» того же автора. И даже если любовь уходит, «утратив образ божества», в душе мужчины — защитника, солдата — она остается навсегда: «Прости, любовь. Прощай, аллея. // Хрусти, нетленная листва»²². По мысли лирического героя этого произведения, именно вечность любви дает силу мужчине.

В стихотворении Виктора Николаева [бывшего вертолетчика, служившего в Афганистане, ныне священника и автора книги «Живый в помощь. Записки “афганца”». — И. Г.] «Я тебе низко кланяюсь, Женщина!..» находим образ возлюбленной, соотнесенный с образом Божьей Матери:

Я тебе низко кланяюсь, Женщина!
Как споручнице нашей семьи.
Мы, как крепость, под Богом повенчаны
И вдвоем одно целое мы²³.

Женщина здесь не только «товарищ по поруче. Споручный, сподручный... что кому с руки»²⁴, она земной образ «Споручницы грешных». Именно так называется одна из почитаемых в православии икона Богородицы, получившая свое название от надписи, сохранившейся на ней: «Аз Споручница грешных к Моему Сыну...»²⁵. В стихотворении современного автора архетип *женщина* осмыслен в русле русской ментальности и традиции русской литературы.

Таким образом, замечено, что в лирике поэтов — участников сражений — архетипы *дом* (семья), *женщина*, *Бог*, *любовь* соседствуют с образами войны как одного из символов разрушения, хаоса, а также «жестокости» XX-го и начала XXI века²⁶, одновременно противостоя им.

Образы лирического героя и лирической героини свидетельствуют о проявлении в них различных национальных культурных парадигм.

Так, образ лирической героини и в западноевропейской, и в русской лирике явлен сквозь призму восприятия лирическим героем. Он благоговееет перед возлюбленной, полон решимости ее защищать, но только в стихах русских авторов она, в соответствии с русской фольклорной и литературной традицией, воспринимается как охранительница (спасительница). Образ возлюбленной многогранен: он самодостаточен и в то же время может быть воспринят как составная часть образа мужества, столь характерного для лирики военных периодов мировой и отечественной истории, созданной во время войны.

Что касается лирического героя, то и на поле боя он даже в мыслях не отказывается от проявлений любви к единственной для него женщине [пусть и в виде отречения от «соблазна воспоминаний», — И. Г.]. В то же время стихи способствуют не только пониманию неизбежных различий проявления национальных характеров, но и духовной общности лирических героев произведений поэтов-воинов, протестующих против разъединения людей и утверждающих общечеловеческие ценности. Мирочувствование лирического героя простирается далеко за пределы

²² Верстаков 1999, 29.

²³ Николаев, <http://sp.voskres.ru/prose/nikolaev1.htm>.

²⁴ Даль 1911, 458.

²⁵ Тальберг 1997, 307–308.

²⁶ Маслов, Прудник, www.polit.nnov.ru/2007/02/21/symbolwar.

конкретики (исторического события, истории любви, той или иной страны) к земному бытию в целом.

Отсюда и жанровые особенности лирики: при возможных модификациях основу жанровой структуры произведений поэтов-воинов составляет лирический дневник, отражающий реалии личного и мирового космоса в переломные моменты истории.

ЛИТЕРАТУРА

- Агнивцев Н.* 1915: Под звон мечей. Пг.
- Брук Р.* 1914. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/k/k_o_w/dead-l.shtml.
- Верстаков В.* 1999: Русские времена. Стихи и песни. М.
- Герасимова И.* 2010: Мифопоэтическая символика в лирике поэтов Первой мировой и Великой Отечественной войн: С. Городецкий и К. Симонов (опыт сравнительно-типологического анализа) // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы Второй международной научно-практической конференции: Электронная книга / Н. А. Карлик, К. Н. Антонова, Д. С. Исаева, И. В. Юрова, А. А. Чевтаев (ред. кол.). СПб., 599–603.
- Глинский Б.* (ред.) 1915: Современная война в русской поэзии: в 2-х ч. Пг.
- Городецкий С.* 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.
- Даль В. И.* 1911: Толковый словарь живого великорусского языка: в 5 т. Т. 4. СПб.; М.
- Лабри Р.* 1917: Поэты войны // Аполлон. 4–5, 48–57.
- Маслов О., Прудник А.* 2011: Война как символ (Символы и знаки XXI века). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2007/02/21/symbolwar>.
- Николаев В.* 2011: «Я тебе низко кланяюсь, Женщина!..» // Союз писателей России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sp.voskres.ru/prose/nikolaev1.htm>
- Сазонова Л. И.* 2003: «Слово о полку Игореве» в поэтических контекстах XX века // Теоретико-литературные итоги XX века / Ю. Б. Бореев, Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников (ред.). Т. 1. М., 202–203.
- Симонов А. К.* 2006: Биография отца, написанная сыном // Литература в школе. 9, 14–17.
- Симонов К. М.* 1941: Жди меня // Новый мир. 11–12, 18–19.
- Симонов К. М.* 1973: От Халхин-Гола до Берлина. М.
- Тальберг Н. Д.* 1997: Пространный месяцеслов Святых в Земле Российской просиявших. В каких нуждах каким иконам надлежит поклоняться. СПб., 307–308.
- Ткаченко П.* (сост.) Военный романс. Песни русского воинства: 2006: М.
- Трессидер Дж.* 1999: Словарь символов. М.
- Упеник М.* 1985: Стихотворения и поэмы. М.
- Brooke R.* 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.
- Munford M.* The Poet. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

NATIONAL IMAGES OF WAR AND PEACE IN THE LYRICAL POETRY
OF THE 20th CENTURY*I. F. Gerasimova*

The article analyzes lyric verses of poets participating in military actions of the 20th century. It is inferred that, given an apparent difference, the lyrics of poets from different countries share common features of a sweetheart image that reflects the author's mentality, has the value of its own, and can be regarded as an integral part of the image of courage. It can also be viewed as a realized life value associated with peace and happiness, which one must defend even at the expense of one's life.

Key words: lyrical hero, archetype, mentality, national character, spiritual harmony.

Г. З. Гиляжева

ОСИП ИВАНОВИЧ СЕНКОВСКИЙ В ОЦЕНКЕ КРИТИКОВ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

В статье рассматривается оценка литературоведов и критиков литературной деятельности Осипа Ивановича Сенковского. При помощи этого анализа доказывается, что давно появилась необходимость подробного изучения художественного и журналистского творчества писателя, исследования историко-литературного значения его произведений и статей, их художественной структуры и жанровой своеобразности.

Ключевые слова: русская литература, О. И. Сенковский, критика, журнал «Библиотека для чтения».

О. И. Сенковский — одна из центральных фигур литературного процесса в России первой половины XIX столетия. В свое время его произведения имели немалый успех и пользовались популярностью. Подтверждение этому мы находим в диалоге Хлестакова с Анной Андреевной в гоголевском «Ревизоре»:

«Хлестаков: ...У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем Барона Брамбеуса... все это я написал.

Анна Андреевна: Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, Я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч»¹.

Талантливый ученый, один из основателей русского востоковедения, критик, писатель, журналист, в глазах современников он был прежде всего редактором «Библиотеки для чтения», самого читаемого в 1830–40-е годы массового издания. Е. А. Соловьев указывает: «“Библиотека для чтения” была единственным

Гиляжева Гульсина Зайнитдиновна — аспирантка кафедры современной русской литературы, Магнитогорского государственного университета. E-mail: um_gulya@mail.ru

¹ Гоголь 1985, 45.

журналом, который читали, Сенковский — единственным критиком, которого слушали»².

Осип Иванович Сенковский печатался под литературным псевдонимом «барон Брамбеус». Сначала он появился как эпизодический персонаж в одном из фельетонов цикла «Петербургские нравы» — «Личности»: «Мой приятель, барон Брамбеус, шёл по Невскому проспекту и думал о рифме, которой давно уже искал...»³.

Затем в альманахе «Новоселье» появились две повести, уже подписанные именем «барон Брамбеус». И, наконец, в том же 1833 году вышла в свет книга «Фантастические путешествия барона Брамбеуса». Вскоре барон Брамбеус становится полноценной личностью со своей биографией, интересами, образом мысли, индивидуальной манерой разговаривать и писать. Современники живо откликнулись на это — тотчас же после выхода в свет «Фантастических путешествий» появились водевиль и повесть под названием «Барон Брамбеус».

Сенковский был личностью уникальной, представляющей собой сочетание многих талантов. Кроме древних и восточных языков он в совершенстве знал русский, французский, английский, итальянский и польский; кроме глубоких сведений по отрасли наук, которым преимущественно посвятил свои занятия в молодости (восточные языки и восточная литература), он имел обширные познания в естественных и политических науках. Читая беспрестанно и владея удивительной памятью, Осип Иванович Сенковский следил за всеми не только первостепенными, но и второстепенными и третьестепенными явлениями современной науки и словесности. Он мог беседовать с первоклассным медиком и удивлять его своими познаниями в области медицинских наук; известные европейские мастера отдавали справедливость его парадоксальным, но глубоким взглядам на сокровенные законы их искусства; экономист, разговаривая с Сенковским, видел, что ему знакомы труды всех европейских, особенно английских писателей по части политической экономии. Понятно, что, обладая такими знаниями, Сенковский сделал свое периодическое издание несравненно лучше, чем его современники вели свои журналы.

Творчество Сенковского вызывало к себе общественный интерес, продиктованный весьма противоречивыми чувствами. Сенковского любили, боялись и ненавидели одновременно. Восхищались его ученостью, невероятным чувством юмора. Боялись и ненавидели за то же самое.

Очень многие современники (Пушкин, Дружинин, Савельев и др.) считали Сенковского талантливым писателем, оценивая его незаурядный ум, разносторонние познания, блистательное воображение, остроумие, безграничное трудолюбие и искусству доступно излагать самые трудные вопросы науки. Именно «Библиотека для чтения» вводит в обиход русского общества научные вопросы, которые были достоянием крайне узкого круга специалистов, и делает это талантливо, умело. Следует отметить, что Сенковский был образцовым популяризатором, причем это относится не только к востоковедению, но и к археологии, физике, истории и, главным образом, естествознанию.

² Соловьев 1997, 200.

³ Сенковский 1989, 194.

Художественный мир Сенковского — явление в целом парадоксальное, но оно предопределено не только самой личностью. Парадоксальность связана, в первую очередь, с характером исторического времени, в которое творил Сенковский. Таким образом, сталкиваются парадокс личности, эпохи, которые отражаются в творчестве писателя.

Изучение литературной деятельности Осипа Ивановича Сенковского представляет несомненный интерес для истории литературы и науки. Его основная писательская деятельность пришлось на 1820–30-е годы. Это время стало сложным и противоречивым для литературы, и сегодня не до конца изучено литературоведами. В эти годы в России складывается ситуация культурного перелома — один литературный метод (романтизм) сменяет другой (реализм). Эта ситуация сталкивает различные эстетические позиции, противопоставленные одна другой, они создают атмосферу комического, парадоксального, алогичного. Иронический стиль становится показательной частью литературной картины мира. В этой ситуации Сенковский первым стал ниспровергать господствовавшие литературные традиции, устоявшиеся взгляды на словесность и ее задачи.

Исследования, связанные с именем Сенковского, в основном имеют описательный характер, в которых рассматривается жизнь писателя, его журнальная деятельность. Все, что было написано про О.И. Сенковского как при его жизни, так и сразу после смерти, принадлежало перу людей, которые преимущественно руководствовались в оценке статьями его врагов или просто сплетнями. В течение четырнадцати лет Сенковский руководил «Библиотекой для чтения», в течение тридцати — был в центре литературной жизни России. Редко какой номер периодических изданий 30–40-х годов не вспоминал его имени, не печатал статей, рецензий, анекдотов о нем. Однако многие из этих статей носили откровенно негативный характер. Но как справедливо заметил Б.М. Эйхенбаум: «Суждения современников-врагов интереснее, содержательнее и точнее, чем неопределённые, расплывчатые похвалы друзей и потомков. Врагу приходится аргументировать, приводить конкретные примеры, высказываться до конца, а с друга это не спрашивается»⁴.

В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» показывается известное противостояние О.И. Сенковский — Н.В. Гоголь. Довольно резко Гоголь высказывает свою характеристику Сенковского: «Рассмотрим его мнения, относящиеся собственно к текущей изящной литературе. В критике г-н Сенковский показал отсутствие всякого мнения, так что ни один из читателей не может сказать наверное, что более нравилось рецензенту и заняло его душу, что пришлось по его чувствам: в его рецензиях нет ни положительного, ни отрицательного вкуса, — вовсе никакого. То, что ему нравится сегодня, завтра делается предметом его насмешек. Он первый поставил г-на Кукольника наряду с Гете, и сам же объявил, что это сделано им потому только, что так ему задумалось. Стало быть, у него рецензии не есть дело убеждения и чувства, а просто следствие расположения духа и обстоятельств. Вальтер Скотт, этот великий гений, коего бессмертные создания объемлют жизнь с такою полнотою, Вальтер Скотт назван шарлатаном. И это читала Россия, это говорилось людям уже образованным, уже

⁴ Эйхенбаум 1969, 36.

читавшим Вальтера Скотта. Можно быть уверенным, что г-н Сенковский сказал это без всякого намерения, из одной опрометчивости, потому что он никогда не заботится о том, что говорит, и в следующей статье уже не помнит вовсе написанного в предыдущей»⁵.

Также в своей статье Гоголь дает весьма своеобразную оценку методике работы Сенковского: «Больше всего г-н Сенковский занимался разбором разного литературного сора, множеством всякого рода пустых книг; над ними шутил, трунил и показывал то остроумие, которое так нравится некоторым читателям. Наконец даже завязал целое дело о двух местоимениях: сей и оный, которые показались ему, неизвестно почему, неуместными в русском слоге. Об этих местоимениях писаны им были целые трактаты, и статьи его, рассуждавшие о каком бы то ни было предмете, всегда оканчивались тем, что местоимения сей и оный совершенно неприличны. Это напомнило старый процесс Тредьяковского за букву ижицу и десятиричное i, который впоследствии еще не так давно поддерживал один профессор. Книга, в которой г-н Сенковский встречал эти две частицы, была торжественно признаваема написанною дурным слогом»⁶.

Оценке подвергается и непосредственно литературное творчество Сенковского: «Его собственные сочинения, повести и тому подобное являлись под фирмою Брамбеуса. Эти повести и статьи вроде повестей, своим близким, неумеренным подражанием нынешним писателям французским, произвели всеобщее изумление, потому что г. Сенковский осуждал гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, как в этом случае он имел так мало сметливости и до такой степени считал простоватыми своих читателей. Неизвестно также, почему называл он некоторые статьи свои фантастическими. Отсутствие всякой истины, естественности и вероятности еще нельзя считать фантастическим. Фантастические сочинения Б<арона> Брамбеуса напоминают книги, каких некогда было очень много, как-то: “Не любо — не слушай, а лгать не мешай”, и тому подобные. Та же безотчетность и еще менее устремления к доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели заметили в них чрезвычайно много похищений, сделанных наскоро, на всем бегу: автор мало заботился о их связи. То, что в оригиналах имело смысл, то в копии было без всякого значения»⁷.

Отметим, что журнал «Библиотека для чтения» в это время пользовался невероятным успехом. Естественно это не могло не задеть за живое участников других журналов. Гоголь пишет: «Очевидно, что силы и средства этих журналов были слишком слабы в отношении к “Библиотеке для чтения”, которая была между ними, как слон между мелкими четвероногими. Их бой был слишком неравен, и они, кажется, не приняли в соображение, что “Библиотека для чтения” имела около пяти тысяч подписчиков, что мнения “Библиотеки для чтения” разносились в таких слоях общества, где даже не слышали, существуют ли “Телескоп” и “Литературные прибавления”, что мнения и сочинения, помещенные в “Библиотеке для чтения”, были расхвалены издателями той же “Библиотеки для чтения”, скрывавшимися под разными именами, расхвалены с энтузиазмом, всегда имеющим влияние на большую часть публики; ибо то, что смешно для читателей

⁵ Гоголь 1952, 158.

⁶ Там же, 163.

⁷ Там же, 164.

просвещенных, тому верят со всем простодушием читатели ограниченные, каких по количеству подписчиков можно предполагать более между читателями “Библиотеки”, и к тому же большая часть подписчиков были люди новые, дотоле не знавшие журналов, следственно принимавшие все за чистую истину, что наконец “Библиотека для чтения” имела сильное для себя подкрепление в 4000 экземпляров “Сев<ерной> пчелы”»⁸.

Ропот на такую неслыханную монополию стал силен. В Москве несколько литераторов решились издавать какой-нибудь свой журнал. Новый журнал нужен был не для публики, то есть для большего числа читателей, но собственно для литераторов, различно притесняемых «Библиотекою»: «Он был нужен: 1) для тех, которые желали иметь приют для своих мнений, ибо “Библиотека для чтения” не принимала никаких критических статей, если они не были по вкусу главного распорядителя; 2) для тех, которые видели с изумлением, как на их собственные сочинения наложена была рука распорядителя, ибо господин Сенковский начал уже переправлять, безо всякого разбора лиц, все статьи, отдаваемые в “Библиотеку”. Он переправлял статьи военные, исторические, литературные, относящиеся к политической экономике и прочие, и все это делал без всякого дурного намерения, даже без всякого отчета, не руководствуясь никаким чувством надобности или приличия. Он даже приделал свой конец к комедии Фонвизина, не рассмотревши, что она и без того была с концом»⁹.

Следует сказать, что эта статья появилась в свет после рецензии Сенковского произведений Гоголя. Л.И. Соболев, однако, отмечает, что «если бы читателю удалось забыть, что речь идёт о Гоголе, многие упреки Сенковского могли бы показаться справедливыми, тем более что в предлагаемых рецензиях почти нет глумливых интонаций, отличавших статью о “Мёртвых душах”»¹⁰.

Чернышевский, рассмотрев в «Очерках гоголевского периода русской литературы» некоторые литературно-критические отзывы Сенковского, представил себе, как редактор «Библиотеки для чтения» произвел бы разбор «Мертвых душ»: «Выписав заглавие книги “Похождения Чичикова, или Мертвые души”, начинать прямо так: Прохлаждения Чхи! чхи! кова — не подумайте, читатель, что я чихнул, я только произношу вам заглавие новой поэмы г. Гоголя, который пишет так, что его может понять только один Гегель»¹¹.

Интерес к личности Сенковского проявлялся еще при его жизни, но зачастую это были критические материалы, появляющиеся на страницах журналов.

Работы А. Милюкова «Знакомство с Сенковским», П. Савельева «О жизни и трудах О.И. Сенковского», А.В. Старчевского «Воспоминания старого литератора» знакомят нас с биографией писателя, с его журнальной деятельностью, которая вызывала у современников весьма противоречивые отзывы: от положительных до весьма резких, причем последних в статьях и мемуарах было значительно больше. Но исследователей больше интересует журнальная деятельность или личные качества Сенковского. В частности, писатель С. Моравский, с которым Сенковский учился в Виленском университете, писал: «Если допустить, что

⁸ Там же, 169–170.

⁹ Там же, 172.

¹⁰ Соболев 2000, 5.

¹¹ Чернышевский 1947, 25.

бог может создать человека для того, чтобы он делал зло из любви к злу, чтобы его движения, действия, мысли всегда были пронизаны желчью, чтобы каждое содеянное зло приносило ему радость и при всем том глубоко образованного и гениально остроумного — то пальму первенства по всей Европе получил бы Иосиф Сенковский»¹².

Наиболее беспристрастные отзывы о Сенковском оставлены товарищем по университетской службе А. В. Никитенко. В своем дневнике за 1826 год он писал: «Профессор Сенковский отличный ориенталист, но должно быть плохой человек. Он, по-видимому, дурно воспитан, ибо подчас бывает крайне невежлив в обращении. Его упрекают в подобострастии с высшими и в грубости с низшими. Он не любим ни товарищами, ни студентами, ибо пользуется всяким случаем сделать неприятное первым и вред последним. Природа одарила его умом быстрым и острым, которым он пользуется, чтобы наносить раны всякому, кто приближается к нему...»¹³

В другом месте дневника за тот же год Никитенко пишет: «Сенковский весьма замечательный человек. Немного людей, одаренных умом столь метким и острым. Он необыкновенно быстро и верно подмечает в вещах ту сторону, с которой надо судить о них в применении к разным обстоятельствам и отношениям; но характер портит все, что есть замечательного в уме его. Последний у него подобен острию оружия в руках диких Азиатских племен, с которыми он сблизился во время своего путешествия по Азии. Нельзя сказать, что он был совсем дурной человек; но подобно иным животным, неукротимым по самой природе своей, он точно рожден для того, чтобы на все и на всех нападать — и это не с целью причинить зло, а просто, чтобы, так сказать, выполнить предназначение своего ума, чтобы удовлетворить непреодолимому какому-то влечению».¹⁴

Интересны оценки классических критиков, таких, например, как В. Г. Белинский и А. В. Дружинин. Белинский высоко оценивал способность редактора «Библиотеки для чтения» угадывать интересы своего читателя: «Сенковский на эти вещи — гений, он не даром первый начал печатать в журнале романы и драмы»¹⁵.

Осуждая некоторые приемы, используемые Сенковским для привлечения читателей, Белинский в то же время утверждал: «Нам не нравится направление «Библиотеки для чтения», но нам нравится, что в ней есть направление... Об аккуратности издания этого журнала, равно как и о том, что он умеет угодить своим читателям — ничего и говорить, а это — согласитесь, два важные качества в журнале»¹⁶.

Положительно отзываясь Белинский об отделении «Литературная летопись» в «Библиотеке для чтения» за помещение статей, небольших по объему, но живо и остроумно написанных. Белинский указывает, что суждения «Литературной летописи» «часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные», что «Литературной летописи» «нельзя отказать в одном, очень важном досто-

¹² Моравский 1858, 5.

¹³ Никитенко 2005, 240.

¹⁴ Там же, 253.

¹⁵ Белинский 1953, 157.

¹⁶ Там же, 161.

инстве: ловкости, уменье, знании литературной манеры, в шутливости и часто остроумии»¹⁷.

И в статье «Ничто о ничем» Белинский всего несколькими фразами характеризует издания Булгарина и Греча. Он ничего не хочет говорить о «Сыне отечества», так как «есть вещи, которые стоит только назвать по имени, чтоб дать о нем настоящее понятие»¹⁸. «Северную пчелу» критик называет «неистощимым рудником тупоумных рецензий» и подчеркивает, что газета держится исключительно монопольным правом на политическую информацию; остальной материал не имеет никакой цены. Зато «Библиотекой для чтения» Белинский занимается в статье очень внимательно, так как ему хочется понять самому и разъяснить всем, в чем причина успеха этого журнала и на какого читателя он рассчитан. Рассмотрев все отделы журнала, критик приходит к выводу, что «Библиотека для чтения» — журнал провинциальный: вот причина ее силы». Белинский настаивает на том, что редактор, заботясь о разнообразии материала, должен придать своему журналу единое, строгое выдержанное направление: «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер, альманашная безличность для него всего хуже»¹⁹. И Белинский хвалит «Библиотеку» за то, что у нее есть такая «физиономия», хотя она и не отвечает требованиям, предъявляемым к серьезному демократическому журналу.

И опять он хвалит «Библиотеку для чтения» за то, что она смогла угадать потребности своего провинциального читателя. Но здесь же Белинский указывает, что редактор обязан прислушиваться к запросам читателей, удовлетворять их нужды, иначе он вообще останется без читателей, а те лишатся своего руководителя и наставника: «Итак, старайтесь умножить читателей: это первая и священная ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кроме предосудительных, наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости, и, соображаясь с ними, действуйте на них»²⁰.

Белинский самым большим недостатком «Библиотеки для чтения» считал то, что она не развивает читателя, а сама идет на поводу у него. Его возмущают также «предосудительные» средства «Библиотеки» в завоевании читателей — развязный, «цинический» тон, самохвальство, мелкое остроумничанье в критических статьях и рецензиях, помещение в журнале малодостоверного сенсационного материала, рекламирование доморощенных «знаменитостей» («тут все идет за знаменитость») и т. д. На это же обратил внимание и Пушкин, он писал в «Письме к издателю»: «Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в “Библиотеке для чтения”, тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание»²¹.

И здесь же: «Но если публика этого требует непременно, зачем ей не угодить?». Наиболее высоко оценивает Белинский научное отделение «Библиотеки для чтения» («Науки и искусства»), так как, по его мнению, «в нем встре-

¹⁷ Там же, 168.

¹⁸ Белинский 1959, 284.

¹⁹ Там же, 379.

²⁰ Там же, 380.

²¹ Там же.

чаются иногда статьи, истинно заслуживающие внимания, истинно прекрасные и любопытные»²².

И в этой части А. С. Пушкин разошелся с Гоголем и согласился с В. Г. Белинским: «Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные»²³.

Положительную оценку критическим дарованиям Сенковского дал А. В. Дружинин: «Осип Иванович никогда не обманывался насчет значения своего журнала и своей критики: требования публики, неслыханный успех его кратких и блистательных рецензий заставляли его заниматься “Литературною летописью” с особенным тщанием; но в годы сильнейшего ее успеха остроумный рецензент не обманывал себя по части ее значения. Сенковский знал лучше всех своих противников, что судьба не создала его критиком в строгом смысле этого слова, знал и то, что лучшие страницы его “Литературной летописи” не содержат в себе ничего особенно плодотворного для современной ему русской словесности. Он не преувеличивал своей роли как ценителя изящных произведений. Он не силился возвести в какую-нибудь теорию свое гонение на плохих поэтов, свой поход против сих и оных, свои меткие шутки против серобумажных изданий и раздирательной литературы. Читатель требовал острот и шуток, читатель встречал каждую рецензию Сенковского выражением восторженного одобрения — и Сенковский был не прочь шутить с читателем, иногда даже шутить над читателем»²⁴.

В статье «Библиотека» — дочь Сенковского» А. Герцен писал, что «Сенковский так же принадлежит николаевскому времени, как шеф корпуса жандармов <...> как неприхотливая “Пчела”, находившая даже в николаевском царствовании мед»²⁵. С момента выхода этой статьи прошло свыше 150 лет, а в истории журналистики Сенковский по сей день считается, прежде всего, членом так называемого «журнального триумвирата», куда входили также Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин.

А в статье «Мефистофель Николаевской эпохи» А. Герцен называет Сенковского именно Мефистофелем и пытается отстранить от него подозрение в правительственной ориентации. Герцен сумел усмотреть «за его «холодным лоском» — угрызения совести, за презрительной улыбкой — «принужденные шутки человека, сидящего за тюремной решеткой» и прекрасно понимал разрушительную силу его журнальной позиции.

Некоторое время имя писателя было забыто. Интерес к Сенковскому вновь возникает сразу же после его смерти, в 1858 году. Публикуются воспоминания (А. Сенковской, Е. Ахматовой, О. Дружинина, О. Никитенко, О. Старчевского) про жизнь и творчество легендарного Брамбеуса. А. Сенковская в своей книге «О. И. Сенковский Биографические записки его жены» рассказывает больше о своих взаимоотношениях с мужем, о его становлении, как литератора и большое внимание уделяет последним годам жизни Сенковского.

Выходят в печать «Собрания сочинений» О. И. Сенковского, и в 1858–1859

²² Там же.

²³ Пушкин 1937, 87.

²⁴ Дружинин 1856, 783.

²⁵ Герцен 1954, 274.

годах появляются критические статьи. Например, статья С. Дудышкина «Сенковский — дилетант русской словесности» рассказывает о нововведениях Сенковского в языке. Статьи М. Лонгиновой, И. Корсунского, Е. Соловьева говорят как про журналистику, так и про литературную деятельность писателя.

Готовые умозаключения, предвзятые формулы во многом затемнили истинное представление о Сенковском как тонком критике и эссеисте. Так остался почти незамеченным тот факт, что именно он (по двум первым главам прочитанной в рукописи «Пиковой дамы») оценил пушкинскую прозу как начало новой эпохи в русской литературе. Лишь некоторые критики (Ф. Булгарин, М. Погодин, М. Надеждин, М. Полевой, М. Павлищев, В. Белинский) должным образом изучали его как организатора журнального дела, как ученого-ориенталиста, сатирика. Большинство же исследований касалось самой личности Сенковского.

С началом XX века появляются новые работы, новые статьи. Опубликованные материалы В. Боцяновского «Сенковский», В. А. Зильбер «Сенковский (Барон Брамбеус)» носят биографический характер. Статьи В. Б. Шкловского «Журнал как литературная форма», Т. Гриц «Журнал Барона Брамбеуса» рассказывают больше о вкладе Сенковского в издательское дело России. Т. Гриц пишет: «Таким образом, появление Сенковского в русском журнальном мире было не появлением дилетанта, а выступлением человека, вполне овладевшего техникой литературно-журнального ремесла, выступлением мастера. Как редактор “Библиотеки для чтения”, Сенковский в противовес прежним дилетантам журнального дела, стремился утвердить единый журнальный стиль. Он понимал, что эпоха требует осознания журнала, как литературной формы, понимал, что статья, написанная для журнала, должна быть не статьей “вообще”, а входить одним из компонентов в журнальное целое. Отсюда — его утверждение жесткой диктатуры редакторского пера»²⁶.

Базовые тезисы в исследовании творчества О. И. Сенковского формируются в работах В. Каверина. Впоследствии все они находят отражение в книге «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора “Библиотеки для чтения”».

После монографии В. А. Каверина появилось несколько лаконичных обращений к творчеству Сенковского во вступительных статьях, обзорах, причем чаще имя писателя упоминалось в связи с творчеством других авторов. Н. И. Михайлова соотнесла наследие Сенковского с прозой Пушкина, Н. И. Львова — Достоевского, Д. П. Николаев — Салтыкова-Щедрина. В исследовании калифорнийского ученого Л. Педротти «Йозеф-Юлиан Сенковский: Генезис литературного чужестранца» анализируется ранний, польский период творчества Сенковского.

В 1970 годы были переизданы некоторые произведения Сенковского («Ученое путешествие на Медвежий остров», «Превращение голов в книги и книг в головы»). В это же время возобновился интерес к Сенковскому-востоковеду, профессору Восточного отделения Петербургского университета Л. Г. Алиева в работе «О. И. Сенковский — путешественник и востоковед» рассматривает историю накопления материалов для научной биографии писателя, историю изучения его педагогической деятельности для становления и развития русского востоковедения.

²⁶ Гриц 1929, 287.

С 1975 года в статьях вскользь упоминается имя О. И. Сенковского как профессора Виленского университета (С. Бархатцев «Из истории Виленского учебного округа»). Печатается переписка Н. А. Полевого «Письмо О. И. Сенковскому». Также представляют интерес в контексте изучения Востока письма Сенковского. Например, статья Л. Г. Алиевой и В. П. Демидчик «Письма О. И. Сенковского с Востока». В 1987 году выходит работа Е. А. Зандер «О. И. Сенковский — писатель и критик», акцент в которой делается на заслуги Сенковского-критика.

С 1989 года до нашего времени выходит огромное количество всевозможных работ, в которых так или иначе упоминается имя Сенковского. Рассматривать их целесообразнее по тематическим группам, чтобы показать изученность одних тем и недостаточное осмысление других. Литературоведы не перестают исследовать биографию О. И. Сенковского. Известны следующие работы: И. М. Смилянская «Осип Иванович Сенковский и его «Воспоминания о Сирии» (1991); А. Е. Новиков «Любовь и смерть барона Брамбеуса (Факты биографии О. И. Сенковского и их творческое переосмысление)» (1994); «Ломоносов. Грибоедов. Сенковский. Герцен. Писемский»: Биогр. повествования; Биографический очерк Е. А. Соловьева «Осип Сенковский. Его жизнь и литературная деятельность» (1997); Г. Прашкевич «Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус)» (2004).

В некоторых статьях затрагиваются взаимоотношения Сенковского с современниками: С. О. Курьянов «Неопубликованные статьи Н. А. Маркевича против О. И. Сенковского» (1989); А. В. Шаронова «О. И. Сенковский в письмах к А. В. Никитенко» (2003). Не остается без внимания и журнальная деятельность писателя: М. М. Филонов «Юбилей первого русского толстого журнала» (2003); Г. И. Щербакова «Журнал О. И. Сенковского “Библиотека для чтения” (1834–1856 гг.) и формирование массовой журналистики России» (2005); Ю. И. Табакер «Журнал “Библиотека для чтения” О. И. Сенковского в контексте русской журналистики 1-й половины XIX века» (2007).

И можно выделить целый ряд работ, касающихся творчества Сенковского. Хотя они и носят общий и описательный характер, но не сосредотачиваются на фактах биографии и на журнальной деятельности. Это работы А. Е. Новикова «Творчество О. И. Сенковского в контексте развития русской литературы конца XVIII–первой половины XIX века» (диссертация, 1994); Е. Панфиловой «У всякого барона своя фантазия: Осип Сенковский как создатель первого отечественного таблоида» (2000); Ю. А. Закревского «По страницам русской фантастики первой половины XIX в.» (2000); В. Фомичевой «Театральность в творчестве О. И. Сенковского» (2001); Г. В. Зыкова «К вопросу о происхождении одной популярной идеи: Сенковский, Дудышкин и Дружинин об эстетической всеядности» (2006); Е. А. Тозыякова «О. И. Сенковский — барон Брамбеус: принципы художественного миромоделирования» (2007); В. А. Кушнерук «Художественная проза О. И. Сенковского».

В работе А. Е. Новикова впервые анализируются важнейшие черты творческого метода писателя, литературное наследие Сенковского рассматривается в соотношении с творчеством Ф. А. Эммина, М. Д. Чулкова, Н. А. Полевого, Ф. В. Одоевского, А. А. Бестужева-Марлинского и др. Особенно подробно анализируются творческие и личные взаимоотношения Сенковского с Н. В. Гоголем.

В монографии В. Фомичевой предпринята попытка осмыслить своеобразие творчества писателя с точки зрения театральных приемов.

Также мы имеем возможность изучать первые работы, которые содержат в себе анализ фантастической прозы Сенковского, игровой стихии «Фантастических путешествий», роли эпиграфов, различных мотивов творчества писателя, а также рассматриваются жанровые особенности повестей. Вот некоторые из них: Ю. Медведев. «... И гений парадоксов друг: [О фантастической прозе Осипа Сенковского]» (1990); О. Л. Калашникова «Гра в комічному світі «Фантастичних подорожей ...» О. Сенковського» (2000); А. В. Козлова «Традиция романтического двойничества в «Фантастических путешествиях» О. Сенковского» (2001); А. Т. Грязнова «Роль эпиграфов в романтической прозе О. И. Сенковского» (2003); Е. А. Тозыякова «Триада “смерть — любовь — наука” в повести О. И. Сенковского «Записки домового» (2003); Е. А. Тозыякова «Феномен «театральности» в творчестве О. И. Сенковского» (2004); Е. А. Тозыякова «Лубочно-раешные мотивы в “Фантастических путешествиях барона Брамбеуса” О. И. Сенковского» (2006); М. Ф. Климентьева «Прием “ложного хода” в повестях О. И. Сенковского 1830-х годов» (2002).

Особый интерес представляют работы, которые носят сравнительный характер: А. Ф. Любимова «Эсхатологические мотивы в романах О. Сенковского “Ученое путешествие на Медвежий остров” и Г. Уэллса “В дни кометы” (1997); Ю. Закревский «Из России в Бенталию: [О фантастических повестях Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского, В. Ф. Одоевского]» (2000); В. С. Фомичева «В словесности не всякий, кто хочет, имеет жестоких врагов: (А. С. Грибоедов и О. И. Сенковский)» (2000); Н. В. Дергачева «Песнь о вещем Олеге Пушкина и “Смерть Шанфария” Сенковского как инварианты мифологемы судьбы (в аспекте дихотомии “Запад — Восток”)» (2004–2005).

Таким образом, совершается новый поворот в рассмотрении личности Сенковского. Теперь он предстает перед нами как известный ученый, ориенталист, который открыл для России Восток. Помимо этого изучаются его работы по переводу текстов. Определяются конкретно те области, в которых Сенковский оставил научно-литературное наследие. Области обозначены, но не раскрыты.

Исследования, посвященные Сенковскому, свидетельствуют о возрастающем внимании литературоведов к личности и творчеству писателя. Очевидно, что литературоведение недостаточно полно охватывало творческую нишу О. И. Сенковского и уже давно появилась необходимость подробного изучения художественного и журналистского творчества писателя, исследование историко-литературного значения его произведений, их художественной структуры и жанровой своеобразности.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский В. Г. 1953: Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6. М.; Л.
 Герцен А. И. 1954: Собр. соч.: в 30 томах. Т. 2. М.
 Гоголь Н. В. 1985: Собр. соч.: в 7 т. Т. 4. М.
 Гриц Т., Тренин В., Никитин М. 1929: Словесность и коммерция. М.
 Дружинин А. В. 1865: Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. СПб.

- Моравский С.* 1898: Сенковский // Atheneum. Вып. 1, 1–32.
Никитенко А. В. 2005: Записки и дневник в 3 книгах. Книга 1. М.
Пушкин А. С. 1937: Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 12. М.; Л.
Сенковский О. И. 1989: Сочинения Барона Брамбеуса. М.
Соболев Л. И. 2000: Похождения Чичикова или Мертвые души // Литература. Вып. 37, 2–27.
Соловьев Е. 1997: Осип Сенковский // Ломоносов, Грибоедов, Сенковский, Герцен, Писемский: Биографические повествования. Екатеринбург, 199–288.
Чернышевский Н. Г. 1947: Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.
Эйхенбаум Б. М. 1969: О поэзии. Л.

CRITIQUE AND LITERARY CRITIC ASSESSMENT OF O. I. SENKOVSKY

G. Z. Gilyazheva

The article deals with critique and literary critic assessment of literary work of Osip Ivanovich Senkovsky. The analysis helps to prove that there has been a necessity to undertake a detailed study of his work as a writer and a journalist, a study of historical and literary significance of his books and articles, their artistic arrangement and genre peculiarities.

Key words: Russian literature, O. I. Senkovsky, criticism, journal “Biblioteka dlya Chteniya”

© 2011

Л. Т. Ягафарова

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В «ЖЕНСКОМ» РОМАНЕ

В современной науке гендерный вопрос является актуальным. Изменения репрезентаций мужественности и женственности вызвали большой резонанс в обществе и породили большое количество исследований. Нашей целью было показать произошедшие трансформации в обществе на примере «женского» романа, так как именно женщина-автор способна с достоверной точностью детально описать реалии, стереотипы, каноны общества.

Ключевые слова: мужественность, женственность, репрезентация, гендер, стереотип, телесный канон.

Образы мужчин и женщин, создаваемые в искусстве, не только отражают представления людей о самих себе, своих реальных взаимоотношениях. Куль-

Ягафарова Лилия Талгатовна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы Казанского (Приволжского) Федерального университета. E-mail: laiti@inbox.ru

турные репрезентации предлагают также набор примеров для подражания, моделей «правильной»/«неправильной», «успешной»/«неуспешной» мужественности и женственности. И в досоветские, и в советские времена, и даже в начале 1990-х годов главной областью культуры, где создавались гендерные модели, была литература. Наше главное культурное достояние — образ русской женщины сформировался в «Евгении Онегине», романах Тургенева и Гончарова, в прозе Достоевского и Толстого, в поэзии Некрасова и Блока¹.

Гендерные характеристики накладывают существенный отпечаток на разные жанры массовой литературы. Например, «женский» роман целиком сосредоточивается на изображении частной жизни и семейных взаимоотношений.

Одна из представительниц критики современной женской литературы — И. Л. Савкина — таким видит подход к анализу женского творчества: «... самое интересное в женской литературе — то, что есть только в ней и нигде больше: образ женщины, женского начала, увиденный, осмысленный и воссозданный самой женщиной»².

В традиционной (маскулинной, патриархатной) культуре задаются жесткие границы гендерных ролей и женщина отождествляется только с телом и его функциями: либо сексуальными, либо детородными. Определение обществом женского характера как иррационального, чувственного, природного в отличие от рационального, логического, интеллектуального мужского заставляет считать, что только любовные чувства — единственная сфера духовной жизни женщины.

«Женская» проза этого типа вызывающе антифеминистична по своей природе, ибо акцентирует в своих героинях лишь те качества, которые хотели бы видеть в них мужчины. И неважно, жертвами или покорительницами сердец, рабынями или драгоценным даром небес предстают эти героини; существеннее то, что главное их предназначение — нравиться мужчинам, быть им нужными. «Кофточка у нее (студентки Ларисы, влюбленной в преподавателя) не на пуговицах, а на шнуровке. Шнуровка неплотная, видна дорожка между грудями — нежная, невинная и какая-то самостоятельная»³. Женская роль охотницы не у всех вызывает положительную реакцию, но это не останавливает женщин, которых издавна относят к слабому полу. Следует отметить также, что в России, в силу специфики отечественной демографической ситуации, а проще говоря, недостатка мужчин, для женщин характерна более явная демонстрация сексуальности, чем на Западе.

С оглядкой на типологию модификаций сексуальных ценностей и сексуального поведения в период социокультурных трансформаций можно предположить, что именно женщины позднесоветского времени легче приняли новые стандарты и образы сексуальности. И именно с репрезентацией женской сексуальности были связаны наиболее любопытные «артефакты» эротической культуры российского 1990-го (очевидно, что гендер воздействует на работу сексуальности, которая, в свою очередь, обретает гендерно-специфические манифестации). Формально это, безусловно, так: темы эротичности как культурного концепта и сексуальности как конкретных практик чаще всего поднимаются в гендерно ориентированных изданиях и связываются в первую очередь с «женским телом»; тема при-

¹ Саморукова 2009, 205.

² Савкина 1993, 392.

³ Токарева 2007, 111.

оритетного значения сексуальности в вопросах субъективности и идентичности многообразно актуализируется в текстах авторов женщин⁴.

Сексуальность связывается с женственностью. С этой позиции отсутствие сексуального воспринимается как антиженственность «Она всю войну прошла от и до... как мамочка избила доченьку, когда та после школьного вечера пришла с верхней растегнутой пуговичкой на белой кофточке, знает только дочка Анечка... Анна Сергеевна осталась на всю жизнь женщиной строгой и даже мужу лишнего не позволяла»⁵. Если говорить о связи одежды и сексуальности героинь, то «эротическая одежда» в нашем современном понимании раньше просто отсутствовала, и более того, эротизм вообще не увязывался с вещами. Возможно, причина этого — характерная для тех лет простота и бедность одежды, когда уже само наличие дорогого и хорошего наряда служило важной характеристикой, не требующей усиления за счет эротических коннотаций. Что касается нравов и поведения, то здесь ситуация аналогичная: героиня позиционирует себя как женщина-товарищ, общение с которой предполагает скорее дружеский контакт, нежели интимный.

Подобное массивное «нападение» на читателя изображением любовной страсти считается издателями весьма актуальным: теперь русская женщина, настоявшись у станков, тракторов, измучившись на службе, может наконец-то в демократическом, «освобожденном» обществе отдохнуть, расслабиться и предаться прелестям и радостям своей личной (сексуальной или кухонной) жизни. Но при этом она не должна забывать доставлять удовольствие и создавать комфорт мужчине, хозяину жизни⁶. «Аля и забыла уже, когда последний раз готовила настоящий обед — пожалуй, только когда жила с Ильей... Не для себя же было готовить: она прекрасно обходилась какой-нибудь перекусской на ходу или ела в кафе “Терра”»⁷.

Вместе с тем нарушение гендерных стереотипов в поведении женщинами рассматривается исключительно как примета времени, вызов эпохе. Главный пафос повествования — в попытке женщины через эпатаж эмоционально и психологически войти в реалии новой российской жизни, утвердить в ней свое право на свободу и своеобразие. Такого рода литературу, где откровенность соседствует с вызовом, можно условно назвать литературно-психологическим авангардизмом, стремящимся через шок освоить новые эмоциональные пространства бытия⁸. «Она научилась водить машину. Сначала она занялась этим от скуки: просто интересно было попробовать. Но в первый же раз, когда ей удалось плавно выжать сцепление и “Фольксваген” мягко тронулся с места, — она почувствовала, как это здорово!»⁹.

Еще одно кардинальное изменение, связанное с ролью, которую женщина испокон веков выполняла в обществе, — роль хозяйки и хранительницы домашнего очага. Самым парадоксальным является то, что мужчина принимает правила игры

⁴ Улюра 2007, 235.

⁵ Щербакова 2009, 192.

⁶ Трофимова 1998, 150.

⁷ Берсенева 2008, 312.

⁸ Трофимова 1998, 151.

⁹ Берсенева 2001, 115.

нового времени. «В Нью-Йорке ко мне раз в неделю приходит мэйд и убирает квартиру. У меня очень маленькая квартира, потому что она на Манхэттене, там дорого иметь большую. В промежутках между уборками я не делаю по дому ничего, только мою посуду. В посудомоечной машине. Но у нас все так живут, ничего исключительного. Американский быт очень функционален. — А еду домой вы покупаете в китайском ресторанчике по дороге с работы, а если обнаруживаете на джинсах пятно, которое не отстирывается в машинке, то сдаете их в химчистку, — улыбнулся в ответ Полиевкт. — Я часто бываю в США по работе, поэтому хорошо себе представляю, как организован ваш быт. Он правильно организован. Если бы со мной жила женщина, я устроил бы ее быт только по-американски, — безразличным тоном добавил он»¹⁰; «Когда-то Илья говорил ей, что только дуракам и нищим жена нужна для того, чтобы стирать рубашки, а нормальный мужчина приглашает для этого домработницу»¹¹.

Иногда гендерные проблемы в СМИ связываются с феминизмом, «который представляется как агрессивная блажь, выражающаяся в стремлении женщин освободиться от ответственности за семью и утвердиться в господстве над мужчинами»¹². Однако гендерная теория исследует поведение, рассматривающееся как соответствующее не только для женщин, но и для мужчин.

Типичным воплощением мужского начала является советский стереотип, основанный на героической сущности мужественности. Советская эстетика основывалась на своем противостоянии западному искусству, обвиняемому в женоподобности и недостатке мужской силы¹³. Тем не менее рост влияния Запада привел к возникновению нового социального устройства, основанного на слиянии мужского и женского, с одной стороны, и мужественным и женственным — с другой. Если прежде ценилась выраженная мускулистость, стройные, накачанные тела и намек на силу и опыт, то сегодня наиболее востребован образ худощавого «беззащитного», инфантильного подростка, характерной чертой которого можно назвать наличие длинной шевелюры, татуировок, пирсинга и серег: «Типичный современный пижон. Кожан ниже колен. Какая-то хитрая шапчонка. Локоны до плеч»¹⁴.

Современная культура поменяла ролями мужчину и женщину и создала новый тип женоподобного мужчины, способного плакать, переживать отчаяние, ранимость, чувствительность, следить за модой. Слово «женоподобный», обозначающее неуместную среди мужчин утонченность, то есть женские качества и стиль поведения, обнаруживающие себя в мужском теле, вошло сейчас в широкое употребление.

Поскольку роман адресован женской аудитории, он представляет «женскую» точку зрения на мужчин, секс, любовь, половые модели поведения¹⁵. Изменение общего канона маскулинности неизбежно сопровождается также изменением мужского телесного канона, эти сдвиги можно проследить как в изобразительном

¹⁰ Берсенева 2007, 158.

¹¹ Берсенева 2008, 313.

¹² Саморукова 2009, 4.

¹³ Голомшток 1995, 15.

¹⁴ Щербакова 2008, 156.

¹⁵ Бочарова 1996, 296.

искусстве, так и в бытовой культуре тела¹⁶. Пересмотру подвергаются не только социальные роли мужчины и женщины, но и традиционное мнение, что «женщина — предмет для взгляда, мужчина — разглядывающий»¹⁷.

Изменение мужского телесного канона, появление соблазнительности и экспрессивности во внешнем виде явились предтечей развития гомосексуализма, который занял свою нишу на пороге третьего тысячелетия. Характерен сочувственный интерес, с каким о геях и лесбиянках с гетеросексуальной позиции пишут женщины: «Возможно, он латентный гей. Или просто бисексуал. В любом случае во всем этом нет ничего необыкновенного»... А то, что считал для себя приемлемым Марат, было его личным делом и не должно было касаться ее сердца так резко и болезненно. Да и при чем вообще сердце к сексу, неважно, между представителями какого пола он случается?»¹⁸. В самом деле, холодность мужчины по отношению к женщине ставит под сомнение его маскулинность, и автор явно наслаждается возможностью вовлечь в игру шлейф подозрений в гомосексуализме, который тянется за героем на протяжении всего романа.

«Женский» роман воспроизводит своеобразный слепок эпохи, демонстрирует рожденную в соответствии с гендерными канонами и обыденными стереотипами модель личности нового века¹⁹. Итак, современное время характеризуется стиранием границ между понятиями «мужской» и «женский», которые потеряли былую однозначность и в чистом виде встречаются редко. И современная массовая литература, которая по определению погружена в обыденность, не могла не отразить новые представления о социальных ролях современной женщины, а также господствующие в обществе стереотипы об отношениях мужчины и женщины.

ЛИТЕРАТУРА

- Берсенева А.* 2001: Стильная жизнь. М.
Берсенева А. 2007: Нью-Йорк–Москва–Любовь. М.
Берсенева А. 2008: Полет над разлукой. М.
Бочарова О. 1996: Формула женского счастья: заметки о женском любовном романе // НЛЮ. 22, 290–315.
Вайнштейн О. 2003: Мужчина моей мечты: этюды по истории мужского тела // ИЛ. 6, 176–205.
Голомшток И. Н. 1994: Тоталитарное искусство. М.
Кон И. С. 2001: Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология // Человек. 5, 63–74.
Савкина И. Л. 1993: «Да, женская душа должна в тени светиться...» // Жена, которая умела летать: Проза русских и финских писательниц. Петрозаводск, 389–403.
Саморукова И. 2009: Гендерные тренды современной российской культуры: Тургеневские женщины носят Прада! // Гендер для «чайников»–2 / И. Тартаковская (ред.). М., 98–111.
Токарева В. С. 1997: Рарака. Рассказы. Повести. Нахал. М.
Трофимова Е. И. 1998: Женская литература и книгоиздание в современной России // ОНС. 5, 147–156.

¹⁶ Кон 2001, 45.

¹⁷ Вайнштейн 2003, 67.

¹⁸ Берсенева 2007, 55.

¹⁹ Черняк 2007, 333.

Улюра А. А. 2007: Митьки не сексуальны, или Эротизация «пограничья» образца 1990 года // НЛО.1, 227–251

Черняк М. А. 2007: Массовая литература XX века. М.

Щербакова Г. Н. 2008: Провинциалы в Москве: диалогия. М.

Щербакова Г. Н. 2009: Актриса и милиционер. Роман. М.

GENDER STEREOTYPE MODIFICATION IN A “FEMALE” NOVEL

L. T. Yagafarova

Gender issue is quite important in present-day science. Changed male and female representations brought forth a wide public response and a great number of academic studies. The article aims at illustrating social transformations with examples of ‘female’ novel, as it is a female author who is capable of giving a thorough description of social realia, stereotypes, and canons.

Key words: history of literature, “female novel”, gender, stereotype.

© 2011

Е. А. Мухина

КОНЦЕПТ «ГОРОД» В КОЛЫМСКОМ ТЕКСТЕ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В статье впервые рассматривается концепт «город» в пространственном макрообразе лагерной прозы. Специфика данного концепта выявляется в контексте традиции русской классической литературы. Значение урбанистических символов определяется в процессе анализа субъектно-объектной системы повествования.

Ключевые слова: концепт, макрообраз, символ, традиция, хронотоп.

Хронотоп «Колымских рассказов» Варлама Шаламова не раз становился объектом пристального изучения. Ведущие исследования данной проблемы принадлежат И. Некрасовой, Е. Волковой, Е. Михайлик и др. Однако в современном литературоведении анализ «колымского» хронотопа не может быть полным без рассмотрения концепта «город». Тем не менее, урбанистический образ в шаламовском нарративе не был подвергнут тщательному разбору. В настоящей статье мы попытаемся выявить причины исследовательского пробела, изучить художественный концепт «город» в тексте «Колымских рассказов» в его связях с традициями русской литературы.

Мухина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета подготовки иностранных специалистов Волгоградского государственного технического университета. E-mail: muhina@list.ru

Причина некоторого невнимания учёных к данной проблеме скрыта в самой природе концепта. Д. С. Лихачёв определял концепт «алгебраическим выражением значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи [...] иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определённой среде, профессии и т.д.)»¹. И нередко возникает ситуация, когда значение складывается из довольно различных, а порой даже контрастных интерпретаций смысла. Так, латинское слово *mundus* означало в одном контексте «тот мир, который над нами, небосвод», в другом значении «тот мир, который под нами, царство Цереры», иными словами, оно означало две полусферы, сложенные в единое целое, шар.

Аллегорическое понимание природы концепта можно обнаружить у самого Шаламова в рассказе «Детские картинки». Герой-повествователь, рассматривая ребяческую тетрадь, удивляется тому, что рисунки юного неизвестного художника не похожи на его первые опыты с красками. Иван Царевич в грозной тетради не «на сером волке скакал по еловому лесу»², а держал в руке поводок, который натягивала зубастая немецкая овчарка. «Иван Царевич был в шапке-ушанке военного образца, в белом овчинном полушубке, в валенках и в глубоких рукавицах, крагах, как их называют на Дальнем Севере. За плечами Ивана Царевича висел автомат»³. И как удивительным кажется герою-повествователю детское мышление, выраженное в рисунке, так не совсем традиционным, на первый взгляд, выглядит колымский «городской текст» в координатах мировой словесности. Но в своей «интерпретации» концепта Варлам Шаламов сохраняет основной признак классического урбанистического образа, переместив на периферию некоторые доминирующие в предшествующей литературе атрибуты.

Действие большинства шаламовских новелл происходит в забое, на прииске, в лесу, в бараке, в некоем поселке (рассказ «Васька Денисов, похититель свиней»). «Город» менее «узнаваем» в колымской прозе. Структурные компоненты урбанистического концепта присутствуют «рассеянно», небольшими вкраплениями, порой «размыто». Например, в упомянутом ранее рассказе «Детские картинки» «северный город» — опосредованный образ: герой рассматривает заиндевелую тетрадь, в которой мальчик нарисовал «все времена года своего родного города»⁴. В рассказе «Хлеб» единственная деталь помогает читателю определить местонахождение хлебозавода, на котором разворачиваются основные события произведения: «Нам в *городской черте* (курсив мой — Е.М.) ломать строй не разreshалось — луж не обходил никто»⁵.

Даже вполне реальный город на страницах шаламовской прозы несколько «иллюзорен»: его очертания неясны либо в темноте («Шёл мелкий снег, когда показались огни Магадана»)⁶, либо в памяти героя-повествователя («Магадан, больница, курсы — всё это было как в тумане, в белой колымской мгле»⁷.

¹ Лихачев 2006, 319.

² Шаламов 1, 1998, 66.

³ Там же, 68.

⁴ Там же, 67.

⁵ Там же, 73.

⁶ Там же, 155.

⁷ Там же, 338.

«Лоскутность» и понятийная «размытость» городского образа объясняется синонимичностью урбанистических символов доминирующим пространственным образам, т.к. топосы колымского нарратива составляют единое множество, в которое включены и городские реалии. Подобное явление мы не наблюдаем в текстах писателей-классиков. Скорее наоборот, наиболее частотные в русской литературе урбанистические образы противопоставлены природным топосам (лесу, реке, степи) или деревне.

Дело в том, что в структуре пространственного макрообраза Колымы концепт «город» выступает дополнительным, периферийным уровнем. Неактуальность основного компонента концепта была определена исторически: заключенные находились не в городе и даже не в городской тюрьме. Поэтому в шаламовской прозе возникают только те топонимы, географически и функционально включенные в систему лагерей: в Магадан везут на расстрел героев рассказа «Заговор юристов», в порт Нагаево входит пароход «КИМ» с человеческим грузом, чтобы похоронить его в братских могилах (рассказ «Прокуратор Иудеи»).

Привычное для читателя классической литературы значение урбанистического концепта, в котором обозначены вокзалы, поезда и даже «дно» города возникает единожды в рассказе «Поезд». «Настоящий» после долгих лет заключения видит герой-повествователь. Его описание «напоминает» Петербург Достоевского. В одном из эпизодов герой-повествователь, как и Раскольников, поцеловавший грязную площадь «с наслаждением и счастьем», испытывает необъяснимые ощущения: «Вот это всё: и резкий свет лампы на Иркутском вокзале, и спекулянт, везущий с собой чужие фотографии для камуфляжа, и блевотина, которую извергла на мою полку глотка молодого лейтенанта, и грустная проститутка на третьей полке купе проводников, и двухлетний грязный ребёнок, счастливо кричащий “папа! папа!” — вот это всё и запомнилось мне как первое счастье, непрерывное счастье воли»⁸. Таким образом, объект колымской прозы, авторский опыт и сама история сделали периферийным тот компонент образа, который в классической литературе составлял его ядро.

Также «неосновным» признаком урбанистического концепта в шаламовских рассказах стала его противопоставленность образам природы, явно определяемая традицией предшествующих художественных текстов.

Так в колымской эпопее обнаруживается некоторая оппозиция топографических символов урбанистическим реалиям. На противопоставлении «горожан» деревенским жителям строится образная система в рассказе «Сухим пайком»: «Федя не завидовал горожанам, он просто преклонялся перед ними, и рассказы о достижениях техники, о городских чудесах он готов был слушать без конца, несмотря на голод»⁹. Однако в отношении шаламовской прозы следует говорить о контекстной противопоставленности символических значений того или иного топоса. Причем значение хронотопа зависит от субъекта повествования: смена «восприятий», которая происходит или в сознании одного героя (например, в рассказе «Сентенция») или в результате переkreщивания разных «углов зрения» (рассказы «Белка», «Выходной день» и др.), и создаёт видимую оппозицию.

⁸ Шаламов В., 1998, 611.

⁹ Там же, 42.

Сам В. Шаламов в рассказе «Белка» аллегорически описал взаимопроникновение макрообразов города и леса: «Лес окружал город, входил в город. Надо перебраться на соседнее дерево — и ты уже в городе, на бульваре, а не в лесу»¹⁰. Весь рассказ строится на внешней оппозиции «ГОРОД» — «ЛЕС», включённой в парадигму «ЖИВОЕ» — «НЕЖИВОЕ».

Белке «надо было перебежать эту серую мертвую площадь — а за ней — снова лес»¹¹. Но традиционное значение цветового символа возникает не сразу. Немногом раньше серый мертвый город окрашен в живой зелёный цвет: «Когда белка смотрела издали на город, ей казалось, что город разрезан зелёным ножом, зелёным лучом пополам, что бульвар — это зелёная речка, по которой можно плыть и доплыть в такой же вечный лес, как и тот, в котором жила белка»¹². Зверек воспринимал город, не зная о том, что одним из развлечений его населения была жестокая охота, метафорически, как нечто живое, лесное. И только явная близость смерти меняет представление белки о городе.

Примечательно, что белку в шаламовском тексте забивают камнями. Зачастую камень в колымской эпопее выступает синонимом могилы, это могильный камень. Так, неслучайно в обряде лагерных похорон возникает этот символ: «Привычные могильщики-санитары закидали камнями сухонькое тело тёти Поли. Нарядчик укрепил в камнях палочку — опять с тем же номером личного дела»¹³. Камень стал могилой и для белки: её тельце так и осталось лежать в каменном городе. В том же значении камень появляется у Достоевского, который, по мнению Л. В. Карасёва, ощущал «камень как нечто такое, что может придавить своей тяжестью [...] похоронить под собой»¹⁴.

В другом шаламовском произведении данный символ выступает уже в полярном значении. Так, персонаж рассказа «Сентенция» оказывается способным увидеть в камне жизнь, наделяя предметы свойствами живых существ: «Река, которая меняла высушенное солнцем, обнажённое русло и чуть-чуть видной ниточкой водной пробиралась где-то в камнях, повинувшись извечному своему долгу, ручейком, потерявшим надежду на помощь неба — на спасительный дождь»¹⁵. А в том случае, когда герой «доплывает», природа становится для него враждебной: «Эти крученые деревья и на дрова не годились — своим сопротивлением топору они могли измучить любого рабочего»¹⁶.

«Природа для Шаламова принципиально доброкачественна в своих самых суровых проявлениях. В ней нет дьявольской силы — её используют во зло только бесы в образе людей, устраивающих лагеря для узников в этих гибельных местах...»¹⁷. Это относится и к созданию рук человеческих. Поэтому герой рассказа «Сухим пайком» Федя Щапов восхищается городскими чудесами: в городе может находиться и минарет, и метро.

¹⁰ Шаламов 2, 1998, 264.

¹¹ Там же.

¹² Шаламов 2, 1998, 264.

¹³ Шаламов 1, 1998, 96.

¹⁴ Карасев 1995, 60.

¹⁵ Шаламов 1, 1998, 363.

¹⁶ Там же, 40.

¹⁷ Шрейдер 1994, 228.

Таким образом, пейзаж, в том числе и городской, в «новой прозе» является отражением внутреннего состояния шаламовского героя, неспособного узреть в природе икону Творца. Подобное релятивное свойство пространства довольно традиционно для русской литературы. Так, восприятие мироздания шаламовскими героями имеет немало общего с мировосприятием вероотступников у Достоевского, которые сами отказываются от признания Божьего творения в его величии и мироздании, но если «приближаются к идеалу, они оказываются в пространстве, которое предельно открыто, распахнуто в мир, нравственно»¹⁸.

И данный «подтекст» классической литературы в «Колымских рассказах» становится основной внутренней формой концепта, входящего в «алгебраическую сумму» неопределенного множества его толкований.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин А. 1996: Пространство и время в произведениях Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 1, 316–323.

Карасёв Л. В. 1995: Как был устроен «заклад» Раскольникова // Достоевский и мировая культура. 4, 54–70.

Лихачёв Д. С. 2006: Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.

Шаламов В. Т. 1998: Собр. соч.: в 4 т. М.

Шрейдер Ю. 1994: «Граница совести моей» // Новый мир. 12, 226–229.

CONCEPT 'CITY' IN VARLAM SHALAMOV'S KOLYMA TEXT

Ye. A. Mukhina (Volgograd)

This is a pioneer study of the concept 'city' in the context of macro image of prison camp prose. Specific features of the concept are revealed through Russian classics traditions. Urban symbol meaning is determined through the analysis of subject-object narration system.

Key words: concept, macro image, symbol, tradition, chronotope.

¹⁸ Галкин 1996, 318–319.

ЛИНГВИСТИКА

© 2011

Е. В. Быкова

ФУНКЦИЯ ЦИТАТЫ В МОДУЛЬНОМ МЕМОРИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Настоящая статья посвящена анализу коммуникативной функции цитаты в мемориальном тексте. Цитата (дословное воспроизведение фрагмента какого-либо устного или письменного текста) здесь рассматривается нами как речевое явление, своего рода знак эпохи, погруженный в исторический, культурный контекст.

Ключевые слова: функция, коммуникация, цитата, воздействие, речь.

Цитирование как коммуникативный процесс предполагает передачу информации, инициированную неким обобщенно-коллективным субъектом к массовому субъекту через авторитетного посредника (единичного или коллективно-обобщенного субъекта). Единичный субъект-посредник (*историческая личность*) или коллективный субъект-посредник (*съезд, Центральный комитет, Правительство, Политбюро, Профсоюз, рабочий комитет* и т.п.) для массового адресата «представляют источник информации о мире (в том числе и о самом персонаже как элементе мира)»¹.

Использование цитат из высказываний авторитетных личностей или текстов исторических документов, приказов, постановлений в текстах массовой коммуникации обладает мощным воздействующим потенциалом. Прием цитирования усиливает эффект достоверности², помогает преодолевать «чуждость» сообщения при восприятии в актуальном контексте, а «строка из летописи, начертанная на камне, выполняет функцию памятника уже в момент своего появления»³. Совокупность этих факторов способствует тому, что высказывание на мемориальной доске воспринимается получателем как истина в последней инстанции. «Эффект достоверности» таким образом в мемориальном тексте возведен в степень, он словно бы мифологизируется. Докажем это на конкретных примерах.

*«Адмиралтейская госпиталь, учрежденная государем императором Петром Великим в 1715 г. со сказанием от его величества при закладке оной громким голосом: «Здесь всякий изнеможенный служивый найдет себе помощь и упокоение которого ему доселе не было, дай только бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привозимы» (пр. Газа, внутри здания, медь, до 1917 года)»*⁴.

Быкова Елена Владимировна — заведующая кафедрой связей с общественностью Российского государственного гидрометеорологического университета, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: pr@rshu.ru

¹ Редькина 2007, 164.

² Там же, 144.

³ Тимофеев, Порецкая, Ефремова 1999, 4.

⁴ Калинин, Юревич 1979, 468.

В данном примере цитируется якобы дословный фрагмент из речевой партии императора Петра Великого. В авторском комментарии к цитате присутствует презентация персонажа текста по социально-статусным характеристикам: *государь, император, великий, его величество* и описание ситуации в момент произнесения речи: *со сказанием при закладке громким голосом*.

Речевая партия персонажа текста, представленная в форме цитаты, состоит из двух речевых форм: обещания *«Здесь всякий изнеможенный служивый найдет себе помощь и упокоение которого ему доселе не было»* и пожелания *«дай только бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привозимы»*.

Цитата в тексте выполняет несколько функций воздействия.

Во-первых, это традиционный журналистский прием создания эффекта присутствия при описании в тексте речевой ситуации (*закладка госпиталя*).

Во-вторых, это традиционный риторический прием цитирования слов, произнесенных первым лицом государства, для выражения официальной позиции по определенному вопросу и актуализации исторической важности описываемой ситуации: *государство заботится об армии*.

В-третьих, это позиционирование мировоззренческого назначения правителя: *милосердие и забота о подданных*. Массовый адресат никогда доподлинно не узнает, говорил ли действительно эти слова император или нет, но отношение к событию, к личности императора, к проводимой им политике, к названию города уже сформировано, высечено на камне и тем самым навсегда мифологически закреплено для последующих поколений.

«Встреча с вождем на этой площади. 17 мая 1917 г. рабочие В. О. района услышали Ленина на митинге б. Трубочного завода. Он выступил с речью против Временного правительства и закончил словами: «Долой министров капиталистов!» — «Вся власть Советам!», «Да здравствует мировая революция!» (Уральская улица, мрамор, 1940)⁵.

Цитируемая речевая партия Ленина представляет собой смысловое единство, сформированное из трех персональных высказываний побудительного характера. Процитированные в тексте слова Ленина-вождя стали мифами-лозунгами той исторической эпохи, выражающие отношение к прошлому (*Долой министров-капиталистов!*), настоящему (*Вся власть Советам!*) и будущему (*Да здравствует мировая революция!*). Цитируемые высказывания Ленина и мемориальные доски, установленные в его честь в Санкт-Петербурге (Ленинграде) выполняли важную топонимическую работу: они объясняли, почему так назван город, улицы, площади после 1917 года.

Рассмотрим пример, в котором процитирован автограф писателя М. Горького:

«Работе таких очагов культуры я желаю силы, которой обладает огонь, превращая железную руду в сталь. Точно так же, как из стальной массы руки рабочих создают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины, — так же рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры».

М. Горький

⁵ Калинин, Юревич 1979, 301.

Автограф оставлен великим пролетарским писателем А. М. Горьким во время пребывания его в Доме культуры» (мрамор, пр. Стачек, здание Дворца культуры им. А. М. Горького) ⁶.

Как мы видим, предписывающая субъективная модальность цитируемого фрагмента автографа усиливается комментирующим фрагментом: *автограф оставлен великим пролетарским писателем*. Этот фрагмент является характеристикой субъекта цитирования по социальному статусу. Важно отметить, что в пропагандистском политическом дискурсе социально-статусная характеристика субъекта речи в смысловом плане является не менее важной, нежели речевая партия самого субъекта (*государь император, вождь, пролетарский писатель*). Иными словами, комментирование в тексте того, *кто* это сказал (написал) столь же значимо, как и то, *что* он сказал (написал).

Речевая партия субъекта речи (*М. Горького*) репрезентируется в двух речевых формах. Первое высказывание представляет собой речевую форму пожелания: *«Работе таких очагов культуры я желаю силы, которой обладает огонь, превращая железную руду в сталь»*. Второе высказывание имеет субъективно-модальное значение, которое выражается в речевой форме учительского наставления, наказа: *«Точно так же, как из стальной массы руки рабочих создают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины, — так же рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры»*.

Речевой прием, который использован в данной цитате, построен на основе сложноподчиненного предложения с придаточным сравнительным. Главное предложение *рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров и художников культуры* поясняется придаточным путем сравнения, основанного на ассоциациях: *как из стальной массы руки рабочих создают швейную иглу, перо для писателя, резец и сложнейшие машины*. В использованном приеме понятия, выраженные конкретной лексикой (*рабочий, руки, игла, перо, резец*), по семантическому статусу приравнены к абстрактным понятиям, которые выражены при помощи лексики с отвлеченным значением (*класс, плоть, культура*).

Цель сравнения, построенного на ассоциациях, — объяснить сложные понятия на элементарном уровне, что является характерным свойством учительской, проповеднической речи, пропагандистских выступлений. Подобного рода риторический прием редукции информации путем сведения сложного к простому весьма широко распространен в массовой коммуникации, поскольку оставляет широкое поле для манипулирования сознанием получателя.

«Здесь, в Актовом зале Смольного 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 года состоялась Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В своем обращении к народу съезд провозгласил: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки». (Смольный, Актовый зал, 1960)⁷.

Внешне данный текст состоит из двух предложений. Первое предложение, построенное на основе фактообразующей семантики, представляет собой речевую форму констатации факта без экспликаций отношений модусного типа *«Здесь,*

⁶ Калинин, Юревич 1979, 403.

⁷ Там же, 490.

в Актовом зале Смольного 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 года состоялся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов».

Второе предложение включает в себя фрагмент цитирования устного высказывания некоторого коллективного субъекта (съезд Советов рабочих и солдатских депутатов) «*Съезд провозгласил: “Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки”*».

Цитирование вбирает в себя событийную семантику, осложненную причинно-следственными отношениями: *съезд берет власть в свои руки, потому что так желает громадное большинство рабочих, солдат и крестьян и потому, что совершилось победоносное восстание*. В общем и целом коммуникативный эффект воздействия в данном тексте базируется на весьма распространенном популистском приеме: отсылке к мифической «воле народа», не подкрепленной никакими фактами, «не мотивированной никакими доводами, а лишь связывающей обрисованные перспективы с чем-либо важным или приятным для адресата»⁸.

В целом мемориальные тексты фрагментами цитирования воспринимаются как личностное общение субъекта цитирования и получателя сообщения, что повышает силу воздействия, делает коммуникацию более доверительной, интимной. Приведем примеры речевых действий, которые репрезентированы в приеме цитирования.

1. Пожелание с оттенком долженствования, предписания.

«*Убежище для престарелых артистов не богадельня, а дом отдыха до конца жизни для художников сцены, которые за право этого отдыха заплатили вперед, отдав все вилы, все нервы и здоровье на служение искусству*.

*В этом убежище они должны найти покой, наивозможный комфорт и нежное, бережное отношение за свои труды. М. Савина» (на стене вестибюля главного здания Дома Ветеранов сцены. Мрамор, 1958)*⁹.

Этот пример практически повторяет смысловую структуру фрагмента текста, приведенного в настоящей статье выше: «*Здесь всякий изнеможенный служивый найдет себе помощь и упокоение которого ему доселе не было, дай только бог, чтобы никогда многие не имели нужды сюда быть привозимы*».

2. Наставление, наказ.

«*Служите верно науке и правде и живите так, чтобы, состарившись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость. Н. Пирогов» (Боткинская ул., стена лекционного зала)*¹⁰.

Цитируемое высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия, осложненное деепричастием. Деепричастие имеет пропозитивное прочтение. Это свернутое придаточное предложение со значением времени, которое и вводит в придаточное предложение семантику нарратива. В главном предложении актуализирован глагольный императив, который задает императивную модальность всему высказыванию в целом: *каждый должен поступать таким образом*.

3. Клятва, присяга.

⁸ Сергеева 2006, 69.

⁹ Калилин, Юревич 1979, 443.

¹⁰ Там же, 436.

«Мы отдадим всю энергию, все умение и опыт делу коммунистического строительства.

*Из речи на XXI съезде КПСС Е. И. Лебедева. (сталь, 1975 г., Объединение «Кировский завод»)*¹¹.

Данное речевое действие нами квалифицируется как присяга, поскольку в смысловой структуре текста имеется имплицированный фрагмент: *Клянемся, что... Обещаем, что*. Поэтому текст при внутреннем прочтении получает дополнительную торжественную интонацию с тем же наставлением, что и в примере, приведенном выше.

4. Воззвание, публичное обращение.

«Воины!

Пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за свой род, за Отечество, за православную нашу веру и церковь.

Не должна вас смущать слава непобедимости неприятеля, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении перед собой правду и бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия, благочестие, слава и благосостояние ея» (из обращения Петра I к солдатам перед Полтавской битвой (пр. К. Маркса, на стене Сампсониевской церкви)¹². Текст буквально перенасыщен речевыми единицами, выражающими долженствование или побуждение к действию: *вы не должны помышлять, не должна вас смущать, имейте, ведайте*.

5. Сентенция.

В память заключенных Печорлага — деятелей культуры и искусства, выступавших на этой сцене в 1940–1956 гг. «Это бремя от времени не спрячешь, время свое найдет и отдаст» (№ 2 пП–904 А. Клейн.)¹³. «Цель сентенции — привести суждение поучительного характера с обобщенным значением. Основная функция сентенции — текстообразующая»¹⁴. Вырванная из контекста цитата теряет смысл и требует обязательного соотнесения с неречевым контекстом, речевой ситуацией при восприятии текста и смыслового «восполнения на основе конкретного материала»: мемориальная доска установлена внутри здания дома культуры Железнодорожников в г. Печоры.

Первая часть текста представляет собой фрагмент с событийной семантикой, содержащий объяснение причины установления мемориальной доски: доска установлена здесь потому, что на этой сцене в 1940–1956 годах выступали репрессированные деятели культуры и искусства. Цитата в форме сентенции *Это бремя от времени не спрячешь, время свое найдет и отдаст* представляет собой сложное предложение. Части предложения связаны отношениями обусловленности: *это бремя от времени не спрячешь, потому что время свое найдет и отдаст*. Такая смысловая организация свойственна высказываниям пословичного типа, «изречениям поучительного характера, в которых зафиксирован многовековой опыт народа, выражающие суждения, имеющие побудительный смысл»¹⁵.

¹¹ Калилин, Юревич 1979, 421.

¹² Там же, 468.

¹³ www.Pechora-portal.ru/gallery/monuments/memodoski_008.htm.

¹⁴ Коньков 1995, 36.

¹⁵ Жуков 1990, 389.

6. Директива.

«Здесь, в Актовом зале Смольного 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 года состоялся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В своем обращении к народу съезд провозгласил: «Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки» (Смольный, Актовый зал, 1960).

Субъективная модальность, характерная для этих речевых действий *предписания, наставления, воззвания, присяги, директивы, сентенции*, актуализация ментальных концептов: *помощь, упокоение, служение, правда, вера, слава, власть, бремя, время* — придают модульному мемориальному тексту воздействующую силу.

Таким образом, на основании приведенных в статье примеров можно сказать, что использование приема цитирования в текстах мемориальных досок выполняет функции, во многом схожие с функциями использования приема цитирования в СМИ. Получатель «отвлекается от истории и рассматривает то, что уже случилось в прошлом, так, как если бы это происходило в настоящее время у него на глазах»¹⁶. Цитата из высказывания авторитетного лица или официальной персоны в мемориальном тексте обрастает дополнительными смыслами, становясь афористичной, актуальной вне времени. Цитата обретает функцию знака-символа той эпохи, которой принадлежал субъект цитирования, или актуализирует вечные ценности деяния на общее благо.

ЛИТЕРАТУРА

- Быкова Е. В. 2007: Речевая структура модульного текста // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект / В. И. Коньков (ред.). СПб.
- Есперсен О. 2002: Философия грамматики. М.
- Жуков В. П. 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. М.
- Калинин Б. Н., Юревич П. П. 1979: Памятники и мемориальные доски Ленинграда. Л.
- Коньков В. И. 1995: Речевая структура газетного текста. СПб.
- Коньков В. И. 2007: Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. СПб.
- Редькина Т. Ю. 2007: Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. СПб.
- Сергеева Е. В. 2006: Средства манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на примере ораторских произведений В. И. Ленина) // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты. СПб.
- Тимофеев В. Н., Порецкая Э. Н., Ефремова Н. Н. 1999: Мемориальные доски Санкт-Петербурга. СПб.

¹⁶ Есперсен 2002, 301.

QUOTATION FUNCTION IN A MODULE MEMORIAL TEXT

Ye. V. Bykova

The article deals with the analysis of a quotation communicative function in a memorial text. Quotation, a word-for-word repetition of an oral or written text fragment, is considered as a speech phenomenon, a symbol of an epoch in a historical and cultural context.

Key words: linguistics, function, communication, quotation, impact, speech.

© 2011

Д. Е. Нифонтова

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КООПЕРАТИВНОГО ДИАЛОГА
В РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФАСТНАХТШПИЛЕЙ ГАНСА САКСА)

В статье исследуются некоторые стратегии и тактики кооперативного диалога в ранненововерхненемецком языке. На материале отрывка из фастнахтшпиля Ганса Закса анализируются стратегия самопрезентации и стратегия установления/поддержания кооперативных отношений, проводится анализ языковых средств, используемых собеседниками в ходе разговора для достижения поставленных коммуникативных целей.

Ключевые слова: речевая стратегия, речевая тактика, фастнахтшпиль, кооперативный и конфронтационный диалог.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода к исследованию языка и речи диалог понимается как «процесс и продукт речевой деятельности двух и более коммуникантов», создаваемый «путем смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего в конкретной ситуации» с целью достижения желаемого результата¹. В ходе общения коммуниканты используют различные стратегии и тактики, представляющие собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»². В зависимости от того, достигнут ли желаемый результат общения, выделяются два типа диалога: кооперативный и некооперативный (конфронтационный). На сегодняшний день существует большое количество классификаций речевых стратегий и репрезентирующих их тактик: так, например, Т. А. ван Дейк и В. Кинч выделяют пропозиционные стратегии, стратегии локальной когерентности, макростратегии, схематические, продукционные, стилистические и риторические стратегии, стратегии разго-

Нифонтова Дарья Евгеньевна — аспирантка кафедры немецкой филологии СПбГУ. E-mail: dashica@yandex.ru

¹ Формановская 2007, 335.

² Иссерс 2006, 54.

вора³; с функциональной точки зрения О. С. Иссерс предлагает деление стратегий на основные (семантические) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические)⁴; в зависимости от установки говорящего на тип общения выделяются конфронтационные (дисгармонизирующие) и кооперативные (гармонизирующие) стратегии⁵. Однако, как утверждает О. С. Иссерс, исчерпывающая классификация «представляется весьма затруднительной в силу многообразия самих коммуникативных ситуаций».

В данной статье мы остановимся на некоторых стратегиях и тактиках кооперативного диалога в ранненововерхненемецком фастнахтшпиле — особом жанре немецкой литературы XIV–XVI вв., представляющим собой короткую пьесу преимущественно фарсового характера на злободневную тему из жизни различных слоев населения Германии.

Кооперативное общение предполагает ориентацию на желания и психологическое состояние собеседника, прогнозирование и подтверждение его коммуникативных ожиданий, а также желание избежать коммуникативные неудачи (подробнее о коммуникативных неудачах см. работы Б. Ю. Городецкого⁶, О. Н. Ермаковой⁷). Так, человек, жалующийся на что-либо, реализует стратегию самопрезентации посредством тактики жалобы и ожидает от партнера по коммуникации проявление участия к его проблеме. Для достижения желаемого перлокутивного эффекта говорящий использует набор экспрессивных языковых средств, обеспечивающих высокую эмотивность высказывания. Значительное количество рассматриваемых текстов начинается с монолога одного из героев, в котором он рассказывает о своих невзгодах, стремясь привлечь к себе внимание зрителей и расположить их к себе, вызвав жалость. Подобный прием очень удобен для Ганса Сакса, так как в ходе такого монолога можно рассказать о событиях, трудных для постановки и/или предшествовавших непосредственно действию драмы, дать предварительную характеристику персонажам, тем самым ориентируя публику на предстоящее действие. Рассмотрим пример:

Der mann gehet ein, würfft die hendt von einander unnd spricht:

*Ach, ich armer, ellender man,
Was söl auferdt ich heben ahn?
Das zu trost ist den mennern geben,
Betrübt am meisten mir mein leben.
Ey! ey! ey! ey! ach! ach und weh!
Hab ich weh, wo ich nur steh und geh!
Das mir niemandt kann helffen ab,
Denn hawen, schauffel und das grab!
Der Nachtbawr kumbt unnd spricht:
*Grüß dich gott, mein lieber nachtbawr!
Wie sichst du also leichnam-sawr
Und gehst daher also betrübt?**

³ Дейк, Кинч 1988, 10–11.

⁴ Иссерс 2006, 106.

⁵ Формановская 2007, 335.

⁶ Городецкий 1985.

⁷ Ермакова 1993.

*Sag mir doch, was dich darzu ubt
Ietzund in dem ehlichen standt!
Es thut mir an dir also andt;
Weil du warst ein lediger gsel,
War laut-raissig, fröhlich dein gschel.
Wie bist ietzundt so gar erschlagen!*⁸

Коммуникативная цель первого говорящего — представить себя несчастным и вызвать сочувствие и понимание у зрителя и других персонажей. Как упомянуто выше, для реализации данной цели он прибегает к стратегии самопрезентации и реализующей ее тактике жалобы. Данная тактика маркируется следующими языковыми показателями:

1. Лексические показатели

1. Личные и притяжательные местоимения *ich, mein, mir*, отсылающие к говорящему — субъекту высказывания.
2. Существительные, прилагательные и глаголы, принадлежащие к лексико-семантическому полю «негативные эмоции»: *arm, ellend, trost, betrüben*.
3. Междометия *Ach, ey!, ach und weh!*, свидетельствующие о негативном эмоциональном состоянии собеседника.
4. Наречия с усилительным значением *nur, am meisten*, которые наряду с отрицательным местоимением *niemand* являются показателями «разговорного максимализма» — лексемами, в значении которых присутствует сема чрезмерности⁹.

2. Стилистические показатели

1. Употребление парной формулы *steh und geh* придает высказыванию эмоциональную окраску — «говорящий страдает, чтобы он ни делал».
2. Метонимия: понятие смерти выражается при помощи слов, обозначающих атрибуты похорон, что усиливает эмоциональность высказывание, придавая жалобе печально-торжественный тон:

*Das mir niemandt kann helfen ab,
Denn hawen, schauffel und das grab!*

3. Перифраз: говорящий обозначает причину своего несчастья — сварливую жену и тяготы семейной жизни — через нейтрально-обобщенную конструкцию. Данный прием также обладает высокой степенью экспрессивности:

*Das zu trost ist den mennern geben,
Betrübt am meisten mir mein leben.*

3. Синтаксические показатели

1. Риторические вопросы и восклицания как особые средства создания эмоциональности высказывания:

*Ach, ich armer, ellender man,
Was söl auferdt ich heben ahn?*

2. Восклицательные предложения с лексическим повтором:

Ey! ey! ey! ey! ach! ach und weh!

3. Инверсия — свидетельство о эмоциональности речи — глагол выносится на первое место:

Hab ich weh, wo ich nur steh und geh!

⁸ Sachs 1553: Das böß weyb mit den worten, würtzen und stein gut zu machen, 14, 262–266.

⁹ Матвеева 1986, 18.

4. Градация: усиление признака — прилагательные *arm*, *ellend* употребляются подряд с целью нагнетания эпитетов.

Важным представляется также упомянуть экстралингвистические показатели тактик. В дополнение к языковым средствам создания желаемого прагматического эффекта говорящий пускает в ход невербальные средства общения: в ремарке содержится указание на жест «**würfft die hendt von einander**», обладающий экспрессивно-выразительным значением и указывающий на общее эмоциональное состояние персонажа (расстройство, готовность говорить открыто).

Как мы видим, для достижения желаемого результата — представления себя как бедного человека и снискания жалости у зрителей и других персонажей — говорящий пускает в ход целый комплекс изобразительно-выразительных средств. Подобная насыщенность, если не избыточность, выполняет важную для театральных постановок того времени функцию: она облегчает публике понимание интенций говорящего и коммуникативной ситуации в целом. Ведь фастнахтшпили были ориентированы на публику, еще не вполне овладевшую навыком восприятия письменного текста на слух. Снабжая речь своих персонажей большим количеством междометий, риторических вопросов, восклицательных предложений и прочими средствами создания эмотивности, Г. Сакс руководствуется принципом когнитивной разгрузки, то есть приспособливает свое высказывание под возможный горизонт его восприятия реципиентом¹⁰.

Вернемся к анализируемой сцене. Об успешности выбранной тактики — тактики жалобы — свидетельствует речевой ход следующего персонажа, который, видя несчастье своего товарища, вступает с ним в диалог, реализуя свою стратегию установления (в данном случае — поддержания) кооперативных отношений. По мнению Е. А. Земской, установка на конфликтное речевое поведение, как и установка на кооперацию, обнаруживается через категорию вежливости¹¹. В этой связи необходимо упомянуть о принципах вежливости и кооперации, предложенных Дж. Личем¹² и П. Грайсом¹³. Данные постулаты представляют собой набор правил или максим, обеспечивающих кооперативное, то есть неконфликтное, общение между людьми. К максимам кооперативного общения относятся максимы количества, качества, отношения и способа, к правилам вежливости — такта, великодушия, скромности, одобрения, согласия и симпатии. Вступая в диалог с целью выяснить причину негативного состояния собеседника, говорящий избирает тактику проявления участия к собеседнику и следует правилам кооперации. Ядром данной тактики является акт запроса информации (вопросительные речевые акты) и просьбу рассказать о случившемся (речевые акты просьбы, класс директивов):

*Wie sichst du also leichnam-sawr
Und gehst daher also betrübt?
Sag mir doch, was dich darzu ubt
Ietzund in dem ehlichen standt!*

¹⁰ Epping-Jäger 1996, 448–490.

¹¹ Земская 1994.

¹² Leech 1983.

¹³ Грайс 1985.

Установка на кооперативный тип общения обнаруживается уже в первых речевых действиях говорящего, который вступает в разговор, пользуясь этикетными формулами начала беседы — вежливые приветствие и обращение:

Grüß dich gott, mein lieber nachtbawr!

Дополнительными речевыми действиями, которые совершает персонаж с целью расположить к себе собеседника и получить ответ на интересующий его вопрос, являются речевые акты, направленные на достижение максимальной кооперативности общения — уверения собеседника в искренней заинтересованности его состоянием и представлением себя как человека сочувствующего. В данном примере это речевые акты

- 1) утверждения (класс репрезентативов):

Es thut mir an dir also andt.

Говорящий указывает на некое положение вещей (в данном случае выражает свою обеспокоенность, даже страх за товарища);

- 2) обоснования (класс сатисфактивов):

*Weil du warst ein lediger gsel,
War laut-raissig, fröhlich dein gschel.*

Придаточное причины с союзом *weil* реализует речевой акт — обоснование утверждения;

- 3) восклицания (класс экспрессивов):

Wie bist ietzundt so gar erschlagen!

Риторическое восклицание как стилистическая фигура, выражающая эмоциональное состояние говорящего при помощи интонации, активно воздействует на адресата и придает живость, непринуждённость высказыванию. Среди других экспрессивных языковых средств, избираемых говорящим для достижения желаемого перлокутивного эффекта, также инверсия (*War laut-raissig, fröhlich dein gschel*), эпитеты (*leichnam-sawr, betrübt, laut-raissig, fröhlich, erschlagen*), усиленные частицы (*doch, also*).

Об успешности тактики можно судить по реакции партнера по коммуникации, который, оставаясь в рамках тактики жалобы, уже напрямую рассказывает о причинах своего несчастья:

*Ach, was soll ich dir daran klagen?
Weh mir, das ich geboren bin!
Ich wollt, meins lebens zeyt wer hin,
Weil ich nichts hab, denn auch und weh,
In meiner unselegen eh,
Darin ich ie nit mehr mag leben.
Ich hab mich gantz darein ergeben,
Ich will mich an ein baummen hencken
Oder in eim brunnen ertrencken,
Es faht geleich mein arme seel
Gehen hymel oder in die hel,
Auff das nur ledig werdt mein leyb
Von meinem bitter-bösen weyb,
Vor der ich hab kein rast, noch rw.*

В данном коммуникативном ходе тактика жалобы (*Ach, was soll ich dir daran klagen?*) тесно переплетена с тактиками, характерными для стратегии дискредитации — оскорблением и обвинением (здесь — третьего лица): оскорбительный для жены говорящего потенциал высказывания реализуется за счет эпитета *bitterböses*, а также экспрессивных речевых действиях, отражающих эмоциональное состояние мужа.

Характерным для фастнахтшпиля сценарием развития диалога будет избрание собеседником тактики совета, репрезентирующей уже избранную ранее стратегию поддержания кооперативных отношений:

*Mein lieber nachtbwar, mir felt ein...
Vor jaren ich gehöret han
Von einem gar uralten man,
Dem het auch ein grundt-böses weyb
Also gepeinigt seinen leyb.
Der hat sich eins tags auff-gemacht
Und war geritten tag und nacht
Hin zum könig Salomon,
Hat im seyn noht gezeyget ohn
Seins weib halber in seiner stadt.
Dem het er geben kurtzen raht,
Gesagt: groß, krafft haben allein
Wort unde würtz, und auch die stein.
Schaw, durch die drey gemelten stück
Hat dieser alt mann durch gelück
Sein zenkisch weyb gemachet fridtsam,
Tugendtlich, demütig und sitsam,
Uber-kummen ein gute eh...*

Тактика совета реализуется коммуникативным ходом-сообщением о поведении другого человека в схожей ситуации и представлена репрезентативными речевыми актами. Для достижения желаемого перлокутивного эффекта служат, помимо прочего, прилагательные с семантикой «хороший», «добрый» (*fridtsam, tugendtlich, demütig und sitsam, gute*), описывающие благоприятные последствия для собеседника в случае, если тот прислушается к совету. Избранная тактика оказывается успешной, о чем свидетельствует ответный ход второго говорящего, реализующий кооперативную тактику согласия:

*Ich hab gut hoffnung zu den dingen,
Will erstlich mit den guten Worten
Mit ir anheben an den orten.
Hilffts nit, ich brauch die andern stück.*

Разговор завершается коммуникативным ходом персонажа, представляющим кооперативную тактику пожелания всего наилучшего и выраженную этикетным речевым актом пожелание:

Darzu wünsch ich dir heyl und glück.

Как мы видим, данный диалог развивается по неконфликтному принципу: коммуникативные ходы собеседников направлены на поддержание кооперативных отношений, выбранные тактики распознаются и правильно интерпретиру-

ются адресатом, соблюдаются условия вежливости и принципы кооперации, что позволяет собеседникам реализовывать свои речевые интенции, избегая коммуникативных неудач. Кооперативность общения достигается также за счет правильного, уместного отбора разноуровневых языковых средств, которые обеспечивают максимальную эффективность общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. 1985: К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний / А. С. Нариньяни (ред.). Новосибирск, 64–78.
- Грайс П. 1985: Логика и речевое мышление // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 / Е. В. Падучева (ред.). М., 217–237.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В. 1988: Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. / В. В. Петров, В. И. Герасимов (ред.). М., 153–211.
- Ермакова О. Н., Земская Е. А. 1993: К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык и его функционирование: Коммуникативно-прагматический аспект / Е. А. Земская, Д. П. Шмелев (ред.). М., 90–157.
- Земская Е. А. 1994: Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова (ред.). М., 131–137.
- Матвеева Т. В. 1986: Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск.
- Формановская Н. И. 2007: Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.
- Epping-Jäger C. 1996: *Die Inszenierung der Schrift. Der Literalisierungsprozess und die Entstehungsgeschichte des Dramas*, Stuttgart.
- Leech G. N. 1983: *Principles of Pragmatics*. London; New York.
- Sachs H. 1870–1908: *Werke* / Hrsg. von Adelbert von Keller. Bibliothek des literarischen Vereins. Stuttgart.

STRATEGY AND TACTICS OF COOPERATIVE DIALOGUE IN OHG (BASED ON HANS SACHS'S FASTNACHTSPILLE)

D. Ye. Nifontova

This is a study of some strategies and tactics of a cooperative dialogue in Old High German. Using the material of an extract from Hans Sachs's work the author analyzes the strategy of self presentation and the strategy of establishing/encouraging cooperation. The author also presents the analysis of linguistic means used by interlocutors to achieve communication objectives.

Key words: speech strategy, speech tactics, fastnachtspille, cooperative and confrontational dialogue.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2011

И. Р. Атнагулов

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ НАГАЙБАКСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ С 1842 ПО 1926 ГОД

В статье рассматривается период истории населения казачьих и не казачьих населённых пунктов с 1842 по 1926 год, основанных на территории современного Нагайбакского района Челябинской области, в этнодемографическом аспекте. Это период становления нагайбакской этнической идентичности и в целом современной этнической картины Нагайбакского района.

Ключевые слова: этнология, этнодемографический аспект, нагайбаки.

Южное Зауралье — территория нынешнего юга Челябинской области — до начала 1840-х годов была заселена в основном казаками родовых подразделений кипчак (Средний Жуз) и жагалбайлы (Младший Жуз). С 1842 года эти земли, находящиеся в треугольнике, образованном реками Урал и Уй, и линией, проведённой примерно от Орска до Троицка, по замыслу правительства входят в состав Оренбургского казачьего войска. Вновь создаваемая линия укрепленных казачьих поселений получила название «Новая», а весь район казачьих поселений — «Новолинейный». Основным населением новолинейных посёлков были оренбургские казаки внутренних кантонов¹, калмыки упразднённого Ставропольского казачьего войска и русское крестьянское население Верхнеуральского и Троицкого уездов, принудительно введённое в состав Оренбургского казачьего войска. Среди оренбургских казаков 3 и 5 кантонов были крещёные татары (нагайбаки) — выходцы из станицы Нагайбацкой и других, расположенных в Восточном Закамье в бассейне рек Ик и Сюнь.

Географические рамки статьи очерчены границами современного Нагайбакского района. С момента переселения сюда нагайбаков в 1842 году и до 1919 года эти земли входили в состав Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Постановлением ВЦИК от 3 сентября 1919 года на части территорий Оренбургской губернии и Тургайской области была создана Челябинская губерния. Первоначально нагайбакские населённые пункты вошли в состав Троицкого уезда вновь

Атнагулов Ирек Равилевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков. E-mail: c_hist@masu.ru

¹ С 1798 года казаки внутренних районов Оренбургской губернии были разделены на кантоны: 11 башкирских, 5 мещеряцких, 5 оренбургских и 2 кантона уральских казаков.

созданной губернии, затем — Верхнеуральского уезда. В 1923 году в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) и III сессии ВЦИК 26 ноября была создана Уральская область с центром в г. Свердловске. С этого момента и по 1927 год нагайбакские посёлки входили в состав Троицкого округа Уральской области. 4 декабря 1927 года в составе Троицкого округа Уральской области был образован Нагайбакский район. С образованием Челябинской области в 1934 году Нагайбакский район становится субъектом новообразованной области. В настоящее время район расположен в южной части Челябинской области (примерно 53°17' — 53°45' северной широты, 59°20' — 60°45' восточной долготы) в бассейне реки Гумбейки (левый приток реки Урал). Общая площадь территории составляет 3022 квадратных километра.

Основными этническими компонентами вновь образованных населённых пунктов были русские, нагайбаки и калмыки. Казаки-нагайбаки на новом месте были расселены компактно, хотя их населённые пункты относились к разным станичным юртам — Верхнеуральскому, Березинскому, Великопетровскому и Магнитному. Русские казаки селились отдельными станицами, калмыков расселяли дисперсно в русских и нагайбакских станицах. Всего на территории нынешнего Нагайбакского района в 1842 году было образовано 7 казачьих поселений: Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия, Арси, Куликовка — и ещё 3 населённых пункта в конце XIX — начале XX века: Куропаткинский, Александроневский и Балканы. Верхней границей хронологических рамок мы определили 1926 год — время первой советской переписи населения.

Первоначально с 1842 года все станицы и крепости Новой линии имели номерные наименования от № 1 до № 32. В 1844 году при военном губернаторе В. А. Обручеве номерные наименования были заменены на новые. В качестве новых наименований станиц были предложены названия населённых пунктов, прославивших русское оружие как на территории России, так и в заграничных походах. Новолинейным станицам также присваивали имена российских императоров и членов их семей, а также имена крупных начальников Оренбургского казачьего войска. Присвоение названий поселениям было акцией административной, волюнтаристской, поддержанной на высочайшем уровне в Петербурге².

Посёлок № 1 Кассель назван в честь взятия 19 сентября 1813 года русскими войсками Касселя — столицы Вестфальского королевства. Посёлок № 2 Остроленка назван в связи с подавлением восстания в Польше под Остролёнкой в 1831 году. Посёлок № 3 Фершампенуаз получил название в связи с победой, одержанной объединёнными войсками России, Германии и Австрии 13 марта 1814 года на окраине французского города Фер-Шампенуаз над армией Наполеона. Посёлок № 4 Париж назван в честь взятия столицы Франции и завершения заграничных походов 1812–1814 годов. Посёлок № 8 был назван Требия в память о боях русско-австрийских войск под командованием А. В. Суворова 6–8 июня 1799 года против французов под командованием генерала Макдональда у берегов реки Требия (северная Италия). Посёлок № 24 Арси назван в память о взятии французского города Арси-сюр-Об в марте 1814 года. Посёлок № 31 Куликовский — в честь Куликовской битвы 1380 года.

² Рыбалко 2007, 37.

Из перечисленных населённых пунктов собственно нагайбакскими были и являются поныне Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия. Русскими казаками были основаны посёлки Арси и Куликовка.

Вместе с тем нагайбаки, переселившись сюда из Белебеевского уезда Уфимской губернии, сохранили в памяти названия своих прежних деревень. А поскольку переселенцы отправлялись в путь целыми деревнями, то и селились на новом месте, в основном, тем же составом. Поэтому параллельно с номерными и новыми официальными наименованиями казаки-нагайбаки использовали названия своих прежних селений, оставшихся в Белебеевском уезде³. Жители посёлка № 1 называли его Килий; № 2 — Сарашлы (Шарашлы); № 3 — Бакалы, Илек, Умерле; № 4 — Яна аул (Яш аул); № 8 — Нугайбек.

Таким образом, поселения верхнеуральских казаков-нагайбаков имели по три наименования каждое: номерное (полученное сразу после образования Новой линии), нагайбакское (соответствующее названию того селения Белебеевского уезда, откуда они прибыли) и официальное (предложенное генерал-губернатором П. П. Сухтеленым). Следует отметить, что вновь присвоенные официальные наименования населённых пунктов далеко не сразу получили распространение среди местного населения. Сами нагайбаки ещё долго продолжали между собой называть их по старой привычке, по номерам или по-нагайбакски. Номерная топонимика ещё долго бытовала в казачьей среде⁴. В результате полевых исследований, проведённых нами в посёлках Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, Париж и Требия, было замечено, что старшее поколение в общении между собой продолжает использовать прежние номерные или нагайбакские названия посёлков. Среднее поколение в основном знает о существовании подобных наименований, но использует современные названия. Младшее поколение знакомо почти исключительно с современными обозначениями населённых пунктов. Нагайбакские посёлки, образованные позже малоземельными казаками, в конце XIX — начале XX века: Куропаткинский, Александро-Невский и Балканы — других названий не имеют. К тому же этнический состав населения в них был сразу смешанным.

Посёлок № 1 — Кассель расположен на правом берегу реки Гумбейки, недалеко от её истока, при впадении в неё двух небольших рек — Топкой и Чёрной. Первоначально посёлок под номером 1 был заселён казаками 3-го и 5-го кантонов в количестве 200 человек и калмыками Ставропольского войска в количестве 29 человек, всего — 229 человек⁵. В 1853 году в Касселе насчитывалось 69 дворов и 241 человек мужского пола⁶, в 1854 году — 47 дворов и 268 человек мужского пола⁷. В 1897 году — 139 дворов и 927 жителей обоего пола⁸. По данным переписи населения 1926 года, в посёлке Кассель насчитывалось хозяйств — 259, мужчин — 586 человек, женщин — 733 человека, всего населения — 1301 человек.

³ В настоящее время на территории Бакалинского района республики Башкортостан сохранились названия этих поселений, в которых сейчас проживает т.н. бакалинская группа крышен: Килеево, Шерашлы, Бакалы, Илеково, Нагайбаково и др.

⁴ Хорошхин 1881, 137.

⁵ Правила о переселении 1843, 34.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л.л. 64 об.-65.

⁷ Там же. Л.л. 107 об., 108, 108 об., 109.

⁸ Исхаков 1995, 11.

Из них преобладающим являлись нагайбаки — 1284 человека, вторыми по численности были татары — 16 человек⁹.

Посёлок № 2 — Остроленка был основан в восемнадцати километрах от Каселя ниже по течению реки Гумбейки на её правом берегу. В 1842–1843 годах посёлок № 2 был заселён казаками 3-го и 5-го кантонов в количестве 200 человек и калмыками Ставропольского войска в количестве 19 человек, всего — 219 человек¹⁰. В 1844 году в Остроленке насчитывалось населения 257 человек мужского пола и 283 человека женского пола, всего — 540 человек¹¹. В 1853 году количество дворов — 93, число душ мужского пола — 283¹². В 1854 году в Остроленке было зафиксировано 98 дворов и 292 человека мужского пола¹³. По переписи 1897 года насчитывалось дворов — 196, населения — 1394 человека обоего пола¹⁴. Перепись населения 1926 года зафиксировала в Остроленке число хозяйств — 322, населения — 1606 человек, из них мужчин — 742, женщин — 864 человека. Преобладающим этносом отмечены нагайбаки — 1453 человека, вторые по численности — русские (135 человек)¹⁵.

Посёлок № 3 — Фершампенуаз был основан примерно в двадцати километрах от Остроленки ниже по течению Гумбейки на её левом берегу при впадении в неё реки Кызыл Чилик. В 1842–1843 годах сюда было поселено 350 казаков 3-го и 5-го кантонов¹⁶. В 1844 году в Фершампенуазе насчитывалось мужчин — 464, женщин — 457, всего — 921 человек¹⁷. В 1853 году здесь было зафиксировано количество дворов — 156, число душ мужского пола — 493¹⁸. В 1854 году число дворов — 156, число душ мужского пола — 517. По переписи населения 1897 года в Фершампенуазе насчитывалось количество дворов — 243, количество жителей — 1844¹⁹. Перепись населения 1926 года зафиксировала в Фершампенуазе число хозяйств — 280, населения — 1405 человек, из них мужчин — 626, женщин — 779 человек. Преобладающим этносом отмечены нагайбаки — 1382 человека, вторыми по численности являлись русские — 10 человек²⁰.

Посёлок № 4 — Париж был заложен примерно в тридцати километрах юго-восточнее Фершампенуаза на правом берегу реки Кызыл Чилик у её истока. Первоначально в 1842–1843 годах сюда были заселены 300 казаков 3-го и 5-го кантонов и 32 ставропольских калмыка, всего — 332 человека²¹. В 1844 году здесь было отмечено мужчин — 372, женщин — 399, всего — 771 человек²². В 1853 году при 145 дворах 316 человек мужского пола²³. По переписи 1897 года здесь

⁹ Плешков 1928, 40.

¹⁰ Правила о переселении 1843, 34.

¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. Л. 19 об. 20.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л. 64 об. 65.

¹³ Там же.

¹⁴ Исхаков 1995, 11.

¹⁵ Плешков 1928, 40.

¹⁶ Правила о переселении 1843, 34.

¹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. Л. 19 об. 20.

¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л. 64 об. 65.

¹⁹ Исхаков 1995, 11.

²⁰ Плешков 1928, 40.

²¹ Правила о переселении 1843, 34.

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. Л. 19 об. 20.

²³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л. 64 об. 65.

находилось 268 дворов и 1909 человек обоего пола²⁴. В материалах переписи 1926 зафиксировано 513 хозяйств, мужчин — 1084 человек, женщин — 1335 человек, всего населения 2419 человек. Из них нагайбаков — 2329 человек. Вторыми по численности в посёлке отмечены киргизы (казахи) — 43 человека²⁵.

Посёлок № 8 — Требия был основан примерно в восемнадцати километрах юго-западнее Фершампенуаза, ниже по течению на правом берегу Гумбейки. К 1843 году сюда было переселено 200 казаков 3-го и 5-го кантонов²⁶. В 1844 году здесь насчитывалось 269 мужчин и 399 женщин, всего — 668 человек²⁷. В 1853 году было зафиксировано при 93 дворах 293 человека мужского пола²⁸, в 1854 году — 94 двора и 299 мужчин²⁹. Перепись 1897 года отметила в Требии количество дворов — 189, количество жителей — 1124 человек³⁰. В 1926 году насчитывалось 324 хозяйства, общее число населения — 1431 человек. Из них мужчин — 670 человек, женщин — 761 человек. Преобладающим этносом были нагайбаки — 799 человек, вторыми по численности — русские — 472 человека³¹. До 1920-х годов население Требии, помимо казачьей службы, занималось добычей золота на местных приисках.

Все вышеперечисленные посёлки с момента основания были заселены в основном нагайбаками, а в Касселе, Остроленке и Париже к ним были подселены и калмыки упразднённого Ставропольского казачьего войска. В отличие от нагайбаков, калмыки были расселены более дисперсно. Чисто калмыцких населённых пунктов не было, и их расселяли вместе с нагайбаками и русскими казаками. На территории современного Нагайбакского района было основано ещё несколько новопоселенных поселений с русско-калмыцким населением. В настоящее время этнический состав этих посёлков остаётся преимущественно русским, с небольшим числом нагайбаков. В 1924–1925 годах большая часть калмыков была переселена на Нижнюю Волгу во вновь образованную Калмыцкую АССР³².

Посёлок № 24 — Арси был основан в 1842 году на юго-западном берегу озера Ачакуль. В 1843 — 1844 годах сюда было переселено калмыков — 95 человек, белопахотных солдат и солдатских малолеток — 205 человек³³. Как и в других населённых пунктах Новопоселенного района, в посёлке Арси до 1920 года всё население было казачьим. По переписи 1926 года в посёлке Арсинском Верхнеуральского района насчитывалось число хозяйств — 556, населения всего — 2443 человека, из них мужчин — 1098 человек, женщин — 1345 человек. Подавляющее большинство — русские (2440 человек), 3 человека — татары³⁴.

Посёлок № 31 — Куликовский был основан в 1842 году на правом берегу реки Темир-Зингейка. В 1842–1843 годах сюда были переселены 41 калмык, 167

²⁴ Исхаков 1995, 11.

²⁵ Плешков 1928, 40.

²⁶ Правила о переселении 1843, 34.

²⁷ ГАОО. Там же. Д. 1793. Л.л. 19 об. 20.

²⁸ ГАОО. Там же. Д. 1993. Л.л. 64 об. 65.

²⁹ Там же, 107 об. 109.

³⁰ Исхаков 1995, 11.

³¹ Плешков 1928, 40.

³² Рыбалко 2007, 24.

³³ Правила о переселении 1843, 37.

³⁴ Плешков 1928, 8.

белопахотных солдат и солдатских малолеток³⁵. По переписи населения 1926 года здесь насчитывалось 424 хозяйства, всего населения — 2219 человек, из них мужчин — 1017 человек, женщин — 1246 человек. Подавляющее большинство — русские (2183 человека), вторые по численности — башкиры (28 человек)³⁶.

Следующую группу населённых пунктов составляют посёлки, основанные так называемыми, малоземельными казаками в конце XIX — начале XX века. С момента образования Новой линии и до 1880-х годов число посёлков на территории современного Нагайбакского района не увеличивалось. Появлялись хутора, выселки, относящиеся к старым посёлкам. Нарезка земли производилась в соответствии с «новолинейной нормой» — 30 десятин на каждую мужскую душу. К 1880 году земельные резервы Фершампенуаза и Касселя были исчерпаны, и казачьи общины обратились к наказному атаману Оренбургского казачьего войска М. И. Астафьеву с просьбой о выделении дополнительного земельного надела³⁷.

Примерно в шестнадцати километрах юго-восточнее Фершампенуаза земли были выделены, и в 1877 году на правом берегу реки Кызыл Чилик был основан посёлок Астафьевский, названный в честь упомянутого атамана. Первыми жителями его были 13 семей, переселившиеся из посёлков Фершампенуаз, и 12 семей из посёлка Кассель общим числом 392 человека, в том числе мужчин — 201, женщин — 191 человек³⁸. В 1926 году здесь было зафиксировано при 126 хозяйствах населения всего 551 человек, из них мужчин — 245, женщин — 306 человек. Преобладающий этнос — нагайбаки (455 человек), основное меньшинство — киргизы или казахи (75 человек)³⁹.

Посёлок Балканы был основан в трёх километрах севернее посёлка Требия в 1895 году на прииске по добыче золота татарским золотопромышленником З. С. Рамеевым и назван в память русско-турецких войн. В тот год в окрестностях Требии впервые было обнаружено золото и началась разработка прииска⁴⁰. Добыча золота продолжалась до 1912 года. Рамеевым к работе на прииске привлекались приезжие татары-мусульмане. В посёлке был построен большой особняк — «дворец Рамеева» и мечеть. После революции 1917 года прииск и дворец перешли в собственность государства, и здесь находилась контора горнорудного управления. По данным переписи населения 1926 года, в Балканах насчитывалось: число хозяйств — 137, населения всего — 798 человек, из них мужчин — 375, женщин — 423 человека. Преобладающим этносом были русские — 458 человек, вторые по численности — татары (261 человек)⁴¹.

Посёлок Александро-Невский был основан в 1905 году примерно в двенадцати километрах юго-восточнее посёлка Балканы на левом берегу реки Гумбейки и назван в честь князя Александра Невского. В 1926 году здесь при 136 хозяйствах проживало всего 629 человек, из них мужчин — 286 человек, женщин —

³⁵ Правила о переселении 1843, 37.

³⁶ Плешков 1928, 40.

³⁷ Маметьев 1997, 18; 2005, 25.

³⁸ Маметьев 1997, 18.

³⁹ Плешков 1928, 38.

⁴⁰ Заварицкий 1926, 144.

⁴¹ Плешков 1928, 42.

343. Преобладающий этнос — русские (578 человек), вторые по численности — мордва (35 человек)⁴².

Посёлок Куропаткинский был основан как хутор русскими казаками в 1905 году в десяти километрах северо-западнее посёлка Остроленка на левом берегу реки Гумбейки и назван в честь генерала А.Н. Куропаткина — главнокомандующего русской армией на Дальнем Востоке в период русско-японской войны. В 1926 году здесь было 60 хозяйств, всего населения — 264 человека, из них мужчин — 123 человека, женщин — 141. Всё население — русские⁴³. Среди не казачьих населённых пунктов на территории Нагайбакского района во второй половине XIX — начале XX века возникло несколько казахских селений. Посёлок Арасламбаевский расположен в двенадцати километрах западнее Фершампенуаза. По данным 1926 года, он возник в 1923 году как аул Арасламбаевский (Каракупа) с численностью хозяйств — 35, населением всего 203 человека, из них мужчин — 109, женщин — 94 человека. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 201, татары — 3 человека⁴⁴.

Посёлок Копал расположен в двенадцати километрах севернее посёлка Арси на левом берегу реки Курасан. В документах 1926 года фигурирует как посёлок Копаловский Степного района Троицкого округа⁴⁵. Время возникновения посёлка неизвестно, однако в том же документе указано, что до 1916 года он входил в состав Аятской волости. По данным переписи, здесь находилось число хозяйств — 79, населения всего — 324 человека, из них мужчин — 167, женщин — 157 человек. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 316, русские — 7 человек⁴⁶.

Посёлок Кужебай расположен примерно в тринадцати километрах восточнее посёлка Париж на левом берегу реки Нижний Тогузак. Время возникновения посёлка неизвестно, но, по данным переписи населения 1926 года, имеются сведения, что до 1916 года он принадлежал Великопетровской волости⁴⁷. Здесь зафиксировано число хозяйств — 52, населения всего — 202 человека, из них мужчин — 101, женщин — 101 человек. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 202 человека⁴⁸.

В материалах переписи 1926 года были зафиксированы ещё несколько казахских населённых пунктов, ныне не существующих, но находившихся на территории будущего Нагайбакского района. На территории Кассельского сельсовета аул Бесенбаевский (Беркут) был образован в 1923 году с числом хозяйств — 27, численностью населения — 167 человек, из них мужчин — 89, женщин — 78. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 167 человек. Аул Кинжебаевский (Байчунус) образован там же в 1926 году с числом хозяйств — 17, общей численностью населения — 89 человек, из них мужчин — 41, женщин — 48 человек. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 89 человек⁴⁹. На тер-

⁴² Там же, 38.

⁴³ Плешков 1928, 40.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, 50.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, 42.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Плешков 1928, 40.

ритории Ново-Рассыпного сельсовета вблизи аула Арасламбаевского находился аул Арзакуловский. Он был образован в 1923 году с численностью хозяйств — 31, населением всего — 148 человек, из них мужчин — 73, женщин — 75 человек. Этнический состав населения: киргизы (казахи) — 148 человек⁵⁰. На территории Остроленского сельсовета аул Илень, образованный в 1924 году, с числом хозяйств — 18, населением всего 98 человек, из них мужчин — 48, женщин — 50 человек, все — киргизы (казахи)⁵¹.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НОВОЛИНЕЙНЫХ ПОСЁЛКОВ НАГАЙБАКСКОГО РАЙОНА В 1842–1897 ГОДАХ

Таблица 1. Численность населения в 1842 г.⁵²

№ посёлка	название посёлка	калмыков	белопахотных солдат и малолетков	казаков 3-го и 5-го кантонов	всего
№ 1	Кассель	29	—	200	229
№ 2	Остроленка	19	—	200	219
№ 3	Фершампенуаз	—	—	350	350
№ 4	Париж	32	—	300	332
№ 8	Требия	—	—	200	200
№ 24	Арси	95	205	—	300
№ 31	Куликовская	41	167	—	208

Таблица 2. Численность населения в 1844 г.⁵³

№ посёлка	название посёлка	количество душ муж. пола	количество душ жен. пола	всего
№ 2	Остроленка	257	283	540
№ 3	Фершампенуаз	464	457	921
№ 4	Париж	372	399	771
№ 8	Требия	269	399	668

Таблица 3. Численность населения в 1853 г.⁵⁴

№ посёлка	название посёлка	количество дворов	количество душ муж. пола
№ 1	Кассель	69	241
№ 2	Остроленка	93	283
№ 3	Фершампенуаз	156	493
№ 4	Париж	145	316
№ 8	Требия	93	293

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Правила о переселении 1843, 34–37.

⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. Л.л. 19 об. 20.

⁵⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л.л. 64 об. 65.

Таблица 4. Численность населения в 1854 г.⁵⁵

№ посёлка	название посёлка	количество дворов	число душ муж. пола
№ 1	Кассель	47	268
№ 2	Остроленка	98	292
№ 3	Фершампенуаз	156	517
№ 4	Париж	146	405
№ 8	Требия	94	299

Таблица 5. Численность населения в 1866 г.⁵⁶

№ посёлка	название посёлка	число дворов	число жителей		церкви, ярмарки, базары
			м.п.	ж.п.	
№ 1	Кассель	118	372	282	—
№ 2	Остроленская	116	384	370	походная церковь православная 1, базар по субботам
№ 3	Фершампенуазский	150	504	599	базар по вторникам
№ 4	Парижский	156	528	529	—
№ 8	Требия	103	358	361	—
№ 24	Арсинский (Арсиский, Ачакуль)	183	532	613	церковь православная 1, базар по вторникам
№ 31	Куликовский	105	375	452	церковь православная

Таблица 6. Численность населения в 1897 г.⁵⁷

№ посёлка	название посёлка	количество дворов	количество жителей
№ 1	Кассель	139	927
№ 2	Остроленка	196	1394
№ 3	Фершампенуаз	243	1844
№ 4	Париж	268	1909
№ 8	Требия	189	1124
№ 31	Куликовский	260	1532
	Астафьевский	83	457
	Всего	1118	9187

⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. Л.л. 107 об., 108, 108 об., 109.

⁵⁶ Зверинский 1871, 24, 33.

⁵⁷ Исааков 1928, 11.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ НАГАЙБАКСКОГО РАЙОНА В 1927–1928
ГОДАХ⁵⁸

Таблица 1. Русские.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	п. Арсинский (Ачакуль) ⁵⁹	2440	5611 ⁶⁰
2.	п. Куликовский	2183	
3.	п. Александро-Невский	578	
4.	п. Требиатский	472	
5.	пр. Балканский (Рамеева)	458	
6.	хут. Куропаткинский	264	
7.	хут. Отважный	260	
8.	п. Ново-Рассыпной (Долгий)	259	
9.	п. Ново-Красногорский	255	
10.	п. Остроленский	135	
11.	хут. Крупской	108	
12.	хут. Орловский	83	
13.	колх. Красный Меч	70	
14.	хут. Алексеевский	64	
15.	хут. Красногумбейский	58	
16.	хут. Ольгинский	54	
17.	хут. Пряшников	27	
18.	пр. Первоначальный	9	
19.	хут. Михайлова (Филатова)	8	
20.	п. Фершампенуазский	7	
21.	п. Копаловский ⁶¹	7	
22.	кор. (№ № 1,4,5,7–10,14,15,27, Лебединый)	230	
23.	Всего	8031	

Таблица 2. Нагайбаки.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	п. Парижский	2329	7720
2.	п. Остроленский	1453	
3.	п. Фершампенуазский	1382	
4.	п. Кассельский	1284	
5.	п. Требиатский	799	
6.	п. Астафьевский	455	
7.	хут. Кугенева (Кожемякина)	11	

⁵⁸ См.: Плешков 1928.⁵⁹ Посёлок Арсинский в 1927–1928 гг. входил в состав Верхнеуральского района.⁶⁰ Численность населения без учёта жителей посёлков Арсинского и Копаловского.⁶¹ Посёлок Копаловский в 1927–1928 годах входил в состав Степного района.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
8.	колх. Красный Меч	6	
9.	кор. № 3	3	
10.	Всего	5393	

Таблица 3. Казахи.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	п. Копаловский	316	1293 ⁶²
2.	а. Кужебаевский	202	
3.	а. Арсламбаевский (Каракупа)	201	
4.	а. Бесенбаевский (Беркут)	167	
5.	а. Арзакуловский	148	
6.	а. Желкыбаевский ⁶³	104	
7.	хут. Ольгинский	111	
8.	а. Илень	98	
9.	а. Кинжебаевский (Байчунус)	89	
10.	п. Астафьевский	75	
11.	п. Парижский	43	
12.	п. Ново-Красногорский	16	
13.	хут. Алексеевский	14	
14.	Всего	1554	

Таблица 4. Татары.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	пр. Балканский (Рамеева)	261	358
2.	п. Кассельский	16	
3.	кордон № 15	3	
4.	а. Арсламбаевский (Каракупа)	2	
5.	п. Арсинский	3	
6.	Всего	285	

Таблица 5. Мордва.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	п. Александр-Невский	35	нет данных
2.	п. Ново-Рассыпной (Долгий)	27	
3.	всего	62	

⁶² Численность населения без учёта жителей посёлков Копаловского и Желкыбаевского.

⁶³ Посёлок Желкыбаевский в 1927-1928 годах входил в состав Верхнеуральского района.

Таблица 6. Украинцы.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	хут. Красногумбейский	25	нет данных
2.	Кордон № 14	7	
3.	п. Желкыбаевский	2	
4.	хут. Орловский-1	1	
5.	Всего	35	

Таблица 7. Башкиры.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	п. Куликовский — 28	28	103
2.	Кордон № 1–3	3	
3.	Всего	31	

Таблица 8. Латыши.

№ п/п	в каких населённых пунктах в современных границах Нагайбакского района проживают	в каком количестве	всего по району в границах 1927–1928 годов
1.	мельн. Михайлова (Дуговых)	4	нет данных

ЛИТЕРАТУРА

Заварицкий А. Н. 1926: Материалы для изучения золотоносных районов Урала. I. Гумбейский золотоносный район. II. Тогузакский золотоносный район Л.

Зверинский В. В. 1871: Оренбургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1866 года. СПб.

Исхаков Д. М. 1995: Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). Казань.

Маметьев А. М. 1997: Край нагайбакский. Челябинск.

Маметьев А. М. 2005: Нагайбакский район в фактах и цифрах: Справочник с историческими очерками и комментариями. Челябинск.

Плешков А. М. 1928: Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск.

Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. 1843. СПб.

Рыбалко А. А. 2007: Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX — начало XX века): дисс.... канд. ист. наук Челябинск.

Хорошихин М. П. 1881: Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб.

ETHNO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF SETTLEMENTS OF
NAGAIBAK DISTRICT, CHELYABINSKAYA OBLAST FROM 1842 TO 1926*I. R. Atmagulov*

The article, covering the period from 1842 to 1926, deals with an ethno-demographic aspect of Cossack and non-Cossack settlements that were established on the territory of the present-day Nagaibak district of Chelyabinskaya oblast. This is a period of developing Nagaibak ethnic identity and ethnic pattern of Nagaibak district in general.

Key words: ethnology, ethno-demographic aspect, Nagaibaks.

© 2011

А. К. Салмин

КАВАРСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШЕЙ

В контексте принятия Хазарией иудаизма в статье рассматривается история племени кавары. Согласно первоисточникам начала VIII — конца X вв., кавары представляли собой часть савирской конфедерации, поклоняющейся божеству Куар/Къвар. После неудачного выступления против политики кагана кавары вынужденно бежали в Леведию к мадьярам.

Ключевые слова: хазары, иудеи, савиры, кавары, мадьяры.

Еще в VIII в. в Хазарии образовалось двоевластие. Вдобавок каган Хазарии Булан принимает иудаизм. Начинается междоусобица. В то же время Халифат и Византия навязывали свои религии с целью утверждения влияний в Хазарии. Так, арабский наместник на Кавказе Марван, разгромив войска кагана, заставил того перейти в мусульманство.

Массы выразили недовольство и остались при своей традиционной дедовской вере. Недовольство было выражено к обеим чужим религиям — и к иудаизму, и к исламу. Претензии к кагану увеличились и со стороны нехазарского населения. Кроме кагана Булана в стране имелся другой князь, стоявший во главе нехазарского населения. Это в основном булгары и предки чувашей савиры. Как известно, к этому времени именно они составляли этническое большинство в стране. *Савиры* на языке евреев означает «допустимые, терпимые, сносные», что, впрочем, вполне согласуется с поговоркой *Чăваш — йăваш* «Чуваши — смиренные».

В самом начале IX в. хазарский каган Обадий и его окружение также приняли по политическим мотивам иудейскую религию¹. К этой сложной ситуации добавилось еще одно обстоятельство. Император Византии Роман I, узурпировавший

Салмин Антон Кириллович — доктор исторических наук МАЭ РАН. E-mail: antsalmin@mail.ru

¹ Kevin 2006; Плетнёва 1997, 45–46.

власть Константина Багрянородного, в 943–944 гг. принудил евреев Рима принять христианскую веру. Вследствие чего многие иудеи бежали в Хазарию².

В 1972 г. в окрестностях с. Челарево в Югославии был обнаружен интересный могильник. Археологи датируют его второй половиной IX в. Уникальность данного могильника возрастает тем, что здесь нашли кирпичик с изображением семисвечника. «Этот семилучевой канделябр, в котором горело масло, а позже свечи (рисунок изображает его стоящим на маленьком постаменте), является важнейшим атрибутом иудейского ритуального искусства... Могильник принадлежит каварским племенам, присоединившимся к венграм эпохи обретения родины. Некоторые из кавар, пришедших из Хазарии, придерживались, видимо, иудейского вероисповедания», — пишет Иштван Эрдели³. Окрестности с. Челарево, должно быть, представляли собой южную черту каварско-мадьярского пространства. Археологи определяют эту окраину как сторожевую линию, охраняемую каварскими войсками. Типы орнаментов на металлических предметах, методы нанесения их, а также варианты погребений с конем говорят о том, что кавары обладали иной археологической культурой, чем древние венгры. В данном случае есть возможность говорить о сильном иранском влиянии. Скорее всего, кавары были иранцами по языку, а в 830 г. некоторые из них приняли иудейскую веру.

Подавление восстания сторонников старой религии породило и другое историческое событие — недовольные болгары двинулись на Дунай и в Волго-Камье. Об этом С. А. Плетнёва писала так: «Тогда же новой волной хлынули болгары и на Волгу. Болгарские могильники и поселения в том регионе датируются, как правило, именно IX в., что и дает мне право говорить о заселении болгарами Волго-Камья в основном в этом веке»⁴.

Однако савиры известны и как кавары (*Каβάρ*). Это видно из сочинения Константина Багрянородного «De Adminisrando Imperio» (Гл. 38–40). В этой связи встает отдельная гипотеза о возможных генетических связях между поклонниками божества *Куар/Кавар*⁵ и не вполне выясненным племенем *кавар*. В китайской передаче в период династии Тан (середина VIII в.) имя этого племени произносилось *qabar*. Притом кавары состояли из трех родов, но управлялись они одним архонтом. Однако в годы религиозных реформ хазары восстали и покончили с властью своих оппонентов — каваров. «Поворотным пунктом в истории хазар было принятие иудаизма, сначала главой войска и мажардомом Хазарского государства с титулом *Bäg*, а позднее каганом и его правящим кланом (каварами)»⁶. Иначе говоря, кавары (во всяком случае — правящая верхушка этого племени) примерно в 830 г. приняли иудаизм.

Из известного письма кагана Иосифа узнаем некоторые подробности принятия хазарами израильской веры. Было это при царе Булане. «Письмо Хасдая к хазарам нужно отнести к 50-м гг. X в., до 961 г., года, когда умер Абдаррахман III»⁷. Согласно распространенному мнению, Хазария обратилась в иудаизм око-

² Гаркави 1874, 144.

³ Эрдели 1983, 177, 179.

⁴ Плетнёва 1997, 46.

⁵ Салмин 2007, 438–442.

⁶ Прицак 2003, 54.

⁷ Родригес 2001, 75.

ло 720 г. Как писал сам Иосиф, он «был человек мудрый и боялся Господа. Он уповал на Господа, устранил идолов из страны и искал защиты и покровительства у Него»⁸. И вот во сне Булану явился ангел, посланец Господа, и сообщил, что Господь услышал его молитву. В итоге Булан сам и рабы его, рожденные в его доме, совершили обрезание. Мудрецы израильские объяснили ему закон Моисея и заповеди.

До принятия Хазарией иудейской религии кавары составляли одно из племен Хазарской конфедерации и жили своей старой верой, т.е. не были ни иудеями, ни христианами, ни мусульманами. Но бег узурпировал власть. В самом начале 830-х годов кавары взбунтовались, однако unsuccessfully. Они вынужденно бежали к мадьярам. В то время предки венгров жили в Леведии (область по имени их первого воеводы) — между Доном и Днепром. Багрянородный писал о саварах-каварах, интегрировавших в состав мадьярского этноса. Кавары пришли к мадьярам и поселились вместе. Они стали обучать мадьяр хазарскому языку (Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος 39. 40)⁹. Они же «могли распространить у них земледелие»¹⁰. Невозможно принять предположение о том, что этническое значение термин кавар «приобрел среди венгров для обозначения присоединившихся к ним хазарских беглецов»¹¹. Также неприемлемо утверждение В. П. Шушарина, что название пришедшему племени дали мадьяры¹². Ведь сам Константин Багрянородный называет это племя именно так еще в Хазарии, т.е. до того, как они появились среди мадьяр. Так констатировал и М. И. Артамонов: «Правительство сумело подавить сопротивление *своего* народа — восстание кабаров»¹³ (курсив мой — А.С.). Притом Хазарское правительство самостоятельно не сумело одолеть кабаров, оно сделало это при помощи печенегов. Кстати, после этих событий леведийцы больше стали известны как Σάβαρτοι ἀσφαλοι «непоколебимые сабарты» (Κωνσταντίνος Πορφυρογέννητος 38. 109). Поэтому логично допустить доминирование новой каварско-савирской струи в мадьярском племени в леведийский период.

Весьма любопытно, что в Киевском письме хазарских евреев присутствует имя Gosta, отцом которого был *Kiāḇar Kōhēn*, названный «по имени племенной группы *Kiāḇar*, обладавшей всей властью в Хазарском каганате до 20–30-х годов IX в.»¹⁴ Притом *Kōhēn* или Коген — это еврейский почетный титул. Омелян Прицак на основании сохранившейся рукописи утверждает, что внутренний город Киева — Копырев конец (назван по имени самоуправлявшейся этической общины) — в VIII в. был заселен хазарскими каварами/копырами. Исповедовали они иудаизм. Раскопки в Киеве могут привести к нахождению и еврейских культовых сооружений¹⁵.

Затем интересующие нас племена в 881 г. зафиксированы в Больших зальцбургских анналах в связи со второй войной с каварами (Cowaris)¹⁶.

⁸ Коковцев 1932, 130.

⁹ Семёнов 2008, 23.

¹⁰ Вереш 1996, 31.

¹¹ Артамонов 1962, 286.

¹² Шушарин 1997, 171.

¹³ Артамонов 1962, 414.

¹⁴ Прицак 2003, 57.

¹⁵ Там же, 78–79.

¹⁶ Шушарин 1997, 168.

Более того, имя вождя племени кавар было после его смерти обожествлено, затем стало нарицательным именем всего объединения. Так получаем имена Кавар/Кувер/Куэрнак и этноним кавар. Не зря византийский историк Никифор предполагал, что Куэрнак и Кувер — одно и то же лицо. Человек под именем Кувер вошел в историю при попытке захвата булгарами Фессалоники. Ф. И. Успенский датирует события началом VII в. Во главе смешанного из пленников, болгар и жителей Паннонии населения аварский хан поставил Кувера. Однако Кувер поднял восстание против хана и после победных стычек перешел со своим народом на правый берег Дуная. Затем составил план захвата Фессалоники. Но план провалился¹⁷. Видимо, этот Кувер был этническим савиром. Об этом говорит его имя и то, что он со своим (следует понять — и не аварским, и не болгарским) народом восстал против хана. Никифор вообще называл Кувера то государем гунно-гундоров, то государем гуннских, болгарских и котрагских племен.

Полагаю, что племена, которые поклонялись божеству *Куар/Къвар*, и кавары, восставшие против хазарского кагана в 830 г., — одно и то же этническое объединение. Следует вспомнить, что до н.э. савиры жили на юге Западной Сибири в угорском окружении. В то время и много позже на реке Конда жили племена *kēver*¹⁸. Иначе говоря, название савирыязычного племени *kēver* возникло не вдруг, оно были с ними всегда, т.е. еще на исторической родине в Сибири.

В литературе *кавары* иногда подаются как *кабары*. Отсюда — соблазн идентифицировать *каваров* с кабардинцами. Историческая доля правды в такой трактовке есть. Кабардинцы, наряду с черкесами и адыгейцами, составляют этническую общность адыгов. Адыги в I–VI вв. были известны как *зихи* и являлись северными соседями *савиров*. В середине 1-го тысячелетия часть адыгов была оттеснена гуннами за Кубань. Вполне реально, что и они, наряду с *савирами-каварами*, были затянуты в столкновения с гуннами, хазарами и печенегами. По этой причине, возможно, предков кабардинцев и стали называть именно так.

Как уже сказали, в первой половине VIII в. один из князей Хазарии инициирует принятие хазарами иудаизма. Имя этого предводителя — *Булан*, которое происходит от чисто чувашского слова *пйлан* «олень». Скорее всего, этот человек был выходцем из среды савир. Заодно следует заметить, что по ошибке некоторые исследователи переводят *пйлан* как «лось». Хотя и случаются путаницы в чувашском обозначении оленя и лося, все же лось — это *пйши*. Ни на юге Западной Сибири, ни на Кавказе, ни на Дону, ни на Днепре и ни на Волге оленей и в помине не было. Имя Олень, возможно, указывает на связь савир с Усть-Полуйской археологической культурой.

Дюла Немет насчитал в венгерском языке 35 слов, пришедших из языка каваров/кабаров¹⁹. Влияние языка каварских/кабарских племен на венгров подтверждает и Андраш Рона-Таш. Хронологические рамки этого влияния он определяет периодом с начала IX в. до обретения родины²⁰.

Влиянию еврейства на чувашей специальную брошюру посвятил Евфимий Малов. Он обратил внимание на чувашские слова с трудными этимологиями.

¹⁷ Сиротенко 1972, 213.

¹⁸ Patkanov 1901, 61, 457.

¹⁹ Németh 1921, 22–26; Дмитриева, Адыгаши 2001, 61–62.

²⁰ Róna-Tas 1998, 261–265.

Это — пласт лексики, представляющий религиозный культ: *Тор* (божество), *Ки-ремет* (божество), *Йёрёх* (божество), *юмйс* «знахарь», *синсе* «древнейший чувашский народный праздник в честь богини земли», *шйамат* «суббота» и т.д. Например, относительно названия божества *Ки-ремет* Евфимий Малов полагал, что это слово происходит от еврейского *карам* «окружать, огораживать». Посему *Ки-ремет* означает местность, огороженную и имеющую деревья — сад. На то, что это локус, указывает окончание *ат* или *ет*. «Если мы припомним, что евреи, особенно язычествующие, совершали свое идолослужение в рощах, или дубравах <...> то будем иметь достаточное основание слово *киремет* производить от вышеозначенного слова *керем*»²¹. Слово *Йёрёх* Евфимий Малов выводил из еврейского *ерек* «зелень», а *Кене* «божество — посланник от верховного божества» — из «звезда» и т.д. «По всей вероятности, чувашаи заимствовали эти слова в то время, когда на низовьях Волги жили хазары, исповедовавшие еврейскую веру»²².

В системе названий дней недели у чувашей особняком стоят «суббота» и «среда». Суббота на чувашском — *шйамат кун* «день шйамат». То, что это слово — еврейское, ни у кого не вызывает сомнения. *Šabat* — значит «день отдыха». Бернат Мункачи полагал, что слово вошло в язык предков чувашей около VII в. на Кавказе от еврейских хазар²³. Но оно не может быть прямым заимствованием еврейской формы, ибо в чувашском языке нет примеров для изменения *б > м* внутри слова. Поэтому Бернат Мункачи в данном случае прав, говоря о хазарском посредничестве. Бернат Мункачи также искал объяснение, казалось бы, трудно поддающемуся факту в лексикологии. Речь идет о названии дня недели у чувашей — *юн кун*, буквально переводимый как «день крови». Он недоумевал и не мог найти объяснение: почему же одинаковые понятия «жертвоприношение» и «день жертвоприношения» в чувашском языке называются по-разному — *чўк* и *юн кун*. Видимо, правда в том, что слово *чўк* «жертвоприношение» вошло в чувашский язык из прабулгарского, а понятие «день жертвенных молений» — из еврейского. Посредниками опять могли быть хазары-иудеи.

Помимо культуры предков чувашей, иудаизм сохранил свои следы также в традиционных обрядах и верованиях караимов и гагаузов.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. 1962: История хазар. Л.
 Вереиш П. 1996: Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. Т. 41. Budapest, 11–40.
 Гаркави А. Я. 1874: Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб.
 Дмитриева Ю., Адягаши К. 2001: Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары.
 Коковцев П. К. 1932: Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
 Малов Евфимий 1882: О влиянии еврейства на чуваш: Опыт объяснения некоторых чувашских слов. Казань.

²¹ Малов 1882, 6.

²² Там же, 24.

²³ Munkácsi 1926, 42–64.

- Плетнёва С.* 1997: Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. 1, 31–60.
- Прицак О.* 2003: Киевское письмо — подлинный документ хазарских евреев Киева: Раздел Б // Хазарско-еврейские документы X века / Г. Норман и О. Прицак (ред.). Иерусалим; М., 53–98.
- Родригес Карлос дель Валье* 2001: Обращение Хазарии в иудаизм и литературный мотив о выборе веры // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб., 70–79.
- Салмин А. К.* 2007: Система религии чувашей. СПб.
- Семёнов И. Г.* 2008: Этнополитическая ситуация в Хазарии в 830–850 гг. // Восток. 3, 17–26.
- Сиротенко В. Т.* 1972: Письменные свидетельства о булгарах IV–VII вв. в свете современных им исторических событий // Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. М., 195–218.
- Шушарин В. П.* 1997: Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М.
- Эрдели И.* 1983: Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // Советская археология. 4, 174–181.
- Kevin Alan Brook* 2006: The Jews of Khazaria. Lanham.
- Munkácsi Bernát* 1926: Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. II. Budapest, 42–64.
- Németh Gyula* 1921: Török jövevényyszavaink középső rétege // Magyar Nyelv. XVII. Budapest, 22–26.
- Patkanov Szerafim* 1901: Irtisi-osztják szójegyzék (I–V) // Nyelvtudományi közlemények. XXXI. kötet. Budapest, 55–84, 159–201, 291–330, 424–462.
- Róna-Tas András* 1998: Hungarian as a Source of the History of the Turkic Languages // Turkologie heute — Tradition und Perspektive. Wiesbaden, 261–265.

KAVAR BACKGROUND OF CHUVASH

A. K. Salmin

The article treats the history of Kavar tribe in the context of Khazaria adopting Judaism. According to the sources of the early 8th — late 10th cc. the Kavars were a part of Savir confederation who worshipped Kuar/Kävar, a pagan deity. After their unsuccessful action against the Kagan the Kavars had to escape to Magyar Levedia.

Key words: Khazar, Jews, Savirs, Kavars, Magyars.

© 2011

В. В. Медведев

КЛАДБИЩА И НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НЕКРЕЩЕННЫХ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА (по материалам исследования 2010 г.)

В статье на основе опубликованных работ и полевых материалов автор затрагивает проблему похоронно-поминальных традиций среди некрещеных чувашей Башкортостана. Цель работы — изучить и проанализировать сельские кладбища и надмогильные сооружения указанной группы чувашей, выявить традиции, сохранившиеся до настоящего времени, и новации, встречающиеся при захоронении и установке надмогильных памятников.

В настоящее время материальная культура различных этносов является изученной в той или иной степени. Интересные факты по традиционной культуре могут раскрываться при изучении этнотерриториальных групп.

Ключевые слова: Некрещеные чуваше, похоронно-поминальная обрядность, надмогильные сооружения, *юпа*.

Одной из таких групп является локальная группа некрещеных чувашей, проживающих на территории Башкортостана и сохранивших традиционную чувашскую религию. Отметим, что в республике по Всероссийской переписи 2002 г. чувашей насчитывается 117 317 чел.¹. Основная доля чувашей по вероисповеданию является православной. Этноконфессиональные группы состоят из чувашей, придерживающихся традиционной религии, мусульман, христиан неортодоксальных течений².

По мнению этнографа Е. А. Ягафовой, на территории Башкортостана чуваше, сохранившие традиционную религию, расселены в с. Ахманово и д. Юльtimiровка Бакалинского района, с. Мраково Гафурийского района, п. Дубровка Миякинского района и с. Зириклы Бижбулякского района³.

С целью посещения поселений некрещеных чувашей в Башкортостане в июле-августе 2010 г. преподавателями и студентами исторического факультета Магнитогорского государственного университета была проведена этнографическая экспедиция в Бакалинский район (д. Юльtimiровка и с. Ахманово). В рамках исследования традиционной духовной и материальной культуры данной группы чувашей также предполагалось посещение сельских кладбищ, с целью знакомства с надмогильными сооружениями и изучением пространственной организации кладбища.

Этнограф Р. Р. Садиков справедливо отмечает, что «существование поселения неизбежно предполагает наличие кладбища, где осуществляется погребение умерших жителей. В зависимости от конфессиональной и национальной принад-

Медведев Владислав Валентинович — аспирант кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета. E-mail: vlad.etno@mail.ru

¹ Янгузин 2007, 31.

² Ягафова 2008, 114–127.

³ Там же, 118.

лежности жителей, в поселении могут существовать несколько кладбищ»⁴. С такой точкой зрения ученого нельзя не согласиться. Например, в д. Юльtimiровка, которая является моноэтническим поселением насчитывается одно кладбище, а в с. Ахманово, в котором совместно проживают русские, крещеные татары (*кряшенны*), татары-мусульмане, башкиры-мусульмане, крещеные чуваш и чуваш, сохранившие традиционную этническую религию, насчитывается три кладбища. Кладбища некрещеных чувашей и православных расположены на незначительном расстоянии друг от друга, а погребения мусульман находятся в отдалении от них⁵.

Отметим, что изучение кладбищ и надмогильных сооружений чувашей, проживающих в Башкирии, еще не являлось темой для самостоятельного исследования и должным образом не освящено в научной среде, однако в той либо иной мере погребение, устройство кладбища, поминание усопшего и пр. затрагивалось различными учеными. Первая попытка в этом направлении была осуществлена этнографами Р. Р. Садиковым и И. Г. Петровым, которые на примере кладбища в д. Юльtimiровка рассмотрели группы надмогильных памятников чувашей⁶. Цель нашей работы — продолжить указанную тему далее, привлечь для этого новые сведения, на основании полевых материалов предоставить описание сельского кладбища некрещеных чувашей и изучить надмогильные памятники, сохранившиеся до настоящего времени.

А. А. Фукс о похоронах среди чувашей писала следующее: «Ежели кто умрет в семействе, то умершего в ту же минуту выносят во двор, обмывают тело, одевают, как он наряжался на праздники, кладут в гроб и опять вносят в избу. В гроб тихонько от священников кладут все, что нужно для живого: трубку, табакерку с табаком; ежели умерший был ремесленником, то полагают все нужные к его ремеслу инструменты. Женщинам и девицам также кладут нужное для их рукоделия; ежели которая хорошо вышивала, кладут холст, шелк и иголки; а ежели которая хорошо пряла, то кладут прялку, кудель и прочее. Но всем вообще кладут в гроб несколько денег»⁷.

Подобное описание похорон встречается в трудах К. П. Прокопьева и В. К. Магницкого. К. П. Прокопьев пишет, что в гроб к умершему чуваша подкладывали все необходимые при жизни предметы. По сообщению В. К. Магницкого чуваша Ядринского уезда в гроб умершим девушкам клали женские головные уборы *масмак* и *сурпан* и советовали им в загробном мире обязательно выйти замуж, парням также желали скорой женитьбы⁸.

По сообщению информаторов данных традиций в настоящее время не соблюдается, однако отметим, что людей старшей возрастной группы 30–40 лет назад хоронили исключительно в традиционном костюме⁹. Данный факт также встречается среди крещеных чувашей. Например, информатор Соколов Кирилл Георгиевич 1935 года рождения, сообщил, что его бабушка и мать были похоронены в традиционной одежде, приготовленной ими заранее¹⁰.

⁴ Садиков 2001, 126.

⁵ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

⁶ Садиков, Петров 2005, 191–204.

⁷ Фукс 1840, 79.

⁸ Денисов 1959, 50.

⁹ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

¹⁰ ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш.

Для обозначения сельского кладбища чуваша употребляли термины *масар* или *сйва*¹¹. Упоминание термина *масар* встречается уже в конце XVIII в. в записях П. С. Палласа: «Общее кладбище, которое выбирают они (*чуваша* — В.М.) в отдалении как от деревни, так от керемета и от всех больших дорог, называется у них (*чувашей* — В.М.) *мазар*»¹². В Башкортостане употребляется только термин *масар*, как среди некрещеных чувашей (д. Юльtimiровка, с. Ахманово Бакалинского района¹³), так и среди крещеных (с. Бишкаин, д. Юламаново Аургазинского района¹⁴; с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат, с. Ямансаз Зилаирского района¹⁵; д. Пугачево, с. Яковлевка Хайбуллинского района¹⁶ и др.). Поскольку нас интересуют сельские кладбища некрещеных чувашей, то мы предпримем попытку подробно рассмотреть кладбища д. Юльtimiровка и с. Ахманово Бакалинского района.

Кладбище с. Ахманово, как уже отмечалось, расположено неподалеку от православного христианского. Оно имеет квадратную форму и огорожено деревянным забором — полисадником, без полихромной покраски. Отметим, что деревянный полисадник не совсем равномерен и имеет волнообразный вид. Огораживание кладбища изгородями из камней, жердей, палисадника и др. материалов характерно для различных этносов Урало-Поволжья. Так, кладбища огораживали башкиры¹⁷, закамские удмурты¹⁸, русские¹⁹.

На кладбище имеется пожилой смотритель, следящий за порядком. В его обязанности входят выкашивание травы, уборка мусора и пр.

Несмотря на небольшие размеры кладбище условно можно разделить на две части. Во-первых, это старые захоронения для которых характерны каменные плиты и деревянные столбы на могилах, во-вторых — захоронения нашего времени, на которых располагаются железные памятники, мраморные и гранитные плиты, а также антропоморфные деревянные столбы.

И. Г. Петров сообщает, что после погребения усопшего первоначально чуваша устанавливали временный надмогильный памятник из дерева — *салам калакё*. Осенью в месяц поминания покойных — *юпа*, приходившийся на октябрь-ноябрь, устанавливали могильный столб (*юпа*) из дерева либо камня, которому придавали отдаленное сходство с человеческой фигурой²⁰.

Отметим, что надмогильное сооружение в различных местностях могло называться по-разному. Распространенными были *салам юпи* (прощальный столбик), *калек* (лопаточка), *пуç хушёк* или *пуç чашки* (череп), *чёре калек* (лопаточка сердца) и др.²¹.

¹¹ Никольский 1909, 156.

¹² Паллас 1773, 143.

¹³ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

¹⁴ ПМА 2010, РБ, Аургазинский р-н, с. Бишкаин, д. Юламаново.

¹⁵ ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш, с. Ивано-Кувалат; ПМА 2010, РБ, Зилаирский р-н, с. Ямансаз.

¹⁶ ПМА 2010, РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, с. Яковлевка.

¹⁷ Заманов 2003, 299; Юсупов, Заманов 2007, 34.

¹⁸ Садиков 2001, 126.

¹⁹ Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры 2008, 25.

²⁰ Петров 1994, 53–54.

²¹ Сироткин, Иванов 1970, 161.

По словам информаторов, в настоящее время надмогильный памятник устанавливается сразу после погребения умершего. На многих могилах одновременно встречаются деревянные столбы или доски символизирующие фигуру человека и надгробные плиты²². На могилах конца XIX — начала XX вв. сохранились надгробия из плитнякового камня.

Вероятно, наиболее раннее описание надмогильных сооружений у чувашей представляют путевые записи П. С. Палласа: «... в сей последний день не токмо приносят у могилы жертву, но и в головах у покойного ставят деревянные столбы. Выкопав яму, в которую должно столб поставить, бросает всякий из находящихся при том по куску мяса, и вливают несколько браги, потом жертву едят, пьют, и веселятся»²³.

Г. И. Комиссаров, описывая похороны чуваш начала XX в., отмечает: «... в старину в этот день (*похорон* — В.М.) провожали на кладбище “йупа” (чурбан), изображавший покойника, и вбивали его в могильную насыпь»²⁴.

Особого внимания заслуживает осенний помин усопшего *юпа лартни* — установление столба, надгробия, которое, как отмечалось выше, происходит в октябре-ноябре. Родственники умершего отправлялись в лес и срубали дуб или липу (дуб — для мужчины, липу — для женщины, в некоторых местах рубили только дуб либо только липу). Очистив от листьев часть дерева высотой примерно в человеческий рост и обернув его кошмой, везли домой. В ряде источников встречается упоминание, что на бревно надевали подобие головного убора. Рубка и обработка дерева сопровождалась поминальной трапезой и песнями *юпа юррисем*. При возвращении в деревню участники обряда возводили специальный помост для покойного, по которому проходили с ритуальной песней. Дома бревно укладывали в постель, одевая в некоторых случаях в костюм покойного. После поминания усопшего бревно везли на кладбище. На нем вырезали углубления, символизовавшие глаза, нос и рот покойного. На женских погребениях добавляли изображение *сурпана*, *хушпу*, *тухы* и подобие украшений из монет *сурпан çакки* и т. д.²⁵.

На кладбище в с. Ахманово было зафиксировано несколько типов *юпа*:

- 1) антропоморфные фигуры в виде деревянных столбов;
- 2) деревянные доски, столбы в форме удлиненного шестиугольника;
- 3) деревянные столбы либо столбы сбитые из четырех досок имеющие железную двускатную крышу.

Из представленных нами описаний *юпа* третий тип является самым малочисленным. Кроме того, практически на всех надмогильных памятниках были указаны фамилии и имена умерших, а также их годы жизни. Они могли быть вырезаны непосредственно на дереве или прибиты на дощечке.

Вероятно, наиболее ранним типом надмогильных сооружений являются плиты из природного камня. Такие памятники можно разделить на два вида:

- 1) каменные плиты, не содержащие сведений о покойном;
- 2) плиты, на которых выбивались имя, фамилия, годы жизни усопшего.

²² ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

²³ Паллас 1773, 144.

²⁴ Кондратьев 1999, 246.

²⁵ Сироткин, Иванов 1970, 162.

На ряде памятников встречаются выбитые углубления, происхождение которых можно объяснять разными причинами. Во-первых, выемки могут символизировать лицо умершего человека; во-вторых, если женская могила — нагрудные украшения; в-третьих — место для фотографии, если говорить о захоронениях второй половины XX в. Данные предположения подтверждают исследования А. А. Трофимова²⁶.

Современные могилы украшаются мраморными либо гранитными памятниками, на которых встречаются фотографии, выгравированы фамилия, имя и годы жизни умершего. Также к указанной категории следует отнести и металлические памятники, которые представлены в форме плит. Интересны надгробия из металла, повторяющие форму деревянных *юпа*. На сооружениях в центре либо на навершии приваривается табличка, содержащая сведения о покойном. Большое количество могил одновременно имеет деревянные *юпа* и памятники. Причем они могут располагаться рядом друг с другом либо памятник устанавливается перед *юпа*²⁷.

Надмогильные ограды встречаются только среди современных могил.

Устанавливаются металлические ограды, имеющие полихромное покрытие, как правило, белого, синего или зеленого цветов. Ограды имеются не на всех могилах, большинство без каких-либо ограждений.

Одним из обязательных элементов сельского кладбища у чувашей является наличие деревьев и кустарников. Например, непосредственно в с. Ахманово на кладбище произрастают березы, клен, различные кустарники. Кладбище в д. Юльtimiровка расположено в роще²⁸.

Традиция устраивать кладбища в лесах либо искусственно их озеленять встречается также среди крещеных чувашей. Например, в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района сельское кладбище расположено в лесу, где совместно растут ели и березы²⁹. В с. Яковлевка и д. Пугачево Хайбуллинского района кладбища засажены кустарниками³⁰. Кроме того, традиция сажать на могилах деревья была распространена среди многих других этносов. Так, закамские удмурты на кладбищах высаживали березы, дубы, сосны, тополя и различные кустарники (акация, сирень). Иногда свои кладбища удмурты, также как и чуваше, устраивали в небольших лесах³¹. То же самое мы можем наблюдать среди башкир. На могилах башкиры высаживали березы и хвойные породы деревьев. Кладбища могли устраиваться в сосновых либо березовых рощах. Вероятно, это является проявлением доисламских верований, поскольку у тюрков береза являлась священным деревом, деревом-прародителем, а также деревом скорби, печали, которое запрещалось сажать рядом с домом³².

Таким образом, на сельском кладбище с. Ахманово представлены три типа надмогильных сооружений: памятники из природного камня, которые имеют наиболее раннее происхождение; деревянные столбы *юпа*, которые использовались

²⁶ Трофимов 1993.

²⁷ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, с. Ахманово.

²⁸ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка.

²⁹ ПМА 2009, РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат.

³⁰ ПМА 2010, РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево, с. Яковлевка.

³¹ Садиков 2001, 126.

³² Юсупов, Заманов 2007, 35.

как ранее, так и в настоящее время; современные гранитные, мраморные плиты и памятники из металла. Могилы позднего происхождения имеют металлические ограды.

В д. Юльtimiровка кладбище расположено в небольшой роще (сосна, береза) в некотором отдалении от поселения. Оно имеет форму правильного квадрата, вход осуществляется через металлические ворота. По периметру кладбище огорожено деревянным палисадником, также как и в с. Ахманово, не имеющим полихромной покраски.

Могилы устроены рядами, ориентация головой на запад. Кроме того, ряд могил захоронен по православному обряду, лицом памятники обращены на юго-запад. В. А. Сбоев писал, что «принесши гроб на кладбище и опустив его в могилу (при чем наблюдается, чтобы голова умершего была обращена на запад), родственники и провожатые начинают прощаться с покойником»³³.

Отметим, что чувашки при чтении молитв всегда обращались на восток. Например, А. А. Фукс по этому поводу писала: «Потом отворив дверь, все встали лицом к ней, т. е. к востоку (у них *чувашей* — В.М.) все избы дверьми на восток) и начали читать по своему молитвы»³⁴. Итак, получается, что усопшего кладут головой на запад, чтобы его лицо было обращено на восток, также на восток обращены лицевые стороны надгробий.

Захоронения усопших на кладбище располагаются по группам. Каждая патрионимия имеет свой участок, где хоронят ее умерших членов. Кроме того, значительное число захоронений объединено между собой общей оградой. Приведем ряд примеров: Петрусьевы Сердечей Петровна (1911–1967 гг.) и Падияр Петрусьевич (1908–1970 гг.); Петрусьевы Нарспей Леонтьевна (1925–2005 гг.) и Елендей Михайлович (1921–2002 гг.); Юльtimiровы Алтынчек Яштуковна (1910–1964 гг.), Лукъян Иванович (1920–1959 гг.), Владимир Лукъянович (1951–1952 гг.); Калымбаевы Минекки Юзеевна (1901–1980 гг.) и Виктор Петрович (1900–1983 гг.); Сидуловы Мария Леонтьевна (1919–1972 гг.), Утриван Изович (1917–1967 гг.); Селивановы Раиса Тимеркаевна (1937–1999 гг.) и Иван Утриванович (1933–1998 гг.). Из приведенных примеров видно, что совместные захоронения объединяют супругов и детей.

А. А. Трофимов пишет, что совместное захоронение мужа, жены, детей и установление рядом *юпа* — обычное явление на чувашском кладбище. Так, исследователь приводит в пример надмогильные сооружения с кладбища д. Новое Серезкино Татарстана, где установлены три *юпа* с надписями в честь трех братьев, погибших в период ВОВ³⁵. Пустых могил и надмогильных сооружений нами зафиксировано не было. Но такие захоронения до наших дней встречаются у закамских удмуртов. Этнограф Р. Р. Садиков пишет, что раньше такие могилы устраивали для погибших на войне, в настоящее время — для родственников похороненных вдалеке³⁶.

Стоит упомянуть, что на кладбище в д. Юльtimiровка располагается постройка. Представляет она из себя дощатое строение с двускатной крышей, вну-

³³ Сбоев 1856, 132.

³⁴ Фукс 1840, 72.

³⁵ Трофимов 1993, 86–87.

³⁶ Садиков 2001, 128.

три которой находится стол, железная печь, у стен — скамьи. По словам сельского старосты Измайлова Владимира Георгиевича 1954 года рождения строение предназначено для того, чтобы в холодное время года мужчины, копавшие могилу, могли согреться. Помимо практической части строение выполняет и сакральную, а именно после выкапывания могилы и до момента опускания гроба, 4–5 мужчин ее «охраняют» находясь в этой постройке³⁷.

Надмогильные сооружения на местном кладбище, как и в с. Ахманово, стоит подразделить на несколько видов:

- 1) наиболее ранние — каменные плиты как с надписями, так и без них;
- 2) деревянные *юпа*, которые используются и в настоящее время;
- 3) металлические памятники;
- 4) мраморные и гранитные плиты.

Первый тип представлен небольшим количеством надгробий, тем не менее, на наш взгляд, они заслуживают отдельного внимания. Приведем ряд интересных примеров: во-первых, каменные плиты содержащие сведения об усопшем — «Иванова Алтынбике 1881–1963 гг.»; во-вторых, надгробия без надписей, как правило, верхняя часть плиты имеет полукруглую форму, при этом очевидно, что камню данную форму придал мастер; в-третьих, каменная плита обработана и представляет из себя антропоморфную фигуру.

Следующий вид является наиболее распространенным — деревянные *юпа*. Так же, как в с. Ахманово, встречаются *юпа*, повторяющие форму головы человека, имеющие вид удлиненного шестиугольника, содержащие сведения об усопшем либо без них. Кроме того, интересны *юпа*, верхняя часть которых представлена в форме перевернутого сердца. Также был зафиксирован *юпа* с полихромным покрытием синего цвета с изображением пятиконечной звезды, выполненной в технике выемчатой резьбы³⁸. Схожие памятники были обнаружены А. А. Трофимовым в д. Старые Алгаши Ульяновской области³⁹.

Скорее всего, появление звезды на *юпа* является отражением советского периода, к тому же годы жизни усопшего подтверждают это предположение.

Надписи на *юпа* имеют различное содержание. Например, «Петрова Чегеч Туйдуловна родилась 1884 года померла 10 апреля 1954 г.», «Туйдулова Чегеч М. род. 1878 г. 4-V–1967 г.», «Умерла 27-I–1973 род. 1897 Мурзакаева Хитреби», «Здесь покоится Баймурзина Тиветеби Баймурзевна 1901 г. 8-IX–65 год». Надписи содержат сведения о покойных, но выполнены в произвольном порядке и различной техникой резьбы.

Предпочтение деревянным *юпа* отдавалось потому, что дерево было наиболее доступным материалом и в представлениях чувашей считалось живым существом. А. К. Салмин пишет, что «дерево, как живое и растущее, противопоставляется холодному и мертвому железу. Столб-юпа готовится из свежеспиленного дерева»⁴⁰.

Металлические памятники среди некрещеных чувашей получили свое распространение во второй половине XX в. Об этом свидетельствуют даты смерти

³⁷ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка.

³⁸ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка.

³⁹ Трофимов 1993, 136.

⁴⁰ Салмин 2009, 369.

указанные на них. Выделим памятники повторяющие форму *юпа*, к которым крепятся пластины с информацией о покойном. Ряд памятников украшен звездами и символами советского времени — серпом и молотом.

В наши дни на кладбище д. Юльtimiровка устанавливают мраморные и гранитные плиты. Нередко на могиле первоначально устанавливают *юпа*, а затем памятник. Отметим, что большинство могил, относящихся ко второй половине XX в., имеют ограды, которые могут быть как металлическими, так и кирпичными. Такие могилы аккуратно убраны, ухожены и засажены цветами. Однако у чувашей было не принято ухаживать за могилами, что видно из старых захоронений. Такого же мнения придерживается А. К. Салмин: «Бывая на старых кладбищах чувашей, замечаешь: как столбы, так кресты, упавшие от времени, не возобновляются. На это указывают и наши информаторы. Обновлять не принято, говорят они. Объяснение простое — раз ушедший человек не возвращается в том же лице»⁴¹.

Еще один обязательный атрибут деревенского кладбища небольшие столы для поминания. Они располагаются рядом с могилами и представляют собой деревянные доски, прибитые к бревну, которое вкапывается в землю. Поверхность доски-стола может быть покрыта металлической пластиной. Столы располагаются перед могилой с правой или левой стороны.

П. В. Денисов сообщает, что некрещеные чуваша вместо *юпа* строили небольшой сруб или шалашик, в котором размещали маленький столик и стулья, совершали жертвоприношение, оставляли остатки обрядовой пищи и посуду. Исследователь отмечает, что после установки *юпа*, поминальной трапезы, сопровождаемой песнями и плясками, на кладбище производили различные очистительные обряды: разводили костер, прыгали через огонь⁴².

На деревенском кладбище у могил нами было обнаружено большое число костровищ. Возможно, они разводились в целях очищения от общения с усопшими, либо выполняли только практическую роль и связаны с уборкой сухой травы, мусора и пр.⁴³

Информаторы не сообщили о том, производились ли захоронения умерших неестественной смертью (утопших, самоубийц и др.) на отдельных кладбищах от односельчан, умерших собственной смертью. На наш взгляд, данный факт вполне мог быть, поскольку подобные захоронения встречаются у разных этносов. Например, закамские удмурты погребали на отдельных кладбищах самоубийц, утопших, убитых и убийц, а также жителей других поселений, умерших в их деревне, поскольку существовал запрет провозить умерших через деревню. На отдельных кладбищах погребали младенцев, умерших не получив имени, выкидышей⁴⁴.

Существование отдельных мест, связанных с похоронно-поминальной обрядностью среди некрещеных чувашей Башкирии, помимо кладбищ, нами не было обнаружено. Информаторы не сообщили подобного рода сведений. Отметим, что подобные места существовали у многих народов. Так, среди русского населения Южного Урала существует традиция после обмывания

⁴¹ Там же, 370.

⁴² Денисов 1959, 151–152.

⁴³ ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка.

⁴⁴ Садиков 2001, 132.

покойного воду выплескивать в задние ворота усадьбы, где не используется земля⁴⁵. В источниках встречается упоминание о местах, куда выбрасывались вещи умершего. В. А. Сбоев пишет: «По возвращении с кладбища, домашние покойного прежде всего относят на *мазарки* платье, в котором он умер, его постель, посуду, из которой его обмывали, а также некоторые другие вещи, преимущественно у него бывшие в употреблении, чтобы покойник по привычке к этим вещам не воротился в свой дом»⁴⁶. Отметим, что автор термином *масар* обозначает «отдельные от кладбищ, некогда считавшимися священными места, на которых складывались принадлежавшие покойникам вещи и в которых никогда не хоронили мертвых. Умершие по мнению Чуваш любили посещать места, где лежали вещи, дорогие для них по соединенным с ними воспоминаниям»⁴⁷. Кладбище, по мнению В. А. Сбоева, среди чувашей обозначалось терминами «*обамарь* и *сюва*»⁴⁸. Последнее, видимо, означает термин *сәва*.

Таким образом, у некрещеных чувашей, проживающих в с. Ахманово и д. Юльtimiровка Бакалинского района Башкирии, наблюдается большое разнообразие объектов, связанных с похоронно-поминальными традициями. Надмогильные сооружения представлены различными типами — каменные изваяния, деревянные *юпа*, металлические памятники, гранитные, мраморные плиты. Подобные памятники встречаются и у других этнотерриториальных групп некрещеных чувашей, но они совершенно не типичны для основной массы чувашского этноса, принявшего православие. В сознании населения кладбище и надмогильные сооружения воспринимаются как поселения и жилища усопших. Представления и обряды, связанные с ними среди чувашей, сохраняют очень древние пласты традиционной духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Денисов П. В. 1959: Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары.
- Заманов Р. М. 2003: Надмогильные сооружения башкир // V конгресс этнографов и антропологов России. М., 299.
- Кондратьев А. А. 1999: Гурий Комиссаров — краевед и просветитель. Уфа.
- Никольский Н. В. 1909: Русско-чувашский словарь. Казань.
- Паллас П. С. 1773: Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. I. СПб.
- Петров И. Г. 1994: Чувашы Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа.
- Рожкова Т. И., Моисеева С. А. (авт. сост.) 2008: Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. Магнитогорск.
- Садиков Р. Р. 2001: Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.
- Садиков Р. Р., Петров И. Г. 2005: Полевое моление учук некрещеных чувашей д. Юльtimiровка Республики Башкортостан // Н. В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: Материалы конф., посв. 125-летию ученого. Чебоксары, 191–204.

⁴⁵ Рожкова, Моисеева 2008, 35.

⁴⁶ Сбоев 1856, 132–133.

⁴⁷ Там же, 133.

⁴⁸ Там же.

- Салмин А. К. 2009: Деревья в религиозном представлении чувашей // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Уфа, 369–370.
- Сбоев В. А. 1856: Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань.
- Сироткин М. Я., Иванов М. И. 1970: Чуваша: этнографическое исследование. Ч. 2. Чебоксары.
- Трофимов А. А. 1993: Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары.
- Фукс А. А. 1840: Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань.
- Ягафова Е. А. 2008: Этноконфессиональные меньшинства чувашей // ЭО. 4, 114–127.
- Янгузин Р. З. 2007: Этнический состав населения Башкортостана (по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа.
- Юсупов Р. М., Заманов Р. М. 2007: Эволюция погребального обряда и надмогильных сооружений башкир // Россия и Башкортостан: Общая история — общее будущее. Магнитогорск, 32–37.

CEMENTARIES AND GRAVE MEMORIALS OF NON-BAPTIZED CHUVASH IN BASHKORTOSTAN (2010 FIELD SEASON)

V. V. Medvedyev

The article, based on publications and 2010 field work material, is concerned with funeral traditions of non-baptized Chuvash of Bashkortostan. The main objective is to study and to analyze gravestones of the Chuvash, to reveal the preserved traditions, and to display new aspects of funeral procedure and headstone setting.

Key words: non-baptized Chuvash, funeral rituals, grave memorials, yupa.

© 2011

Н. А. Хуббитдинова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ТУРЕЦКОЙ И ТЮРКСКО-БАШКИРСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается проблема художественного отражения фольклорных мотивов в средневековой турецкой и тюркско-башкирской литературе. На изучаемые мотивы в литературе возлагаются новые идейно-эстетические функции и ставятся новые художественные задачи, которые решаются в авторском и народном творчестве по-своему своеобразно.

Ключевые слова: фольклорные мотивы, средневековая литература, Хосров, Ширин, Фархад, дастан.

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: narkas08@rambler.ru

В турецком повествовательном фольклоре в XVI–XVII вв. особенно популярными жанрами считались хикайе и дастан, которые исполнялись народными импровизаторами-сказителями — ашыками в сопровождении игры на сазе. «Дастаном именуют преимущественно героический и героико-фантастический эпос, хикайе (повесть, рассказ) — новеллистический или романический эпос. Содержание излагается в прозе, чувства и переживания героев — в стихотворно-песенных партиях, вклинивающихся в виде монологов и диалогов в основной текст»¹.

Распространение дастанного творчества и жанра хикайе, хикая или хикаят можно проследить и в литературе тюркских народов Урало-Поволжья в XIII–XVI вв., когда кочевые и полукочевые предки башкир начали приобщаться к городской культуре, письменной литературе.

Действительно, с принятием ислама и стремлением объединить народы под единым мусульманским флагом золотоордынское государство старалось усилить свои экономические и политические позиции в Урало-Поволжье. Это положило начало строительству мечетей, городов, развитию зодчества и т.д.² С распространением письменности получило развитие литература, создавались художественные произведения. Среди башкир и других народов, входивших в состав Золотой Орды и Ногайского ханства, широкой популярностью пользовались рукописные варианты произведений «Хосров и Ширин» (1342) Кутби, «Мухаббатнаме» (1358) Хорезми, «Жумжума-Султан» (1370) Хисама Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» (1391) Саифа Сарай и других авторов, живших и творивших в городах Золотой Орды. В них прослеживается взаимосвязь традиций тюркско-башкирского народного творчества, восточной литературы и религиозных мотивов. В данной статье затрагиваются лишь некоторые фольклорные мотивы, пользовавшихся популярностью в литературе рассматриваемого периода.

Одним из самых широко распространенных, так называемых качующих эпических мотивов является мотив «любовного треугольника», борьба за создание семьи. В патриархальном строе эта борьба основывалась не на любовных чувствах, а на обогащении, в стремлении продолжить род. В борьбе за материальными благами и необходимостью в продолжении рода в союзе с более сильным и могущественным племенем не остается места романтическим любовным чувствам и влечениям.

На протяжении веков было создано огромное количество эпических памятников, легенд и преданий, построенных на подобный сюжет. В разные эпохи они вдохновляли поэтов и писателей, вынуждая браться за перо и создавать на их основе (или на их мотив) собственные произведения. В результате художественного переосмысления, сентиментальные фольклорные мотивы приобретали бессмертие в литературе («Кисса-и Йусуф» Кул-Гали, «Лейла и Меджнун», «Фархад и Ширин» Навои, «Бедная Лиза» Карамзина, «Ромео и Джульетта» Шекспира, французский рыцарский роман «Тристан и Изольда» и т.д.). В этом отношении особый интерес для нас представляет упомянутый турецкий дастан «Фархад и Ширин», на сюжет которого Навои создал свою одноименную поэму, где широко использовал фольклорную поэтику, традиции героического народного эпоса. Сюжет турецкого народного дастана через поэму тюрка Кутби «Хосров и Ширин»

¹ Короглы 1982, 5.

² Акманов 2007, 90.

распространился вплоть до Урало-Поволжья и стал известен народу региона, башкирскому народу в частности. Следовательно, для этнической идентификации, когда речь заходит о средневековой письменной литературе, относительно башкир можно применить определение «тюркско-башкирской», как и татар — «тюркско-татарской» литературы.

Сюжет турецкой версии поэмы «Хосров и Ширин», известной как дастан «Фархад и Ширин», построен на традиционных фольклорных мотивах «вещего сна», «любовного треугольника», «справедливого правителя», «соумирания». Здесь главными героями-любовниками являются художник — мастер стеной росписи простой юноша Фархад и прекрасная царевна Ширин. Система образов тюркско-башкирской и турецкой версий произведения во многом схожи, однако в последней присутствуют мифические образы в виде белобородого старца, не раз посещающего героев во сне, старух-колдуний, диких зверей³. Хосров является сыном Хюрмюз-шаха и появляется на сцене действий намного позже. Финал дастана традиционно трагичен: услышав ложную весть о смерти Ширин, Фархад, не раздумывая, кончает жизнь самоубийством. Узнав об этом Ширин, в свою очередь, вонзает кинжал в свое сердце.

В описании чувств и переживаний героев турецкого дастана также наблюдаются абстрактность и обтекаемость. Безутешные переживания влюбленного Фархада, пускающегося в бесцельное странствование, как и полагается восточному ашуку, во многом напоминает безутешного Меджнуна — героя известной поэмы Навои «Лейла и Меджнун», также созданной на сюжет древнеарабского предания о трагической любви.

Тюрк Кутба, как дитя своей эпохи, в своем творчестве, конечно, не мог пренебрегать сложившимися традициями в литературе. Однако и в традициях можно проследить свою традиционность, в самом принципе художественного использования фольклорных мотивов и образов. В целом, сюжет «Хосров и Ширин» так же, как и турецкий народный дастан, построен на сюжетобразующих фольклорных мотивах «вещего сна», «любовного треугольника», «справедливого правителя». В эпических произведениях, сюжет которых построен на мотивах подобного типа, влюбленные герои традиционно не могут воссоединиться при жизни, так как между ними встает «третье лицо». Финал подобных памятников обычно трагичен: герои погибают. Причем соблюдается сложившаяся очередность: сперва от рук коварного «третьего лица» погибает юноша, девушка, не перенеся разлуки с любимым, кончает жизнь самоубийством над его бездыханным телом. В. И. Еремина называет этот ритуал «соумиранием»⁴. При рассмотрении эпических памятников этого типа можно прийти к выводу о том, что этот термин вполне можно применить в нашем случае и назвать мотив смерти героев одного за другим — мотивом «соумирания».

Основа сюжета дастана Кутби, хотя и построена на указанных мотивах, но они представлены автором согласно его индивидуального творческого начала. Используемые им в произведении фольклорные мотивы имеют важное идейно-эстетическое значение и подчинены внутренним законам литературного произведения. Мотив «вещего сна» имеет сюжетобразующее значение. Увиденный Хосровом

³ Короглы 1982, 259–288.

⁴ Еремина 1991, 166.

сон, где его давно умерший дед предрекает ему царский трон, красавицу-жену, коня быстрее ветра, служит началом развития основных событий. Потому что сон оказывается вещим и в будущем сбывается. Однако все предсказанное не так-то быстро осуществляется наяву. Даже встретив свою нареченную девушку, он не может в скором времени воссоединиться с ней. В поэме влюбленным необходимо пройти ряд испытаний на прочность своих чувств, что свойственно и внутрижанровым законам сказки. Совершенно случайно появившийся между ними «третье лицо» — простой работник Фархад, порождает мотив «любовного треугольника». В отличие от эгоистичного Хосрова, Фархад представляется честным, благородным, бескорыстным человеком с искренними чувствами к Ширин. Он является символом преданной и чистой любви, без любимой ему нет жизни. Зная об этом, Хосров приносит ему ложную весть о смерти Ширин. Услышав горькое известие, как и влюбленный юноша из турецкой повести, даже не сделав попытки разобраться во всем, предпочитает смерть. У Кутба Фархад бросается с высокой скалы и разбивается насмерть. Потому что без любимой мир для него не мил, без нее нет смысла жизни.

В народных сказках и эпосе третьим лицом в любовном треугольнике обычно выступает персонаж отрицательного характера. Однако в турецком народном дастане «Фархад и Ширин» между влюбленными встает вполне положительный персонаж царевич Хосров. У Кутби третьим лицом также выступает простой рабочий Фархад — тоже добрый и безобидный. Следовательно, автор, преследуя определенные идейно-эстетические цели, как бы «переворачивает» с ног на голову известный сказочный мотив и персонажи. Если в турецком дастане главным действующим лицом выступает не царевич, а близкий по духу народа простолюдин, то в его тюркской литературной версии им является представитель царственной особы, что было традиционным явлением для поклоннической средневековой литературы.

В турецкой народной повести «Фархад и Ширин» также проводится идея о справедливом правителе, известной в фольклоре как мотив. Однако в произведении внимание на ней особо не акцентируется и говорится, что сестра Ширин — правительница города Мехмене-бану — была справедливой и доброй, и горожане были счастливы и довольны.

В литературном творчестве мотив «справедливого правителя» используется для проведения важной поучительной для царей и правителей идеи о необходимости справедливого правления народом и страной в целом, этим он призывает их быть милосердными и внимательными к желаниям и стремлениям, горестям и бедам простого народа. Несмотря на поклоннический и угоднический характер поэмы Кутби, в ней также проводятся эти идеи. Расшифровка нравственно-дидактических взглядов автора возлагается на Ширин, устами которой он упрекает Хосров (вернее, вообще правителей, похожих на Хосров. — Н. Х.) в излишнем расточительстве и в ведении бесконечного праздного образа жизни в то время, как государство требует каждодневного труда и старания. Ширин призывает своего любимого быть более внимательным и справедливым правителем для своих подданных. Она всеми силами старается обратить внимание легкомысленного Хосрова на праведное и справедливое правление страной и народом.

Таким образом, фольклорные мотивы, художественно перевоплощаясь в дастане Кутби «Хосров и Ширин» и турецком дастане «Фархад и Ширин», изображены с точки зрения типичности. Действия происходят в типичное время в типичном месте с типичными героями (даже упоминаются имена некоторых исторических лиц), что было характерно для всего дастанного творчества в турецкой народной, а вслед за ней и тюркской средневековой словесности. Старые как сам мир известные понятия и принципы как бы перерождаются или получают второе дыхание, художественно переосмысливаются автором и народом, которые в своих творческих поисках основывались на личный жизненный опыт и фольклорное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

- Акманов И. Г. 2007: Истрия Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т.1. Уфа.
- Алиев Г. Ю. 1960: Легенда о Хосрове и Ширине в литературах народов Востока. М.
- Джавелидзе Э. Д. 1984: О типологии и методе изучения средневековой турецкой поэзии // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 73–77.
- Еремина В. И. 1991: Ритуал и фольклор. Л.
- Короглы Х. Г. 1982: Турецкая народная повесть // «Эмрах и Сельви» и другие турецкие народные повести / Х. Г. Короглы (отв. ред.). М.
- Короглы Х. Г. 1982: «Эмрах и Сельви» и другие турецкие народные повести. М.

FOLKLORE MOTIFS IN TURKISH AND TURK-BASHKIR MEDIAEVAL LITERATURE

N. A. Khubbitdinova

The article deals with artistic representation of folklore motifs in Turkish and Turk-Bashkir mediaeval literature. The motifs under study are presented in their new ideological and esthetic functions. The author puts forward new artistic problems that get individual treatment in writers' works and folklore.

Key words: folklore motifs, mediaeval literature, Khosrow, Shirin, Farhad, dastan.

© 2011

С. А. Искандарова

ОСОБЕННОСТИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ В БАШКИРСКОЙ ПОЭЗИИ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются особенности двух систем стихосложения — метрического аруза и народного силлабического, одновременно существовавших в башкирской поэзии в первой трети XX века. Если в начале XX века наблюдается взаимовлияние аруза и народных форм поэзии, то к концу 1920-х годов аруз, который столетиями занимал господствующее положение, полностью прекращает свое существование, а находившееся на втором плане силлабическое стихосложение прочно утверждается в качестве единственной системы стихосложения в башкирской поэзии.

Ключевые слова: башкирское стихосложение, аруз, силлабическое стихосложение, рифма, строфика, арабо-персидские формы поэзии.

Башкирская письменная литература к началу XX века имела многовековую традицию на основе арабского алфавита. Известно, что тюркоязычная классическая литература в течение многих веков развивалась под сильным влиянием арабо-персидских традиций. С проникновением ислама в письменной поэзии большинства тюркоязычных литератур, в том числе башкирской, исконно тюркское силлабическое стихосложение бармак (от тюрк. «бармак» — «палец») заменяется арабо-персидским метром аруз (от араб. «аруд», перс. «аруз» — «просодия», «метрика»).

Стихотворные произведения, созданные метрами аруза, относились к высокой поэзии. Они предназначались для образованных, осведомленных читателей, которые могли оценить мастерство пишущих.

Теория аруза, корни которого уходят в глубокое прошлое арабской поэзии, была разработана арабским ученым Халил ибн Ахмадом в VIII в. В процессе своего развития общая для многих мусульманских литератур поэтика аруза претерпела некоторые изменения в каждой из национальных литератур.

Классическая метрика — аруз, согласно авторам трактатов, сторонникам графического принципа, основана на «различии между “подвижными”, или огласованными, и “неподвижными”, или неогласованными, согласными»¹. Европейские же ученые увидели в арузе привычную для них метрическую систему стихосложения, основанную на чередовании кратких и долгих слогов, подобно античным древнегреческому или латинскому языкам. Для обозначения долготы и краткости ими было принято применение знаков «∪» — для краткого слога и «—» — для длинного слога. Кратким слогом считается открытый слог с кратким гласным. Долгим слогом является открытый слог с долгим гласным и закрытый слог с кратким гласным. Если в закрытом слог за краткой гласной следуют два согласных, или за долгой гласной одна или две согласных, то такой слог называется полутор-

Искандарова Светлана Айратовна — младший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: iskandarovas@mail.ru

¹ Бомбачи 1986, 242-243.

ным². В башкирской поэзии, в отличие от персидских и некоторых тюркоязычных литератур, например, турецкой³, полуторный слог принимался за один долгий.

Отличием тюркского аруза от арабского является и то, что каждое полустишие бейта имеет всегда одинаковое число слогов (изосиллабическое). В арабской же поэзии «размеры последних стоп двустипий почти всегда расходятся и виды арабских метров определяются различиями последних стоп двустипий»⁴.

Башкирская письменная поэзия, которая имела традиционные правила стихосложения, обладала своей спецификой и в употреблении размеров стиха. Из всех размеров аруза башкирские поэты в начале XX века продолжали использовать только самые популярные метры тюркского аруза — **рамаль** и **хазадж** в их разновидностях: *рамал-и мусамман-и махзуф* (схема: — ◡ — — | ◡ — — | ◡ — — | ◡ — —), *рамал-и мусаддас-и махзуф* (схема: — ◡ — — | ◡ — — | ◡ — —), *хазадж-и мусамман-и салим* (схема: ◡ — — — | ◡ — — — | ◡ — — — | ◡ — — —), *хазадж-и мусаддас-и махзуф* (схема: ◡ — — — | ◡ — — — | ◡ — — — | ◡ — — —).

Основными жанровыми формами стиха в творчестве башкирских поэтов начала XX века являлись **маснави** (стихотворная форма с рифмой *аа бб вв гг...*) и **газель** (стихотворная форма с рифмой *аа ба ва га...*). Менее распространенными формами стиха были *касыда*, *кит'а*, *дубейти*, *фард* и др.

Основной единицей стиха, согласно классической теории аруза, является *бейт* (араб. «дом», «жилище») — отдельный стих, состоящий из двух полустиший (мисра). Однако в поэзии применялись и строфические формы, единицей измерения которых являлось полустишие. В башкирской поэзии начала XX века встречаются следующие виды строф, известные под общим названием *мусаммат* (араб. «нанизывать на нить жемчуг»): *мурабба* (четырёхстрочная), *мухаммас* (пятистрочная), *мусаддас* (шестистрочная), *мусамман* (восьмистрочная). Также употреблялись строфические формы стихов — *тарджибанд* и *таркибанд* (от араб. «тарджи» — «возвращение», «повторение», «банд» — «строфа», «куплет»).

Вместе с метрами аруза тюркскими поэтами была воспринята и арабо-персидская рифма — *кафия* (араб. «рифма»). В трудах тюркских теоретиков Урало-Поволжья начала XX века для обозначения рифмы можно было встретить также употребление термина «бетем»⁵ (тюрк. «окончание»).

Рифма в арабо-персидской поэзии основывается на графическом повторении букв (харф). Отметим, что в арабской грамматике под термином харф понимаются только согласные звуки и долгие гласные. Краткие гласные называются харака (араб. «движение») и на письме не обозначались. Основная буква рифмы — *рави* — должна была обязательно входить в корень или основу слова рифмующихся слов. Созвучия одних только грамматических окончаний не принимались за рифму⁶.

Другая форма произведений — *силлабическая* — исконно тюркская по происхождению, до начала XX века являлась малоупотребительной, так как поэты-традиционалисты не обращали внимания на низкие, по их мнению, народные фор-

² Бертельс 1926, 97.

³ Джафар 1969, 47.

⁴ Джафар 1968, 83.

⁵ Сагди 1918, 8.

⁶ Стеблева 1966, 246.

мы поэзии. Научное изучение тюркского народного стиха начинается также лишь с конца XIX века.

В дореволюционной башкирской литературе силлабическое стихосложение обозначалось терминами «бармак хисабы» (от тюрк. «бармак» — «палец», араб. «хисап» — «счет») или же «хеджа вззене», «хеджа хисабы» (араб. «хеджа» — «слог») под влиянием арабо-персидской поэтики.

Силлабическое стихосложение основано на числе слогов в стихе, т.е. на повторе одинаковых по длительности количественных отрезков речи. Большое значение в образовании ритма тюркского силлабического стиха играют *внутристиховые паузы*, делящие стих на ритмические группы. В башкирском литературоведении такие группы обозначаются термином «быуын» (от башкирск. «сустав», «колено»). Ритм в стихе создается повторением такого же членения в других строках.

Силлабические размеры в письменной поэзии до начала XX века, так же как и метры аруза, отличались ярко выраженным традиционализмом. Из древнейших размеров тюркского стиха в начале XX века продолжали употребляться 7-, 8-, 11-, 12-слоговые размеры.

Характерной особенностью тюркских силлабических стихов, как средневековых авторов, так и авторов начала XX века является то, что они имели нечеткий силлабизм.

Рифма в силлабическом стихе была подвержена некоторому влиянию арабо-персидской поэтики. Большинство рифм были грамматического типа, то есть повторялись одни и те же суффиксы. Однако часто в рифмовке участвовали одна или две согласных из глагольной или именной основы. Но встречались рифмы, образованные повторением только конечных согласных или гласных — в этом случае, рифма была схожа с арабо-персидской рифмой.

Самыми распространенными формами силлабического стиха к началу XX века были четверостишные строфы с рифмовкой аааб или ааба, редко употреблялся астрофический стих.

В начале XX века в урало-поволжской культурной, общественно-политической и литературной жизни происходили значительные изменения. С одной стороны, после знакомства с русской, а через нее и европейской литературой поэзия обогащается переводными и подражательными произведениями. С другой же стороны — оживляется интерес к национальному фольклору. В результате этих изменений в башкирской поэзии начала XX века формируются два течения:

1. Традиционная поэзия, в которой поэты, оставаясь верными канонизированным формам, начинают вносить новое содержание.
2. Новая, новаторская поэзия, в которой поэты начинают видоизменять как форму, так и содержание.

Башкирские поэты начала XX века — М. Гафури, С. Якшигулов, Ш. Бабич, Х. Габитов, С. Кудаш, Д. Юлтый и др. наряду с арабо-персидскими формами поэзии пользовались одновременно народным силлабическим стихосложением. Истоки обращения к формам народной поэзии обнаруживаются в последней четверти XIX века — в творчестве поэтов-просветителей, которые были заинтересованы в том, чтобы их мысли стали достоянием широких масс — простого народа, а не

только образованных людей. Это заставило их применять в своем творчестве более понятную для своих слушателей форму поэзии.

Передовые поэты сыграли большую роль и в процессе обновления литературного языка. Они выступали за сближение народного и литературного языка, отказавшись от чрезмерного употребления арабо-персидской лексики и грамматических форм.

Заметное влияние на творчество поэтов оказали революционные события 1905–1907-х годов. Так, одним из результатов влияния на форму поэзии стало появление коротких 5-, 6-сложных размеров, которые ранее не употреблялись в классической поэзии.

Народный стих, происходящий от песни, в средневековой тюркско-башкирской литературе и до конца XIX века был отлучен от книжной литературы.

В первое десятилетие XX в. среди башкирской и татарской интеллигенции оживляется интерес к национальному фольклору, особенно к старинным песням. Они публикуют их в виде книг, либо включают их в поэтические сборники своих произведений (Ш. Бабич, Ф. Туйкин и др.). Некоторые поэты в подражание народным песням начинают и сами создавать произведения в жанре песен.

Народные песенные размеры имели две разновидности: 10–9-сложный — «озон кюй» («протяжная мелодия») и 8–7-сложный — «кыска кюй» («короткая мелодия»). Они представляли собой четверостишные строфы, в которых рифмовались четные строки (*абвб*). Однако такие произведения, созданные на размер народных песен, в первые десятилетия XX века не получили широкого распространения. Например, в журнале «Шура» (с 1908 по 1917 годы включительно) 10–9-сложным размером были опубликованы около 4,5 % от общего числа стихотворных произведений.

Так как силлабическими размерами творили поэты, одновременно создающие высокую поэзию, то в творчестве некоторых из них заметны следы взаимодействия двух систем стихосложений.

Как мы уже отмечали, силлабические произведения до начала XX века представляли собой стихи со многими отступлениями от силлабической точности. Однако в творчестве некоторых поэтов начала XX века мы обнаруживаем силлабические произведения, которые характеризуются строгим изосиллабизмом в строках. Например, в произведении Ш. Бабича «Одна басня, прочитанная на юбилее медресе “Галия”» (1916) в каждой строке имеется ровно 11 слогов с ритмической группой 3+4+4. В стихотворениях «Красивые фигуры» (1916), «Сад имен» (1917) все строки имеют количество слогов равное 12 с ритмической группой 4+4+4. Как отмечают исследователи, изосиллабичность в тюркской поэзии связана с влиянием «арабо-персидского аруза с его силлабометрическими размерами»⁷.

Влияние арабо-персидской поэтики проявилось и в способе построения строф. Например, в стихотворениях М. Гафури «В этом мире еще никогда не находилась истина...» (1907), Ш. Бабича «Сад имен» кроме того, что для всех строк характерен строгий изосиллабизм по 12 слогов, способ рифмовки имеет форму, свойственную газели: *аа ба ва га*.

Стремление к изменению стиха обнаружилось и в произведениях, созданных метрами аруза. В творчестве поэтов-новаторов появляются строфические формы,

⁷ Стеблева 1970, 104.

отличающиеся новым порядком рифмовки — перекрестной (*абаб, вгвг...*) и опоясывающей (*абба, вггв*). Изменения коснулись и внешней формы бейта. Некоторые поэты начинают делить бейт посредством цезуры на две части, в результате которого форма двустушия превращалась в четырехстрочную строфу, характерную для народной поэзии. Например, размер аруза *рамал-и мусамман-и махзуф* (— ◡ — — | ◡ — — | ◡ — — | ◡ —), имеющий по 15 слогов каждом полустушии, начинает записываться как четверостишие 8–7–8–7, в результате этого, своей внешней формой становится схож с народным песенным силлабическим 8–7-сложным размером «кыска күй».

Стремление к народной поэзии обнаруживается и в области рифм. С одной стороны, поэты-новаторы стремятся освободиться от засилья грамматических рифм, с другой — разнообразить их виды акустическими рифмами, свойственными народной поэзии.

Вторым этапом в преобразовании башкирского литературного стихосложения явились революционные события 1917 года, которые оставили глубокий след в литературной жизни страны. В результате изменившейся идеологии в творчестве поэтов появляется новая проблематика. Поэты начинают переходить от высокого стиля, преобладающего в их поэзии, к более низкому, так как их произведения теперь предназначались для другой читательской аудитории, для которой стало необходимо обращаться более простым, общедоступным языком, освобожденным от арабо-персидской лексики. Серьезные изменения претерпела и форма стихотворений. Известно, что форма поэтических произведений по сравнению с содержанием меняется медленнее, поэтому если в начальный период изменения коснулись только тематики и содержания произведений, то к середине 1920-х годов в поэзии большинства поэтов наблюдаются изменения в строе стиха. В этот период многие поэты начинают отдавать предпочтение народному силлабическому стихосложению. Вторая половина 1920-х годов совпадает и с переходом башкирской письменности с арабского алфавита на латинизированную графику.

К концу 1920-х годов система стихосложения аруз в башкирской поэзии полностью выходит из употребления. Таким образом, стихосложение аруз, которое столетиями занимало господствующее положение, исчезает из поэзии, а находившаяся на втором плане силлабическое стихосложение прочно утверждается в качестве единственной системы стихосложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертельс Е. Э. 1926: Грамматика персидского языка. М.
 Бомбачи А. 1986: Тюркские литературы. Введение в историю и стиль // Зарубежная тюркология. Вып. I. / А. Н. Кононов (отв. ред.). М., 191–294.
 Джафар А. 1968: Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку.
 Джафар А. 1969: Тевфик Фикрет о метрике стихосложения и метры его поэзии // Теоретические проблемы восточных литератур / И. С. Брагинский (ред.). М., 42–53.
 Сагди Г. 1918: Адабийат-и мугаллим. Уфа. (на старотюркс. яз.)
 Стеблева И. В. 1966: Арабо-персидская теория рифмы и тюркоязычная поэзия // Тюркологический сборник / С. Г. Кляшторный (отв. ред.). М., 246–254.
 Стеблева И. В. 1970: Некоторые особенности тюркского стиха // Советская тюркология. 5, 98–104.

BASHKIR VERSIFICATION PECULIARITIES BEFORE
THE 30-s OF THE 20th CENTURY*S. A. Iskandarova*

The article deals with peculiarities of two versification systems, namely metric aruz and folk syllabic ones, that coexisted in Bashkir poetry before the 30-s of the 20th century. The early 20th century saw interplay of aruz and folk poetry forms, but by the late 1920-s aruz, that had a key role throughout the centuries, went out of existence. Syllabic versification that had always been secondary reaches a strong position of the only versification system in Bashkir poetry.

Key words: Bashkir versification, aruz, syllabic versification, rhyme, strophics, Arab-Persian poetic forms

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2011

А. С. Смирнов

«ПРИЗНАТЬ В ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЦЕНТР»

В статье на основании архивных данных показана деятельность Императорской Археологической комиссии в части утверждения в России единых правил проведения раскопок, реализовавшихся во введении в повседневную практику системы единых Открытых листов. На этом пути Археологической комиссии приходилось преодолевать как непонимание коллег, так и инертность местных властей. Традиционно автором идеи централизации выдачи Открытых листов считался А. А. Бобринский. Но подобные предложения еще в 1886 г. высказывали некоторые провинциальные археологи, в том числе киевский любитель древностей Турвонт Кибальчич, предложивший и другие изменения в деятельности Археологической комиссии. Жаркие дискуссии по поводу монопольного права Археологической комиссии выдавать Открытые листы происходили не только в стенах археологических обществ. Корпоративный спор выплеснулся и на страницы газет. Это свидетельствовало о том, что право проведения археологических раскопок воспринималась просвещенным российским обществом не как узкопрофессиональная проблема. В этом усматривалась не только попытка ограничить права научных обществ, поставив их полевую деятельность под государственный контроль, но и посягательство на право местной администрации и землевладельцев распоряжаться своей собственностью.

Ключевые слова: Императорская Археологическая комиссия, Открытые листы, Московское Археологическое общество, Русское археологическое общество.

Недавний юбилей 150-летия создания Императорской Археологической комиссии в очередной раз привлек внимание к первому в России государственному органу, регулирующему отношения в области использования памятников археологии.

В существующей литературе совершенно справедливо как одно из главных достижений Археологической комиссии отмечаются ее заслуги в части регламентации археологических работ и централизации выдачи разрешений на раскопки, Открытых листов. Исследователи отмечали трудности, с которыми столкнулся глава комиссии А. А. Бобринский, продвигая в жизнь систему выдачи Открытых листов. При этом основное внимание историков было сосредоточено на изложении противостояния Археологической комиссии и Московского археологического

Смирнов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Российской академии наук. E-mail: assmirnov@mail.ru

общества. Хотя эта проблема затронула гораздо больший круг ученых и «раскопщиков». Дискуссия на эту тему активно велась на страницах газет, вызывая интерес широких кругов просвещенного общества к этой проблеме. Это свидетельствовало о том, что право проведения археологических раскопок воспринималась современниками не как узкопрофессиональная проблема. В этом усматривалась не только попытка ограничить права научных обществ, поставив их полевую деятельность под государственный контроль, но и посягательство на права местной администрации и землевладельцев распоряжаться своей собственностью.

На фоне подобных жарких дискуссий А. А. Бобринский выглядел как единственный автор идеи централизации выдачи Открытых листов. Как реформатор, выступивший первоначально в одиночку против мнения всего российского археологического сообщества. Возможность появления подобных идей вне стен Археологической комиссии не рассматривалась.

В этой статье автор постарался изложить новые факты, связанные с историей конституализации единой государственной системы выдачи Открытых листов, дополнить и детализировать уже опубликованные сведения.

Пришедшая в 1859 г. на смену Археологической комиссии при Кабинете Его императорского величества Императорская Археологическая комиссия Министерства императорского двора за годы своего существования эволюционировала от придворного ведомства, главной задачей которого была поставка экспонатов в императорский Эрмитаж, до авторитетного государственного научного учреждения, сочетавшего функции управления и изучения древностей империи.

В первые десятилетия своего существования Археологическая комиссия была, в лучшем случае, первая среди равных учреждений и обществ, занимавшихся изучением древностей России. Некоторые из них, например Одесское общество истории и древностей, Императорское Русское археологическое общество своими раскопками заслужили весомый научный авторитет. В уставах обществ, утвержденных высшей властью империи, было недвусмысленно записано право самостоятельно проводить археологические раскопки. Нередко указывался регион, на который распространялась прерогатива данного общества. Так в отношении Одесского общества Николай I в 1839 г. издал указ «о дозволении оному производить археологические розыскания по всей Южной России на предложенном основании, то есть, на казенных землях, с разрешения местного начальства, а на частных, с согласия владельцев»¹. Понятно, что никакого контроля за раскопками и находимыми вещами «местным начальством» не осуществлялось. Губернаторы и даже городские головы выдавали Открытые листы на право раскопок, а то и для «отыскания клада», всем желающим.

В подобном контексте Императорская Археологическая комиссия, хоть и числилась в составе Министерства императорского двора, не обладала реальными властными полномочиями, что лишало ее возможностей осуществлять какую-либо государственную политику в части сохранения и изучения древностей империи. Первые председатели комиссии — С. Г. Строганов, А. А. Васильчиков не придавали этой проблеме должного значения. Первый, скорее всего, в силу представлений своего времени об археологии как о части искусствознания, занятой

¹ ПСЗРИ 1840, 934.

изучением отдельных предметов древнего искусства, более был озабочен охраной прав государства на владение наиболее ценными древними предметами. А. А. Васильчиков, занимавший эту должность с 1882 по 1886 гг., не стремился внести какие-либо изменения в деятельность комиссии, сосредоточив свои усилия в части управления императорским Эрмитажем, директором коего он являлся в 1879–1888 гг.

Но в среде почитателей археологии все явственнее ощущалась необходимость государственного контроля за археологическими раскопками и находимыми древностями. Причем инициативу проявляли не столичные археологические общества, а провинциальные радетели прошлого. В начале 1886 г. киевлянин Турвонт Венедиктович Кибальчич, «почетный член Археологического института, почетный вольный общник Императорской академии художеств, член Императорских археологических обществ и других научных учреждений» обратился к А. А. Бобринскому с запиской по поводу кладоискательства, неконтролируемых раскопок «агентов западно-европейских музеев» на юге России и бесконтрольного вывоза древностей за рубеж, «в особенности в Британский музей», который «имеет уже массу (до нескольких десятков тысяч) памятников собранных на Юге России». Среди прочих предложений, Т. В. Кибальчич посчитал необходимым «реорганизацию Императорской Археологической комиссии, точное определение задач комиссии, пересмотр, изменение и дополнение некоторых законоположений о древностях государства Российского и доисторических древностей, находимых в пределах России... Результатом этих преобразований конечно будет то, что древности, находящиеся и находимые в нашем обширном отечестве должны будут оставаться здесь (в России) и поступать в правительственные музеи»².

Т. В. Кибальчич, будучи искренним и бескорыстным любителем древностей, опытным полевым работником, непосредственно сталкивающимся с проблемами сохранности памятников, совершенно справедливо отметил главные проблемы в организации деятельности Археологической комиссии того времени. В своем письме он справедливо отметил отсутствие четко сформулированных задач комиссии.

При учреждении Археологической комиссии были сформулированы только три задачи: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятников древностей; 3) ученую оценку открываемых древностей»³.

Столь обще сформулированные задачи определили и отсутствие четкой внутренней структуры комиссии, что не свойственно для государственного учреждения. Даже научные общества имели в своем составе различные подразделения: комиссии (Славянская, Восточная, Археографическая в МАО), отделения (Русское, Восточное в РАО). Несомненно, количество штатных сотрудников АК было невелико, что ограничивало возможность создания развитой структуры учреждения. Но в ее составе присутствовало достаточно внештатных сотрудников, чтобы объединить их усилия для решения конкретных проблем.

² РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1886. Д. 10а. Л. 2–5.

³ ПСЗРИ 1859, 70.

Опытный администратор, юрист по образованию А. А. Бобринский, ставший в начале 1886 г. председателем Археологической комиссии, понимал, что без действенных полномочий это учреждение обречено существовать лишь в качестве отборочной комиссии для императорских музеев. Подобное положение вызывало у него справедливое раздражение. «За последние годы моя комиссия *de facto* обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана»⁴.

Как говорилось в «Очерках деятельности комиссии за время царствования императора Александра III», представленных ИАК в Канцелярию Министерства императорского двора, «в виду-же важного научного значения, которое представляют повсюду находящиеся в империи курганы, древние могильники и старинные сельбища и неопределенность постановлений об сохранении этих памятников древности, а также отсутствием единства в относящихся к ним распоряжений, побудили Археологическую комиссию возбудить вопрос о необходимости упорядочить производство археологических раскопок, по крайней мере, на казенных и общественных землях»⁵.

Реализуя эти устремления А. А. Бобринский уже в ноябре 1886 г. инициирует письма Министерства внутренних дел о «строгом <...> воспрещении кому бы то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных и общественных землях без специального разрешения на то Императорской археологической комиссии»⁶. В январе 1887 г. он обращается в Министерство императорского двора с просьбой испросить повеление Императора о подтверждении главенствующих прав комиссии и упорядочении раскопок⁷. Он также выходит с ходатайством по этому поводу к Министру народного просвещения и 27 ноября того же года появляется письмо Археологической комиссии № 686, подтвержденное отношением Министра просвещения, о праве ИАК осуществлять государственный контроль за сохранностью памятников, проведением раскопок и распоряжением находками⁸. По инициативе А. А. Бобринского 12 января 1888 г. Министерства народного просвещения направляет письмо за № 581 о внесении порядка в деле раскопок, а в ноябре председатель Комиссии излагал Министру императорского двора «последствия <...> произвола и необходимость упорядочения этого дела со стороны правительства»⁹.

Многолетние активные действия А. А. Бобринского завершились успехом 11 марта 1889 года последовало Высочайшее повеление, по которому комиссия получала исключительное право на выдачу Открытых листов на раскопки «на землях казенных, общественных и принадлежащих различным установлениям» и контроль за получаемыми находками. В результате были, по мнению комиссии, «вполне обеспечены и права казны на ее собственность и ни сколько не стеснена научная деятельность лиц, желающих производить археологические раскопки на вышеупомянутых землях»¹⁰.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп.1. Д. 26. Л. 102.

⁵ РА ИИМК. Ф. 1. Оп.1. 1900. Д. 174. Л. 5об.

⁶ ЦИАМ. Ф. 454. Оп.2. Д. 102. Л. 11–12.

⁷ РА ИИМК. Ф. 1. Оп.1. 1900. Д. 174. Л. 5об–6.

⁸ Там же, 6.

⁹ РА ИИМК. Ф. 1. Оп.1. 1896. Д. 14. Л. 8–9.

¹⁰ Там же, 9.

Подобная концентрация разрешительных функций в одних руках, формально в руках государственных чиновников, не вызвало восторга как в археологическом сообществе, структуры которого ранее действовали совершенно самостоятельно руководствуясь собственными представлениями и задачами, так и среди губернской администрации, лишившейся права распоряжения древностями а взамен получившей еще один фронт ответственности — контроль за исполнением высочайшего повеления.

В результате А. А. Бобринскому пришлось, с одной стороны, отражать притязания коллег из научных обществ, а с другой — принуждать начальников губерний к должному контролю за сохранностью древностей.

Еще до принятия указа 1889 г. активность комиссии в деле установления контроля за археологической деятельностью вызывала возмущение ряда раскопщиков. В начале марта 1888 г. действия комиссии обсуждались в стенах Императорского Русского археологического общества. Наиболее радикальные члены общества, во главе с Н. Бранденбургом, резко негативно оценили поползновения ИАК на право руководства археологическими работами, сформулировав свое отношение в «Особом мнении некоторых из членов Императорского Русского археологического общества»¹¹. В отношении Археологической комиссии утверждалось, что «нет никакой нужды становиться под опеку последней, ради лишь ее административного положения, не формулированного даже законом по отношению к Обществу, опеку при том же бесполезную для действительных, а не фиктивных интересов науки». Авторы обвиняли ИАК в том, что «комиссия открыла поход исключительно лишь против археологической деятельности ученых обществ, уже заявивших себя столькими научными трудами и достигших поэтому (как напр. Московское и наше) счастья находиться ныне под особым высочайшим покровительством государя императора... Нет никакой надобности ставить деятельность обществ в зависимость от усмотрения и разрешения комиссии».

Но Совет Русского археологического общества и большинство его членов считали возможным взаимодействовать с Археологической комиссией, но только на паритетных началах и на основании специального соглашения, обязывающего РАО лишь информировать комиссию о своей деятельности. «Императорское Русское Археологическое Общество, сохраняя <...> свое право <...> производить раскопки и снаряжать ученые экспедиции для исследования местностей, охотно принимает на себя обязательство до начала раскопок сообщать о сем комиссии для сведения, с указанием местности и предполагаемого объема раскопок». При этом Совет общества констатировал, что «подобное соглашение установит крайне желательный порядок в разработке отечественной археологии, спасет много драгоценного материала от напрасной гибели и даст плодотворные результаты для науки». Несмотря на попытки отстоять определенную автономию в части археологических раскопок, среди членов РАО государственный подход возобладал над личными амбициями, «так как лишь путем тесного единения между правительственным органом и обществами, целесообразным разделением труда и установлением взаимных прав и обязанностей может быть достигнута общая цель на пользу отечественной науки». Суть принятого решения была сформулирована следующим образом: «Императорское Русское археологическое общество

¹¹ РА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 2–5.

вполне соглашается с комиссией относительно необходимости установить, при содействии правительства, единение и порядок в общей деятельности ученых археологических обществ и учреждений по розысканию и сохранению памятников древности и вполне готово признать в Императорской Археологической комиссии тот правительственный центр, который сможет установить связь для успешного ведения общего дела»¹².

Чрезвычайно важным результатом дискуссии, развернувшейся на заседаниях РАО, было предложение о создании единого центра по сосредоточению всей информации об археологических исследованиях в империи. Это пожелание присутствовало как в «особом мнении» радикалов, так и в официальном ответе общества. В первом случае предлагалось «создание в комиссии научно-археологического центра, в который при широком содействии обществ, должны бы стекаться и в нем сосредотачиваться возможно полные и подробные сведения о ходе археологических изысканий и открытиях древних памятников в нашем огромном отечестве, другими словами — должен бы создаваться центральный археологический инвентарь, столь необходимый и драгоценный для всякого рода археологических исследований». Во втором случае комиссии предлагалось превратить «свой архив в центральный археологический архив».

Недовольство действиями Археологической комиссии высказали и другие общества, например «Общество для исследования археологии, истории и этнографии Казанского края». Но особенно остро восприняло инициативы комиссии Московское археологическое общество. «Одним из главных противников упорядочения означенного дела на основании высочайшего повеления 1889 г. являлось Московское археологическое общество», сообщала ИАК в Министерство императорского двора¹³.

Столь резкая оценка деятельности МАО появилась в связи с тем, что еще до указа 1889 г. Московское общество подвергало обструкции действия комиссии, так или иначе направленные на утверждение государственного управления в части исследования и сохранения древностей. Со свойственной графине безапелляционности, она видела в действиях комиссии лишь «бессилие <...> следить за всеми делающимися в государстве открытиями <...> что и заставляет ее, вероятно, негодовать на деятельность ученых обществ, видеть в них не помощников в движении русской науки, в изучении и расследовании страны, а только более счастливых соперников, которых она и решила, по возможности, уничтожить или, в крайнем случае, подчинить своей власти»¹⁴.

Полемика на тему регламентации археологических исследований достигала такого накала, что не ограничивалась корпоративным обсуждением проблемы, а выплеснулась на страницы широкой печати. В двадцатых числах марта 1888 г. на страницах петербургского суворинского «Нового времени» вышли статьи, поддерживающие действия комиссии. Судя по тому, что они появились через несколько дней после полемики в РАО и содержали традиционные для Археологической комиссии аргументы, выступление газеты произошло не без ведома А. А. Бобринского. С журналистским задором анонимный автор писал о «новой

¹² РА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 181. Л. 6–7.

¹³ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 14. Л. 9.

¹⁴ Там же, 12–12об.

эпидемии» раскопок. «Роют мужчины и женщины, молодые и старые, военные и статские, духовные и миряне, инженеры и фотографы, врачи и аптекари, купцы и дворяне, мещане и крестьяне, интеллигентные и безграмотные, каждый на свой лад и кто во что горазд. В одном месте городская дума отпускает деньги отставному солдату на разыскивание каких-то приснившихся ему кладов, в другом устраивается компания на паях для добывания в курганах древних сокровищ, в третьем — не довольствуются раскапыванием доисторических могил и разворачивают христианские гробницы прошлого столетия, в четвертом — рассылаются гонцы чуть-ли не по всей России для добывания во что бы то ни стало курганных древностей всех веков и видов, лишь бы всего было побольше. Словом, эта курганомания, не имеющая ничего общего с кургановедением, обуяла всех точно какая-то эпидемия, принявшая такие размеры, что невольно подумаешь о последствиях ее... Весьма понятно, что наша археологическая комиссия не может оставить без внимания зловредного влияния курганомании и озабочена изысканием мер к ее ослаблению»¹⁵. Газета справедливо утверждала: «Научная необходимость такой регистрации и централизации сведений об археологических находках едва ли нуждается в подобных доказательствах и для тех даже, кто не посвящен в тайны науки о древностях». Автор статьи не оставил без внимания и критиков ИАК. «Комиссию заподозривали в желании не только установить какую-то опеку, но и пожинать плоды чужого труда. Нашлись даже ученые общества, которые усмотрели в распоряжениях комиссии посягательство на их деятельность и права. Тут, однако, повторилась история, обычная в таких пререканиях. Ратуя за права, совершенно забывали про обязанности, налагаемые правами. Всячески пользоваться государственным достоянием, т.е. производством раскопок на казенных и общественных землях считается позволительным, а отдавать правительству отчет в этом признается излишним»¹⁶. В данном случае особо привлекает внимание стремление «Нового времени» утвердить в общественном сознании восприятие отеческих древностей как государственного достояния, что требовало и адекватного к ним отношения.

Упомянутые «ученые общества», под которыми в первую очередь подразумевалось МАО, не могли смолчать. Московская газета «Русские ведомости» 31 марта 1888 г. публикует статью «Административная опека над наукой», подписанную неким Z. Автор статьи жестко критикует действия ИАК, которые, по его мнению, направлены на ущемление прав научных обществ. «Все ученые общества, трудящиеся уже столько лет над исследованием старины и внесшие в русскую археологию столь много нового и ценного, признаются внезапно незрелыми, некомпетентными и подчиняются якобы в интересах науки, стеснительному контролю административного учреждения, смело принимающую на себя крупную роль руководителя всеми археологическими изысканиями в России». Приводя многочисленные научные заслуги обществ, в том числе МАО, автор утверждал, что комиссия, не желая с ними сотрудничать, «стремится стать департаментом археологии, подчинить науку своей опеке, понаделать из археологов чиновников особых поручений». Московская газета не удержалась и от язвительных замечаний в адрес столичного чиновного мира. «Петербургскому учреждению может быть

¹⁵ Новая эпидемия 1888, 2–3.

¹⁶ О мерах против курганомании 1888, 2.

и естественны такие бюрократические вожеления, но от правительства зависит поставить их в должные пределы»¹⁷.

Археологическая комиссия, стараясь донести свои резоны, посчитала необходимым выступить на страницах московских газет, дабы донести свое видение проблемы до жителей первопрестольной. «Русские ведомости» публикуют краткое письмо В. Г. Тизенгаузена, в котором автор вновь стремился объяснить действия комиссии желанием «установить законный порядок в исследовании курганов и городищ», а сетования на нее лишь «прикорбным недоразумением». Но при этом «Русские ведомости» сопроводили это письмо обширными анонимными комментариями, в которых иными словами повторяющие выдвинутые ранее обвинения в адрес ИАК. Появились и новые аргументы. «Централизация всяких археологических раскопок в одном столичном учреждении представляет особенные неудобства у нас в России, занимающей такое обширное пространство. Покуда с Урала, Кавказа, Сибири придет в Петербург ходатайство о дозволении раскопок в известном месте и получится (может после долгих разъяснений) надлежащее разрешение, может пройти много времени, в течение коего иногда самый памятник (курган или городище) будет распахан, расхищен и разрушен»¹⁸. Вот откуда происходят звучащие уже скоро полтора века обвинения в адрес порядка выдачи Открытых листов!

Не остались в стороне и «Московские ведомости», выступившие против «нашего эксцентричного (по географическому положению) центра», не замечающего научных достижений научных обществ. Автор, скрывавшийся под псевдонимом «археолог-легитимист», язвил: «Как, в самом деле, было бы хорошо централизовать в Петербурге всю науку; доктора, говорят, в прошлом году хотели ходатайствовать о центральном управлении по делам сумасшедших, мы бы устроили там археологический центр; авось бы и мне там перепало местечко археологического, а может быть и действительного археологического советника»¹⁹. Подобные выпады весьма далеки от рациональной полемики, даже принимая в расчет журналистский азарт.

На защиту Археологической комиссии пришлось вновь выступить петербургскому «Новому времени», которое московская пресса успела объявить «ярким защитником притязаний комиссии». Стремясь дезавуировать представление о якобы массовом неприятии научными обществами требований ИАК, газета писала: «целесообразность такой опеки, вполне оправдывается, между прочим, и состоявшимся на днях решением Русского археологического общества признать в комиссии официальный археологический центр для сосредоточения в нем всех формальных сведений о деятельности по открытию памятников»²⁰. В отличие в московских оппонентов, «Новое время» стремилось более использовать не полемические, а рациональные аргументы, утверждая археологические «коллекции государственными», чтоб требовало государственного учета и хранения. Газета ссылалась на зарубежную практику — аналогичные «распоряжения прусского и баварского правительства по охранению отечественных древностей». Особо

¹⁷ Административная опека над наукой 1888, 4.

¹⁸ Русские ведомости 1888, 1.

¹⁹ Поход против новой эпидемии 1888, 6.

²⁰ Еще о курганомании 1888, 2–3.

подчеркивалась необходимость создания единого центра хранения археологической информации. «В настоящее время, если кто-либо, интересующийся отечественной археологией, пожелает получить сведения о курганных находках известной местности, тот обречен на поездки, расспросы, поиски на месте, часто совершенно бесплодные. Едва ли десятая часть отчетов по производящимся раскопкам печатается и может быть напечатана...»²¹ Последние аргументы не потеряли актуальности в наши дни.

Полемика о правилах проведения археологических раскопок шла и в кругах близких самой Археологической комиссии. Д. Я. Самоквасов, член-корреспондент ИАК с 1886 г., писал в Москву антропологу А. П. Богданову в мае 1888 г.: «Душевно благодарю Вас за присылку “Русских ведомостей”, с прекрасными статьями, направленными против стремления Археологической комиссии захватить в свои руки административную опеку над материалами русской археологии. Если эти статьи не будут иметь действия где следует и будет издан закон, какого добивается Археологическая комиссия, то нашим ученым обществам и отдельным их членам останется только английский способ действия: на предстоящем археологическом съезде в Москве мы устроим особое заседание, посвященное определению отношения ученых к новому закону, протокол которого затем напечатать в газетах и сообщим министрам и государю... Конечно, объединение научных археологических изысканий желательно, но оно возможно только на основании взаимного согласия между учеными обществами и на правах полного их равенства»²²,²³. Однако, вопреки амбициозной позиции МАО и ее руководителя, на VIII археологическом съезде в Москве в 1890 г. никаких вопросов относительно прав Археологической комиссии не поднималось.

Несмотря на критику, прозвучавшую в адрес инициатив Археологической комиссии, высочайший указ 11 марта 1889 г. однозначно предоставлял «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в империи <...> Императорской Археологической комиссии».

В целом археологическое сообщество приняло Высочайшее повеление 1889 г., лишь П. С. Уварова продолжала яро оспаривать новые реалии. Уже 3 апреля 1889 г., менее чем через месяц после императорского указа, в Москве происходит распорядительное заседание МАО, на котором П. С. Уварова была избрана делегатом на проводимое Археологической комиссией в Петербурге совещание «по упорядочению дела открытия сохранении памятников древности». В преддверие этого мероприятия МАО выработало требования, которые должны были лечь «в основании возможного соглашения между комиссией и Московским археологическим обществом». Главным из них было сохранение права самостоятельно производить археологические раскопки и только «сообщать о сем комиссии для сведения, с указанием местности, где оне будут производиться и лица, которому оне поручены»²⁴. Прасковья Сергеевна пыталась реанимировать положения, ранее высказывавшиеся Русским археологическим обществом и отвергнутые в указе 1889 г. Неудивительно, что реализовать эти требования графине не удалось.

²¹ Новое время 1888, 1.

²² Подчеркнуто автором письма.

²³ Щавелев 2007, 121–122.

²⁴ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 14. Л. 15–16об.

Графиня была не из тех людей, которые после первой неудачи складывают оружие. Во второй половине 90-х годов П. С. Уварова развернула активную кампанию по пересмотру устава возглавляемого ей общества с целью закрепить в нем право самостоятельно проводить раскопки без контроля со стороны Археологической комиссии. Хотя императорский указ об образовании Московского археологического общества недвусмысленно предписывал министру просвещения утвердить устав общества «с распространением на оное всех поставленных в законе правил об отыскании предметов древности на землях казенных и общественных»²⁵. Но и этот шаг П. С. Уваровой не нашел положительного ответа благодаря однозначной позиции Императорской Археологической комиссии²⁶.

В 1898 г. П. С. Уварова в своем обращении к императору Николаю II в связи с 34-летним юбилеем МАО вновь ходатайствовала о даровании Обществу права «производить наравне и независимо от Императорской Археологической Комиссии археологические исследования и раскопки повсеместно в Империи...»²⁷. Ответ министра императорского двора барона Фредерикса гласил, что «Его императорскому величеству благоугодно было повелеть: рассмотрение изложенного в упомянутой записке ходатайства названного общества отложить впредь до личных его величества указаний по сему предмету»²⁸. Это был вежливый, но недвусмысленный отказ.

В том же году П. С. Уварова обратилось с жалобой к Министру внутренних дел И. Л. Горемыкину о «принятии энергичных административных мер против систематического похода немецких ученых на Кавказ», которые ведут к тому, что «все древности Кавказа быстро уйдут за границу». По мнению графини, Археологическая комиссия не предпринимала никаких реальных мер к пресечению вывоза находок за рубеж. И. Л. Горемыкин, сообщая П. С. Уваровой о сути обсуждения ее письма с императором, А. А. Бобринским и другими заинтересованными лицами, дезавуирует обвинения графини. Более того, министр обвиняет Московское археологическое общество в нарушении действующего законодательства. «У нас же, к сожалению, не мало способствует удачной деятельности иностранных археологов отсутствие строго внутреннего порядка по надзору за памятниками. Так, то самое Московское археологическое общество, которое ныне требует строгого контроля, систематически уклоняется от подчинения высочайше установленному порядку и не испрашивает у Императорской Археологической комиссии надлежащих открытых листов для производства своих исследований на землях казенных и общественных...

...я вместе с тем циркулярно предложил всем губернаторам принять зависящие от них меры к недопущению на будущее время производства археологических раскопок на казенных и общественных землях, без надлежащих разрешений от названной комиссии, как частным лицам, в особенности иностранцам, так равно членам и сотрудникам археологических обществ, хотя бы последние и получали от Правительства субсидии на археологические исследования.

О вышеизложенном считаю долгом просить Ваше сиятельство поставить

²⁵ ПСЗРИ 1867, 888.

²⁶ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 14. Л. 9–9об; 1900. Д. 174. Л. 41.

²⁷ РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 об.

²⁸ Там же, 7, 7об.

в известность состоящее под председательством Вашим Императорское Московское археологическое общество, для имения в виду при производстве предпринимаемых обществом раскопок с археологической целью»²⁹. Что и говорить, ответ более чем жесткий.

Хоть Московское археологическое общество долее всех фрондировало своим отношением к Археологической комиссии, но и оно вынуждено было запрашивать в Петербурге Открытые листы. Неумный характер графини П. С. Уваровой проявился в том, что МАО продолжало выдавать Открытые листы на право раскопок на частных землях. Последний подобный Открытый лист был выдан обществом в 1917 г. И. Я. Стеллецкому на работы в Трапезунде³⁰.

Наряду с фрондой некоторых научных обществ, комиссия имела проблемы со множеством дилетантов-любителей, что вызывало не всегда благостные отношения с губернаторами. В борьбе с незаконными раскопками ИАК неоднократно обращалась «к г.г. министрам: Императорского двора, Внутренних дел, Путей сообщения, Юстиции и к г. Обер-Прокурору Святейшего Синода, а так же к другим начальствующим лицам с ходатайствами о подтверждении подлежащим властям о строгом исполнении высочайшего повеления от 11 марта 1889 г.»³¹ Особо были информированы военные губернаторы областей и начальники губерний, которым «во множестве экземпляров» были разосланы образцы «установленной формы открытых листов <...> для вручения для сведения уездным начальникам и исправникам»³². Но далеко не всегда местные власти относились с должной ответственностью к подобным просьбам.

С ходатайствами под тем или иным предлогом разрешить раскопки к А. А. Бобринскому обращались помещики, чиновники, купцы, мещане, крестьяне, даже «персидско-подданные» и «турецко-подданные», желавшие произвести раскопки курганов на Кавказе³³. Подобные обращения подшивались в ежегодные дела с наименованием «С ходатайством кладоискателей о разрешении им производства раскопок», которые достигали значительного объема. Дело 1891 г. включало 185 листов, 1897 — 182 листа, 1914 — 162 листа. Даже начавшаяся война не пресекла поток подобных обращений. Дело 1916 г. состояло из 77 листов. Подавляющее большинство подобных ходатайств отклонялось. Иногда ИАК запрашивало мнение местных органов — комиссий и обществ. В особых случаях комиссия обращалась в полицейские управления, дабы пресечь незаконные раскопки, а нередко и к начальникам губерний. По некоторым вопросам переписка затягивалась на годы.

В июне 1891 г. в комиссию поступило прошение от двух крымских жителей, которые сообщали, что они уже 11 лет занимаются раскопками, «разыскивая разные древности и минералы» и предлагают провести раскопки «на земле, принадлежащей городу Симферополю к отысканию клада <...> раскопку можем произвести за свой счет без всякой помощи со стороны правительства»³⁴. Ходатаи,

²⁹ РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³¹ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 174. Л. 9.

³² Там же, 8.

³³ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 2. Л. 105.

³⁴ Там же, 94.

как доказательство своего профессионализма и законопослушания приложили к обращению примечательный документ — «Открытый лист Симферопольской городской управы за № 3362» следующего содержания:

«Выдан из Симферопольской городской управы ялтинскому мещанину Сергею Джеванову и симферопольскому мещанину Менгли Амет Менгли Али оглу, в том, что на основании 430 ст. 1 ч. X т. им разрешается, совместно, проводить раскопку на городской выгонной земле для отыскания клада. С соблюдением всех существующих по сему предмету правил. Октября 10 дня 1879 года»³⁵.

Подобное своеволие не могло остаться без внимания Археологической комиссии, которая обратилась к Таврическому губернатору с письмом, в котором содержалась просьба «приказать объявить двум лицам, проживающим в 3й части г. Симферополя, в Цыганской слободке, что просьба их уважена быть не может». Комиссия также просила губернатора «потребовать от Симферопольской городской управы сведения о том, на каком основании ею выдан упомянутый открытый лист за № 3362, где оба означенные лица до сих пор производили раскопки, кому управа поручила наблюдения за ними, какие именно древняя вещи ими найдены и куда эти вещи поступили»³⁶.

Губернатор думал над проблемой более года и лишь в августе 1892 г. сообщил, что в деле Симферопольской городской управы не имеется никаких сведений о результатах раскопок, разрешенных ею в 1869 году³⁷. На эту чиновную отписку последовало незамедлительное письмо комиссии, в коем требовалось дать ответы на ранее поставленные вопросы. Губернатор не торопился с ответом и на этот раз. Археологическая комиссия в конце февраля 1893 г. вынуждена была напомнить об обращении, прося «почтить ее уведомлением на отношение от 17 августа 1892 г.». Губернатор удосужился ответить только в декабре 1894 г., сообщив, что раскопки фигурантами давно прекращены, а наблюдавшие за ними представители городской управы «года два, как умерли». Но, отступая перед упорством комиссии, губернатор распорядился расспросить раскопщиков, которые сообщили, «что нашли несколько штук глиняных кувшинов и чашек татарской работы, причем часть найденного они тогда же раздали своим знакомым, а часть разделили между собой, однако за давностию времени <...> ни одной вещи не осталось»³⁸.

Археологической комиссии понадобилось более трех лет, чтобы добиться какой-либо внятной реакции местной власти по явному нарушению действующих правил. И это не единичный случай в практике комиссии.

Археологической комиссии для утверждения авторитета единой системы Открытых листов приходилось преодолевать не только инертность местной власти, но и непонимание своих коллег по археологическому сообществу. Пространные цитаты из переписки Археологической комиссии и Московского археологического общества с государственными мужами иллюстрируют мнение правительственных чиновников и императора, стоявших на позиции государственного начала в области регулирования полевой археологической деятельности и использования археологического наследия страны. Осознанно или нет, но они продвигали па-

³⁵ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1891. Д. 2. Л. 99.

³⁶ Там же, 97.

³⁷ Там же, 99.

³⁸ Там же, 101–102.

радигму государственной ответственности за сохранение древних памятников на территории страны, вызывая на себя огонь критики многих авторитетных ученых, ставящих на первое место лишь научную целесообразность раскопок. Императорским правительством посредством Археологической комиссии были заложены основы системы, действующей в отношении археологических исследований вплоть до наших дней. Что же способствовало утверждению на столь долгие годы института археологических Открытых листов, выдержавших испытание революциями, гражданской и двумя мировыми войнами, трехкратным изменением государственного строя России?

Понятие «Открытый лист» до 1917 г. было широко распространено в чиновном мире страны. Под этим названием понимались разнообразные документы, выдаваемые в доказательство полномочий на период выполнения того или иного поручения. Открытые листы выдавал путешественникам российский МИД, П. С. Уварова спрашивала Открытые листы на право пользоваться земскими лошадьми. Но до наших дней дожил только археологический Открытый лист.

Повсеместное утверждение Открытого листа на право археологических исследований проще всего было бы объяснить авторитетом императорской власти — именем Александра III, утвердившего подобный документ, и Николая II, много сделавшего для его укоренения в повседневной практике. Но в России далеко не все указы власти принимаются к неукоснительному исполнению. А после 1917 г. самодержавные истоки документа скорее могли способствовать уничтожению этого «наследия кровавого режима». Но этого не произошло.

Надо думать, что помимо несомненного рационального начала, содержащегося в идее государственного контроля над археологическими исследованиями, совпавшего с идеей повсеместной централизации управления как в императорское время, так и при советской власти, главную роль сыграл авторитет ученых, которые служили в Археологической комиссии или являлись ее членами, поддерживавших это начинание. Авторитет известнейших российских ученых, заложивших основы отечественной археологии. Недаром, понимая необходимость повышения научного авторитета комиссии для успеха ее начинаний, А. А. Бобринский 24 апреля 1888 г., менее чем за год до известного указа, добился у императора права «избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в звание сверхштатных членов комиссии и членов-корреспондентов», что позволило «привлечь, к достижению научных целей комиссии, многих известных ученых, членов археологических и других обществ и частных лиц, занимающихся серьезно научными трудами по археологии».³⁹

При всех амбициозных устремлениях П. С. Уваровой и ее сторонников им трудно было спорить с плеядой авторитетных оппонентов. С А. А. Бобринским, заслужившим уважение своими исследованиями курганов юга России. Не меньшим авторитетом пользовались В. Г. Тизенгаузен и И. И. Толстой, замещавшие председателя. Членами комиссии являлись Н. П. Кондаков, авторитет которого не подвергался никакому сомнению, академики Л. Э. Стефани, А. А. Куник, В. В. Латышев, почетный член академии наук В. В. Стасов, известные ученые Н. И. Веселовский, Б. В. Фармаковский. Среди членов-корреспондентов комиссии можно

³⁹ РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 174. Л. 4об–5.

назвать В. В. Радлова, А. С. Лаппо-Данилевского, В. К. Мальмберга, А. К. Маркова, Ю. Б. Иверсена. Этими именами далеко не исчерпывается когорта известных ученых, поддерживавших своим авторитетом высокий статус Императорской Археологической комиссии и ее действия в части регламентации научных исследований.

После 1917 г. новые поколения ученых, освещавшие своим авторитетом традицию единых для всей страны Открытых листов, помогли сохранить эту уникальную систему, сделавшую Россию страной, имеющей единый фонд документов об археологических исследованиях более чем за вековую историю их проведения.

ЛИТЕРАТУРА

Административная опека над наукой 1888: Административная опека над наукой // Русские ведомости. 89, 4.

Щавелев С. П. (ред. и сост.) 2007: Археология, история и архивное дело // Археология, история и архивное дело в переписке Д. Я. Самоквасова (1843–1911). Курск.

Еще о курганомании 1888: Еще о курганомании // Новое время. 4351, 2–3.

Новая эпидемия 1888: Новая эпидемия // Новое время. 4336, 2–3; 4363, 1.

О мерах против курганомании 1888: О мерах против курганомании // Новое время. 4339, 2.

Поход против новой эпидемии 1888: Поход против новой эпидемии // Московские ведомости. 91, 6.

ПСЗРИ 1840: Собр. 2. Т. XIV. № 12985. СПб.

ПСЗРИ 1861: Собр. 2. Т. XXXIV. Отд. 1. 1859. № 34109. СПб.

ПСЗРИ 1967: Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. I. 1864. СПб.

Русские ведомости 1888: 103, 1.

“TO RECOGNIZE THE IMPERIAL ARCHEOLOGICAL COMMISSION AS A GOVERNMENTAL CENTER”

A. S. Smirnov

The article on the basis of archives data displays the activities of the Imperial Archeological Commission concerning establishing in Russia universal rules about excavation. These rules were put into practice through the system of Open lists. At this point the Archeological commission had to overcome both lack of understanding on the part of colleagues and inertia of local authorities. Traditionally, the idea of the centralized issuing of Open lists is due to A. A. Bobrinsky. But similar proposals were made by some provincial archeologists as far back as 1886, Turvont Kibalchich, antiquarian from Kiev, among them. He also advanced other changes concerning the activity of the Archeological commission. Heated debate about the commission's sole right to issue Open lists raged not only in archeological societies but found its way into newspapers as well, which testifies that enlightened Russian society did not regard it as an exclusively professional problem but considered it to be an attempt both to limit the rights of scientific societies by establishing state control of their fieldwork and to impinge upon property rights of local administrations and landowners.

Key words: the Imperial Archeological Commission, Open lists, Moscow Archeological society, Russian Archeological society.

© 2011

И. В. Антонов

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК ПАМИРО-ФЕРГАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
РАИЛЯ ГУМЕРОВИЧА КУЗЕЕВА

Статья посвящена введению в научный оборот материалов полевого дневника Раиля Гумеровича Кузеева, участвовавшего в 1952 году в работе Киргизского отряда Памиро-Ферганской этнографической экспедиции под руководством С. М. Абрамзона. Р. Г. Кузеев изучал культуру и быт жителей села Дархан Покровского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР. В дневнике автор рассказывает о своей работе и делится своими наблюдениями о природе изучаемого края, занятиях населения, его материальной и духовной культуре, родоплеменной организации и общественной жизни. Особое внимание автора обращено на общие явления в жизни и быте киргизов, казахов и башкир. В экспедиции в Киргизию Р. Г. Кузеев приобрел навыки полевой этнографической работы, что способствовало его становлению как известного ученого.

Ключевые слова: Раиль Гумерович Кузеев, этнографическая экспедиция, Киргизия, киргизы, село Дархан, Иссык-Куль, Тянь-Шань.

В 1951–1954 гг. будущий известный ученый Раиль Гумерович Кузеев обучался в аспирантуре Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва). А. М. Решетов отмечал, что в аспирантские годы Р. Г. Кузеев познакомился со многими ведущими учеными. «Особенно тесные, дружеские отношения сложились у него с Саулом Матвеевичем Абрамзоном, под руководством которого аспирант Р. Г. Кузеев в составе Киргизской комплексной экспедиции прошел на Тянь-Шане полевую этнографическую практику»¹. Раиль Гумерович вспоминал, что в начале 50-х годов «этнография постепенно переходит на изучение современности. В те годы чрезвычайно модным стало изучение культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса». «Мне самому пришлось участвовать в подобной экспедиции, когда мы изучали культуру и быт населения с. Дархан Пржевальского района в Киргизии»². Рассказывая о своих наставниках, Р. Г. Кузеев отмечал: «А в экспедициях моим учителем был С. М. Абрамзон. Я считаю, что мне очень повезло: в 1952 г. меня включили в состав Тянь-Шанской экспедиции и в течение 3,5 месяцев я собирал полевые материалы среди киргизов и дунган»³. «С. М. Абрамзон, безусловно, очень сильно на меня повлиял». «Именно он терпеливо учил меня собирать материалы по социальной организации кочевнических культур и родоплеменным структурам. С. М. Абрамзон был педант, он учил меня аккуратно все записывать и непременно карандашом, чтобы в случае чего записи не пострадали от дождя и влаги». «В составе экспедиции работали и другие опытные полевики, например Е. И. Маслова. Под ее руковод-

Антонов Игорь Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: igan73@yandex.ru

¹ Решетов 2006, 5–6.

² Кузеев 2000, 9. Здесь ошибка: имеется в виду Покровский район Иссык-Кульской области Киргизской ССР.

³ Кузеев 2000, 11.

ством я занимался материальной культурой. Она учила меня снимать планы жилища, усадьбы, поселения»⁴.

Материалы, собранные Р.Г. Кузеевым, были использованы при написании глав по истории, материальной культуре, семье и семейному быту коллективной монографии «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан»⁵.

В Научном архиве Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН имеется полевой дневник Р.Г. Кузеева, в котором начинающий ученый рассказывает о своих впечатлениях в этнографической экспедиции на Тянь-Шане. Дневник представляет собой стандартную форму дневников Академии наук СССР. На титульном листе под грифом АН СССР указан 1952 г., обведенный красным карандашом. В графе «Название экспедиции» красивым старательным почерком записано «Памиро-Ферганская». В графе «Название и № отряда» записано «Киргизский отряд». Дневнику присвоен № 1. Фамилия, имя, отчество исследователя — Кузеев Раиль Гумерович. Указывается, что дневник начат 25 июля, дата окончания не указана. В дневнике имеются записи, датированные 25, 26, 28, 30, 31 июля, 2, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 14, 15 августа.

В дневнике заполнены 33 листа. На листах 1–21, 27–33 имеются записи фиолетовыми чернилами, на листах 9, 22–27 — записи простым карандашом. Записи велись бегло, текст с трудом поддается расшифровке. Эти записи свидетельствуют о необычайно широком кругозоре начинающего исследователя. Ничто существенное не осталось вне его внимания. Автор делится своими впечатлениями о природе изучаемого края, быте и нравах его жителей, их материальной культуре и даже о работе партийной и комсомольской организации. Мы не рискнули изложить эти впечатления своими словами, поэтому приводим текст дневниковых записей Р.Г. Кузеева. Текст дается без сокращений и стилистической обработки.

25/VII. По стечению обстоятельств дневник начинаю позже, чем полевые записи. Итак, 25/VII наша экспедиция приехала в село Дарханы, где и намечена работа. Передо мной стоит задача собирать материал по вопросам социально-экономических отношений в киргизском ауле в прошлом, вопросам истории и родоплеменных отношений и вопросам современной общественной жизни. Однако кроме этих официальных задач, я имею в виду кое-что другое. Меня в частности интересует вопрос общности языка, культуры, быта, общественного строя (я имею в виду формы родоплеменной организации у кочевых тюркских народов) киргиз, казахов с башкирами. Я хочу получить ответ на вопрос — тяготеют ли башкиры своей культурой, бытом, языком, структурой общественного строя в прошлом к востоку — к киргизам, к казахам, или к западу — татарам, а может уграм. После первых же впечатлений ясно, что ответ на вопрос получить не легко, и он не будет кратким. Во-первых, казахи. Их я видел из окна вагона и с одним казахом-стариком разговаривал в тамбуре вагона, когда тот ехал с одного полустанка на другой. Начать с того, что речи об общности культуры, быта, языка не может быть, а можно говорить лишь об общих чертах в материальной культуре, быте, нравах, языке и т. д. этих народов. Трудные степные условия, жара, бесплодные пространства, в каких живет казах, незнакомы башкиру. Все эти условия про-

⁴ Кузеев 2000, 11. Здесь ошибка: имеется в виду Елена Ивановна Махова (см.: Решетов 2009, 15).

⁵ Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов 1958, 10.

изводства во многом зависят от природных условий, а от производства, его типа зависят и материальная культура и многое другое. У казахов сохранились еще юрты, а дома, как правило, саманные. Последние так низки, что похожи на грибы, которые только что выросли из земли и не хватает лишь дождя, чтобы они росли как на дрожжах. Но дождя не будет. У башкир саманные постройки весьма редки, а юрта постепенно исчезает вовсе. Башкирские постройки главным образом бревенчатые, с чем незнаком степной казах. Башкиры пахут землю, сеют, а у казахов земли орошаются. Уже одно это говорит о различии орудий производства у тех и других. Но когда основным занятием казахов и башкир было скотоводство, то ясно, что и общности в культуре этих народов было гораздо больше. Следовательно, чем глубже в десятилетия мы будем спускаться в поисках общности в культуре, быте... казахов и башкир, тем большая удача будет сопутствовать нам.

Что касается языка, то старика-казаха я понимал плохо. И в языке различия значительны, правда, здесь различия идут в основном по линии фонетической. Что касается киргизов, то здесь различия, пожалуй, идут еще дальше. Природные условия в смысле благоприятности, удобств для экстенсивного зернового и животноводческого хозяйства примерно одинаковы в Приуралье и долинах Киргизии. Но на этом параллели могут быть прекращены. Да и тут, пожалуй, есть разница. Города-сада, как Фрунзе, величественных небесных гор, история которых покрыта сединами подобно их вершинам, изумительного по красоте Иссык-Куль, описать чудеса которого не хватит слов — всего этого нет, конечно, в Приуралье. Вообще Тянь-Шань, ее пейзажи — это надолго запоминающаяся картина. Во Фрунзе меня удивило лишь одно — нет ни одного окна, где бы не было крепкой железной решетки. Села в Киргизии — это оазисы, радующие глаз поэта раннею своей густой зеленью. Дома довольно большие, аккуратные, обыкновенно с дуванами. Ничего общего, конечно, с башкирскими постройками нет. Что касается обычаев киргиз, то здесь общность в быте интересующих меня тюркских народов определяется мусульманской религией. За пределами ее идут уже различия. Таковы, например, похоронные обряды, кои я имел удовольствие наблюдать. В полевых записях это зафиксировано. Но, будем наблюдать, посмотрим, что дальше.

Вчера проехали Пржевальск⁶ — зеленый город с убогими домами, с удивительно бедным музеем и не по-восточному маленьким базаром. Самое яркое впечатление от Пржевальска — это маленький раздел о Пржевальском в маленьком музейчике. Сам отдел, конечно, оставляет желать много лучшего, но глубокое впечатление производит поистине великая и достойная примера и подражания замечательная жизнь этого мужественного человека, если даже таковая показана слабо. Это человек, которых называют Большими людьми — человек с широкой, настоящей русской натурой, душой, куда вмещается вся вселенная, умом — гибким, удивительно острым. Такими гордится народ.

В Дарханы приехали после обеда. Хорошо встретили киргизы! Просто, гостеприимно, с готовностью во всем помогать нам — так, как может встретить только народ.

Сегодня 26/VII. Ездили обозреть старые мазары на кладбище. Есть мазар некоего Карга, похороненного не то 100, не то 130 лет назад, а, скорее всего, поз-

⁶ Ныне г. Каракол, центр Иссык-Кульской области.

же. Карга из рода Куручпек, завещал похоронить себя в долине, когда не было еще Дархан. Сейчас в Дарханах живут около 100 дворов — потомков этого Карга.

Но гораздо больше впечатления производит Иссык-Куль, где мы были. Вода прозрачная и подобно хрусталию поблескивает под лучами уже вечернего солнца. Берег и дно словно выложены самоцветами — это красивые гранитные, мраморные или просто каменные гальки, веками облитые, обглаженные соленоватой водой Иссык-Куля. А вода прозрачна, светла, голуба, как небо, и, когда смотришь вниз на глубину двух и более метров, переливаются, играют, словно янтарные бусы, разноцветные гальки каменистого дна озера. А оно такое широкое, беспредельное, что страшно хочется взглянуть хоть глазком — что там, вдали, за озером, за синеватой грядой грозных, величественных небесных гор. Но... лишь ласковая мягкая нежная, чуть прохладная вода, волнами набегая, ласково оmyвает тебя, словно вознаграждая за то, что не может показать дно, что скрыто под сказочно сине-голубой долиной ее вод и за седыми вершинами тысячелетних гор, которые как золотое ожерелье обвивают нежную шею Иссык-Куля. Хорошо!!

Заезжаем в юры, стоящие неподалеку от озера. Гостеприимный народ — киргизы. Не успели войти в юрту — тут и кумыс, и вежливый разговор, где киргизы удовлетворяют свое по-детски редкостное любопытство. А в юрте и кошмы, и разноцветные селге⁷, и узорчатые створчатые двери — здесь все этнографическое (какие прозаические слова выдуманы для обозначения искусства и мудрости народной).

Потом на бричках, лениво едем домой, где ждет нас обед.

Вечером был и наблюдал похоронные обряды киргиз. Это записано в тетради наблюдений, но там не запишешь того, как искренне и трогательно переживают киргизы смерть своего ближнего. Слезы, причитания, особенно у мужчин — этого я у башкир не видел, но это не значит, что у них этого нет: я плохо знаю.

28/VII. Как-то само собой получилось, что я вместе с Зайнахом начал работать по генеалогиям. Вчера, сегодня были у стариков — Чуркеева, Кунакбаева (киргизы), Хайруллина (ногаи) и пытали у них (буквально пытали) родословные различных семей, истории ру, села Дарханы и другие вопросы истории. Все это записано в тетради.

У меня пока такие впечатления создались о формах родоплеменной организации киргизов и опять-таки башкир. Есть нечто общее, которое проистекает, видимо, от кочевого образа жизни тех и других в прошлом. Ру у киргизов у башкир соответствует ара. Это родовое образование, которое подразделяется на ряд семейно-родственных групп. Но не ясно пока соотношение между ру, уруком и аилом.

У башкир, например, термином аил часто называется семейно-родственная группа, причем чаще, когда таковая образуется в пастбищно-кочевую группу. Аил в этом смысле может включать и членов других ру и имеет свою определенную территорию. У киргизов аил, кажется, совпадает с понятием ру, причем не крупным ру вроде Джельден, а Куручпек, Темир, Тойчу и т. д.⁸ Урук и ру часто меня-

⁷ Полотенце.

⁸ Подразделение джельден состояло из нескольких мелких родственных групп: кюрючпек, итийбас, тойчу, ак-кюп, темир, кедей, койке и теит (Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов, 14).

ются местами. Но, кажется, если Джельден — ру, то Куручпек — урук. Об определенной территории ру информаторы ничего не говорят.

Вечером был у татарина Хайбуллина — по-татарски и разговаривать не умеет.

30/VII. Вчера, сегодня работали с Садыком Дюркембаевым и Бешембаем Дюркембаевым. Умные и знающие старики. Составили вместе с ними гигантскую генеалогию, где довольно точно установили происхождение всех ру в Дарханах и Чичкане. Я начинаю убеждаться, что составление генеалогий не такое уж бесплодное дело, как меня пытались убедить в Москве и Уфе некоторые работники. При помощи родословных можно работать над формами родоплеменной организации, брачных отношений, вопросами родоплеменного расселения, этногенеза, разложения родоплеменной организации. Конечно, ни на один из этих вопросов они не дают и не могут дать сколько-нибудь исчерпывающего ответа, но если даже они дадут 20 % материала, то и тогда родословные заслуживают, чтобы ими занимались.

Бешембай — сказитель «Манаса». Под конец нашей беседы я попросил рассказать один раздел «Манаса» — о Семетее. Он охотно это сделал. Как вдохновенно, с силой, с чувством он пел бесконечные куплеты «Манаса» — этого хранилища народной мудрости. Народ, создавший такой монументальный эпос, как «Манас» может быть смело назван народом с богатой историей культуры. «Манас» — он вбирал в себя мудрость, красоту, поэтичность и мужественность природы Тянь-Шаньской, суровой, и в то же время лирически мягкую натуру киргизского народа. Тысячи мыслей, словно рой пчел, кружатся в голове, когда смотришь на 70-летнего Бешембая, несколько флегматичного, медлительного старика с потухшим взором, лениво перечисляющего на память имена родословной киргиз. Но вот он поет «Манас». Слова, красивые слова в стихах, словно бурлящий горный ручей рокочут в губах его. Как вдруг преобразовывается человек, как резко перерождает человека сила слова народного, мудрость народная, горе и счастье народные. Перед нами другой человек: сидит не старик, а юноша с гордым орлиным взором, не флегматик, а чабан с редкими, смелыми движениями. «Манас» бурлит в его губах, нет, не губах, а в душе, сердце его. Я представляю: сотни лет назад, голые скалы подставляют свои груди навстречу ветру, ледяные брызги горной реки тщетно точат гранит горы, высоко в небе парит беркут, острым глазом своим высматривая добычу. Над всем этим грустная, но смелая, протяжная, но широкая и мужественная песнь киргиза о своей родине, любимом народе своем. Это Семетей возвращается на родину из Бухары, чтобы начать великие творения, которые народ красивым стихом воспел в «Манасе». Ну, как не любить такой народ?

Садык и Бешембай рассказали много интересного и нужного. Все это ляжет на свое место в другой тетради. Я постепенно начинаю вникать в смысл истории и общественного строя кочевых народов. Интересная, увлекательная, смелая история! Но я лишь начинаю! Еще многое и многое нужно для полного уяснения картины. Что же! Придет и это со временем.

31/VII. Я ведь еще обязан заниматься современным общественным строем. Но мне кажется, что этот труд напрасно мне поручили. Не оттого, что мне не хочется, или это неинтересно. Нет, напротив! Но уж больно велика задача! Жизнь так разносторонняя и богата, так многообразна, что можно ли ее охватить? Надо

на Сырты⁹ ехать, там бурлит настоящая жизнь советских людей, общества, там жизнь — борьба, борьба за Сырты, за новое, за будущее.

Чтобы изучать жизнь общества, надо жить в нем, дышать одним воздухом, быть членом коллектива. Только так, а не иначе. А сидя в Дарханах, из бесед с секретарем парторганизации и другими членами актива, из ознакомления с диаграммами, планами — жизнь общества, ее суть и смысл узнать нельзя. Это теория, мечта, а теория и жизнь фактическая все-таки расходятся и намного, и приблизить, сроднить их — пока задача невыполненная.

Все-таки я начал работу по современному общественному строю, но только начал. Побеседовал с секретарем партийного бюро Байсымаковым, с секретарем комсбюро, с председателем сельского совета (женщина), составил планчик. Но все это начало.

Сегодня полдня работал по жилищу с Е.И.¹⁰, т. е. по материальной культуре. Довольно интересно, хотя и не очень. Интересно наблюдать людей — все они разные, по-разному принимают, по-разному и к нам относятся. И все-таки жизнь самих людей куда интересней, чем то, что они создали. Человек — это самое интересное существо.

Можно кратко записать, что укрощал осла, но неудачно. Не прошло и двух минут, как осел, на которого я взобрался, бодро скинул меня под дружный хохот собравшихся киргизок. Я опозорен ... и кем ... ослом. Такова судьба всякого, кто попытается иметь дело с таким глупым животным.

2/VII¹¹. Эти два дня почти только и занимался, что приводил в порядок результат двухдневной беседы с Бешембаем и Садыком. Много времени отняло перечерчивание гигантской генеалогии здешних родов, но зато получилась схема, по которой легко ориентироваться. Ближайшие теперь задачи установить: почему в пределах одних ру (Темир, Тойчу) браки запрещены (здесь это слово не подходит — не запрещены, а не приняты в обычай), а в пределах других ру (Итийбас, Куручпек) браки могут быть. Скорее всего, конечно, в поколениях, тогда надо узнать, в пределах каких поколений брак разрешался, и с каких пор и почему стали практиковаться браки внутри ру. Короче, заняться поближе брачными отношениями. Далее, почему многие жители относят свои ру к Джельден, когда как непосредственно в Джильден входит лишь Куручпек¹².

Есть еще целый ряд вопросов, которые остаются мне неясными. Что касается классового расслоения внутри киргизских ру в различные хронологические периоды, то перед этим я теряюсь вообще. Перед Октябрьской революцией здесь, скорее всего, было переплетение трех форм социально-экономических отношений — феодальной, патриархальной, капиталистической. Но если это так, то сно-

⁹ Обширные межгорные слабо всхолмленные долины, расположенные на большой высоте. Ценнейшие пастбища для отгонного животноводства, освоение которых в последние годы приняло широкие размеры (Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов, 8). Колхоз им. Ворошилова по праву считается одним из пионеров освоения сыртов в Прииссыккулье (Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов, 57).

¹⁰ Сотрудник Института этнографии АН СССР Е. И. Махова.

¹¹ По-видимому, ошибка, так как имеется в виду 2 августа.

¹² С. М. Абрамзон отмечает, что «джельденами стали называть не только прямых потомков самого Джельдена, но и потомков брата его отца и потомков его собственных братьев» (Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов, 14).

ва вопрос упирается в историю — когда, с какого времени — факты, факты. Еще не кончил обработку материалов. Чтобы наметить следующие задачи, надо скорее кончить обработку.

Был на Иссык-Куле. Как чудесно там! Сказочная красота. То на синей, то на голубой воде озера бриллиантовым блеском образуют сверкающую дорожку лучи уже заходящего солнца. А дорожка ведет куда-то в даль через озера, к горам, за которыми прячется солнце. Солнце уходит, но лучи его сверкают еще на гребнях волн, на ледяных вершинах гор, словно с силой цепляясь за этот мир, не желая уходить за мрачную громаду гор. Но вот еще мгновение и солнце покидает озеро, а оно, словно грустное и огорченное этим, мрачнеет и слетает веселый блеск с его лица. Только волны поют свою однообразную и навевающую грусть песню. В этом шуме волн — рассказ о тысячелетней истории, свидетелями которой были волны. Эх! Если бы на волны можно было сослаться как на исторический источник! Сказка! А солнце еще живет! Оно на вершинах гор. Но неумолимо время.

4/VIII. Здорово пополняются мои познания в области материальной культуры. Чувствует Е.И., что я пламенно отношусь к материальной культуре и вчера чуть свет повела меня к некой Бербаевой, которая работает на старинном ткацком станке ормэк. Неожиданно оказалось все интересно. Интересно не так сам процесс тканья, как старушка, очень добрая, милая, с удовольствием позировавшая Е.И.-е, которая щелкала затвором своего аппарата через каждые две-три секунды. Очень образно, просто и понятно она объяснила принцип работы на станке. С самого начала до получения курджула. После обеда вчера разговаривал с секретарем партбюро Байсымаковым и секретарем комсбюро Султаном. Взял у них нужные сведения о собраниях, количестве членов и т.д. Байсымаков производит впечатление довольно старательного, не глупого, с некоторой долей тщеславия человека, причем не пользующегося особым уважением односельчан. Быть может, это и было бы возможным, но здесь затмевает его мощная фигура башкармы¹³.

А Султан — хвастун, харя и добрый малый. Набивается бесцеремонно на съемку. Но чтобы изучить партийную и комсомольскую организацию колхоза, их работу, необходимо жить с ними. Но знакомство с руководителями не плохо. Оно дает кое-что.

Вчера прибыла вторая половина нашей экспедиции, и я сопровождал мужчин этой теплой компании на Иссык-Куль. Я постепенно превратился в нечто вроде переводчика и техническо-административного работника. Например, сегодня целый день — с утра до вечера ездил с Игорем Николаевичем¹⁴ и др. по «объектам» (как говорит Е.И.) и снимали. Сначала опиум¹⁵, потом комбайн, затем силосование. И везде роль моя сводилась к тому, что я, бодро покрикивая, удачно подставлял лица «объектов» под объектив и еще переводил кое-как на ломанный киргизский язык мудрые изречения членов нашей экспедиции.

Силосование рядом с озером и мы снова попали на озеро-сказку — «Иссык-Куль». Обрато нас сопровождали киргизские мальчики — какие лукавые и хитрые глаза у них. Они добродушно над нами подсмеивались — но я не совсем их

¹³ Имеется в виду человек при должности, функционер.

¹⁴ Фотограф И. Н. Бируков.

¹⁵ В Прииссыккулье возделывается культура лекарственного (опийного) мака (см.: Абрамзон, Антипина, Васильева, Махова, Сулайманов, 44–45, 56–57, 61–62, 65, 68–69, 72–74).

понимал и не мог отвечать. Т. е., мы явились жертвой их народного остроумия, а оно мудрое!!!

6/VIII. Если путем слов охарактеризовать мною бурную деятельность за эти два дня, то я искал карту. Дело в том, что территориальное расселение ру в любой хронологический период невозможно узнать, хотя бы без общего ознакомления с картой. Кроме того, мы имеем на руках статистические сведения по киргизским аулам за 1914 г. и без карты их невозможно расшифровать, вернее нельзя получить конкретных сведений по здешним конкретным ру. Нужна карта и я решил ее достать. А здесь достать трудно карту, пограничный район. С трудом я достал ботаническую карту (ну бог с ней!) и с помощью Ирины¹⁶ снял с нее копии. Не хочется писать детально, но если с помощью этой карты расшифрую здешние хозяйства в 1914 г. и определю их принадлежность к тому или иному ру, то анализ социально-экономической структуры киргиз за 1915–1916 гг. обеспечен. Попробуем! Опять сегодня съемка на опиуме. Впрочем, я мог бы быть и бригадиром — я так бодро распоряжаюсь.

8/VIII. Вчера набился на разговор некий заготовитель из Покровки — Халитов — татарин. Он рассказывает о чем угодно, только не о том, что надо. Пустой и ненужный нам человек! Но все-таки кое-что и интересное для меня он сказал. Сегодня занимался снова материальной культурой. Снимал план дома Уркалыма. Я все-таки недооцениваю материальную культуру. И план я и снял и начертил, но для чего это? Такое крохоборное занятие материальной культурой мне непонятно. Конечно, общее знание материальной культуры необходимо, но детально — ...я его не понимаю. Плохо, но не понимаю. Мне необходимо конкретно уяснить себе значение материальной культуры в решении тех или иных вопросов истории народа. После обеда ездили изредка в пионерский лагерь. Зачем я туда ездил — не знаю. Пригласили — я и поехал. Но чудна и красива дорога и лишний раз полюбоваться Иссык-Кулем доставляет мне большую радость. Хорошо так!

9/VIII. Сегодня неплохой день! Удачно съемку закончили на опийном поле. Но это больше радость Игорю Николаевичу, чем мне.

Сегодня я беседовал снова с Хайбуллиным. Это было интересно и поэтому об этом потом запишу. А пока пора спать.

10/VIII. Сегодня можно, так сказать, сделать запись теоретического плана. Во-первых, вчерашний разговор с Хайбуллиным касался в конечном итоге вопроса социальной дифференциации киргиз до революции. У меня на руках есть статистические сведения киргиз Заукинской волости за 1913 г. Сведения касаются количества населения, скота, посевов, наемных рабочих, грамотности населения и т. д. Но дело в том, что эти сведения даны не по отдельным хозяйствам, а по группам хозяйств (10–15), объединенных под главенством одного аксакала. Принадлежность аксакала к ру не указана. Таким образом, необходимо определить родовую принадлежность каждого аксакала (все хозяйства, которые он объединяет — все из одного ру), далее определить, сколько аксакальств было в каждом ру, следовательно, сколько хозяйств ру и затем анализировать экономическую мощь каждого ру. Но этого мало, необходимо разобраться в социальной дифференциации внутри аксакальства, но это до сих пор вопрос. Для точности здесь необходимы архивные данные, а данные опроса дадут мало и сведения неточные.

¹⁶ Студентка МГУ И. Могилицева.

При помощи Хайбуллина удалось определить родовую принадлежность многих аксакальств, т. е. анализ экономической мощности ру в целом можно произвести довольно точно. Теперь таким образом вопрос в архивных данных, и я думаю, что в областном архиве найдутся кое-какие сведения и в соединении с данными перекрестного опроса позволят сделать анализ социальной дифференциации местных киргиз. Кроме того, труднее становится разобраться в административной структуре дореволюционных местных киргиз: согласно статистической таблице здесь были последовательно уезд, волость (Заукинская), волость на аулы (семь их по номерам), аулы слагались из аксакальств, которые объединяли 10–15 семей из одного ру. Так довольно стройно. А из запросов вырисовывается фигура еще старшины ру, который обладал фискальными полномочиями, и вообще ру и административная система внешне не совпадают. Этим надо будет заняться. Не ясен вопрос и территориального разделения пастбищ между ру: принцип этого деления, еще менее ясно разделение пастбищ внутри ру и соотношение пастбищно-кочевых групп с группами родовыми. Эти вопросы были, видимо, больше обычаями, закрепленными годами, чем законом освещенный порядок. Беседовал с Саулом Матвеевичем. В основном беседа касалась форм родоплеменной организации киргиз. Основная мысль в том, что родоплеменные организации киргиз непостоянны, и очертания их изменяются с передвижкой поколений. Особенно это легко можно проследить, чем более мелкую родовую группу мы берем. Сейчас, конечно, все традиции рушатся, и современное поколение забывает родовые деления, которые свято хранили их предки.

13/VIII. Прошедшее время, можно сказать, целиком ушло на подготовку к отъезду на Сырты.

14/VIII — уколы, сегодня оформлять ездил в Покровку разрешение на фотографирование.

В беседе со мной Саул Матвеевич посоветовал мне, чтобы получить более конкретные данные о родоплеменной организации киргиз, брать для изучения более мелкие родовые деления, т. н. семейно-родственные группы. На самом деле изучение таких групп может дать материал о брачных отношениях между ру, о соотношении земледелия и скотоводства внутри одной семейно-родственной группы, легче получить сведения о местах кочевок и занимаемых в разное время территориях, и т. д. Но для этого надо поудачнее выбрать семейно-родственную группу. Я вчера сделал такую поездку и описал семейно-родственную группу Саяка (4, 3, иногда 5 поколений). Хотя для указанных целей эта группа неинтересна, но с точки зрения классовой дифференциации, положения батраков до революции — эта группа очень интересна. Дело в том, что Саяк вместе с братьями, детьми — все были батраками у русского кулака в Покровке. Можно сказать, батрацкая семейно-родственная группа.

15/VIII. Но вот мы и на Сыртах. Выехали из Дарханов вечером 14/VIII, когда сумерки тяжело опустились на горы, берег и на помрачневшие волны озера. Было уже совсем темно, когда мы доехали до Барскауна, резко повернули от берега в сторону гор, и машина тяжело пошла на подъем, нарушая воем мотора и шумом царапающихся о камни колес ночную тишину Барскаунского ущелья. Только грохот, шипение и удары о камни разбивающихся на тысячи брызг волн горной реки изредка доносится до нас. А кругом темные силуэты горных громад давят темно-

ту, и наша машина, люди, сидящие на ней, мне кажутся маленькими, слабыми на фоне этой бесконечной, гигантской темноты.

Ночь над Тянь-Шанем красива, но красива не веселой и легкой красотой, как Иссык-Куль в солнечный день, а красива своей мрачностью, грозностью. Здесь все громадно — и скалы, и стройные тянь-шаньские ели, которые, словно соревнуясь по высоте с горами, тянутся куда-то ввысь. Только игрушечными кажутся деревянные мосты, перекинутые через бушующие горные потоки, и люди, упорно карабкающиеся к небесным вершинам гор.

Ночевали в Сары-Муйнаке¹⁷.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон С.М., Антипина К.И., Васильева Г.П., Махова Е.И., Сулайманов Д. 1958: Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан: колхоз имени К.Е. Ворошилова («Ала-Тоо») Покровского района Иссык-Кульской области Киргизской ССР. М.

Кузеев Р.Г. 2000: Вместо предисловия: интервью с Р.Г. Кузеевым // *Этносы и культуры на стыке Азии и Европы: сборник статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р.Г. Кузеева* / Ф.А. Шакурова (отв. ред.). Уфа, 5–20.

Решетов А.М. 2006: Слово о Раиле Гумеровиче Кузееве // *Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции* / А.Б. Юнусова (отв. ред.). Уфа, 5–8.

Решетов А.М. 2009: Раиль Гумерович Кузеев — батыр этнографической науки // *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева* / А.Б. Юнусова (отв. ред.). Уфа, 13–23.

R. KUZHEYEV'S FIELD DIARY OF PAMIR-FERGHANA EXPEDITION

I. V. Antonov

The article is concerned with R. Kuzeyev's field diary who was a member of Kirghiz party of 1952 Pamir-Ferghana Ethnographic Mission headed by S.M. Abramzon. He studied culture and household set-up of the population of Darkhan village, Pokrovsky district, Issyk-Kul region of Kirghiz SSR. The diary contains the record of his work, nature study of the region, population activity, material and spiritual culture, tribal order, and public life, with particular emphasis on life and household set-up phenomena common to Kirghiz, Kazakh, and Bashkir population. The expedition to Kirghizia honed R. Kuzeyev's skills in ethnographic field word, which contributed to his making a well-known scholar.

Key words: Kuzeyev Rail', Ethnographic Mission, Kirghizia, Kirghiz, Darkhan village, Issyk-Kul, Tien Shan.

¹⁷ На этом записи обрываются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	—	Архитектурное наследство. Москва
АРТ	—	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад; Душанбе
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь Керчь
БИАС	—	Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь
БС	—	Боспорский сборник. М.
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГАБО	—	Государственный архив Белгородской области
ГАВО	—	Государственный архив Воронежской области
ГАКО	—	Государственный архив Курганской области
ГАКО	—	Государственный архив Курской области
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	—	Государственный архив Свердловской области
ДБ	—	Древности Боспора. М.
ИАН ТССР. СОН	—	Известия Академии наук Туркменской советской социалистической республики. Серия общественных наук
ИЛ	—	Иностранная литература
ИМКУ	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИТТ	—	Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. Под редакцией С. Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А. Я. Якубовского. М.; Л., 1938.
МКТ	—	Материальная культура Таджикистана. Душанбе
МНМ	—	Мифы народов мира. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: 2000 (1980–1982).
МТЭ	—	Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент; Елец
МУ МГА	—	Муниципальное учреждение «Магнитогорский Городской архив»
НЛО	—	Новое литературное обозрение
ОГАОЧ	—	Объединенный государственный архив Челябинской области
ОНУ	—	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ОР БАН	—	Библиотека Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). Отдел рукописной и редкой книги
ОР ГИМ	—	Государственный Исторический музей (г. Москва). Отдел рукописей и старопечатных книг
ОР РГБ	—	Российская государственная библиотека (г. Москва). Отдел рукописей.
ОР РНБ	—	Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург). Отдел рукописей.
ПВХО	—	Противовоздушной химической обороны
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; Москва; Новосибирск
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
СА	—	Советская археология. М.
СВБ	—	Союз воинствующих безбожников
СЗРИ	—	Свод законов Российской Империи
ТГИМ	—	Труды государственного исторического музея. М.
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа. Л./ СПб.
ТОДРЛ	—	Труды Отдела древнерусской литературы
ХС	—	Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦДНПО	—	Центр документации новейшей истории Оренбургской области

ЦДООСО	— Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЭО	— Этнографическое обозрение
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
ANRW	— Aufstieg und Niedegang der romischen Welt. Berlin; New York.
AJPh	— American Journal of Philology. Baltimor.
BCH	— Bulletin de correspondance hellenique. Paris
BEFEO	— Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. [http://www.persee.fr/]. Paris
BKI	— Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië, uitgegeven door Het Koninklijk Instituut voor de Taal-, Land-en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië. [http://www.kitlv-journals.nl/index.php/btlv/] s'Gravenhage
BMM	— Bulletin of Miho Museum. Shigaraki
CAH	— Cambridge ancient history. Cambridge
CQ	— Classical quarterly. Oxford
CRAI	— Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes-rendus
CW	— Classical World. Pittsburgh
G&R	— Greece and Rome. Oxford
JRS	— Journal of Roman Studies. London
MDAFA	— Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan. Paris
RCRF	— Rei Cretariae Romanae Favtorvm
TBG	— Tijdschrift voor Indische Taal-, Land- en Volkenkunde uitgegeven door het Koninklijk Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Batavia

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ДРЕВНИЙ РИМ

<i>Фролов Р. М.</i> (Ярославль) — Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики	3
<i>Федина Ю. А.</i> (Магнитогорск) — Восточные союзники и amici Октавиана в гражданских войнах 40-30-х гг. до н.э.	18
<i>Данилов Е. С.</i> (Ярославль) — Рейнский поход Гая Калигулы	24

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

<i>Зубарев В. Г.</i> (Тула), <i>Шапцев М. С.</i> (Симферополь) — Краснолаковая керамика из раскопок городища «Белинское»	30
<i>Евдокимов Д. О.</i> (Москва) — Изменения в составе сельского населения Боспорского царства в первые века нашей эры	58

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

<i>Гаилов В. А., Кошеленко Г. А., Требелева Г. В.</i> (Москва) — О локализации городов Маргианы парфянского времени	65
<i>Тихонов Р. В.</i> (Елец) — Основные тенденции развития керамики Бактрии эллинистического периода	95

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Захаров А. О.</i> (Москва) — Династия Шайлендров в современной историографии	102
<i>Зиливинская Э. Д.</i> (Москва) — Медресе и Ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным)	129

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Вьюнник Е. П.</i> (Белгород) — Опекунство и попечители как субъекты правового функционализма в отношении детей-сирот в конце XIX в. (по материалам Центрального Черноземья)	152
<i>Стародубова О. Ю.</i> (Магнитогорск) — Брусиловский прорыв в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (на примере художественной литературы): образ внешнего врага	163
<i>Нечаев М. Г.</i> (Пермь) — Церковь на Урале в годы Первой мировой войны	174
<i>Рябова Т. С.</i> (Магнитогорск) — Патронирование, опека, усыновление в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовая база и региональные практики (на материалах Южного Урала)	187
<i>Колдомасов И. О.</i> (Магнитогорск) — Обмен печатной продукцией в рамках антигитлеровской коалиции как средство осуществления социокультурных контактов	196

<i>Фролова Н. С.</i> (Магнитогорск) — Образ Америки и американцев в советском кинематографе 1930-х гг. на примере фильма «Цирк».....	206
<i>Спасова Л. П.</i> (Магнитогорск) — Адаптация иностранных специалистов к реалиям советской жизни: опыт Магнитостроя	213
<i>Дорожкин А. Г.</i> (Магнитогорск) — Основные тенденции и результаты начального этапа чистки ВКП(б) в Магнитогорске (июль–сентябрь 1933 г.) на страницах «Магнитогорского рабочего»	223
<i>Макарова Н. Н.</i> (Магнитогорск) — Женский социум в Магнитогорске в 1930-е гг.	242

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Попова Т. Г.</i> (Северодвинск) — Преподобный Иоанн Синайский (штрихи к портрету).....	251
<i>Шацкий Е. О.</i> (Москва) — За что сожгли протопопа Аввакума?	258
<i>Красильникова М. В.</i> (Магнитогорск) — «Фауст» Ф. М. Клингера: эпические и драматические характеристики главных персонажей	268
<i>Макаричева Н. А.</i> (Санкт-Петербург) — Особенности любовного сюжета в романах Ф. М. Достоевского.....	274
<i>Макаричев Ф. В.</i> (Санкт-Петербург) — Стихия сумасбродства в художественном мире Достоевского	280
<i>Постникова Е. Г.</i> (Магнитогорск) — Мифосюжет об «Отце-тиране» и «Сыне-освободителе» в публицистическом дискурсе 1860-х гг. и роман М. Е. Салтыкова Щедрина «История одного города».....	290
<i>Жаткин Д. Н., Крехтунова Е. В.</i> (Пенза) — Д. Л. Михаловский — переводчик поэзии Томаса Гуда	298
<i>Петров В. Б.</i> (Магнитогорск) — Художественная историософия в прозе Михаила Булгакова	309
<i>Герасимова И. Ф.</i> (Рязань) — Национальные образы войны и мира в лирической поэзии XX века	316
<i>Гиляжева Г. З.</i> (Магнитогорск) — Осип Иванович Сенковский в оценке критиков и литературоведов	323
<i>Ягафарова Л. Т.</i> (Казань) — Переосмысление гендерных стереотипов в «женском» романе.....	334
<i>Мухина Е. А.</i> (Волгоград) — Концепт «город» в колымском тексте Варлама Шаламова	339

ЛИНГВИСТИКА

<i>Быкова Е. В.</i> (Санкт-Петербург) — Функция цитаты в модульном мемориальном тексте.....	344
<i>Нифонтова Д. Е.</i> (Санкт-Петербург) — Стратегии и тактики кооперативного диалога в ранненововерхненемецком языке (на материале фастнахтшпилей Ганса Сакса)	350

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

<i>Атнагулов И. Р.</i> (Магнитогорск) — Этнодемографическая характеристика населённых пунктов Нагайбакского района Челябинской области с 1842 по 1926 год.....	357
<i>Салмин А. К.</i> (Санкт-Петербург) — Каварская история чувашей.....	369
<i>Медведев В. В.</i> (Магнитогорск) — Кладбища и надмогильные сооружения некрещёных чувашей Башкортостана (по материалам исследования 2010 г.)	375
<i>Хуббитдинова Н. А.</i> (Уфа) — Фольклорные мотивы в турецкой и тюркско-башкирской письменной литературе средневековья	384
<i>Искандарова С. А.</i> (Уфа) — Особенности стихосложения в башкирской поэзии в первой трети XX века	389

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Смирнов А. С.</i> (Москва) — «Признать в Императорской Археологической комиссии правительственный центр»	395
<i>Антонов И. В.</i> (Уфа) — Полевой дневник Памиро-Ферганской экспедиции Раиля Гумеровича Кузеева.....	409

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND MIDDLE AGES

ANCIENT ROME

<i>Frolov R. M.</i> (Yaroslavl) — Types and Functions of Contiones at the Time of Roman Republic	3
<i>Fedina Yu. A.</i> (Magnitogorsk) — Eastern Allies and amici of Octavian in Civil Wars of the 40-30-s BC	18
<i>Danilov Ye. S.</i> (Yaroslavl) — The Rhine Campaign of Gaius Caligula	24

NORTHERN BLACK SEA REGION

<i>Zubarev V. G.</i> (Tula), <i>Shaptsev M. S.</i> (Simferopol) — Red-lacquer Ceramics from the Excavation of the Ancient Town site of Belinskoye	30
<i>Yevdokimov D. O.</i> (Moscow) — Change of Bosporan Kingdom Rural Population in the early centuries of A.D.....	58

ANCIENT ORIENT

<i>Gaibov V. A., Koshelenko G. A., Trebelyeva G. V.</i> (Moscow) — Localization of Margiana towns of Parthian Period	65
<i>Tikhonov R. V.</i> (Yelets) — Principal Trends in Bactrian Ceramics of the Hellenistic Period	95

THE MIDDLE AGES

<i>Zakharov A. O.</i> (Moscow) — Šailendras Dynasty in Contemporary Historiography.....	102
<i>Zilivinskaya E. D.</i> (Moscow) — Madrasah and Khanqah in the Golden Horde (based on written sources and Archeological Data)	129

HISTORY OF RUSSIA

<i>V'unik Ye. P.</i> (Belgorod) — Guardians and Trustees as Legal Functionalism Subjects in Regard to Orphan Children in the late 19 th century (based on Central Black Earth Region Data)	152
<i>Starodubova O. Yu.</i> (Magnitogorsk) — Brusilov Breakthrough in the Soviet Propaganda of the Great Patriotic War Period: the Image of an External Enemy (based on fiction).....	163
<i>Nechayev M. G.</i> (Perm) — Church in the Urals during World War I.....	174
<i>Ryabova T. S.</i> (Magnitogorsk) — Patronage, Trusteeship, Adoption during the Great Patriotic War: Legal Norm Basis and Regional Practice (based on South Urals Material)	187
<i>Koldomasov I. O.</i> (Magnitogorsk) — Printed Matter Exchange within the Framework of Anti-Hitler Coalition as a Means of Sociocultural Contacts.....	196
<i>Frolova N. S.</i> (Magnitogorsk) — The Image of America and Americans in the Soviet Cinema of the 1930-s (based of the Film "The Circus")	206
<i>Spasova L. P.</i> (Magnitogorsk) — Foreign Specialists Adaptation to the Soviet Life Reality (based on Magnitostroy Experience).....	213
<i>Dorozhkin A. G.</i> (Magnitogorsk) — "The Magnitogorsky Rabochiy" on Principal Trends and Results of the Initial Stage of CPSU (Bolshevik) Purge (July-September of 1933).	223
<i>Makarova N. N.</i> (Magnitogorsk) — Magnitogorsk Female Population of the 1930-s.....	242

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

<i>Popova T. G.</i> (Severodvinsk) — The Reverend St. John of the Ladder (a character sketch)	251
<i>Shatsky Ye. O.</i> (Moscow) — Why did They Burn Protopope Avaakum?.....	258
<i>Krasilnikova M. V.</i> (Magnitogorsk) — Epic and Drama Characteristics of Protagonists of F. M. Klinger's "Faust"	268
<i>Makaricheva N. A.</i> (St.-Petersburg) — Peculiarities of Romance Subject Matter in F. Dostoyevsky's Novels	274
<i>Makarichev F. V.</i> (St.-Petersburg) — Extravagant Element in Dostoyevsky's Artistic World.....	280

<i>Postnikova Ye. G.</i> (Magnitogorsk) — Mythoplot of Tyrant of a Father and Liberator of a Son In Publicist Discourse of the 1860-s and Saltykov-Shchedrin's Novel "A Town's Story"	290
<i>Zhatkin D. N., Krekhtunova E. V.</i> (Penza) — D.L. Mikhailovskiy as an interpreter of Thomas Hood poetry	298
<i>Petrov V.B.</i> (Magnitogorsk) — Artistic Historiosophy in the Prose of Mikhail Bulgakov ...	309
<i>Gerasimova I. F.</i> (Ryazan) — National Images of War and Peace in the Lyrical Poetry of the 20 th century	316
<i>Gilyazheva G. Z.</i> (Magnitogorsk) — Critique and Literary Critic Assessment of O. I. Senkovsky	323
<i>Yagafarova L. T.</i> (Kazan) — Gender Stereotype Modification in a "Female" Novel	334
<i>Mukhina Ye. A.</i> (Volgograd) — Concept 'City' in Varlam Shalamov's Kolyma Text	339

LINGUISTICS

<i>Bykova Ye. V.</i> (St.-Petersburg) — Quotation Function in a Module Memorial Text	344
<i>Nifontova D. Ye.</i> (St.-Petersburg) — Strategy and Tactics of Cooperative Dialogue in OHG (Based on Hans Sachs's Fastnachtspille)	350

CULTURE

ETHNOLOGY

<i>Atnagulov I. R.</i> (Magnitogorsk) — Ethno-Demographic Characteristics of Settlements of Nagaibak District, Chelyabinskaya Oblast from 1842 to 1926	357
<i>Salmin A. K.</i> (St.-Petersburg) — Kavar Background of Chuvash	369
<i>Medvedyev V. V.</i> (Magnitogorsk) — Cementaries and Grave Memorials of Non-Baptized Chuvash in Bashkortostan (2010 Field Season)	375
<i>Khubbitdinova N. A.</i> (Ufa) — Folklore Motifs in Turkish and Turk-Bashkir Mediaeval Literature	384
<i>Iskandarova S. A.</i> (Ufa) — Bashkir Versification Peculiarities before the 30-s of the 20 th century	389

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Smirnov A. S.</i> (Moscow) — "To Recognize the Imperial Archeological Commission as a Governmental Center"	395
<i>Antonov I. V.</i> (Ufa) — R. Kuzeyev's Field Diary of Pamir-Ferghana Expedition	409

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис.2; 1972b, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2(32). 2011

Сдано в набор 29.04.2011. Подписано в печать 20.06.2011.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.